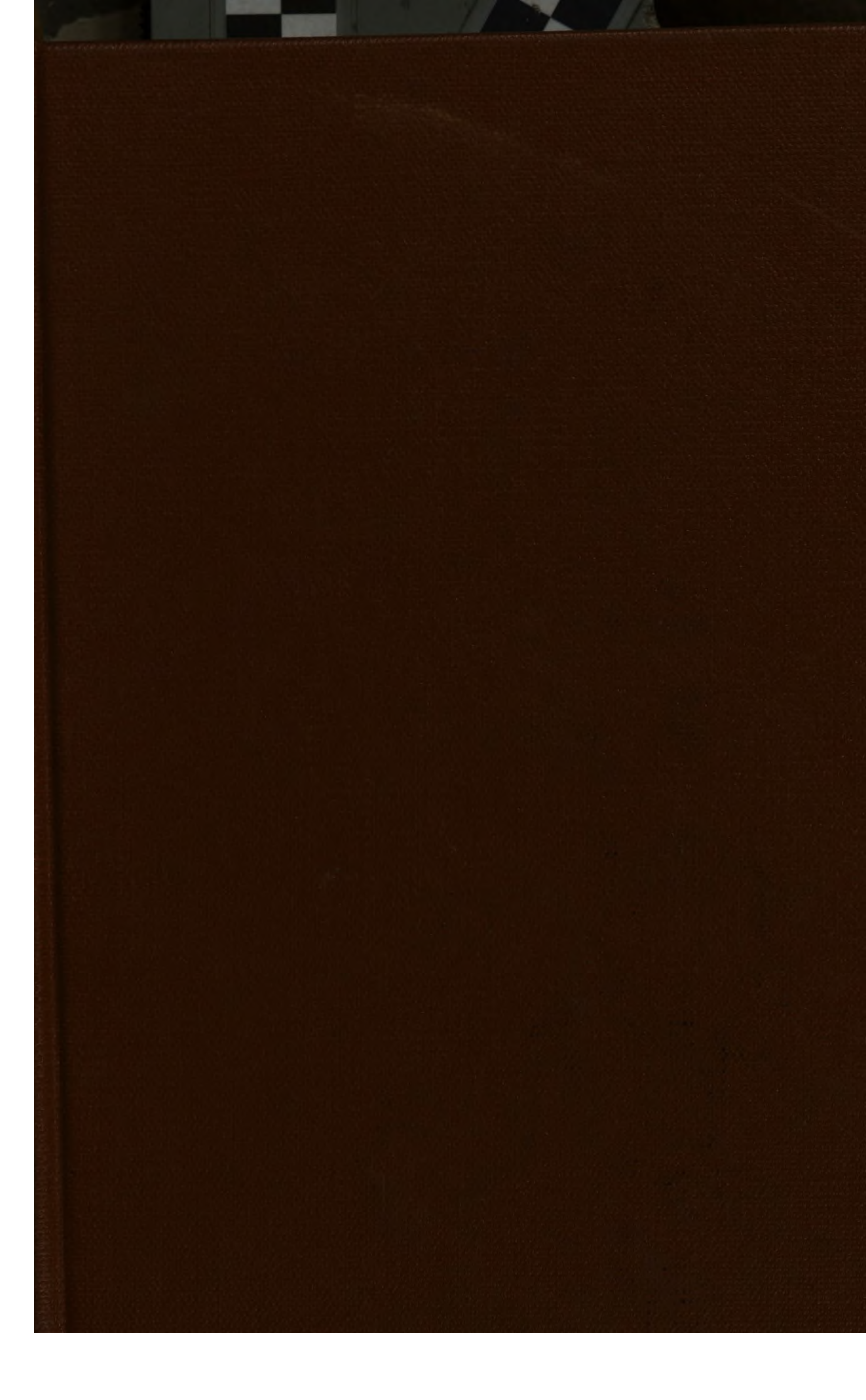

АВГУСТЪ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

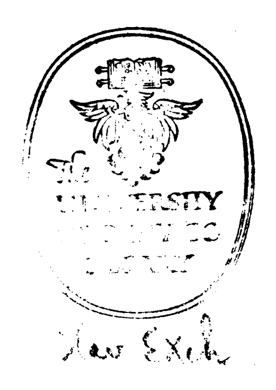
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 24-го августа 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „**Русскаго Богатства**“, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

МЫТАРСТВА.

(Очерки Московскаго работнаго дома).

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!..

I.

Какъ и почему случилось это со мной, — читателю знать не интересно. Достаточно сказать, что я очутился въ Москвѣ безъ мѣста, безъ гроша денегъ, безъ знакомствъ и въ короткое время дошелъ до положенія совершенно отчаяннаго.

Какъ-то разъ, въ одинъ особенно тяжелый для меня день, попалъ я, у Преображенской заставы, въ извѣстный среди бѣднаго люда трактиръ, подъ названіемъ „нищенскій“, и здѣсь пропилъ съ себя всю одежду...

Проснувшись утромъ въ какой-то подвальной трущобѣ, на полу, около двери, я съ ужасомъ увидалъ, что на мнѣ, вмѣсто моего, сравнительно порядочнаго одѣянія, надѣто что-то до того грязное и рваное, что въ немъ не только показаться къ знакомымъ, но и выйти днемъ на улицу нельзя... Въ головахъ, вмѣсто моей хорошей шапки, лежалъ на полу какой-то рыжій блинообразный картузъ... Я поднялъ его и подъ нимъ нашелъ свой паспортъ, завернутый въ синюю бумагу, и десять копѣекъ денегъ...

— Это тебѣ, другъ, на похмѣлье видно оставили,—сказалъ мнѣ лежавшій неподалеку отъ меня и наблюдавшій за мною старикъ,—кривой, рыжій и худой, какъ сушеный судакъ.— Говори слава Богу, что видъ цѣлъ!..

— Что-жъ теперь дѣлать?!.—воскликнулъ я невольно.

Старикъ засмѣялся, поднялся съ рогожки, на которой спалъ, сѣлъ, поджавъ ноги калачикомъ, свернулъ покурить, затянулся раза три-четыре, передалъ окурокъ мнѣ и сказалъ:

— Нако-сь, хвати... Чай, съ похмѣлья-то башка трещитъ... Ну, съ кѣмъ грѣха не бывало... А дѣлать тебѣ больше не-

чего, только выпить надо перво-на-перво, вотъ что, а тамъ увидимъ.

— Выпить? — удивился я, — на что-жъ выпить-то... Гдѣ деньги?..

— Найдемъ!.. Давайка-сь гривну-то... я добавлю... закусить принесу... выпьемъ, закусимъ, дѣло-то, глядишь, и обойдется... Чего тутъ!.. Эво-ся!.. Я самъ, братъ, не одинъ разъ на этомъ конѣ ѣзжалъ... Наплевать!..

Я отдалъ ему послѣдній гривенникъ. Онъ, весело ухмыляясь, ушелъ куда-то и скоро возвратился назадъ, неся сороковку водки и какихъ-то „обрѣзковъ“ на закуску.

— Теперича дѣло пойдетъ,—сказалъ онъ.—Мальё!.. Гляди, на пятакъ какихъ обрѣзковъ раздобылся—сливки!.. Хлѣбушка въ булочной подстрѣлилъ... Ничего, живетъ!.. Выпьемъ, закусимъ, ну, тогда—приходи, кума, любоваться!.. Такъ-то, другъ ситный!.. Ха, ха, ха!.. Тебя какъ звать-то?.. Женатый?..

— Женатъ.

— Еще того чище!.. Небось дѣти?

— Двое...

— Ловко! Хо, хо, хо!.. Приходи, кума, любоваться!.. Н-н-да!.. Слабы мы...

Онъ сходилъ куда-то, принесъ стаканъ, налилъ въ него водки и далъ мнѣ.

— Пей!..

— Много...

— Лакай!.. елка зеленая... много!.. Говори слава Богу,— на меня напалъ. Видалъ я вечо́ръ, какъ тебя обдѣлывали, жалко стало... простъ ты... Я самъ такой!.. Пей, пей!.. Отдеретъ отъ сердца-то...

Я выпилъ и вскорѣ почувствовалъ, что у меня дѣйствительно какъ будто „отдираетъ“ отъ сердца... Стало легче... Положеніе перестало казаться такимъ ужаснымъ, какъ трезвому...

Мы разговорились... Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, полную бѣдствій, пьянства, грязи и всевозможныхъ безобразій. Чего только не перенесъ этотъ человѣкъ!.. Былъ онъ и въ тюрьмѣ, ходилъ разъ десять этапомъ на родину, въ Костромскую губернію, былъ несчетное число разъ битъ, видалъ и холодъ, и голодъ...

— Самая, тоись, послѣдняя, паршивая собака,—говорилъ онъ,—краше мово живетъ... И нѣтъ у меня никого... Одинъ... Издохну — никто „царство небесное“ не скажетъ... О-хо-хо!.. Да!..

Онъ захмѣлѣлъ и сталъ плакаться на свою долю... Мнѣ это надоѣло, и я хотѣлъ было идти, но онъ не пустилъ меня.

— Куда ты пойдешь?.. Погоди до вечера, пойдемъ вмѣстѣ

на Хиву *), тамъ ночуемъ у Ляпина... Бульонки купимъ... Ѣдалъ бульонку-то когда?.. Нѣтъ?.. Попробуешь... Штука первый сортъ и не́дорого.—А завтра... Завтра у насъ что, — какой день?

— Вторникъ.

— Вторникъ... Вотъ и ладно... Завтра, значитъ, иди ты, научу я тебя, въ Юсуповъ работный домъ... Тамъ по вторникамъ да по пятницамъ пріемъ...

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ?.. Чудакъ!.. Куда-жъ тебѣ, акромя этого дома, идти?... Останешься тамъ, заработаешь денегъ... Одежонку кое-какую справишь, тогда и айда домой, въ деревню... Приходи, кума, любоваться... Такъ-то!..

— Да неужели это правда? — воскликнулъ я. — И меня примутъ?..

- Извѣстно, примутъ... Отчего не принять?.. Я тамъ разъ шесть былъ... Примутъ! Одежу тебѣ дадутъ казенную... Харчи... Двадцать монетъ за день плата...

— Да ну?!.

— Вѣрно... Ты мастеровой, что-ли?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ... Ну, въ чернорабочіе запишутъ... Все едино... Поживешь мѣсяцевъ пять, забьешь копѣйку, тогда и вонъ... Ну, и того... Приходи, кума, любоваться!.. Не тужи, братъ, все, глядишь, перемелется—мука будетъ... Такъ-то!.. О-хо-хо! Да!..

Я обрадовался... Мысль попасть въ тепло, заработать кое-что, чтобы одѣться и уѣхать домой въ деревню, развеселила и ободрила меня...

— Слава Богу,—подумалъ я,—еще есть, значитъ, исходъ изъ этого ужаснаго положенія! — Такъ, значитъ, завтра?— спросилъ я.

— Завтра... Пораньше... Часиковъ въ семь... Ночуемъ на Хивѣ... Утречкомъ попьемъ чайку, я тебя и налажу...

— На чаекъ-то денегъ нѣтъ.

— Найдемъ!.. Да вотъ что, другъ: на тебѣ, я гляжу, рубаха-то новая. На кой она тебѣ пёсъ!.. Тамъ казенную дадутъ... Чайку бы сичасъ попили съ лимончикомъ, а?..

— Что-жъ мнѣ голому быть?..

— Зачѣмъ голому?.. Сдѣлаемъ смѣнку! Замѣсто этой другую получишь, да, окромя того, копѣекъ двадцать придачи... Чего ужъ тутъ — проживали ворохами, не наживешь крохами... Не рубаха тебя нажила, а ты ее... Айда, значитъ!.. Все одно вѣдь, до завтра жить надо... Пить-ѣсть захочешь... Стрѣлять не умѣешь... Замѣтятъ... Вляпаешься... Елка зеле-

*) «Хива»—извѣстный Хитровъ рынокъ.

ная!.. Тутъ и думать нечего... Дѣло само показываетъ, какъ быть... Идемъ!..

II.

Въ трактирѣ онъ живо подыскалъ охотника на мою рубашку. Мнѣ дали „смѣнку“ такую, что страшно было смотрѣть, и, кромѣ того, четвертакъ денегъ...

Къ этимъ деньгамъ старикъ прибавилъ свой гривенникъ, а парень, купившій рубашку, двугривенный, и вся эта сумма была живо и торжественно, не смотря на мой протестъ, пропита нами...

До вечера еще было далеко, а сидѣть въ трактирѣ за пустымъ столомъ не полагалось. На улицу идти—холодно... Положеніе опять казалось безвыходнымъ... Но, видно, мой новый благопріятель старикъ былъ тертый калачъ, видавшій на своему вѣку виды...

— Вотъ что, другъ, - обратился онъ къ парню, купившему мою рубашку.—На кой она тебѣ песъ, рубаха-то?.. Давай-ка ее махнемъ, а?.. Сичасъ бы, понимаешь, чайку попили съ лимончикомъ, а?.. Ты кто такой?.. Мастеровой?.. Безъ мѣста, что-ли?

— Безъ мѣста.

— Видать... Вотъ и онъ тоже, —указалъ онъ на меня,— безъ дѣловъ... Да я нашелъ ему мѣсто... Въ Юсуповъ работный домъ... Завтра пойдетъ, поступитъ... О-хо-хо!.. Приходи кума любоваться!.. Вотъ тебѣ бы тоже туда... Одежа тамъ казенная... Харчи важные... Кашей кормятъ... По двугривенному за день плата... Сметана, сичасъ провалиться, а не жизнь!.. Сымай рубашку-то. Я ее сичасъ копѣекъ за сорокъ махну, а тебѣ надѣть свою дамъ... Вотъ эту, гляди...

— А самъ-то?

— А мнѣ не нужно... Я такъ, безъ рубахи... Вишь, на мнѣ пиджакъ надѣтъ... Зашпилю у горла булавкой и ладно... Приходи, кума, любоваться!.. Сымай, чего тутъ волынку-то тянуть!..

Подвыпившій малый, не долго думая, согласился... Старикъ живехонько сдернулъ съ себя свою грязную и драную рубашенку и всучилъ ему... Малый переодѣлся... Старикъ „зашпилилъ“ воротъ пиджака булавкой такъ, что совсѣмъ не было замѣтно, что подъ пиджакомъ нѣтъ ничего, и, посмѣиваясь, ушелъ продавать рубашку...

Онъ возвратился скоро и принесъ денегъ... Заказали чаю, взяли „стюдьню“ и „сорокоушку“ водки... Я не сталъ пить... Они вдвоемъ живо осушили ее и, оба сильно захмѣлѣвъ, пустились разсказывать одинъ другому, поминутно ругаясь

скверными словами, свои похожденія и мытарства... Въ концѣ концовъ, малому захотѣлось еще выпить...

— Чекалдыкнуть бы еще по махонькой! — предложилъ онъ.—Да не за большимъ дѣло: денегъ нѣтъ!..

Старикъ, казалось, какъ будто только этого и ждалъ.

— Какъ такъ нѣтъ денегъ?!.—радостно воскликнулъ онъ.— Что ты, другъ... Денегъ нѣтъ?!. А это что?.. — Онъ дернулъ малаго за рукавъ поддевки. — Нѣшто это не деньги?!. Ахъ ты, голова!.. Чудакъ, сичасъ провалиться!.. Денегъ нѣтъ!.. Да вѣдь мы сами деньги...

— Ну, братъ, поддевку нельзя!—сказалъ малый.—Главная причина: на мнѣ пиджака нѣтъ, одна жилетка.

— А на кой-те песъ пиджакъ-то?—воскликнулъ старикъ.— Въ жилеткѣ проходишь!.. Любезное дѣло... Приходи, кума, любоваться!.. Есть объ чемъ толковать!.. Наплевать на пиджакъ!.. Жилетка есть — говори слава Богу... Живы будемъ, акапируемся... Сичасъ бы, понимаешь, выпили сотку на двоихъ, да и айда на Хиву... Тамъ переночуемъ, а утромъ прямо на вѣрное дѣло, на работу.

— Не знаю ужъ, какъ и быть?—задумчиво произнесъ малый, оглядывая свою поддевку, — совѣстно въ одной-то жилеткѣ... Кабы лѣто...

— Если бы, да кабы,—передразнилъ его старикъ. — Ишь, какой господинъ! Кто тебя здѣсь знаетъ-то? Говорю: завтра васъ обоихъ на вѣрное дѣло приставлю. Значитъ, толковать нечего!.. А поддевка ничего, — продолжалъ онъ, ощупывая ее,—важная... За два съ полтиной съ руками оторвутъ...

— Она не два съ полтиной мнѣ встала,—сказалъ малый,— много дороже... Работа домашняя, прочная...

— Ахъ, другъ, мало-ли что она тебѣ встала... Да здѣсь, самъ знаешь, — Москва... Цѣны такой не дадутъ... Говори слава Богу, коли два съ полтиной получишь... А не хошь цѣлковый?.. Я самъ намедни пальто за рубль за двадцать отдалъ, а оно, кому не надо, три стоитъ... На все, землякъ, время... Н-н-да!..

— Такъ-то такъ, а всетаки...

— Чего всетаки?.. Да будетъ тебѣ дурака-то ломать... Чай, не махонькой... Поддевки, что-ли, не видалъ?.. Чай, живы будемъ не такого дерьма наживемъ... Брось... Все, другъ, что сегодня есть, то и наше, а завтра, что Господь дастъ... Такъ-то...

— Ну, ладно! - согласился малый и махнулъ рукой,—гдѣ наше не пропадало! Вали... На, примай!..

Онъ скинулъ поддевку и, не глядя, кинулъ ее старику. Тотъ ловко подхватилъ ее на руки и сейчасъ же, очевидно, боясь, чтобы малый не раздумалъ, исчезъ куда-то.

Мы остались вдвоемъ. Прошло около часа. Старикъ не шелъ... Малый сталъ безпокоиться.

— Уйдетъ, старый чортъ, съ поддевкой-то... Ищи его... Дернула меня нелегкая...

— Придетъ!—утѣшалъ его я.

— А ты его знаешь?

— Какъ тебя...

Стали ждать... Прошло часа полтора... Малый сталъ совсѣмъ отчаяваться... Онъ чуть не плакалъ... Хмѣль съ него сошелъ совсѣмъ... Какъ вдругъ, около стола, совсѣмъ неожиданно, точно изъ-подъ земли, появился старикъ.

— Вотъ и я!—воскликнулъ онъ и ударилъ рукой по карману, гдѣ забренчали деньги,—вотъ они, денежки-то — грызутся... Въ Гавриковомъ продалъ за два семьдесятъ пять монетъ... А вы, чай, думали, не приду... Небось, я не такой человѣкъ!.. Я свое отдамъ послѣднее... На, землякъ, получай!.. Соточку, значитъ, сичасъ дерганемъ, да и маршъ на Хиву... Лучше тамъ выпьемъ... Тамъ просторнѣе нашему брату... За ночлегъ платить не будемъ... Даромъ ночуемъ въ Ляпиномъ... Такъ-то вотъ, елка зеленая!.. Ха, ха, ха!.. А ты толковалъ: жалко... Приходи теперь, кума, любоваться!..

— Чего ужъ сотку лизать, давай сорокоушку, — предложилъ малый, пряча въ карманъ жилетки деньги, — много-ль въ соткѣ кишковъ-то...

— О?!. А и правда твоя... Ну,—такъ, такъ, такъ!.. Давай сороковку... Эй, родной, подай-ко намъ половиночку...

Половой подалъ водки. Мы,—на этотъ разъ и я,—выпили ее и, отдавъ деньги, отправились на Хиву.

III.

Отъ Преображенской заставы до Хитрова рынка конецъ не малый... На улицѣ было холодно... морозъ градусовъ въ двадцать... Мы въ нашихъ майскихъ костюмахъ не шли, а летѣли... Старикъ избѣгалъ людныхъ улицъ и велъ насъ какими-то переулками, обходя по возможности городовыхъ и зорко слѣдя за тѣмъ, нѣтъ ли гдѣ околоточнаго или, какъ онъ выражался, „антихриста"...

— Увидитъ,—говорилъ онъ,—замететъ, проклятый, всѣхъ троихъ, какъ пить дастъ!.. „Пожалуйте, господа, на фатеру... Для васъ готова-съ"... Приходи, кума, любоваться!.. Меня намедни совсѣмъ было одинъ замелъ въ Зарядьѣ... Удралъ, слава Богу... Есть изъ ихняго брата собаки... А то есть и ничего... Въ Крещенье меня одинъ остановилъ на Пятницкой... „Ты, говоритъ, что?"—„Ничего, говорю, ваше высокоблагородіе".

„Видъ, говоритъ, есть“? „Есть, говорю, ваше сіятельство“... А какой чортъ есть—нѣту! „Просишь, говоритъ, нищенствуешь“?.. „Такъ точно, говорю, ваше-ся, потому зрѣніемъ отъ Господа обиженъ и опять грыжа... Страдаю грыжей... Заставьте за себя вѣчно Богу молить—подайте на ночлегъ“!.. Ничего не сказалъ, полѣзъ въ штаны, досталъ двугривенный. „На, говоритъ, чертова голова, только уходи, пока цѣлъ“... Ну, думаю, ладно... съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ...

Пришли мы на Хитровъ въ сумерки... Среди площади, подъ огромнымъ шатромъ, толкалось еще много народу... Старикъ сейчасъ-же купилъ „бульонки“ и повелъ насъ въ трактиръ.

— Ужъ и бульонка,—говорилъ онъ дорогой,—языкъ проглотишь... скусъ... запахъ... князьямъ ѣсть, а не нашему брату, стрѣлку вѣчному...

„Бульонка“, которой онъ такъ восхищался и которая пріобрѣла на Хивѣ обширную извѣстность и права гражданства, благодаря своей дешевизнѣ, представляетъ вотъ что: всевозможные отбросы изъ мяса и косточекъ, выбрасываемыхъ по трактирамъ, ресторанамъ, харчевнямъ, какъ вещи никуда не годныя,—подбираютъ, рубятъ въ общую массу, поджариваютъ, пускаютъ „духовъ“ въ видѣ перца и лавроваго листа, и „бульонка“ готова.

Трактиръ, въ который мы пришли, былъ, какъ и всѣ трактиры на Хивѣ, грязный, вонючій, переполненный золоторотцами...

Крикъ, шумъ, отборныя ругательства неслись со всѣхъ сторонъ... Дымъ махорки ѣлъ глаза... лампы горѣли, какъ будто окруженныя туманомъ... Люди—оборванные, грязные, испитые, страшные, пили, ѣли, ругались, бѣгали, кружились, какъ будто въ какомъ-то водоворотѣ...

Мнѣ стало жутко... Тоска, какъ клещами, сдавила сердце.

— Бѣжать отсюда!.. Но куда? Куда въ такомъ костюмѣ?.. Кому я нуженъ?..

Я съ отчаяніемъ и съ какой-то злобой принялся пить купленную старикомъ водку, думая заглушить этимъ боль сердца...

Съ каждымъ стаканомъ въ головѣ у меня мутилось все больше и больше... Передъ глазами мелькали какіе-то разноцвѣтно-яркіе кружочки, часто, часто, до боли... въ вискахъ стучало... Сердце готово было выпрыгнуть вонъ... къ горлу подступали и душили непрошенныя слезы...

Опомнился я и нѣсколько пришелъ въ себя только уже на свѣжемъ воздухѣ, когда мы, вмѣстѣ съ другими людьми, шли по улицѣ въ гору, мимо части, къ Ляпинскому ночлежному дому...

IV.

У подъѣзда этого дома, подъ навѣсомъ и дальше по тротуару, по порядку, „въ затылокъ“ стояла толпа человѣкъ въ 500, ожидая, когда отворятся двери...

Мы остановились въ хвостѣ этой ленты и стали ждать...

Пронзительно-жгучій морозный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо и пронизывалъ до костей... Люди жались другъ къ другу, корчились, топотали ногами, ругались, проклиная тѣхъ, кто такъ долго не отворяетъ дверей...

Такъ пришлось стоять около часа... Весь хмѣль слетѣлъ съ меня... Я положительно замерзалъ... Все тѣло тряслось, какъ въ лихорадкѣ... Зубы выколачивали дробь... Малый въ жилеткѣ, стоявшій впереди меня, скорчился въ дугу и, какъ мнѣ казалось, тихонько плакалъ... Стоявшій позади старикъ кряхтѣлъ и ругалъ какого-то племянника скверными словами...

Наконецъ, двери отперли... Толпа зашумѣла, и, толкаясь, хлынула туда, какъ лавина... Вмѣстѣ съ другими я очутился въ огромной полутемной „камерѣ“... Двойныя нары занимали ее всю, оставляя узкіе проходы около стѣнъ и посрединѣ... Черный, сводчатый потолокъ мрачно висѣлъ надъ головами, придавая необычайно угрюмый и дикій видъ всей обстановкѣ...

Необыкновенно гулкій, какой-то странный, хаотическій шумъ и гамъ несся со всѣхъ сторонъ... Мнѣ слышались въ этомъ шумѣ звуки музыки, лай собакъ, звонъ, смѣхъ, плачъ, отрывистые возгласы и ругательства, отдаленные крики, шарканье множества ногъ по чугунному полу...

Дверь, безпрестанно визжа и хлопая, отворялась, впуская все новыхъ и новыхъ ночлежниковъ... Люди испитые, полуодѣтые, молодые, старые и совсѣмъ дѣти, ругаясь, толкаясь, крича, спѣшили занять мѣста на нарахъ. Что-то страшное, звѣриное было въ этой общей свалкѣ за обладаніе мѣстомъ... Вскорѣ всѣ мѣста на нарахъ были заняты, а люди все шли и шли... Стали ложиться на полу, въ проходахъ, полѣзли подъ нары... Крикъ и гамъ усиливался съ каждой минутой и, наконецъ, слился во что-то хаотически-страшное...

Двери заперли, наконецъ, и не стали больше пускать... Да и некуда было пускать, такъ какъ вездѣ, гдѣ можно было приткнуться и лечь, все было занято...

Воздухъ сталъ удушливо-тяжелъ... Лампа едва горѣла, окруженная туманомъ... Всюду: на нарахъ, на полу, подъ нарами, вспыхивали огоньки папиросъ... Курили махорку, и

дымъ этотъ, разъѣдающій глаза, сплошной, удушливой волной плавалъ по „камерѣ“...

Пораженный всѣмъ этимъ, я сидѣлъ и думалъ, что вижу все это не на яву, а во снѣ... До того странна, дика, безобразно-ужасна казалась мнѣ вся эта, невиданная мною до сихъ поръ, картина человѣческаго униженія.

Нары были раздѣлены, какъ лошадиныя стойла, желѣзными переборками, такъ что, когда я легъ, то голова и половина туловища скрылись въ этомъ стойлѣ, другая же часть тѣла оказалась наружи...

Я легъ навзничъ, положивъ голову на покатую желѣзную подушку, похожую на монастырское „возглавье“, и сталъ слушать...

Волна общаго, сплошного гудящаго шума мало-по-малу начала стихать... Стали слышны отдѣльные разговоры, смѣхъ, ругательства, вскрикиванья...

Мнѣ захотѣлось покурить... Я сѣлъ въ своемъ стойлѣ и заглянулъ въ другое, черезъ переборку, налѣво. Тамъ лежалъ на спинѣ, закинувъ руки за голову, костлявый, сухой мужчина... Его тонкія, длинныя руки были голы... Грубая, сѣрая, рваная рубаха висѣла клочьями... Очевидно, его сильно донимали насѣкомыя, потому что онъ ерзалъ какъ-то всѣмъ тѣломъ по нарамъ и сильно, точно опоенная лошадь, хрипѣлъ, тяжелымъ астматическимъ хрипѣніемъ... Я глядѣлъ на него, и онъ тоже, съ своей стороны, уставился на меня широко открытыми, мутными, страшными глазами... Потомъ поднялъ руку, прохрипѣлъ что-то и вдругъ страшно и дико закричалъ, забился всѣмъ тѣломъ, какъ подстрѣленная птица, въ припадкѣ падучей болѣзни...

Ужасъ охватилъ меня... Я хотѣлъ вскочить и бѣжать, но не могъ... точно меня кто приковалъ къ мѣсту... Бѣлая пѣна клочьями показалась изъ его рта... Онъ страшно хрипѣлъ и бился... Лицо у него сдѣлалось черно-багровое и какое-то невыразимо ужасное...

— Ишь его черти схватываютъ!..—услыхалъ я вдругъ позади себя голосъ и, оглянувшись, увидалъ молодого, лѣтъ 17-ти мальчишку съ отталкивающе-нахальнымъ лицомъ и съ папиросой въ зубахъ...—Нажрется винища-то, дьяволъ! Ткни ему въ морду-то!.. Покою отъ него нѣтъ...

Онъ перегнулся черезъ перегородку и, схвативъ больного за волосы рукой, дернулъ въ сторону такъ, что голова стукнулась о перегородку.—Песъ поганый... дьяволъ!—добавилъ онъ злобно.—Убью, какъ собаку...

Меня какъ будто что-то рѣзануло по сердцу... Я отвернулся и упалъ ничкомъ въ свое стойло. Слезы подступили и сдавили горло... Расшатанные всѣмъ предыдущимъ нервы

не выдержали... Не помня себя, я вдругъ заплакалъ, какъ баба, горькими, мучительными слезами...

V.

Оглушительный звонокъ разбудилъ меня утромъ... Я вскочилъ и долго не могъ сообразить, гдѣ нахожусь. Было еще совсѣмъ темно... Ночлежники, точно привидѣнія, нехотя поднимались съ своихъ логовищей и шли въ двери... Я слѣдилъ за выходящими, надѣясь увидать вчерашняго старика, но его не было... Вскорѣ раздался второй звонокъ, и кто-то пронзительно громко закричалъ: „Эй! вонъ отсюда всѣ! живо!..“ Толпа хлынула въ двери, и я вмѣстѣ съ нею очутился на улицѣ...

На улицѣ было темно... Тускло и печально мерцали фонари... Подъ ногами трещалъ снѣгъ, и пронзительно дулъ холодный вѣтеръ. Вышедшіе изъ ночлежнаго дома люди завертывались въ свои рубища и, какъ-то особенно жалко скорчившись, точно голодныя, забитыя собаки, разбѣгались въ разныя стороны.

Пробѣжавъ вмѣстѣ съ другими до Яузскаго бульвара, я остановился на углу, не зная куда идти... Все тѣло дрожало мелкой и частой дрожью. Морозъ выжималъ на глазахъ слезы, сердце мучительно ныло и плакало...

— Куда идти?.. Господи, что теперь дѣлать?—съ отчаяньемъ шепталъ я.—Погибъ, погибъ... А дома?.. Что теперь дома?.. что теперь дома? Жена, небось, ждетъ извѣстій... дѣти...

— Чего тутъ торчишь?!.. п-п-шелъ къ чорту!—раздался вдругъ позади меня грубый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ я почувствовалъ ударъ въ спину, такъ что чуть было не упалъ. Обернувшись, я увидалъ городового. Онъ какъ-то злобно скалилъ зубы, намѣреваясь ударить меня еще разъ.—Пшелъ!—опять крикнулъ онъ.—Убью!..

Не дожидаясь повтореній, я отскочилъ отъ него и побѣжалъ налѣво, вверхъ по бульвару, глотая слезы и корчась отъ холода, самъ не зная куда и зачѣмъ бѣгу.

Пробѣжавъ бульваромъ, я свернулъ въ переулокъ и наткнулся прямо на дворника, сметавшаго съ панели снѣгъ. Онъ взмахнулъ метлой и ударилъ меня по ногамъ. Я упалъ въ кучу снѣга, такъ что руки мои по локоть ушли въ него. Увидя это, онъ громко „заржалъ“ отъ удовольствія. Я поднялся и, сдерживая слезы, спросилъ его:—За что ты меня ударилъ?

— Проходи, проходи! разговаривай тутъ!—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.—Вотъ я те еще трахну... сволочь!.. золотая

рота!.. Куда бѣжишь-то? Небось, норовишь цопнуть что ни на есть...

— Гдѣ Юсуповъ работный домъ?—задыхаясь отъ слезъ и трясясь отъ холода, спросилъ я.

Дворникъ подошелъ ко мнѣ вплотную и заглянулъ въ лицо.

— А зачѣмъ тебѣ этотъ домъ?—спросилъ онъ какимъ-то совсѣмъ другимъ голосомъ и, поставя метлу къ фонарному столбу, сталъ свертывать папиросу. Я объяснилъ.

— А это, другъ мой, будетъ у Красныхъ воротъ въ Харитоньевскомъ переулкѣ... Вотъ здѣсь ступай, направо... не далеко... Да теперича еще туда рано.—Онъ помолчалъ, затянулся и спросилъ, глядя мнѣ въ лицо:—Иззябъ?

Я ничего не отвѣтилъ и пошелъ было отъ него по указанному направленію.

— Эй, землячекъ, стой... погоди!—закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.—Погоди чутокъ!..

Я остановился. Онъ юркнулъ въ ворота и минутъ черезъ пять вышелъ оттуда, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, протянувъ руку.

— Нако-сь тебѣ гривну, попей чайку... Тутотко вотъ недалеча, за угломъ чайная есть... погрѣйся.—И, говоря это, онъ, какъ-то торопливо и точно стыдясь, сунулъ мнѣ въ руку гривенникъ и быстро отошелъ прочь.

Слезы сдавили мое горло.

— Спасибо тебѣ!—крикнулъ я, чувствуя, что вотъ-вотъ разрыдаюсь, и побѣжалъ отъ него прочь...

VI.

Придя въ чайную, я купилъ хлѣба, спросилъ чаю и сѣлъ въ уголокъ, гдѣ потемнѣе, къ столу, на другомъ концѣ котораго, положивъ голову на руки, а руки на столъ, крѣпко спалъ какой-то, одѣтый въ хорошее пальто, человѣкъ.

Я съ жадностью выпилъ нѣсколько стакановъ чаю, поѣлъ хлѣба и нѣсколько пришелъ въ себя. Было еще рано—половина седьмого, торопиться, значитъ, было некуда... Я закурилъ, взялъ потихоньку какую-то газетку и хотѣлъ было почитать, какъ вдругъ спавшій на другомъ концѣ стола человѣкъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ осипшимъ голосомъ:

— Покурить не оставите, молодой человѣкъ?

Я далъ. Онъ жадно затянулся нѣсколько разъ и, бросивъ окурокъ, сказалъ:

— А чайку стаканчикъ?.. пожалуйста!..

Я налилъ стаканъ и передалъ ему. Онъ взялъ его обѣими руками, грѣя ихъ, и сказалъ, глотая чай:

— Славно!.. спасибо вамъ... право... Вы давно здѣсь?..

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, глядя на его испитое, еще совсѣмъ молодое и симпатично-глуповатое лицо.—Я недавно пришелъ...

— Откуда?—спросилъ онъ. Я отвѣтилъ, и мы слово за слово разговорились. Я разсказалъ ему свои мытарства. Онъ внимательно слушалъ, моргая добрыми подслѣповатыми глазами, и, когда я кончилъ, сказалъ:

— Ничего!.. поправитесь... У васъ всетаки, такъ сказать, есть еще пристань: деревня, домъ, жена, дѣтишки... Уйдете туда и снова жизнь... А вотъ мнѣ какъ быть? куда дѣться?.. Это вотъ вопросъ... Да-съ...

— А вы развѣ тоже безъ дѣла?—спросилъ я.

— Конечно!—воскликнулъ онъ.—Я потерялъ мѣсто и вотъ теперь, какъ ракъ на мели... Пропился вдребезги!.. вѣдь все, что на мнѣ надѣто—смѣнка... Чортъ знаетъ что... право... Пожалуй, я вамъ разскажу, если хотите, какъ это все со мной случилось... Дѣлать-то нечего, все равно, и идти некуда... Знаете, я вѣдь въ этой чайной пятую недѣлю, каждую ночь ночую—такъ вотъ, какъ изволите видѣть, сидя... У меня, понимаете, отекъ ногъ сдѣлался... Чортъ знаетъ, что такое... право... А вѣдь я дворянинъ и нѣжнаго, такъ сказать, воспитанія.

Онъ какъ-то жалобно засмѣялся, сказавъ это, и продолжалъ:

— Служилъ, понимаете, въ почтамтѣ... Получилъ награду къ празднику, навернулся товарищъ... пошла писать губернія!.. Пропился, какъ сапожникъ... Очутился на Грачевкѣ... денегъ нѣтъ... ничего нѣтъ... Пришелъ на службу, а меня на выносъ!.. Пять дней не являлся... Ахъ, чортъ возьми, скверно!..

Онъ какъ-то сразу оборвалъ рѣчь и глубоко задумался.

— Да это все пустяки,—началъ онъ опять, послѣ продолжительнаго молчанія.—Дѣло не въ этомъ, а дѣло въ томъ, что меня жена бросила... Понимаете, взяла да и бросила... Сбѣжала отъ меня, да не одна, а еще захватила собственнаго моего сынишку... а?

— Какъ же такъ?—спросилъ я.

— Да такъ, очень просто... „Ты,—говоритъ,—пьяница и кормить меня не можешь... Не хочу съ тобой бѣдствовать, дай мнѣ видъ. Жить съ тобой, все равно, не стану... ненавижу тебя, какъ пса...“ Такъ, понимаете, и сказала: „какъ пса“. Что тутъ дѣлать, а? Пришлось дать видъ. Такъ и разошлись. Она теперь въ Твери... у кого-то въ экономкахъ, и сынишка съ ней...

Онъ ударилъ рукой по столу такъ, что зазвенѣла посуда, и продолжалъ:

— Водку пью, какъ воду... запить хочу... Нѣтъ, понимаете, никакого удовольствія! Стоитъ передо мной мальчишка мой и зоветъ, и манитъ: „папа, папа!“ Тяжело!.. ей Богу, тяжело, молодой человѣкъ!.. Жизнь подлая... или я подлъ... чортъ знаетъ, что такое... право... Хочу пулю въ лобъ... честное слово!.. Больше дѣлать нечего... Дѣться некуда!.. одинъ... никому не нуженъ... спился... Что вы мнѣ на это скажете, а?

— Да что жъ сказать... мѣсто надо найти... перестать пьянствовать...

— Мѣсто!—засмѣялся онъ.—Гдѣ оно? Какое же мѣсто, когда у меня, понимаете, подъ этимъ пальтомъ одно только голое тѣло... рубашки нѣтъ... Вотъ-съ, извольте взглянуть, коли не вѣрите!

Онъ распахнулъ пальто, и я увидѣлъ, что тамъ было, дѣйствительно, только „одно голое тѣло“.

— Куда, скажите пожалуйста, кромѣ какъ въ адъ, меня въ такомъ видѣ примутъ, а?..

— Да что же у васъ здѣсь, въ Москвѣ, нѣтъ развѣ никого... ни родныхъ, ни знакомыхъ?..

— Какъ не быть—есть... Да только, чортъ ихъ возьми, подлецовъ, не принимаютъ! Развѣ это люди!.. Когда я жилъ хорошо—принимали... „Такой, сякой“... А вѣдь я, честное слово, тогда, какъ человѣкъ, гораздо хуже былъ... Да, плохо, плохо и плохо!.. Не знаю, право, что дѣлать... посовѣтуйте!.. Вы, напримѣръ, что думаете теперь предпринять, а ?..

— Да что предпринять? Хочу вотъ сейчасъ идти въ работный домъ... можетъ быть, и останусь тамъ. Случайно вчера узналъ, и вотъ, ухватился, какъ утопающій за соломенку.

— Знаете что,—воскликнулъ онъ, выслушавъ меня,—и я пойду съ вами... ей Богу... а что?.. Вотъ только работать-то я того... нездоровится мнѣ... А, можетъ быть, тамъ есть, такъ сказать, и интеллигентный трудъ, а? вы не знаете? Право, пойду!.. Какъ вамъ, право, такая славная идея въ голову пришла и какъ васъ Господь на меня нанесъ... Удивительно!.. Давайте-ка, курнемъ на радостяхъ, да и поплывемъ... Хо, хо, хо! Работный домъ, такъ работный домъ... Не все-ли равно, гдѣ ни издохнуть, а?.. а что?... „И пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть“...О, хо, хо!.. Чортъ ихъ возьми, подлецовъ!

Я далъ ему табаку и бумаги. Онъ сталъ неумѣло вертѣть „собачью ножку“ и, засмѣявшись, сказалъ:

— Махорочка!.. Махорочку сталъ курить дворянинъ-то потомственный, а? Ха, ха, ха! Прежде у Макея было два ла-

кея, а теперь Макей самъ лакей... О, судьба, судьба!.. Но, такъ и надо... Такъ намъ, подлецамъ, и надо... Да сбудется рѣченное Іереміей пророкомъ, глаголющимъ... и такъ, понимаете, далѣе, и такъ далѣе... Кабы моя покойница мамань увидала меня въ такомъ положеніи... Картина бы это была! Помню я, знаете, у моего отца кучеръ былъ. Здоровенный такой мужчина, какъ быкъ. Губы имѣлъ красныя, феноменально толстыя и слюнявыя. И постоянно онъ, понимаете, махорку сосалъ, вотъ изъ этакой же „собачьей ножки". Разъ пришелъ я, помню, къ нему, мальчишка, въ каретный сарай, а онъ куритъ. Какой ты, Гурей, табакъ гадкій куришь!—говорю ему. „Нѣтъ,—говоритъ,—барчукъ, табакъ важный... На-ко, попробуй". Вынимаетъ, понимаете, изъ своихъ слюнявыхъ губъ „цыгарку" и подаетъ мнѣ. Я взялъ... Совѣстно какъ-то отказаться было. Дымлю!.. Вдругъ, понимаете, шасть въ сарай маманъ... увидала... „Боже мой! что это такое? Какъ ты смѣлъ, гадкій мужикъ, изъ своихъ отвратительныхъ губъ давать ему курить... Ахъ, ахъ, понимаете, заразится, заразится!" Ну, понятное дѣло, Гурея этого къ чорту намахали, а меня наказали... А теперь? теперь я у золоторотцевъ выпрашиваю окурки, а то подбираю ихъ гдѣ придется, на бульварахъ... Отлично вѣдь, а?

Его лицо какъ-то подергивалось, а углы губъ опустились и нервно вздрагивали. Онъ, очевидно, сдерживалъ душившія его слезы и вдругъ какъ-то неестественно странно не то засмѣялся, не то заплакалъ и, вскочивъ съ мѣста, крикнулъ, запахивая пальто:

— Идемте въ работный домъ!..

Я подошелъ къ буфету, отдалъ деньги и пошелъ вслѣдъ за нимъ на улицу.

VII.

Подойдя къ Юсуповскому работному дому, мы увидали, что у дверей подъѣзда стоитъ толпа людей... Было еще рано... Только что стало разсвѣтать, и дверей еще не отворяли... Мы подошли и смѣшались съ толпой...

Люди жались и корчились отъ холода, точно такъ-же, какъ у дверей ночлежнаго дома. Да и люди-то были тѣ-же, что и тамъ... Все та же самая „золотая рота", рваная, грязная, голодная и холодная...

Всѣ ждали нетерпѣливо открытія дверей, а ихъ почему-то не отворяли... Толпа, между тѣмъ, все возрастала... То и дѣло подходили и подбѣгали новыя лица... Наконецъ, насъ собралось человѣкъ съ двѣсти... Глухой ропотъ и шумъ стоялъ въ толпѣ...

— Скоро-ли они тамъ, черти!—слышались ругательства,—замерзнешь здѣсь!.. имъ хорошо тамъ, въ теплѣ-то...

Стало совсѣмъ свѣтло, а насъ все не пускали... Морозъ, между тѣмъ, какъ будто усилился... Перезябшіе люди бѣгали по тротуару и жались другъ къ другу, какъ перепуганныя овцы...

Прохожіе, тепло и нарядно одѣтые, останавливались по ту сторону переулка и глядѣли на насъ съ любопытствомъ. Да, впрочемъ, зрѣлище и было занятное: нѣкоторые изъ насъ выкидывали полуобутыми ногами такіе па, что впору заправскому танцмейстеру...

Какая-то толстая барыня, проѣзжавшая переулкомъ, остановила противъ насъ своего кучера и громко спросила:

— Что это такое?.. Что за люди?..

— Буры!—Крикнулъ ей кто-то изъ толпы.—Черти!—добавилъ другой.—У-у-у, какая!—крикнулъ третій, и вдругъ вся толпа закричала:—У-у-у, какая! го, го, го!.. Ха, ха, ха! У-у-у, какая!..

Перепуганная барыня ткнула кучера въ спину, и тотъ, тряхнувъ возжами, пустилъ съ мѣста полной рысью.

— Держи!.. О-го, го!.. Ха, ха, ха!..—заорала и загоготала ей вслѣдъ толпа...

Вскорѣ послѣ этого маленькаго „развлеченія“ долго неотворявшіяся двери, наконецъ, отворились, толпа хлынула было въ нихъ, но швейцаръ не пустилъ.

— Тише, дьяволы!—привѣтствовалъ онъ насъ.—Входи по череду... Куда васъ чортъ несетъ, обормоты!.. У-у-у, окаянные, погибели на васъ нѣтъ!.. Передохли-бы тамъ, на Хивѣ-то... Проходи, что-ли!.. Работники!..

Начали входить по череду...

Въ передней, налѣво у окна, сидѣлъ за столомъ писарь. Передъ нимъ лежала груда „дѣлъ“ въ бѣлыхъ оберткахъ... Онъ разбиралъ и готовилъ ихъ по номерамъ...

Прямо, отъ входной съ улицы парадной двери, вела на верхъ широкая лѣстница, а направо была открыта дверь въ небольшую, проходную, съ однимъ окномъ, не то пріемную, не то какую-то старинную лакейскую комнату... Насъ всѣхъ, какъ барановъ или какъ маленькихъ поросятъ въ садокъ, загнали въ эту комнату... Тѣснота и давка сдѣлалась ужасная... Нельзя было вытащить руки, повернуться. Меня и моего пріятеля „дворянина“ прижали къ стѣнѣ такъ, что намъ трудно стало дышать...

На стѣнѣ, на видномъ мѣстѣ, висѣла бумажка съ надписью: „Курить воспрещается“... Но на это не обращали вниманія и задымили со всѣхъ концовъ... Вскорѣ сдѣлалось жарко и душно, какъ въ банѣ... Швейцаръ нѣсколько разъ

просовывалъ въ дверь свою бритую свирѣпую физіономію и оралъ, что позоветъ городового и выведетъ вонъ тѣхъ, кто куритъ, но, въ концѣ концовъ, кто-то изъ заднихъ рядовъ пустилъ въ него оторванной отъ опорка подошвой, и это его какъ будто успокоило...

Такъ пришлось стоять часа два... Ноги начали ныть... Голова шла кругомъ... Нѣкоторые не выдержали и, опустившись, присѣли кое-какъ на полъ... Но сидѣть на полу было еще хуже, потому что давили и толкали стоявшіе... А разъ уже сѣлъ, то подняться и встать на ноги не было никакой возможности...

Двери въ передней давно уже заперли и не стали пускать новыхъ людей, а насъ все держали въ неизвѣстности. Безконечно долго длилось это ожиданіе, пока, наконецъ, намъ приказано было выходить по одному въ переднюю, къ сидѣвшему за столомъ писарю.

Дошелъ чередъ до меня, я подошелъ къ столу.

— Паспортъ есть?—спросилъ писарь.

— Есть.

— Фамилія?

Я сказалъ.

— Имя?

Сказалъ и имя.

— Званіе?

— Мѣщанинъ.

— Лѣтъ?

— Тридцать.

— Давай паспортъ!

Я отдалъ паспортъ и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, хотѣлъ было встать тутъ-же въ передней, но швейцаръ не допустилъ этого безпорядка...

— Проходи!—крикнулъ онъ, указывая рукой туда, откуда я вышелъ, т. е. опять въ ту-же набитую людьми комнату.—Живо!..

Въ комнатѣ этой стало еще хуже... Люди толкались и лѣзли другъ на друга, ругаясь и крича... Въ дверяхъ происходила давка... Тѣ, которые не записались, лѣзли въ переднюю, а имъ навстрѣчу пробивались обратно тѣ, которые записались... Получалась какая-то дикая картина напраснаго мученья. Въ комнатѣ стоялъ дымъ коромысломъ... Записавшіеся искали мѣстечка, гдѣ бы приткнуться, а ихъ, въ свою очередь, давили тѣ, которымъ нужно было еще записываться... Послѣдніе боялись опоздать. Страшныя лица, потныя, блѣдныя, красныя, съ вытаращенными безсмысленно глазами,—мы казались выходцами съ того свѣта...

Процедура записыванья и отбиранья паспортовъ, у кого

они были, длилась безконечно долго. Но, наконецъ, благодареніе Богу, кончилась и она. Всѣхъ насъ оказалось 147 человѣкъ...

— Теперь куда-же насъ?—спросилъ, наклонившись къ моему уху и держась за полу моего пиджака, дворянинъ.— Рѣзать или на колъ сажать? Какъ вы думаете?..

— А вотъ увидимъ,—отвѣтилъ я,—главное сдѣлано... Записали... Отмѣтили... Значитъ, приняли...

— Утѣшительно!—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.—Вы ужъ меня, ради Христа, не бросайте.—Боюсь я до смерти!.. И чортъ меня сюда принесъ!.. Загнали, какъ грѣшниковъ въ адъ... Сиди тутъ!.. Хоть бы жрать скорѣй дали!.. Неужели не покормятъ,—какъ вы думаете?..

— Не знаю... Сомнѣваюсь...

— Гм!.. Ловко!.. Но стойте!.. Что это такое?.. Кажется стали выпускать изъ ада?..

Дѣствительно, въ дверяхъ произошло какое-то движеніе... толпа заволновалась...

— Тише, черти!—крикнулъ кто-то,—вызываютъ!..

Толпа стихла... Какой-то человѣкъ, въ синей рубашкѣ, стоя на лѣстницѣ, ведущей наверхъ, началъ выкликивать насъ по фамиліямъ.

— Петровъ!

— Здѣся!

— Проходи!

— Куда?

— Наверхъ... Дверь направо.

— Похлебкинъ!

— Похлебкинъ! Что ты, чортъ сивый, спать сюда пришелъ, что-ли?.. Ну живо!.. Проходи!..

Дошелъ чередъ и до меня... Я побѣжалъ наверхъ... Вслѣдъ за мной, перескакивая черезъ двѣ ступеньки, летѣлъ „дворянинъ"... Мы вбѣжали съ нимъ на площадку и остановились... Направо была дверь, налѣво шла лѣстница наверхъ, на слѣдующій этажъ...

— Стойте!—дайте перевести духъ!..—сказалъ дворянинъ, тяжело дыша, и добавилъ, показывая на дверь:—Сюда, что-ли?..

Мы отворили дверь и очутились въ огромномъ и свѣтломъ залѣ... Посреди этого зала стояли крытые зеленымъ сукномъ столы, за ними сидѣли одѣтые въ синія рубашки писаря, а между нихъ, за первымъ столомъ, какъ бѣлый грибъ среди поганокъ, возсѣдалъ въ креслѣ какой-то необыкновенно строгій на видъ господинъ.

— Это должно быть самъ Юпитеръ!—шепнулъ дворянинъ, указывая на него глазами.—Вотъ страсть-то!.. Вдругъ—прикажетъ насъ выдрать...

Залъ, между тѣмъ, быстро наполнялся народомъ... И какъ то странно было видѣть въ немъ этихъ жалкихъ, грязныхъ, оборванныхъ, жавшихся другъ къ другу, оробѣвшихъ людей...

По стѣнамъ висѣли портреты гг. Юсуповыхъ, а также портреты государей, начиная, кажется, съ Александра 1-го... Сурово и грозно въ полъоборота глядѣлъ Николай I-й... Ласково и мягко, съ грустью на лицѣ взиралъ на своихъ „освобожденныхъ“ вольныхъ людей Александръ II-й и, казалось, думалъ какую-то тяжелую и грустную думу...

Когда всѣ находившіеся внизу люди собрались въ залѣ, началась снова безконечная процедура записыванья: Кто?.. Откуда?.. Чѣмъ занимался?.. Гдѣ жилъ?.. Женатъ-ли?... Есть-ли дѣти?.. Доброволецъ или полицейскій и т. д., и т. д.

Послѣ этого насъ отдѣлили, какъ овецъ отъ козлищъ: полицейскихъ (присланныхъ полиціей) отдѣльно, добровольцевъ (т. е. явившихся по собственному желанію) отдѣльно, снова пересчитавъ, выдали каждому по картонному на веревочкѣ билетику съ № дѣла и велѣли идти наверхъ въ спальню...

Мнѣ достался № 2251-й.

— Ну, теперь мы не люди,— сказалъ дворянинъ,—а просто номера... Вы какой?.. Ну, я васъ такъ и буду звать: 2251-й, пожалуйте въ спальню... Ха, ха, ха... Но зачѣмъ же, однако, въ спальню, а не въ столовую?.. Это глупо, наконецъ... Однако, идемте... всѣ пошли... Охъ, что-то тамъ съ нами сдѣлаютъ?..

VIII.

Огромное отдѣленіе спальни, сплошь заставленное койками, такъ что оставался одинъ только не особенно широкій проходъ по срединѣ, находилось въ верхнемъ этажѣ. Туда вела винтовая, полутемная, узкая, деревянная лѣстница...

Спальня эта производила какое-то тоскливое впечатлѣніе... Все здѣсь было сѣро: сѣрыя стѣны, сѣрыя одѣяла, сѣрый полъ, сѣрый потолокъ, и даже свѣтъ, проникавшій въ окна, казался какимъ-то сѣрымъ...

Здѣсь, кромѣ насъ, вновь пришедшихъ сегодня, толкалось много, поступившихъ раньше и ожидавшихъ работы, которой пока еще не было...

Многіе изъ нихъ валялись на койкахъ. Нѣкоторые играли въ карты... Большинство же шлялось, на подобіе одурѣвшихъ овецъ, съ какими-то странными, какъ мнѣ казалось, „голодными“ лицами, изъ одного конца спальни въ другой...

Мы, вновь пришедшіе, размѣстились, кто какъ умѣлъ и какъ могъ... Я, съ неотстававшимъ отъ меня „дворяниномъ“, сѣлъ на край порожней койки и съ любопытствомъ сталъ приглядываться къ людямъ и прислушиваться къ разговорамъ...

Изъ разговоровъ я вскорѣ понялъ, что работъ никакихъ нѣтъ. Люди живутъ здѣсь пока безъ дѣла, и когда будутъ работы—неизвѣстно... Между тѣмъ народу накопилось много.

— Здѣся, въ Москвѣ, народу еще не ахти много,—говорилъ высокій, худой, косматый, съ глазами на выкатѣ мужикъ.—А вотъ въ Сокольникахъ, въ тамошнемъ домѣ, баютъ, стрась што!.. Отседова туда гонютъ... Кажинный день партія... Васъ нонѣ, похоже, тоже туда погонятъ... Раздадутъ вотъ немного погодя бѣлье... въ баню сгоняютъ... одежу дадутъ и того... Маршъ въ Сокольники...

— Слышите,—сказалъ дворянинъ, — намъ еще, значитъ, предстоитъ прогуляться въ Сокольники съ пустымъ, такъ сказать, желудкомъ... Любезный,—обратился онъ къ говорившему мужику,—а въ какое мѣсто въ Сокольникахъ насъ погонятъ, не знаешь?..

— Какъ не знать... не близко... Тишину знаешь?.. Ермаковская улица... Фабрика была допрежь сахарная тамъ Борисовскаго... Слыхалъ можетъ?.. Ну, а теперича тамъ этотъ самый работный домъ... отдѣленіе то-есть... Самому мнѣ тамотка быть не приходилось... Да и здѣсь то я въ первой... плотникъ я... по пьяному дѣлу попалъ... Ну, а люди баили, которые оттуда пришли, больно плохо тамъ нашему брату... Главная причина,—работъ нѣтъ, а народу—сила!.. Вальма валитъ!.. вотъ ужо на ночь погонятъ туда... Увидимъ...

— А покормятъ насъ нынче... не знаешь, а?..

— Не знаю, братъ... ужо ужинать будутъ... Да только, мотри, вамъ не придется... Потому, васъ въ баню погонятъ, а опосля бани одежу получать въ чихаузъ пойдете, а тамъ къ доктору на осмотръ... Наврядъ!..

— Да какъ-же быть-то?.. жрать хочется!..

— Какъ быть, терпи!.. Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ... Завтра пообѣдашь въ Сокольникахъ...

— Завтра!.. да до завтра-то сколько?.. сутки! помрешь вѣдь... Утѣшилъ: завтра... что-жъ это такое?.. я убѣгу!..

Окружающіе засмѣялись...

— Ишь ты какой стрюкъ выискался,—послышались голоса,—ѣсть захотѣлъ... Убѣгу... Нѣтъ, братъ, отседа не убѣжишь... Здѣсь крѣпче тюрьмы... ишь ты! Зачѣмъ тебя песъ съ Хивы-то пригналъ... Жралъ бы тамъ бульонку... А то къ женѣ бы шелъ, она тебя супомъ накормила бы... Ха, ха, ха! Баринъ дикой!.

Отъ этихъ насмѣшекъ мой дворянинъ покраснѣлъ и, наклонившись ко мнѣ, сказалъ:

— Чортъ ихъ знаетъ... Прибьютъ еще..

— Потерпите,—сказалъ я,—терпятъ-же люди...

— Какіе люди?

— А вотъ всѣ...

— Да развѣ это люди?

— Кто-же?

— Черти... Звѣри... Все, что хотите, но только не люди!..

Я посмотрѣлъ ему въ лицо, окинулъ взглядомъ его тощую фигурку и сказалъ:

— За такія слова васъ, пожалуй, дѣйствительно прибьютъ.

Онъ какъ-то сморщился и, помолчавъ, сказалъ:

— Покурить-бы!

— У меня нѣтъ... весь вышелъ...

— Попросите у кого нибудь.

— Попросите вы сами...

— Ну вотъ, стану я у нихъ просить!.. Попросите вы... Вы къ нимъ ближе... Свои люди...

— Землячокъ!—обратился я къ почтенному съ виду и, какъ мнѣ показалось, доброму сѣденькому старичку.—Нѣтъ-ли покурить?.. одолжи, сдѣлай милость, на папироску...

Старичокъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ и съ какой-то особенной мягкостью въ голосѣ сказалъ:

— Ступай-ко ты, родной, къ кобылѣ подъ хвостъ! Ишь ты, ловкой какой!.. Дай ему табачку!.. Табачокъ-то, чать, на деньги покупается .. Какъ ты полагаешь?.. Чудно, пра, ей-Богу!.. Дай ему, видишь-ли ты, табачку,—обратился онъ къ близъ стоявшимъ людямъ.—Выискался какой табашникъ!.. Откедова ты сакой склизкой... Табачокъ-то здѣсь дороже хлѣба... Дай ему табачку... Ахъ въ ротъ те!..

— Слышите?—сказалъ я дворянину.

— Хамъ!.. свинья!—проговорилъ онъ и замолчалъ, насупившись...

IX.

Прошло не мало времени... Стало смеркаться... Мы ждали, что вотъ, вотъ позовутъ получать бѣлье... Но насъ никуда не вызывали...

Спальня со всей ея обстановкой, съ толкающимися безъ дѣла какими-то ошалѣвшими оборванцами, надоѣла до смерти... Хотѣлось поѣсть, отдохнуть, успокоиться... Безтолковый, несмолкаемый гулъ человѣческихъ голосовъ раздражалъ нервы... Являлась какая-то безпричинная, непонятная, злость...

— Чортъ знаетъ, что такое!—говорилъ дворянинъ, пожимая плечами,—скоро-ли конецъ?.. Надоѣло все это!.. Дуракъ я, что послушалъ васъ и пошелъ сюда... Вы виноваты... Какія, однако, идіотски-безсмысленныя хари! Пріятное общество, нечего сказать!.. Посмотрите, пожалуйста, вонъ на того парнишку... Вотъ отвратительная харя!.. Сходить, однако, развѣ

внизъ?.. Узнать тамъ у кого нибудь, скоро-ли примутъ относительно насъ какія-нибудь мѣры... Какого чорта, на самомъ дѣлѣ!.. Я вѣдь не кто нибудь... не золоторотецъ... Привиллегированное лицо... Я пойду!..

— Какъ хотите!—сказалъ я, чтобы отвязаться отъ него.—Идите...

Онъ поднялся и хотѣлъ было идти, но въ это время въ спальню вбѣжалъ, или, вѣрнѣе, точно изъ-подъ полу выскочилъ какой-то молодой, въ синей рубашкѣ малый, и закричалъ, во всю силу своихъ легкихъ:

— Эй, вы, золотая рота!.. Новенькіе!.. Въ чихаузъ!.. Бѣлье получать... Живо!..

Мы всѣ, точно съ цѣпи сорвавшись, толкаясь, рискуя сломать шею, бросились вслѣдъ за нимъ по винтовой лѣстницѣ внизъ...

На площадкѣ второго этажа насъ остановили... Направо была дверь въ какой-то полутемный корридоръ... въ концѣ этого корридора горѣла лампа, и виднѣлась еще дверь въ кладовую или, какъ здѣсь выражались, въ „чихаузъ“, гдѣ и выдавали бѣлье...

— Становись всѣ въ ранжиръ, по порядку,—оралъ малый въ синей рубашкѣ:—Живо!.. Ну, ты, чортъ косматый, куда лѣзешь? Становись, тебѣ говорятъ!.. Въ морду захотѣлъ!.. Встали?.. Ну, маршъ!.. Живо!.. Не задерживать!.. Кто получитъ бѣлье, иди внизъ, въ столовую... Тамъ дожидайся всѣ!..

Торопясь, словно на пожаръ, толкаясь, ругаясь, совсѣмъ какъ будто одурѣвъ, лѣзли мы въ „чихаузъ“ за бѣльемъ, напоминая, вѣроятно, на взглядъ свѣжаго человѣка, толпу сумасшедшихъ...

Получившіе бѣлье крѣпко держали его въ рукахъ, какъ драгоцѣнность, и торопливо, съ выраженіемъ боязни, какъ бы не отняли назадъ, бѣжали внизъ по лѣстницѣ, въ столовую...

Получивъ свою пару, я тоже отправился туда... За мной, не отставая, слѣдовалъ „дворянинъ“. Онъ повеселѣлъ и расцвѣлъ, получивъ бѣлье...

— Вотъ это дѣло!—говорилъ онъ,—хоть и грубое, а всетаки бѣлье... Отлично!.. Бѣлье выдали и въ столовую послали... Очевидно, покормятъ... Иначе, зачѣмъ бы въ столовую, а?.. Какъ вы думаете?..

Но ему пришлось горько разочароваться: въ столовую насъ загнали лишь затѣмъ, чтобъ „гнать“ отсюда въ баню.

Когда всѣ собрались, надзиратель, хорошо и тепло одѣтый, приказалъ намъ выходить на дворъ и строиться попарно...

На дворѣ было полутемно и страшно холодно. Кое какъ построившись и дрожа отъ холода въ своихъ нищенскихъ костюмахъ, мы стали ждать... Вышелъ надзиратель, пересчиталъ всѣхъ, выдалъ каждому по кусочку мыла и опять ушелъ... Пришлось снова стоять и ждать на морозѣ... Прошло съ полчаса... Мы стыли, тряслись и чуть не плакали отъ холода... Нѣкоторые стали громко роптать... Большинство же молчало, терпѣливо и покорно ожидая.

Наконецъ, явился надзиратель, велѣлъ перемѣнить фронтъ и становиться по порядку, одинъ за другимъ, „затылокъ въ затылокъ“... Послѣ этого насъ опять пересчитали и „погнали“, наконецъ, въ баню...

X.

Выйдя за ворота, мы сбились, какъ овцы, въ одну нестройную сплошную толпу и пошли посреди улицы, возбуждая своимъ видомъ удивленіе въ прохожихъ.

На улицахъ было много снѣгу... Онъ шелъ съ утра... Мы мѣсили его своими полуобутыми ногами и, корчась отъ холода, не шли, а торопливо бѣжали... У меня, къ довершенію бѣдствій, вдругъ отвалилась подошва... Пришлось ступать въ снѣгъ прямо голой ногой... Сначала я чувствовалъ холодъ, потомъ какъ-то обтерпѣлся и, мысленно махнувъ на все рукой, бѣжалъ за другими...

У бань насъ остановили, построили опять по порядку, одинъ за другимъ и стали пускать по череду. Я стоялъ въ хвостѣ и, когда, наконецъ, дошелъ чередъ до меня и я попалъ въ баню, то увидалъ, что тамъ не только мыться, а и встать-то негдѣ. Кромѣ насъ, какъ оказалось, въ банѣ въ этотъ же вечеръ мылись солдаты... Тѣснота, давка, ругань, крикъ, стукъ были невозможные... Баня казалась какимъ-то адомъ... Голыя тѣла, возбужденныя, озлобленныя, красныя лица, паръ, запахъ мыла, духота, едва горѣвшія въ туманной мглѣ лампы, все это, вмѣстѣ взятое, представляло фантастически-мрачное и грустное подобіе ада.

Насъ торопили... Такъ или иначе, а надо было раздѣваться и мыться... Приткнувшись кое какъ у порога, я сдернулъ съ себя свою рвань и протискался къ крану. Какой-то добрый человѣкъ, завладѣвшій шайкой, предложилъ мнѣ мыться изъ нея съ нимъ вмѣстѣ. Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе. Мыла у меня не оказалось. Я обронилъ его гдѣ-то... Обмывшись кое-какъ, на скорую руку, изъ шайки, теплой водой, я побѣжалъ одѣваться, радуясь всетаки, что хоть такъ-то пришлось сполоснуться и надѣть бѣлье на чистое тѣло.

Процедура мытья продолжалась не долго, потому что торопили и подгоняли. Тѣмъ, которые вымылись и одѣлись, не позволялось оставаться въ банѣ, а приказано было выходить на улицу и тамъ ожидать, когда кончатъ и выйдутъ остальные...

Это стояніе на улицѣ послѣ жаркой душной бани я никогда не забуду!..

Читатель! если у васъ добрая душа, представьте себѣ несчастныхъ, жалкихъ, полураздѣтыхъ людей, голодныхъ, выгнанныхъ изъ жаркой бани на морозъ... Представьте страдальческія лица стариковъ, скорчившіяся, трясущіяся фигуры молодыхъ,—всю эту страшную, унизительную картину человѣческаго бѣдствія и позора... Представьте и... подумайте иногда объ этихъ несчастныхъ братьяхъ, ибо они тоже люди!..

XI.

По возвращеніи изъ бани въ работный домъ, намъ, полузамерзшимъ, не дали ни поѣсть, ни пообогрѣться, а прямо „погнали“ въ „чихаузъ“ получать верхнюю одежду...

Всѣ мы выстроились въ холодномъ корридорѣ, другъ за другомъ, точно такъ же, какъ при получкѣ бѣлья, и начали снимать съ себя, по приказанію „начальства“, свою собственную одежду и сапоги...

Каждому изъ насъ выдали по бичевкѣ и велѣли этими бичевками какъ можно крѣпче связывать узлы съ своей одеждой... Если же узелъ стягивался не крѣпко, то его съ ругательствомъ развязывалъ человѣкъ, завѣдывавшій пріемомъ и выдачей одежды, и кидалъ его въ лицо владѣльцу...

Другой человѣкъ сидѣлъ у двери при входѣ въ „чихаузъ“, записывалъ №№ и фамиліи и выдавалъ мѣдные блестящіе кружочки съ номерами, по два кружка каждому. Одинъ изъ нихъ привязывался къ узлу съ одеждой, другой выдавался на руки.

Оба они, и записывающій, и выдающій одежду страшно злились и ругались, на чемъ свѣтъ стоитъ... Вѣроятно имъ страшно все это надоѣло, и они отводили душу..

Одежду выдавали старую, рваную, вонючую и грязную... На ноги—мягкіе, сдѣланные изъ шерстяныхъ жгутовъ, „чюни“, точно такіе, въ какихъ бабы богомолки ходятъ весной къ преподобному Сергію...

Выдавали разно: одному попадалъ коротенькій, „этапный“ полушубокъ, другому изъ толстаго сукна не то пиджакъ, не то поддевка... Штаны тоже были разные: нѣкоторымъ попадали изъ толстаго сукна и довольно крѣпкіе, другимъ какіе-то

синіе, тонкіе, какъ тряпка... Моему „дворянину“ (мы стояли съ нимъ на „череду“ послѣдними) совсѣмъ было не выдали никакихъ: ему дали рваный пиджакъ, чюни, а штановъ не оказалось: всѣ вышли!

— Нѣтъ штановъ!—сказалъ выдававшій одежду.

— Такъ какъ же мнѣ быть-то? — спросилъ дворянинъ, разводя руками,—безъ штановъ вѣдь невозможно!..

— Ну, еще разговаривать сталъ!.. и безъ штановъ пойдешь!..

— Отдайте мнѣ назадъ мои... Я въ нихъ пойду.

— Молчи, чортъ!.. Поговори еще!.. Въ рыло захотѣлъ!..

— Да какъ же я безъ штановъ-то... Идіоты вы эдакіе... Говорятъ, насъ въ Сокольники погонятъ... какъ-же я пойду?..

— Такъ и пойдешь... не великъ баринъ-то... Ночью не видать, а тамъ дадутъ...

— Не пойду я безъ штановъ!

— Не пойдешь?!

— Не пойду!.. Что за безобразіе такое... Я жаловаться буду...

— Не пойдешь?! Жаловаться! такъ вотъ тебѣ штаны... На получай!.. Иди жалуйся!

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать и сдѣлать движеніе, его схватили за шиворотъ и безъ церемоніи вышвырнули въ корридоръ...

— Какъ вамъ это покажется, а?—обратился онъ ко мнѣ, чуть не плача.—Что-же это за самоуправство такое, а?.. Казенныхъ не даютъ, свои собственные отобрали, да еще и по шеѣ бьютъ!.. А, что? Вѣдь я говорилъ: бить будутъ... Такъ и вышло... Во всякомъ случаѣ я безъ штановъ въ Сокольники не пойду... Простудиться мнѣ, что-ли, чортъ ихъ возьми, подлецовъ!..

— Къ доктору!.. Эй, идите къ доктору на осмотръ!—закричалъ кто-то.—Къ доктору, къ доктору!..

— Остается только теперь послать насъ еще къ чорту!—сказалъ дворянинъ и добавилъ:—Вотъ хожденіе-то души по мытарствамъ... Однако, хорошъ на мнѣ костюмчикъ... Не правда-ли?.. Очень миленькая выйдетъ, такъ сказать, жанровая картинка, прогуляться такимъ образомъ въ Сокольники, а?..

Я посмотрѣлъ на него и не могъ не засмѣяться. Широкіе, стоптанные, на босу ногу, чюни, широчайшіе „невыразимые“, драный, сальный пиджакъ и высокая, какъ у Шевченка, барашковая (своя) шапка...

— Клоунъ!—сказалъ онъ съ горечью...—Вотъ если-бы теперь на меня покойная маманъ взглянула, а? Фу, ты, чортъ!.. „И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ“!..—продекламировалъ онъ изъ Гоголя и, какъ-то отчаянно махнувъ рукой, добавилъ:—Наплевать!..

XII.

Докторъ, почтенный съ виду, бородатый, съ очками на носу господинъ, спасибо ему, не задерживалъ насъ. Его осмотръ оказался до крайности простъ.

Онъ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ какой-то барышней въ чолкѣ, вѣроятно фельдшерицей, и, не глядя на паціента,—спрашивалъ себѣ подъ носъ:

— Номеръ дѣла?

Паціентъ подавалъ картонный №.

— Грыжа есть?..

— Нѣтъ.

Барышня съ чолкой брала № и дѣлала на немъ съ другой стороны клеймо, букву С, т. е. „способенъ".

— Слѣдующій!

Подходилъ слѣдующій.

— Грыжа есть?

— Нѣтъ.

— Проходи!.. Слѣдующій! Грыжа есть? и т. д.

Дошелъ „чередъ" до дворянина.

— Грыжа есть?

— Есть!

Докторъ поднялъ голову и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Давно?

— Не помню, съ какихъ именно поръ, по всему вѣроятію, какъ я думаю, съ дѣтства... Наслѣдственная, навѣрно... потому и отецъ мой страдалъ ей-же... Да, кромѣ того,—продолжалъ онъ,—я чувствую боль въ бокахъ и вообще я нездоровъ и на тяжелую работу не способенъ.

— Гм!.. Ну, неспособенъ, такъ и запишемъ, что „неспособенъ"... Незачѣмъ было идти сюда, здѣсь не богадѣльня, а работный домъ... Неспособенъ!—обратился онъ къ барышнѣ...

Та положила на № клеймо Н. т. е. „неспособенъ" и вручила дворянину.

— Проходите!.. Слѣдующій!..

XIII.

Послѣ докторскаго „осмотра" насъ опять загнали въ столовую. Было поздно—десятый часъ вечера... Пора бы дать отдохнуть и покормить измучившихся и наголодавшихся за этотъ безтолковый день людей. Но не тутъ-то было! Оказалось, что насъ сейчасъ-же „погонятъ" въ Сокольники.

Началась снова безконечная перекличка людей по фамиліямъ.

— Ивановъ! Сидоровъ! Столбовъ! Стригуновъ! проходи къ двери... Живо... Стройся по-парно!..

— Ты что безъ штановъ, косматый чортъ?!—заоралъ надзиратель, когда дошелъ чередъ до дворянина.—Гдѣ штаны?.. Пропилъ что-ли?..

— Мнѣ не дали... Не хватило...

— Какъ не дали!.. Врешь?..

— Не дали...

— Какъ-же быть?.. Нельзя-же тебѣ идти безъ штановъ... А, чортъ тебя задави!.. Канителься съ тобой!.. Эй, Шинкаренко!—обратился онъ къ молодому парнишкѣ, стиравшему со столовъ соръ.—Сбѣгай на спальню, возьми у пѣвчихъ штаны какіе-нибудь похуже... Скажи, за нихъ послѣ новые дадутъ... Отходи прочь!—заоралъ онъ на дворянина.—Эй, кто тамъ слѣдующій... Киселевъ! Перовъ! Эстенъ! выходи скорѣй! дьяволы!

Наконецъ, насъ вывели на дворъ, у воротъ опять пересчитали и тогда только „погнали" въ Сокольники...

Голодные и злые шли мы, не соблюдая никакого порядка, какъ попало, среди улицы, мѣся чюнями рыхлый и глубокій снѣгъ. Прохожіе останавливались и глядѣли на насъ... Нѣкоторые подавали деньги, думая, вѣроятно, что это идутъ арестанты. Дворники и извозчики глумились и острили на нашъ счетъ...

— Эй, землячки, куда Богъ несетъ?.. Ай въ деревню отправляетесь къ женамъ?.. Кланяйтесь тамъ нашимъ... На Хиву-то когда придете?.. Го, го, го...

Съ болью въ сердцѣ и съ чувствомъ невыносимой гнетущей тоски, шелъ я за другими, думая не о себѣ, а о своихъ близкихъ, оставленныхъ тамъ, дома, въ деревнѣ. Что, если бы они узнали про мои похожденія?..

Долго шли мы... Чѣмъ дальше, тѣмъ все глуше, печальнѣе и темнѣе становилась улица... Вѣтеръ пронзительно свисталъ и дулъ намъ прямо въ лицо, казенная одежда грѣла плохо... Въ особенности зябли ноги, обутыя въ гадкіе, безъ подвертокъ, тяжелые чуни... Люди шли молча, спотыкаясь, толкая и подгоняя другъ друга... Ни разговоровъ, ни смѣху не было слышно... Только изрѣдка раздавались ругательства, въ которыхъ слышались проклятія и злость на свою горькую долю...

Наконецъ, мы свернули съ шоссе влѣво и, пройдя немного темнымъ и узкимъ переулкомъ, остановились у воротъ... Сторожъ отперъ ихъ, и мы вошли въ какую-то пустынную и длинную аллею. Огромныя, высокія сосны глухо

шумѣли вершинами... За деревьями вправо виднѣлись развалины не то какого-то строенія, не то забора,—трудно было разобрать въ темнотѣ... Дальше, налѣво были небольшіе дома, а еще дальше, прямо въ глубинѣ, куда „гнали“ насъ, виднѣлась какая-то огромная масса строеній... Мы подошли къ этимъ строеніямъ, свернули влѣво, мимо огромной, высокой, фабричной трубы и, повернувъ вправо, за уголъ, мимо высокаго краснаго дома, направились внизъ, подъ горку, къ какому-то мрачному, высокому и тоже красному дому. Достигнувъ его, мы взобрались по скользкимъ обледенѣлымъ ступенькамъ въ темныя сѣни, изъ которыхъ вошли, какъ оказалось, въ столовую работнаго дома...

Столовая эта, уставленная поперекъ длинными, узкими столами и скамейками, состояла изъ двухъ большихъ съ низкими темными потолками комнатъ. Въ прежнее время здѣсь, вѣроятно, была какая-нибудь фабричная мастерская. Голыя стѣны съ обвалившейся кое-гдѣ штукатуркой выглядывали чрезвычайно мрачно... Точно также были мрачны и высокіе, съ одной только правой стороны, окна, съ большими стеклами, въ красныхъ переплетахъ рамъ... Холодомъ и сыростью несло отъ каменнаго, выстланнаго большими сѣрыми плитами пола. Вообще, вся эта столовая производила какое-то до крайности тягостное и тоскливое впечатлѣніе, точно тюрьма или затхлый могильный склепъ...

Надзиратель, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, худощавымъ, съ злыми бѣгающими глазами, одѣтымъ въ коротенькое полупальто, сѣлъ къ столу, досталъ изъ сумки бумагу и началъ выкликать по фамиліямъ. Мы подходили... Одѣтый въ полупальто человѣкъ окидывалъ глазами каждаго изъ насъ съ ногъ до головы и записывалъ себѣ въ какую-то тетрадку наши костюмы.

— Штаны какіе?—спрашивалъ онъ.

— Черные!

— Полушубокъ?

— Нѣтъ... Пиджакъ.

— Сапоги?

— Чюни.

— Проходи... Слѣдующій!..

Когда все это окончилось, насъ, голодныхъ, озлобленныхъ, усталыхъ „погнали“, наконецъ, на покой, въ спальню...

— Маршъ на спальню въ 15 №!—крикнулъ надзиратель, и мы всѣ, толкаясь и спѣша, хлынули изъ столовой.

— Слава Тебѣ, Господи, — подумалъ я, — наконецъ-то отдыхъ!..

XV.

Я побѣжалъ вслѣдъ за другими, черезъ дворъ, мимо трубы, къ тому угловому огромному, красному дому, мимо котораго мы проходили ранѣе, идя въ столовую.

По узкой, вонючей и скользкой лѣстницѣ я, вслѣдъ за другими, взобрался на третій этажъ, вошелъ въ помѣщеніе спальни — и... остановился, пораженный картиной, которую увидалъ.

На меня пахнула цѣлая волна затхлыхъ вонючихъ испареній и дыма, смѣшанныхъ съ шумомъ и крикомъ множества людскихъ голосовъ. Сквозь густой и зловонный туманъ глаза мои съ трудомъ могли разглядѣть огромную длинную камеру, со сводчатымъ потолкомъ, поддерживаемымъ деревянными столбами, раздѣленную на три помѣщенія.

По обѣимъ сторонамъ этой камеры, оставляя проходъ по рединѣ, стояли сдвинутыя попарно вплотную койки. На койкахъ, подъ койками, на полу, въ проходѣ, вездѣ, гдѣ только было свободное мѣсто, валялись люди...

Многіе спали... Но нашъ приходъ, приходъ 147 человѣкъ, которые, какъ звѣри, ворвались въ спальню, разбудилъ всѣхъ... Крикъ, шумъ, ругань, слились въ одинъ сплошной гулъ.

Надо было торопиться и искать, гдѣ бы приткнуться и лечь на ночь... Я прошелъ, шагая черезъ ноги валявшихся на полу людей, въ самое дальнее помѣщеніе спальни и нашелъ тамъ себѣ мѣстечко на полу, въ проходѣ, около двухъ крайнихъ, сдвинутыхъ вплотную, коекъ... Одна изъ нихъ была порожняя, а на другой полулежалъ, облокотившись на руку, и курилъ, глядя на меня, какой-то красивый молодой человѣкъ, въ грязной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ.

Я снялъ съ себя полушубокъ, положилъ его шерстью вверхъ на полъ, сѣлъ, снялъ чюни, положилъ ихъ въ головы подъ полушубокъ и хотѣлъ было ложиться, какъ вдругъ, человѣкъ, сидѣвшій на койкѣ и не спускавшій съ меня глазъ, сказалъ, дотронувшись до моего плеча рукой:

— Послушайте-ка... Ложитесь на эту вотъ койку... Она порожняя... На ней никто спать не будетъ, потому что слесарь, который на ней спалъ, попалъ сегодня въ больницу и поэтому не придетъ, а я говорю всѣмъ желающимъ лечь на ней, что она занята... Ну, а васъ мнѣ почему-то жалко... Вы точно мертвецъ... Ложитесь!..

Понятно, я съ радостью согласился и, поднявъ свой полушубокъ, сѣлъ на койку, глядя съ особеннымъ любопыт-

ствомъ на человѣка, такъ кстати предложившаго мнѣ это мѣсто.

Онъ былъ высокъ и очень красивъ. Съ виду ему было лѣтъ 30. Наружность его рѣзко выдѣлялась изъ окружающей среды. Лицо его было худощаво и нѣжно... Продолговатые черные глаза глядѣли задумчиво и строго... Въ нихъ мелькало какое-то особенное полупрезрительное выраженіе.

— Полушубокъ-то вы свой подъ кровать бросьте!—сказалъ онъ съ улыбкой на тонкихъ и блѣдныхъ губахъ.—Я по опыту знаю: насѣкомыя съѣдятъ васъ... Вотъ, поносите денька два-три, узнаете и сами... Бросайте его подъ койку къ чорту и ложитесь... Курить хотите?..

Я взялъ отъ этого неожиданнаго „благодѣтеля“ папироску и съ наслажденіемъ, понятнымъ тѣмъ, кто куритъ, нѣсколько разъ затянулся такъ, что у меня пошла кругомъ голова и зарябило въ глазахъ.

— Ну, что новенькаго въ Москвѣ?—разсказывайте-ка!..—сказалъ онъ и потянулся на койкѣ всѣмъ своимъ тонкимъ и длиннымъ тѣломъ.—Или вы, можетъ быть, спать хотите, а?.. Такъ я вамъ скажу, что наврядъ-ли заснете... Во-первыхъ потому, что шумъ смолкаетъ только подъ утро, а во-вторыхъ, не дадутъ клопы... Безъ привычки не заснешь... Ну, привыкнете, тогда дѣло десятое... Вы полицейскій?..

— Нѣтъ, добровольцъ.

— Гм! Охота вамъ была въ этотъ адъ идти. Умѣете что-нибудь дѣлать?... Мастеровой?

— Нѣтъ.

— Это и видно... Что-жъ, чернорабочимъ записались? Гм!.. А прежде гдѣ жили?.. Служили гдѣ-нибудь на мѣстѣ, да?

Я удовлетворилъ его любопытство и, помолчавъ, сказалъ:

— Ѣсть страшно хочется... Цѣлый день ничего не ѣлъ... Насъ нигдѣ не кормили.

— Такъ вы давно бы сказали!—воскликнулъ онъ.—Чудакъ вы... У меня хлѣбъ есть... Хотите? Цѣлая пайка... Я въ карты ее выигралъ... Вотъ!—Онъ досталъ изъ-подъ изголовья большой квадратный кусокъ чернаго хлѣба и подалъ мнѣ.—Нате вамъ и кружку, — добавилъ онъ, доставая ее оттуда же.—Сходите, вонъ тамъ, въ ушатахъ, вода стоитъ, зачерпните и и валяйте!

Я сходилъ по его указанію за водой и, возвратясь назадъ, принялся было за ѣду, какъ вдругъ ко мнѣ, Богъ его знаетъ откуда, точно изъ-подъ земли выросъ, подскочилъ „дворянинъ“ и почти закричалъ на меня:

— Куда вы скрылись?!. Я нигдѣ васъ не найду... Чортъ знаетъ, что такое!.. Я чуть не погибъ здѣсь... Чортъ меня занесъ въ этотъ дьявольскій домъ. Гдѣ вы достали хлѣба?..

Дайте мнѣ... Подѣлитесь... Вотъ такъ ловко! Самъ жретъ, а про меня забылъ... Кромѣ шутокъ, дайте, ради Христа, кусочекъ!.. Смерть моя!.. Издыхаю!.. Черти! Мучили, мучили цѣлый день, хотѣли было безъ штановъ по Москвѣ прогнать, ѣсть не даютъ... Тьфу, безобразіе!..

Я отломилъ и далъ ему кусокъ... Онъ съ жадностью, точно голодная собака, набросился и началъ не ѣсть, а буквально пожирать хлѣбъ, чавкая губами и не разжевывая... Человѣкъ, уступившій мнѣ койку, внимательно и, какъ мнѣ казалось, съ какимъ-то отвращеніемъ и презрѣніемъ глядѣлъ на него. Его тонкія блѣдныя губы кривились и нервно подергивались... Онъ, видимо, что-то хотѣлъ сказать, но сдерживался и молчалъ...

— А спать вы гдѣ ляжете?—спросилъ дворянинъ, съѣвши данный мною кусокъ.

— Вотъ здѣсь, на койкѣ!—отвѣтилъ я.

— На койкѣ!—воскликнулъ онъ,—да неужели? Какъ же это вы нашли?.. Вотъ счастливецъ!.. Послушайте! Уступите ее мнѣ!..

— А я то гдѣ же?

— А вы на полу!.. Для васъ, я думаю, все равно?.. Вы навѣрно тамъ, у себя, въ деревнѣ привыкли валяться по полу, а?.. Уступите!..

Я ничего ему не отвѣтилъ... Мнѣ стало какъ-то неловко, какъ будто чего-то стыдно... Я чувствовалъ, что краснѣю и не могу посмотрѣть на него...

— А вы кто такой будете?—вдругъ съ какой-то дрожью въ голосѣ спросилъ у него сосѣдъ, уступившій мнѣ койку.

— Я... То есть какъ это, кто буду?.. Человѣкъ, какъ видите?

— Вижу, что человѣкъ.. Я не о томъ васъ спрашиваю... Званіе ваше?

— Дворянинъ... А что?

— Дворянинъ... А дворянинъ!.. Баринъ... Бѣлая кость!.. Понимаю!.. Такъ почему-жъ ты предлагаешь ему на полу лечь, а самъ хочешь на койку, а?.. Койка моя... Я далъ ему ее!—продолжалъ онъ, возвышая голосъ.—А ты уйди!.. Тебѣ здѣсь не мѣсто... Мы не дворяне... Зачѣмъ ты къ намъ, мужикамъ, лѣзешь? Тебѣ дали, какъ собакѣ, кусокъ хлѣба, сожралъ—ступай къ чорту! Къ своимъ дворянамъ! Уходи, а не то!..

Онъ не договорилъ и приподнялся на койкѣ. Лицо его побѣлѣло... Губы тряслись... Черные глаза сверкали и бѣгали...

Мой „дворянинъ“ посмотрѣлъ на него, какъ-то сжался весь, хотѣлъ было что-то сказать, вѣроятно выругаться, но ничего не сказалъ, вскочилъ съ койки, гдѣ сидѣлъ, рядомъ

со мной, согнулся и, какъ-то держа голову на бокъ, отошелъ прочь и скрылся въ другомъ помѣщеніи спальни.

XV.

— Вѣдь вотъ, — заговорилъ мой новый „благодѣтель“, проводивъ его злыми глазами, — дрянь какая-то, а гонору сколько. Навѣрно вѣдь съ Хивы пришелъ... Дѣлать ничего не можетъ... Гдѣ ему... На Хивѣ небось занимался разсылкой писемъ къ знакомымъ... Дѣло легкое...

Онъ легъ навзничь, подложивъ руки подъ голову и замолчалъ, глядя въ потолокъ.

— Ложитесь,—сказалъ онъ, помолчавъ.—Чего-жъ вы не ложитесь? Особыхъ приглашеній не будетъ...

Я поднялъ какую-то сѣрую большую тряпицу, изображавшую одѣяло, и легъ на грязный, вонючій, сбитый и скомканный тюфякъ, рядомъ съ нимъ.

— Вы женаты?—спросилъ онъ, повернувшись на бокъ и глядя на меня въ упоръ своими красивыми черными глазами.

— Да.

— Небось и дѣти есть?

— Есть.

— Гдѣ-жъ жена, не секретъ?

— Дома, въ деревнѣ.

— Какъ же вы сюда попали... Извините... Пропились?..

— Да.

Онъ помолчалъ немного и сказалъ:

— Хорошо теперь въ деревнѣ...—И, опять помолчавъ, съ какой-то затаенной грустью продолжалъ: — Я вѣдь тоже женатъ... И у меня тоже дѣти... Теперь навѣрно двое... Когда я отправился въ Москву, одинъ еще былъ только сынишка, Петька, ну, а теперь навѣрно еще родился кто-нибудь... Навѣрно!..

— А вы давно въ Москвѣ?—спросилъ я.

— Я... Нѣтъ... Какой чортъ, давно!.. Всего только третій мѣсяцъ... Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ я здѣсь вотъ, въ работномъ домѣ... Я вѣдь полицейскій... Т. е. попалъ сюда черезъ полицію... За нищенство забрали, хотя я, собственно говоря, и не просилъ никогда... Мнѣ еще здѣсь около мѣсяца придется отсиживать...

— Какъ же вы попали?

— Какъ попалъ?.. „По пьяному дѣлу“, конечно... Перепился точно такъ же, какъ и вы, да и какъ всѣ здѣсь...

— Вы въ Москву мѣста искать пріѣхали?..

— Какъ вамъ сказать,—отвѣтилъ онъ.—И самъ не знаю!

Мнѣ, собственно, не слѣдовало изъ дому уходить... Характеръ у меня чертовскій, вотъ что! Мнѣ все какъ-то скоро надоѣдаетъ... Жена у меня, напримѣръ, красивая, добрая, славная, и люблю я ее такъ, что и сказать не могу. Третій годъ всего какъ и женатъ на ней, а вѣдь вотъ, откровенно вамъ скажу, я и ушелъ изъ дому больше отъ нее... На зло ей захотѣлъ сдѣлать... Какъ она плакала, какъ умаливала меня не уходить... Нѣтъ, не послушалъ, ушелъ... Бросилъ ее, да еще какъ бросилъ-то... Ей, можетъ быть, всего только недѣлю до родовъ осталось!.. Какъ она теперь тамъ, несчастная, Богъ знаетъ! Главное тò подло, что она не знаетъ, гдѣ я... Изныло у меня все сердце!.. А написать не хочу... Не хочу, да и все... Выдерусь отсюда, уѣду... У меня кое-что заработано... Только одного боюсь,—продолжалъ онъ и провелъ рукой по лицу,—водки!.. Боюсь, какъ получу деньги — выпью... Ну, тогда не знаю, что... Тогда я погибъ!..

— А вы не пейте!

— Не пейте!.. Легко сказать — не пейте!.. Не знаю тамъ, какъ вы пьете, а я вотъ какъ пью, слушайте, я вамъ разскажу... Когда я уходилъ изъ дому, жена на колѣняхъ передо мной стояла—умоляла не пить, плакала... Руки мои цѣловала... Надоѣло мнѣ все!.. Послѣдніе два рубля взялъ у жены... Увѣрилъ ее, что, какъ пріѣду въ Москву, сейчасъ же поступлю на мѣсто и пришлю денегъ... Мать старушка тоже просила не уходить... „На кого ты насъ бросишь, несчастныхъ?.. Жена беременна... Послѣдніе дни ходитъ... Чего тебѣ не достаетъ?.. Какое тебѣ тамъ мѣсто? Кто приготовилъ?“ Ну, и все въ такомъ же родѣ, понимаете... Мать у меня старая, лѣтъ 70-ти, бывшая крѣпостная... Я мѣщанинъ, приписной къ городу Звенигороду... Недалеко отъ Москвы, верстъ 50... Домикъ у насъ свой... Землю у господъ арендуемъ... Огородъ... Покосъ... Корова есть, лошадь, куры, ну, словомъ все, кромѣ денегъ, и жить вообще можно...—Что я,—говорю матери, — буду здѣсь зиму-то безъ дѣла съ вами на печкѣ сидѣть... Я на мѣсто поступлю, а весной приду опять, когда надо... „Никакого тебѣ мѣста не надо,—говоритъ она,—а погулять ты захотѣлъ... Попьянствовать... Ну, какъ знаешь, иди... Богъ съ тобой...“ Собрался я съ вечера... приготовилъ одежу... пиджакъ, брюки, жилетъ, самые хорошіе. На женины деньги, что взялъ въ приданое, и купилъ-то ихъ... бѣлье, рубашки вышитыя, платочки носовые, полотенчики... ха, ха, ха!.. Ну, словомъ, все! Сапоги отличные, опойковые, съ резиновыми калошами... тоже на женины деньги куплены были... шубу и шапку барашковыя. Ну, однимъ словомъ, баринъ, такъ сказать, франтъ! Всю ночь я эту послѣднюю не спалъ... и жена тоже. Боже мой, какъ она просила меня не уходить!..

„милый, хорошій, не уходи, не бросай меня... умру я... Забудешь ты меня въ Москвѣ... Не уходи, не уходи!..“ Ахъ, да что говорить!.. Не разскажешь этого...

Онъ замолчалъ, сдѣлалъ папироску и легъ навзничь.

— Чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ онъ вдругъ, какъ-то сразу перевернувшись на бокъ ко мнѣ лицомъ и со злостью кинувъ на полъ скомканную папироску.—Какъ объяснить это? Вѣдь я же отлично зналъ тогда, что дѣлаю подлость, что дѣлаю возмутительное дѣло, что убиваю ее... Мнѣ хотѣлось плакать, глядя на ея мученья и слезы, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ были пріятны эти ея слезы... Тѣшили они меня... тѣшили мое чертовское самолюбіе... плачешь... страдаешь... жалко... любишь... мучаешься... и мнѣ тяжело, а всетаки я уйду... мучайся тутъ... страдай... плачь!.. Ахъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ,—не могу я объяснить этого чувства... разсказать не могу... изныло сердце! Подлость, подлость, и вмѣстѣ нѣтъ подлости, а есть любовь, одна только любовь!.. Вѣдь люблю же я ее... Господи! да, кажется, вотъ такъ сейчасъ бы и упалъ ей на грудь... заплакалъ бы... Все-то бы, все поняла она сердцемъ своимъ добрымъ, душою ангельской!.. И простила бы!..

Онъ перевернулся внизъ лицомъ и, какъ мнѣ показалось, началъ кусать подушку зубами.

— А что если она,—воскликнулъ онъ, привскочивъ на койкѣ и схвативъ меня за руку,—померла!.. Померла отъ родовъ?.. а?—И онъ съ выраженіемъ ужаса глядѣлъ на меня, ожидая отвѣта.—Тогда,—продолжалъ онъ, и глаза его дико сверкнули,—я разобью себѣ голову объ стѣну или сожгу себя на огнѣ, какъ полѣно дровъ!.. О, Господи!—продолжалъ онъ, немного успокоившись и выпустивъ мою руку изъ своей.—Я не знаю, что говорю и дѣлаю... во мнѣ все горитъ и кипитъ... То мнѣ жалко всѣхъ... то я готовъ зарѣзать свою мать, своего собственнаго ребенка!.. И всегда такъ, съ самаго, понимаете, моего дѣтства, все у меня шло вразрѣзъ. Я всегда былъ не такой, какъ другіе... Въ глубинѣ души я чувствовалъ себя способнѣе и умнѣе всѣхъ своихъ товарищей... Учился я отлично. Покойный отецъ не жалѣлъ денегъ на это. Деньги были... Онъ занималъ мѣсто управляющаго въ богатомъ имѣніи. Хотя онъ былъ простой человѣкъ, малограмотный, но страшно гордый и ученье ставилъ выше всего. Да не судилъ ему Богъ вывести меня—померъ. Такъ я и не окончилъ нигдѣ... Средствъ не стало. А господишки, которымъ мой отецъ служилъ всю жизнь, перенося ихъ дикій произволъ, не захотѣли платить за меня... Такъ я и сѣлъ на мель!.. Ну, выросъ я, окрѣпъ... Сняла старуха-мать земли въ аренду... женила меня... живи!.. Пить я сталъ сначала тайкомъ, еще до женитьбы, а потомъ вьявь... пристрастился къ

водкѣ... Да, тяжело это, а всетаки люблю. Голова кружится и горитъ какъ въ огнѣ, сердце бьется, готово выскочить, рой мыслей, одна другой смѣлѣе, кружатся въ головѣ!.. О, въ это время все мнѣ ясно... все я могу передѣлать, перемѣнить... Стоитъ только мнѣ захотѣть, и я открою людямъ глаза, и все измѣнится къ лучшему... Измѣнятся мысли, отношенія, обычаи, земля превратится въ рай земной, а люди въ братьевъ... Я говорю тогда и вѣрю въ могущество своего слова, вѣрю, что мною найденъ ключъ къ счастью, ко всеобщему благу... Я забираюсь въ такія минуты въ какую-нибудь трущобу, къ пьянымъ людямъ, гдѣ сидятъ обтрепанныя, растерзанныя дѣвки, пьютъ водку и ругаются, какъ извозчики. Я кричу, что насталъ день великаго торжества и счастья, что придетъ то время, когда, по словамъ поэта,

«... не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни цѣпей, ни позорныхъ столбовъ!..»

Мнѣ кажется тогда, что я великій человѣкъ... ораторъ, витія!.. Что передо мной масса слушателей. Что кругомъ меня все такъ красиво, свѣтло, радостно, просторно... Я, упиваюсь своими словами... слушаю ихъ, и мнѣ кажется, что во мнѣ все ликуетъ, поетъ, пляшетъ!.. Но когда изъ моей головы выдохнется водка, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ,— тогда я падаю съ неба на землю, прямо въ грязь! Тогда я не могу совладать съ собой... Все мнѣ гадко... Тоска, тоска гложетъ сердце! Я убѣгаю отъ постылыхъ людей, забиваюсь въ какую-нибудь дыру и горько, самъ не понимая, не зная о чемъ, плачу...

Онъ плакалъ и теперь... Слезы катились крупными каплями изъ его черныхъ, какъ черная смородина, глазъ по разгорѣвшимся щекамъ. Я, затаивъ дыханіе, слушалъ и смотрѣлъ на него. Мнѣ было грустно. Я чувствовалъ, что дрожу, но не отъ холода,—въ спальнѣ было страшно жарко,—а отъ чего-то другого.

— А годы, между тѣмъ, идутъ,— продолжалъ онъ,—все лучшіе годы... тратится жаръ души въ пустынѣ... Собственно говоря, лично я ничего не желаю... Богатые и бѣдные, сытые и голодные, умные и глупые всегда страдаютъ и будутъ страдать... Не въ этомъ дѣло... А вотъ—гдѣ справедливость? Гдѣ правда?..

Онъ замолчалъ, сѣлъ на койку, обхвативъ колѣни руками, широко раскрылъ глаза и проницательно взглянулъ на меня.

— На чемъ я остановился-то? Да... Ну такъ вотъ, всю ночь мы съ женой не спали... Она плакала, а я увѣрялъ ее, что все будетъ хорошо. Утромъ поднялся чѣмъ свѣтъ, переодѣлся, забралъ бѣлье, шубу надѣлъ... ухожу!..

Жена пошла проводить... Зашли мы съ ней въ лѣсъ... Съ версту отъ дома... Погода была гадкая, снѣжная... Устала она, запыхалась... Въ такомъ-то положеніи, понимаете... „Не ходи дальше, говорю ей,—устала... Простимся здѣсь и иди обратно“... Заплакала она... Бросилась ко мнѣ на шею... „Не забудь тамъ меня,—шепчетъ,—не забудь, голубчикъ мой... не уходи... Вернись... Помру я безъ тебя тутъ... Немного ужъ мнѣ осталось“... Высвободился я изъ ея объятій и пошелъ прочь... Прошелъ шаговъ сто, до повертка... Оглянулся, вижу: стоитъ она, руки заломила, плачетъ... Остановился и я... Слышу, шепчетъ мнѣ въ одно ухо совѣсть: „останься, что ты дѣлаешь? А въ другое: иди, иди, иди!.. Пусть ее плачетъ... Это ничего... Значитъ, любитъ... Будь мужчиной... Покажи свою твердость... Иди... Она тебя за это еще больше любить будетъ“...

Нахлобучилъ я шапку, поднялъ воротникъ у шубы, махнулъ рукой и скрылся изъ ея глазъ за поверткомъ... Ну, и пошло... Дошелъ до села, прямо въ кабакъ... Напился... Нанялъ подводу въ городъ... Пріѣхалъ, опять прямо въ трактиръ,—„Низокъ“ называется, гдѣ обыкновенно „золотая рота“ обитаетъ... Заказалъ четверть водки, собралъ этихъ молодцовъ, напился съ ними, разсказалъ имъ, какъ съ женой разставался, плакалъ, проповѣдывалъ имъ что-то, пѣсни они мнѣ пѣли, Христомъ меня называли... Шубу, помню, я здѣсь-же продалъ и какъ потомъ очутился въ Москвѣ, ужъ и не знаю... Знаю только то, что очнулся на Хитровкѣ и что у меня нѣтъ ичего... Ни денегъ, ни бѣлья этого вышитаго-то, ни пла точковъ носовыхъ, ни полотенчиковъ—ничего! Чистъ и голъ, какъ турецкій святой!.. Что дѣлать? Куда идти?.. Началось мученье... Не въ холодѣ и голодѣ дѣло... Это наплевать, а вотъ душевная-то мука, которая терзаетъ душу, жалитъ, какъ огнемъ, сердце, растравляетъ, какъ мучительную рану, совѣсть и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ свое великое дѣло, обновляетъ и очищаетъ человѣка! Не знаю, какъ вамъ объяснить, но только для меня въ этомъ есть своего рода невыразимая прелесть... Можетъ быть, этого-то очищенія мнѣ и хотѣлось...

Онъ замолчалъ, думая что-то, и потомъ продолжалъ:

— Остался я на Хитровкѣ жить... Ночевалъ у Ляпина... Питался кое-какъ... Все собирался домой идти, да не успѣлъ... Забрали меня и вотъ сюда попалъ... Теперь скоро, впрочемъ, выйду... Ну, тогда прямо домой... Хоть замерзать на дорогѣ, наплевать, а только домой, домой!.. Жена такъ и стоитъ передо мной въ той позѣ, какъ я ее въ лѣсу бросилъ...

Жива-ли она?.. Господи! Ну какъ нѣтъ!.. Что тогда? Кто виноватъ? Я... Что мнѣ за это?.. Какую казнь? Боже мой, Боже мой!..

Онъ отвернулся отъ меня, закрылся одѣяломъ и замолчалъ.

— Завтра вы не ходите утромъ въ столовую чай пить... все равно толку не добьетесь,—сказалъ онъ изъ подъ одѣяла,—здѣсь напьетесь со мной... У меня чайникъ есть и все... Спите! Прощайте!..

XVI.

Я не спалъ всю ночь... Масса впечатлѣній, вынесенныхъ въ продолженіе этого безалабернаго дня, до того расшатали нервы, что было не до сна. Забылся и заснулъ я только подъ утро. Но и этотъ сонъ былъ прерванъ оглушительнымъ звукомъ трещетки. Я вскочилъ, не понимая, гдѣ нахожусь и что такое за трескъ раздается около меня. Опомнившись и придя въ себя, я увидалъ сторожа, который ходилъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ спальни и оглушительно трещалъ на своемъ инструментѣ... Кажется, мертвый и тотъ бы возсталъ отъ этихъ звуковъ... Кромѣ того, онъ оралъ во всю глотку отвратительныя ругательства, заставляя скорѣе вставать и и убираться изъ спальни въ столовую...

Мой сосѣдъ не вставалъ... Онъ лежалъ, закрывшись одѣяломъ съ головой и не подавалъ, такъ сказать, признаковъ жизни. Посидѣвъ на койкѣ и видя, что всѣ одѣваются и уходятъ, пошелъ и я...

На дворѣ было вѣтрено, морозно и совсѣмъ темно... Скорчившіяся фигуры людей, подобно привидѣніямъ, по одиночкѣ и цѣлыми партіями, бѣжали внизъ подъ горку, мимо трубы, въ столовую...

Столовая, биткомъ набитая народомъ, изображала изъ себя настоящій адъ... Въ тускломъ полусвѣтѣ лампъ, окруженныхъ какимъ-то смрадомъ, оборванцы съ фантастически-страшными лицами лѣзли къ столамъ, добиваясь какой-то болтушки вмѣсто чая... Ругань, крикъ, шумъ были страшные!.. Дѣло доходило чуть не до драки...

Служащіе изъ такихъ же, какъ здѣсь выражались, „призрѣваемыхъ“, т. е. такіе же золоторотцы, какъ и мы всѣ, одѣтые въ синія рубашки и подобранные, видно нарочно, молодецъ къ молодцу, но съ какими-то прямо-таки разбойничьими лицами, разносили чайники, ругаясь отборными ругательствами и безцеремонно тыча „въ морды“ тѣмъ, которые подвертывались имъ подъ руку.

Какой-то молодой, тщедушный, страшно блѣдный, испитой, лѣтъ 17-ти парнишка подошелъ къ двери „кубовой", гдѣ заваривали изъ огромнаго клокотавшаго куба чай, и жалобно, держа въ тонкихъ, какъ спички, рукахъ кружку, попросилъ кипяточку.

— Дайте кипяточку кружечку,—сказалъ онъ,—сахару то у меня есть кусочекъ... Я-бъ выпилъ замѣстъ чаю... Погрѣлся бы...

— Кипяточку тебѣ?—переспросилъ малый, одѣтый въ синюю рубашку,—сейчасъ... Съ нашимъ удовольствіемъ... На, получай!..

Онъ схватилъ стоявшую въ углу на кучѣ сора и всякихъ нечистотъ метлу и ударилъ ею мальчишку по лицу... Парнишка отскочилъ... На его лицѣ показалась кровь. Онъ горько заплакалъ, вытирая глаза рукавомъ казеннаго пиджака...

— Черти!—между тѣмъ оралъ прислужникъ,—лѣзетъ всякая дрянь!.. Кипяточку... Вотъ тебѣ кипяточекъ... Мало?—еще дамъ...

Видя все это и какъ-то „обалдѣвъ" отъ непривычнаго шума, ругани, крика и смрада, я хотѣлъ было уйти обратно въ спальню въ 15 №... Но туда меня уже не пустили... Здѣсь, какъ оказалось, былъ заведенъ порядокъ, чтобы весь этотъ несчастный чернорабочій людъ, за неимѣніемъ пока дѣла, пребывалъ въ столовой, не имѣя права съ пяти часовъ утра до шести вечера отлучаться изъ нея куда бы то ни было... Этотъ порядокъ былъ крайне тягостенъ... Представьте себѣ множество народа, загнаннаго въ тѣсное помѣщеніе, съ утра и до ночи обязаннаго находиться въ шумѣ, толкотнѣ, духотѣ, грязи, и вы поймете, какъ это тяготитъ и озлобляетъ полуголодныхъ и безъ того ошалѣвшихъ, несчастныхъ людей...

Чернорабочіе не то, что слесаря, столяры и вообще мастеровой людъ... Этимъ, такъ или иначе, всегда есть дѣло; чернорабочимъ-же надо ждать, пока потребуется партія куда нибудь на желѣзную дорогу, на свалку или еще куда... за неимѣніемъ же работы—приходится сидѣть у моря и ждать погоды...

Въ столовой скопляется въ такое время по нѣскольку сотъ человѣкъ... Люди, какъ тѣни, съ унылыми лицами ходятъ, толкутся, курятъ, ругаются и ждутъ съ нетерпѣніемъ съ утра—обѣда, а съ обѣда—ужина...

Дѣлать было нечего... Пришлось возвратиться снова въ столовую... Чай отпили... Народу скопилось такое множество, что не было свободнаго мѣстечка сѣсть... Тѣ-же, кому удалось приткнуться гдѣ нибудь, покидали свои мѣста только въ крайнихъ случаяхъ... Столовая гудѣла человѣческими го-

лосами, точно лѣсъ въ бурю или громадный котелъ, который гудитъ и бурлитъ, закипая...

Какая-то гадкая смѣсь изъ дыма, копоти, сырости, людского пота и испареній стояла въ воздухѣ... Лица, худыя и полныя, блѣдныя и красныя, старыя и молодыя, мелькали передъ глазами, какъ мелькаютъ деревья, столбы, поля, деревнюшки, когда смотришь изъ окна вагона во время быстраго хода поѣзда...

Сосредоточиться, остановить вниманіе на какомъ-нибудь одномъ лицѣ не было никакой возможности...

Разговоры окружающихъ меня людей, когда я нѣсколько свыкся съ шумомъ и сталъ прислушиватся къ нимъ, велись по большей части на одну тему... Тема эта:—какъ пропился, какъ заработаю, куплю пиджакъ, брюки, найду мѣсто... Или же: какъ и гдѣ забрала полиція, какъ „стрѣлялъ", какъ жилъ на Хивѣ, какъ воровалъ...

Одинъ сѣденькій, маленькаго роста старичокъ, на головѣ у котораго была надѣта порыжѣвшая съ широкими полями шляпа, привлекъ мое вниманіе своимъ чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ... Я подошелъ къ нему, и мы мало-по-малу разговорились... Онъ сидѣлъ въ уголкѣ, на выступѣ окна, у самой двери и добродушно поглядывалъ съ улыбкой на толпу сновавшихъ мимо людей, покуривая коротенькую трубочку. носогрѣйку.

Изъ его словъ оказалось, что онъ попалъ черезъ полицію за прошеніе милостыни и сидитъ здѣсь третій мѣсяцъ, а когда выпустятъ—не знаетъ...

— Плохо здѣсь,—жаловался онъ мнѣ:—порядку нѣтъ, работы нѣтъ... вша поѣдомъ ѣстъ... въ тюрьмѣ много лучше...

— А ты былъ?

— Эвося! ты спроси: гдѣ я не былъ?..

— Чѣмъ же тамъ лучше?

— Въ тюрьмѣ-то?.. Въ тюрьмѣ, я тебѣ прямо, какъ передъ истиннымъ, скажу, для нашего брата, что въ раю пресвѣтломъ...

— Да, ну!—воскликнулъ я, удивленный этимъ сравненіемъ...

— Вотъ те и ну... не нукай, не запрегъ... Вѣрно тебѣ сказываю... Ты слушай: перво-на-перво чистота... спокойствіе, порядокъ... Умирать не надо!.. А главная причина — харчъ: ѣшь, пока брюхо не разопретъ...

— Плохо же тебѣ, должно быть, жилось на свѣтѣ,—сказалъ я, глядя на его морщинистое, удивительно симпатичное лицо,—коли ты лучше тюрьмы ничего не находишь...

— Всего бывало,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—жилъ и жизнь изжилъ... Теперича мнѣ три тесницы да поверхъ крышку,

болѣ ничего и не надо!.. Такъ-то, землячокъ!.. Нако-сь курни.. Чай, табачишку-то нѣту?..

Въ окнахъ начало свѣтлѣть... Пришелъ ламповщикъ съ двумя привязанными къ боку на веревкѣ „ершами“ и задулъ лампы... Въ столовой сдѣлался полумракъ... Гулъ голосовъ какъ будто нѣсколько стихъ... Люди, сидѣвшіе на скамейкахъ за столами, спали, положа на нихъ головы... Не имѣвшіе мѣстъ,—а такихъ было большинство,—топтались въ этой полутьмѣ, какъ напуганное стадо овецъ...

Стало совсѣмъ свѣтло... День начинался ведренный, морозный. Солнечный ослѣпительно яркій свѣтъ проникъ всюду, и при этомъ освѣщеніи картина получилась еще печальнѣе... Вся нагота, грязь, рвань выплыли на свѣтъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, застланныя только дымомъ махорки...

Я нигдѣ не видывалъ, чтобы такъ много и жадно курили, какъ здѣсь... Къ обмусленному, жгущему уже губы, брошенному на полъ окурку бросалось нѣсколько человѣкъ разомъ, стараясь завладѣть имъ и хоть какъ-нибудь, рискуя обжечь губы, затянуться, или, какъ здѣсь говорили, „хватить“ разочекъ...

Особенно запомнился мнѣ одинъ чахоточный: желтый, высокій и худой, какъ скелетъ. Обернувшись лицомъ въ уголъ, онъ жадно глоталъ, втягивая щеки, табачный дымъ... Глотнетъ разъ, другой, боязливо обернется, посмотритъ кругомъ, какъ затравленный волкъ, идіотскими мутными глазами и опять, обернувшись въ уголъ, жадно и часто начинаетъ глотать!.. Что-то до того отталкивающее, страшное и вмѣстѣ жалкое было въ фигурѣ этого согнувшагося, чахоточнаго человѣка, что я до сей поры не могу забыть его... Фигура эта такъ и стоитъ у меня передъ глазами, какъ живая, во всей своей отталкивающе ужасной жалкой наготѣ!..

Время шло безконечно медленно... Отъ непрестаннаго гула и шума кружилась голова... Тѣло чесалось и горѣло, какъ въ огнѣ... Изъ шерсти полушубка на чистую холщевую рубаху выползли насѣкомыя въ такомъ множествѣ, что я струсилъ, зная, что избавиться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности...

— Что, землячокъ, это, видать, не у жонки на печкѣ,— сказалъ, улыбаясь, какой-то мужикъ, чернобородый, какъ жукъ.—Такъ намъ и надо!.. За дѣло!.. Часъ мы себя тѣшимъ, а годъ чешемъ... Такъ то!.. Да, братъ, ихъ въ этой самой шерсти то можетъ сила... лопатой греби!.. Самъ посуди, какъ не быть то: я поношу—оставлю, ты поносишь—оставишь, такъ оно колесо и идетъ... Кабы ихъ, полушубки то, прожаривать, ну тогда дѣло десятое... а то ему износу нѣтъ!.. Разорвалъ ты примѣрно... Клокъ выдралъ... Сичасъ на этотъ са-

мый клокъ, заплату приляпаютъ... Готово дѣло!.. Такъ заплату на заплату и сажаютъ... Въ Москвѣ вонъ, когда на работу идешь, все новое даютъ: полушубокъ, валенки, рукавицы... Неловко тамъ то: господа ходятъ, начальство... Ну, а здѣсь нашего брата замѣстъ собакъ почитаютъ.

— Ох-хо-хо,—продолжалъ онъ печально,—горе наше насъ сюда гонитъ, а главная причина—слабость къ винному дѣлу... Я вотъ кузнецъ... На волѣ то каки деньги заколачивалъ, а тутъ вотъ пятыя сутки безъ дѣловъ и уйти нельзя, до гашника пропился... Бить насъ надо, кнутомъ жучить, чтобы помнили... Да!..

Онъ вдругъ остановился, послушалъ и сказалъ:

— Никакъ запѣли?.. Такъ и есть! Вечоръ тутъ двое какихъ-то стрюцкихъ, должно изъ лягавыхъ, важно пѣли... Надо полагать, это опять они?.. Пойдемъ, послушаемъ.

Народъ, какъ волна, хлынулъ въ другое отдѣленіе столовой, откуда доносилось пѣніе. Мы тоже прошли туда, въ самый дальній уголъ, около стѣны. Народъ сплошной массой окружалъ это мѣсто... Черезъ головы толпы, я увидалъ сидѣвшихъ на скамейкѣ двухъ какихъ-то субъектовъ...

Одинъ былъ пожилой, худощавый, съ длинными волосами, съ горбатымъ носомъ. Другой,—совсѣмъ еще молодой, почти мальчикъ, бѣлокурый и румяный, съ круглыми на выкатѣ глазами.

Пропѣвъ что-то, не громко, какъ будто налаживаясь, они замолчали, посмотрѣли на толпу, перешепнулись о чемъ-то и вдругъ, какъ-то сразу, старшій махнулъ рукой и запѣлъ могучимъ и чистымъ басомъ. Къ нему сейчасъ же присталъ молодой съ своимъ теноромъ и полились чистые, тоскливые, такъ и рѣзанувшіе по сердцу слова неизвѣстно кѣмъ сочиненной пѣсни:

„Ахъ ты, доля, ахъ ты, доля,
Доля бѣдняка,
Тяжела ты безотрадна,
Тяжела—горька“!..

Казалось, что эти рыдающіе звуки шли не изъ темнаго угла столовой, а падали откуда-то сверху отчаяннымъ дождемъ слезъ. Какъ будто невѣдомая болѣзненно-жуткая скорбь перенесла въ эту столовую всю тоску и горе забитаго, обездоленнаго люда...

„Не твою-ли, бѣднякъ, хату
Вѣтеръ пошатнулъ?
Съ крыши ветхую солому
Поразнесъ, раздулъ“...

Всѣ слушали, затаивъ дыханіе, не шевелясь... Пѣсня лилась широкою волною... Этотъ жалобный вопль, мольба, стонъ и плачъ какъ будто расширили столовую своимъ безбрежнымъ отчаяніемъ. Жутко было слушать... Жутко и сладко... Люди стояли молча, вперивъ глаза въ пѣвцовъ, и не одна, думаю, грудь колебалась отъ мучительныхъ рыданій и не одно сердце ныло, плакало и горѣло огнемъ мучительныхъ воспоминаній о лучшей, давно прошедшей, закиданной грязью, залитой сивухой, жизни...

Я слушалъ, глотая слезы, и передо мной быстро и ярко проносились картины за картиной... Точно какое-то огромное окно вдругъ открылось передъ глазами, и я глядѣлъ въ это окно, вновь переживая то, что было такъ давно и что прошло, прошлю навсегда!..

Мнѣ виднѣлась рѣчка... Берега ея густо заросли олешнякомъ, черемухой, дикой черной смородиной и высокой, какъ тростникъ, осиной... День ясный, веселый, солнечный... На хрустально-прозрачной водѣ, тамъ и сямъ, дрожатъ, какъ живые, отъ быстраго теченія широкіе листья водяного лопуха... Кое гдѣ на этихъ листахъ сидятъ стрекозы и трещатъ по временамъ своими прозрачно-хрустальными, какъ слюда, крылышками... Крупные темно-сѣрые водяные комары, разставя ноги, какъ на лыжахъ, быстро, не оставляя никакого слѣда, скользятъ по водѣ, какъ по зеркалу... Стайки мелкихъ, серебристыхъ верхоплавокъ гуляютъ на неглубокихъ мѣстахъ, то выскакивая на поверхность, то, быстро сверкнувъ, разсыпаются, какъ стальныя иголки, въ разныя стороны, убѣгая отъ волка-щуки... Задумчиво-важные головли, похожіе на старыхъ генераловъ въ отставкѣ, тихо гуляютъ поверху, надъ глубокими омутами.

Осторожная утка, окруженная семьей желтенькихъ быстро снующихъ вокругъ нея утятъ, выплываетъ изъ осоки на чистое мѣсто, тихонько крякая, словно говоря имъ: „тише, тише, дѣтки"... Зеленая лягушка, забравшись на верхушку высунувшагося изъ воды, обросшаго мохомъ камня, изрѣдка квакаетъ, какъ-то особенно смѣшно тараща глаза и раздувая на щекахъ бѣлые, точно мыльные пузыри, кружочки... Надъ водой кружатся ласточки, и съ пронзительнымъ свистомъ, какъ пули, обгоняя другъ друга, проносятся стрижи...

Я сижу на берегу, подъ кустомъ и гляжу на поплавокъ... Мнѣ жарко... Клонитъ ко сну... Рыба не клюетъ.. Я быстро стаскиваю съ себя рубашенку, штанишки и бросаюсь, перекрестясь, въ студеную, прозрачную, какъ хрусталь, воду!.. Какимъ дождемъ посыпались брызги!.. Какъ хорошо!.. Какъ весело!.. Какъ радостно бьется мое дѣтское сердчишко!..

Боже мой! Гдѣ это все?.. Я-ли это былъ тогда?.. Гдѣ тотъ

я?.. Куда онъ дѣлся?.. Что осталось отъ него? Кто виноватъ?.. О, какъ тяжело...

И снова мелькаетъ картина:

За рѣчкой лѣсъ... Молодыя, стройныя красавицы березки ростутъ въ перемежку съ орѣшникомъ, рябиной, кленомъ, съ кустами жимолости, волчьихъ ягодъ, черемухи... По низу, въ сочной и мягкой травѣ краснѣетъ земляника, цвѣтутъ фіалки, ландыши... Нѣжно-голубыя незабудочки да „Иванъ съ Марьей", точно коверъ, покрываютъ небольшія полянки... Въ тѣни кустовъ папоротникъ раскинулъ по сторонамъ свои листья. Медуница, дикая ромашка, фіалки, ландыши насыщаютъ воздухъ ароматами... Цѣпкіе листья хмѣля ползутъ по кустамъ, драпируя ихъ роскошной зеленью... Отъ цвѣтущаго хмѣля идетъ сильный пьяный духъ...

А сколько здѣсь жизни и движенія!..

Въ кустахъ чирикаютъ и поютъ на разные голоса чижи, пѣночки, малиновки, корольки... Маленькіе зяблики перескакиваютъ торопливо съ вѣтки на вѣтку... Какіе-то крохотные, кругленькіе, какъ шарики, съ бѣлыми зобочками — птички, порхаютъ небольшими стайками съ дерева на дерево, тихонько чирикая, нѣжно и мелодично... Черный дроздъ, усѣвшись на самой вершинкѣ стройной и тонкой сосенки, старательно выводитъ свои трели и вдругъ, испугавшись чего-то, стремительно, точно камушекъ, падаетъ внизъ и пропадаетъ въ травѣ... Пронзительно и какъ-то неожиданно-громко, на весь лѣсъ, крикнетъ иволга... Кукушка, распустивъ хвостъ вѣеромъ и кивая головкой, выкрикиваетъ свое однообразное ку!-ку!.. Въ глуши, меланхолично цѣлыми днями точно молодыя вдовы, жалующіяся на свою долю, воркуютъ горлицы...

Изъѣденный до нельзя комарами и мелкой мошкарой заяцъ, торопливо ковыляя и смѣшно вскидывая задомъ, выскакиваетъ вдругъ, какъ полоумный, на полянку, садится на заднія лапки, вытягивается, слушаетъ съ уморительно-серьезной мордочкой, шевеля кончиками поднятыхъ ушей, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, принимается передними лапками часто, часто тереть себѣ щеки...

Но вотъ, гдѣ-то далеко-далеко слышатся раскаты грома, глухіе и мощные... Гроза еще далеко, но уже деревья притихли и ждутъ ее чутко и боязливо... Ярко свѣтившее солнце скрылось... Темно-свинцовая туча растетъ, величаво медленно надвигается, ползетъ по небу, какъ бы цѣпляясь огромными лапами за верхушки лѣса...

Въ лѣсу все затихаетъ... Но вотъ гдѣ-то загудѣло... Шумъ все растетъ... Вотъ сразу какъ-то вся затряслась, залепетала листьями чуткая осинка... За ней зашумѣли березы... Тяжелыя капли дождя зашлепали по листьямъ... Оглушительный

ударъ грома разсыпался надъ головой, и вслѣдъ за нимъ льетъ, какъ изъ ведра, дождь...

Удары грома, блестящіе зигзаги молній, вой вѣтра, шумъ лѣса, все слилось въ одну общую, необыкновенно величавую гармонію. Но вотъ, мало-по-малу, гроза стихаетъ... Дождь все тише и тише... Постепенно удаляясь, громыхаетъ громъ... И вдругъ сразу въ лѣсъ ворвалось солнце!.. Господи, какъ хорошо! Какъ все блеститъ и сіяетъ!.. Съ листьевъ, какъ алмазы, падаютъ дождевыя капли... Трава и умывшіеся цвѣты стоятъ и точно смѣются... Птицы опять зачирикали, защебетали, запѣли...

Мы съ матерью ходимъ по лѣсу и собираемъ грибы...

— Сенька!—а-у-у!—слышится гдѣ-то вдали ея голосъ.— Сенька, потрѣленокъ, гдѣ ты?!. А-у-у!..

. . . .

Пѣвцы вдругъ какъ-то сразу кончили... Слушатели долго не отходили отъ нихъ, ожидая новыхъ пѣсенъ... Но они не пѣли и, поднявшись съ своихъ мѣстъ, ушли куда-то...

Семенъ Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НА СТАРОМЪ ПЕПЕЛИЩѢ.

I.

Дулъ вѣтеръ съ утра... Какъ свинцомъ налита́,
Сердито вздувалась рѣка за кормою:
Еще разъ провѣдать хотѣлъ я мѣста,
Любимыя нѣкогда мною.

Вдоль стройныхъ, одѣтыхъ въ гранитъ, береговъ
Я плылъ съ затуманеннымъ сердцемъ и взоромъ;
И тускло свѣтилась фаланга дворцовъ
За воднымъ широкимъ просторомъ.

Застыли гиганты въ таинственномъ снѣ
Среди величавой, унылой пустыни...
Вонъ, сѣрой змѣею въ другой сторонѣ
Стѣна притаилась твердыни.

И долго туда я, и жадно глядѣлъ...
. . . .
О, годы проклятые, мимо!

Лѣниво тянулся холодный гранитъ,—
И слезы въ груди закипали невольно:
Отъ старыхъ страданій и старыхъ обидъ
Такъ было и сладко, и больно!..

Чу, свистъ... Пароходъ меня дальше понесъ.
Угрюмые своды изъ камня и стали,
Съ рокочущимъ гуломъ копытъ и колесъ,
Не разъ надо мной пролетали,

И грозно въ пролетахъ шипѣла волна.
Исакія шлемъ замелькалъ золоченый...
Вотъ узкая красная лента видна
Средь липовой рощи зеленой.

Какъ дрогнуло сердце опять!—Я узналъ:
Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ незабвенныхъ, когда-то
Я воздухъ познанья такъ жадно вдыхалъ,
Такъ въ Истину вѣровалъ свято.

Но съ гордыхъ, заоблачно-льдистыхъ высотъ
Она, какъ царица, на землю глядѣла;
До боли вседневныхъ скорбей и заботъ
Владычицѣ не было дѣла.

А мы... Мы любили отчизну, какъ мать,
Всѣмъ пыломъ сердецъ беззавѣтно-влюбленныхъ;
За братьевъ всю душу хотѣли отдать,
За братьевъ, судьбой обойденныхъ!

И душенъ намъ сталъ величавый чертогъ...
. . . .

Но вотъ ужъ и сфинксы... Пришельцы изъ Ѳивъ
Загадочнымъ взоромъ глядятъ другъ на друга;
Все снится имъ желтаго Нила разливъ
Подъ солнцемъ сверкающимъ юга.

Въ чужбинѣ холодной ужъ семьдесятъ зимъ
Вкругъ нихъ отшумѣло... Все длится изгнанье!
О, бѣдные сфинксы! Я боленъ другимъ,
Но ваше цѣню я страданье.

Мы старые съ вами знакомцы... Не разъ
Ввѣрялъ я вамъ тайну святого обѣта,—
И долго бродилъ здѣсь, и спрашивалъ васъ
О часѣ, минутѣ разсвѣта.
. . . .

Свинцовое небо грозило дождемъ;
Мнѣ горькое въ душу сомнѣнье закралось:
Здѣсь камни повсюду твердятъ о быломъ,
Но люди... Что̀ въ людяхъ осталось?!

II.

Въ огромной столицѣ одинъ уголокъ
Я вспомнилъ,—душѣ дорогой и завѣтный.
Безшумно катился тамъ жизни потокъ—
Тѣснился въ нуждѣ безпросвѣтной

Рабочій народъ. Тамъ и мы, молодежь,
Ютились по скромнымъ мансардамъ и кельямъ,
Враждою встрѣчая лишь трусость и ложь,
А муки лишеній—весельемъ.

Въ средину бесѣды тамъ блѣдный разсвѣтъ
Врывался нерѣдко холодной волною;
Тамъ зрѣли герои, дивившіе свѣтъ
Душевной своей красотою...

Все сразу узналъ я,—ту улицу, домъ,
Въ которомъ окошко до свѣта мелькало,
Какъ звѣздочкой ясной, маня огонькомъ
Въ укромный пріютъ идеала.

Но каменный выросъ гигантъ впереди,
Исчезло окно за стѣною огромной...
Съ безумно забившимся сердцемъ въ груди
Бѣгу я по лѣстницѣ темной!

Минута—и юность вернется назадъ:
Отворится дверь—ярко солнце засвѣтитъ—
Съ серебрянымъ смѣхомъ, съ косою до пятъ
Меня моя милая встрѣтитъ!..

Я долго звонилъ... Въ нетерпѣньи рванулъ
Завѣтную дверь—и во тьмѣ корридора
Одинъ очутился... Несдержанный гулъ
Услышалъ я жаркаго спора.

Звенѣла толпа молодыхъ голосовъ.
Обрывки рѣчей до меня долетали...
Спадала завѣса, изъ мрака годовъ
Знакомыя тѣни вставали!

Я кашлянулъ. Выглянулъ стройный брюнетъ:
Глаза удивленно и строго глядѣли...
Мелькнула головка кудрявая вслѣдъ
Съ глазами пугливой газели.

Еще и еще, точно въ полѣ цвѣты...
Въ смущеньи стоялъ я, слова подбирая,
А въ сердцѣ побѣдныя пѣли мечты:
Да здравствуетъ жизнь молодая!

П. Я.

ВНѢ ЖИЗНИ.

(Разсказъ).

I.

О. игуменъ дочиталъ послѣднюю корреспонденцію изъ провинціи, просмотрѣлъ отдѣлъ „смѣси“, гдѣ разрѣшался вопросъ, есть ли обитатели на Марсѣ, и указывалось вѣрное средство отъ прыщей, затѣмъ скользнулъ глазами по объявленіямъ, зѣвнувъ, положилъ газету на столъ и пріятнымъ жирнымъ баскомъ запѣлъ вполголоса: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!..“—точно благодаря Бога за все то, о чемъ ему только что разсказали корреспонденты „Свѣта“. Потомъ онъ широко, сочно зѣвнулъ опять и, подойдя къ окну, запѣлъ потихоньку: „гласа-а-ми архангельскими“, но вдругъ вспомнилъ, что онъ не прочелъ еще „Московскія Вѣдомости“, которыя ему кто-то высылалъ безплатно. Взявъ газету и сорвавъ съ нея бандероль, онъ опять сѣлъ въ свое мягкое, покойное кресло и углубился въ чтеніе передовицы объ инородцахъ. Статья очень понравилась игумену: будучи горячимъ патріотомъ, онъ терпѣть не могъ никакихъ инородцевъ, козни которыхъ противъ Россіи выводили его изъ себя... Раньше о существованіи этихъ инородцевъ и ихъ козняхъ игуменъ и не зналъ ничего,—онъ былъ изъ крестьянъ и грамотѣ зналъ плохо,—но, попавъ въ настоятели, онъ пристрастился къ чтенію газетъ и, вслѣдствіе этого, возненавидѣлъ инородцевъ.

Тихо, уютно было въ этой чистой, свѣтлой, пахнущей ладономъ комнатѣ; тишина ея нарушалась лишь мѣрнымъ тиканьемъ старинныхъ часовъ за стѣной, воркованьемъ голубей на карнизѣ окна да шелестомъ газеты. Хорошо натертый полъ, лакированные столы и стулья, большая фарфоровая съ золотомъ кружка, изъ которой игуменъ пилъ чай, сдобныя булки въ проволочной корзинкѣ,—все это было какъ-то особенно чисто, все это блестѣло какимъ-то особеннымъ, самодовольнымъ, сытымъ блескомъ. И фигура игумена дополняла

еще болѣе это впечатлѣніе сытости и довольства. Это былъ высокій, плотный, здоровый старикъ съ бѣлой, серебристой бородой, съ розовыми щеками, съ бѣлыми, пухлыми, „крупичатыми" руками. Въ прямой, жесткой складкѣ его нѣсколько большого рта сказывалась воля и умѣнье владѣть собой, маленькіе сѣрые глаза, прячущіеся за густыми сѣдыми бровями, говорили о природной хитрости, о томъ, что игуменъ былъ человѣкъ „не промахъ", человѣкъ „себѣ на умѣ". Одѣтъ онъ былъ въ желтоватый чесучовый подрясникъ, изъ-подъ котораго виднѣлись прочные, ярко начищенные сапоги; маленькая, изъ фіолетоваго бархата, шапочка украшала его сѣдую голову; на груди блестѣлъ золотой наперсный крестъ...

Весь погруженный въ разсужденія газеты о необходимости уничтожить всѣхъ инородцевъ, игуменъ не слыхалъ, какъ въ дверь легонько постучали. Стукъ повторился.

— Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ...

— Аминь, аминь... — нетерпѣливо отозвался игуменъ. — Входи, кто тамъ?

Въ комнату вошелъ, слегка прихрамывая, маленькій, сухенькій монашекъ. Это былъ о. Николай, „гостинникъ", лицо приближенное къ игумену, который любилъ его за сметку, за умѣнье обходиться съ богомольцами, за ловкое веденіе разныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. О. Николаю было лѣтъ сорокъ пять; онъ долгое время былъ „рясофорнымъ", отговариваясь отъ постриженія въ монахи тѣмъ, что его „врагъ искушаетъ", что надо погодить. Никакихъ искушеній онъ, собственно, не зналъ, а выжидалъ такъ просто, изъ осторожности, боясь, какъ бы не прогадать; потомъ, взвѣсивъ все, убѣдившись, что не прогадаетъ, онъ рѣшился постричься. Теперь жизнь его текла тихо и мирно, безъ заботы о будущемъ: „паспортъ на спинѣ, хлѣбъ на головѣ" *)—о чемъ заботиться?.. Всегда тихенькій и елейный, послѣ постриженія о. Николай сталъ еще елейнѣе и, поднимая къ небу свои лисьи, острые, какъ два шила, глазки и поджимая свои сухія, тонкія губки, вздыхалъ о своихъ прегрѣшеніяхъ и повторялъ сокрушенно: „охъ, искушеніе"!.. Братія его не любила, звала кляузникомъ, выжигой, Іудой-предателемъ и осуждала его сребролюбіе и „гортаннобѣсіе". Вопреки монастырскому уставу, запрещающему монахамъ частную собственность, о. Николай усердно собиралъ „на чайки" съ посѣтителей: мало ли что можетъ случиться, — клобукъ вѣдь не

---

*) Монастырская поговорка. Паспортъ — парамонъ, небольшой квадратный кусокъ холста, который дается иноку при полномъ постриженіи и носится имъ всю жизнь подъ подрясникомъ, на спинѣ; хлѣбъ—клобукъ, снимающій съ монаха всякую заботу о пропитаніи.

гвоздемъ прибить... Впрочемъ, онъ не мало тратилъ изъ нихъ на конфекты, яблочную пастилу, печенье, варенье,—онъ былъ большой сластена.

— Ну, что тамъ?—спросилъ игуменъ о. Николая, торопливо дочитывая послѣднія хлесткія строчки объ инородцахъ.

— Да на счетъ брата Ивана все...—помолившись на иконы, отвѣчалъ о. Николай.

— Ну?—спросилъ игуменъ, оставляя газету.

— Да что!.. Искушеніе одно... Смущаетъ его врагъ и денно, и нощно; мятется духъ въ немъ...

— Молодъ, потому...—отвѣчалъ, зѣвая, игуменъ.—Юность есть время воскипѣнія въ человѣкѣ жизни и духовной, и тѣлесной... Что онъ опять тамъ?

— Да опять просится, чтобы вы дали ему какое другое послушаніе, хоть самую тяжелую работу, только чтобы при гостиницѣ не быть.

— Что такъ?

— Пыталъ я, не говоритъ... Просится только, чтобы ослобонить...

— Ну, пусть придетъ, я самъ поговорю съ нимъ.

— Слушаю...—отвѣчалъ о. Николай и, какъ-то особенно тонко, едва замѣтно улыбнувшись и потупивъ глазки, проговорилъ:—а вчера опять на подворьѣ исторія у насъ вышла...

— Ну?

— Ну, поѣхали мы съ о. экономомъ да съ братомъ Іоной въ городъ, на подворье, управились это съ дѣлами... да, я забылъ сказать: масло получено, какъ писали, а вина все нѣтъ. И чтой-то за народъ только, — хоть ты имъ голову всю разбей, говоримши... Искушеніе...

— Надо опять написать...

— Написалъ о. экономъ... Въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, будемъ брать, ежели эдакъ дѣлать будете. Авось, послушаютъ... Да, такъ вотъ, управились мы съ дѣлами, приходимъ это на подворье,—какъ разъ къ трапезѣ. Ну, помолились Богу, сѣли... Вдругъ въ дверь стучатъ. Пошелъ Іона, отворилъ,—входитъ человѣкъ, оборванный весь, босой... Винищемъ такъ и разитъ... Изъ „стрѣлковъ“ *)... Что нужно?—спрашиваю. Такъ и такъ, говоритъ, погибаю, спасите, говоритъ,—а голосъ эдакій хриплый, все нутро, видно, сжогъ человѣкъ. Какой помощи, говорю, просишь? Деньгами, говорю, такъ не прогнѣвайся... „Нѣтъ, говоритъ, дозвольте переночевать, угла никакого нѣтъ, изъ пришлыхъ я... А на улицѣ дождикъ... А потомъ въ монастырь возьмите, поработаю для Господа Бога хоть недѣльку, авось, дьявольское-то навож

*) «Стрѣлокъ», «землемѣръ»—бродяга.

деніе и пройдетъ. Совсѣмъ спился, все потерялъ... И работу, и одежу,—все... Слесарь я, и хорошій. Поработаю для братіи, Христа ради, помолюсь, авось, и пройдетъ.“ Это, говорю не въ моей власти, иди къ игумену, проси благословенія Ежели разрѣшитъ, такъ ладно, а то такъ не прогнѣвайся... „Ладно, говоритъ, къ игумену пойду. Только переночевать ужъ дозвольте на подворьѣ да закусить маленько, съ утра не ѣлъ“... Это, говорю, можно. Вотъ поѣдимъ мы,—а мы только за картошку взялись,—а тамъ и ты сядешь... И ночевать можно,—хоть въ сараѣ на сѣнѣ, или еще лучше въ передней; пожалуй, подпалишь сѣно-то... „Спаси васъ Господи“, говоритъ... Вдругъ, гляжу, нашъ Іона нахмурился и покраснѣлъ весь,—просто какъ огненный: „Что онъ, говоритъ, собака, что ли, объѣдки-то ѣсть будетъ?..“ А самъ и глазъ не поднимаетъ, въ мискѣ ложкой займается... „Чай, онъ, говоритъ, такой же человѣкъ, пусть ѣстъ съ нами“... Услыхалъ это босякъ,—„ничего, ничего, говоритъ, я обожду... не безпокойтесь“... Пошелъ и сѣлъ въ передней на лавочкѣ. Потомъ поѣлъ, проспалъ ночь, и сегодня ужъ къ полдню сюда прикатилъ. Благословенія поработать проситъ...

— Ну ихъ...—отвѣчалъ игуменъ.—Только грѣхъ отъ нихъ одинъ. Сработаетъ на грошъ, а соблазну не оберешься. Господь съ нимъ... Покормите его тамъ, да чтобы съ Богомъ и шелъ... Эдакъ-то лучше... А Іону... того... пожурю... Духу-то въ немъ больно много... Эдакъ добра не будетъ изъ парня...

— Непокорство, своеволіе...—вздохнулъ о. Николай.— Свою волю все творить охота. Забываетъ, гдѣ мы... О, Господи, прости наши великія согрѣшенія, яко благъ и человѣколюбецъ...

Игуменъ побарабанилъ пальцами по столу.

— Ну, больше ничего?..

— Кажись, ничего...—отвѣчалъ о. Николай, глядя въ сторону, и вдругъ, точно вспомнивъ, спохватился.—Да вотъ хотѣлъ я показать вамъ еще, батюшка... книги ему, Іонѣ, все носятъ. Господь его знаетъ, что онъ въ нихъ все ищетъ... Запретили вы ему въ книжницу-то нашу бѣгать, такъ вотъ теперь со стороны ладитъ все какъ бы достать... И эти вотъ тайкомъ хотѣли передать на подворьѣ, да я усмотрѣлъ и взялъ,—потому какъ безъ благословенія можно?..

— Ну-ка, что это тамъ за книги?

— А вотъ, поглядите...—отвѣчалъ о. Николай, вытаскивая изъ бездоннаго кармана своего старенькаго подрясника два объемистыхъ тома.

— „Отечественныя Записки“...—прочелъ вполголоса съ разстановкой о. игуменъ.—Гм... такъ. А это?.. Ишь ты, вы-

драно заглавіе-то... Кости человѣчьи все нарисованы... Господи батюшка, и кошачій шкилетъ!.. Ну, Іона!..

Изъ книги выскользнула маленькая, ярко раскрашенная брошюрка.

— Это еще что?..— проговорилъ игуменъ, поймавъ ее.— „Очарованный замокъ"... это что же еще такое?... „или воля рока"... Ишь ты... Н-ну, Іона!..

— Дипломатъ...—покачалъ головой о. Николай.—Ему все знать нужно... Умственность разводитъ... Одолѣваютъ его врата адовы, поддается кознямъ врага человѣческаго...

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...—раздался за дверью старческій, шамкающій голосъ.

— Аминь, аминь... Ползи...

Въ комнату пролѣзъ тихонько маленькій старичокъ въ чистенькомъ подрясникѣ, желтый и прозрачный, точно вылѣпленный изъ воска. Это былъ о. Савва, прислуживающій въ игуменскихъ покояхъ. Въ комнатѣ сразу запахло кипарисомъ: этотъ тяжелый запахъ о. Савва вносилъ съ собою всюду.

— Господи Исусе Христе...—прошамкалъ онъ, крестясь на иконы.—Двое богомольцевъ пришли, батюшка... Благословенія просятъ,—одинъ поговѣть, а другой такъ, помолиться.

— Ну, что же, пусть войдутъ...—отвѣчалъ игуменъ, — а ты, о. Николай, иди по своимъ дѣламъ... Иванъ чтобы ко мнѣ пришелъ... И Іона тоже... Хоть чрезъ часъ... А книжки оставь, положи вонъ тамъ на столъ...

Въ комнату вошли, въ сопровожденіи воскового старичка, двое богомольцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, представительный, необыкновенно опрятный мужчина въ черномъ сюртукѣ, уже пожилой, другой—скромно одѣтый молодой человѣкъ съ хохолкомъ чибиса на макушкѣ, придававшемъ ему видъ какой-то необыкновенно постной кротости. Представительный мужчина положилъ на столикъ свою фуражку „съ гвоздемъ", увѣренно подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ воздухъ надъ рукой игумена; постный юноша, подойдя, набожно подставилъ руки, какъ будто ожидалъ, что изъ игумена сейчасъ потечетъ ему въ руку струя воды; получивъ благословеніе, онъ запечатлѣлъ на пухлой рукѣ пастыря сочный поцѣлуй.

— Милости просимъ, присаживайтесь...—пригласилъ игуменъ гостей и вдругъ обратился къ восковому старичку:— Что же это ты, о. Савва, клеенку-то старую все стелешь, а? Нехорошо при гостяхъ-то...

— Да, батюшка, новой-то нѣту... Ну, и стелю старую...— добродушно отвѣчалъ о. Савва.—Ужъ не взыщи на старикѣ...

— Купилъ бы, коли нѣту...

— А купилъ бы, да „купилъ" то нѣту... Хе-хе-хе... Вотъ развѣ благодѣтели пожертвуютъ что старичку?

Молодой человѣкъ слегка покраснѣлъ и, какъ бы не слыхавъ ничего, началъ разсматривать висѣвшую въ простѣнкѣ картину „Іаковъ и Исавъ". По геморроидальному, желтому лицу господина въ сюртукѣ скользнула неуловимая гримаса неудовольствія, но онъ досталъ трехрублевку и подалъ старику, проговоривъ съ нѣкоторымъ холодкомъ въ голосѣ:

— Вотъ вамъ, отецъ...

— Вотъ спаси васъ Господи, благодѣтель...—расцвѣлъ старикъ.—Пошли вамъ Царица Небесная всякаго благополучія...—Вотъ мы и съ клеенкой теперь... Спаси васъ Господи...

— Пожалуйста, пожалуйста...—нѣсколько менѣе холодно отвѣчалъ господинъ.

— Вотъ какой ты у меня, о. Савва...—запротестовалъ легонько игуменъ.—Не надо такъ посѣтителей безпокоить...

— Да я что же?.. Я не для себя, для обители святой попросилъ...—отвѣчалъ о. Савва.—Для обители не грѣхъ... Спаси васъ Царица Небесная, что не оставляете насъ, грѣшныхъ...

И, низко поклонившись посѣтителямъ, о. Савва потихоньку выползъ изъ комнаты, довольный этимъ новымъ успѣхомъ своей клеенки, неизмѣнно выдвигавшейся на сцену всякій разъ, какъ въ игуменскихъ покояхъ являлся гость поважнѣе...

— Издалека изволите быть?—освѣдомился о. игуменъ у господина.—Впрочемъ, что же это я—съ чего начинаю?.. Чайку не угодно-ли выкушать по стаканчику?

— Съ удовольствіемъ...—съ сознаніемъ собственнаго достоинства отвѣчалъ корректный господинъ.

— И вы, молодой человѣкъ?

— Хм...—откашлялся тотъ.—Благословите, батюшка...

О. игуменъ позвонилъ и приказалъ вошедшему служкѣ подать чаю.

— Издалека изволите быть?—повторилъ онъ свой вопросъ, гладя наперсный крестъ.

— Изъ Петербурга... Служу по министерству народнаго просвѣщенія... Инспекторъ гимназіи...—отвѣчалъ господинъ съ достоинствомъ.—Усталъ, знаете, нѣсколько послѣ зимы, ну, и вздумалъ немножко прокатиться, провѣтриться... Обыкновенно я ѣзжу на Кавказъ, на воды, но... надоѣло... Шумъ, суматоха, знаете, бабы эти...

Игуменъ легонько кашлянулъ въ руку, потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, опять сталъ гладить крестъ.

— Ну, махнулъ рукой,—поѣду въ монастырь куда-нибудь, помолюсь...—продолжалъ господинъ, холодность и чопорность котораго все болѣе и болѣе исчезала по мѣрѣ того,

какъ онъ говорилъ.—Услыхалъ это преосвященный Михаилъ... пріятели мы съ нимъ... „Вотъ, говоритъ, и отлично! Поѣзжай, говоритъ, въ Кулмозерскій монастырь, къ отцу Герасиму, свези ему поклонъ отъ меня“...

— А-а!.. Спаси васъ Господи... — улыбнулся игуменъ.— Какъ же, какъ же, пріятели... Ну, а вы откуда?..—спросилъ было онъ изъ вѣжливости постнаго молодого человѣка, но господинъ въ сюртукѣ продолжалъ громко и увѣренно, не останавливаясь ни на минуту:

— Да... отвези, говоритъ, поклонъ о. Герасиму... Что-жъ, говорю, можно... Потому усталъ, знаете, за зиму, жена къ роднымъ въ Москву уѣхала, сынъ въ Китаѣ все... Морякъ онъ... Хотя подъ Таку и не былъ, но всетаки нѣсколько хунхузовъ поймалъ... за косу—ха-ха-ха!.. Понюхалъ пороху,— какъ же!..

О. игуменъ терпѣливо слушалъ, гладя крестъ и улыбаясь. Молодой человѣкъ сидѣлъ, не мѣняя позы, и только изрѣдка поправляя воротничекъ и галстухъ, все съѣзжавшіе на сторону безъ всякой видимой причины. На его костистомъ, точно вымазанномъ постнымъ масломъ, безусомъ лицѣ, была написана необыкновенная кротость и умиленіе, словно онъ слушалъ не разсказъ о хунхузахъ, а самую душеспасительную проповѣдь.

— ...Ну, такъ жена въ Москвѣ, сынъ въ Китаѣ, одному скучно...—продолжалъ совсѣмъ повеселѣвшій господинъ задушевнѣйшимъ тономъ, точно онъ говорилъ съ самыми близкими, старинными пріятелями.—Махну-ка, думаю, въ монастырь куда-нибудь, Богу помолиться... Вонъ ужъ въ бородѣ-то сѣдина—ха-ха-ха... Д-да-съ... И преосвященный одобрилъ: пора и о душѣ подумать, говоритъ, не все по Кавказамъ этимъ за дѣвочками бѣгать...

Игуменъ опять легонько кашлянулъ въ руку, положилъ нога на ногу, поправилъ подрясникъ и продолжалъ слушать.

— Чудакъ онъ!..—воскликнулъ весело господинъ.—А пріятели—у-у, водой не разольешь!.. Хотя часто споримъ,—на счетъ Бога Саваоѳа все... Я говорю, что изображать Его, на иконахъ, то есть, нельзя, потому что Онъ не жилъ въ человѣческомъ образѣ, а преосвященный говоритъ: можно... Какъ же, говорю, можно, сами посудите? Вѣдь онъ духъ!.. А какъ же вы изобразите духъ? Ну? Христа и Богоматерь изображать можно, потому что они жили, а Его нельзя...

— Д-да, всяко бываетъ, всяко бываетъ...—громко проговорилъ игуменъ.—А вы что же лимончика?.. Это для здоровья хорошо, читалъ я...

И, тотчасъ же, чтобы не дать г. инспектору продолжать свои разсказы, онъ громко обратился къ постному молодому че-

ловѣку, слушавшему господина съ благоговѣйнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Хм... Хм... Я изъ Костромы, батюшка...—смиренно отвѣчалъ тотъ.—Благословите поговѣть у васъ, батюшка, и пріобщиться св. Таинъ Христовыхъ...

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ... — сказалъ игуменъ.—Это дѣло хорошее... Что же, часто вы посѣщаете обители?..

— Какъ же, батюшка... Богъ сподобилъ почти во всѣхъ побывать...

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло... Были и у святителя Николы Черноборгскаго?..

— Былъ, батюшка, въ прошломъ году...

— А-а!.. Ну, какъ о. Авва здравствуетъ?

— Ничего, слава Богу, здоровъ... Жаловался немножко на ревматизмы, да такъ только, слегка...

— И о. Михѣя знаете?.. Онъ отъ насъ туда перешелъ...

Молодой человѣкъ, сынъ состоятельнаго подрядчика каменщика, не взлюбившаго его почему-то, зналъ не только о. Михѣя, но и о.о. Пафнутія, Симеона, Петра, Автонома, Исидора, Ѳеогноста, зналъ всѣхъ настоятелей, іеромонаховъ, дьяконовъ, зналъ, въ какомъ состояніи находятся теперь ихъ здоровье, голоса, зналъ ихъ доходы, достоинства, слабости,—словомъ, зналъ все обо всѣхъ русскихъ монастыряхъ отъ Соловковъ до Новаго Аѳона. Инспекторъ былъ пораженъ; игуменъ тоже не безъ удивленія глядѣлъ на постнаго молодого человѣка...

Оправившись отъ своего изумленія и покончивъ со стаканомъ остывшаго чая, господинъ опять началъ было съ увлеченіемъ разсказывать о своемъ посѣщеніи о. Ивана Кронштадтскаго, но игуменъ рѣшительно всталъ и, подойдя къ окну, побранилъ непостоянство майской погоды, а потомъ взглянулъ на часы и воскликнулъ:

— Э-э, да время-то вонъ сколько!.. Скоро и къ вечернѣ заблаговѣстятъ... Пора собираться... И вы, чай, помолиться пойдете?..

Гости догадались и поблагодарили за угощеніе.

— Во славу Божію...—отвѣчалъ игуменъ и благословилъ ихъ, одного—поговѣть, другого—просто помолиться...

Гости ушли.

„Гласами архангельскими...“ – запѣлъ о. игуменъ, развертывая снова „Московскія Вѣдомости“—Эй, кто тамъ?.. Уберите-ка посуду...

Ударили къ вечернѣ...

II.

— Батюшка, благослови къ вечернѣ сходить...—тихо проговорилъ братъ Иванъ, не поднимая глазъ.

Лисьи глазки о. Николая быстро осмотрѣли, точно ощупали его хмурое лицо, его пышные темнозолотистые волосы, выбивавшіеся упругими кольцами изъ-подъ черной шапочки, всю его молодую, стройную и сильную фигуру, которая теперь казалась какой-то надломленной, придавленной.

— Что-жъ... Богъ благословитъ... — отвѣчалъ „гостинникъ“.—Иди... А послѣ пройдешь къ отцу игумену... Поговорить съ тобой онъ хочетъ...

— Слушаю, батюшка...

И Иванъ пошелъ по длинному корридору, сопровождаемый пытливымъ взглядомъ о. Николая.

Медленно, какъ очень уставшій человѣкъ, Иванъ спустился съ лѣстницы и пошелъ прекрасной березовой аллеей къ собору, главы котораго сверкали надъ зеленымъ моремъ молодой ароматной листвы. Пройдя соборными воротами, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ ангелъ „вписующій имена всѣхъ *входящихъ* въ храмъ“, а съ другой, точно для того, чтобы устранить всякую возможность ошибки перваго ангела, ангелъ „вписующій имена всѣхъ *выходящихъ* изъ храма“, братъ Иванъ поднялся по широкой каменной лѣстницѣ паперти и вошелъ въ храмъ. Яркое весеннее солнце врывалось въ открытыя окна церкви вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ и ароматомъ лѣса и зажигало безчисленные огни на золотѣ иконостаса и на вѣнцахъ святыхъ, неподвижные лики которыхъ сурово смотрѣли на Ивана сквозь голубоватыя волны кадильнаго дыма, осыпанныя золотою пылью солнечныхъ лучей.

Иванъ шелъ сюда не затѣмъ, чтобы молиться: его не тянуло теперь къ молитвѣ,—а только затѣмъ, чтобы отдохнуть отъ суеты и шума гостиницы, чтобы побыть одному. Но знакомые звуки пѣснопѣній сразу тронули его душу и пробудили въ ней желанье забыть въ молитвѣ свою боль, тоску и грѣховные помыслы... Поднявъ глаза на суровый ликъ Спасителя, братъ Иванъ сосредоточилъ на немъ всю свою мысль, все чувство, все существо и горячо, безъ словъ повторялъ въ душѣ: „Господи, спаси меня... Помоги мнѣ, Господи... Спаси меня...“ Душа его горѣла, какъ въ огнѣ, къ горлу подступали слезы и, мѣшая дышать, съ болью рвались наружу...

— Господи, помоги... Прости меня грѣшнаго...

И вдругъ среди торжественныхъ звуковъ хора братъ Иванъ ясно различилъ знакомые звуки, чистые, какъ серебро, и полные какой-то непонятной и сладкой тоски... Тише... тише... Вотъ и совсѣмъ замерли...

Иванъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы не слышать болѣе эти отравленные, льющіеся, какъ серебро, звуки, опять всей душой устремился онъ туда, гдѣ среди золота, дорогихъ каменьевъ, куренья фиміама возсѣдалъ на тронѣ Христосъ, опять онъ молился Ему, прося простить его, помочь ему, исцѣлить...

„Свѣте тихій святыя славы...“—стройно запѣлъ хоръ, и красивые звуки вечерняго гимна, заливая блещущую церковь, таяли въ лучахъ солнца и ароматѣ молодой весны. Могучей волной поднялся въ груди Ивана какой-то восторженный, полный рыданій порывъ и, захвативъ всю его душу, понесъ ее туда, вверхъ, гдѣ распростеръ навстрѣчу людямъ свои объятія Богъ-Саваоѳъ съ бѣлымъ голубемъ на груди, туда, въ куполъ, превращенный прорывающимися сквозь цвѣтныя стекла лучами солнца въ блещущее предверіе рая... Выше, выше...

Тихіе, тоскливые звуки, умирающіе вдали...

Больно рванулось опять сердце. Нѣтъ, забыть нельзя... Вонъ, вонъ звенятъ они, льются, зовутъ, умираютъ... А вотъ и она... Глаза голубые, голубые... свѣтятся и мигаютъ, какъ двѣ звѣздочки... И опять ея одинокая пѣсня... И все кончилось... Нѣтъ, не все,—вонъ тѣ глаза... Какъ они грѣютъ, ласкаютъ, сколько въ нихъ свѣта, счастья!..

И огни церкви, и суровые лики святыхъ, и прекрасные звуки,—все потонуло въ боли раненаго сердца и въ этой щемящей холодной тоскѣ. Иванъ не могъ болѣе оставаться здѣсь, ему хотѣлось вонъ, убѣжать куда-нибудь, спрятаться съ головой, чтобы никто не видѣлъ, и рыдать сухими злобными рыданьями безъ слезъ, какъ онъ рыдалъ эту ночь, и ту, и ту, въ своей кельѣ, озаренной кроткимъ свѣтомъ лампады... И никто не слыхалъ его рыданій, никто не пришелъ къ нему... Все спало — только пѣсня тосковала и звенѣла вдали, да среди радужныхъ круговъ темноты плавали предъ нимъ голубыя, теплыя звѣзды...

И, забывъ о молитвѣ, онъ стоялъ сумрачно, съ захолодавшей душой, глядя въ какую-то черную, холодную пустоту. Мысль, не имѣя силъ подняться въ небо, равнодушная, блуждала по храму, останавливаясь зачѣмъ-то на всякихъ мелочахъ, которыя были совсѣмъ ненужны Ивану. Онъ смотрѣлъ, какъ молится молодой, красивый купецъ, стоя на колѣняхъ и плавно,—точно на хорошихъ эластичныхъ пружинахъ, — кланяясь въ землю. Купецъ шепталъ слова мо-

литвы, и бѣлокурая, пушистая борода его легонько вздрагивала... Вонъ стоитъ постный молодой человѣкъ съ хохолкомъ; онъ склонилъ головку на бокъ и какъ-то особенно набожно потряхиваетъ ей, то закрывая глаза, то устремляя ихъ въ куполъ. Какая-то чернушка стоитъ рядомъ съ нимъ и быстро, быстро крестится, точно боясь, что ея молитва не успѣетъ дойти по назначенію въ свое время... А вонъ блеститъ стекло, подъ которымъ хранятся частицы мощей многочисленныхъ святыхъ, крошечные кусочки желтыхъ ноздреватыхъ костей... Вотъ чернушка подошла къ нимъ и набожно приложилась къ стеклу... А вонъ братъ Іона стоитъ, грустный какой-то, убитый. И не молится... Думаетъ о чемъ-то.

Даже не перекрестившись, Иванъ вышелъ изъ церкви, сопровождаемый недоумѣвающими взглядами братіи.

Но куда идти? Въ келью—нельзя, о. Николай увидитъ, въ гостиницу—не можетъ онъ, противно ему тамъ все... Пойти въ лѣсъ?.. На озеро? Вонъ какъ оно блеститъ... Тоже голубое...

— Что же, пошелъ въ церковь, а, вмѣсто того, стоишь да озеромъ любуешься?..—услыхалъ онъ гдѣ-то далеко, далеко голосъ о. Николая.

Иванъ вздрогнулъ.

— Я только сейчасъ вышелъ...—пробормоталъ онъ, приходя въ себя, но не поднимая глазъ, точно боясь выдать то, что дѣлалось у него въ душѣ.

— Такъ иди къ отцу игумену...

— Сейчай пойду...

— Ой, не сдобровать тебѣ, братъ Иванъ!.. — проговорилъ о. Николай. — Осиливаетъ тебя врагъ рода человѣческаго... Поддаешься ты featureзнямъ его окаяннымъ... Ой, смотри...

Не отвѣтивъ ничего, Иванъ медленно, точно чрезъ силу, пошелъ къ игумену, бѣлый флигель котораго виднѣлся въ сторонѣ, надъ озеромъ, среди развѣсистыхъ березъ и величавыхъ, столѣтнихъ сосенъ, облитыхъ золотомъ задумчиваго и тихаго вешняго вечера.

О. Савва тотчасъ же доложилъ о немъ игумену и, проговоривъ обычное „во имя Отца и Сына"...—Иванъ вошелъ въ свѣтлое, чистое, пахнущее зальце игумена, который только что покончилъ съ „Кормчимъ".

— Ну, ты опять тамъ завелъ...—проговорилъ игуменъ, позѣвывая: усталъ онъ читать да сидѣть на одномъ мѣстѣ.— Чего ты еще просишь?

— Благословите на какое-нибудь другое послушаніе, батюшка...—тихо отвѣчалъ Иванъ.

— Ну, вотъ... Какое же это будетъ послушаніе, ежели ты будешь мѣнять ихъ каждый день? Былъ у меня—не понравилось, перевели въ гостиницу,—опять тоже... Послушаніе—

значитъ, ты все долженъ исполнять, къ чему бы тебя ни приставили...

— Да вѣдь я не работы боюсь...—отвѣчалъ Иванъ.—Хоть въ кузницу поставьте, хоть въ поле, все равно... Мнѣ потрудиться желательно...

— Потрудиться... Вотъ ты и трудись... Самый большой трудъ для инока—послушаніе, смиреніе воли своей. Ты здѣсь не для того, чтобы творить свою волю, но волю пославшаго тя... Что уставъ-то говоритъ? „Послушаніе для инока—паче поста и молитвы"... Паче поста и молитвы—вонъ какъ!.. Только чрезъ послушаніе человѣкъ и спасенъ можетъ быть, а не чрезъ гордыню... Вотъ разъ было,—жилъ въ лѣсу старецъ одинъ, пустыннолюбецъ, и спасался; и приходитъ къ нему юношъ одинъ, чтобы, значитъ, спастись вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ. А тотъ и говоритъ ему: трудный, дескать, это подвигъ, ибо мѣсто сіе зѣло скорбно есть, и пребывающій въ немъ тѣсное и скудное житіе проходитъ; ты же юнъ сый, говоритъ, мню, яко не можеши терпѣти на мѣстѣ семъ. А юношъ и говоритъ: благослови, отче. Съ Божьей помощью, дескать, надѣюсь преодолѣть... Ну, принялъ его отшельникъ въ свой скитъ. На другое утро призвалъ его и говоритъ: иди, говоритъ, въ огородъ капусту садить, только сади ее не такъ, какъ въ мірѣ садятъ, а кочнемъ вверхъ. Вышелъ отъ него юношъ, да и стоитъ: „какъ это, дескать, такъ: кочнемъ вверхъ? Рехнулся, должно, старикъ... Изгажу я эдакъ все дѣло... Надо вернуться, сказать ему"... Ну, вернулся,—„не такъ, дескать, отче, ты сказалъ мнѣ"... Посмотрѣлъ на него старецъ святый... „Не готовъ ты, говоритъ, для подвига иноческаго, потому волю ты свою не умертвилъ еще... Иди, говоритъ, въ міръ, оставь тамъ волю свою, тогда и приходи"... И прогналъ его... Видишь, какъ послушаніе-то считается...

Склонивъ голову, Иванъ молча слушалъ, но его ничуть не интересовало то, что говорилъ настоятель. Игуменъ же, глядя на склоненную, надломленную фигуру послушника, думалъ, что это раскаяніе говоритъ въ немъ, совѣсть его укоряетъ. И, довольный произведеннымъ эффектомъ, онъ продолжалъ, поглаживая бархатныя ручки кресла:

— А то вотъ въ другой разъ какъ было дѣло... какъ самъ Богъ... самъ Богъ!.. чудесно показалъ, что послушаніе для него, батюшки, дороже всего въ инокѣ. Шелъ разъ одинъ старецъ со своимъ ученикомъ берегомъ озера. И вдругъ поднялась на озерѣ буря... И видитъ старецъ—человѣкъ въ волнахъ погибаетъ... „Смотри, говоритъ онъ, это ученику-то, вотъ человѣкъ тонетъ посреди озера. Поди, говоритъ, спаси его..." А буря—просто ужасти, волны такъ и ходятъ... „Си, отче честный", говоритъ инокъ... Перекре-

стился да съ берега—прыгъ!.. Прошло нѣсколько времени, возвращается на берегъ со спасеннымъ, только—глядь, что за чудо: вся одежа на немъ сухая! Какъ это такъ, говоритъ? „А такъ, отвѣща ему старецъ... Ты и не замѣтилъ, чадо, что ты по водѣ-то, яко по суху прошелъ; а потому и не замѣтилъ, говоритъ, что творилъ не свою волю, а волю пославшаго тя...“ Видишь, что значитъ послушаніе? По водѣ, яко по суху... А тебѣ то не нравится, да это не хорошо... Смирять свою волю ты долженъ... Своя воля—пагуба для человѣка...

— Я свою волю не творю, батюшка, — тихо отвѣчалъ Иванъ. — Я остаюсь въ послушаніи, только... силъ моихъ нѣтъ... Самую тяжелую работу дайте мнѣ, а тамъ... не могу... Благословите на другое послушаніе...

Игуменъ нахмурился, видя, что его увѣщеванія не произвели никакого дѣйствія. Согласиться на просьбу послушника ему не хотѣлось, это было бы похоже на слабость, и не исполнить просьбы тоже не хотѣлось—пожалуй, натворитъ еще чего... Въ эту пору, въ молодости-то, у многихъ такъ бываетъ: смущаетъ ихъ дьяволъ, манятъ ихъ къ себѣ красная міра сего. А выйдетъ что—слухи всякіе пойдутъ, братіи соблазнъ.

— Во имя Отца и Сына...—раздалось за дверью.

— Аминь, аминь, входи...

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ Іона, молодой, лѣтъ тридцати монахъ изъ „рясофорныхъ“.

— Вотъ еще одинъ...—проворчалъ игуменъ.—Искушеніе только одно съ вами...

И обращаясь къ Ивану, онъ проговорилъ:

— Ну, если ужъ ты, правда, потрудиться такъ хочешь, то, изъ снисхожденія къ тебѣ, изъ любви,—потому ты выросъ въ обители,—я, пожалуй, переведу тебя изъ гостиницы. Но только помни, это будетъ въ послѣдній разъ... Понялъ?

— Понялъ, батюшка... Спаси васъ Господи...—поклонился Иванъ.

— То-то „спаси Господи“... На это вы всѣ мастера, а на дѣло-то и нѣтъ васъ...—отвѣчалъ игуменъ.—Одинъ все бѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, а другой въ книжку все смотритъ да... старшихъ конфузитъ...

Іона потупился.

— Ну, а ты что вчера настроилъ на подворьѣ? — спросилъ его настоятель.—Развѣ это твое дѣло вмѣшиваться, а?

Іона покраснѣлъ слегка и поднялъ глаза на игумена.

— Что же, я ничего дурного не сдѣлалъ, батюшка,— отвѣчалъ онъ.—Я только сказалъ, что... зачѣмъ человѣкомъ

гнушаться? Можетъ, онъ лучше насъ... Пусть бы онъ съ нами и поѣлъ... Весь ободранный, голодный, руки дрожатъ... Господь Іисусъ Христосъ училъ...

— Іисусъ Христосъ, Іисусъ Христосъ...—перебилъ игуменъ.—Іисусъ Христосъ училъ смиренію, а ты старшимъ не покоряешься, все тебѣ вездѣ нужно... Твое дѣло не разсуждать, а дѣлать то, что тебѣ приказываютъ. Молодъ ты еще старшихъ-то учить...

— Я думалъ...

— Вотъ видишь, видишь, какъ гордыня-то въ тебѣ говоритъ!..—воскликнулъ игуменъ, быстро вставая съ кресла.— Видишь, какъ тебя лукавый-то мутитъ!.. Чѣмъ бы слушать, чему тебя старшіе учатъ, ты въ разговоры, оправдываться тебѣ надо. А ты долженъ молчать... и правъ ты, а смолчи, да со смиреніемъ, безъ злобы смолчи... Вотъ тогда ты будешь инокъ... А это что...

Іона молчалъ.

— Иди-ка сюда вотъ, читай, что тутъ написано...—сказалъ игуменъ, тыкая пухлымъ пальцемъ въ одно изъ многочисленныхъ поученій, висѣвшихъ на стѣнѣ между портретами государей, монастырскими видами и разными картинами изъ священнаго писанья,—очень неважными, но въ солидныхъ золотыхъ рамахъ.

Іона подошелъ.

— Я читалъ это, батюшка... Знаю...

— А-а, видишь, какъ тебя отъ душеспасительнаго-то отвращаетъ, видишь, какъ въ тебѣ бунтуетъ врагъ-то!.. Небось, въ книжку смотрѣть, такъ сейчасъ бы, а тутъ нѣтъ, не нравится...—воскликнулъ игуменъ.—И знаешь, да читай!.. И Иванъ послушаетъ. Потому гордыни, злобы въ васъ много, смута въ душѣ великая и темнота... А вы, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ Богу со смиреніемъ, врачевать себя, вы все на дыбы!.. Ну, читай, читай, что тамъ написано...

Сдвинувъ слегка брови, полный ничѣмъ непобѣдимаго сознанія, что все это не нужно, все это лишнее, сознанія, внушавшаго ему почти отвращеніе къ тому, что онъ дѣлалъ, Іона хмурымъ, равнодушнымъ голосомъ началъ:

— „Духовная аптека на пользу всѣмъ человѣкомъ. Старецъ нѣкій пріиде во врачебницу и вопроси врача: есть-ли таковые зеліе, еже врачевало бы болѣзни душевныя или грѣхи“?

— Есть...—увѣренно отвѣчалъ игуменъ, переводя глаза съ Ивана на Іону, какъ бы ожидая, какой эффектъ произведетъ на нихъ отвѣтъ врача.—Ну, смотри, что врачъ говоритъ...

— „Врачъ же отвѣща“...

— Да...—подтвердилъ игуменъ, точно подчеркивая авансомъ отвѣтъ врача.

— „Есть“...

— Видишь: *есть*...—авторитетно вставилъ игуменъ.

— „...пріиди и возьми корень послушанія...

— Видишь? — многозначительно проговорилъ игуменъ, обращаясь къ Ивану.—Послушаніе прежде всего...

— „ ...и правды листвія, цвѣтъ красоты или чистоты душевныя и тѣлесныя, плодъ добрыхъ дѣлъ и изотри въ сосудѣ сокрушенія сердечнаго, просѣй въ рѣшетѣ разсужденія, прилей воды отъ слезъ молитвенныхъ и раствори горнило покаянія; потомъ воспламени себя божественною любовію, вложи въ горнило ничтожество или смиреніе и, усоливъ себя солію братолюбія, отверзай щедрую руку къ милостынѣ, юже да твориши въ тайнѣ. Егда же все то уготовится чрезъ огнь вѣры и благодати, употребляй съ пользою, тогда будеши здравъ“...

— Ну, вотъ... Выучите вотъ оба все это наизусть да и исполняйте...—сказалъ игуменъ. — Тогда... тогда и будеши здравъ... А то это что?.. Развѣ такъ живутъ иноки?.. И ты, Иванъ, долженъ помнить, что обители ты вѣчно, по гробъ жисти, обязанъ... Не возьми тебя она, можетъ, тебя бы и на свѣтѣ не было, давно померъ бы съ голоду... Должóнъ чувствовать...

Иванъ, потупившись, молчалъ.

— Ну, хорошо ужъ... Идите съ Богомъ...—сказалъ игуменъ.—Да смотри, Иванъ, помни, что сказано... Больше потачекъ не будетъ... И ты тоже... оставь свои книжки-то... Не къ лицу это иноку... Твое дѣло: трудись да перебирай лѣстовку... Мудрствованье-то до добра не доведетъ...

Іона промолчалъ.

Игумена утомила эта бесѣда. Считая, что долгъ пастыря имъ теперь исполненъ, онъ проговорилъ опять, опускаясь въ кресло:

— Ну, ступайте съ Богомъ... Чай, ужъ къ трапезѣ звонили...

Иванъ и Іона, низко поклонившись, вышли.

— „Спаси, Го-осподи, люди твоя-а-а...“—запѣлъ игуменъ, берясь за „Спутника Здоровья“...

Но тотчасъ же онъ отложилъ журналъ и сѣлъ писать письмо къ одной изъ своихъ почитательницъ, богатой московской купчихѣ, которая спрашивала его, какимъ способомъ ей лучше всего спастись... По его мнѣнію, лучшимъ способомъ было какъ разъ то, что рекомендовала „Духовная аптека“...

III.

— Гдѣ ты все пропадаешь?—сердито воскликнулъ о. Николай, увидя вошедшаго въ трапезную Ивана.—Искушеніе!.. Тутъ надо гостей кормить, а его нѣтъ...

— Я у о. игумена былъ...

— У о. игумена, у о. игумена!.. Не разорваться мнѣ тутъ одному... Охъ, Господи, батюшка милосердный... Пра-аво... Поди звони...

Иванъ взялъ стоявшій на окнѣ колокольчикъ и, выйдя въ корридоръ, началъ звонить.

Одна за другой отворялись двери номеровъ, и богомольцы, приглаживая руками волосы и оправляя одежду, медленно потянулись въ трапезную, гдѣ у двери ихъ встрѣчалъ любезно улыбающійся о. Николай.

— Откушать пожалуйте... Чѣмъ Богъ послалъ... Ужъ не взыщите... Сами знаете: нельзя—монастырь, поститься надо... Пожалуйте, пожалуйте...

Трапезная представляла изъ себя длинную, узкую комнату съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ и съ чисто выбѣленными стѣнами; два длинныхъ стола, покрытые грубыми скатертями, тянулись параллельно одинъ другому во всю ея длину, отъ входа до стѣны, около которой стояла большая божница съ множествомъ иконъ; массивная лампада изъ цвѣтного стекла клала пестрыя, теплыя пятна на темные лики святыхъ и зажигала робкіе огоньки на ихъ вѣнцахъ и серебряныхъ кованыхъ одеждахъ. Предъ божницей—небольшое возвышеніе и аналой, на которомъ лежала какая-то растрепанная книга въ засаленной обложкѣ.

Одинъ за другимъ гости занимали мѣста за столами, по которымъ протянулся длинный рядъ пузатыхъ жестяныхъ братинъ съ кислымъ квасомъ и два ряда бѣлыхъ эмальированныхъ тарелокъ, украшенныхъ большими ломтями чернаго хлѣба. Вмѣсто салфетокъ гостямъ подавалось длинное полотенце, одно на четверыхъ. Народъ они были невзыскательный,—все больше крестьяне, мелкіе торгашики съ дородными супругами, мѣщане, приказчики. Другимъ, которые поважнѣе, изъ уваженія трапеза подавалась въ комнаты... Женщинъ, какъ всегда, было почти втрое больше мужчинъ. Молодой человѣкъ съ хохолкомъ уже былъ здѣсь,—все такой же тихенькій, скромненькій, постненькій. Г. инспекторъ отсутствовалъ, скучая одинъ въ своемъ номерѣ. Только было разговорился онъ съ о. Николаемъ, какъ позвонили къ трапезѣ, и гостинникъ оставилъ его послѣ многихъ улыбокъ и

извиненій; онъ уже слышалъ о трехъ рубляхъ, пожертвованныхъ благодѣтелемъ на клеенку.

Иванъ громко прочелъ молитву и, перекрестившись, всталъ на возвышеніе предъ аналоемъ, чтобы читать, какъ всегда полагалось во время трапезы, что-нибудь душеспасительное. Богомольцы шумно усѣлись на свои мѣста и заранѣе умиленные, сразу затихли, приготовляясь слушать. Служки быстро разносили миски съ постными щами и, пробормотавъ „во имя Отца и Сына“...—ставили ихъ предъ гостями, одну на четверыхъ.

Иванъ раскрылъ книгу на закладкѣ и сдѣлалъ усиліе, чтобы сосредоточить все свое вниманіе... Ровныя, черныя строчки виднѣлись гдѣ-то вдали, и Иванъ съ трудомъ различалъ буквы, которыя складывались въ слова помимо его воли, механически, и также механически, безучастно повторялъ за глазами эти слова языкъ. Ивану казалось, что читаетъ книгу не онъ, а кто-то другой... И это было ему безразлично. Ему хотѣлось бы уйдти... все равно куда, только бы уйдти... Все это было противно ему теперь... Стукъ ложекъ, жадное чавканье, торопливая бѣготня служекъ, сладкое „кушайте, кушайте во славу божію“ о. Николая—все противно. А въ раскрытыя окна теплый вѣтерокъ доносилъ сильный запахъ цвѣтущей черемухи, сосны, росистаго луга. И дышать было почему-то трудно, что-то тяжелое, жаркое, безпокойное было въ этой весенней синей ночи. На озерѣ, въ камышахъ, шумѣли лягушки, а въ густой ольхѣ, надъ берегомъ, щелкалъ и свисталъ, и разсыпался трелями счастливый чѣмъ-то соловей. Но Иванъ слышалъ плохо, только изрѣдка, его горячія трели,—ему мѣшалъ этотъ деревянный, монотонный голосъ того, кто, вмѣсто него, читалъ богомольцамъ о воскресеніи изъ мертвыхъ.

— „Что есть воскресенье?—слышалъ Иванъ — подобно веснѣ... возстанутъ большія тѣла и малыя, мужскія и женскія, въ пучинахъ морскихъ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія... кости облекутся жилами и плотію и воспріемлютъ духъ“...

Сочувственные, умиленные вздохи...

— Ну-ка, дай-ка кваску...—проговорилъ кто-то низкимъ голосомъ, громко рыгнувъ.—Пойло совсѣмъ замучило...

— Это отъ масла..

— Пожалуй, отъ него..

— Во имя Отца и Сына...

Серебряная трель посыпалась изъ темный, дремлющей ольхи на зеркало озера..: Нѣтъ, это не тамъ, дальше... не соловей... та тоскующая пѣсня!.. Вотъ, вотъ онъ замираетъ, замираетъ...

— Кушайте, кушайте во славу божію... Кашка, кажись, удалась...

Что-то горячее, тяжелое поднялось вдругъ въ груди Ивана и подступило къ горлу... Чтеніе оборвалось на какомъ-то сдавленномъ, хрипломъ звукѣ.

Стоявшій неподалеку о. Николай быстро обернулся къ Ивану.

— Что ты это?... А?..—прошепталъ онъ съ безпокойствомъ.— Слышь?... Братъ Иванъ?.. А?..

— Голова закружилась, не могу больше...—проговорилъ Иванъ точно не своимъ языкомъ.

Богомольцы съ любопытствомъ вытянули шеи, смотрятъ во всѣ глаза, и о. Николай съ необыкновенной кротостью говоритъ:

— Ну, пусти, я почитаю... А ты поди, посиди у окошка... Пусть вѣтеркомъ обдуетъ...

Иванъ медленно идетъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ моютъ посуду, тяжело опускается на широкій подоконникъ... Ночной вѣтерокъ ласково, точно утѣшая, обвѣваетъ его разгоряченную голову... Вотъ соловей опять... Какая-то жаркая тягота, безпокойство... А тамъ стукъ ложекъ и умиленный, приторный, какъ медъ, голосъ:

— ...многіе невѣжествующіе люди небрежно творятъ крестное знаменіе, махаючи рукой по лицу своему... Такому маханію и бѣсы радуются... если же который крестится, какъ слѣдуетъ, то ангелы этимъ веселятся, написуютъ его“...

Кто-то громко читаетъ молитву... Смутный говоръ, шумъ шаговъ...

— Поѣлъ бы ты чего, а?..—говоритъ о. Николай, и въ его голосѣ слышны какія-то тревожныя нотки.

Молчаніе.

— Эхъ, Иванъ, Иванъ... Поддаешься ты врагу...

Иванъ молчалъ...

О. Николай покачалъ головой, вполголоса, точно боясь чего, приказалъ служкамъ перемыть посуду и, бросивъ осторожный взглядъ на Ивана, пошелъ къ господину инспектору справиться, хорошо ли тотъ покушалъ.

— Во имя Отца и Сына...—легонько постучалъ онъ въ дверь.

— Войдите, войдите... Кто тамъ?.. А-а, это вы, о. Николай... А-атлично... Садитесь, будемъ чай пить... Я страшно люблю чай... А вотъ сынъ... Онъ у меня во флотѣ въ Китаѣ... Хотя подъ Таку и не былъ, но хунхузовъ...

— Хе-хе-хе...

— ...за косу!.. Ха-ха-ха..

— Хе-хе-хе...

Дверь легонько затворилась.

Къ Ивану подошелъ одинъ изъ служекъ-послушниковъ.

— Иванъ, слышь? А Иванъ?

— Ну?

— Пойдешь къ „правиламъ"-то?.. А то игуменъ, смотри, узнаетъ, разсердится...

— Пойду...

— Ну, такъ пойдемъ...

Иванъ всталъ и пошелъ въ церковь, гдѣ собралась почти вся братія... Полумракъ и черныя фигуры людей... Кто-то громко произноситъ какія-то непонятныя слова... Иванъ смутно помнитъ, что надо прочесть молитвы на сонъ грядущимъ, потомъ сто „умныхъ" молитвъ Іисусовыхъ, но онъ забылъ ихъ всѣ; помнитъ онъ также, что нужно сдѣлать сто поясныхъ и пятнадцать земныхъ поклоновъ, и вотъ онъ кланяется, крестится, опять кланяется...

Вотъ черныя фигуры пришли въ движеніе... И Иванъ пошелъ за ними... Иноки смиренно просятъ у игумена прощенія въ томъ, что не трудились въ теченіе дня, какъ слѣдуетъ, и онъ ихъ благословляетъ...

Опять душная ночь, запахъ, хорошій такой, соловей... Вѣтерокъ... А вотъ и келья... Лампадка горитъ... А въ окно звѣзды смотрятъ—далекія, далекія...

Не раздѣваясь, Иванъ легъ ничкомъ на свою узкую и жесткую кровать. Онъ слышалъ, какъ пришелъ о. Николай и двое служекъ при гостиницѣ, какъ они молились, какъ раздѣвались. Потомъ они легли и сразу, утомленные долгимъ рабочимъ днемъ, уснули.

И когда они уснули, когда все кругомъ въ кельяхъ стало тихо, тяжелая туча, висѣвшая надъ душой Ивана, приподнялась и придавленныя ею думы и чувства ожили вновь и закружились въ горячемъ, бѣшеномъ вихрѣ. Какъ рой нечистыхъ духовъ, онѣ неслись одна за другой, неслись все впередъ и впередъ, въ дикомъ безпорядкѣ, неслись безъ конца... О чемъ онѣ были? Ни о чемъ, обо всемъ... Вся жизнь Ивана, перепутанная, нелѣпая, какъ кошмаръ, была въ нихъ и въ то же время въ нихъ не было ничего, кромѣ жгучихъ порывовъ куда-то далеко изъ этой тѣсной, неопрятной каморки, пропитанной тяжелымъ запахомъ ладона и деревяннаго масла...

Иванъ тихонько всталъ и подошелъ къ окну... Какъ тамъ широко все, чисто, хорошо... Какой духъ!.. Ему захотѣлось выйти туда, на свѣжій ночной воздухъ, побродить по росистой травѣ, отдохнуть отъ думъ, но—даже это было запрещено ему: никто изъ братіи, по уставу, не можетъ выходить изъ келіи послѣ „правилъ". Лишній разъ его неволя напо-

минала ему о себѣ, и въ его груди шевельнулось недоброе чувство, глухой протестъ... Онъ вздохнулъ и сѣлъ на окно. Какъ хорошо тамъ, какъ все покойно, ясно... И звѣздочки свѣтятся, такія кроткія, ласковыя. А соловей все поетъ и поетъ,—слышно, что хорошо ему, вольной птицѣ, на бѣломъ свѣтѣ, что счастливъ онъ... Никто ни въ чемъ ему стѣсненья положить не можетъ... А ты обязанъ, говорятъ, чувствовать долж̀онъ... А онъ не можетъ такъ чувствовать, какъ ему велятъ. Послушаніе паче поста и молитвы... Онъ и радъ бы, да не можетъ. И кто виноватъ—развѣ онъ? Вскормили его, вспоили... И въ этомъ онъ не виноватъ... Никто, какъ Богъ, сиротой его оставилъ да привелъ сюда...

Ему не было и двухъ лѣтъ еще, какъ умеръ его отецъ,— деревомъ его въ лѣсу задавило... Старики еще раньше померли и вдова осталась только съ Ваняткой. Распродавъ все то немногое, что у нихъ было, постепенно они превратились въ нищихъ и стали кормиться милостынькой, что добрые люди дадутъ. Какъ-то весной, въ половодье, мать промокла очень и слегла. Долго маялась она, чуть не померла... Потомъ стала полегоньку выздоравливать, поправляться — спасибо добрые люди не покинули ее съ Ваняткой: кто хлѣбца принесетъ, кто щецъ горшочекъ, кто картошки вареной или каши, или молочка мальченкѣ... И какъ лежала, такъ вотъ она,— дума ей въ голову и запала: а что, дескать, съ Ваняткой будетъ, доведись ей помереть? И давай плакать надъ нимъ да жалобиться... Потомъ поправилась, встала да и пошла съ Ваняткой въ Кулмозерскій монастырь,—верстъ семь отъ ихъ деревни будетъ. А игуменомъ тогда былъ о. Аѳанасій, добрѣйшей души старичокъ. Мать прямо въ ноги ему: такъ и такъ, не дайте ребенку погибнуть, примите его, Христа ради. Подумалъ о. Аѳанасій, подумалъ—ну, что же, говоритъ, пусть останется. Здѣсь ему лучше будетъ, чѣмъ въ міру-то. Поплакала мамка, погоревала, да дѣлать нечего... И остался Ванятка въ монастырѣ. Грамотѣ его стали учить, на клиросѣ пѣть, работать по хозяйству... И строго такъ все было,—ни побаловаться, ни посмѣяться, ни побѣгать. Чуть чт̀о, сейчасъ одернутъ,—дескать, люди увидать могутъ, осудятъ, вонъ какъ въ монастырѣ-то лодырничаютъ, скажутъ, все смѣхи да хаханьки,—какой это, скажутъ, монастырь?.. Ну и затихнетъ молодежь, присмирѣетъ...

И потянулись, поползли года одинъ за другимъ — тихіе, скучные, холодные, безъ ласки, безъ смѣха, безъ воли... Мамка только изрѣдка навѣдывалась,—не любили старшіе, чтобы зря она ходила. Придетъ, поплачетъ да и уйдетъ. И всякій разъ гостинцевъ приносила: то яблочко, то рѣпку, а то ватрушку сдобную или крендель, а сама вся оборван-

ная, сумочка холщевая сбоку болтается... И жалко ее было Ваняткѣ, и онъ всякій разъ плакалъ, какъ она уходила... А года все ползли... Сильный сталъ онъ, здоровый,—такъ внутри и кипитъ, и бьетъ что-то. Пошлютъ его въ поле работать или коней пасти,—поймаетъ онъ какого-нибудь, который побойчѣе, вскочитъ на спину да во весь духъ. Въ ушахъ вѣтеръ свищетъ, лицо горитъ, а душа-то такъ вся и дрожитъ, такъ и трепещется, ровно выпрыгнуть хочетъ,—больно ужъ хорошо, словно крылья за плечами-то выросли... А придетъ домой, опять давитъ его точно что со всѣхъ сторонъ начнетъ и какъ-то эдакъ тоскливо да тягостно на сердцѣ сдѣлается. Да и въ поляхъ-то тоже иной разъ не слаще, чѣмъ дома было, потому бокъ-ó-бокъ съ крестьянскими протянулись они, работать все вмѣстѣ приходилось. Покосъ ли тамъ, навозъ ли возятъ, жнитво-ли,—пѣсня идетъ, шутки, смѣхъ, а тутъ знай только спину гни. Ни посмѣяться, ни пошутить—ничего. Чуть что, „хозяинъ“ *) сейчасъ окрикнетъ, и замолчишь. Тамъ шумъ, веселье, а здѣсь тишина, словно мертвецы всѣ какіе...

И чѣмъ старше становился Иванъ, тѣмъ сильнѣе онъ ощущалъ эту тѣсноту да тяготу...

И жилъ въ ту пору въ обители старецъ одинъ, о. Евѳимій. Святой жизни старецъ былъ, богомолецъ, смиренникъ. Чаю или молочнаго чего и въ ротъ не бралъ, ѣлъ все безъ масла. И не мылся никогда, не баловалъ свое тѣло. Духъ отъ него эдакій тяжелый былъ, какъ отъ мертваго, и въ кельи тоже,—просто никто и войти къ нему даже не могъ, а онъ ничего, жилъ. Язвы это по всему тѣлу пошли, отъ нечистоты да отъ веригъ, индо смотрѣть страшно, а онъ только радуется имъ и все о грѣхахъ своихъ сокрушался да плакалъ,—такъ съ утра до вечера слезами и заливается... Потомъ сподобился онъ великій ангельскій образъ, схиму, принять и съ тѣхъ поръ въ гробу спать сталъ — такъ посреди келіи и стоялъ гробъ всегда. И смиренія старецъ былъ великаго,—кого ни увидитъ, хоть женщину тамъ какую или ребенка, сейчасъ въ ноги кланяться да прощенья просить. А какъ померъ онъ, говорили старцы, будто, всѣ язвы его сразу закрылись и отъ тѣла благоуханіе эдакое пошло, а ночью надъ обителью, будто, свѣтлый столбъ стоялъ до самаго утра...

Такъ ему-то вотъ и сказалъ на исповѣди Иванъ о своемъ томленіи. И сталъ ему старецъ выговаривать за это: дескать, такія мысли гнать надо, что на міръ-то людской не только завидовать надо, а бѣжать, бѣжать отъ него. Весь погрязъ онъ въ грѣхѣ и служитъ діаволу... И пойдутъ они

---

*) Старшій, надзиратель.

всѣ въ геенну огненную на вѣки вѣчные, и будетъ тамъ плачъ и скрежетъ зубовный... И долго такъ говорилъ онъ, разсказывая то объ мукахъ адскихъ, уготованныхъ грѣшникамъ, то о райскомъ блаженствѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые выйдутъ изъ многихъ званыхъ. И задумался Иванъ: съ одной стороны, жестокая кара суроваго Бога, съ другой—райское блаженство, неописуемое, предшествуемое, кромѣ того, еще на землѣ, цѣлымъ міромъ чудесъ всякихъ... Сталъ онъ усидчиво читать житія святыхъ, и съ каждой прочитанной страницей все болѣе и болѣе крѣпло въ немъ рѣшеніе идти по пути, который они указывали людямъ... Мысль, что и онъ можетъ обладать ихъ могуществомъ, тѣмъ чудеснымъ міромъ, въ которомъ они жили даже на землѣ, соблазняла его. И ему не казалось это невозможнымъ,—такіе люди были даже въ его монастырѣ, какъ разсказывалъ объ этомъ набожный хроникеръ обители въ небольшой книжечкѣ „Исторія Кулмозерскаго монастыря". Былъ тутъ, напримѣръ, схимникъ Антоній, жившій въ дремучемъ лѣсу, по ту сторону озера—хижина его и до сихъ поръ стоитъ тамъ. Въ глубокую полночь выходилъ онъ изъ своей хижинки и гулялъ по лѣсу, распѣвая псалмы и славя Господа; со всѣхъ сторонъ его осаждала нечистая сила, но онъ крестнымъ знаменіемъ прогонялъ ее; медвѣди подходили къ нему, онъ ласкалъ ихъ, и они становились кроткими, какъ ягнята. Другой схимникъ, Агаѳангелъ, тоже спасался здѣсь долгое время; онъ самъ истесалъ себѣ изъ дикаго камня большой крестъ на могилу и уже готовился умирать, какъ вдругъ Богъ явился ему во снѣ и повелѣлъ идти въ другую обитель, на далекій сѣверъ. Агаѳангелъ, ведомый ангеломъ, пошелъ чрезъ лѣса и болота, а за нимъ поплылъ сперва по озеру, а потомъ по рѣкамъ его каменный крестъ. Былъ, наконецъ, и о. Евфимій, который наставлялъ Ивана въ жизни иноческой,—развѣ не являлся къ нему бѣсъ и въ келіи, и на озерѣ, и въ храмѣ даже? А на озерѣ такъ особенно часто,—не успѣетъ Евфимій, бывало, выйти изъ келіи, какъ онъ ужъ тутъ какъ тутъ, встанетъ гдѣ нибудь изъ бочага, страшный эдакій, волосища зеленые, и давай смущать. Сотворитъ Евфимій крестное знаменіе и пропадетъ нечистая сила...

Жить въ этомъ необыкновенномъ, страшномъ и влекущемъ въ то же время мірѣ, повелѣвать адомъ, видѣть и слышать то, чего другіе не видятъ и не слышатъ, исцѣлять людей однимъ прикосновеніемъ или словомъ, быть въ постоянномъ общеніи съ Богомъ и съ Его угодниками святыми, а потомъ, на вечерѣ дней своихъ, легко, безъ страха перейти въ горнія обители блаженной вѣчности,—что предъ

этимъ былъ міръ съ его смѣхомъ, пѣснями въ поляхъ, со всѣми его окаянными прелестями? Жалокъ онъ былъ и отказаться отъ него казалось Ивану дѣломъ легкимъ...

И онъ отказался... Ненавидя свою бунтующую плоть, онъ мучилъ, убивалъ ее въ непосильной работѣ, въ долгихъ церковныхъ стояніяхъ, въ строгомъ постѣ. Онъ хотѣлъ даже отречься совсѣмъ отъ матери, хотѣлъ надѣть вериги, но о. Евфимій воспретилъ все это, боясь, что Иванъ возымѣетъ гордость предъ другими иноками, и приказалъ причащаться пищи и сну, какъ и вся братія, погодить, испытать сперва себя, какъ слѣдуетъ, въ трудахъ, постѣ и молитвѣ, а паче всего—въ послушаніи...

Два года смирялъ такъ себя Иванъ для того, чтобы завоевать ту страшную силу, ту власть, два года бился онъ такъ съ самимъ собой, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ предъ нимъ раскроется тотъ міръ, котораго онъ искалъ,—но напрасно: все вокругъ него оставалось попрежнему, безъ перемѣнъ, новаго было только то, что жизнь стала для него невыносимо тяжела, невыносимо тяжело стало это постоянное наблюденіе за своей душой, преслѣдованіе всякаго кажущагося грѣховнымъ чувства, подавленіе всякой мысли, употребленіе всѣхъ силъ души на то, чтобы задавить эту душу...

И вотъ, въ прошломъ году, когда онъ, совершенно обезсиленный этой борьбой, жестоко затосковалъ, не зная, куда идти, что дѣлать, какъ жить,—жизнь, та, другая, проклятая жизнь, ведущая къ гибели, осторожно напомнила ему о себѣ.

Это было весной... Вмѣстѣ съ другими послушниками и иноками Иванъ пахалъ въ дальнихъ поляхъ, за которыми начинались уже крестьянскія земли. Остановившись вздохнуть немного на опушкѣ березоваго лѣса, одѣвшагося свѣжей, пушистой листвой, Иванъ задумчиво смотрѣлъ въ эти зеленые, облитые солнечнымъ сіяніемъ чертоги. Сколько жизни, сколько радости подъ ихъ трепещущими сводами! То крошечная пѣночка вылетитъ изъ чащи и прозвенитъ что-то ласковое и нѣжное, точно робкій привѣтъ отъ кого-то далекаго, но дорогого, то зябликъ выльетъ въ пѣснѣ изъ своей маленькой души звонкое серебро любви, а тамъ, дальше, горихвостка разсказываетъ лѣсу о своемъ счастьѣ,—оно совсѣмъ вскружило ей голову,—разсказываетъ и все смѣется. Иногда промелькнетъ золотая иволга, звонко закричатъ гагары на дальнемъ озерѣ, прилетитъ хлопотливая трясогузка... Сквозь частую нѣжную сѣть вѣтвей Иванъ видѣлъ плывущія въ синевѣ неба стада жемчужныхъ облаковъ, среди которыхъ, тамъ, глубоко, глубоко, неутомимо носятся крошечные, черненькіе полумѣсяцы стрижей; иногда величественно проплыветъ большой сарычъ, за нимъ другой, третій... И на

пашню, въ ея свѣжія, пріятно пахнущія землей, борозды короткими, звонкими гирляндами падають ихъ заунывныя, нарядныя трели, которыя такъ идутъ къ теплу и блеску весенняго полдня...

И Ивану казалось, что все, что онъ видитъ, слышитъ, угадываетъ въ глубинѣ золотисто-зеленаго моря, все это необыкновенно счастливо, довольно собой и шумно и радостно благодаритъ кого-то за что-то. Звенящіе гимны эти улетаютъ вмѣстѣ съ ароматомъ ландышей и фіалокъ въ теплое небо, и кто-то большой, свѣтлый, безконечно-добрый, улыбается имъ оттуда, какъ будто благословляетъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними, какъ будто и Ивана. И Ивану стало такъ хорошо, тепло, радостно... Вдругъ неизвѣстно откуда въ его душу повѣяло грустью... Онъ глубоко, судорожно вздохнулъ о чемъ-то и почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ, одинокимъ... Ему захотѣлось чьей-то теплой ласки, чьего-то добраго слова, любящаго взгляда, присутствія кого-то дорогого, родного...

Поникнувъ головой, онъ стоялъ и грустно думалъ—о чемъ, онъ и самъ не зналъ... И вдругъ какіе-то легкіе, плавные и звонкіе, какъ серебро, звуки полились откуда-то. Иванъ, охваченный какимъ-то непонятнымъ ему трепетомъ, прислушался...

Темною ноченькой не спится,
Я не знаю, почему...—

пѣлъ гдѣ-то неподалеку высокій дѣвичій голосъ. Все ближе и ближе онъ. Иванъ смотрѣлъ на сухой уже, пыльный проселокъ и его сердце учащенно билось и ныло.

...Разступись, сыра-земля,
Гробова доска, раскройся...

Всей душой Иванъ почувствовалъ, что невидимую дѣвушку томитъ та же тоска, та же непонятная, щемящая и сладкая весенняя грусть, какъ и его. И его вдругъ потянуло туда, къ ней, чтобы слиться съ ней въ одно въ этой грусти, полной и счастья, и страданья...

Изъ-за куста показалась бѣлая маленькая и лохматая лошаденка, тащившая соху. За сохой, въ золотистой пыли, шла высокая стройная дѣвушка въ сопровожденьи бѣлоголоваго мальчугана въ красной рубашкѣ. Увидавъ Ивана, она вдругъ оборвала свою пѣсню и, слегка поправивъ выбившіеся изъ подъ небрежно повязаннаго платка свѣтлые волосы, крикнула весело:

— Богъ помочь!

— Богъ спасетъ...—отвѣчалъ Иванъ.

— Что сталъ? Аль умаялся?

— Жарко...

— То-то... Это, знать, не „спаси, Господи“! — засмѣялась она, глядя на Ивана своими улыбающимися, голубыми, какъ незабудки, глазами.

Она скрылась за кустами.

— Тпру, милякъ... Пріѣхали...—донесся до Ивана ея свѣжій голосъ.

Онъ опять взялся за работу... Ему было теперь почему-то весело, такъ же безпричинно, какъ только что ему было грустно, онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то особую бодрость и силу.

— Выл-лѣзь, выл-лѣзь...—покрикивалъ онъ на лошадь и сильной рукой направлялъ сверкающіе сошники, съ пріятнымъ шелестящимъ шумомъ разрѣзавшіе влажную, ароматную землю.—Н-но, куда пошла?.. Задремала!..

Иногда между кустовъ мелькала бѣлая лошаденка на недалекой полосѣ, и Ивану становилось еще радостнѣе.

— Н-но, милякъ, помахивай... Но, съ Бога-амъ...—доносился до него голосъ дѣвушки.

И на другой день встрѣтился съ ней Иванъ, и опять она крикнула ему веселое „Богъ помочь“. Потомъ она съ братишкой бороновать пріѣхала.

— Да ты, баютъ, Матренинъ...—крикнула она Ивану съ дороги, остановивъ лошадь.

— Матренинъ...

— Эхъ ты...—укоризненно мотнула головой дѣвушка.

— Чего: „эхъ ты“...—насупился Иванъ.

— А того... Мать по міру ходитъ, а онъ спасается. Вонъ здоровый какой медвѣдь... Пра-аво...

И взглядъ дѣвушки внимательно остановился на сильной фигурѣ молодого инока.

Иванъ промолчалъ, сконфузившись почему-то.

Потомъ сѣвъ начался, а потомъ опять бороньба.

Иванъ чувствовалъ, что какая-то таинственная связь возникаетъ между нимъ и голубоглазой дѣвушкой. Всякій разъ, какъ онъ видѣлъ ее, на душѣ его становилось свѣтло и тепло, и жизнь казалась ему легкой и радостной. Проѣзжая мимо, дѣвушка всегда—когда „хозяина“ по близости не было,—кричала ему звонкое „Богъ помочь“ и смотрѣла на него своими голубыми смѣющимися глазами... И Иванъ невольно улыбался въ отвѣтъ.

Но весеннія работы кончились, и Иванъ, не видя болѣе дѣвушки, опять загрустилъ...

Вдругъ мысль, что все это происки врага рода человѣческаго, искушеніе, осѣнила Ивана. Охваченный страхомъ

предъ погибелью, онъ дѣлалъ страшныя усилія, чтобы освободиться отъ козней дьявольскихъ; опять онъ сталъ изводить себя работой, молитвой, постами, опять давилъ въ себѣ всякое чувство, всякую мысль, и опять скоро жизнь стала для него невыносимымъ бременемъ... Усталая душа его уже не могла бороться съ налетавшими на него со всѣхъ сторонъ грѣшными мыслями, и иногда, въ храмѣ, въ праздничный день, онъ невольно, съ замираньемъ сердца, украдкой скользилъ взглядомъ по лицамъ богомольцевъ. И когда онъ находилъ знакомые голубые глаза, смятенье охватывало его: ему было радостно и страшно за себя, и какъ-то особенно пріятно-жутко... А потомъ за эту минуту слабости онъ платилъ безконечными недѣлями душевной муки и покаянія.

Мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ... Наступила опять зима, а разладъ въ душѣ Ивана все не утихалъ, все настойчивѣе и настойчивѣе осаждали его безсонными ночами грѣшныя мысли. Часто, вспоминая свое дѣтство, онъ видѣлъ свою убогую избенку съ съѣхавшей напередъ крышей, а въ ней свою старую мать съ согнутой спиной и слезящимися глазами,—а ей всего сорокъ съ небольшимъ было—всю въ лохмотьяхъ, и его тянуло туда... Разъ ему приснилось, что онъ уже тамъ, въ избенкѣ. На лавкѣ сидитъ и прядетъ мать... Веретено мѣрно шелеститъ и легонько поскрипываетъ сѣрая мочка на гребнѣ. У ярко горящей печки возится кто-то. Кто это?.. Стряпуха оборачивается, и чьи-то голубые глаза среди краснаго свѣта огня, смѣясь, ласково смотрятъ на Ивана. Онъ ничуть этому не удивился, онъ зналъ, что это вполнѣ естественно, что такъ нужно, но на душѣ у него всетаки стало хорошо и тепло...

И картина эта стояла предъ нимъ день и ночь—точно кто выжегъ ее въ его мозгу. Онъ видѣлъ пылающую печь, эти глаза, старуху мать, слышалъ шелестъ веретена и поскрипыванье льна на гребнѣ, и смотрѣлъ, смотрѣлъ, и не могъ оторваться, и тосковалъ, чувствуя, что это есть, и зная, что этого нѣтъ, что это невозможно... И воображеніе понемногу прикрашивало эту картину, дополняло ее, боязливо заглядывало за нее... Иванъ съ сладкимъ замираніемъ сердца видѣлъ себя рядомъ съ голубоглазой дѣвушкой въ полѣ, на *ихъ* собственной полосѣ, видѣлъ ее хозяйкой въ *своемъ* домѣ, видѣлъ, какъ спорилась ихъ дружная, веселая работа, видѣлъ ее, ласковую, любящую, принадлежающую ему всей душой и тѣломъ, видѣлъ мать, уже не въ лохмотьяхъ, не нищухой, видѣлъ свою избенку, блестящую свѣжей соломенной крышей, дворъ, телѣгу, соху, борону... Все это его, онъ хозяинъ всему. И все такъ свѣтло и привольно...

Иванъ уже не боролся съ собой, откладывая борьбу эту

на будущее: онъ будетъ бороться тогда, когда вдосталь насладится этой грезой... У него много времени впереди...

И вотъ опять сбѣжалъ снѣгъ съ полей, опять въ сверкающемъ воздухѣ полились серебряныя трели жаворонковъ, опять на озерѣ зарыдали гагары, застонали дикіе голуби, затоковали по зорямъ тетерева, опять въ лѣсу, въ воздухѣ, въ небѣ, въ полѣ забила горячимъ ключомъ молодая жизнь и—опять среди торжественныхъ пѣснопѣній хора Иванъ услыхалъ тоскующіе, чистые, какъ серебро, звуки. Съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе звалъ его за собой этотъ голосъ, эти, какъ цвѣты, распустившіеся на уныломъ полѣ его жизни, голубые глаза, этотъ воздушный лазурный призракъ счастья, вставшій предъ нимъ въ блескѣ вешнихъ зорь...

Въ страстномъ, ничѣмъ непобѣдимомъ стремленіи увидать дѣвушку, онъ просилъ игумена перевести его изъ гостиницы на другое послушаніе—онъ зналъ, что его пошлютъ въ поле,—но теперь, въ эту синюю, жаркую ночь, онъ понялъ, что тамъ, въ широкихъ поляхъ, гдѣ жаворонки запѣли уже предразсвѣтныя пѣсни, ему будетъ еще тоскливѣе, еще тѣснѣе, чѣмъ въ этой тѣсной, душной кельѣ...

Что же дѣлать?

У него былъ уже готовъ въ глубинѣ души отвѣтъ на этотъ вопросъ, но онъ все еще боялся сознаться себѣ въ этомъ, хотя и ясно чувствовалъ, что пришло время сдѣлать какой-то важный, неизбѣжный шагъ... Это встревожило, испугало его... Онъ попытался вызвать въ себѣ сознаніе грѣха, которымъ онъ давилъ столько разъ свою бунтующую душу, но безплодно: слишкомъ много накопилось въ ней молодой страсти, неудовлетворенныхъ порывовъ къ счастью, къ волѣ, слишкомъ много тоски; она уже не боялась грѣха и властно требовала признанія того, что Иванъ такъ боязливо скрывалъ отъ самого себя...

Онъ окинулъ глазами широкій, вольный міръ, развертывавшійся предъ нимъ въ яркомъ и радостномъ блескѣ ранняго утра, и вдругъ безъ словъ, однимъ страстнымъ могучимъ порывомъ души отвѣтилъ себѣ на свое тоскливое „что дѣлать“?..

И впервые за всю свою жизнь онъ узналъ, что такое счастье и какъ хороша жизнь, отъ которой онъ хотѣлъ было отречься...

...Напрасно звонилъ о. „будильникъ“, провозглашая, что настало „пѣнію время, молитвѣ часъ“, напрасно о. Николай будилъ уснувшаго на окнѣ Ивана,—Иванъ спалъ мертвымъ сномъ... Его оставили въ покоѣ, въ надеждѣ, что, авось, выспится, такъ ему полегчаетъ маленько...

IV.

Іонѣ было лѣтъ тридцать съ небольшимъ... Томимый той темной, душной, несуразной жизнью, которою живетъ русское крестьянство, онъ тайно ушелъ изъ дома, полный желанія спастись, обрѣсти истину, которая освѣтила бы душившій его мракъ. Вотъ уже десять лѣтъ искалъ онъ эту истину, но не находилъ, и вновь неустанно, мучительно искалъ, блуждая ощупью въ лабиринтѣ жизни. Еще въ мірѣ пристрастился онъ къ чтенію и принесъ эту страсть съ собой сюда, въ монастырь, и здѣсь она стала для него неизсякаемымъ источникомъ страданія, такъ какъ удовлетворять ее было почти невозможно. Хотя въ монастырѣ и была своя большая библіотека, но доступъ въ нее былъ очень затрудненъ; немногихъ свѣтскихъ книгъ, которыя были тамъ, не давали совсѣмъ, а духовныя хотя и выдавались, но очень неохотно, послѣ долгихъ просьбъ,—монастырское начальство, старшіе, находили, что много знать иноку незачѣмъ, что это опасно, такъ какъ чрезъ книги дьяволъ можетъ посѣять смуту въ душѣ, ввести въ искушеніе, ибо человѣкъ слабъ и легко поддается прельщеніямъ гордаго ума... Іона сталъ доставать книги тайкомъ, чрезъ городскихъ знакомыхъ, но это было сопряжено тоже съ большимъ трудомъ, такъ какъ вся корреспонденція братіи, всѣ посылки, какъ изъ монастыря, такъ и въ монастырь, просматривались предварительно игуменомъ, и все, что ему казалось опаснымъ, способнымъ ввести въ соблазнъ, имъ задерживалось. Все это страшно тяготило Іону, безпокойная мысль котораго требовала пищи, свѣта,—такъ, во тьмѣ, онъ жить не могъ, не могъ довольствоваться обрывками старыхъ газетъ, въ которыхъ говорилось то о какомъ-то дѣлѣ Дрейфуса, то о дерзкомъ лжеученіи Толстого, то о какихъ-то войнахъ, союзахъ, рѣчахъ, законахъ, собраніяхъ, о какихъ-то, очевидно, всѣмъ извѣстныхъ лицахъ, о которыхъ Іона не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; мало ему было худенькаго томика всеобщей исторіи, безъ первыхъ и послѣднихъ страницъ, и брошюрки о какомъ-то монизмѣ, и руководства къ травосѣянію, всего этого ему было мало, ему было нужно, какъ онъ говорилъ, „всю истину“, которая дала бы успокоеніе его тревожно-мятущейся душѣ. Его не манили, какъ Ивана, „красная міра сего“, хотя онъ уже успѣлъ узнать въ міру ядовитую прелесть людскихъ страстей и принесъ съ собой сюда „всю мерзость мірскую“, при воспоминаніи о которой иногда и закипала его молодая кровь; онъ не искалъ, какъ Иванъ,

чудеснаго міра и власти надъ нимъ, но, какъ и Ивана, его давили стѣны келіи, давило каменное кольцо ограды. Такъ же, какъ и Иванъ, Іона сомнѣвался въ справедливости своихъ порывовъ и томленій и старался задавить въ себѣ безпокойную мысль: первое время онъ вѣрилъ въ возможность этого... Если сомнѣніе шевелилось въ немъ,—онъ начиналъ, съ видимымъ убѣжденіемъ, горячо говорить о предѣлахъ разума, объ откровеніи, о необходимости смириться, и чѣмъ сильнѣе была его тревога, его сомнѣнія, тѣмъ горячѣе говорилъ онъ о томъ, что тревоги и сомнѣнья быть не должно. Но едва онъ умолкалъ, какъ какая-то холодная тоска охватывала его душу и снова начиналось болѣніе, порывы, съ каждымъ разомъ все болѣе властные, настойчивые. Будь его душа менѣе сильной, менѣе жизнеспособной, онъ, какъ и многіе до него, задавилъ бы ее, въ концѣ концовъ, и удовлетворился бы тѣми дѣтскими вѣрованіями, тѣми наивными фантазіями, которыми жили всѣ окружавшіе его, но въ немъ было слишкомъ много силы и жизни, и эта сила, просясь наружу, въ дѣло, мучила его...

Предоставленный самому себѣ, тысячи разъ передумывалъ онъ свои думы, съ тоской ища отвѣта на мучившіе его вопросы, но неокрѣпшая, робкая мысль его неизмѣнно упиралась въ какую-то твердую, высокую, какъ монастырская ограда, стѣну... Задумывался онъ, напримѣръ, надъ смертью... Какъ это такъ: жилъ, жилъ человѣкъ, и вдругъ его *нѣтъ*, совсѣмъ *нѣтъ*... Гдѣ же онъ? Въ раю, въ аду... А адъ, а рай гдѣ, какіе? И потомъ муки вѣчныя... Ну, сто лѣтъ, тысячу, милліонъ, а потомъ? Опять милліонъ? А потомъ опять?.. Да за что? Вѣдь иной отъ неразумія согрѣшитъ, другой по слабости человѣческой и вдругъ—милліонъ... Да какъ же такъ? Тутъ мысль его безпомощно, съ отчаяніемъ останавливалась, точно предъ какой-то невидимой стѣной...

Все это было непремѣнно нужно знать Іонѣ, но еще нужнѣе, болѣе всего нужно ему было знать, *какъ жить по правдѣ*, такъ какъ эта жизнь, не смотря на вся ея молитвы, посты, трудъ, не удовлетворяла его...

Было воскресенье. Трепеза только кончилась, и Іона вышелъ, чтобы пройтись немного...

Онъ оставилъ за собой просторный монастырскій дворъ, весь заросшій свѣжей, изумрудной травой и золотыми одуванчиками, пересѣкъ широкую поляну со стоящими тамъ и сямъ раскидистыми березами и вошелъ въ старый дремучій лѣсъ, подступавшій почти къ самымъ монастырскимъ стѣнамъ. Суровое молчаніе лѣсного сумрака охватило Іону со всѣхъ сторонъ, навѣвая на его душу холодъ, какой-то безпричинный страхъ. Ему казалось, что онъ слышитъ за собой

осторожные шаги, шорохъ, шопотъ,—онъ торопливо, съ боязнью обертывался,—никого не было, но страхъ его не проходилъ и все болѣе и болѣе холодилъ его душу. Вотъ среди лохматыхъ сѣрыхъ молчаливыхъ елей показалась вросшая въ землю, покосившаяся хижина схимника Антонія. Около нея чернѣлъ надъ одинокой могилой старца полуистлѣвшій, зловѣщій, какъ привидѣніе, крестъ, широко раскинувшій свои нѣмыя объятія... Тихо, точно боясь разбудить какія-то спящія въ сумракѣ лѣса тѣни, Іона подошелъ къ могилѣ старца. На ней лежала, вся заросшая сѣдымъ мхомъ, каменная плита, на которой виднѣлась полустертая, грубая надпись:

Антоній прахомъ здѣсь, душою въ небесахъ,
И будетъ незабвенъ въ чувствительныхъ сердцахъ,
Въ которыхъ онъ вмѣстилъ священны тѣ таланты,
Предъ коими ничто мірскіе адаманты.
Покойся, отче, здѣсь безъ скорби и рыданья,
Доколь наступить день комуждо воздаянья...

Іона смотрѣлъ на эту одинокую печальную могилу и чувствовалъ, какъ въ душѣ его разливается какое-то сѣрое холодное чувство, похожее на осенній туманъ, тяжело поднимающійся надъ болотами, чувство, въ которомъ жуткій непонятный страхъ смѣшивался съ какой-то безконечной смертельной тоской. Ему хотѣлось бѣжать отсюда, и въ то же время что-то удерживало его здѣсь, точно этотъ черный крестъ съ широко раскинутыми объятіями приковалъ его душу къ себѣ какими-то невидимыми цѣпями и не пускалъ ее изъ сумрака лѣса...

Вдругъ послышались тихіе шаги... Іона вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ сторону озера. Между вѣковыми соснами, самымъ берегомъ медленно шелъ, потупившись, монахъ, тихонько напѣвая что-то. Іона сразу узналъ его—это былъ о. Митрофанъ, единственный изъ всѣхъ иноковъ, внушавшій Іонѣ симпатію. Среди наружно смиренныхъ и набожныхъ, но внутренно себялюбивыхъ и сухихъ монаховъ о. Митрофанъ рѣзко выдѣлялся своей неподдѣльной кротостью и любовнымъ отношеніемъ ко всему и ко всѣмъ. О. Митрофанъ былъ изъ крестьянъ и грамотѣ не зналъ. Принявъ разъ навсегда ту вѣру, которою жили его отцы и дѣды, онъ вполнѣ удовлетворился ею и никакихъ исканій, безпокойства совершенно не зналъ; онъ ревностно исполнялъ все то, что требовалось отъ него церковью, вѣря, что это самый лучшій путь къ спасенію... Въ обители о. Митрофанъ былъ уже давно и никакихъ сношеній съ міромъ не имѣлъ, порвавъ съ нимъ

разъ навсегда. Онъ похоронилъ все свое прошлое и не любилъ даже говорить о немъ. Никто изъ братіи объ этомъ прошломъ не зналъ ничего,—всѣ догадывались лишь, что о. Митрофанъ пережилъ въ мірѣ не мало горя...

О. Митрофанъ поднимался потихоньку на бугоръ, гдѣ стояла избушка Антонія.

— „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!.. Услыши мя, Господи“...—донеслось до Іоны.—„Вонми гласу моленія моего“...

Увидавъ вдругъ около могилы Іону, о. Митрофанъ сразу остановился и пробормоталъ испуганно:

— Святъ, святъ... Да это ты, братъ Іона?

— Я, о. Митрофанъ...

— Ну, и напугалъ же ты меня!..—проговорилъ о. Митрофанъ, подходя ближе.

Это былъ высокій, худой монахъ съ блѣднымъ, всегда грустнымъ лицомъ, обрамленнымъ темной шелковистой бородой.

— Что это ты въ какую глушь забрелъ?..—спросилъ онъ.

— Такъ... Гуляю...

О. Митрофанъ внимательно посмотрѣлъ на него своими большими, свѣтлыми, усталыми глазами и глубоко вздохнулъ, какъ-то грустно пріоткрывъ свой красивый, маленькій и розовый ротъ.

— Думы все свои думаешь?.. Все терзаешься?..

Іона молча кивнулъ головой.

— А ты гони ихъ...

— Не прогонишь...

— Ну, не прогонишь... Захочешь, такъ прогонишь...

— А... зачѣмъ гнать-то ихъ?

— А зачѣмъ думать?

— А затѣмъ, что разумъ правды ищетъ, истины... Какъ безъ нея жить?

— Какой же это тебѣ правды нужно?—спросилъ о. Митрофанъ.—Люби Господа Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ, всѣмъ помышленіемъ, и ближняго твоего, какъ самого себя — вотъ тебѣ и правда вся. Чего тебѣ больше нужно?

— А *какъ* любить? Вотъ въ этомъ все и есть: *какъ*?

— Какъ всѣ любятъ...—спокойно отвѣчалъ о. Митрофанъ.—Вонъ ты сейчасъ, видишь, комара убилъ и даже и не замѣтилъ этого, а это нехорошо, это показываетъ, что ты Бога не любишь, потому ты тварь Его убиваешь. Одинъ угодникъ божій убилъ такъ-то вотъ комара, совѣсть въ немъ и заговорила. Что-жъ, попросилъ у Господа прощенья, пошелъ въ дебри лѣсныя, въ болота, да и простоялъ тамъ три мѣсяца нагишомъ. Тучами на него слетались комары эти, а онъ хоть бы что... искупилъ эдакъ грѣхъ-то свой и вернулся съ

легкой душой въ обитель... Вотъ тебѣ и любовь. Все люби, за все благодари...

Онъ на мгновенье задумался, и по лицу его прошла какая-то тѣнь, точно воспоминаніе о чемъ-то скрытомъ въ темной глубинѣ прошлаго.

— Что-нибудь не ладится у тебя, горе какое случилось,— глубоко вздохнувъ, продолжалъ онъ тихо,— вспомни, что много есть людей несчастнѣе тебя, вспомнишь, и увидишь, что тебѣ надо не горевать, а благодарить еще Бога за то, что онъ милостивъ къ тебѣ... Такъ-то, братъ Іона!—заключилъ онъ, потрепавъ Іону по плечу, и на его блѣдномъ, усталомъ лицѣ засвѣтилась тихая ясная улыбка.—Что же, посидимъ, что ли, маленько?..

— Пожалуй, посидимъ...—разсѣянно отвѣчалъ Іона, опускаясь рядомъ съ нимъ на полуистлѣвшій порогъ хижины, и продолжалъ:—Все люби, за все благодари—это такъ... Растворяй сердце жалостью ко всему... не только къ человѣку, но и къ комару, это тоже такъ, вѣрно... Но какъ, куда эту жалость дѣть, куда, къ чему ее примѣнить, такъ чтобы она была... ну... на дѣло? И на это отвѣтъ ежели найдешь, такъ и это будетъ не все... Въ жизни много еще, что надо понять... Ибо сказано: „поклоняйся Богу въ духѣ и истинѣ“. Значитъ, надо все знать... Какая же это истина, если одна сторона въ ней видна, а другая нѣтъ, во мракѣ?.. Ну?.. Возьми вотъ хоть нашу жизнь—такъ ли мы живемъ? Настоящая-ли это жизнь?

— Настоящая...

— Почему?

— Потому святые угодники такъ жили...

— Такъ они жили угодниками...

— И ты живи...

— А другіе?

— А тебѣ что?

— Какъ: что?—воскликнулъ Іона.—Ежели идешь на подвигъ, такъ иди, какъ слѣдуетъ... „Помыслихъ изыти въ пустыню и единъ въ молчаньи сѣдѣти и плакатися грѣховъ своихъ“,—а это что же?.. Выходитъ обманъ...

— Тогда помолись за нихъ, а не осуждай, не думай... Помолись, чтобы Господь простилъ ихъ—вотъ и все... Ты иди своей дорогой, а они пусть идутъ своей...

— Я вотъ и ищу своей дороги-то, да нѣтъ ея!..—воскликнулъ Іона.

— Какъ же нѣтъ... Есть... Можетъ, ты не видишь ее...

— Вотъ!.. Есть, знаю, что есть... А не вижу!..

Сѣрые живые глаза Іоны блеснули, на широкомъ, скуластомъ, чисто русскомъ лицѣ его вспыхнулъ легкій румянецъ.

— И что имъ нужно, что имъ нужно, не понимаю...— быстро заговорилъ онъ, теребя свою жиденькую, соломеннаго цвѣта бороденку.—Разъ Богъ далъ мнѣ разумъ, должо̀нъ я его... успокоить, пониманіе, просвѣтленіе себѣ добыть. Вѣдь не звѣрь я лѣсной, жить-то такъ... Ну?.. Вонъ надысь опять книжки схватали... Чего боятся? Ежели я правду ищу, такъ имъ-то что это больно нелюбо? Послушаніе, послушаніе... И еще паче молитвы... Молитва—я иду къ Богу, къ Господу моему, со всей душой иду, а мнѣ говорятъ,—только слушайся насъ, а этого, хоть бы и не надо... Пастыри, дескать, мы... И пастыри всякіе бываютъ... Вонъ вы запрещаете мужикамъ рыбки въ озерѣ половить, а Христосъ-то велѣлъ и рубашку послѣднюю отдать—ну?

Онъ пристально, горячимъ взоромъ глядѣлъ въ землю, точно требуя отъ нея отвѣта.

— Они въ грѣхѣ, они и въ отвѣтѣ,—сказалъ Митрофанъ.— Въ писаніи святыхъ отецъ сказано, что вотъ также одинъ осудилъ пастыря своего духовнаго, священника... Дескать, ты недостоинъ пріобщать меня тѣлу и крови Христовымъ... И что же?.. Пришелъ на литургію, смотритъ—вышелъ священникъ-то со св. Дарами, а вокругъ него, ровно какъ вокругъ святого, сіяніе небесное. Значитъ, показалъ ему Господь, что и чрезъ недостойнаго пастыря благодать нисходитъ...

— И въ писаніи тоже сказано: „вы искуплены дорогою цѣной, не дѣлайтесь рабами человѣковъ“!—горячо отвѣчалъ Іона.—Значитъ, и послушанію предѣлъ должо̀нъ быть... Если онъ, къ примѣру, меня заставитъ человѣка зарѣзать,—что тогда?..

— Знамо, что...

— А, видишь! Значитъ, есть предѣлъ.. А гдѣ онъ?.. Вотъ и ищешь... свѣта-то... А тебя не пускаютъ... Вотъ-вотъ, кажись, онъ тебя осіяетъ,—нѣтъ, захлопнутъ дверь, и опять сиди одинъ во мракѣ... И, Господи, сколько отъ этого скорби бываетъ!.. Что имъ нужно?.. Зачѣмъ? Вѣдь, что Спаситель-то сказалъ? „Не можетъ градъ закрыться вверху горы стоя, и никто вжегъ свѣтильника поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ“... Да свѣтитъ всѣмъ,— вонъ какъ!.. А мнѣ говорятъ,—нѣтъ, оставь, это отъ лукаваго вѣруй такъ, какъ мы велимъ... А... а можетъ... можетъ...

Іона посмотрѣлъ вокругъ себя широко раскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтился страхъ предъ кощунственной мыслью, властно вставшей въ его мозгу.

— А... можетъ, эта вѣра-то... не истинная?—проговорилъ онъ тихо, взволнованнымъ голосомъ.—Тогда что? Себя погубить?..

— Господи Іисусе Христе... -- перекрестился о. Митрофанъ, испуганно глядя во всѣ глаза на поблѣднѣвшее лицо Іоны.

— Да... Вѣръ всякихъ много, и всѣ по разному... И всѣ говорятъ: я одна только истинная, а другія...—все такъ же тихо, взволнованно продолжалъ Іона.—Можетъ, это и грѣхъ... да развѣ съ думой-то совладаешь?.. На той недѣлѣ книжка мнѣ попалась махонькая, и нашелъ я въ ней объ одномъ монахѣ... святымъ зовутъ его, Францискомъ... Не изъ нашихъ онъ, не изъ русскихъ.. Разъ, слышь, нищуха какая-то попросила у него милостыньки, а братія и говоритъ: у насъ, дескать, нѣтъ ничего... Въ бѣдности большой они жили. Ничего, говорятъ, кромѣ Библіи, по которой въ церкви читаемъ. Ну, такъ отдайте ей Библію, говоритъ Францискъ-то, продастъ, говоритъ, она ее и сыта. А въ другой разъ обобралъ всѣ ризы, камни тамъ всякіе съ Божьей Матери, да и отдалъ бѣднымъ... Это, говоритъ, прежде всего! А у насъ и рыбки половить не даютъ... А колоколъ въ пятьсотъ пудовъ отлили, ризы золотыя шьютъ и все... Ну, гдѣ правда-то, здѣсь, Господи? Гдѣ она?.. Смилуйся, открой волю Твою!.. Неужели же они всѣ въ ошибкѣ?.. Да какъ же такъ?..

Митрофанъ глядѣлъ на него со страхомъ.

— Іона, Господи Іисусе,—что ты это?..—испуганно прошепталъ онъ.—Ты весь во власти врага... Господи помилуй... Да что ты?..

Но Іона не могъ молчать теперь—въ немъ билась и просилась на свободу скованная мысль.

— Нѣтъ, погоди... Постой...—горячо продолжалъ онъ.—Здѣсь все не такъ... Что Христосъ велѣлъ?... „Положи душу твою за други“! А мы что дѣлаемъ? Заперлись, спрятались отъ всѣхъ, да и сидимъ, горюшка мало... „Яко воистину блаженни суть и преблаженни таковому безпечальному и безмятежному житію сподобившіеся“—такъ, блаженни, мы-то блаженни, а въ міру-то? Тамъ люди бьются! „Всякій, кто оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, ради Меня, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“... Такъ развѣ ради Него мы заперлись здѣсь,—намъ чтобы покойно было... О, Господи, вѣдь Ты за людей-то на крестъ пошелъ,—а мы? Спастись? Такъ ты иди въ міръ спасаться отъ зла, а не отгораживайся отъ него! Ты среди зла, въ самомъ горнилѣ его останься чистымъ, побѣди его! Тогда ты и заслужишь предъ Господомъ, а ты бѣжишь отъ него, бѣжишь... А не убѣжишь—оно тебя и здѣсь найдетъ... И побѣдитъ!.. Потому трусъ ты!..

О. Митрофанъ со страхомъ во всѣ глаза глядѣлъ на Іону.

— Господи, а святые-то угодники какъ же?.. — вдругъ проговорилъ Іона тихо, потухшимъ голосомъ, точно обезси-

лѣвъ сразу.—Они ушли и спаслись... Ничего, ничего не понимаю, хоть убей меня... Неужели же никто этого не понимаетъ? Да какъ же такъ жить, безъ разумѣнія-то?..

Онъ опять опустился на порогъ хижины и закрылъ лицо руками.

Кругомъ царило суровое молчаніе стараго бора, который, казалось, затаившись, ждалъ чего-то и смотрѣлъ на иноковъ глубокими, темными глазами... зловѣщій черный крестъ сталъ еще чернѣе и мрачнѣе и, казалось, грозилъ чѣмъ-то ужаснымъ за дерзкія рѣчи молодого монаха...

О. Митрофанъ быстро всталъ, точно собираясь бѣжать...

— Господи-батюшка... Іона!.. Да что ты это?...—крестясь, проговорилъ онъ, едва приходя въ себя.—Что ты? Усумнился въ вѣрѣ въ Бога истиннаго... Усумнился въ Его святыхъ угодникахъ... Грѣхъ, грѣхъ-то какой, Господи!..

Іона быстро всталъ.

— Грѣхъ?.. Грѣхъ, говоришь ты?..—горячо воскликнулъ онъ.—Въ чемъ? Почему ты знаешь? Кто мнѣ далъ разумъ? Богъ?.. Какъ я смѣю заставить его замолчать?.. Онъ говоритъ... Онъ отъ Бога... Имъ Богъ отличилъ меня отъ звѣря... Сказано: „духа не угашайте“, — понялъ? Нельзя его угашать! Свѣта дай мнѣ, а не гони меня во тьму!..

Чуть подавшись впередъ, широко раскрытыми глазами онъ впился въ блѣдное лицо о. Митрофана, и слова его въ сумрачной тишинѣ лѣса падали одно за другимъ, какъ раскаленные уголья. О. Митрофанъ, полный страха, смятенья, замеръ, какъ статуя, и только смотрѣлъ во всѣ глаза на это искаженное страданіемъ молодое лицо, на эти лихорадочно-горящіе, какъ у безумнаго, глаза... Мгновенье, другое, длилось это напряженное молчаніе... И вдругъ въ обоихъ сразу точно что оборвалось...

Іона закрылъ лицо руками и поникъ... Видъ его тронулъ о. Митрофана до глубины души...

— Братъ Іона... — проговорилъ онъ тихо. — Не скорби... Богъ милостивъ... Это со многими бываетъ... Это пройдетъ... Не скорби, не надрывай души...

Іона поднялъ свое блѣдное лицо.

— Не могу, о Митрофанъ... Не могу... Силъ моихъ нѣтъ... —отвѣчалъ онъ сухимъ, точно деревяннымъ голосомъ.

О. Митрофанъ молча посмотрѣлъ на него, и двѣ крупныя слезы зажглись въ его лучистыхъ, полныхъ состраданія глазахъ.

— Давай помолимся, Іона, вотъ предъ святымъ крестомъ...—сказалъ онъ какъ-то особенно любовно, мягко, какъ говорятъ съ опасно больнымъ ребенкомъ.—Авось, Господь и поможетъ... Помолимся...

Онъ сталъ на колѣни у могилы схимника и, съ вѣрой глядя на темный крестъ, началъ горячо молиться...

Іона, точно противъ воли, тоже опустился на колѣни. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы сосредоточить на мысли о Богѣ всѣ остатки силъ своей измученной души, хотѣлъ молиться, но не могъ...

Какой-то жестокій холодъ охватилъ его душу, и она замерла, омертвѣла... Согнувшись точно подъ какой-то тяжестью, неподвижный, какъ изваяніе, стоялъ Іона на колѣняхъ у могилы схимника и помутнѣвшими, остановившимися глазами упорно, не отрываясь, смотрѣлъ въ землю...

Черный крестъ, холодный, равнодушный, поднимался надъ склоненными иноками, и въ его суровомъ молчаніи было что-то зловѣщее...

V.

Мирная, немного сонная обитель вдругъ приняла видъ встревоженнаго муравейника. Иноки бѣгали по кельямъ одинъ къ другому, безпокойно перешептывались, качали головой, негодовали, пророчили, сокрушались и—съ жгучимъ нетерпѣніемъ ждали событій: братъ Иванъ твердо и дерзко заявилъ о своемъ желаніи уйти въ міръ...

Сперва игуменъ самъ попробовалъ уговорить Ивана взять назадъ свое рѣшеніе, одуматься, потомъ за это взялись старцы, но также безуспѣшно: сколько ни упрекали они Ивана неблагодарностью, сколько ни грозили ему гибелью и вѣчными муками, онъ только хмурилъ брови и молчалъ. Такъ и не добившись ничего, старцы снова сдали его игумену. Тотъ повторилъ все, что говорили старцы, и тоже сталъ грозить неисчислимыли бѣдами и въ этой жизни, и въ будущей—Иванъ оставался непоколебимъ и жалѣлъ лишь въ глубинѣ души, что не ушелъ тайкомъ, не сказавшись...

— Ты подумай, голова, подумай...—говорилъ игуменъ.— Посмотри въ уставъ-отъ—что тамъ сказано, ну? „И ежели по увѣщеваніи, все же упорствуетъ, хочетъ уйти, то не давать ему мира, какъ мытарю и язычнику, какъ уподобившемуся Іудѣ проклятому“... Іудѣ проклятому,—вонъ какъ! Христопродавцу!.. А ты видѣлъ, какъ его на „Страшномъ судѣ“-то рисуютъ, ну? У самого сатаны на колѣняхъ сидитъ и мошну съ тридцатью серебряниками въ рукахъ держитъ... И такъ вѣки вѣчные!.. Ну?..

Лицо Ивана сдѣлалось точно деревяннымъ. Онъ молча, упорно смотрѣлъ въ землю.

Дѣлая послѣднюю попытку, старцы рѣшили собрать въ воскресенье, послѣ обѣдни, всю братію и предъ лицомъ ея попробовать усовѣстить Ивана, но, въ субботу, предъ всенощной, Иванъ исчезъ изъ монастыря...

Обитель волновалась, судила, рядила...

Сперва предметомъ ея волненія была исключительно судьба Ивана, потомъ Иванъ началъ понемногу отступать на второй планъ и всеобщее вниманіе сосредоточилъ на себѣ Іона, который вдругъ началъ какъ-то странно избѣгать всѣхъ, прятаться, точно замышляя что недоброе.

Со дня встрѣчи съ Митрофаномъ у могилы схимника Антонія въ Іонѣ точно что разстроилось. Во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ сильную слабость, часто его начинало вдругъ знобить,—точно какія-то тонкія ледяныя нити ползли по его тѣлу и таяли, приближаясь къ головѣ, охваченной нестерпимымъ, гнетущимъ внутреннимъ жаромъ. Казалось, всѣ жизненныя силы Іоны сосредоточились теперь въ его возбужденномъ мозгу, въ которомъ то крутился бѣшеный ураганъ несвязныхъ, нелѣпыхъ мыслей и образовъ, то, сжигая все, проходили полосы какого-то раскаленнаго, мутно-багроваго тумана. Іона, чтобы отдохнуть отъ этого гнетущаго кошмара, инстинктивно пытался остановить свое вниманіе на чемъ-нибудь, но едва онъ выдѣлялъ какую-нибудь отдѣльную мысль изъ этого крутящагося вихря, какъ тотчасъ же она ускользала отъ него и цѣлые назойливые рои другихъ мыслей налетали на Іону и мучили его.

Это физическое недомоганіе, этотъ тяжелый гнетущій кошмаръ, непрестанно мучившій его, довели нервную систему Іоны до крайняго напряженія... Незлобивый, добродушный отъ природы, онъ приходилъ теперь въ раздраженіе отъ всякаго пустяка, все было непріятно ему, все его мучило, и онъ старался быть отъ людей какъ можно дальше, тѣмъ болѣе, что ихъ любопытные взгляды очень смущали его...

Ударили ко всенощной... Голодные, утомленные дневнымъ трудомъ монахи потянулись въ церковь. Вмѣстѣ съ другими, также утомленный, истощенный до послѣдней степени внутреннимъ горѣніемъ, Іона вошелъ въ храмъ, гдѣ въ полумракѣ блѣдными звѣздочками горѣли предъ иконами свѣчи и лампады. Онъ стоялъ и слушалъ древніе „столповые“ напѣвы хора, и эти скорбныя, полныя сдержанныхъ рыданій, пѣснопѣнія какъ-то остро бередили теперь его больную душу. Ему казалось, что это онъ поетъ, онъ скорбитъ и мучится въ этихъ мрачныхъ пѣсняхъ, что это его душа, отягченная цѣпями, старается подняться туда, вверхъ,

въ темные своды, и безсильно падаетъ опять на землю и опять, скорбя, наполняетъ холодный полумракъ храма своими мрачными, безнадежными пѣснями... Іона не молился, не рвался теперь изъ этого мрака,—онъ зналъ, что это безполезно, что онъ безповоротно осужденъ Богомъ... За что? За что?.. Отвѣта нѣтъ... Холодная злоба тяжело поднялась въ немъ и медленно опустилась куда-то въ пустоту, унося съ собой все, что окружало его. Остался лишь мракъ, въ которомъ слабо, какъ далекія звѣзды, свѣтились огни иконостаса, и скорбной толпой, вѣя въ лицо Іоны холодомъ могилы, летали на черныхъ крыльяхъ эти мрачные звуки. Все больше и больше слеталось къ нему этихъ крылатыхъ чудовищъ; онѣ тѣснили его со всѣхъ сторонъ, приближались, удалялись и рыдали, полныя тоски и какого-то смятенья...

Въ глазахъ Іоны потемнѣло, въ головѣ снова разлился багровый раскаленный туманъ. И вдругъ среди его жара и мути выплыло почему-то большое распятіе, стоявшее въ церкви, въ правомъ предѣлѣ. Іона увидалъ знакомое страдальческое лицо, склоненную голову въ терновомъ вѣнцѣ. Теперь въ немъ, въ этомъ лицѣ, было что-то новое, необыкновенное... Вотъ голова поднялась, раскрылись посинѣвшія губы... Христосъ тяжелымъ больнымъ взоромъ смотритъ на Іону и что-то говоритъ ему, но черныя рати крылатыхъ чудовищъ мѣшаютъ Іонѣ слышать Его, топятъ въ своей холодной скорби Его тихую рѣчь... И мутные клубы багроваго тумана скрыли лицо Страдальца и среди нихъ гордо поднялась высокая гора и на ея вершинѣ заблисталъ необыкновенный, неземной свѣтъ... И какія-то бѣлыя крылья взмахнули надъ тяжелыми волнами скорби и что-то гдѣ-то запѣло... И вдругъ все пропало...

Далекія звѣзды иконостаса... Черная скорбь, полная ужаса и тоски вокругъ...

Дикій вихрь мыслей, образовъ бѣшено ворвался вдругъ въ голову Іоны... Ему показалось, что еще мгновенье и она разлетится вдребезги. Полный безумнаго страха, онъ схватился за нее обѣими руками... Въ груди его что-то мучительно забилось, какъ раненая птица... Церковь повалилась куда-то... Полъ ушелъ изъ-подъ ногъ...

Іона судорожнымъ движеніемъ ухватился за стѣну...

Весь блѣдный, холодный, онъ со страхомъ, подозрительно оглянулся вокругъ себя... Нѣсколько десятковъ лицъ съ изумленіемъ смотрятъ на него со всѣхъ сторонъ... Между ними ползутъ, приближаясь къ Іонѣ, скорбно ноя, багровыя нити...

Охваченный паническимъ безпричиннымъ страхомъ Іона, шатаясь, быстро вышелъ изъ церкви...

На паперти онъ столкнулся съ двумя иноками и вдругъ съ дикимъ крикомъ: „черные!..“ бросился бѣжать въ свою келію... Смущенные монахи, чуя бѣду, торопливо пошли за нимъ; у келій къ нимъ присоединилось еще трое и всѣ осторожно подошли къ келіи Іоны.

Іона быстро обернулся на звукъ отворенной двери и опять съ крикомъ „черные!“ бросился въ уголъ.

— Іона, братъ, да что ты? Господи Іисусе... Іона, опомнись!..—говорили монахи, подходя ближе.

— Черные, черные!..—кричалъ Іона, протягивая руки впередъ, точно отталкивая что-то.—Черные!..

На лицѣ его былъ написанъ невыразимый ужасъ...

Монахи остановились, не зная, что дѣлать... Одинъ изъ нихъ побѣжалъ къ настоятелю. Собрались старцы, братія...

— Погодите, я испытаю его...—проговорилъ старецъ Евлампій и, подойдя ближе къ дрожащему всѣмъ тѣломъ, дико озирающемуся Іонѣ, поднялъ крестъ.—Во имя Отца и Сына и Святого Духа, кто ты, отвѣтствуй!

Іона дико закричалъ.

— Господи Исусе!..—перекрестился Евлампій испуганно и, обернувшись къ монахамъ, таинственно проговорилъ:—Онъ!

Монахи перекрестились и со страхомъ смотрѣли на растерянно озирающагося Іону.

— А ну, попробуй еще разъ, о. Евлампій... Можетъ, выдержитъ...

О. Евлампій поднялъ крестъ и торжественно, прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—отвѣтствуй, кто ты?

Іона опять дико закричалъ...

Сомнѣнья не было: Іону кто-то „испортилъ“. Иноки, по приказанію игумена, послѣ долгой, отчаянной борьбы овладѣли Іоной и, связавъ его полотенцами, положили на кровать. Старый о. Евлампій тотчасъ же началъ отчитывать больного.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной лампадой и восковой свѣчей, было страшно душно, и на блѣдномъ лицѣ Іоны выступилъ крупный потъ. Больной, тяжело дыша, устремивъ неподвижный, стекляный взоръ въ потолокъ и какъ-то тоскливо поводя головой, говорилъ безумолку то громко, то тихо, почти шопотомъ. Ему казалось, что онъ идетъ по горѣ къ какому-то источнику свѣта, что вотъ-вотъ онъ схватитъ этотъ свѣтъ, но тяжелая дверь вставала вдругъ предъ нимъ, черныя чудовища несмѣтною ратью бросались на него со всѣхъ сторонъ, и съ раздирающимъ душу крикомъ онъ летѣлъ въ темную бездну для того, чтобы чрезъ нѣсколько

минутъ опять начать тяжелый подъемъ на гору... Иногда горделивая улыбка появлялась на его губахъ и онъ говорилъ съ жалостью о мертвыхъ душахъ, неумѣющихъ летать... Но его торжество продолжалось недолго, и опять онъ начиналъ отчаянную борьбу съ черными призраками...

Всю ночь иноки поперемѣнно читали надъ нимъ молитвы, кропили его святой водой, молились за него, но лучше больному не было.

Подъ утро Іона затихъ было, но во время молебна съ водосвятіемъ его крики и конвульсіи возобновились со страшной силой. По блѣдному лицу его катились крупныя капли пота и слезъ, изступленные, полные ужаса, глаза вышли изъ орбитъ и хриплые крики рвались изъ перекошеннаго и покрытаго пѣной рта...

— Духа не угашайте! Духа не угашайте!..—вопилъ онъ, хрипя и стараясь сорвать полотенца, которыми онъ былъ скрученъ.—Пустите!.. Пустите!..

Пароксизмъ его превратился въ нѣчто ужасное, когда его стали кропить. Ему казалось, что на него брызгали чѣмъ-то страшно горячимъ, и онъ испускалъ дикіе, нечеловѣческіе крики.

Кто-то подалъ было мысль отвезти Іону въ городъ, въ больницу, или, по крайней мѣрѣ, позвать доктора сюда, но старцы нашли, что это лишнее, такъ какъ человѣкъ находится во власти Бога, безъ воли котораго даже волосъ одинъ не упадетъ съ головы: выздоровѣть, такъ и такъ выздоровѣетъ, а помретъ,—ну, значитъ, божья воля. Противъ Бога не пойдешь, будь хоть раздокторъ ты... Искушать Бога грѣхъ...

Едва молебенъ кончился и братія разошлась, какъ Іона успокоился и заговорилъ о Францискѣ, который позволялъ мужикамъ ловить рыбу въ озерѣ, о градѣ подъ спудомъ, о свѣтильникѣ, о побѣдѣ, о черныхъ...

Прошелъ день, другой, третій... Братія продолжала усердно молиться о здравіи Іоны, и молитвы ея были, наконецъ, услышаны: Іонѣ стало немного лучше. Припадки его становились все рѣже и рѣже, слабѣе и слабѣе; иногда цѣлыми часами онъ лежалъ совершенно спокойно въ своей келіи и неподвижно глядѣлъ въ потолокъ. Иногда, когда солнечный лучъ, пробившись сквозь густую зелень деревьевъ, падалъ въ комнату Іоны или раздавались торжественные звуки благовѣста, какая-то свѣтлая, чудная улыбка блѣдной, больной тѣнью скользила по его лицу, онъ глубоко вздыхалъ и изъ глазъ его катились крупныя слезы.

Потомъ онъ совсѣмъ успокоился и полотенца съ него были сняты. Видъ черныхъ рясъ не внушалъ ему болѣе

страха... Онъ началъ говорить понемногу, робко, неувѣренно, точно боясь чего-то, звалъ всѣхъ безъ различія „братьями", всѣмъ ласково улыбался, но никого не узнавалъ,—точно все прошедшее было отрѣзано отъ его жизни и потеряно навсегда...

Въ слѣдующее воскресенье его повели къ обѣднѣ. При первыхъ звукахъ хора Іона вдругъ расплакался. По лицу его катились быстро, быстро одна за другой крупныя слезы, и на губахъ играла улыбка необыкновеннаго блаженства.

— Ты что, братъ Іона?—прошепталъ участливо о. Митрофанъ, присматривавшій за нимъ.

— Хорошо, братъ...—отвѣчалъ Іона умиленно.—Хорошо... Смотри-ка, смотри-ка туда... Онъ!.. Опять Онъ!..

— Кого ты тамъ видишь?.. — спросилъ о. Митрофанъ, глядя на окно, въ которое врывался золотой снопъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта.

— Христа... отвѣчалъ Іона, еще болѣе радостно улыбаясь.—Зоветъ меня, говоритъ, такъ нельзя... Пострадать надо...

Голосъ его дрогнулъ. Онъ весь такъ и сіялъ счастьемъ.

— Слышишь, слышишь?..

И, вдругъ всѣмъ тѣломъ обратившись къ о. Митрофану, онъ какимъ-то дѣтскимъ, довѣрчивымъ жестомъ взялъ его за руку и, глядя ему прямо въ глаза своимъ блуждающимъ, восхищеннымъ взоромъ, прошепталъ взволнованно:

— Распни меня, братъ... А?.. И я дамъ тебѣ свѣтильникъ—да свѣтитъ всѣмъ!.. Распни меня, братъ...

— Молись, молись, Іона...—отвѣчалъ о. Митрофанъ ласково.

— А ты распнешь меня, да?..

— Распну, распну...—дрогнувшимъ голосомъ все такъ же ласково отвѣчалъ о. Митрофанъ, чувствовавшій, что какая-то невидимая рука сжимаетъ его горло.

— Ну, вотъ...—обрадовался Іона.—Смотри, какъ Онъ улыбается... Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы...

И, полный неизъяснимаго восторга, Іона плакалъ и крестился на широкій столпъ солнечнаго свѣта, а потомъ опять тихонько шепталъ о. Митрофану:

— Распни меня, братъ... Онъ пострадать велитъ...

Тихо позванивая колокольчикомъ, мимо шелъ съ блюдомъ о. Николай, собирая пожертвованія. Іона вдругъ оставилъ о. Митрофана и, быстро подойдя къ о. Николаю, тѣмъ же робкимъ, дѣтскимъ жестомъ взялъ его за руку и, любовно глядя ему въ глаза, проговорилъ взволнованно:

— Распни меня, братъ... А?..

Богомольцы глядѣли на Іону съ умиленіемъ и набожно

крестились. Нѣкоторыя женщины, глубоко тронутыя необыкновенной улыбкой божьяго человѣка, плакали...

Дальше этого выздоровленіе Іоны не пошло: онъ сталъ „блаженненькимъ“, „божьимъ человѣкомъ“. Необыкновенная улыбка почти никогда не покидала его вдохновеннаго, озареннаго какимъ-то внутреннимъ тихимъ свѣтомъ, лица. Стоило ему услыхать пѣніе хора, звонъ колоколовъ, увидѣть лучъ солнца, зарю, сверкающее озеро, почувствовать запахъ цвѣтовъ, и тотчасъ же къ нему являлся Христосъ въ бѣлыхъ одеждахъ, окруженный неземнымъ блескомъ, любящій, благой, и Іона съ восторгомъ смотрѣлъ на Него и слушалъ Его рѣчь, изрѣдка повторяя Его слова. Все окружающее превратилось для Іоны въ какую-то очаровательную грезу... Казалось, все уродливое, грубое исчезло изъ міра, и Іона видѣлъ въ немъ лишь прекрасное, свѣтлое, доброе, говорящее только о Богѣ его больной, восхищенной душѣ. Онъ все просилъ о томъ, чтобы его распяли, о страданьи, просилъ, какъ о величайшемъ благѣ, которое сдѣлаетъ его счастливымъ; если ему отказывали, уговаривая подождать, онъ не огорчался, а замолкалъ, а потомъ, увидѣвъ какое-нибудь новое лицо, будь это женщина, ребенокъ, нищій, важный гость, монахъ, онъ дѣтскимъ жестомъ бралъ его за руку и снова кротко повторялъ свою просьбу...

Слухъ о „блаженненькомъ“ Кулмозерскаго монастыря распространился съ поразительной быстротой по всей Россіи. Со всѣхъ концовъ ея потянулись паломники въ далекую обитель. Никогда въ храмовые праздники не было раньше такого стеченія вѣрующихъ, какъ теперь...

Сперва къ Іонѣ имѣли доступъ всѣ богомольцы, но потомъ стали дѣлать это съ выборомъ, допуская только тѣхъ, которые поважнѣе; остальные должны были довольствоваться лицезрѣніемъ божьяго человѣка во время службы и по дорогѣ въ храмъ или изъ храма. И Іона—растолстѣвшій, въ чистомъ подрясникѣ, старательно причесанный—со счастливой улыбкой на пухломъ, блѣдномъ лицѣ медленно шелъ вдоль живой изгороди богомольцевъ. Изрѣдка онъ останавливался предъ кѣмъ-нибудь и тихо просилъ, чтобы его распяли, и тѣ, къ которымъ онъ обращался, считали это очень хорошимъ предзнаменованіемъ...

Богомольцы же, которые поважнѣе, допускались и въ чистую, свѣтлую келью Іоны. Онъ встрѣчалъ всѣхъ одинаково ласково, съ улыбкой. Посѣтители просили его предсказать имъ будущее, а онъ говорилъ, улыбаясь, о градѣ на

горѣ, о Христѣ, о страданіяхъ... И всѣ удивлялись его проницательности...

Нѣсколько изъ такихъ предсказаній Іоны сбылось и слава Кулмозерскаго монастыря загремѣла еще болѣе. Иногда, лѣтомъ, въ монастырѣ скоплялось теперь столько вѣрующихъ, что многіе должны были проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Игуменъ совсѣмъ оставилъ свои газеты, забылъ о козняхъ инородцевъ и все свое время проводилъ съ архитекторами и подрядчиками: нужно было приступать къ постройкѣ новаго корпуса гостиницы, все обсудить заблаговременно, все взвѣсить, прицѣниться.... Нынче вѣдь народъ какой: пальца въ ротъ не клади,—откуситъ и не замѣтишь...

О. Николай, повеселѣвшій, довольный, прихрамывая, суетливо носился по гостиницѣ, угождая богомольцамъ, собиралъ съ нихъ „на-чайки“ и съ какими-то радостными нотками въ голосѣ все повторялъ: охъ, искушеніе...

Городской голова губернскаго города, богатый казенный подрядчикъ, пожертвовалъ обители большой колоколъ... Слушая его могучій низкій голосъ, братія и всѣ окрестные жители умилялись, а Іона, едва эти бархатные, торжественные звуки касались его слуха, начиналъ радостно улыбаться и говорить о Христѣ...

Ив. Наживинъ.

ПО „МАНЧЖУРКѢ“.

(Путевые наброски).

I.

Въ концѣ сентября мнѣ предстояло выѣхать изъ Владивостока. Я торопился въ Петербургъ и не хотѣлъ ѣхать моремъ на „добровольцѣ“—путь и долгій, и дорогой. Начинаю наводить справки о другомъ пути, которымъ за послѣднее время уже многіе пользовались—отъ Хабаровска пароходомъ по Амуру и Шилкѣ и затѣмъ отъ Срѣтенска по Сибирской желѣзной дорогѣ.

— Опоздали, батенька,—говоритъ мнѣ одинъ изъ владивостокскихъ знакомыхъ, стоящій въ курсѣ этого дѣла,—мы еще вчера телеграмму получили, что уже по Шилкѣ шуга пошла. Пароходы теперь дальше Благовѣщенска не пойдутъ. Коли охота вамъ сидѣть въ этомъ богоспасаемомъ градѣ мѣсяца полтора до саннаго пути или предпринять путешествіе отъ него до Срѣтенска верхами, везя вещи на вьюкахъ,—поѣзжайте! Только я не могу вамъ этого рекомендовать...

Начертанная перспектива прельщала меня еще менѣе, чѣмъ путешествіе на добровольцѣ, и я выяснилъ своему знакомому, въ какомъ нахожусь затруднительномъ положеніи.

— А я вамъ вотъ что посовѣтую—поѣзжайте вы черезъ Манчжурію,—этой осенью многіе уже такъ проѣхали. Путь довольно скорый, хотя и мало комфортабельный...

— Но позвольте, вѣдь дорога еще не закончена, путь еще не сомкнутъ?

— Ну, такъ что-жъ за бѣда? До того мѣста, гдѣ укладка кончается, поѣздка ходятъ, за перерывомъ—тоже. Верстъ 100 сдѣлаете на лошадяхъ для разнообразія. За то будете въ Петербургѣ не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, Манчжурію увидите, проѣдете однимъ изъ первыхъ по всему Сибирскому пути... Только смотрите, шубу не забудьте взять,—не глядите на то, что мы здѣсь во Владивостокѣ въ однихъ пиджакахъ гуляемъ, въ Манчжуріи теперь уже почти зима...

Я сдался на эти доводы и рѣшилъ ѣхать черезъ Манчжурію. Заручившись отъ того же знакомаго рекомендательнымъ письмомъ, заявляюсь къ одному изъ желѣзнодорожныхъ заправилъ. Пріемъ, конечно, самый любезный и предупредительный.

— Вамъ угодно билетъ для проѣзда черезъ Манчжурію?.. Съ удовольствіемъ... Я вамъ дамъ до Харбина, а тамъ вы потрудитесь обратиться къ инженеру Х.—Онъ вамъ устроитъ дальнѣйшій проѣздъ.

— Сколько же это будетъ стоить?—спрашиваю я, направляя руку по привычкѣ въ карманъ за бумажникомъ.

— Ничего! У насъ пока движеніе временное и мы возимъ пассажировъ даромъ. Но за то ужъ, извините,—за удобства не ручаемся! Я вотъ вамъ написалъ сейчасъ: „Билетъ II-го класса", но вы не посѣтуйте, если вамъ, можетъ быть, придется ѣхать въ третьемъ или даже въ товарномъ вагонѣ, а то и на платформѣ, пожалуй. Вагоновъ у насъ еще очень мало, а пассажирскихъ въ особенности!

Какъ ни мало утѣшительнаго заключало въ себѣ это заявленіе, все же оставалось только взять билетъ, поблагодарить за любезность и откланяться, памятуя мудрыя русскія пословицы: „на нѣтъ и суда нѣтъ" и „даровому коню въ зубы не смотрятъ".

II.

Сборы у меня были не долги и черезъ день я уже сидѣлъ въ удобномъ купэ Уссурійской желѣзной дороги. Въ окнахъ мелькали знакомые виды Уссурійскаго края—синяя гладь Амурскаго залива съ его то обрывистыми, то низменными берегами, покрытыми кустарниками,—когда-то здѣсь были густые дремучіе лѣса, но они ушли на постройку и отопленіе Владивостока, и теперь уже желѣзная дорога находится въ большомъ затрудненіи—не хватаетъ топлива. Кое-гдѣ на срѣзахъ выемокъ, по которымъ пробѣгаетъ поѣздъ, виднѣются темныя горизонтальныя полосы,—это слои каменнаго угля. Его добываютъ здѣсь во многихъ мѣстахъ вблизи отъ линіи, но, къ сожалѣнію, онъ плохого качества—слишкомъ разсыпчатый, сильно спекающійся и оставляетъ огромное количество золы.

Но вотъ мы миновали заливъ и начались виды степного характера: пологіе холмы, покрытые сѣрой, уже бурѣющей травой, кое-гдѣ слѣды пахоты въ видѣ болѣе темныхъ, правильныхъ полосъ, далѣе—ровная, гладкая, сѣрая степь съ безконечными рядами стоговъ сѣна...

— И почему это все уже такъ сѣро и мертво у васъ?—обращаюсь я къ случайномъ сосѣду по вагону, мѣстному старожилу.—Вѣдь у насъ на югѣ Россіи въ концѣ сентября и де-

ревья еще въ своемъ осеннемъ нарядѣ стоятъ, и трава не совсѣмъ побурѣла, а тутъ деревья голы и ни одной зеленой былинки?..

— Заморозки ранніе, да и засуха осенью. У васъ осенью дожди, сырости сколько угодно, а тутъ, вы видѣли, почти цѣлый мѣсяцъ ни капли дождя, а утренники уже порядочные... Да и зимою то здѣсь снѣгу выпадаетъ два вершка, только въ ложбинахъ и щеляхъ и держится, а на холмахъ вѣтеръ все сдуваетъ начисто...

— Что же, это не отражается на земледѣліи?

— Какъ не отражается! Конечно! У насъ озимые посѣвы почти невозможны—или совсѣмъ не всходятъ или очень плохи—вымерзаютъ... Только и можно сѣять яровые... Да и плодовыя деревья страдаютъ часто. Имъ вредятъ еще весенніе морозы: пригрѣетъ ихъ на южныхъ склонахъ весеннее солнце, они обрадуются веснѣ, выгонятъ почки, а тамъ, смотришь, морозъ хватилъ и почки поморозилъ...

Мелькаютъ изрѣдка въ окнахъ вагона и сѣрыя, разбросанныя селенія—ихъ много уже возникло и развилось вдоль желѣзной дороги. Здѣсь между Никольскомъ-Уссурійскимъ и Владивостокомъ едва-ли не наиболѣе густо населенное мѣсто края—„густо“ населенное, разумѣется, относительно.

Вотъ, напримѣръ, станція Надеждинская—большое село, на взглядъ домовъ 300. Бѣлыя мазанки вытянулись длинной вереницей, бѣлѣетъ церковь вдали, машетъ крыльями мельница, горделиво поднимаютъ къ небу свои длинныя шеи журавли-колодцы—обычная картина южно-русской деревни, ничего характернаго не представляющая взорамъ. Только бѣлыя молчаливыя фигуры флегматичныхъ корейцевъ съ аршинными трубками въ зубахъ, да косатые, вѣчно болтающіе на своемъ гортанномъ нарѣчіи манзы (такъ называютъ здѣсь китайцевъ) напоминаютъ, что находишься на дальней окраинѣ.

— Какъ живутъ у васъ тутъ наши россійскіе переселенцы? спрашиваю я у своего собесѣдника.—Мнѣ ни разу не пришлось побывать здѣсь по поселкамъ...

— Да, первое время имъ туго приходится... Являются они обыкновенно лѣтомъ, а то и осенью—пока имъ землю отведутъ, пока пособіе получатъ, смотришь, не успѣютъ выстроиться къ зимѣ, приходится зимовать въ землянкахъ,—много мретъ, конечно, въ особенности ребятъ... Холостые—тѣ стараются больше на первое время въ батраки поступить. Въ большинствѣ случаевъ норовятъ также новоселы къ старымъ деревнямъ приписаться,—но это не дешево стоитъ,—меньше 50 рублей рѣдко сельскій сходъ возьметъ за приписку, да еще и водки въ добавокъ выставить надо... Ну, конечно, и съ земледѣліемъ у нихъ первое время дѣло не клеится, пока не попривыкнутъ—вѣдь условія то

здѣсь совсѣмъ не тѣ, что въ Россіи, пріемы обработки тоже должны быть другіе,—у манзъ и корейцовъ приходится учиться... Ну, со временемъ, какъ ознакомятся съ условіями, такъ въ большинствѣ случаевъ устраиваются недурно—при такомъ надѣлѣ, какъ у нихъ,—100 десятинъ—это не такъ и трудно... Начинаютъ землю сдавать въ аренду корейцамъ исполу или на другихъ, еще болѣе выгодныхъ условіяхъ... Нерѣдко и совсѣмъ на корейскихъ спинахъ потомъ выѣзжаютъ, сами ничего почти не дѣлаютъ—и такіе случаи мнѣ извѣстны...

Въ такихъ разговорахъ мы незамѣтно доѣхали до г. Никольска-Уссурійскаго, гдѣ намъ предстояло разстаться,—здѣсь отходитъ вѣтвь на ст. Гродеково у границы Манчжуріи, тогда какъ Уссурійская дорога идетъ далѣе на Хабаровскъ, куда и направлялся мой спутникъ.

Являясь важнымъ узловымъ пунктомъ и въ то же время центромъ довольно густо населенной и богатой мѣстности, Никольскъ-Уссурійскій за послѣднее время сильно разросся. Онъ расположенъ въ широкой котловинѣ, и разбросался по ней на большомъ протяженіи.

— Мѣста-то у насъ много, — говорилъ мнѣ одинъ изъ обывателей Никольска,—да вотъ бѣда, слишкомъ здѣсь низко, кругомъ горы, каждый почти годъ наша рѣчка разливается и приходится иной годъ изъ дома въ домъ переправляться на лодкахъ, а то и спасаться на крышахъ,—вода сноситъ даже дома, тонутъ, конечно, и люди... И что бы городъ немного повыше построить"...

Въ виду центральнаго положенія Никольска желѣзнодорожная администрація избрала его главнымъ пунктомъ для устройства своихъ мастерскихъ, складовъ и другихъ учрежденій. Рядомъ со станціей, пока еще маленькой и тѣсноватой, выросъ довольно обширный желѣзнодорожный городокъ. Цѣлый рядъ солидныхъ кирпичныхъ корпусовъ съ крышами оцинкованнаго желѣза заключаетъ въ себѣ мастерскія, гдѣ собираются и ремонтируются вагоны и паровозы. Нѣсколько пониже, но тоже кирпичные, тянутся домики рабочихъ и мастеровъ. Поодаль виднѣется церковь, выстроенная въ какомъ-то фигурномъ стилѣ. Цѣлую улицу образуютъ прекрасно устроенныя казармы желѣзнодорожнаго батальона съ образцовымъ при нихъ госпиталемъ и столовою,—въ послѣдней имѣется даже сцена для солдатскихъ спектаклей.

Вагонъ нашъ, предназначенный на границу Манчжуріи, отцѣпили отъ поѣзда, который ушелъ въ Хабаровскъ,—намъ приходилось ждать болѣе часа, такъ что я имѣлъ полную возможность проѣхаться по городу. Почему-то у насъ постоянно строятъ желѣзныя дороги такъ, какъ будто онѣ представляютъ для города такую же опасность, какъ динамитный заводъ: вокзалъ стараются запрятать какъ можно дальше города. Такъ и отъ

здѣсь—вокзалъ находится въ двухъ верстахъ отъ черты города и соединенъ съ послѣднимъ дамбой, мощеной булыжникомъ. Но Боже мой, что это за мостовая! Устроителя ея слѣдовало бы въ наказаніе провозить по ней раза два въ день! Надо думать, однако, что самъ онъ, подобно другимъ благоразумнымъ жителямъ города Никольска, предпочитаетъ пользоваться проходящей нѣсколько поодаль грунтовою дорогой,—тамъ приходится вязнуть по ступицу въ жидкой грязи и переѣзжать въ бродъ рѣчку, но за то остаются цѣлы кости и колеса, подвергающіяся на „шоссе“ серьезной опасности.

Городъ, какъ оказалось, содержитъ все, что здѣсь, на нашемъ востокѣ, по штату городамъ содержать полагается. Есть у него базарная площадь со множествомъ китайскихъ лавченокъ, торгующихъ съѣстными припасами, галантереей, мѣховыми товарами, старымъ желѣзомъ, готовымъ платьемъ и не знаю чѣмъ еще, есть каланча съ соннымъ пожарнымъ, имѣется нѣсколько крупныхъ магазиновъ—конечно, на первомъ планѣ вездѣсущіе на востокѣ „Кунстъ и Альберсъ“ и „Чуринъ“,—стоятъ и нѣсколько общипанныхъ извозчиковъ на площадкѣ, тщетно ожидая, что ихъ найметъ кто-нибудь. Жизни и движенія замѣтно мало. Русскаго населенія на улицахъ почти не видно—больше мелкаютъ синія кофты китайцевъ, которые здѣсь, какъ и вездѣ у насъ на востокѣ, доставляютъ почти исключительно рабочій элементъ. Улицы города не производятъ блестящаго впечатлѣнія—домишки, кромѣ какъ на главной улицѣ, маленькіе, бревенчатые, или, чаще, мазанки. Изъ торгово-промышленныхъ заведеній преобладаютъ тѣ, которыя стоятъ въ связи съ акцизнымъ вѣдомствомъ,—то и дѣло встрѣчаешь вывѣски: „Продажа питей“, „Пивная“, „Портерная“, и т. д. По улицамъ мирно разгуливаютъ куры, гуси и свиньи, воскрешая въ памяти давно знакомый образъ нашего россійскаго захолустнаго городишки. Опять-таки лишь безусыя и безбородыя, косатыя фигуры манзъ нарушаютъ эту иллюзію...

Возвратившись на вокзалъ своевременно, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что городъ Никольскъ-Уссурійскій, не смотря на свою внѣшнюю захудалость, бодро шествуетъ по пути прогресса—онъ обзавелся уже собственнымъ „выразителемъ общественнаго мнѣнія“—таковымъ является газета „Никольскъ-Уссурійскій Листокъ Объявленій“. Издается и редактируется она бывшимъ старшимъ наборщикомъ одной изъ владивостокскихъ типографій, а нынѣ владѣльцемъ типографіи и писчебумажнаго магазина въ Никольскѣ г. М. Номеръ этого почтеннаго органа, выходящаго два раза въ недѣлю, предложилъ мнѣ на платформѣ мальчишка лѣтъ 10, въ пиджакѣ съ чужого плеча, въ картузѣ и съ пачкой газетъ подъ мышкой.

— Сколько стоитъ? спрашиваю его.

— Десять копѣекъ! бойко отвѣчаетъ мальчуганъ.

— Дорого цѣнятъ господа никольскіе литераторы свои труды,— говорю я одному изъ мѣстныхъ обывателей, съ которымъ познакомился.

— Да, а вы посмотрите, что за газета! Вѣдь она не столько перомъ, сколько ножницами составляется. А вотъ видите этого мальчишку-газетчика—вы не смотрите на него, что онъ такой плюгавый—это нашъ главный „собственный корреспондентъ". Онъ здѣсь на вокзалѣ и всѣ новости для газеты собираетъ. Вотъ придетъ онъ къ редактору и отрапортуетъ: „Жандаръ на станціи сказывалъ, намедни хунхузы на чугункѣ сторожа убили",—смотришь, въ слѣдующемъ номерѣ „Листка" появляется сенсаціонное извѣстіе: „Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что на дняхъ произведено нападеніе на одного изъ сторожей Уссурійской желѣзной дороги. Шестеро хунхузовъ напали на него ночью"... затѣмъ приводится рядъ потрясающихъ подробностей!..

Истраченнаго гривенника мнѣ не пришлось пожалѣть: изъ „Статистическаго очерка г. Никольскъ-Уссурійскаго", помѣщеннаго въ номерѣ, я почерпнулъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія, представляющія выводъ оффиціальной статистики—а именно, что еще пять лѣтъ тому назадъ городъ Никольскъ-Уссурійскій занималъ первое мѣсто въ области... по количеству въ немъ свиней и ословъ *). Надо надѣяться, что онъ не утратилъ и по сіе время своего первенства.

III.

Но вотъ я и опять въ купэ. Вагонъ нашъ прицѣпили къ небольшому поѣзду, отправляющемуся „на границу", т. е. на станцію Гродеково,—состоялъ онъ преимущественно изъ товарныхъ вагоновъ и платформъ, занятыхъ желѣзнодорожнымъ грузомъ.

Мѣстность становится пустынною—сѣрая, голая степь, покрытая уже высохшею травою, пологіе увалистые холмы и безконечная вереница телеграфныхъ столбовъ у полотна—вотъ все, что видно изъ оконъ вагона. Около станцій чаще всего однѣ желѣзнодорожныя постройки.

Солнце уже сѣло, начинаетъ темнѣть и при сгущающихся сумеркахъ окружающая природа кажется еще болѣе печальной и безотрадной. Неужели таково преддверіе богатой Манчжуріи? Оживится-ли когда-нибудь эта степь? Будетъ-ли желѣзная дорога въ состояніи вздохнуть жизнь и въ эту пустыню? Возможно, что пустыня эта только кажущаяся, и стоитъ только приняться за нее, чтобы она превратилась въ плодородную равнину, способную кормить многочисленное населеніе...

---

*) См. № 73 «Листка» за 1901 г.

Мы подошли къ станціи Гродеково уже въ совершенной темнотѣ.

— Жаль, что вамъ не удалось посмотрѣть Гродеково днемъ,— говоритъ одинъ изъ дорожныхъ знакомыхъ,—вы бы увидѣли здѣсь большое и прекрасно обстроенное селеніе. Тутъ выстроено уже до ста домовъ и все кирпичные, хорошіе...

На станціи толчея и давка. Здѣсь приходится проститься съ удобнымъ купэ и пересаживаться въ другой поѣздъ, въ которомъ вагоновъ второго класса что-то незамѣтно и имѣется лишь одинъ вагонъ третьяго.

Обращаюсь къ начальнику станціи.

— Да, вамъ придется до слѣдующей станціи—Пограничной— проѣхать въ третьемъ классѣ. Это не далеко, всего 18 верстъ, меньше часа ѣзды...

— А второй классъ тамъ будетъ?

— Какъ же, какъ же! Тамъ довольно вагоновъ второго класса,— говоритъ онъ, очевидно, чтобы только отъ меня отдѣлаться.

Подчиняюсь необходимости и забираюсь въ вагонъ третьяго класса, биткомъ набитый самой разношерстной публикой—тутъ и рабочіе, и солдаты, и бабы съ огромными узлами, и офицеръ съ семействомъ — всѣ такъ или иначе причастны къ желѣзной дорогѣ.

Въ вагонѣ почти темно. То тутъ, то тамъ раздаются энергичные разговоры.

— Ты чего мой мѣшокъ сбросилъ?.. Не видишь развѣ, что мѣсто занято?.. Осторожнѣе, легче, чортъ, куда на ребенка лѣзешь...

— Я сейчасъ кондуктора позову!..

— Хоть начальника станціи!.. слышится короткій діалогъ въ другомъ концѣ вагона.

Наконецъ, послѣ тысячи препирательствъ, кое какъ размѣстились на узкихъ неудобныхъ скамейкахъ, идущихъ вдоль вагона. Поѣздъ тронулся и медленно поползъ въ гору черезъ перевалъ. Со временемъ здѣсь будетъ тоннель, теперь же приходится подниматься „тупиками“, т. е. по склону горы полотно проложено зигзагомъ.

Выхожу на площадку, темно, не видно ни зги, кромѣ фонарей и фигуръ стрѣлочниковъ, мелькающихъ на поворотахъ, гдѣ поѣздъ стрѣлкою переводится на другой путь — слѣдующее колѣно зигзага.

Но вотъ мы взобрались на послѣдній зигзагъ, и передъ нами станція Пограничная—здѣсь начинается уже манчжурская желѣзная дорога или въ просторѣчіи „Манчжурка“, и опять предстоитъ пересадка.

На недостроенной платформѣ темно, лишь въ станціонномъ домикѣ виденъ свѣтъ. Во мракѣ толчется толпа пріѣхавшаго съ

нами народа, сваливая свои узлы и сундуки прямо на землю. Приходится ждать поѣзда часа полтора и почему-то предъявлять свои билеты начальнику станціи для подписи. Спрашиваю, будутъ ли вагоны второго класса.

— Второго? Нѣтъ классныхъ вагоновъ совсѣмъ не будетъ... Крытые вагоны—будутъ...

Что такое „крытые" вагоны, для меня было не вполнѣ ясно, и только когда станціонный сторожъ втащилъ мои вещи въ обыкновенный товарный вагонъ, уже наполовину набитый народомъ—преимущественно желѣзнодорожными рабочими, я понялъ коварный смыслъ этого слова.

— Все же не на платформѣ! — замѣтилъ сторожъ мнѣ въ утѣшеніе.

Въ вагонѣ царила полнѣйшая тьма — свѣтились лишь красными точками папироски и трубки. Сѣрая публика въ этой темнотѣ усаживалась, располагаясь на своихъ мѣшкахъ и тюкахъ и, конечно, дѣло не обходилось безъ ругани, визгливаго бабьяго крика, тщетныхъ взываній къ кондуктору... У кого-то въ темнотѣ стащили шейный платокъ, другой потерялъ свой узелъ...

— Машка, Машка! Да гдѣ ты, подлая, задѣвалась?—вопилъ въ темнотѣ бабій голосъ.

Я съ грѣхомъ пополамъ отыскалъ себѣ мѣстечко въ углу и расположился по примѣру прочихъ на своихъ вещахъ.

Къ счастью, отыскался, наконецъ, у одного изъ рабочихъ огарокъ, его слабый желтый свѣтъ нѣсколько разсѣялъ царившую тьму. Картина напоминала одну изъ сценъ Дантова ада. Сдавленные, буквально какъ сельди въ бочкѣ, сидѣли, стояли и толклись на мѣстѣ между своими тюками темныя бородатыя фигуры грѣшниковъ въ тулупахъ, солдатскихъ шинеляхъ, огромныхъ бараньяго мѣха папахахъ. О томъ, чтобы лечь, нечего было и думать,—особые счастливцы, какъ я, напримѣръ, могли сѣсть на полъ, прислониться спиной къ своимъ чемоданамъ и вытянуть ноги, другимъ приходилось торчкомъ сидѣть на мѣшкахъ.

Между тѣмъ, народу все прибывало и прибывало, одинъ за другимъ карабкались въ широко распахнутыя двери. Тутъ только понялъ я фатальное значеніе примелькавшейся надписи:

40 человѣкъ
8 лошадей,

красующейся на каждомъ товарномъ вагонѣ, — насъ было все же менѣе сорока, а между тѣмъ тѣснота и давка были невѣроятныя!

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ препирательствъ и отборной ругани, кое какъ размѣстились и съ общаго совѣта рѣшили больше никого въ вагонъ не пускать.

— Отваливай, отваливай! Нѣтъ у насъ больше мѣста!—объ-

являли сидящіе у двери каждому новому, желавшему вскарабкаться въ вагонъ, и въ большинствѣ случаевъ онъ покорно шелъ отыскивать себѣ мѣсто по другимъ вагонамъ. Двое какихъ-то картузовъ обнаружили, однако, явное нежеланіе подчиниться общественному приговору и ввалили въ вагонъ свои тюки. Въ дверяхъ завязалась схватка, приправляемая изысканнымъ сквернословіемъ, и въ результатѣ осаждавшіе принуждены были съ позоромъ отступить и очистить поле битвы.

Скоро, впрочемъ, насталъ конецъ нашимъ сборамъ. Раздались свистки паровоза и вагонъ тронулся, сильно раскачиваясь и тряся всѣхъ насъ, набитыхъ и теперь закупоренныхъ вплотную.

О снѣ мы и не мечтали — всю ночь пришлось промаяться, лишь подремывая на своихъ неудобныхъ мѣстахъ. Ругань поутихла и по угламъ вагона раздавались теперь уже болѣе спокойные разговоры. Передавались владивостокскія впечатлѣнія (большая часть рабочихъ ѣхала изъ Владивостока), сводящіяся главнымъ образомъ къ гулянкамъ по заведеніямъ, велись нескончаемые разсчеты, сколько выпито было вмѣстѣ сороковокъ, сколько еще осталось выпить за счетъ того или другого. Рядомъ со мной старикъ съ длинными сѣдыми усами разсказывалъ отставному солдату въ потрепанной шинели и рыжей шапкѣ о томъ, какъ онъ былъ на военной службѣ въ прежнія времена. Въ другомъ углу шелъ разговоръ о хунхузахъ и ихъ нападеніяхъ. Нашлось и нѣсколько любителей пѣнія, и подъ монотонный стукъ колесъ затянули вѣчнаго „Хазъ-Булата удалого“, „Стрѣлочка“ и т. п. Затянули и еще какую-то незнакомую мнѣ пѣсню.

— Однако, сибирская!—замѣчаетъ старикъ.

Начинаю прислушиваться,—и... волоса становятся дыбомъ!

Отца я зарѣзалъ,
Мать я удавилъ,
Сестренку-дѣвченку
Въ рѣкѣ я утопилъ...

пѣлъ одинъ голосъ, съ особымъ удовольствіемъ выводя „се-стре-е-енку-дѣ-вче-е-нку“.

Погибъ я мальчишка,
Погибъ я навсегда,
Не выйду изъ острога
Я больше никогда...

подхватываетъ нѣсколько голосовъ, придавая особенно минорный оттѣнокъ послѣднимъ двумъ строкамъ.

Откуда взялась эта ужасная пѣсня? Въ какихъ острожныхъ нѣдрахъ она родилась и какъ могла найти почву для своего распространенія?..

IV.

Съ разсвѣтомъ въ нашемъ „крытомъ“ вагонѣ стало нѣсколько свободнѣе, — ночью во время остановокъ на промежуточныхъ станціяхъ часть рабочихъ вышла.

Я выглянулъ изъ двери, замѣнявшей намъ и окно, и увидѣлъ, что ландшафтъ уже значительно измѣнился. Полотно пролегало долиной между горными склонами, покрытыми кое-гдѣ лѣсомъ. Горы здѣсь не высоки, очертанія ихъ округлы, но мѣстами видны обрывистыя скалы. Въ узкихъ долинкахъ, пересѣкавшихъ ту, по которой мы ѣхали, лежалъ еще утренній туманъ и ползъ по склонамъ, поднимаясь кверху. По временамъ попадались китайскія деревушки съ сѣрыми глинобитными фанзами, правильными полосами полей вокругъ и синими, неуклюжими фигурами копошащихся на нихъ китайцевъ. Мы подходимъ къ большой станціи Мурень, красиво расположенной между горами. Китайская деревушка, давшая станціи свое названіе, ютится гдѣ-то на заднемъ планѣ и едва замѣтна, тогда какъ вокругъ станціи разрослось желѣзнодорожное поселеніе—цѣлый рядъ кирпичныхъ домиковъ, гдѣ живутъ инженеры, мастера, рабочіе. Недалеко отъ станціи разбитъ садикъ съ фигурными мостиками и бесѣдками.

На станціи оказался и буфетъ, хотя плохенькій. Захожу туда, чтобы напиться чаю, и застаю группу желѣзнодорожныхъ служащихъ за бесѣдой о хунхузахъ.

— Да-съ, вотъ вы увѣряете, что хунхузовъ здѣсь уже совсѣмъ сократили и вывели, — говоритъ одинъ изъ нихъ, высокій плечистый старикъ въ форменной тужуркѣ,—а я вамъ вотъ что разскажу, что со мной случилось не дальше какъ недѣли двѣ тому назадъ. Собрались мы вчетверомъ—я и еще трое съ нашей станціи, изъ нихъ двое казаковъ бывалыхъ,—на охоту за косулями. Ну, отправились мы рано утромъ въ тайгу верхами и до обѣда проохотились. Охота не особенно была удачна — загнали одного козла, приторочили. Сѣли на пригоркѣ и закусываемъ. Вдругъ видимъ, сторонкою двое манзъ пробираются и поглядываютъ на насъ.—„Хунхузы“!—говоритъ одинъ изъ казаковъ,— „соглядатаи!—надо ихъ пристрѣлить“.—Я еще ихъ начинаю уговаривать—„Полно, говорю, какіе хунхузы, у нихъ и ружей нѣтъ, чего мы будемъ въ безоружныхъ стрѣлять“.—Не послушали меня, однако, казаки, вскочили на коней, погнались за китайцами, а тѣ какъ въ воду канули—пропали въ кустахъ и точно ихъ и не было! Казаки возвращаются и торопятъ насъ собираться—„скорѣй, скорѣй, ѣдемте, а то какъ бы на насъ не напали,—они видѣли, что насъ мало“! Мы собрались живой рукой, поѣхали,—только съѣхали съ бугра и по ложбинкѣ направились

вдругъ съ противоположнаго пригорка—бацъ-бацъ, залпъ по намъ. Пули просвистали надъ самыми головами, лошади шарахнулись въ сторону. На счастье казакъ не растерялся—„Айда, назадъ, кричитъ, назадъ".—Повернули коней и поскакали назадъ, благо никого не задѣло. Рѣшили мы съ другой стороны холмъ обогнуть, а тамъ приходилось по болоту проѣхать и за нимъ переправиться черезъ рѣку. Только что на середину болота выѣхали—лошади вязнутъ, еле ноги вытаскиваютъ,—вдругъ опять выстрѣлы съ другого бугра. Перебѣжать ли манзы успѣли, или у нихъ другая засада была приготовлена, кто ихъ знаетъ. Тутъ уже намъ отступать некуда было, пришлось и черезъ болото, и черезъ рѣку пройти подъ выстрѣлами. Ну, да и стрѣлки же они! Кажется, если бы я на ихъ мѣстѣ былъ,—ни одного человѣка живымъ бы не отпустилъ—мы у нихъ всѣ какъ на ладони были, а они стрѣляли, стрѣляли и всего лишь лошадь подъ казакомъ убили, да и то случайно, навѣрное,—уже по другую сторону рѣки. Казакъ ѣхалъ позади всѣхъ, мы и не замѣтили, что съ нимъ случилось, и ускакали благополучно...

— Ну, а казакъ этотъ что же?

— Онъ къ землѣ припалъ и въ кусты поползъ, да тамъ до вечера и просидѣлъ, держа винтовку на готовѣ. Ночью лишь на станцію вернулся, когда мы уже лошадей собирали, чтобы его идти выручать...

— Да, только это еще неизвѣстно, какіе это хунхузы были—китайскіе или русскіе,—вы ихъ такъ и не видѣли,—замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой человѣкъ въ косовороткѣ, повидимому желѣзнодорожный техникъ,—а я вотъ про какой случай слышалъ. Появилась около Харбина шайка хунхузовъ, человѣкъ шесть, и удивительно они были ловки и свирѣпы. Рѣзали они мирныхъ китайцевъ безпощадно, было и нѣсколько случаевъ нападенія на русскихъ. Начали ихъ выслѣживать, послали команду съ офицеромъ—никакъ въ руки не даются! Вотъ-вотъ, кажется, сейчасъ ихъ солдаты накроютъ,—смотришь, опять вывернулись между пальцами и исчезли, а тамъ черезъ день-другой еще нѣсколько фанзъ разграблено и сожжено. Наконецъ, удалось таки командѣ двоихъ застрѣлить,—остальные убѣжали. Одного изъ застрѣленныхъ солдатъ взялъ за косу, чтобы оттащить,—смотритъ, коса сейчасъ же оборвалась. Что за притча? Присматриваются ближе—и что же оказывается. Не китаецъ—а русскій переодѣтый китайцемъ, бритый и съ привязной косой. Смотритъ второго—и тотъ такой же маскарадный китаецъ. Черезъ нѣсколько дней и остальную компанію переловили — все прогнанные желѣзнодорожные рабочіе,—переодѣлись хунхузами и занимались разбойнымъ дѣломъ. Вотъ вѣдь до чего нынче изобрѣтательность доходитъ!..

Пришелъ кондукторъ и заявилъ, что поѣздъ сейчасъ отхо-

дитъ, — звонковъ на „манчжуркѣ“ пока еще не полагается,— поѣздъ свиснетъ и пойдетъ,—кто останется—пеняй на себя, зачѣмъ не усмотрѣлъ. Къ тому же, сколько поѣздъ на станціи простоитъ, никто не вѣдаетъ, и начальникъ станціи отвѣчаетъ обыкновенно на вопросъ объ этомъ съ неопредѣленностью дельфійской пифіи:—„А вотъ какъ локомотивъ наберетъ воды и дровъ, такъ и пойдетъ“...

Впрочемъ, на краткость остановокъ на станціяхъ пожаловаться нельзя,—кажется ни на одной станціи мы не стояли меньше получаса,—мои товарищи по несчастью, т. е. по вагону, при такихъ остановкахъ, чтобы не терять по пусту драгоцѣннаго времени, раскладывали обыкновенно тутъ же у насыпи огонекъ и кипятили чайники, а то успѣвали и зажарить фазана или сварить картошку.

За Муренью дорога идетъ долиной между склонами горъ,— устроить полотно на этой ровной долинѣ было не трудно: набросали невысокую насыпь, положили шпалы и рельсы, прорыли по бокамъ канавы,—и путь готовъ. Это, однако, лишь „времянка“ — временный путь; онъ заливается разливами рѣкъ и если бы оставить его здѣсь навсегда, ежегодно происходилъ бы перерывъ въ движеніи и починка пути. Потому настоящій путь проводится по краю долины, по склонамъ горъ,—здѣсь дѣлается выемка и путь прокладывается по образовавшемуся карнизу. Мѣстами приходится дѣлать огромныя насыпи, на нихъ копошатся еще китайцы-рабочіе, таская землю прямо небольшими корзиночками и сбрасывая ее по скату насыпи. Сколько такихъ корзиночекъ надо было высыпать, чтобы образовались тѣ огромныя груды земли, которыя видишь по склонамъ, окаймляющимъ долину! На значительныхъ протяженіяхъ земляныя работы на настоящемъ пути уже закончены и идетъ укладка шпалъ.

Я разговорился съ однимъ изъ сосѣдей по вагону, молодымъ парнемъ изъ переселенцевъ, пришедшихъ на Амуръ изъ центральныхъ губерній. Онъ работалъ здѣсь въ прошломъ году на постройкѣ дороги.

— Хорошо платили,—говоритъ,—простой рабочій 35 рублей въ мѣсяцъ получалъ, и работы всего 24 дня въ мѣсяцъ считалось, а если еще и остальные дни работаешь, такъ прибавка въ 9 рублей...

— Ну, а какъ же жилось-то?

— Да жилось ничего,—сносно. Конечно, въ шалашахъ жили, все равно какъ вонъ манзовскіе изъ парусины виднѣются. А только пожаловаться грѣхъ,—хлѣбъ почти всегда былъ, а если и не хлѣбъ, такъ рисовая или просяная каша...

— Сколько же удалось заработать?

— Да я не пью, такъ сотни двѣ съ половиной домой къ Пасхѣ привезъ, ну, а кто выпивать любитъ, само собой, много

не накопитъ,—потому водка здѣсь шибко дорога, особливо въ прошломъ году—полтора рубля за бутылку платили, только ужъ потомъ, какъ подвозу больше стало, по восьми гривенъ продавали...

— Ну, братъ, эка удивилъ! — вмѣшивается въ разговоръ отставной солдатъ,—я на Сахалинѣ въ командѣ былъ, такъ тамъ, другъ любезный, зимой спиртъ и по пяти рублей стоитъ, а то и по десяти платятъ,—только дай! Потому взять по поселкамъ негдѣ, надо въ Корсаковскъ ѣхать, да и тамъ еще поселенецъ не больно-то получитъ, да и не много, въ препорцію... Хорошо еще коли удастся смотрителя надуть, да на мертвыхъ наполучать...

— Какъ это на мертвыхъ?

— Да, такъ! — тамъ спиртъ только по запискамъ изъ казеннаго склада продается, а записки смотритель поселеній пишетъ по спискамъ, которые каждымъ селеніемъ представляются,—потому на каждаго поселенца полагается на праздникахъ бутылка спирта. Ну, такъ вотъ старосты и вписываютъ въ списокъ и мертвецовъ, и младенцевъ грудныхъ, случается,—оно и выходитъ бутылокъ много. А смотрителю гдѣ же всѣхъ провѣрить! Наберутъ они спирту, потомъ дѣлятся. Кто поприжимистѣй, тотъ спиртъ-то припрячетъ, да и продаетъ, когда у другихъ весь выйдетъ,—рублей за пять, за шесть, а то и за десять, вмѣсто рубля съ копѣйками... А то что—полтора!..

Разсказъ этотъ былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ: „Ай да молодцы!.. Вотъ такъ наживаются!"

Я обратился къ своему первому собесѣднику:

— Ну а что же теперь то, кончились работы совсѣмъ, что ли? Куда же ты теперь отправляешься?

— Какое! Еще съ осени, какъ только съ войной послабже стало, насъ анжинеры разсчитывать начали и взамѣсто насъ манзъ брать. Работа манзы—дѣло извѣстное, какая его работа! Ковырнетъ лопатой—покуритъ, ковырнетъ другой разъ—посидитъ. За то и платятъ ему всего 60 копѣекъ въ день и доволенъ манзюкъ, да и найти ихъ всегда сколько угодно можно,—а не понадобились,—прогналъ и никакого разговору... Анжинерамъ, своимъ порядкомъ, надо чтобы подешевле, чтобы карманъ набить... Меня еще, спасибо десятнику, только уже къ Пасхѣ разсчитали... Теперь въ Харбинъ ѣду работы искать...

Удивительное дѣло! почти всѣ мои спутники ѣдутъ въ Харбинъ, и всѣмъ Харбинъ представляется какой-то землей обѣтованной, гдѣ мѣста и деньги прямо сами напрашиваются, только бери... А въ Харбинѣ, между тѣмъ, какъ мнѣ потомъ говорили, всѣ должности уже сильно переполнены, создалась сильнѣйшая конкурренція и такъ къ тому же уменьшается спросъ на рабочія руки, въ виду окончанія постройки дороги, что получить

мѣсто—дѣло не изъ легкихъ и немногимъ счастливцамъ удается пристроиться.

Между тѣмъ, вотъ еще, напримѣръ, рабочій,—раньше онъ на рыбныхъ промыслахъ въ Николаевскѣ служилъ, въ прошломъ году попалъ сюда зимою на постройку, но къ лѣту опять ушелъ на промысла. теперь же снова ѣдетъ искать мѣста и, конечно, въ Харбинъ. На одной изъ станцій кто-то изъ служащихъ, знавшій его ранѣе, предлагалъ ему мѣсто на станціи не то смазчика, не то сцѣпщика съ 45 рублями жалованія.—Нѣтъ, братъ, я ужъ лучше въ Харбинъ поѣду, тамъ повыгоднѣе найду!.. Такъ и отправился дальше въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ въ Харбинѣ.

V.

Поѣздъ ползетъ по долинѣ, окруженной невысокими горами. Машинистъ боится давать ходъ посильнѣе—какъ бы насыпь не разлѣзлась или шпала не выскочила,—вѣдь „времянка" не надежна! Иногда путь пересѣкаетъ рѣчка тоже съ временнымъ деревяннымъ мостомъ,—тутъ ужъ паровозъ совсѣмъ почти останавливается, потомъ тихо-тихо вступаетъ на мостъ, какъ бы нащупывая дорогу. Вагонъ за вагономъ медленно вкатывается на деревянные пролеты, мостъ скрипитъ и потрескиваетъ въ связяхъ. Всѣ тревожно выглядываютъ въ пріоткрытую дверь вагона и видятъ подъ собою саженей на десять бурливую рѣчку, пѣнящуюся между камнями.

— Далеко-ль летѣть, паря? — балагуритъ кто-то, хотя и у самого скребутъ кошки на сердцѣ.

— Чай, шишекъ то понаставишь!—замѣчаетъ другой.

Но вотъ, не смотря на скрипъ и трескъ балокъ и брусьевъ, мостъ благополучно миновали. Машинистъ даетъ протяжный, торжествующій свистокъ и прибавляетъ ходу, публика успокаивается и принимается за прерванные разговоры и чаепитіе.

Опять мелькаютъ мимо телеграфные столбы, парусинные шалаши рабочихъ, копошащіеся у насыпи манзы... На заднемъ планѣ тянутся лѣсистые склоны горъ, теперь сѣрые, непривѣтливые. Кое-гдѣ бѣлѣетъ уже снѣгъ по склонамъ и въ лощинахъ — онъ выпалъ сегодня ночью впервые.

Вдругъ – сильный толчокъ, другой, третій. Паровозъ безпомощно дергаетъ и останавливается. Всѣ опять высовываются, испуганные, изъ вагоновъ.

— Что? Что такое? Что случилось?..

— Ничего! Вагонъ сошелъ съ рельсовъ, одинъ изъ переднихъ...

— А-а-а...

Всѣ успокаиваются—дѣло слишкомъ обыкновенное и вноситъ

даже пріятное разнообразіе въ скучное путешествіе. Всѣ, кому не лѣнь, вылѣзаютъ изъ вагона и отправляются къ мѣсту катастрофы. Дѣйствительно, одинъ изъ переднихъ вагоновъ сошелъ съ рельсовъ и какъ-то жалостливо накренился. Около него собралась уже толпа, хлопочутъ кондуктора и другая поѣздная прислуга. Добыли захваченные на такой случай домкраты, толстые брусья, публика приглашается „пособить". Начинаютъ вагонъ раскачивать, чтобы опять накатить на рельсы. Охотниковъ приложить свою физическую силу — сколько угодно, еще больше добровольцевъ-совѣтчиковъ.

— Да ты подальше его запихни!.. Тащи, тащи, его!.. Неладно, братцы! Надо бы съ другой стороны!.. Зайди справа!.. Подсаживай, подсаживай!..—раздаются возгласы безъ конца.

Всѣ топчутся, кричатъ, безъ толку раскачиваютъ вагонъ. Наконецъ, послѣ получасовой возни кое-какъ направляютъ колеса, локомотивъ дергаетъ, вагонъ окончательно вскакиваетъ на рельсы. Домкраты и брусья убираются до слѣдующаго подобнаго случая.

— Садись по вагонамъ!—кричитъ кондукторъ. Паровозъ зычно свиститъ и поѣздъ снова ползетъ, извиваясь между холмами...

За станціей Таймагоу будетъ тоннель, надъ которымъ теперь еще работаютъ. Пока приходится спускаться съ возвышеннаго плато, гдѣ мы теперь находимся, тѣмъ же способомъ, какъ поднимались на Пограничной, т. е. тупиками, проведенными по крутому склону.

Картина сверху открывается довольно своеобразная. У ногъ, глубоко внизу, разстилается долина съ рѣчкой, вьющейся по ней, какъ змѣя. По крутому склону видны сразу шесть полосъ рельсовъ, одна подъ другою. Наклонъ ихъ замѣтенъ на глазъ и кажется такимъ крутымъ, что никогда нашему поѣзду на нихъ не удержаться! Посмотришь внизъ—и голова кружится. Неужели мы будемъ тамъ внизу, гдѣ видна эта послѣдняя сторожевая будка?.. Является непреодолимое желаніе выйдти изъ вагона и пѣшкомъ спуститься по откосу—на собственныхъ ногахъ оно, какъ будто, все же будетъ надежнѣе!.. Нѣкоторые малодушные пассажиры, выпрыгиваютъ изъ вагоновъ и направляются по тропинкѣ внизъ къ послѣдней стрѣлкѣ.

Собираюсь, однако, съ духомъ и не слѣдую ихъ примѣру,— надо же попробовать, какъ спускаются по тупикамъ!

Еще на предыдущей станціи поѣздъ нашъ получилъ на подмогу второй локомотивъ, который былъ прицѣпленъ къ послѣднему вагону. Теперь локомотивы начали работать попремѣнно: передній дотащилъ поѣздъ до первой стрѣлки, тамъ онъ отцѣпился и до слѣдующей стрѣлки поѣздъ шелъ съ заднимъ локомотивомъ, оказавшимся теперь спереди. На этой стрѣлкѣ локомотивы снова помѣнялись ролями—такимъ образомъ, дѣйствую-

щій локомотивъ былъ всегда спереди и тормозилъ раскатывающіеся вагоны.

Спускаться по тупикамъ можно лишь съ крѣпкими нервами или... съ завязанными глазами!

Поѣздъ, попавъ на уклонъ тупика, все прибавляетъ и прибавляетъ скорости, наконецъ, онъ несется съ горы, точно закусивъ удила. Вы видите подъ собою глубокій и крутой обрывъ, долину съ рѣчкой, еле различимыя фигурки людей, копошащихся внизу... Вагонъ начинаетъ покачиваться отъ сильнаго хода и какъ будто кренится къ обрыву... А что, какъ онъ сойдетъ съ рельсовъ? а что, какъ не удержитъ локомотивъ и мы вылетимъ за стрѣлку?..

Но нѣтъ!.. слава Богу!.. Ходъ постепенно замедляется,—вагонъ дрожитъ еще отъ разбѣга, какъ разгоряченный конь, но мало-по-малу, локомотивъ начинаетъ тормозить его бѣгъ, — нѣсколько толчковъ, мы перескакиваемъ черезъ стрѣлку и, наконецъ, останавливаемся.

Всѣ облегченно вздыхаютъ—одно колѣно проѣхали! Послѣ остановки минутъ на пять, во время которой локомотивы перецѣпляются, снова такая же бѣшеная скачка до слѣдующей стрѣлки.

Мало-по-малу, хотя и съ растрепанными нѣсколько нервами, мы достигаемъ все же самаго низа. Оглянешься назадъ—и не вѣрится, что спустились съ этой крутой стѣны, поднимающейся теперь надъ головою...

Недалеко за этимъ спускомъ поѣздъ проходитъ по краю высокаго откоса.

— Здѣсь недавно крушеніе было!—замѣчаетъ одинъ изъ спутниковъ,—Насыпь размыло и поѣздъ подъ откосъ свалился...

Выглядываемъ изъ двери и видимъ, дѣйствительно, ужасную картину: подъ откосомъ лежитъ исковерканный паровозъ и нѣсколько разбитыхъ товарныхъ вагоновъ. Шатуны локомотива торчатъ какъ кости гигантскаго животнаго, труба безпомощно свернулась на бокъ, вагоны—груда обломковъ. Что случилось съ пассажирами? Никто не могъ мнѣ ничего сказать о числѣ пострадавшихъ.

— Кто же ихъ знаетъ! Вѣдь пассажиры здѣсь безплатные!—отвѣчаетъ свѣдущій человѣкъ, сообщившій о крушеніи.

Прочь, скорѣе прочь отъ этого страшнаго memento mori!..

Опять тянутся сѣрые склоны горъ, сѣрыя фанзы деревушекъ, сѣрыя полосы полей...

Но вотъ показываются домики станціи,—почти всѣ станціи въ этой восточной части дороги уже недурно обстроились, около нѣкоторыхъ возникли цѣлые городки прочно построенныхъ бревенчатыхъ зданій съ желѣзными крышами.

На платформѣ толчея: толпятся наши пассажиры въ зипунахъ, въ тулупахъ, въ пиджакахъ, въ солдатскихъ шинеляхъ. Между

ними снуютъ китайцы въ своихъ неизмѣнныхъ засаленныхъ синихъ курткахъ и ватныхъ штанахъ и грязные корейцы съ волосами, зачесанными торчащей вверхъ шишкой.

Корейцы представляютъ здѣсь пришлый элементъ, нашедшій себѣ пріютъ, благодаря желѣзной дорогѣ—ихъ очень охотно брали на работы, особенно въ прошломъ году, когда побаивались брать китайцевъ. По внѣшности, по крайней мѣрѣ, корейцы сравнительно съ китайцами менѣе консервативны и воспріимчивѣе къ продуктамъ цивилизаціи—въ костюмѣ ихъ замѣчаются всѣ переходы отъ типичнаго корейскаго къ европейскому. Начинается вліяніе цивилизаціи съ головы: кореецъ, вмѣсто своей черной шляпы изъ бамбуковыхъ волоконъ, надѣваетъ на традиціонную шишку поярковую шляпу, оставаясь попрежнему въ бѣлыхъ, вѣрнѣе грязныхъ, штанахъ и курткѣ.

При дальнѣйшей эволюціи, шишка погибаетъ подъ ножницами и къ поярковой шляпѣ присоединяется пиджакъ,—ноги, однако, еще корейскія и даже въ корейскихъ лаптяхъ. Наконецъ, и ноги облачаются въ европейскіе брюки, и въ результатѣ—джентельмэнъ, напоминающій нѣсколько шарманщика.

Вотъ встрѣчаются два такіе джентльмэна.

— Какъ нашъ сдоловице?—галантно спрашиваетъ одинъ другого, протягивая ему руку по-европейски.

— Холосо, холосо!—лопочетъ тотъ, и далѣе разговоръ идетъ уже по-корейски—русскій языкъ играетъ въ ихъ обиходѣ роль французскаго и выражаетъ высшую степень европеизма и образованности.

Идетъ оживленный торгъ бубликами, лепешками, пирожками съ подозрительной начинкой и особенно обширная торговля фазанами. Фазановъ приносятъ цѣлыми огромными связками, штукъ по двадцати. Продаютъ ихъ по 25—35 копѣекъ за пару, продаютъ даже и живыхъ фазановъ,—говорятъ, ихъ китайцы ловятъ особыми западнями.

Почти на каждой станціи имѣется уже буфетъ, помѣщающійся обыкновенно въ особомъ строеніи, отдѣльномъ отъ станціи,—не рѣдко и идти въ него цѣлое путешествіе. Хозяевами буфетовъ являются преимущественно армяне и греки, почему то спеціализировавшіеся по буфетной части. Въ силу этого обстоятельства и меню обѣдовъ часто имѣетъ восточный колоритъ: подается какой-то приторный супъ съ черносливомъ, мясо, въ изобиліи приправленное лукомъ и жареной морковью, баранина съ чеснокомъ...

Внѣшность буфетной обстановки не казиста: столъ покрытъ грязной клеенкой, на немъ дешевенькія канделябры, засиженныя мухами, на стойкѣ—батарея бутылокъ и за ней въ замусленномъ сюртукѣ самъ хозяинъ. Прислуживаютъ обыкновенно оборванные и грязные китайчата—„бойки“, какъ вообще принято у насъ на востокѣ называть китайскую прислугу. Въ нѣкоторыхъ буфетахъ

заботы объ удобствѣ посѣтителей простираются такъ далеко, что подаются салфетки, свидѣтельствующія, впрочемъ, о томъ, что стирать ихъ здѣсь некому. На станціяхъ особо важныхъ и значительныхъ дѣло доходитъ даже до присутствія на столѣ скатерти, а на стѣнахъ премій „Нивы".

Какъ бы, однако, ни были плохи буфеты, все же лучше, чѣмъ ничего! Захваченные нами консервы и другая провизія лежатъ пока непотревоженные,—да и негдѣ съ ними возиться въ тѣснотѣ нашего „крытаго" вагона.

На вторую ночь удалось устроиться поудобнѣе: можно уже было улечься на полъ, который представлялъ, однако, разительное сходство съ мусорной кучей. Въ эту ночь я съ благодарностью вспомнилъ совѣтъ своего владивостокскаго знакомаго—купленная мною шуба-барнаулка оказалась какъ нельзя болѣе у мѣста,—выпалъ снѣгъ и прихватилъ морозъ, да такой, что въ нашемъ вагонѣ у одного изъ спутниковъ вода въ чайникѣ замерзла.

Всю ночь мы простояли на мѣстѣ на одной изъ станцій—надо было сгружать какіе-то матеріалы, засвѣтло не поспѣли, приходилось ждать разсвѣта.

Утромъ сгрузили и пошли. Снова потянулись лѣсистые склоны, теперь уже бѣлые отъ выпавшаго за ночь снѣга, снова станціи съ восточными буфетами, гдѣ по стѣнамъ въ изобиліи пестрѣютъ тараканы,—говорятъ, ихъ раньше въ Манчжуріи не было, они появились послѣ прихода русскихъ, какъ первый даръ европейской цивилизаціи. Всюду та же толпа синихъ косатыхъ сыновей неба, грязныхъ корейцевъ и разношерстной сѣрой публики.

Оказывается, я въ поѣздѣ не единственный представитель такъ называемыхъ „привилегированныхъ" пассажировъ,—ѣдетъ еще, напримѣръ, офицеръ съ семействомъ—женой, тещей, бонной, тремя дѣтьми и тремя возами корзинъ, бауловъ, дѣтскихъ колясочекъ, картонокъ... Видъ его возбуждаетъ глубокое состраданіе—мнѣ кажется, онъ очень не далекъ отъ самоубійства... Помѣщаются всѣ они въ такомъ же „крытомъ" вагонѣ, какъ и мы, при чемъ, въ качествѣ привилегированныхъ, занимаютъ мѣсто, предназначенное для 20 человѣкъ или 4 лошадей,—остальная половина вагона занята сбившимися въ кучу рабочими. Дѣти плачутъ, капризничаютъ, жена съ подвязанной щекой и теща трагически заворачиваются въ шубы и стонутъ, вещи (37 мѣстъ по счету жены и 38 „безъ зонтика" по счету тещи) постепенно растериваются. Офицеръ клянетъ свою судьбу и, чтобы отвести душу, учиняетъ при каждой остановкѣ разносъ своему денщику, за то, что онъ плохо смотритъ за вещами.

Ѣдетъ еще купецъ изъ Никольска, жена какого-то начальника станціи, содержатель буфета на одной изъ дальнѣйшихъ станцій... Все люди мало интересные. Вообще путь становится скучнымъ

и, если бы не два приключенія, пожалуй, мы бы совсѣмъ соскучились...

Поѣздъ нашъ шелъ по равнинѣ, поросшей кустарниками. То и дѣло локомотивъ вспугивалъ мирно разгуливавшихъ по насыпи и по полотну фазановъ. Красивыя птицы тяжело поднимались на воздухъ и опускались на землю въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, недовѣрчиво поглядывая на потревожившее ихъ невиданное чудовище. Вдругъ раздается выстрѣлъ, затѣмъ толчекъ, грохотъ сталкивающихся буферовъ и поѣздъ неожиданно останавливается...

Всѣ испуганно высовываются изъ дверей вагона...

— Что такое?.. Что случилось?.. Ужъ не нападеніе ли хунхузовъ?..

Видимъ, съ паровоза соскакиваетъ какая-то фигура и опрометью бросается въ кусты...

— Хунхузъ, хунхузъ и есть!—поспѣшно заключаетъ кто-то,— машиниста убилъ!..

Но вотъ та же фигура появляется изъ кустовъ... съ мертвымъ фазаномъ въ рукахъ! Дѣло разъясняется: машинистъ, очевидно страстный охотникъ, не утерпѣлъ и выстрѣлилъ по фазану, кочегаръ побѣжалъ поднимать подстрѣленную птицу...

Спутники мои всѣ хохочутъ, въ особенности потѣшаются надъ парнемъ, увидавшимъ хунхуза...

На одной изъ станцій поѣздъ нашъ долго стоялъ, что-то сгружая, кого-то дожидаясь... Пассажиры разбрелись кто куда, а тутъ машинистъ почему-то заторопился, далъ свистокъ и, едва успѣли пассажиры вскарабкаться въ свои вагоны, какъ поѣздъ уже тронулся и сразу пошелъ быстрѣе, чѣмъ обыкновенно.

Видимъ, къ насыпи мчится со всѣхъ ногъ какой-то оставленный пассажиръ, повидимому, изъ рабочихъ. Добѣжалъ до поѣзда, пробуетъ вскарабкаться въ одинъ изъ вагоновъ, но вагоны все товарные, безъ подножекъ, вскочить на ходу невозможно... Къ нему протягиваются спасительныя руки сострадающихъ его горю товарищей,—пытается за нихъ ухватиться, но поѣздъ идетъ уже быстро, и это не удается... Тогда его осѣняетъ мысль, геніальная по своей простотѣ: онъ схватываетъ подвернувшуюся ему подъ ноги шпалу, которая валялась тутъ же на насыпи, и пихаетъ ее подъ колеса ближайшаго вагона. Вагонъ, разумѣется, сходитъ съ рельсовъ и... поѣздъ останавливается! Онъ залѣзаетъ въ вагонъ...

Собирается, конечно, толпа, всѣ высыпаютъ изъ вагоновъ. Поднимается крикъ, шумъ... Какъ?.. Кто?.. Какимъ способомъ попала шпала подъ колеса вагона?..

Добираются до виновнаго, который только виновато ухмыляется, когда на него набрасывается все „начальство“.

— Попытка произвести крушеніе поѣзда!.. Протоколъ!.. Составить на него протоколъ!..

Однако, прежде всего приходится подумать о вагонѣ. Начинается обычная канитель съ раскачиваніемъ, криками, руганью, безконечными совѣтами, дерганіемъ паровозомъ... Виновникъ самъ помогаетъ раскачивать...

Провозились болѣе получаса и забыли о протоколѣ... „Покушавшійся на крушеніе поѣзда“ мирно усѣлся въ вагонъ и поѣхалъ далѣе...

Хотя медленно, но все же мы подвигаемся впередъ: къ вечеру выяснилось, что до Харбина осталось уже всего нѣсколько станцій и утромъ мы должны туда пріѣхать.

VI.

Было уже свѣтло, когда я проснулся отъ сильнаго толчка въ бокъ,—это мой сосѣдъ началъ двигать свои тюки, между которыми я былъ затиснутъ.

— Сейчасъ къ Старому Харбину подходимъ, вотъ уже и станція видна,—говоритъ одинъ изъ спутниковъ, бывавшій здѣсь ранѣе.

Протискиваюсь не безъ труда къ двери вагона. Поѣздъ дѣйствительно подходитъ къ Харбину. Видѣнъ рядъ кирпичныхъ построекъ,—очевидно, желѣзнодорожныхъ, за ними куча сѣрыхъ крышъ,—китайскія фанзы.

— А вотъ и Новый Харбинъ, — говоритъ тотъ же бывалый человѣкъ, указывая на виднѣющуюся вдали группу домовъ и церковь.

Разспрашиваю его, гдѣ мнѣ удобнѣе остановиться,—оказывается въ Новомъ Харбинѣ, и даже не въ самомъ Харбинѣ, а „у Пристани“.

Послѣ краткой остановки у Стараго Харбина, поѣздъ тронулся и остановился уже окончательно, пройдя 4 версты, отдѣляющія новый городъ отъ стараго. Здѣсь до прихода русскихъ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ фанзъ, теперь же выросъ цѣлый городъ,—правильнѣе, впрочемъ, сказать — растетъ: всюду видны еще груды кирпича, камня, извести...

Приходилось позаботиться прежде всего о временномъ пріютѣ и о дальнѣйшемъ передвиженіи.

Поѣздъ остановился не доходя до станціи, такъ какъ путь былъ загроможденъ вагонами. Изъ затрудненія съ вещами насъ сейчасъ же выручилъ цѣлый рой китайскихъ „хóдя“ (такъ зовутъ здѣсь всюду китайцевъ при обращеніи,—кажется, это обозначаетъ просто—„человѣкъ“), окружившихъ вагоны.

— Капитана, капитана, лаботаю? (есть работа?)... Моя лабота, капитана!.. Таскайло (таскать) надо?.. Моя шибко знакомый, капитана!..—лопотали они, расхватывая мои вещи.

— Гостиницу знаешь?—спрашиваю одного изъ китайцевъ,—

онъ, мнѣ казалось, обнаруживалъ наибольшія познанія въ томъ своеобразномъ волапюкѣ, который установился всюду на русскомъ востокѣ для объясненія съ китайцами, корейцами и японцами.

— Кстица? Моя понимай! Шибко талека есть! (очень далеко), забормоталъ онъ и, подхвативъ мой чемоданъ, рысцой затрусилъ по насыпи. За нимъ потянулись гуськомъ и другіе пятеро, нагруженные корзинкой, портъ-плэдомъ и другими моими вещами.

При первой же встрѣчѣ съ русскимъ рабочимъ выяснилось, однако, что китаецъ, выказавшій такія познанія, „понималъ" плохо и велъ насъ совсѣмъ не по той дорогѣ, по которой слѣдовало. Измѣнивъ курсъ по указаніямъ рабочаго, мы направились къ „Пристани",—совсѣмъ обособленной части города, расположенной на берегу рѣки Сунгари и находящейся на разстояніи примѣрно двухъ верстъ отъ Новаго Харбина. Ее отдѣляетъ отъ послѣдняго широкая равнина, очевидно, заливаемая водою въ половодье. Черезъ эту равнину намъ и предстояло перебраться. Скоро мои китайцы устали.

— Мало-мало куль-куль (покурить)!—попросилъ одинъ изъ нихъ. Получивъ разрѣшеніе, они сбросили ношу на землю, выкурили трубочку, посидѣли нѣсколько минутъ и снова отправились.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ „куль-кулей" мы добрались, наконецъ, до „Пристани". Это оказалась довольно обширная часть города, по существу пока едва ли не являющаяся главною,—въ ней сконцентрировалась исключительно частная предпріимчивость, какъ кажется, совершенно изгнанная изъ Новаго и Стараго Харбина - тамъ всѣ строенія казенныя.

Путемъ разспросовъ встрѣчныхъ я узналъ, что всѣ гостиницы располагаются около средней улицы. Попавъ на эту улицу, я дѣйствительно убѣдился въ томъ, что недостатка въ гостиницахъ нѣтъ; затрудненіе состояло скорѣе въ избыткѣ ихъ,—которую выбрать?

По внѣшности всѣ онѣ внушали мало довѣрія—отели эти представляли изъ себя одноэтажныя мазанки, очевидно перестроенныя изъ китайскихъ фанзъ. Названія, красовавшіяся на вывѣскахъ, также не обѣщали ничего хорошаго: „Гостиница Москва и намера", „Ресторанъ Свиданіе Друзей", „Гастиница Россія съ билліардомъ" и т. д.

Когда мнѣ, наконецъ, надоѣло выбирать, и стало ясно, что лучшаго ожидать нечего, я рѣшилъ остановиться въ ближайшей слѣдующей. Таковой оказалась „Гостиница Халкида I-го класса", какъ значилось на вывѣскѣ, рядомъ съ которой у воротъ красовалась другая, написанная аршинными буквами: „Номера".

Пришлось пройти черезъ довольно грязный дворъ, гдѣ китаецъ раскладывалъ покупаемыя имъ у гостиницы бутылки,—очевидно, гостиница работала на славу,—весь дворъ былъ устланъ

бутылками и я съ трудомъ лавировалъ между ними,—затѣмъ я поднялся по лѣстницѣ и попалъ въ темный корридоръ „номеровъ“.

— Есть свободный номеръ?—обращаюсь къ заспанному номерному.

— Есть-съ, пожалуйте-съ!—и онъ распахнулъ передо мной двери съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ меня несказанно поразить великолѣпіемъ номера.

Я вошелъ и оказался въ каморкѣ шага четыре въ длину и столько же въ ширину, съ однимъ окномъ, желѣзной кроватью, столомъ, покрытымъ грязной клеенкой, двумя стульями и кривоногимъ умывальникомъ.

— Ну, а получше то у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ-съ! Помилуйте-съ, номеръ первый сортъ, — чистый, свѣтлый, теплый, съ ковромъ-съ!—и онъ съ гордостью указалъ на дешевенькій китайскій коверъ, украшавшій стѣну надъ кроватью и заставившій меня призадуматься: не лучше ли бы было, если бы его тамъ не было?

— А что этотъ номеръ стоитъ?

— Три съ полтиной въ сутки-съ!—сообщилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто бы иначе и быть не могло.

Я собирался было изумиться, но во время вспомнилъ, что я вѣдь въ „богатой“ Манчжуріи, мысленно махнулъ рукой и велѣлъ таскать вещи. Дѣйствительно, какъ позднѣе оказалось изъ разспросовъ, въ Харбинѣ и нѣтъ номеровъ дешевле трехъ рублей, при чемъ о послѣднихъ выражались, что лучше въ нихъ не останавливаться.

Разобравшись, помывшись и напившись чаю, я рѣшилъ прежде всего узнать о дальнѣйшей своей судьбѣ, т. е. главнымъ образомъ, когда явится возможность двинуться далѣе.

Оказалось, что для наведенія справокъ необходимо ѣхать опять въ Новый Харбинъ. Нанимаю извозчика довольно общипаннаго и непрезентабельнаго вида.

— Въ управленіе желѣзной дороги.

— Два съ полтиной!

Я опять намѣревался удивиться, но снова вспомнилъ, что нахожусь въ Эльдорадо, гдѣ деньги падаютъ золотымъ дождемъ и... смирился, тѣмъ болѣе, что возница убѣдилъ меня, что такова „такція“, которая прибита гдѣ-то на облучкѣ. Поискалъ ее глазами—не нашелъ и пришлось повѣрить на слово.

Мы направились по той же дорогѣ, по которой утромъ я тащился съ китайцами.

Поднимаясь на гору къ Новому Харбину, извозчикъ обращается ко мнѣ:

— А вотъ какіе у насъ, баринъ, дѣла дѣлаются!.. Ѣхалъ я здѣсь вчера вечеромъ, домой возвращался. Вдругъ наскакиваетъ на меня въ темнотѣ солдатъ съ шашкой—хочетъ зарубить. За-

махнулся онъ на меня—я только рукой отмахнуть успѣлъ, онъ мнѣ руку то во-какъ перерубилъ. А потомъ шашка соскочила и на дрожкахъ зарубку сдѣлала! — Дѣйствительно, рука извозчика была забинтована марлей, а на краю дрожекъ виднѣлась глубокая зарубка.

— Какъ же ты спасся?—спрашиваю его.

— Да по лошади хлестнулъ, едва ускакать успѣлъ,—хорошо еще патруль попался... Свезли въ лазаретъ меня на перевязку...

— Ну, а солдата-то нашли?

— Нешто его найдешь? Темно, ночь вѣдь!.. Хорошо, что зарубилъ не шибко... Да и много тутъ всякаго бываетъ... Вотъ одинъ зарубленный лежитъ ужъ... Тоже подъ вечеръ около этого мѣста человѣкъ шелъ, торговецъ, наскочилъ на него солдатъ, зарубилъ и обобралъ... Такъ и не нашли, кто убилъ, только видно, что шашкой...

— Извѣстное дѣло, мѣста глухія, вотъ и хунхузятъ... — прибавилъ онъ, подумавъ.

Мы взобрались по крутому подъему на гору, террасой поднимающуюся надъ низиной, гдѣ располагается „Пристань". Передъ нами оказалось нѣсколько досчатыхъ бараковъ, по бокамъ и сверху засыпанныхъ землею. Маленькія окошечки подслѣповато смотрятъ на свѣтъ божій.

— Что это такое?--спрашиваю извозчика.

— Да войска стоятъ, баринъ, дома-то имъ неказистые выстроили...

Надъ однимъ изъ бараковъ точно такой же постройки красуется надпись „Военное Собраніе".

За то далѣе начинаются желѣзнодорожныя постройки—прочно и красиво выстроенные кирпичные дома, съ желѣзными крышами, хорошими печами и двойными окнами. Нѣкоторыя зданія, напримѣръ, домъ главнаго инженера, госпиталь, школа выдѣляются и своими размѣрами, и красивой архитектурой. Недурна также церковь въ какомъ-то очень причудливомъ стилѣ.

Ближе къ станціи возводятся различныя мастерскія, склады, локомотивные сараи, высокая водокачка, для которой вода проведена почти за двѣ версты изъ рѣки Сунгари. Сама станція пока еще мала и едва вмѣщаетъ самое необходимое, но противъ нея возведено уже огромное зданіе будущаго вокзала — кажется это будетъ одинъ изъ лучшихъ вокзаловъ на востокѣ.

За полотномъ вытянулись въ три улицы дома для служащихъ и для различныхъ частей управленія дороги. Частью они уже вполнѣ закончены, частью строятся,—вокругъ хлопочутъ манзы, таская воду, кирпичи, известку, другіе кладутъ стѣны, пригоняютъ рамы, кроютъ крыши. Русскихъ между ними почти не видно: и подрядчики, и рабочіе—китайцы.

Большая часть домовъ уже имѣетъ номера, такъ какъ всѣ

они возводятся по заранѣе выработанному плану. Смотрю на номера и не вѣрю глазамъ: № 527, № 565 и т. д. Позднѣе я разспросилъ объ этомъ одного изъ своихъ новыхъ харбинскихъ знакомыхъ: дѣйствительно возведено уже болѣе 600 домовъ—цѣлый городъ выросъ изъ-подъ земли, какъ въ сказкѣ, если и не въ одну ночь, то все же для города въ очень короткое время!

Наконецъ, мы добрались до управленія. Разыскиваю одного изъ инженеровъ, къ которому у меня была рекомендація, и прошу оказать содѣйствіе при дальнѣйшемъ передвиженіи.

— Вы пріѣхали довольно удачно, — говоритъ онъ, — завтра четвергъ,—слѣдовательно пойдетъ почтовый поѣздъ. У насъ пока два такихъ поѣзда въ недѣлю, а по остальнымъ днямъ поѣзда какъ придется ходятъ, лишь по мѣрѣ надобности. Сегодня, напримѣръ, ѣхать не рекомендую,—можете застрять на какой нибудь станціи. Останьтесь здѣсь до завтра—тогда ужъ безъ остановки поѣдете вмѣстѣ съ почтою...

Совѣтъ былъ дѣльный. Я рѣшилъ остаться до завтра, отчасти даже довольный, что могу, такъ сказать, на законномъ основаніи пробыть день въ Харбинѣ и ознакомиться ближе съ этимъ новымъ очагомъ русской культуры на востокѣ.

VII.

Изъ управленія я пошелъ домой пѣшкомъ. По дорогѣ остановился у одного изъ строящихся домовъ, чтобы посмотрѣть, какъ китайцы работаютъ.

Въ своихъ синихъ кофтахъ и штанахъ, съ косами, завернутыми въ шиньоны и повязанными платками, они производятъ впечатлѣніе какихъ-то бабъ, вырядившихся въ полумужскіе костюмы. Нѣсколько человѣкъ таскало кирпичи изъ сложенныхъ штабелей, другіе, сидя на корточкахъ на строящейся стѣнѣ, укладывали ихъ, методически смазывая известкой. Работа у нихъ шла не быстро, но поражала своей аккуратностью, — каменщики китайцы, говорятъ, идеальные. Они перебрасывались непонятными звуками на своемъ гортанномъ нарѣчіи, но, судя, по крайней мѣрѣ, по интонаціи, не было ни ссоръ, ни ругани, столь неизбѣжной при русской работѣ.

— Твоя лабота деньги одно солнце сколько есть (сколько зарабатываешь денегъ въ одинъ день?)—спрашиваю одного изъ китайцевъ, примѣняясь къ мѣстному діалекту.

— Шибька мала, капитана! Пяти-десять копѣйка, капитана! Лабота много, деньга мала, кушай мала!..—отвѣчаетъ онъ.

Прошелся по улицѣ будущаго городка: куда ни взглянешь, вездѣ еще идетъ постройка, вездѣ груды мусора, кирпича, песку, досокъ и бревенъ...

Для кого эта масса строющихся домовъ? Гдѣ въ настоящее время ютятся ихъ будущіе обитатели? Обращаюсь за разъясненіемъ къ одному изъ мѣстныхъ обывателей—офицеру, съ которымъ познакомился при выходѣ изъ управленія.

— И теперь уже здѣсь порядочное желѣзнодорожное населеніе,—отвѣчаетъ онъ,—а когда мастерскія и склады функціонировать начнутъ и еще народу прибавится. Большинство пока живетъ въ кое-какъ перестроенныхъ фанзахъ, частью даже въ землянкахъ. Кромѣ того, и для различныхъ отдѣловъ управленія много построекъ нужно—вѣдь тутъ будетъ главный центръ управленія желѣзной дорогой,—въ Портъ-Артурѣ и Никольскѣ только концевые пункты ея.

Разспрашиваю своего спутника объ общихъ условіяхъ жизни здѣсь.

— И не говорите! Жизнь здѣсь анаѳемская! Съ семьей жить—не приведи Богъ. Живешь въ землянкѣ,—зимой сыро, холодно, отовсюду дуетъ. Дѣти хвораютъ, жена у меня тоже расклеилась—лѣчить некому, доктора плохіе, полковые только... А безъ семьи—съ`ума сойдешь или сопьешься! Интересовъ общественныхъ никакихъ, нравы—дикіе... Почта пока приходитъ Богъ знаетъ какъ: то черезъ мѣсяцъ, то черезъ полтора получаемъ газеты и письма изъ Россіи... Къ тому же дороговизна... Вы не повѣрите: я получаю около 300,—казалось бы достаточно?—живу скромнешенько—а не хватаетъ... Деньгамъ здѣсь цѣны нѣтъ, швыряютъ ихъ охапками на вѣтеръ, потому все и дорого до безобразія...

Мы въ разговорахъ дошли до станціи, гдѣ мнѣ пришлось распроститься съ моимъ новымъ знакомымъ—онъ ѣхалъ въ Старый Харбинъ.

Благополучно добрался я до „Пристани“ и, идя пѣшкомъ, могъ теперь болѣе подробно познакомиться съ этой наиболѣе живою частью Харбина.

Здѣсь цѣлый рядъ уже вполнѣ сформировавшихся улицъ, но дома большею частью или настоящія китайскія фанзы, или фанзы нѣсколько передѣланныя, или по плану своему русскіе дома, но выстроенные на китайскій ладъ. Постройка такого дома не представляетъ большихъ затрудненій. Строится изъ толстыхъ брусьевъ и плахъ остовъ, какъ бы каркасъ дома, рамы дверей и оконъ подпираются брусками. Затѣмъ будущія стѣны забираются дранью и образовавшаяся рѣшетка съ обѣихъ сторонъ замазывается глиной: китаецъ беретъ мокрую глину лопаточкой и сажаетъ комокъ за комкомъ на рѣшетку, потомъ для окончательной отдѣлки, глина выравнивается, штукатурится или просто бѣлится, устраиваются полы, потолки и крыша—и домъ готовъ. Конечно, стѣны такого дома непрочны и довольно продувныя, но вѣдь холода здѣсь большіе рѣдки, а на долговѣчность никто и не претендуетъ,—за то дешево и скоро.

Что поражаетъ, такъ это необычайное развитіе мелкой промышленности и торговли. Года три тому назадъ здѣсь нельзя было достать хлѣба, а теперь, что ни домъ—либо ремесленникъ какой-нибудь, либо лавочка въ немъ. Нѣсколько булочныхъ и кондитерскихъ, нѣсколько часовыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ, цѣлый рядъ сапожниковъ, портныхъ, парикмахеровъ всѣхъ національностей—есть между ними и японцы, и китайцы, и евреи, и армяне; если приглядишься къ вывѣскамъ—цѣлое столпотвореніе вавилонское или нашествіе дванадесяти языковъ!

Впрочемъ, чтобы вынести такое впечатлѣніе, нѣтъ надобности и вывѣски читать, стоитъ только присмотрѣться къ встрѣчнымъ на улицѣ: кромѣ синихъ куртокъ манзъ, снующихъ всюду, встрѣчаешь то и дѣло крючкомъ изогнутые армянскіе и грузинскіе носы, еврейскіе пейсы, выпуклые съ огромными бѣлками глаза грековъ, вертлявыя фигурки черномазыхъ японцевъ... Рѣже натолкнешься на чисто русскую физіономію, но и та преобразилась въ типъ „манчжурца"—типъ, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ описаннымъ Щедринымъ въ свое время „ташкентцемъ". Глаза пріобрѣли болѣе хищный блескъ, ротъ расширился, въ виду увеличенія аппетита, на головѣ появилась огромная мохнатая папаха, дабы наводить подобающій страхъ на „невѣрныхъ"... Типу этому свойственно носить сапоги бутылками, рубаху-косоворотку, толстую цѣпь новаго золота на жилетѣ; выступать храбро и съ гордостью посреди улицы и давать въ ухо нахалу-манзѣ, если онъ осмѣлился не посторониться передъ насадителемъ культуры...

Появилось здѣсь и нѣсколько крупныхъ магазиновъ,—конечно, между ними неизбѣжный „Чуринъ",—строится нѣсколько настоящихъ домовъ, т. е. домовъ изъ кирпича, двухъэтажныхъ...

Иду далѣе по главной улицѣ и вижу каланчу, а подъ нею городового, правда, пока, кажется, единственнаго въ городѣ,—но все же какая трогательная, родная картина въ сердцѣ Манчжуріи!..

Далѣе замѣчаю, что и крупная промышленность не дремлетъ: на самомъ берегу Сунгари выросла паровая мельница—огромное кирпичное зданіе съ высоченными трубами. Говорятъ, она работаетъ на славу и приноситъ хозяину ея, богатому купцу, недурной доходъ.

Съ набережной, по которой проведено полотно желѣзной дороги, открывается превосходный видъ на широкую рѣку, мирно катящую свои волны, и на длиннѣйшій желѣзнодорожный мостъ, перебросившійся съ берега на берегъ, какъ изящное, ажурное кружево...

Любуясь видомъ, я почувствовалъ, однако, что одной эстетики для человѣка мало, чтобы быть счастливымъ: существуютъ и болѣе грубыя, но насущныя потребности—изъ нихъ первая—удовлетвореніе голода. Приходилось подумать объ обѣдѣ, время было уже позднее.

VIII.

Предстояло отыскать мѣсто, гдѣ бы можно было пообѣдать безъ опасности для жизни—задача въ Харбинѣ не изъ легкихъ. Обѣдать въ своей „Халкидѣ“ я положительно боялся—слишкомъ уже откровенный маргариновый запахъ несся изъ кухни. Неподалеку я нашелъ ресторанъ, на видъ, казалось, болѣе благообразный—на вывѣскѣ было написано просто „Ресторанъ Ланько“.

Народу было мало—за столиками сидѣло два, - три человѣка, и буфетчикъ за стойкой, обильно уставленной бутылками, имѣлъ скучающій видъ.

Обтрепанный половой подалъ мнѣ замусленную бумажку, гдѣ каракулями было изображено:

Обѣдъ изъ трехъ блюдъ.
1 р. 25 к.
1. Супъ Котофэй.
2. Андрей Котъ.
3. Кампотъ.

Такой составъ обѣда заставилъ меня призадуматься—вѣрно въ Харбинѣ бычачье мясо дорого! Голодъ, однако, превозмогъ, я рѣшилъ рискнуть и велѣлъ подавать. Впрочемъ, въ теченіе обѣда дѣло разъяснилось: супъ „котофэй“ оказался супомъ „pot au feu“, „Андрей Котъ“—антрекотомъ.

За спрошенную мною бутылку американскаго пива съ меня взяли 1 р. 50 к.—цѣна необыкновенная даже и для Манчжуріи—въ Портъ-Артурѣ бутылка стоитъ 30—40 коп. и даже въ ресторанѣ берутъ только 60.

Я уже кончалъ обѣдъ, когда въ ресторанъ вошелъ мой недавній сотоварищъ по вагону—купецъ, ѣхавшій изъ Никольска. Онъ подсѣлъ за мой столикъ и мы разговорились.

Жалуюсь ему на манчжурскія цѣны.

— Это что! Вы бы въ прошломъ году побывали здѣсь, во время осады!.. Тогда всѣ лавочники и рестораторы разбѣжались, осталось здѣсь двое-трое, такъ за то они ужъ и брали цѣны съ публики за свою храбрость!.. Въ ресторанѣ Гамартелли платили по 25 руб. только за право посидѣть у столика—и всегда всѣ столы были заняты, изъ-за нихъ чуть не дрались... Дома сидѣть всѣ боялись—а на людяхъ и смерть красна!.. Обѣдъ стоилъ 3 рубля, бутылка пива тоже 3 рубля, бутылка водки доходила до 5 рублей—прекратился подвозъ... Когда войска пришли, да у всѣхъ офицеровъ карманы золотомъ набиты, такъ цѣны еще поднимались, прямо житья не стало... Былъ здѣсь одинъ маленькій трактиришко, до войны онъ еле держался, а тутъ хозяину повезло, удалось транспортъ напитковъ во время получить—въ два мѣсяца

70.000 заработалъ... Теперь онъ и заведеніе свое продалъ, и самъ въ Россію уѣхалъ...

— Но чѣмъ же вы объясняете теперешнія грабительскія цѣны,—неужели только однимъ срываніемъ съ публики, благо даетъ, спрашиваю своего собесѣдника.

— Да, конечно, это главное!.. Но, кромѣ того, и провозъ дорого обходится, т. е. собственно не провозъ, а подмазка...

— Какъ же это такъ?

— А вотъ какъ. Пріѣдетъ харбинскій купецъ въ Портъ-Артуръ, скажемъ, заберетъ тамъ товару, возьметъ подрядъ на цѣлый вагонъ, заплатитъ за него впередъ, погрузитъ товаръ и отправится съ нимъ вмѣстѣ... Проѣдетъ нѣсколько станцій—объявляютъ, что вагонъ отцѣпить надо и на запасный путь поставить... Что такое? Почему?—„Подшипники горятъ, надо подшипники мѣнять"... Ну, если онъ человѣкъ опытный, догадается, что придется съ недѣлю на запасномъ пути простоять, и взмолится къ кондуктору: „Нельзя-ли дескать, какъ-нибудь не мѣнять подшипниковъ,—смазать ихъ, что-ли"?—„Отчего же, можно-съ..."—„Ну, а что же это будетъ, милый" человѣкъ, стоитъ?—„Да не знаю ваше степенство, а только прошлый разъ такой же случай былъ, такъ платили..." Ну, и называетъ любую цыфру—25, 100, 200 рублей—сообразуясь съ богатствомъ купца, цѣнностью его груза и всѣми другими условіями... Раскошелится купецъ, заплатитъ и ѣдетъ до слѣдующаго загоранія подшипниковъ...

— Ну, и что же, часто такъ подшипники загораются и много на ихъ смазку приходится тратить?

— Да, частенько! Вѣдь тутъ уже дѣло совѣсти кондукторовъ и смазчиковъ—они этимъ завѣдуютъ, начальникъ станціи не полѣзетъ самъ подъ вагонъ смотрѣть, горятъ подшипники или не горятъ, изъ-за частнаго груза... Одинъ купецъ было на хитрость пустился, накупилъ онъ товаровъ, везетъ ихъ въ вагонѣ и вездѣ объявляетъ, что это грузъ для инженера Кондаковскаго — есть такой инженеръ въ Харбинѣ, одинъ изъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ заправилъ, большой кутила и не безъ денегъ, конечно,—ему постоянно вина и закуски изъ Артура вагонами присылаютъ... Ну, разъ грузъ для инженера — подшипники боятся горѣть, и вагонъ идетъ благополучно... Только вдругъ на одной уже изъ близкихъ къ Харбину станцій вагонъ отцѣпляютъ и ставятъ на запасный путь.—„Да вѣдь это грузъ для инженера Кондаковскаго!.."—заявляетъ купецъ, по обыкновенію, въ разсчетѣ на магическое дѣйствіе этихъ словъ.—„Да-съ это намъ извѣстно,—такъ инженеръ Кондаковскій изъ Харбина на эту станцію теперь переѣхали тутъ и живутъ..." Попался купецъ въ просакъ — радъ былъ, что при помощи радужной раздѣлался...

Мы расплатились и вышли изъ ресторана. Едва мы сдѣлали

нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ натолкнулись на сценку совершенно въ манчжурскомъ жанрѣ.

По улицѣ шествовалъ высоченный „манчжурецъ“ въ огромной, бѣлой лохматой папахѣ и держалъ за косу худенькаго пожилого китайца, который волочилъ на своей спинѣ тяжелую толстую четырехъ-пятиаршинную плаху. Подъ своей грузной ношей китаецъ, видимо, изнемогалъ и, съ трудомъ перебирая ногами, едва поспѣвалъ за „капитаномъ“. Тотъ, широко шагая, тянулъ его за косу, какъ за веревку, и голова несчастнаго манзы кривилась на сторону отъ боли.

— Капитана!.. Косибе ломайло! (коса оборвется)... Ломайло, мала-мала, капитана!..—плаксиво причиталъ онъ.

— Мэю, ломайла... Мею! (не оборвется),—отвѣчалъ тотъ хладнокровно и шагалъ далѣе, безпощадно дергая за косу.

— Куда ты его тащишь?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Въ полицію веду! Съ постройки плаху стащилъ. Какъ не углядишь—такъ и стащутъ. Народъ шибко вороватый! — отвѣчаетъ манчжурецъ.—Ну, ну, чортова кукла, чего сталъ! Ходи мало-мало!—обращается онъ къ своей жертвѣ.

Китаецъ сдѣлалъ съ десятокъ шаговъ и опять остановился. Онъ рѣшилъ еще разъ попытаться умилостивить неумолимаго блюстителя казенной собственности—всталъ на колѣни и, кланяясь въ ноги, началъ причитать:

— Капитана, капитана!.. моя хунхуза нѣту!.. Моя мала-мала... Полица моя кантами (срубятъ голову!..) О-о-о, капитана, шибко шанго (хорошій) капитана!..—только и можно было разобрать въ его жалостливыхъ вопляхъ.

Манчжурецъ не выпускалъ, однако, косы изъ руки, на которую былъ намотанъ конецъ ея. Когда китаецъ клалъ земные поклоны, коса натягивалась и, казалось, вотъ-вотъ разорвется—онъ ежился отъ боли, но страхъ передъ „полиціей“ и передъ „кантами“ заставлялъ его терпѣть и кланяться до земли...

— Мэю кантами!... Мэю!.. Вставай, каналья! Пойдемъ!..—непреклонно требовалъ манчжурецъ.

Вокругъ нихъ собралась толпа — человѣкъ 20 китайцевъ. Я ожидалъ, что они пойдутъ на выручку товарищу, попавшему въ бѣду, и уже опасался нѣсколько за мирный исходъ этой гнусной сцены... Китайцы все подходили и подходили, образуя тѣсный полукругъ, но вмѣсто сочувствія—одни опасливо поглядывали на побѣдоноснаго мужчину въ папахѣ,—другіе даже подсмѣивались надъ несчастнымъ старикомъ, кланявшимся въ ноги, и одобряли дѣйствія насильника.

Собралось и нѣсколько русскихъ поглазѣть на даровое зрѣлище.

— Такъ и надо ему, косатому дьяволу!.. Тащи, тащи его!—поощряли нѣкоторые.

Нашлись, однако, голоса и въ пользу китайца.

— Да брось ты его, паря! Ну, что ты съ него возьмешь!— усовѣщевалъ бородатый мужикъ, судя по заткнутому топору плотникъ.

— Вишь, бѣдный человѣкъ — лежало плохо, ну и сперъ!.. Чего ты его въ полицію тащишь,—далъ пинка хорошаго, да и все тутъ!..—рекомендовалъ подошедшій солдатъ.

Китаецъ, между тѣмъ, припалъ головой къ землѣ, слезы катились градомъ изъ его красныхъ, воспаленныхъ глазъ... Въ лепетѣ его ничего уже нельзя было разобрать... Манчжурецъ дергалъ за косу, но безуспѣшно—тотъ не вставалъ. Наконецъ, ему, повидимому, самому надоѣло это занятіе.

— А и впрямь, ну его къ шуту!—проговорилъ онъ, выпуская изъ рукъ косу, и далъ такого пинка старику, что тотъ откатился на нѣсколько шаговъ.—Это уже окончательно развеселило собравшихся китайцевъ.

— Хóдя! Таскайло!—повелительно произноситъ манчжурецъ, обращаясь къ первому попавшемуся китайцу и указывая на валяющуюся плаху.

Тотъ попробовалъ было запротестовать, говоря, что у него есть работа, но „капитанъ" крикнулъ, и „хóдя" послушно взялъ плаху и потащилъ назадъ на постройку.

Публика разошлась. Старикъ китаецъ поплелся, охая и отирая рукавами кофты свою физіономію отъ слезъ и пота, какъ видно очень счастливый, что такъ дешево отдѣлался и избѣжалъ „кантами"...

Мы прошлись еще по городу. Начинало темнѣть, я вернулся въ свой номеръ и занялся писаньемъ.

Утомленный дорогою и днемъ, обильнымъ впечатлѣніями, я хотѣлъ пораньше лечь спать. Но не тутъ-то было! Сосѣди мнѣ попались самые безпокойные. По корридору разносился визгливый хохотъ и звуки раздирательныхъ романсовъ, отъ которыхъ не спасали плохо запирающіяся двери и тонкія стѣны...

Я люблю капусту, квасъ
И немножко также васъ...

выводилъ женскій голосъ...

И об-бо-жа-аю
И об-бо-жа-а-аю...

подхватывалъ густой баритонъ, отъ звуковъ котораго у меня звенѣла лампа...

Полюбить я васъ готова,
Только не продать себя...

раздавалось черезъ нѣкоторое время подъ звукъ тренькающей

гитары, затѣмъ слышалось щелканье пробокъ, раскатистый хохотъ, визгъ и топанье нѣсколькихъ паръ ногъ по корридору...

Мнѣ удалось заснуть только послѣ полуночи...

IX.

На слѣдующее утро предстояло перебраться съ вещами на станцію, расположенную по ту сторону Сунгари, такъ какъ желѣзнодорожный мостъ былъ еще не вполнѣ законченъ и поѣзда черезъ него не ходили. Опять пришлось нанять цѣлый караванъ косатыхъ „хòдя", нагрузить ихъ своими чемоданами и отправиться въ путь, словно какъ въ дебри Африки.

Подходимъ къ мосту. Стоятъ два стражника и не пускаютъ моихъ китайцевъ, отъ которыхъ я поотсталъ.

— Это ваши китайцы?

— Мои.

— Ну, тогда, пущай, идутъ!

Въ это время подходятъ еще два китайца и хотятъ прошмыгнуть вмѣстѣ съ моими на мостъ. Стражники накидываются на нихъ.

— Цỳбо (слушай)! Куда лѣзешь, косоглазый чортъ! Твоя ходи нѣту!—кричитъ одинъ изъ стражниковъ, давая китайцу основательный подзатыльникъ.

— Отчего вы ихъ не пускаете?—спрашиваю.

— Не приказано пущать на мостъ китайцевъ!

— А русскимъ черезъ мостъ ходить можно?

— Можно!

— Какъ же китайцамъ то на ту сторону попасть?

— Пущай черезъ рѣку на шаландѣ ѣдутъ!

Что за дикое распоряженіе, подумалъ я про себя. Впослѣдствіи мнѣ говорили, будто бы было покушеніе сжечь мостъ и виновными оказались китайцы, но, во-первыхъ, какъ его сжечь, когда онъ весь желѣзный, а во-вторыхъ, если даже и было такое покушеніе, почему же за грѣхи одного или хотя бы нѣсколькихъ китайцевъ должно платиться все китайское населеніе города, руками котораго возведенъ этотъ мостъ?

На другомъ концѣ моста опять стоитъ стража.

— А обратно моихъ китайцевъ пропустишь по мосту пройти?—обращаюсь я къ стражнику.

— Никакъ невозможно! Потому не приказано пущать. Да и гдѣ же ихъ разберешь, ваши они или не ваши!

— Ну, я имъ записку дамъ, вотъ на этой карточкѣ, чтобы ты ихъ узналъ. А вотъ это тебѣ за хлопоты!—сказалъ я, присовокупляя къ своимъ словамъ аргументъ, въ магическомъ дѣйствіи коего мнѣ довольно часто приходилось убѣждаться.

— Что же! Пусть идутъ! Тоже вѣдь люди! Чего жъ имъ за

перевозъ платить!—философски замѣчаетъ стражъ, уже совсѣмъ инымъ тономъ.

Надо было видѣть радость моихъ китайцевъ, когда, разсчитавъ ихъ, я далъ имъ карточку и объяснилъ, чтобы передали солдату у моста! Они смѣялись, прыгали, низко кланялись мнѣ, прикладывая руку къ сердцу, радуясь, что не придется потерять чуть ли не полъ-дня и значительную часть заработка изъ-за переправы.

— Твоя шибко шанго (хорошій), капитана! Шибко шанго!..— лопотали они на своемъ русско-китайскомъ волапюкѣ.

Вѣроятно, до неба донеслись молитвы моихъ китайцевъ— счастье мнѣ положительно улыбнулось! На станціи встрѣчаю одного изъ хорошихъ знакомыхъ, до нѣкоторой степени даже собрата по оружію,—съ нимъ я собирался сперва ѣхать вмѣстѣ изъ Владивостока, но затѣмъ, сильно торопясь, не дождался его и выѣхалъ днемъ раньше.

— Что, батенька, уѣхали отъ меня?—встрѣчаетъ онъ не безъ нѣкотораго злорадства.—Нѣтъ, меня не обгоните. Вы посмотрите-ка, какимъ я арсеналомъ запасся!

При этомъ онъ вытащилъ изъ кармана цѣлый пукъ предписаній, разрѣшеній, телеграммъ отъ власть имущихъ и рекомендательныхъ писемъ къ начальникамъ движенія и различнымъ желѣзнодорожнымъ заправиламъ.

— Я передъ каждой большой станціей, гдѣ предвидѣлись какія-либо затрудненія по части передвиженія, телеграфировалъ начальнику станціи: „на основаніи телеграммы такого-то прошу приготовить вагонъ". Вотъ какъ предусмотрительные-то люди поступаютъ! За то ѣхали мы до сихъ поръ въ собственномъ служебномъ вагонѣ, своей небольшой компаніей. А про запасъ у насъ еще генералъ есть, съ нами ѣдетъ,—онъ хоть и штатскій генералъ, а все же „ваше превосходительство"! Чуть какое-нибудь затрудненіе, такъ мы его сейчасъ выдвигаемъ. Пожалуй ужъ, по знакомству и васъ съ собой прихватимъ!

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго „крытаго" вагона со всѣми его удобствами или даже, можетъ быть, платформы, я великолѣпно устроился въ служебномъ вагонѣ и ѣхалъ далѣе въ сообществѣ очень милыхъ людей.

Служебный вагонъ нашъ былъ, правда, 4-го класса, но все же тамъ были, по крайней мѣрѣ, окна, скамейки, на которыхъ можно было сидѣть и лежать, было куда поставить вещи и имѣлась даже маленькая печурка, на которой мы грѣли чайники и консервы.

Послѣ продолжительнаго стоянія на станціи, во время котораго локомотивъ прицѣплялъ къ нашему поѣзду безчисленное количество товарныхъ вагоновъ и платформъ, мы, наконецъ, тронулись.

Мѣстность за Сунгари приняла совершенно иной и довольно

печальный характеръ—это была настоящая солончаковая пустыня, преддверіе Гоби. До самаго горизонта не видно ничего, кромѣ гладкой, какъ бы укатанной, сѣрой поверхности, покрытой сѣрой травой. Мѣстами встрѣчаются пологіе увалистые холмы, но и тѣ мертвы и голы...

Станціи, примѣнительно къ окружающей средѣ, изъ бревенчатыхъ сдѣлались глинобитными, крохотными мазанками...

Онѣ здѣсь еще не успѣли обстроиться и производятъ впечатлѣніе какихъ-то курятниковъ,—приходится удивляться, какъ могутъ жить тамъ многочисленные служащіе!

Путь былъ скучный. Матеріала для наблюденій никакого. Поѣздъ нашъ тащился страшно медленно, стоялъ часами на станціяхъ и ночью не рѣшался идти,—до разсвѣта мы простаивали обыкновенно на станціи. Мы коротали время въ разговорахъ и въ чтеніи. Во время остановокъ выходили изъ вагона, чтобы поразмяться и посмотрѣть на станцію и на свой поѣздъ. На нѣсколькихъ платформахъ ѣхали съ нами китайцы-рабочіе. Они, видимо, страшно мерзли, бѣдняги, въ своихъ ватныхъ кацавейкахъ и кутались въ одѣяла и даже въ рогожи.

Случались и совершенно неожиданныя остановки. Какъ то мы вдругъ остановились посреди голой степи, и съ одной изъ платформъ стали сбрасывать ящики со скрѣпами для рельсъ, тяжести непомѣрной. Сбросили ящиковъ 20—вдругъ, оказывается, не тѣ, которые слѣдовало,—надо ихъ опять нагружать.

— Тащи манзъ сюда!—распоряжается оберъ-кондукторъ.

— Эй, хóдя! ходи, работай мало-мало!—кричатъ на китайцевъ кондуктора и непокоряющихся стаскиваютъ съ платформы за ноги и даютъ пинка.

— Твоя машинка плати нѣту (ты за машину не заплатилъ)!—приводятъ они въ качествѣ неопровержимаго аргумента.

Солдатикъ, сидѣвшій на одной изъ платформъ, тоже не утерпѣлъ.

— Ишь, манзы поганые,—изъ-за нихъ только нашъ братъ, солдатъ, мается! Пойду и я, стащу хоть одного за ноги!

Около платформы, съ которой сброшенъ грузъ, поднимается невообразимая сутолка. Манзы ухватываются чуть не по десяти человѣкъ за одинъ ящикъ и всетаки не могутъ его сдвинуть съ мѣста, такъ какъ только мѣшаютъ другъ другу.

— Тунъ-тунъ-тунъ-тунъ-тунъ!..

— Я-я-я-я-я!—раздаются ихъ возгласы, которыми они думаютъ помочь дѣлу, а ящикъ ни съ мѣста.

— Фангуля, фангуля (вали)!—командуетъ кто-то изъ русскихъ.

— Подпирай, подпирай!.. Вотъ такъ, шибко шанго!—кричитъ другой.

— Работай, хóдя, работай,—а то чэга (этотъ) капитана твоя кантами (срубитъ голову)!—стращаетъ китайца третій, указывая на кондуктора.

— Ужъ и работники же эти манзы, чтобъ имъ сдохнуть! Я одинъ такой ящикъ переверну, а они всемеромъ не могутъ!— хвастается молодой парень, уснащая свои слова свойственными русскому человѣку цвѣтистыми выраженіями.

— Ну, ужъ и перевернешь!

— А вотъ и переверну!—огрызается парень,—понатужился и, дѣйствительно, перевернулъ...

По крайней мѣрѣ, съ полчаса еще раздавались китайскіе:

— Тутъ-тунъ-тунъ-тунъ-тунъ!

— Я-я-я-я-я!—а мы стояли на мѣстѣ, нагружая ящики, выброшенные по чьему-то мудрому распоряженію...

X.

Къ вечеру слѣдующаго по выѣздѣ дня мы добрались до Цицикара, но самаго города не видали,—онъ въ 29 верстахъ. Заночевали у станціи того же наименованія.

Утромъ мы подошли къ рѣкѣ Нонни и стали. Разнеслась тревожная вѣсть: на мосту стоятъ платформы съ камнемъ, пройти черезъ мостъ нельзя и намъ придется стоять здѣсь до вечера, а можетъ быть, и до завтрашняго дня. Невозможнаго въ этомъ ничего не было—тѣмъ болѣе, что платформы съ камнемъ, дѣйствительно, упорно стояли на мосту!

Въ качествѣ испытаннаго средства пустили въ ходъ генерала, а затѣмъ и сами отправились просить завѣдующаго постройкой моста. Черезъ полчаса дѣло было улажено, — намъ обѣщали убрать платформы и переправить нашъ вагонъ черезъ мостъ, такъ что онъ долженъ былъ поспѣть къ поѣзду, отходящему съ той стороны рѣки черезъ нѣсколько часовъ.

Около строющагося моста здѣсь образовалось порядочное поселеніе: выстроены огромныя мастерскія для сборки моста, въ нихъ шипятъ и пыхтятъ паровики, около нихъ всѣ китайскія фанзы превратились въ дома для рабочихъ. На рѣкѣ у берега стоятъ баржи со строительными матеріалами. По рѣкѣ бѣгаетъ пароходикъ, всюду навалены груды камня и бревенъ и копошатся рабочіе...

Прогуливаясь по мѣстечку, я замѣтилъ китайскую кумирню, обнесенную стѣною и украшенную шестами съ фигурой вродѣ фонаря на концѣ. Подхожу ближе съ намѣреніемъ посмотрѣть ее и... полное разочарованіе. Надъ входомъ въ бывшую китайскую святыню красуется вывѣска: „Первый ресторанъ Нонни!" Китайцы, впрочемъ, мало смущены такой метаморфозой,—нѣсколько длиннокосыхъ сыновъ неба прислуживаютъ въ томъ же самомъ ресторанѣ...

Появились здѣсь и русскія лавки,—колбасная, мясная, булоч-

ная, магазинъ „общества потребителей". На ряду съ ними процвѣтаетъ и китайская торговля,—на китайскомъ базарѣ среди маленькихъ парусинныхъ лавчонокъ, торгующихъ разной дрянью, толчея, крики, оживленный торгъ и раскатистая русская ругань...

Часа черезъ два платформы, дѣйствительно, убрали, и нашъ вагонъ китайцы-рабочіе перетолкнули въ ручную черезъ временный деревянный мостъ, построенный параллельно возводимому желѣзному. Отъ послѣдняго виднѣлось пока лишь нѣсколько готовыхъ быковъ и нѣсколько строющихся. На другой сторонѣ насъ прицѣпили къ новому поѣзду. Послѣ нѣкотораго ожиданія мы тронулись, и снова потянулась передъ глазами сѣрая солончаковая, словно вымершая степь съ рѣдкими глинобитными мазанками-станціями...

На слѣдующій день намъ опять объявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ, такъ какъ въ этомъ нѣтъ экстренной надобности... Опять пришлось хлопотать и намъ, и въ особенности нашему генералу, - посылали телеграммы, вели продолжительные дипломатическіе переговоры съ начальникомъ станціи... Результатъ всей этой канители получился, однако, поразительный,—къ нашему вагону прицѣпили локомотивъ и потащили насъ экстреннымъ поѣздомъ!

Показались уже отроги Хинганскаго хребта и нѣсколько оживили ландшафтъ. Полотно дороги пролегало мѣстами долинами рѣчекъ, извиваясь между невысокими горами, показались кое-гдѣ и деревья, теперь, однако, голыя, безлистыя...

Наконецъ, на станціи Ялъ намъ окончательно объявили, что дальше не повезутъ,—полотно впереди чинилось, рельсы были разобраны, слѣдовательно, тутъ уже не могли помочь не только никакія телеграммы, но даже и самъ нашъ генералъ! Впрочемъ, до Хинганскаго перевала, откуда начинался полный перерывъ пути, оставалось всего верстъ 20, а тамъ намъ все равно пришлось бы ѣхать на лошадяхъ.

Съ большимъ трудомъ добыли мы здѣсь нѣсколько троекъ въ поселкѣ, образовавшемся около станціи, взгромоздились со всю своею поклажею на неуклюжіе тарантасы и загремѣли по довольно сносной грунтовой дорогѣ по долинѣ рѣки. Дорога эта идетъ прямѣе желѣзнодорожнаго полотна, которое здѣсь извивается по откосамъ,—начинается уже подъемъ къ Хинганскому перевалу.

Мѣстность была пустынная,—не видно было даже ни китайскихъ фанзъ, ни полей. Единственными встрѣчными попались намъ нѣсколько неуклюжихъ двухколесыхъ китайскихъ арбъ, нагруженныхъ сундуками, узлами, самоваромъ, образами, гармоникой... На одной изъ арбъ сидѣли двѣ бабы съ дѣвочкой, за ними слѣдовали запыленные и усталые трое мужчинъ,—повидимому, мелкіе ремесленники, а, можетъ быть, и просто рабочіе.

— Куда это вы, братцы, ѣдете?—спрашиваемъ ихъ.

— Въ Харбинъ, на заработки!—былъ обычный отвѣтъ...

Во время дальнѣйшаго пути на лошадяхъ мы встрѣчали цѣлые караваны такихъ искателей приключеній. Это цѣлое переселеніе народовъ!.. Они идутъ и идутъ, подряжаютъ манзъ для перевозки вещей, ночуютъ нерѣдко въ степи, по цыгански, въ дорогѣ болѣютъ женщины, мрутъ дѣти, но это другихъ не останавливаетъ въ ихъ стремленіи въ Харбинъ—это новое „золотое дно", какимъ Харбинъ представляется по разсказамъ, по темнымъ слухамъ русскому рабочему человѣку!

— Вы не повѣрите, сколько народу теперь идетъ въ Манчжурію изъ Россіи—говорилъ мнѣ одинъ изъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ,—все, конечно, главнымъ образомъ неудачники, прогнанные съ мѣстъ или не умѣвшіе устроиться на родинѣ... Идутъ съ женами, съ дѣтьми, прямо, можно сказать, куда глаза глядятъ! Не имѣютъ ни малѣйшаго представленія ни о Манчжуріи, ни о Харбинѣ, ни о томъ, нужны-ли они будутъ тамъ, есть-ли тамъ мѣста... Вотъ, напримѣръ, недавно является ко мнѣ машинистъ съ одного изъ русскихъ заводовъ, съ нѣкоторымъ техническимъ образованіемъ, съ аттестатомъ,—обтрепанный, голодный, ни копѣйки денегъ. Проситъ Христомъ-Богомъ устроить его хоть куда-нибудь,—предлагаю мѣсто кочегара при машинѣ — соглашается! Взялъ денегъ впередъ и черезъ три дня запилъ—пришлось прогнать...

Уже вечерѣло, когда мы подъѣхали къ самой подошвѣ главнаго Хинганскаго хребта. Дорога давно уже постепенно поднималась въ гору и здѣсь подъемъ сталъ круче. Вскорѣ появились и постройки селенія, которое возникло у перевала и строющагося здѣсь огромнаго Хинганскаго тоннеля,—оно довольно живописно разбросано по склонамъ ущелья. Большое количество построекъ какого-то американскаго типа, гостиницы, лавки, звуки гармоники и граммофона, доносившіеся до насъ, указывали намъ, что жизнь здѣсь кипитъ и лучи цивилизаціи проникаютъ въ дикій Хинганъ, гдѣ недавно еще нельзя было путешествовать иначе, какъ съ вооруженнымъ конвоемъ. Въ качествѣ обратной стороны медали мы повстрѣчали нѣсколько въ дребезги пьяныхъ субъектовъ и даже одно „мертвое тѣло", мирно покоившееся въ канавѣ. Впрочемъ, тому было законное основаніе—день былъ воскресный...

Пришлось похлопотать о дальнѣйшемъ передвиженіи. Благодаря предусмотрительности моего спутника, его письмамъ и телеграммамъ, мы и здѣсь нашли прекрасный пріемъ у одного изъ инженеровъ.

Дѣло устроилось въ нѣсколько минутъ—мы получили право воспользоваться для проѣзда до станціи Якши, откуда уже ходили поѣзда, „казенными" тройками, и при томъ даже даромъ.

— Что же вашъ тоннель? — спрашиваю я, — скоро-ли будетъ готовъ?

— Ну, нѣтъ, не такъ то скоро! Тоннель вѣдь не шуточный,— длиною въ три версты. Сверлимъ мы его и съ обоихъ концовъ и съ середины, изъ вертикальной шахты, но до сихъ поръ просверлено лишь около 200 саженъ. Готовъ онъ будетъ не раньше какъ къ 1904 году, а до тѣхъ поръ придется по тупикамъ спускаться и подниматься!

— Какъ же вы его сверлите?

— Машины у насъ для сверленія примѣняются дѣйствующія сжатымъ воздухомъ. Вы видѣли, вѣроятно, недалеко отъ входа въ тоннель длинное зданіе,—тамъ стоитъ паровикъ, нагнетающій воздухъ по трубамъ къ сверлильнымъ машинамъ въ тоннелѣ. Когда высверлено отверстіе, въ него закладывается небольшой динамитный патронъ и производится взрывъ, затѣмъ каменные обломки удаляются уже въ ручную и увозятся вагонетками. Трудна работа тѣмъ, что все сплошныя и самыя твердыя первозданныя породы—граниты, гнейсы... Хорошо еще, что рабочіе у насъ взяты опытные, почти все итальянцы,—они, положительно, врожденные динамитчики, замѣчательно ловко управляются! Рабочіе эти такъ отъ одного строющагося тоннеля къ другому и переходятъ... Съ русскими рабочими не приведи Богъ, сколько бы тутъ несчастныхъ случаевъ было!..

Не мало интересныхъ разсказовъ услышали мы здѣсь и проминувшую войну.

Передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій никто на Хинганѣ не ожидалъ войны, никто къ ней не былъ приготовленъ и всего-на-всего было здѣсь 40 казаковъ конвоя на 300 верстъ участка. Съ китайскимъ генераломъ Пао строители дороги были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,—нерѣдко и они у него обѣдали, и онъ у нихъ. Когда дошли первые слухи о безпорядкахъ, Пао самъ предложилъ дать китайскій конвой, и одно время Хинганъ охранялся 500 китайскими солдатами. Но вотъ въ одинъ прекрасный день Пао присылаетъ сказать, что до сихъ поръ онъ охранялъ, а теперь будетъ воевать!—„Неужели вы съ нами генералъ, воевать будете?“—спрашиваетъ его завѣдующій работами по телефону.—„Нѣтъ, я самъ воевать не буду, а только не могу поручиться за моихъ солдатъ и прошу васъ отсюда уйти!“—отвѣтилъ Пао. Пришлось послушаться добраго совѣта и очистить Хинганъ. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе войска снова заняли перевалъ, почти безъ боя, оказалось, что ничто изъ оставленнаго имущества не тронуто, всѣ склады стоятъ запертыми и запечатанными и на дверяхъ ихъ наклеены китайскіе надписи „не смѣть трогать“! Китайцы объяснили это такъ, что русскіе теперь ушли и желѣзная дорога составляетъ

собственность богдыхана, а потому никто не смѣетъ трогать ея имущество...

Была уже ночь, когда мы выѣхали на казенныхъ тройкахъ съ Хингана, поднялись по крутому спуску на перевалъ и покатили затѣмъ по ровной, полого спускающейся дорогѣ подъ гору. Въ ночной тиши особенно рѣзко звенѣли наши колокольчики, при свѣтѣ мѣсяца пустынныя, голыя горы и долины казались еще безжизненнѣе и печальнѣе...

Два раза намъ пришлось перемѣнить лошадей на промежуточныхъ станціяхъ. Это была довольно скучная и продолжительная процедура—приходилось стучаться, будить станціоннаго смотрителя, дожидаться, пока онъ растолкаетъ ямщиковъ, пока они полусонные запрягутъ лошадей... Мы не хотѣли, однако, ночевать, такъ какъ боялись опоздать къ поѣзду, который долженъ былъ отойти отъ станціи Якши не то въ 12. не то въ 2, не то въ 4 часа дня — когда именно, никто хорошенько не зналъ.

На послѣднюю станцію „Якши Казачьи" мы пріѣхали уже поздно утромъ и тамъ застряли надолго. Смотритель не хотѣлъ давать намъ лошадей, увѣряя, что ихъ нѣтъ. Вся станція представляла изъ себя не что иное, какъ три старыя монгольскія юрты, обнесенныя заборомъ. Мы прождали часа два въ холодной юртѣ и прождали бы, вѣроятно, и еще дольше, если бы насъ не догналъ одинъ изъ путейцевъ. Онъ распорядился—и сейчасъ же нашлись лошади! Черезъ четверть часа мы катили уже снова по низкимъ увалистымъ холмамъ, спускающимся въ голую гладкую степь.

Китайцы смѣнились здѣсь монголами въ мохнатыхъ шапкахъ, появились верблюды и стада овецъ,—мы проѣхали уже настоящую Манчжурію и были въ томъ уголкѣ ея, который, собственно, и по характеру мѣстности, и по составу населенія скорѣе принадлежитъ Монголіи.

На станціи Якши оказалось, что пріѣхали мы все же слишкомъ рано,—поѣздъ долженъ былъ отойти въ 6 часовъ. Мы имѣли время смыть съ себя толстый слой насѣвшей лёссовой пыли и пообѣдать. На станціи, однако, буфета не было, пришлось поискать по поселку, состоящему главнымъ образомъ изъ землянокъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. На одной изъ подслѣповатыхъ хижинъ красовалась надпись „Гостиницасъ нумера ми", — не найдя ничего лучшаго, мы избрали ее мѣстомъ удовлетворенія голода.

Оказалось, содержатъ это почтенное учрежденіе русскій въ компаніи съ какимъ-то кавказцемъ.

— Не можете-ли вы намъ, можетъ быть, шашлыкъ приготовить? обращается одинъ изъ спутниковъ къ этому послѣднему.

— Нэвозможно!—отвѣчаетъ тотъ.

— Почему же?

— Маргарыну нэту!

Возражать противъ такого аргумента было нечего и мы удовольствовались щами и какими-то обрывками жареной баранины, которые были намъ предложены за рубль съ персоны.

На станціи намъ опять удалось получить вагонъ,—впрочемъ, уже не цѣлый, а лишь два отдѣленія.

Снова потянулась передъ глазами унылая панорама солончаковой степи, однообразіе которой нарушалось лишь рѣдкими, кое-какъ слѣпленными, еще не отстроившимися станціями...

Два дня такого скучнаго, томительнаго пути, — и мы на станціи Китайскій Разъѣздъ садимся въ поѣздъ Сибирской желѣзной дороги и прощаемся съ „манчжуркой". Здѣсь кончаются всѣ наши, неизвѣстно на чемъ, собственно, основанныя привилегіи,—мы превращаемся въ обыкновенныхъ пассажировъ и принуждены вести обычную ожесточенную борьбу изъ-за мѣстъ съ другими пассажирами, изъ-за багажа—съ кондукторами...

П. Ю. Шмидтъ.

ЧУЖОЕ ВДОХНОВЕНІЕ.

Романъ *Мабель Гартъ.*

(Переводъ съ англійскаго **К. И. Саблиной**).

X.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Сюжетъ на призъ былъ объявленъ: „Побѣда“. Чуть ли не всѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ были переполнены эскизами „Побѣды“,—гдѣ изображали ее мужчиной, гдѣ женщиной, гдѣ одѣтой, гдѣ нагой, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ; у однихъ въ глазахъ свѣтилось торжество, у другихъ—милосердіе, и т. д. Дано было обширное поле для воображенія артиста.

Близкіе Гуго люди убѣдили его тоже принять участіе въ состязаніи. Гвидо рѣшительно отказался участвовать, если другъ его не сдѣлаетъ того же; отчасти на Гуго повліяло это заявленіе, но, вѣрнѣе всего,—онъ уступилъ настоянію Беатрисы. И вотъ какъ-то разъ утромъ Гуго объявилъ друзьямъ, что идею картины онъ нашелъ,—и съ этого дня заперся въ своей мастерской.

А Гвидо долго не могъ приняться за серьезную работу. Картина его „Мальчикъ у Кабана“ не совсѣмъ еще была закончена, но богатый англичанинъ видѣлъ ее и одобрилъ, такъ что Гвидотти съ лихорадочной поспѣшностью отдѣлывалъ ея детали: ему не терпѣлось взяться за предстоящій нешуточный трудъ. Можно бы, положимъ, отложить „Мальчика у Кабана“ до болѣе удобнаго времени, но состояніе финансовъ бѣднаго Гвидо этого не дозволяло. Сумма, которую предложилъ англичанинъ, была ему необходима, а получить ее, очевидно, можно было только по окончаніи картины.

Стояло свѣжее весеннее утро. Солнце ярко свѣтило и пригрѣвало землю своими благотворными лучами, но дулъ рѣзкій вѣтеръ, и флорентинцы закутались въ мѣха, посмѣиваясь надъ наивными иностранцами, которые, дрожа отъ холода, ходятъ въ весеннихъ костюмахъ. На улицахъ, тѣмъ не менѣе, въ изобиліи продавались цвѣты.

Изъ оконъ мастерской Гвидо видна была рѣка, бурлившая желтыми, вздувшимися волнами. Въ Cascine деревья уже зазеленѣли и птицы начинали вить гнѣзда.

Но Гвидо не глядѣлъ въ окно; онъ сидѣлъ у мольберта, проклиная Джіусто Судди, который служилъ ему натурщикомъ для мальчика у фонтана и теперь почему-то замедлилъ приходомъ.

Наконецъ, поспѣшные шаги раздались на лѣстницѣ. Гвидо вскочилъ, нетерпѣливо распахнулъ дверь и крикнулъ Джіусто поторопиться.

Минуту спустя, мальчикъ, красный и запыхавшійся, показался на порогѣ; видъ у него былъ смущенный, но Гвидо раздраженно спросилъ:

— Тебѣ извѣстно который часъ?

Джіусто торопливо стаскивалъ чулки и башмаки и напяливалъ оборванную куртку, чтобы изобразить уличнаго бродяжку.

— Знаю, синьоръ, но я проспалъ. У насъ малютка очень больна, синьоръ!

— А ты и обрадовался случаю проспать?—сказалъ Гвидо и сильно тряхнулъ его за плечо, чтобы придать ему надлежащую позу.

— Я до двухъ часовъ ночи сидѣлъ съ больной, синьоръ.

— Ты? Гдѣ же была твоя мать?

— Тутъ-же... Малютка очень плоха, синьоръ.

— Ну, ладно; надѣюсь, что на будущее время опаздываній не позволишь себѣ. И на что ты теперь похожъ!—съ неудовольствіемъ воскликнулъ Гвидо, бросивъ взглядъ на изнуренное, блѣдное лицо и красныя глаза мальчика.—Отвернись! Я не желаю видѣть твоей физіономіи умирающаго! Слава Богу, что мнѣ сегодня нужно лишь твое туловище. Сиди смирно!

Вполнѣ безсердечнымъ нельзя было назвать Гвидо: онъ просто не привыкъ вникать въ положеніе другихъ и считалъ, что быть натурщикомъ Гвидо Гвидотти гораздо важнѣе, чѣмъ быть братомъ умирающей Пакиты Судди.

Нѣсколько времени онъ работалъ молча; мысли его были заняты сюжетомъ новой картины: ему представлялась женская фигура въ классическомъ одѣяніи, протягивающая побѣдителю золотую корону...

„Но вѣдь это ужасно пошло! Точно надгробный памятникъ полководца“!..—съ досадой думалъ онъ.

Затѣмъ ему представлялась колесница,—четверкой коней правитъ „Побѣда“ въ золотыхъ латахъ и съ копьемъ въ рукѣ; а ее преслѣдуетъ ангелъ смерти съ мечомъ...

Мечты его были прерваны подавленными всхлипываніями маленькаго натурщика.

— Джіусто!—рѣзко сказалъ художникъ,—что съ тобой?

Мальчикъ жалобно взглянулъ на него,—онъ не могъ говорить. Гвидо бросилъ кисть и въ отчаяніи воскликнулъ:

— Развѣ я могу писать съ тебя, когда ты корчишься и дѣлаешь такія страшныя рожи? Ребенокъ вашъ выздоровѣетъ, если ты перестанешь ревѣть. Утри слезы и будь умницей.

Слова какъ будто возымѣли желанное дѣйствіе: Джіусто пересталъ плакать. Онъ готовъ былъ сдѣлать сверхъестественное усиліе, лишь бы Гвидо на него не сердился,—любовь и преданность мальчика къ „принцу“ доходили до обожанія. Красота Гвидо, его щедрость, улыбка, а иногда и ласка,—покорили пылкое сердце Джіусто: счастье его жизни заключалось въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ мастерской; когда художникъ бывалъ въ духѣ, мальчику не возбранялось болтать, что вздумается: онъ повѣрялъ Гвидотти свои надежды и опасенія, желанія и планы на будущее, и того забавляла эта незатѣйливая болтовня, какъ забавляетъ чириканье птички въ ясное, весеннее утро.

Такъ и теперь: Джіусто, желая угодить своему покровителю, приложилъ всѣ старанія не давать больше воли слезамъ. Гвидо тронула его жалкая улыбка.

— Отдохнемъ немножко,—сказалъ онъ мягко, чувствуя себя при этомъ настоящимъ благодѣтелемъ,—полей-ка лучше цвѣты на окошкѣ.

По возобновленіи работы сначала все шло хорошо, но затѣмъ мальчика стало неопредолимо клонить ко сну; глаза его слипались, голова свѣшивалась на грудь. Гвидо раза два-три строго прикрикнулъ на него, но и это не помогло: на послѣдній грозный окрикъ Джіусто, пролепетавъ: „Si, signore“!—свалился на полъ и окончательно заснулъ.

Съ гнѣвнымъ восклицаніемъ вскочилъ Гвидо на ноги, самъ еще не зная, что собирается сдѣлать, но въ ту-же минуту за дверью послышался звавшій его голосъ Андреа Вивальди, и художникъ пошелъ отворить.

Лицо его прояснилось, когда рядомъ со старикомъ онъ увидалъ Эвелину Грэй. Появленіе ея въ мастерской объяснилось очень просто.

— Синьорина все утро провела у Судди,—сказалъ Андреа,—у нихъ умираетъ младшій ребенокъ, и она пришла за Джіусто; онъ тамъ нуженъ.

— Войдите, онъ здѣсь!—отвѣчалъ Гвидо и посторонился, чтобы пропустить ихъ. Эвелина увидала маленькаго натурщика на полу, и на глазахъ ея показались слезы.

— Онъ усталъ, бѣдняжка! И вы допустили его уснуть на полу? Какъ вамъ не стыдно, Гвидо!

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, проникъ молодому человѣку прямо въ сердце. У него была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя всѣми признаются крайне симпатичными, хотя въ сущности это совершенно ошибочно. Оставаясь равнодушными къ чужому горю или радости, они только быстро перенимаютъ настроеніе тѣхъ людей, которые имѣютъ на нихъ вліяніе.

Гвидо сталъ на колѣни рядомъ со спящимъ и тихонько провелъ рукой по его волосамъ, и странное дѣло! Гвидо почувствовалъ къ мальчику состраданіе и нѣжность, позабылъ недавнее свое раздраженіе и не понялъ лишь одного,— что это жалость Эвелины вызвала въ сердцѣ его соотвѣтствующее движеніе.

Тихонько, чтобы не напугать, они разбудили Джіусто и сказали, что его зовутъ домой.

Мальчикъ живо вскочилъ на ноги и ухватился за свое платье, но худенькія рученки его такъ дрожали, что онъ не въ состояніи былъ переодѣться; Гвидо охотно взялся помочь ему и нѣжно, словно мать, застегивалъ на немъ крючки и пуговицы. Эвелина наблюдала за ними, и ей казалось, что она впервые поняла молодого художника; взоры ихъ встрѣтились, — Гвидо почувствовалъ себя счастливѣйшимъ и достойнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

— И ты съ ними пойдешь?—спросилъ Андреа, видя, что Гвидо берется за шляпу.

Гвидо кивнулъ головой.

— Прекрасно. Проводи синьорину.

Онъ поглядѣлъ на Джіусто, и что-то въ суровомъ лицѣ его дрогнуло. Дружба между старикомъ и ребенкомъ въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ росла съ каждымъ днемъ, а началась она съ самаго перваго ихъ знакомства.

Эвелина и ея спутники въ молчаніи дошли до Casa San Jacopo; молодая дѣвушка вошла вмѣстѣ съ Джіусто въ квартиру Судди, но вскорѣ вернулась къ поджидавшему ее на лѣстницѣ Гвидо и тихо сообщила ему, что все кончено: маленькая Пакита умерла.

Эвелина, огорченная и грустная, черезъ силу стала подниматься наверхъ; Гвидо молча слѣдовалъ за нею.

У дверей своей квартиры она обернулась, чтобы поблагодарить его, и ея печальная улыбка тронула его до глубины души.

— Не знаю, зачѣмъ позволила я вамъ подняться въ третій этажъ,—сказала она,—но я чувствовала душевную слабость, и рада, что не одна...—Гвидо вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Гдѣ миссъ Гэмлинъ?—спросилъ онъ,—хотите, я схожу за ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, она въ галлереѣ. Не больна-же я, въ самомъ дѣлѣ!

— Вы перенесли сильное потрясеніе!..—съ глубокой нѣжностью въ голосѣ сказалъ онъ.

— Я въ первый разъ видѣла смерть... А тутъ еще бѣдная мать такъ плакала... Ужасно! Но теперь уходите, Гвидо. До свиданія!

Онъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ; ему страстно хотѣлось сказать ей, что она ангелъ,—но онъ понималъ, что ее всецѣло поглощаетъ чужое горе, и что въ настоящее время ей не до себя и не до его чувствъ къ ней.

— Берегите себя, ради тѣхъ, кто васъ любитъ!—нѣжно промолвилъ онъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

XI.

Іюнь мѣсяцъ. Розовый кустъ, который Эвелина и Беатриса посадили на могилѣ маленькой Пакиты Судди, находился въ періодѣ самаго пышнаго расцвѣта; вѣнокъ изъ желтыхъ иммортелей, положенный родителями, подъ вліяніемъ непогоды совершенно обветшалъ; собачій художникъ, слывшій раньше веселымъ острякомъ, снова началъ отпускать шуточки и смѣшить кліентовъ своими прибаутками, а руки его безъ устали стригли и охорашивали, на низенькихъ перилахъ набережной, собачье населеніе Флоренціи. Черные глаза Джіусто утратили печальное выраженіе; улыбка опять заиграла на его губахъ. Онъ снова придумывалъ новыя сказки, чтобы позабавить Франческу.

Картина Гвидо—„Мальчикъ у Кабана" была закончена мѣсяца два тому назадъ и отослана въ Англію; но Джіусто продолжалъ посѣщать мастерскую почти каждый день: онъ стиралъ пыль съ мебели, чистилъ палитры, прибиралъ краски, исполнялъ порученія, болталъ или просто молчалъ: все зависѣло отъ настроенія и желанія самого художника.

У Гвидо былъ застой: съ тѣхъ поръ, какъ онъ отослалъ картину, объ ней не было ни слуху, ни духу. Богачу, заказавшему ее, и въ голову не приходило, что художникъ, быть можетъ, нуждается въ деньгахъ, и Гвидо дошелъ чуть не до отчаянья: чтобы заплатить за квартиру, ему пришлось занять денегъ у Вивальди.

Но хуже всего было то, что время летѣло, приближалась римская выставка, а картина на медаль все ему не удавалась. Разъ десять начиналъ онъ изображать „Побѣду"—и каждый разъ въ отчаяньи бросалъ кисть.

— Идей у меня нѣтъ!—съ горечью бранилъ себя Гвидо,— ремесленникъ я, не художникъ! Воображенія ни на грошъ! Техникъ, да и все тутъ!

Онъ просто сталъ ненавидѣть стройныя фигуры съ греческимъ профилемъ и въ классическомъ одѣяніи, которыя выходили у него на полотнѣ. Разъ утромъ онъ стоялъ передъ своимъ мольбертомъ и злился.

Гвоздика на окошкѣ его была въ полномъ цвѣту; букетъ бѣлыхъ лилій и ириса благоухалъ въ вазѣ. Гвидо любилъ бѣлыя лиліи, онѣ напоминали ему Эвелину...

Итакъ, Гвидо стоялъ и злился. Онъ съ нѣкоторой завистью думалъ о Гуго: тотъ за послѣднее время такъ и сіялъ довольствомъ! Значитъ, работа его шла на ладъ—это всѣмъ было извѣстно.

Въ чемъ заключалась идея Гуго,—никто не зналъ: артисты, пишущіе на медаль, обыкновенно никому не показываютъ своихъ картинъ до полнаго ихъ окончанія. Гуго строго хранилъ свою тайну: даже Андреа Вивальди не былъ въ нее посвященъ.

Гвидо-же смѣялся надъ такой таинственностью и не препятствовалъ Джіусто торчать у себя съ утра до вечера, обращая на него столько-же вниманія, сколько на собаку или кошку. Впрочемъ, онъ уступилъ настояніямъ Гуго и закрывалъ эскизы, когда тотъ заходилъ къ нему.

„Приза онъ не возьметъ!—думалъ Гвидо про своего друга,— слишкомъ крупныя силы участвуютъ въ состязаніи,—но ему это безразлично. Онъ любитъ работу, всю свою душу вкладываетъ въ нее, и по своему счастливъ. А меня мучитъ сознаніе, что я долженъ-бы написать хорошую картину, да не могу. Я готовъ отказаться отъ этой затѣи, но Гуго будетъ огорченъ!"

Раздался звонокъ. Гвидо выглянулъ въ окно и увидалъ удаляющагося почтальона. Письмо! Не изъ Англіи-ли? Онъ кинулся внизъ,—дѣйствительно, письмо было оттуда. Онъ съ нетерпѣніемъ вскрылъ конвертъ.

Англичанинъ прислалъ ему чекъ, съ горячей похвалой отзывался о картинѣ и заказывалъ другую, по усмотрѣнію художника. Первой мыслью Гвидо было подѣлиться радостью съ Эвелиной. Хоть и рано еще, но, быть можетъ, она уже работаетъ въ мастерской Андреа. Во всякомъ случаѣ онъ повидается съ Андреа и съ Гуго: они тоже порадуются вмѣстѣ съ нимъ.

Какъ ураганъ ворвался онъ въ комнату старика: она была пуста. Но Гуго, разумѣется, дома. Гвидо окликнулъ его. Отвѣта не было, но Гвидо показалось, что кто-то шевелится въ сосѣдней комнатѣ; онъ распахнулъ дверь и крикнулъ:

— Гуго! Гуго! Оглохъ ты, что-ли? Иди сюда, мнѣ надо поговорить съ тобой!—и съ этими словами онъ проникъ въ комнату младшаго Вивальди.

Но комната была пуста; на мольбертѣ, какъ разъ напротивъ Гвидотти, стояла недоконченная картина. Въ первую минуту Гвидо даже не сообразилъ, что это такое; потомъ яркая краска залила его лицо. „Такъ вотъ какъ Гуго задумалъ изобразить „Побѣду!“

. . . .

За часъ до этого происходила слѣдующая сцена въ Casa San Jacopo.

— Здравствуй, Джіусто! Ты идешь къ синьору Гвидотти?

— Да, синьорина.

— Такъ занеси синьору Вивальди это письмо. У синьорины Грэй сегодня болитъ голова и она не придетъ къ нему въ мастерскую.

— Занесу, синьорина, съ удовольствіемъ. Неужели она заболѣла?

— О, нѣтъ, просто устала. Для насъ, англичанокъ, Флоренція лѣтомъ никуда не годится. Я и то, кажется, скоро ослѣпну отъ вашего солнца. Ну, до свиданія, ступай!

Не торопясь и поминутно останавливаясь,—то поглазѣть, то поболтать, Джіусто дошелъ, наконецъ, до подъѣзда Андреа Вивальди и постучался. Никто не отозвался. Онъ потянулъ за ручку,—дверь открылась, и онъ увидалъ на порогѣ мастерской Гвидо, который стоялъ спиной къ нему и что-то разглядывалъ.

Мальчику захотѣлось узнать, чѣмъ такъ заинтересовался Гвидотти; онъ подошелъ къ нему сзади и заглянулъ въ свою очередь въ мастерскую младшаго Вивальди. Картина, поглотившая вниманіе Гвидо, показалась мальчику странной: на ней было множество народу, и всѣ преклонялись передъ какой-то женщиной... Не Мадонна ли это? Но Джіусто такихъ Мадоннъ еще не видывалъ: она отвернулась отъ колѣнопреклоненныхъ и пристально, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, всматривалась въ подолъ своего платья, который держала въ рукѣ...

Джіусто только что собирался спросить у Гвидо, что значитъ эта картина, какъ внизу хлопнула дверь и въ сѣняхъ послышались голоса Андреа и Гуго Вивальди. Тутъ произошло нѣчто поразительное: Гвидо вздрогнулъ, какъ ужаленный, и поспѣшно, но безъ шуму, ретировался въ мастерскую Гуго, при чемъ плотно притворилъ за собою дверь,—такъ что мальчикъ едва успѣлъ отскочить.

„Навѣрно готовитъ синьору Гуго какой-нибудь сюрпризъ!“ рѣшилъ Джіусто, улыбнулся и, встрѣтивъ входившихъ хо-

зяевъ, передалъ имъ письмо Беатрисы. Затѣмъ онъ взошелъ за Вивальди въ комнату Андреа.

Старикъ, отдуваясь, бросился въ кресло.

— Раненько ушли вы сегодня изъ дому, маэстро!—сказалъ Джіусто, не спуская глазъ съ дверей мастерской Гуго.

— Мы были въ San-Miniato,—пояснилъ Андреа,—сегодня память моей покойной жены. А, Гвидо, здравствуй, другъ мой!

Гвидо вошелъ изъ передней. Джіусто вспомнилъ, что изъ мастерской Гуго была другая дверь—въ корридоръ и переднюю...

— Съ добрымъ утромъ, маэстро! Я пришелъ къ вамъ подѣлиться хорошими вѣстями!—Гвидо передалъ содержаніе письма англичанина.

— Я былъ увѣренъ въ твоемъ успѣхѣ!—съ гордостью сказалъ Андреа и потрепалъ своего воспитанника по плечу.

— Это только начало, а дальше пойдетъ еще лучше!—съ увѣренностью произнесъ Гуго,—принимайся-ка теперь за картину на выставку!

Гвидо провелъ рукой по вьющимся волосамъ своимъ.

— Да, слѣдуетъ серьезно приняться...—отозвался онъ и ушелъ къ себѣ. Джіусто слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

Гвидо принялся за свои эскизы, а мальчикъ, по обыкновенію, бродилъ по мастерской, вытирая пыль и „прибирая“ комнату по своему усмотрѣнію. Немного погодя, художникъ оглянулся на Джіусто,—должно быть, только теперь замѣтивъ его присутствіе,—и нетерпѣливо крикнулъ:

— Будетъ! Ты меня раздражаешь своей возней!

Джіусто покорно удалился въ уголокъ и притихъ. Странное поведеніе Гвидо у Вивальди уже перестало занимать его: онъ порѣшилъ, что поступокъ его друга тѣсно связанъ съ „хорошими вѣстями“ изъ Англіи. Во всякомъ случаѣ Джіусто не придалъ факту никакого значенія и вскорѣ позабылъ о немъ.

XII.

„Что побудило меня испугаться и убѣжать?“—думалъ Гвидо, глядя на свой эскизъ.—„Гуго навѣрно не разсердился бы, если бъ узналъ, что я случайно увидалъ его картину... Я вѣдь глядѣлъ на нее почти безсознательно. А все-же было бы лучше остаться на мѣстѣ и не прятаться, точно я сдѣлалъ что-нибудь дурное... Лучше бы и теперь сознаться... только не знаю, какъ это сдѣлать! Удобный моментъ упущенъ. Не благоразумнѣе-ли промолчать? Молчаніе—золото. Да и все дѣло-то пустяшное. А мысль его очень хороша: „Побѣда“ замѣчаетъ на своемъ платьѣ слѣды крови, и торжество ея омрачается ужасомъ и раскаяніемъ. Идея удач-

ная, но исполненіе слабовато; лица не типичны... По замыслу великолѣпно: солдатъ, священникъ, воздающій хвалу Богу, женщина съ ребенкомъ на рукахъ... Мать учитъ малютку хлопать въ ладоши, а дитя видитъ безпокойство богини и старается обратить на него вниманіе матери... Я бы размѣстилъ фигуры иначе"...

Онъ схватилъ листъ бумаги, уголь и съ лихорадочной поспѣшностью взялся за работу... Что-то въ первомъ эскизѣ ему не понравилось,—онъ его отбросилъ и началъ другой. Онъ все болѣе и болѣе увлекался, глаза его блестѣли, губы были плотно сжаты...

Прошелъ часъ, другой, третій... Джіусто поднялся съ полу и сказалъ:

— Если я вамъ не нуженъ, синьоръ, то пойду теперь обѣдать.

— Да, да, иди,—разсѣянно, не оглядываясь, отвѣчалъ Гвидо.

— Не принести-ли вамъ чего-нибудь изъ кухмистерской? Макаронъ или анчоусовъ?

— Нѣтъ!—поспѣшно отрѣзалъ Гвидо,—я не голоденъ. Уходи и не мѣшай мнѣ своей болтовней.

Какъ только мальчикъ скрылся за дверью, Гвидо заперъ ее на засовъ, а потому, когда Джіусто вернулся, то не могъ уже попасть въ мастерскую.

А Гвидо проработалъ все время послѣ обѣда, весь вечеръ,—и только сгустившіяся сумерки вынудили его бросить уголь.

„Безполезная трата времени! — со вздохомъ сказалъ онъ себѣ, откидываясь на спинку стула,—а всетаки это доставило мнѣ большое удовольствіе, я давно не испытывалъ подобнаго наслажденія! Если показать мой эскизъ Гуго, да дать ему нѣсколько техническихъ совѣтовъ,—картина выйдетъ замѣчательной. Но это ему, быть можетъ, не понравится. Глупецъ онъ, что прячется: умъ хорошо, а два лучше. Гуго ужасно упрямъ. То, что я увидѣлъ картину, онъ сочтетъ за непоправимую бѣду и навѣрно не допуститъ въ ней никакихъ измѣненій. Лучше всего разорвать мой набросокъ"!

Но онъ его не разорвалъ, а вмѣсто того уничтожилъ свои прежніе эскизы греческихъ богинь.

„Теперь для меня ясно, что картина моя вышла бы пошлой и безцвѣтной,—разумѣется, я въ томъ же духѣ продолжать не стану. Лучше вовсе не писать на медаль,—да вѣроятно тѣмъ и кончится".

Тяжело вздохнувъ, онъ одѣлся и пошелъ въ кафе, на Via Maggia. Тамъ онъ засталъ нѣкоторыхъ пріятелей, которые встрѣтили его веселыми шутками.

— Что съ Гвидо?—трагически спросилъ одинъ изъ нихъ у сосѣда,—не сдѣлался ли онъ лунатикомъ? Взгляни на его лицо!

— Можетъ быть, онъ влюбленъ?—догадывался другой,—Гвидо, сознавайся, ты влюбился въ кого-нибудь?

— Сознаюсь, Луиджи,—въ тонъ шутникамъ отвѣчалъ Гвидо,—вчера мелькомъ видѣлъ твою будущую тещу и пораженъ въ самое сердце!

Остальные покатились со смѣху: ходили слухи, что Луиджи лишь потому не сватается за любимую дѣвушку, что боится ея строптивой и рѣзкой матери. Луиджи смутился, а Гвидо закурилъ сигару, поболталъ еще нѣсколько минутъ и вышелъ на улицу. Какъ разъ мимо кафе проходилъ Андреа Вивальди.

— Маэстро, куда это вы спѣшите?

— Иду навѣстить синьорину Грэй. Она что-то нездорова.

Гвидо взялъ своего стараго друга подъ руку и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Пора отправить ихъ вонъ изъ Флоренціи,—продолжалъ Андреа,—жара начинаетъ пагубно дѣйствовать на нихъ.

— Отправить синьоринъ?

— Конечно, намъ будетъ безъ нихъ скучно, но нельзя-же имъ изъ-за этого хворать. Да, да, имъ слѣдуетъ уѣхать!

Гвидо промолчалъ; онъ старался представить себѣ, каково ему будетъ обойтись безъ общества Эвелины.

У дверей Casa San Jacopo Андреа остановился.

— Ты войдешь?

— Да, мнѣ хотѣлось бы сообщить имъ о письмѣ.

— Пойдемъ!—и старикъ началъ грузно подниматься по лѣстницѣ.

Молодыя дѣвушки только что поужинали; Эвелина была блѣдна, но рѣшительно объявила, что головная боль и утомленіе—пустяки.

— Отдохну, и все пройдетъ!—сказала она друзьямъ,—вотъ мнѣ надо бы прогуляться, это я чувствую! Маэстро, пойдемте всѣ вмѣстѣ полюбоваться на San Miniato при лунномъ свѣтѣ!

Андреа согласился.

— Не нравятся мнѣ эти головныя боли, да блѣдныя щечки,—сказалъ онъ, съ нѣжностью глядя на свою болѣзненную ученицу,—синьора Беатриса, вамъ слѣдовало бы увезти ее на время зноя.

— Я сама того-же мнѣнія!—горячо подхватила Беатриса,—я рада, что нашла въ васъ поддержку, синьоръ: она вѣдь у меня маленькая упрямица!

Взгляды Эвелины и Гвидо встрѣтились.

„Неужели разстаться?“—сказали ихъ глаза.

Гвидо и Эвелина были молоды, заря ихъ любви только что занималась, - мѣсяцы разлуки казались имъ вѣчностью... А вдругъ счастье больше ужъ не вернется?..

— Гвидо, сообщи-же синьоринамъ твою радостную новость!—напомнилъ Андреа.

— Радостную новость?—какъ эхо повторилъ Гвидо,—ахъ, да! Англичанинъ заплатилъ мнѣ за картину и заказалъ другую...

— Боже, какимъ онъ это говоритъ похороннымъ тономъ!—засмѣялся старикъ,—а въ душѣ вѣдь ликуетъ!

— Я рада за васъ,—отозвалась Беатриса,—неужели вы не довольны, Гвидо?

— О, нѣтъ, синьорина, я доволенъ.

— Покорился своей судьбѣ, что дѣлать!—подтрунивалъ маэстро.—Ну, что-же, синьорины, идти такъ идти! Я только схожу за плащемъ, боюсь ревматизма.

— Я принесу вамъ плащъ, маэстро,—вызвался Гвидо,—да кстати захвачу съ собой и Гуго.

— Отлично!—воскликнула Эвелина:—возвращайтесь оба поскорѣе.

Гвидо исчезъ.

Вскорѣ онъ явился снова, въ сопровожденіи Гуго; за ними увязался и Джіусто Судди. Юный натурщикъ особыхъ приглашеній никогда не ждалъ. Франческа не шутя начинала ревновать своего друга къ „принцамъ“ и „принцессамъ“.

XIII.

Вся компанія перешла Ponte Vecchio и направилась вдоль Via de Bardi.

— Я думаю, Ромола жила въ этомъ домѣ,—сказала Эвелина, указывая на домъ по лѣвую руку отъ нихъ,—а Беатриса утверждаетъ, что въ слѣдующемъ... Вы какого мнѣнія, синьоръ Гуго? Вѣдь вы читали эту книгу?

— Да, въ итальянскомъ переводѣ; но я почему-то вынесъ впечатлѣніе, что она жила по другую сторону улицы.

— Что вы,—въ романѣ именно упоминается, что она смотрѣла изъ оконъ на рѣку!

— И то правда. Я и позабылъ.

— А Эвелина непреложно вѣритъ, что Ромола дѣйствительно жила!—сказала Беатриса,—это ея любимая героиня.

— А миссъ Дугласъ отыскала въ Duomo даже могилу Ромолы!—улыбнулась Эвелина,—и что-же оказалось? Тамъ похороненъ Ромоло, первый епископъ фіезольскій; онъ умеръ

еще тогда, когда Флоренція и городомъ не считалась. Гвидо, прочли вы книгу, которую я вамъ рекомендовала?

— Пощадите, синьорина,—я было умеръ отъ тоски, на первыхъ-же страницахъ.

— Отъ тоски?—переспросила Эвелина,—книга показалась вамъ скучной?

— Сухая исторія,—оправдывался Гвидо,—какіе-то ученые разговоры, я половину не понялъ даже. И что за герои! Тито—отъявленный негодяй, сама Ромола—холодная, безсердечная педантка... Тесса—это страдалица, на которую обрушиваются всѣ невзгоды!

— О, Гвидо!

— Вы со мной не согласны?—спросилъ онъ, нѣжно глядя ей въ глаза.

— Конечно, нѣтъ! Вдругъ Ромола,—холодная, безсердечная... Да вѣдь она его любила!.. О, какъ любила!

— Не особенно прочно, повидимому. Она первая заподозрила его и осудила.

— Вы сами сказали, что онъ былъ негодяй.

— Но въ ея глазахъ онъ не долженъ бы быть таковымъ. Любовь должна быть слѣпа, иначе это не любовь. Да и онъ не палъ бы такъ низко, если бъ надѣялся на ея поддержку.

— Такъ вы находите, что она должна была вѣрить лжи и обману? Да онъ бы самъ не могъ уважать ее послѣ этого!

— Вѣра въ любимаго человѣка цѣнится выше разума!—тихо сказалъ Гвидо. Эвелина промолчала, но Беатриса рѣзко возразила—она подмѣтила его нѣжные взгляды и разсердилась.

— Ромола вѣрила въ Тито до послѣдней крайности. Однако, это не исправило его.

— Вѣрно автору нужно было изобразить его безнадежнымъ негодяемъ!—улыбнулся Гвидо,—но въ дѣйствительной жизни абсолютныхъ мерзавцевъ не бываетъ.

— Я, кажется, останусь при особомъ мнѣніи,—заговорилъ Гуго:—начиная съ того, что Тито отъ природы вовсе не мерзавецъ, а просто человѣкъ со слабой волей, легко поддающійся соблазну и увлекающійся. Его скорѣе можно жалѣть, а не осуждать. Его паденіе идетъ незамѣтно и постепенно. Трагизмъ правдоподобный.

— Ну, положимъ, мерзавецъ-то онъ безусловно!—стоялъ на своемъ Гвидо,—дурные задатки въ немъ, очевидно, сидѣли...

Гуго пожалъ плечами.

— А можно-ли въ точности опредѣлить моментъ, съ котораго человѣкъ дѣлается мерзавцемъ?

Они спускались по крутой дорогѣ въ San Miniato; темныя очертанія кипарисовъ рѣзко выступали на ясномъ небѣ и

бросали длинныя тѣни. При лунномъ свѣтѣ, у дороги виднѣлась часовня, съ блестѣвшимъ образкомъ.

Проходя мимо, Джіусто благоговѣйно снялъ шляпу; Гвидо послѣдовалъ его примѣру.

— Знаешь ты преданіе объ этой часовнѣ, Джіусто?—спросила Беатриса.

— Еще бы, синьорина!

— Разскажи-ка его намъ.

Джіусто повернулся къ ней лицомъ и, отступая задомъ шагъ за шагомъ, разсказалъ слѣдующую легенду:

— Вотъ какъ было дѣло. Жилъ однажды храбрый рыцарь, у котораго вѣроломно убили брата; онъ поклялся не знать покоя, пока не отомститъ убійцѣ. Но убійца былъ трусъ и старательно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Прошло нѣсколько времени. Столкнулся рыцарь съ убійцей на этой самой дорогѣ, въ великую пятницу. Рыцарь былъ въ полномъ вооруженіи, у убійцы-же не было даже палки. Рыцарь выхватилъ мечъ и съ яростью бросился на врага, приказывая ему готовиться къ смерти. Несчастный упалъ къ его ногамъ, умоляя пощадить его, во имя Того, Кто на крестѣ простилъ врагамъ своимъ, именно въ этотъ день... Рыцарь былъ такъ пораженъ и тронутъ этимъ напоминаніемъ, что поднялъ убійцу брата, простилъ его и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Часовня поставлена въ память великодушнаго поступка рыцаря, чтобъ и другіе, проходя мимо, смягчались сердцемъ при мысли о своихъ врагахъ.

— Молодецъ!—сказалъ Андреа,—хорошо разсказываешь! Только забылъ упомянуть, кто былъ этотъ рыцарь, и когда онъ жилъ?

— Не знаю, синьоръ, да это и не важно.

— Ты правъ, это не важно,—поддержала его Беатриса,— суть въ христіанскомъ милосердіи, побудившемъ рыцаря, во имя Христа, отказаться отъ сладкой мести!

— А вамъ это кажется труднымъ подвигомъ?—спросилъ Гуго.

— Ну, безоружнаго я бы тоже, пожалуй, не ударила, но простить его едва-ли смогла бы!

— Я не думаю, чтобы и рыцарь особенно любилъ врага, хотя и простилъ его,—сказалъ Гуго,—онъ пощадилъ его жизнь, и больше отъ него требовать нельзя.

— Мы обязаны прощать!—тихо проговорила Эвелина.

— Ахъ, синьорина, на словахъ это такъ легко! Но вы представьте себѣ, что кто-нибудь предательски убилъ вашего брата,—даже посторонняго для васъ человѣка, развѣ вы могли бы попрежнему подать ему руку и относиться къ нему, какъ къ другу?

— Постаралась-бы...—смущенно отвѣтила Эвелина.

— Ну, а я увѣренъ, что это вамъ бы не удалось!—пылко вскричалъ Гуго,—я вѣрю, что вы ко мнѣ относитесь дружески, и мысль эта доставляетъ мнѣ удовольствіе; но если бъ я зналъ, что вы тѣ-же чувства питаете... ну, хоть къ Титу Мелемму, напримѣръ,—мнѣ было бы далеко не такъ пріятно

Эвелина подумала и сказала:

— Мы говорили о томъ, какъ мы должны поступать, а не о томъ, какъ поступаемъ... Идеалъ христіанства—любить всѣхъ людей... Хорошихъ мы уважаемъ, а дурныхъ... надо жалѣть!

— Это только доступно ангеламъ,—возразилъ Гуго.

— Или ужъ вы такой человѣконенавистникъ, что не умѣете прощать?—спросила Беатриса.

— Смотря, что вы подразумѣваете подъ словомъ „прощать“, синьорина. Месть не манитъ меня: я не вижу удовольствія и облегченія въ страданіи моего врага. Я бы только желалъ избавиться отъ его присутствія и попросилъ бы его не показываться мнѣ на глаза... такъ какъ чувствовалъ бы къ нему презрѣніе и отвращеніе!

Наступило молчаніе; Гвидо стало какъ-то жутко на душѣ, и онъ посмотрѣлъ на Гуго почти съ непріязнью.

— И это говоритъ защитникъ Тита Мелеммы!—сухо замѣтилъ онъ. Гуго засмѣялся.

— Развѣ я защищалъ его? Я только отрицалъ тотъ фактъ, что онъ отъ природы негодяй. Но я вообще не краснорѣчивъ и вѣроятно недостаточно ясно выразился. Почему же вы не вставите словечко въ разговоръ, padre mio?

— Я бы велѣлъ убійцѣ сходить домой за оружіемъ и потомъ задалъ бы ему трепку!—съ такимъ азартомъ отвѣтилъ старикъ Вивальди, что всѣ дружно расхохотались.

XIV.

Между тѣмъ, маленькое общество вышло изъ тѣни кипарисовъ и лавровыхъ кустовъ, окаймляющихъ дорогу на обширной площади Микель Анджело, съ ея мраморными плитами, залитыми луннымъ свѣтомъ; посреди нея возвышалась, на подобіе безмолвнаго стража Флоренціи, колоссальная бронзовая статуя Давида. Нѣсколько воробьевъ, пріютившихся на головѣ и плечахъ воина, проснулись, заслышавъ людскіе шаги, и вспорхнули, легкимъ испуганнымъ щебетаньемъ протестуя противъ нарушителей ихъ покоя, но вскорѣ, успокоенные, вернулись въ свое пристанище.

Друзья приблизились къ широкимъ періламъ на краю

площади и остановились: чудный видъ открывался передъ ними—вся Флоренція, какъ на ладони, а подъ ногами ихъ сверкала рѣка; вдали, подернутыя дымкой тумана, виднѣлись очертанія горъ.

Изъ рощицы, находившейся позади, полились звуки пѣсни.

Эвелина улыбнулась свѣтлой, радостной улыбкой...

У Беатрисы съ Гуго шелъ символическій разговоръ.

— Какъ типичны эти горы и зданія!—замѣтила Беатриса.

— Неправда-ли? Подѣлитесь со мной вашими впечатлѣніями! Что вы скажете, напримѣръ, про Duomo?—Гуго указалъ на темный силуэтъ собора.

— Duomo—мать, спокойная, любящая, величественная мать всѣхъ прочихъ зданій!—фантазировала дѣвушка.—Чего-чего не совершалось въ прилегающихъ къ этой церкви улицахъ и на площадяхъ, но она, въ величавомъ спокойствіи, молчитъ и выжидаетъ дальнѣйшихъ событій.

— А Campanile?

— О нихъ мнѣ трудно сказать что нибудь свое, я слишкомъ много о нихъ читала. Еще не такъ давно встрѣтилась мнѣ замѣтка въ американскомъ періодическомъ изданіи, гдѣ Campanile, со своими четырьмя лиліями по угламъ, уподобляются архангелу Гавріилу, возвѣщающему миръ и нравственную чистоту; а Palazzo Vecchio, украшенный щитами и знаменами—архангелу Михаилу, защитнику и покровителю города.

— Мнѣ нравится ваше поэтическое толкованіе,—задумчиво произнесъ Гуго,—мнѣ самому Campanile, да и вообще всякая башня представляется олицетвореніемъ силы, покровительства, а въ случаѣ надобности и угрозы. Но башня Bargello мнѣ противна...

— Отвратительна!—горячо подхватила Беатриса,—мрачная, приземистая, полная какой-то зловѣщей таинственности,—олицетвореніе вѣроломства и насилія! То-ли дѣло Badia?

— Badia для меня загадка. А вы какъ ее понимаете?

— По моему, она имѣетъ назначеніе утѣшить всѣхъ тѣхъ, у которыхъ омрачилась душа при видѣ Bargello.

— Продолжайте!—въ восторгѣ вскричалъ онъ,—что скажете вы про Santa Maria Novella?

Но Беатриса оглянулась на Эвелину и Гвидо, стоявшихъ особнякомъ, въ отдаленіи,—и поспѣшно сказала:

— Я прозябла, пойдемте скорѣе!—въ голосѣ ея слышалась тревога,—Эвелина, пора домой!

Удивленная рѣзкимъ окрикомъ, Эвелина оглянулась тоже на подругу и двинулась за ней, инстинктивно отставая со своимъ спутникомъ.

— Догадывается!—подумалъ Гвидо, чуя въ Беатрисѣ недоброжелательницу.

А разговоръ между нимъ и Эвелиной произошелъ слѣдующій:

— Какъ тутъ хорошо!—вздохнула Эвелина.

— И вы хотите все это покинуть?—съ упрекомъ сказалъ Гвидо.

Сердце Эвелины радостно билось.

— Я тутъ ни при чемъ...

— Значитъ, вы бы не уѣхали?..

— Но разъ Беатриса рѣшила, надо ѣхать!

— Для нея вы на все готовы!—ревниво сказалъ Гвидо,— хоть бы мнѣ частичку ея вліянія имѣть на васъ!

— Чего-же бы вы потребовали?—смѣясь, спросила Эвелина, чувствуя потребность поиграть съ огнемъ и сознавая, что силы ей измѣняютъ.

Онъ страстно посмотрѣлъ ей прямо въ глаза; прекрасное лицо его казалось блѣднымъ и страдальческимъ:

— Я бы не пустилъ васъ... если-бы вы были крѣпче здоровьемъ! Но теперь я умоляю васъ уѣхать, беречь себя... но не забывать того, кто страстно будетъ ждать вашего возвращенія къ зимѣ!.. Вернитесь ко мнѣ, дорогая моя, любимая!..

Въ этотъ самый моментъ Беатриса рѣзко позвала Эвелину домой...

XV.

Въ августѣ начались нестерпимые, знойные дни. Даже туземное населеніе Флоренціи избѣгало выходить на улицу, а въ крайнемъ случаѣ медленно кралось по тѣнистой сторонѣ, изнемогая отъ жары.

Въ мастерской Андреа Вивальди закрыты были ставни, и въ полумракѣ сидѣли—самъ маэстро и маленькій пріятель его, Джіусто, съ кускомъ арбуза въ рукѣ.

— А я получилъ письмо отъ синьорины Гэмлинъ,— объявилъ Андреа,—онѣ въ Швейцаріи... Ты не знаешь, гдѣ это? Ну, однимъ словомъ, тамъ не такъ жарко, какъ у насъ. Собираются въ озерную сторону Италіи.

— А къ намъ когда вернутся?

— Кто ихъ знаетъ! Можетъ быть, никогда.

Отъ безпокойства и удивленія Джіусто даже про арбузъ забылъ.

— Маэстро, вы не шутите?..

Андреа мрачно покачалъ головой и вытащилъ изъ кармана письмо.

— Слушай внимательно, я прочту тебѣ, что она пишетъ:

„А теперь, дорогой маэстро, я сообщу вамъ рѣшеніе, къ которому мы съ Эвелиной пришли, относительно нашихъ плановъ на зиму. Рѣшеніе это стóило намъ долгой борьбы, да и теперь намъ тяжело и грустно при мысли о томъ, отъ чего мы принуждены отказаться; съ другой стороны, мы сознаемъ, что поступаемъ правильно, и это служитъ намъ утѣшеніемъ. Спѣшу разъяснить въ чемъ дѣло: мы хотимъ эту зиму провести въ Римѣ, а не во Флоренціи. Я отсюда вижу, что вы пришли въ ярость и долго будете ворчать на насъ... Мастерскія въ Римѣ никуда не годятся, и мы тамъ ничему путному не научимся, и вкусъ свой испортимъ, не такъ-ли? Всѣ доводы и возраженія ваши извѣстны, а потому не трудитесь приводить ихъ въ слѣдующемъ письмѣ вашемъ. Выслушайте меня, маэстро, если возможно—хладнокровно. Эвелина не была еще въ Римѣ! Неужели это нормальный фактъ? Путешествовать мы обѣ любимъ, но вѣдь нельзя-же всю жизнь кочевать! Придется вернуться на родину,—какъ-же не съѣздить въ Римъ? Но есть и болѣе вѣская причина: меня не на шутку безпокоитъ состояніе здоровья Эвелины. Упадокъ силъ ея ужасно меня пугаетъ. Въ настоящую минуту, кромѣ этого, ничего нѣтъ, но это симптомъ плохой. Стоитъ ей попасть во Флоренцію, и она будетъ усидчиво работать у васъ въ мастерской,—а ей нуженъ абсолютный отдыхъ, прогулки, воздухъ... Утѣшеніемъ служитъ мнѣ мысль, что на выставку вы сами пріѣдете въ Римъ, полюбоваться успѣхомъ обѣихъ картинъ, увидѣть воочію торжество Флоренціи надъ Римомъ, Венеціей и Болоньей! А весной,—какъ знать?—можетъ статься, намъ суждено вновь очутиться въ любимой нами Флоренціи, несравненной столицѣ цвѣтовъ! Но я, кажется, начинаю вдаваться въ поэзію, какъ-бы на слѣдующей страницѣ не заговорить стихами! Лучше кончить письмо, передавъ вамъ привѣтствіе Эвелины. Не браните насъ! Милости просимъ къ намъ.

Благодарная ученица ваша и вѣрный другъ
Беатриса Гэмлинъ“.

По мѣрѣ чтенія, голосъ Андреа становился все рѣзче, звучалъ негодованіемъ; едва дочитавъ письмо до конца, старикъ со злостью смялъ его и бросилъ на полъ.

— Вздоръ!—гнѣвно крикнулъ онъ,—отъ начала до конца вздоръ и чепуха! А я-то считалъ ее умной дѣвушкой! Ищетъ здоровья въ Римѣ! Слышишь ты, здоровье и Римъ!!

Онъ злобно расхохотался и принялся ерошить жесткіе сѣдые волосы.

На лицѣ Джіусто изобразилось недоумѣніе.

— А какъ-же теперь signori?—пробормоталъ онъ.

— Какіе signori?—рѣзко переспросилъ Андреа.

Джіусто покраснѣлъ.

— Синьоръ Гуго...—прошепталъ онъ.

— Ахъ, синьоръ Гуго!—съ неудовольствіемъ повторилъ за нимъ старикъ,—по всей вѣроятности ничего съ нимъ не случится. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ, а онъ улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ, что синьорина знаетъ, что дѣлаетъ,—и ушелъ къ себѣ въ мастерскую; даже дверью хлопнулъ, будто каждая секунда ему дорога. Нѣтъ, мы не такъ любили, увѣряю тебя, Джіусто! Я, изъ-за моей Лотты, дрался на дуэли, да силой увезъ ее! Вѣрно и женщины теперь другія стали, такой любви не цѣнятъ!..

Джіусто внимательно слушалъ, глаза его разгорѣлись; наконецъ, онъ спросилъ:

— Но... съ кѣмъ же драться синьору Гуго?

Андреа свирѣпо повернулся къ нему спиной и отошелъ къ мольберту. По счастью, въ дверь постучались, и въ комнату вошелъ Гвидо.

Молодой человѣкъ очень возмужалъ за послѣдніе два мѣсяца, поблѣднѣлъ, похудѣлъ, сталъ сдержаннѣе и серьезнѣе,—красивъ былъ попрежнему, но болѣе зрѣлой, осмысленной красотой. Только въ манерахъ его появилось какое-то безпокойство, замѣнившее былую лѣнивую грацію. Гуго не разъ говорилъ, что онъ слишкомъ заработался надъ своей картиной.

— Маэстро, одолжите мнѣ красной краски!—быстро заговорилъ онъ,—у меня вся вышла, куплю завтра.

— Возьми. А я письмо получилъ отъ синьорины Гэмлинъ...

— Онѣ здоровы?—съ живостью освѣдомился Гвидо.

— Повидимому,—съ неудовольствіемъ произнесъ Андреа,—но сюда не вернутся.

Джіусто съ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ приметъ Гвидо это извѣстіе, и замѣтилъ, что молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ.

— Почему?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Ты можешь самъ прочесть письмо,—отвѣчалъ Андреа и пинкомъ ноги швырнулъ къ нему скомканную бумажку,—у меня не хватитъ терпѣнья еще разъ читать эту ерунду. Онѣ, изволишь-ли видѣть, ѣдутъ въ Римъ „для поправленія здоровья“! Посмотри, что навѣрно схватятъ неизлѣчимую малярію и переймутъ римскій стиль въ живописи... А я то считалъ ее умной дѣвушкой!

Гвидо поднялъ письмо и унесъ его съ собой. По прочтеніи, онъ подумалъ, что дѣло еще не такъ плохо, какъ онъ опасался. До свиданья съ Эвелиной пройдетъ не два, а четыре мѣсяца, но, по здравомъ размышленіи, это, пожалуй,

будетъ и лучше. Картина его, къ тому времени, уже попадетъ на выставку и навѣрно будетъ замѣчена,—внутреннее убѣжденіе говорило ему это! Тогда онъ съ болѣе легкимъ сердцемъ будетъ добиваться руки любимой дѣвушки.

Положимъ, есть одинъ пунктъ, который нѣтъ-нѣтъ да и кольнетъ его совѣсть... Но это предразсудокъ, пустяки...

— Все перемелется!—утѣшалъ онъ себя,—Гуго не дуракъ.. Никакой непріятности не можетъ случиться!..

XVI.

Кромѣ того, Гвидо былъ увѣренъ, что не Эвелина пожелала ѣхать въ Римъ раньше времени.

— Это выдумка ея пріятельницы! — рѣшилъ онъ, и не ошибся.

То, что Беатриса подмѣтила при лунномъ свѣтѣ въ San Miniato, заставило ее не шутя призадуматься. Во многомъ винила она себя: не она-ли, старшая, прозѣвала опасность, которой подвергалась ея подруга? Она упрекала себя въ эгоизмѣ, въ недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей, принятыхъ на себя (хоть и добровольно) по отношенію къ Эвелинѣ. Эвелина молода, хороша, довѣрчива и неопытна: надо бы это помнить! Самомнѣніе „иныхъ людей“ она чистосердечно могла принять за сознаніе собственнаго достоинства,—и вотъ плоды: увлеченіе этимъ... антипатичнымъ (Беатрисѣ) мальчишкой! Хотя она ровно ничего худого не знала за Гвидо Гвидотти, но мысль, что Эвелина могла отдать ему свое сердце, была Беатрисѣ невыносима.

Тѣмъ не менѣе, навѣрно она ничего не знала: Эвелина ей ничего не говорила.

Беатриса хваталась за соломинку, стараясь увѣрить себя, что между ея подругой и Гвидо просто возникла нѣжная дружба, которая не устоитъ передъ дѣйствіемъ разлуки и времени.

Послѣ долгихъ, мучительныхъ размышленій, она написала извѣстное уже читателю письмо къ Андреа Вивальди. Поѣздка на зиму въ Римъ представлялась ей самымъ простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для прекращенія всякихъ недоразумѣній. Разстояніе между Римомъ и Флоренціей достаточно велико, чтобы устранить нежелательную между молодыми людьми близость, если она не успѣла еще перейти въ любовь; въ противномъ случаѣ,—Римъ вѣдь не за тридевять земель! Стать влюбленнымъ поперекъ дороги,— Беатриса тоже не считала себя въ правѣ. Нельзя сказать, чтобы рѣшеніе не возвращаться во Флоренцію приходилось

по душѣ самóй благоразумной Беатрисѣ... Не видѣться такъ долго съ Гуго было ей очень тяжело! Но она считала себя обязанной принести эту жертву, ради Эвелины. Объ одномъ она не подумала: не всегда наши жертвы приносятъ пользу ближнему!

Оставалось узнать мнѣніе самой Эвелины.

Однажды молодыя дѣвушки сидѣли на опушкѣ еловаго лѣса, надъ Люцерномъ, и Беатриса рѣшилась, наконецъ, высказаться.

Эвелина прислонилась къ древесному стволу и вздохнула, обмахиваясь своей широкополой шляпой.

— Здѣсь хорошо,— сказала она, любуясь прекраснымъ видомъ, разстилавшимся у ихъ ногъ.

— Какъ-то намъ покажется Италія послѣ Швейцаріи?

— Навѣрно прекраснѣе, чѣмъ когда либо! Вспомни только нашу милую, несравненную Флоренцію!

— Тебѣ было-бы очень жаль, Эвелина, если бъ мы зимой не вернулись во Флоренцію?

— Не вернулись во Флоренцію?—испуганно переспросила Эвелина,—развѣ тебѣ самой не хочется вернуться?

— Знаешь, мнѣ кажется, мы черезчуръ пренебрегаемъ прочими городами Италіи! Не попутешествовать-ли намъ? Ты еще не видала Рима...

— Да, но...

Беатриса не знала, что говорить дальше; она такихъ затрудненій почему-то не предвидѣла.

— Значитъ, тебя въ Римъ не тянетъ?

— Я предпочла бы вернуться во Флоренцію...

— Но это можно сдѣлать и весной. Зачѣмъ спѣшить?

Послѣ минутнаго молчанія, Эвелина спросила:

— А тебѣ очень хочется ѣхать въ Римъ, Беатриса?

— Да, очень. Я хочу побывать на выставкѣ.

Эвелина въ изумленіи взглянула на нее.

— Выставка откроется только въ декабрѣ!

— Не одна выставка манитъ меня! Но если тебѣ такъ ужъ не хочется... вернемся во Флоренцію.

Но тутъ и Эвелина сочла своимъ долгомъ принести жертву подругѣ...

— Мы поѣдемъ въ Римъ!—сказала она.

Въ эту самую минуту въ рощѣ раздались голоса, и двѣ знакомыя фигуры подошли къ подругамъ: то были миссъ Бланшъ Гріерсонъ и Герри Плейдель. Бланшъ до того изумилась, при видѣ Беатрисы и Эвелины, что уронила свою альпійскую палку.

— Вы здѣсь?—ахнула она,—какая прелесть! Какой сюрпризъ! Когда пріѣхали? Гдѣ остановились? На долго-ли?

— Я чрезвычайно радъ видѣть васъ!—съ достоинствомъ произнесъ Плейдель.

— Какъ это удивительно, что мы опять всѣ сошлись!—восторгалась миссъ Бланшъ, бросаясь на траву,—а мы вотъ познакомились съ мистеромъ Плейделемъ, и такъ сошлись, такъ подружились! Тетя очень цѣнитъ его благовоспитанность и умъ. Онъ оказался сыномъ ея стариннаго пріятеля. Ахъ, я слышала, что вы были больны, миссъ Грей? Но теперь поправились? Это отлично.

— Надѣюсь, тетушка ваша здорова?—вставила, наконецъ, Эвелина.

— Благодарю васъ. И слава Богу, что здорова, иначе я должна бы дежурить возлѣ нея, и о прогулкахъ не могло бы быть рѣчи!

Миссъ Бланшъ растянулась на травѣ, картинно выставивъ свои ботинки и болтала, болтала безъ умолку; изрѣдка Плейдель, съ видомъ покровительства и превосходства, подавалъ ей реплики,—остальныя не находили ни времени, ни возможности вставить въ разговоръ ни полслова.

XVII.

Послѣ первой минуты неудовольствія, Гуго точно такъ же, какъ и Гвидо, подчинился рѣшенію молодыхъ дѣвушекъ.

Гуго твердо рѣшился не выдавать пока своей сердечной тайны Беатрисѣ; пребываніе ея въ одномъ съ нимъ городѣ дѣлало эту задачу труднѣе и мучительнѣе. Онъ рѣшилъ теперь, что поѣдетъ въ Римъ, пробудетъ нѣкоторое время въ ея обществѣ, а затѣмъ, передъ окончательной разлукой, откроетъ ей свои чувства, ничего взамѣнъ не прося и ни на что не надѣясь,—а просто, чтобы облегчить свое сердце. Что скажетъ она въ отвѣтъ? Не можетъ-же разсердиться! Огорчаться тоже нечѣмъ. Обрадуется? При этой мысли сердце Гуго готово было выскочить изъ груди. Какъ ни скроменъ бываетъ человѣкъ, а все, гдѣ-то въ тайникѣ души, хранитъ лучъ надежды на исполненіе завѣтной мечты.

Мысль о Гвидо безпокоила Гуго: онъ ясно видѣлъ, что другъ его не особенно счастливъ. Андреа тоже не разъ обращалъ вниманіе сына на частые припадки унынія, нападавшіе на молодого Гвидотти и быстро смѣнявшіеся какою-то лихорадочною дѣятельностью и прилежаніемъ.

— Вѣрно мучается надъ картиной!—говаривалъ сыну старикъ:—развѣ ты не можешь, Гуго, помочь ему?

— Какъ ты думаешь, отецъ, могу я жить за него?

— А мнѣ кажется, что онъ не просто живетъ, а терзается, мучается...

— Но чѣмъ-же? Долговъ у него нѣтъ, если бъ влюбился,— сказалъ бы намъ. Картина, по его словамъ, удается...

— Онъ рѣдко сталъ бывать у насъ...

— Что же дѣлать? Занятъ! Нельзя же водить его на помочахъ.

Старикъ ничего больше не находилъ сказать; но про себя нерѣдко бормоталъ тосканскую пословицу: „раненому труднѣе всѣхъ добраться до дверей врача“—и ближе былъ къ истинѣ, чѣмъ самъ думалъ. У Гвидо было нелегко на душѣ, и онъ очень нуждался въ помощи, но получить ея ни откуда не могъ.

Съ того самаго дня, какъ онъ набросалъ эскизъ по замыслу Гуго, чтобы показать, какъ онъ, на мѣстѣ друга, написалъ-бы картину,—покой его исчезъ. Теперь ужъ онъ не могъ иначе представить себѣ „Побѣду“, какъ въ томъ самомъ видѣ. Онъ боролся съ искушеніемъ, пытался забыть видѣнное,—но другую „Побѣду“ изобразить на полотнѣ не могъ. Онъ предался мрачному отчаянію и нѣсколько дней не находилъ себѣ мѣста отъ тоски.

И вдругъ, словно дьяволъ-искуситель началъ ему нашептывать въ уши: „Если ты будешь противиться, то непремѣнно сойдешь съ ума. Берись за кисть и пиши. Можешь не посылать картину на выставку, но пиши ее для себя, для своего облегченія. На тебя нашло вдохновеніе, и ты не смѣешь идти ему наперекоръ“!

И онъ началъ писать... Мысли его приняли нѣсколько иное направленіе.

— Я чувствую, что выполню это какъ слѣдуетъ, а Гуго сдѣлать этого не можетъ. Въ моемъ исполненіи „Побѣда“ сдѣлается неузнаваемой! Гуго, пожалуй, не догадается, откуда я заимствовалъ сюжетъ. Я самъ иногда сомнѣваюсь, дѣйствительно-ли разрабатываю чужую идею. Да и что невѣроятнаго, что намъ, привыкшимъ встрѣчаться мыслями, — „Побѣда“ представилась въ одномъ и томъ-же видѣ? Мы и въ убѣжденіяхъ почти всегда сходимся. Чего естественнѣе, что въ критическую минуту насъ осѣнила одна и та-же мысль? Скорѣе было-бы странно, если бъ этого не случилось!

Благодаря такимъ подтасовкамъ совѣсти, Гвидо началъ смотрѣть на себя объективно, интересуясь только показной стороной дѣла.

Бывали, однако, минуты внутренняго разлада, когда онъ готовъ былъ сжечь полотно, предпочитая надолго остаться неизвѣстнымъ художникомъ, лишь бы не сдѣлаться вѣроломнымъ другомъ. Раскаяніе обыкновенно находило на него послѣ свиданій и бесѣдъ съ Андреа и Гуго Вивальди... Поэтому онъ сталъ все больше и больше отдаляться отъ нихъ.

Сначала онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что не пошлетъ свою картину на выставку и, такимъ образомъ, не терялъ окончательнаго уваженія къ себѣ; но время шло, а съ нимъ росло убѣжденіе въ несомнѣнномъ, неоспоримомъ успѣхѣ. И онъ покорился искушенію и не задавалъ себѣ больше никакихъ вопросовъ.

Недѣли летѣли за недѣлями.

Гуго тоже, не унывая, прилежно писалъ себѣ да писалъ; онъ не задавался честолюбивыми мечтами, а просто любилъ работу и находилъ въ ней удовлетвореніе.

XVIII.

Однажды вечеромъ, въ началѣ декабря, Гвидо вошелъ въ кафе Via Maggia; тамъ частенько собирался кружокъ его пріятелей.

— Ба, кого я вижу?—изумился одинъ изъ нихъ, преувеличивая свое недоумѣніе при появленіи Гвидо.

— Наконецъ-то!—крикнулъ другой.

— Давно-ли изъ плаванія вернулся?—шутилъ третій.

— Или жена твоя выгнала тебя изъ дому? — острилъ четвертый.

— Какъ здоровье синьоры, твоей супруги, Гвидо?

— Готова, готова!—весело объявилъ Гвидо, смѣло выдержавъ перекрестный огонь шутокъ и здороваясь съ компаніей.

Начались поздравленія, добрыя пожеланія, просьбы немедленно вести въ мастерскую и показать свое произведеніе.

— Ни за что!—сказалъ Гвидо рѣшительно. — Вивальди еще не видали моей картины, имъ принадлежитъ первое мѣсто!

— Господи, сколько торжественности, подумаешь!—засмѣялся кто-то,—передъ вами будущая знаменитость, друзья мои!

— Не откажи въ протекціи, Гвидо!

— На верху славы, вспомни товарищей!

— Когда получишь медаль, закажи мнѣ рамку!

— Господа, я уничтоженъ, подавленъ вашими остротами!—весело засмѣялся Гвидо; но товарищи не унялись, а подхватили его на руки и начали качать.

Кончилось тѣмъ, что онъ пригласилъ ихъ на слѣдующій день „вспрыснуть“ картину.

Хотя Гуго началъ свою картину раньше, но не считалъ ее показной, а потому былъ удивленъ, когда Гвидо пригласилъ ихъ съ отцомъ подняться наверхъ, въ мастерскую, и высказать свое мнѣніе о его произведеніи.

— Ты не терялъ, однако, времени, братецъ. А я какъ черепаха, все еще доползти не могу.

— Но вѣдь и ты скоро кончишь, Гуго?

— Черезъ недѣлку, вѣроятно, кончу. Но ты началъ позже меня...

Гвидо вспыхнулъ, а Гуго продолжалъ:

— Удивительные у тебя пальцы: на видъ хрупкіе и тоненькіе, а въ нихъ таится волшебная сила.

— Сначала погляди ихъ работу, а потомъ хвали...—возразилъ Гвидо, безпокойно улыбаясь.

— Пойдемъ, отецъ! —сказалъ Гуго, и всѣ отправились наверхъ.

Дрожащей рукой повернулъ Гвидо мольбертъ къ свѣту; сердце его билось до боли; онъ проклиналъ свое малодушіе, но никакъ не могъ совладать со своими нервами. Андреа, горя нетерпѣніемъ, крикнулъ ему, наконецъ, чтобы онъ оставилъ мольбертъ въ покоѣ.

Когда Гвидо посторонился, старый Вивальди жадно принялся разсматривать картину съ разныхъ сторонъ.

Гвидо напряженно ждалъ хоть одного слова со стороны Гуго, но тотъ молчалъ, а Гвидо боялся взглянуть на него.

Наконецъ, старикъ одобрилъ картину въ смыслѣ техники и заинтересовался сюжетомъ.

— Превосходно, братецъ, великолѣпно!—сказалъ онъ,—ты у меня молодецъ, я горжусь тобою! Только объясни мнѣ поподробнѣе сюжетъ.

Гвидо засмѣялся не совсѣмъ натурально.

— „Побѣда" собирается вѣнчать воина лаврами,—монотоннымъ голосомъ началъ онъ, подобно хозяевамъ звѣринцевъ, музеевъ и балагановъ,—народъ усыпаетъ путь ея розами, только одна бѣдная женщина въ траурѣ указываетъ на кровавыя пятна, которыми замарано платье „Побѣды"—и протягиваетъ ей терновый вѣнокъ...

— Странная, причудливая мысль!—сказалъ старикъ,—какъ это она пришла тебѣ въ голову?

Къ своему собственному удивленію, Гвидо небрежно отвѣтилъ:

— Развѣ идея плоха? Страсти людскія въ лицахъ!..

Но Андреа больше остался доволенъ техникой, чѣмъ сюжетомъ, и спросилъ мнѣніе сына.

Нервы Гвидо дошли до послѣдней степени напряженія...

Но Гуго самымъ обыкновеннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— По моему, и сюжетъ, и исполненіе превосходны! Поздравляю тебя, Гвидо!

Облегченіе для Гвидо было такъ велико, что равнялось

душевному потрясенію; онъ съ трудомъ удержался отъ невольнаго крика.

— Ничего не подозрѣваетъ... Да оно и понятно! Между картинами нѣтъ ни малѣйшаго сходства! Какой я былъ дуракъ!—радостно подумалъ Гвидо.

Съ облегченнымъ сердцемъ онъ сталъ готовиться къ пирушкѣ со друзьями и товарищами.

Тѣмъ временемъ Гуго вернулся въ свою мастерскую, отпустилъ натурщиковъ и заперъ за ними дверь. Лицо его было такъ блѣдно, что онъ, казалось, близокъ былъ къ потерѣ сознанія.

Больше часу просидѣлъ онъ передъ мольбертомъ; руки его безпомощно висѣли по бокамъ, глаза устремлены были на лицо „Побѣды", напоминавшей Беатрису Гэмлинъ...

Затѣмъ онъ встрепенулся, схватилъ ножъ, изрѣзалъ всю картину на мелкіе клочки и сжегъ ихъ въ каминѣ.

Но онъ ни разу не заподозрилъ истины: вся исторія казалась ему случайнымъ совпаденіемъ, трагическимъ для него,—вотъ и все.

XIX.

Вечеромъ, Гуго долженъ былъ сознаться отцу, что онъ испортилъ свою картину и вслѣдствіе этого сжегъ ее.

Старикъ всплеснулъ руками и въ отчаяніи не находилъ словъ.

— Все равно,—монотонно сказалъ Гуго,—вѣдь медали мнѣ бы не присудили.

Съ этими словами онъ всталъ и хотѣлъ уйти къ себѣ.

— Стой!—грозно крикнулъ старикъ,—ты не лжешь мнѣ?

— Почему это тебѣ вообразилось?

— Почему?.. До сихъ поръ я считалъ тебя благороднымъ, великодушнымъ человѣкомъ... Неужели ты вдругъ окажешься мелочнымъ, завистливымъ пошлякомъ, который съ ума сходитъ отъ того, что другъ талантливѣе его? Скажи мнѣ по чистой совѣсти, Гуго, ты не перемѣнишься къ Гвидо?

— Клянусь тебѣ, отецъ,—яснымъ и твердымъ голосомъ проговорилъ Гуго,—клянусь Всевышнимъ Богомъ, что душа моя чиста отъ зависти! Дивная картина Гвидо не имѣетъ никакого отношенія къ моей неудачѣ,—я искренно радуюсь его успѣху!

— Прости меня, Гуго! Я заподозрилъ тебя въ дурномъ чувствѣ!

Гуго обнялъ огорченнаго старика.

Когда Гвидо узналъ о несчастьѣ, постигшемъ картину

Гуго, онъ смутился душой и почувствовалъ нѣчто весьма похожее на угрызенія совѣсти. Онъ, конечно, понялъ, что случайность тутъ ни при чемъ, а катастрофа несомнѣнно результатъ великодушнаго самопожертвованія его друга.

— 'Да, но кто его объ этимъ просилъ?

Гвидо почти негодовалъ за великодушіе, нарушившее его душевное равновѣсіе. Теперь ему казалось внѣ всякаго сомнѣнія, что обѣ картины смѣло можно было послать на выставку,—хотя раньше смущался при этой мысли. Но безразсудный поступокъ совершонъ, и возврата нѣтъ; Гвидо оставалось одно: послѣдовать примѣру друга. Сослаться на второй несчастный случай глупо и невозможно; но онъ рѣшилъ не посылать своей картины на выставку.

Не успѣла эта мысль придти ему въ голову, какъ онъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, уже бросился въ мастерскую Гуго, горя нетерпѣніемъ поскорѣе сообщить ему о своемъ рѣшеніи. Онъ засталъ Гуго за маленькой жанровой картиной, начатой старикомъ Вивальди.

— Гуго!—пылко началъ Гвидо, врываясь въ мастерскую,—я никакъ не могу найти сюжета для второй картины англичанину, купившему моего мальчика у фонтана!

Гуго поднялъ голову и улыбнулся.

— Какой ты ненасытный! Я думаю, на твоей „Побѣдѣ" и краски еще не высохли.

— Мнѣ надо писать, чтобы жить,—пояснилъ Гвидотти.

— А отъ „Побѣды", разумѣется, ничего не ждешь?

— Теперь нѣтъ, такъ какъ на выставку она не пойдетъ.

— Это почему?—спросилъ Гуго, сдвигая свои черныя брови.

— Ты развѣ забылъ наше условіе? Если ты пошлешь картину, долженъ послать и я. Ты не посылаешь, слѣдовательно...

Гуго молча писалъ нѣкоторое время, затѣмъ взялъ кисть въ зубы и посмотрѣлъ на Гвидо. Взглядъ его смягчился.

— Не дури!—сказалъ онъ и протянулъ другу руку.

Но Гвидо стоялъ на своемъ.

— Я говорю серьезно!

— Не сомнѣваюсь!—Гуго вынулъ кисть изо рта и положилъ ее,—условіе заключалъ ты одинъ, Гвидо, а я даже не поддакивалъ. Смѣшно придавать этому значеніе. Брось глупыя щепетильности, и не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Все равно, я такъ рѣшилъ!—упрямо твердилъ Гвидо.

— Заладилъ свое! — смѣясь, сказалъ Гуго,—пойдемъ-ка лучше, пройдемся, авось, воздухъ освѣжитъ твою упрямую голову.

— И укрѣпитъ въ моемъ рѣшеніи!—засмѣялся и Гвидо.

Они вышли и направились къ горѣ Bellosguardo.

Воздухъ былъ ясный и морозный; окрестныя горы окутаны были снѣжной пеленой; но солнце ярко свѣтило, и сквозь взрытую почву виноградниковъ уже начинали весело пробиваться головки аконита.

— Послушай, дружище, —началъ Гуго Вивальди,—какую принесетъ мнѣ пользу твое рѣшеніе не посылать картину на выставку?

— Я думаю не о тебѣ, а о себѣ!—отвѣтилъ Гвидо, не воображая, насколько онъ близокъ къ истинѣ,—я не желаю пользоваться преимуществами, которыхъ ты не раздѣляешь.

— Понимаю. Но я все равно не воспользовался-бы преимуществами, какъ ты ихъ называешь. Между мною и тобою громадная разница. Кромѣ того, масса другихъ художниковъ затмятъ меня; они и тебѣ уступятъ не безъ борьбы, знай это. Предположимъ, что мы оба отправили бы свои картины въ Римъ, и ты бы получилъ медаль; неужели ты не взялъ бы ея, только потому, что я не заслужилъ ея?

— Ахъ, Гуго, это совсѣмъ не то... Ты не понимаешь...

Дружеское довѣріе только бередило больную совѣсть Гвидо,—хуже чѣмъ самые горькіе упреки.

— Нѣтъ, я, кажется, понимаю,—ласково возразилъ младшій Вивальди:—скорѣе ты не понимаешь, что твое упрямство обидитъ и меня, и отца.

— Неужели дѣйствительно обидитъ?—заколебался Гвидо

— Конечно! Да я этого и не допущу! Ты не имѣешь права огорчать насъ! Я и такъ убитъ несчастьемъ съ моей картиной...

Гвидо поморщился при напоминаніи объ уничтоженной картинѣ.

— Если это тебѣ послужитъ утѣшеніемъ, я пошлю картину,—несмѣло продолжалъ онъ и съ живостью заключилъ,—но помни, что я дѣлаю это по твоему настоянію.

Что-то въ тонѣ послѣдней фразы покоробило Гуго и онъ засмѣялся.

— Разумѣется. Не лучше-ли надписать на рамѣ: „выставляется по настоятельной просьбѣ такого-то?“ Такъ или иначе, но посылай.

Обратный путь прошелъ въ молчаніи. Гуго пытался было затѣять разговоръ о постороннихъ предметахъ, но Гвидо отвѣчалъ лѣниво и разсѣянно. Оба обрадовались, завидѣвъ Джіусто, бесѣдовавшаго съ солдатами.

Гвидо свистнулъ, и мальчикъ немедленно подбѣжалъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь съ солдатами?

— Разсказывалъ имъ сказку!—съ важностью пояснилъ Джіусто и пошелъ рядомъ со своими друзьями.

Дойдя до дверей дома, Гвидо спросилъ мальчика:

— Можетъ быть, ты хочешь зайти?

Джіусто просіялъ.

— Я ужъ чуть не полгода не былъ у васъ въ мастерской, синьоръ! И картины вашей не видалъ еще.

Гвидо взялъ съ его собой наверхъ; поднимаясь по лѣстницѣ, онъ сказалъ:

— Ты знаешь, мы никому не показываемъ своихъ картинъ на медаль, пока онѣ не вполнѣ закончены.

Войдя въ мастерскую, онъ принялся зажигать лампу; а Джіусто стоялъ терпѣливо и крѣпко задумался: ему вдругъ припомнилась сцена, мелькомъ видѣнная на порогѣ мастерской Гуго Вивальди.

Наконецъ, онъ спросилъ:

— Синьоръ, но вѣдь вы и синьоръ Гуго показывали другъ другу свои картины?

— Нѣтъ, даже другъ отъ друга скрывали ихъ,—пояснилъ Гвидо. Въ эту минуту мастерская освѣтилась,—подойди, посмотри!—разрѣшилъ художникъ.

Съ минуту мальчикъ смотрѣлъ на картину, затѣмъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— Что это? Что это значитъ?

Гвидо былъ пораженъ произведеннымъ на мальчика впечатлѣніемъ.

— Значеніе картины слѣдующее, другъ мой,—наставительно началъ онъ:—„Побѣда“ хочетъ вѣнчать воина лавровымъ вѣнкомъ, а ей предлагаютъ терновый вѣнецъ! Розы не могутъ затмить крови на одеждѣ побѣдителей!

Но Джіусто едва-ли понялъ объясненіе. Широко раскрытые, испуганные глаза его неподвижно устремлены были на говорящаго.

— Ты боленъ?—спросилъ Гвидо и хотѣлъ дотронуться до его плеча. Но мальчикъ въ ужасѣ отшатнулся.

— Ты съ ума сошелъ? -гнѣвно крикнулъ Гвидо.

— Нѣтъ, теперь я больше не сумасшедшій!—прошепталъ потрясенный Джіусто, закрывая лицо руками.

Гвидо, думая, что его слишкомъ сильно поразила картина, смягчилъ тонъ.

— Ты пожелаешь мнѣ счастья, Джіусто?

— О, счастья!.. Много, много счастья!—мальчикъ взглянулъ на Гвидо и визгливо засмѣялся. Затѣмъ опрометью бросился вонъ изъ комнаты, хлопнулъ дверью въ прихожей и понесся внизъ по лѣстницѣ, безпорядочно повторяя:

— Счастья!.. Побѣда!.. Лавровый вѣнокъ... Терновый вѣнецъ!..

Въ юной душѣ его произошелъ страшный переворотъ: онъ понялъ, что прекрасный „принцъ“ оказался воромъ,

обокралъ своего лучшаго друга! Онъ узналъ въ картинѣ Гвидо мысль Гуго Вивальди и угадалъ, что сдѣлалъ его кумиръ. Онъ вспомнилъ до мельчайшихъ подробностей, какъ нечаянно увидалъ его тогда, передъ картиной Вивальди, вспомнилъ поспѣшное бѣгство его черезъ другую дверь, когда послышались голоса Андреа съ сыномъ... А теперь онъ-же, Гвидо, сказалъ Джіусто, что никогда не видалъ картины Гуго!..

О, какая гнусная измѣна! Какое вѣроломство!

Дѣтское сердце Джіусто разрывалось отъ боли, пока онъ бѣжалъ домой, словно за нимъ гнались привидѣнія.

XX.

Гвидо получилъ вторую медаль на выставкѣ въ Римѣ, кромѣ того, похвальный отзывъ. Картина его была замѣчена и судьями, и публикой, и иностранными любителями и меценатами. Молодой художникъ изъ мрака неизвѣстности сразу достигъ славы и заставилъ говорить о себѣ.

Всѣ мало-мальски вращающіеся въ мірѣ артистовъ стремились съ нимъ познакомиться, а тѣ, кому это удавалось, были очарованы его красотой и привѣтливостью.

Его чествовали и носили на рукахъ, гдѣ бы онъ ни появлялся въ Римѣ. Пріѣхалъ онъ туда вмѣстѣ съ Гуго Вивальди и теперь, смѣясь, разсказывалъ друзьямъ, что у него нѣтъ ни минуты свободной, и если бъ онъ зналъ, что извѣстность синонимъ рабства, то предпочелъ-бы вѣкъ не быть съ нею знакомымъ. Но сквозь его шутливыя слова сквозила неподдѣльная радость; онъ весь сіялъ, на губахъ играла жизнерадостная улыбка, рѣчи звучали беззавѣтнымъ весельемъ.

Гуго отъ чистаго сердца радовался счастью своего друга и, подсмѣиваясь надъ его популярностью, въ глубинѣ души гордился ею.

Прошло нѣсколько недѣль въ шумныхъ оваціяхъ и непрерывныхъ чествованіяхъ,—и Гвидо все это наскучило.

Эвелина была съ нимъ попрежнему мила и привѣтлива, но какъ-то сдержаннѣе; ему страстно хотѣлось выяснить ихъ отношенія и узнать разъ навсегда, можетъ-ли онъ надѣяться на ея взаимность.

Однажды утромъ, вставъ послѣ безсонной ночи, Гвидо рѣшилъ въ этотъ-же день объясниться съ молодой дѣвушкой и отправился къ ней. Но Эвелины дома не оказалось. Привратникъ словоохотливо объяснилъ художнику, что синьорина Гэмлинъ поѣхала съ какой-то своей соотечественни-

цей осматривать достопримѣчательности Рима, а синьорина Грэй навѣрно отправилась въ церковь Santa Trinita, слушать пѣніе монахинь. Не желаетъ ли синьоръ войти и подождать? Но Гвидо ждать отказался, а прямо пошелъ въ указанную церковь. По обѣимъ сторонамъ каменной лѣстницы и на паперти сидѣли группы нищихъ и натурщиковъ въ живописныхъ лохмотьяхъ; первые выставляли на показъ свою худобу, ужасныя болѣзни, язвы и уродства; послѣдніе болтали и смѣялись между собою, рисуясь пластичными позами и классическими поворотами головы и корпуса. Между зѣваками былъ старикъ, закутанный въ длинный сѣрый плащъ и въ нахлобученной на глаза шляпѣ. Старикъ слѣдилъ за Гвидо, пока тотъ поднимался на паперть и входилъ въ соборъ; тогда и онъ послѣдовалъ за нимъ.

Гвидо скоро нашелъ Эвелину около колонны, подождалъ окончанія службы и поздоровался съ молодой дѣвушкой лишь тогда, когда вышелъ вслѣдъ за нею на паперть.

— Съ добрымъ утромъ, синьорина! Можно проводить васъ домой?

— Я еще домой не собираюсь! — отвѣчала Эвелина, подавая ему руку.

— А куда-же вы направляете свой путь?

— Въ сады Медичи.

Гвидо пошелъ рядомъ съ нею.

— Замѣтили вы въ церкви старика?—спросила она, понижая голосъ.

— Какого старика? Нѣтъ, не замѣтилъ. А что?

— Видъ у него ужасный... Но всего ужаснѣе его сходство съ маэстро Вивальди... Я сначала думала, что это онъ...

Гвидо засмѣялся.

— Маэстро здѣсь нѣтъ.

— Я знаю. Да и такого злого лица у нашего стараго друга никогда не было!

— Скажите мнѣ лучше, синьорина, почему вы какъ будто избѣгаете меня? Вы ни минуточки мнѣ не удѣлили съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Римъ! А я только встрѣчи съ вами и ждалъ! Только этой мечтою и жилъ!

Въ голосѣ его звучала страсть, такое же чувство горѣло въ его черныхъ глазахъ. Сердце Эвелины трепетно билось, сладкое чувство закралось въ него.

Они шли уже по саду, и молодая дѣвушка протянула руку, словно ища опоры въ низенькой каменной стѣнѣ, которая тянется до дороги въ виллу Borghese.

Гвидо продолжалъ все тѣмъ-же голосомъ:

— Я думалъ, что мы уже поняли другъ друга, безъ лишнихъ словъ... Успѣхъ и слава для меня вещь второстепен-

ная... или, лучше сказать, я цѣню это для васъ... чтобы вы могли гордиться мной! Или вы меня не любите?—Тогда... я жалкій, несчастный человѣкъ!

Съ минуту они пристально глядѣли другъ другу въ глаза и онъ протянулъ къ ней руки.

— Эвелина!

Она оперлась о стѣнку и вся дрожала отъ волненія.

— Я испугалъ васъ? Богу одному извѣстно, сколько въ сердце моемъ нѣжности къ вамъ... Вы плачете? Дорогая! Скажите слово, пожалѣйте меня! Я не сойду съ мѣста, пока вы не рѣшите мою участь!

Онъ опустился на колѣни и съ мольбою простеръ къ ней руки.

Она нагнулась къ нему и отвѣтила взглядомъ, полнымъ любви и счастія. Очевидно, словъ она не могла найти. Еще минута—и поцѣлуй скрѣпилъ бы ихъ договоръ, какъ вдругъ глаза ея расширились отъ ужаса, губы полуоткрылись, черты лица застыли. Въ то-же мгновеніе чья-то тяжелая рука опустилась на плечо Гвидо, и бѣшеный голосъ прошипѣлъ:

— Воръ!

Гвидо вскочилъ на ноги и очутился лицомъ къ лицу съ Андреа Вивальди. Глаза старика налились кровью, лицо потемнѣло, черты выражали ненависть и презрѣніе.

— Воръ!—хрипло повторилъ онъ,—не смѣй прикасаться къ ней! Развѣ ты стоишь ея любви? Ты измѣной отплатилъ другу твоему!

Гвидо поблѣднѣлъ отъ ярости: ужъ не лишился ли старикъ разума?

— Какъ смѣете вы ругать и поносить меня? Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я тебя ненавижу!

Эвелина съ горестнымъ восклицаніемъ ужаса встала между ними.

— Маэстро! Маэстро! Придите въ себя! Опомнитесь! Вѣдь это Гвидо, вашъ пріемный сынъ... А я ваша ученица... Вы не узнали насъ? Протяните ему руку, поговорите съ нимъ...

— Да,—зловѣщимъ тономъ произнесъ Андреа,—я поговорю съ нимъ... когда вы уйдете отсюда!

— Это вамъ слѣдуетъ уйти!—крикнулъ Гвидо въ порывѣ злобы,—какъ вамъ не стыдно шпіонить за нами! Ваше появленіе неумѣстно... а за такія оскорбительныя слова другому досталось бы отъ меня! Уходите сію минуту, а не то...

Онъ занесъ было руку. Андреа не шевельнулся, но Эвелина со страхомъ крикнула:

— Гвидо! Не забывайте,—кѣмъ онъ былъ для васъ всю жизнь!

— Развѣ это даетъ ему право оскорблять меня теперь? До сихъ поръ я считалъ васъ отцомъ, лучшимъ другомъ моимъ...

— За это ты ограбилъ моего сына?—возразилъ Андреа.

Постепенно Гвидо началъ понимать, въ чемъ дѣло; но если даже старикъ узналъ всю правду, то неужели такія оскорбленія позволительны? Да и какъ могъ онъ узнать?

— Ахъ, я знаю навѣрно, что вы жертва ужасной ошибки!—пылко вмѣшалась Эвелина,—о, маэстро, какъ можете вы подозрѣвать Гвидо въ такомъ гнусномъ преступленіи? Мнѣ совѣстно даже повторять ваши слова! Какъ могли вы выговорить ихъ?

— Да, слова неправдоподобны, я знаю!—съ разстановкой сказалъ Андреа,—хотя цѣлыхъ три дня я повторяю ихъ себѣ! Гвидо воръ! Гвидо измѣнникъ... предатель!—тутъ хладнокровіе снова измѣнило старику, онъ не могъ болѣе сдерживаться,—подлецъ! негодяй, мерзавецъ! — неистово завопилъ онъ, — я тебя ненавижу!

Эвелина вздрогнула отъ отвращенія; ей было до крайности противно, что старый другъ ея отъ ярости превратился въ необузданнаго звѣря.

Гвидо, наоборотъ, выказалъ достоинство.

— Довольно!—презрительно сказалъ онъ,—если вы можете въ чемъ-нибудь обвинить меня, говорите, я буду по возможности отвѣчать вамъ. На вашу же безсмысленную ругань я отвѣчать не намѣренъ.

Онъ говорилъ смѣло; если онъ дѣйствительно угадалъ причину бѣшенства старика, то въ смѣлости было его единственное спасеніе.

Эвелина съ нѣжнымъ сочувствіемъ смотрѣла на него.

— Ты хочешь, чтобы я говорилъ при ней?—крикнулъ старикъ.

— Разумѣется.

— Прекрасно! Такъ пусть она насъ съ тобою разсудитъ.

— Подождите!—взмолилась молодая дѣвушка,—я отказываюсь слушать!

Гвидо поблѣднѣлъ.

— Вы боитесь выслушать то, что онъ про меня скажетъ?—съ горечью спросилъ онъ.

— Я? Боюсь? О, мой Гвидо!

— Значитъ?.

— Значитъ, я боюсь возненавидѣть этого старика, бывшаго моего и вашего друга! Я не желаю слышать ни слова изъ его нелѣпаго обвиненія и не буду судить васъ, Гвидо, потому что... люблю васъ!

Андреа застоналъ.

Гвидо схватилъ Эвелину за руки и взглянулъ на нее любовнымъ, благодарнымъ взглядомъ.

— Когда онъ все вамъ скажетъ, вы ему отвѣтите, а онъ попроситъ у васъ прощенія,—продолжала она,—тогда приходите ко мнѣ. Маэстро, я надѣюсь, что буду въ состояніи простить васъ!

Старый Вивальди поникъ головой.

Молодая дѣвушка высвободила свои руки и удалилась, оставивъ мужчинъ съ глазу на глазъ; черезъ нѣсколько минутъ тоненькая фигурка ея исчезла въ глубинѣ сада.

XXI.

— Ну!—быстро и повелительно произнесъ Гвидо,—что вы имѣете сказать мнѣ?

При первомъ звукѣ его голоса, прежняя неистовая злоба овладѣла старикомъ.

— А вотъ что!—накинулся онъ на Гвидо,—наконецъ-то я узналъ, каковъ ты гусь! Не притворяйся: отлично понимаешь! Я все знаю. Ты укралъ у моего сына идею картины! Подъ прикрытіемъ дружбы вывѣдалъ его тайну и похитилъ ее. За его заслугу ты получилъ награду и похвалу; изъ-за тебя онъ уничтожилъ свою работу! Ты заставилъ меня одно мгновеніе заподозрить великодушнаго сына моего въ зависти!

— Какое безуміе!—воскликнулъ Гвидо; но блѣдныя губы его дрожали. Насилу овладѣвъ собою, онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на старика.

— А что говоритъ самъ Гуго на вашу блестящую выдумку?

— Онъ едва-ли знаетъ о твоемъ вѣроломствѣ. Но я отомщу за него, и тогда онъ все узнаетъ. Для этого я тайкомъ пріѣхалъ въ Римъ и выслѣдилъ тебя, предатель! И какъ осмѣлился ты нечистыми руками прикоснуться къ синьоринѣ?

— Я не намѣренъ ни оправдываться, ни защищаться!—надменно сказалъ Гвидо,—нѣтъ смысла разговаривать даже съ человѣкомъ въ вашемъ состояніи. Если Гуго желаетъ...

— Ты не увидишь сына моего!—съ пѣной у рта крикнулъ Андреа,—сначала я раздѣлаюсь съ тобой! Мнѣ не словъ отъ тебя надо...

— Чего же?

— Мщеніемъ горитъ душа моя! Ты въ моей власти! Я заставлю тебя физически страдать, хочу насладиться твоими мученіями. Ты поблѣднѣлъ, негодяй, губы твои дрожатъ,—и это ужъ мнѣ пріятно! Но этого мало. Отецъ долженъ жестоко отомстить за поруганнаго и оскорбленнаго сына!

Гвидо отшатнулся. Легкомысленная и жизнерадостная натура его пришла въ ужасъ отъ этого дикаго изступленія. Тѣмъ не менѣе онъ попытался улыбнуться и спросилъ:

— Убить меня желаете?

— Можешь защищаться!

— Этого только не доставало! Извините, это черезчуръ смѣшно: затѣять кулачную расправу! Ну, а если не вы меня одолѣете, а я васъ?

— Пусть будетъ, что будетъ.

— Но я отказываюсь отъ драки.

— Презрѣнный трусъ! Даже отъ тебя я этого не ожидалъ!—пробормоталъ озадаченный Вивальди. Но прошло мгновеніе, и онъ съ быстротой молніи подскочилъ къ молодому человѣку и со всего размаху далъ ему пощечину.

Но Гвидо не тронулся съ мѣста; щека отъ удара покраснѣла, глаза его сверкнули гнѣвомъ.

— Не я, а ты трусъ, старикъ!—глухимъ голосомъ произнесъ онъ,—ты отлично знаешь, что я не подниму на тебя руку!

Андреа приходилъ въ отчаяніе и не зналъ, что дѣлать. Въ данный моментъ человѣкъ съ болѣе слабой волей оказывался сильнѣе и держалъ себя съ бо́льшимъ достоинствомъ. Андреа Вивальди былъ близокъ къ помѣшательству.

Съ минуту враги молча глядѣли другъ на друга; затѣмъ, не говоря ни слова, Гвидо повернулся, чтобы уйти. Андреа съ дикимъ ревомъ бѣшенаго звѣря загородилъ ему дорогу.

— Ни съ мѣста!

— Берегись!—съ угрозой произнесъ Гвидо, сжимая кулаки,—и моему терпѣнію можетъ быть конецъ! Не боюсь я тебя!

Гвидо поднялъ руку, чтобы отстранить противника съ дороги, но тотъ придалъ его жесту иное значеніе и съ хриплымъ, торжествующимъ крикомъ бросился на него. Гвидо не успѣлъ опомниться, какъ получилъ страшный ударъ куламъ между глазъ; онъ зашатался и упалъ, ударясь головой о низенькую каменную стѣну, около которой они стояли.

Андреа ждалъ, чтобы онъ поднялся на ноги,—но напрасно Гвидо простоналъ, разъ-другой, и умолкъ. Старикъ нагнулся и съ любопытствомъ заглянулъ въ посинѣвшее лицо юноши: глаза его были полуоткрыты и смотрѣли на Андреа; онъ положилъ руку на сердце Гвидо,—но не могъ подмѣтить никакихъ признаковъ жизни.

— Умеръ!—прошепталъ старикъ,—я убилъ его!—и онъ злобно пихнулъ ногой безжизненное тѣло,—жалко! Ты не страдалъ! Я не отомстилъ, а сдѣлался убійцей! До самаго конца ты дѣлалъ намъ зло! Благодаря тебѣ, я теперь преступникъ! А мой бѣдный Гуго сынъ убійцы!

Живой человѣкъ упрекалъ мертваго, павшаго жертвой его озлобленія! Молчаніе Гвидо было самымъ страшнымъ отвѣтомъ и уязвило старика хуже всякихъ словъ: онъ со скрежетомъ сказалъ:

— Такъ нѣтъ же! Ничего не узнаетъ Гуго! Не увидитъ, какъ убійцу-отца его потащатъ въ тюрьму и станутъ судить! Не дождешься этого, эй ты!—онъ обращался къ убитому, точно тотъ слышалъ и понималъ его угрозы,—и не воображай! Не бывать этому! Увидимся еще тамъ, передъ судомъ божіимъ!

Бросивъ свирѣпый взглядъ на распростертое тѣло своего пріемнаго сына, Андреа быстрыми шагами пошелъ по аллеѣ.

XXII.

Тѣмъ временемъ Беатриса, побывавъ съ пріѣзжей соотечественницей, миссъ Мартинъ, въ соборѣ Св. Павла, усадила ее въ конку, а сама, встрѣтивъ Гуго Вивальди, пошла съ нимъ пройтись до Ghetto.

— Черезъ нѣсколько недѣль Ghetto не станетъ!—объяснилъ ей Гуго, -дома вокругъ сада обречены на сломъ, и не будетъ уже въ саду тѣхъ живописныхъ, забытыхъ уголковъ, которые приводятъ художника въ восхищеніе!

— А далеко это отсюда?

— Минутъ десять ходьбы.

Они легко проникли въ садъ черезъ одно изъ отверстій полуразвалившейся низкой ограды, отдѣлявшей его отъ дороги. Въ саду гуляющихъ почти никогда не бываетъ: это заброшенный, покинутый уголокъ, дни котораго сочтены. Виноградъ, олеандры, юкки, апельсинныя деревья заглушались высокой, сорной травой; здѣсь стояли остатки солнечныхъ часовъ, тамъ сломанная скамейка, кучи мусора—запустѣніе и разрушеніе.

Беатриса съ улыбкой оглядѣлась кругомъ.

— Вы опоэтизировали это мѣсто собственной фантазіей!

— Подождите! Идите сюда: вотъ уголокъ, который я сегодня срисовалъ!

Онъ повелъ ее къ трельяжу, окаймлявшему нѣкогда аллею вдоль набережной; рѣдкія чайныя розы уже расцвѣли и живописно пробивались сквозь рѣшотку; прошлогодніе оранжевые и коричневые листья висѣли на виноградныхъ лозахъ, переплетавшихся съ побѣгами розовыхъ кустовъ; сквозь многочисленныя бреши полусгнившей рѣшотки трельяжа виднѣлась сверкавшая рѣка; развалины солнечныхъ часовъ утопали въ вьющихся растеніяхъ; на противоположномъ

берегу рѣки высилась масса трубъ и крышъ; украшенная фигурами ангеловъ крѣпость и куполъ собора Св. Петра величественно вырисовывались на ясномъ, синемъ небѣ.

— Вы были правы!—созналась Беатриса,—уголокъ дѣйствительно прелестенъ!

Гуго помолчалъ и вдругъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, сразу приступилъ къ разговору, давно уже обдуманному имъ. Сначала онъ немного робѣлъ, путался, наговорилъ много лишнихъ и ненужныхъ словъ, но постепенно мужество возращалось къ нему, а съ нимъ и даръ слова; онъ сталъ выражать свои чувства открыто, прямо и честно.

— Долго оставаться въ Римѣ я не могу,—говорилъ онъ,—а вы намекали, что можете во Флоренцію и не вернуться... Кто знаетъ, когда намъ доведется еще разъ встрѣтиться? Да и встрѣтимся ли когда нибудь?

Беатриса до сихъ поръ не имѣла возможности вставить слово; она хотѣла перебить его, но онъ восторженно продолжалъ:

— Быть можетъ, мы видимся въ послѣдній разъ... Я хочу сказать вамъ, что у меня давно лежитъ на сердцѣ... Я близокъ къ отчаянію отъ потребности высказаться: больше притворяться я не могу! Никогда не былъ я вашимъ другомъ, синьорина: я васъ любилъ, люблю и буду любить, пока живъ! Молчите... Ради Бога, молчите: я знаю, что вы хотите сказать, но я не въ состояніи выслушать это. Вы все время были свѣтлымъ лучомъ въ моей жизни, моей радостью... Каждое ваше движеніе, слово, взглядъ—заставляли сердце мое трепетать. Вы этого не знали? Не догадывались? Понятно, сначала я и самъ не понималъ своихъ чувствъ... Не отдавалъ себѣ отчета. А между тѣмъ, я жилъ вами! Что я буду дѣлать безъ васъ? Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... Я вовсе не ною, не жалуюсь, никого не упрекаю... И отвѣта вашего мнѣ не нужно, я не требую отъ васъ ничего. Я заранѣе знаю, чтó вы мнѣ скажете! Ничего мнѣ не нужно, я просто люблю васъ, вотъ и все!

Онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ ихъ. Но только было она раскрыла ротъ, чтобы отвѣчать, какъ онъ, все болѣе и болѣе волнуясь, продолжалъ:

— О, дорогая, не сердитесь! Я прошу у васъ немногаго: выслушайте меня! Я васъ люблю, люблю! И вы не отстраняетесь отъ меня? Не сердитесь? Позволяете любить себя? Только этого мнѣ и нужно!

Слезы навернулись на глаза Беатрисы; сердце ея билось отъ прилива счастья, въ душѣ стало такъ отрадно и свѣтло.

Онъ замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ и поспѣшно продолжалъ:

— Не жалѣйте меня, не печальтесь, иначе и я буду страдать! Въ эту минуту я счастливъ... Говорю вамъ о своей любви... А когда вы уѣдете...—онъ мрачно поникъ головой,— тогда свѣтъ для меня померкнетъ... Но я не перестану любить васъ и желать вамъ счастья!..

— Послушайте!..—нетерпѣливо перебила она его,—но онъ не далъ ей говорить.

— Нѣтъ, молчите, не пробуйте утѣшать меня... Пусть этотъ часъ будетъ моимъ, не отнимайте у меня вашей руки и поглядите мнѣ прямо въ глаза. Слава Богу, я высказался! Пусть молчаніе будетъ вашимъ отвѣтомъ,—я вѣдь ни на что не надѣюсь, ничего не добиваюсь!

Тутъ Беатриса не могла ужъ удержаться отъ улыбки: ей стало смѣшно! Она намѣревалась сказать одно слово, которое осчастливило-бы ихъ обоихъ,—но слова этого ей упорно не давалъ выговорить самъ Гуго! Онъ буквально не давалъ ей рта раскрыть, боясь услышать что нибудь роковое для его любви! При этомъ смѣшномъ qui pro quo—ямочки выступили на щекахъ молодой дѣвушки,—она улыбнулась.

Въ ту-же минуту Гуго выпустилъ ея руки; взглядъ его потемнѣлъ.

— Я дуракъ. Вы смѣетесь надъ моимъ чувствомъ! Жалѣю, что высказался... Я всего ожидалъ отъ васъ, только не насмѣшки! Странно, неправда-ли?

Беатриса въ свою очередь обидѣлась:

— Вы притворялись: вы совсѣмъ не любите меня.

— Притворялся?

— Нельзя любить дѣвушку, которая способна насмѣхаться надъ искреннимъ чувствомъ человѣка. Не такъ-ли? Наше знакомство, отъ начала до конца, было рядомъ недоразумѣній и ошибокъ. И теперешнее объясненіе—не болѣе какъ громадное... и смѣшное недоразумѣніе... Не правда-ли?

Голосъ ея оборвался.

— Вы полагаете... что я ошибся?—тихо проговорилъ Гуго.

— Теперь вы меня хорошо узнали... Сами судите, можно ли серьезно любить меня!—Беатриса съ негодованіемъ разсмѣялась.

— Послѣ этого нечего и говорить! Вы и такъ выказали необычайное терпѣніе, благодарю васъ. Не пора-ли намъ домой?

Беатриса молча повернула домой.

А счастье было такъ близко... Неужели она его упустила?

Но всякія дальнѣйшія объясненія казались ей неумѣстными. Блѣдная, съ опущенными глазами, чувствуя себя глубоко-несчастной, шла она рядомъ съ Гуго... и казалась ему воплощеніемъ неприступной гордости!

XXIII.

Не успѣли они дойти до выхода изъ трельяжной аллеи, какъ въ нее повернулъ изъ сада спѣшившій куда-то человѣкъ; онъ почти бѣгомъ пересѣкъ аллею, не замѣчая ихъ; у берега рѣки онъ сбросилъ свой сѣрый плащъ и вскочилъ на низенькія, каменныя перила.

Быстрѣе молніи угадалъ Гуго его намѣреніе и бросился, чтобы помѣшать несчастному. Послѣ краткой борьбы, ему удалось стащить незнакомца съ перилъ; тогда тотъ съ яростью обратился къ молодому Вивальди, но ругательство замерло у него на губахъ: Андреа узналъ сына. Въ ужасѣ смотрѣли они другъ на друга; наконецъ, Гуго спросилъ:

— Отецъ, ты меня искалъ здѣсь?

Но Андреа безсмысленно глядѣлъ на него.

— Нѣтъ...—отвѣчалъ онъ,—не тебя... Гвидо...

Потомъ какъ будто опомнился и прибавилъ:

— Я и забылъ, что оставилъ его на Pincio. Онъ послалъ меня сюда...

— Ко мнѣ!—недоумѣвалъ Гуго,—ужъ не съ дурными-ли вѣстями пріѣхалъ ты изъ Флоренціи, padre mio?

— Да, съ дурными!—съ содроганіемъ подтвердилъ старикъ,—только я тебя не искалъ. Я хотѣлъ уйти отъ тебя... Съ нимъ тамъ увидимся... сведемъ счеты!

Взгляды Гуго и Беатрисы встрѣтились: личныя недоразумѣнія были забыты... Она взяла старика за руку.

— Дорогой маэстро, о какихъ дурныхъ вѣстяхъ говорите вы? Сообщите ихъ намъ.

Андреа вырвалъ у нея свою руку.

— Не трогайте меня! Я убилъ его... Я убійца!

— Отецъ, опомнись! Что ты говоришь?

Въ глазахъ старика отразился испугъ.

— Ты находишь, что это ужасно, Гуго?

Беатриса смутно начала догадываться, взяла старика подъ руку и по возможности хладнокровно спросила:

— За что вы убили его? Гдѣ онъ?

— Лежитъ въ саду Медичи... А убилъ я его за то, что онъ воръ, предатель, измѣнникъ! Я отомстилъ за Гуго!—объяснялъ старикъ злобно.

— Отомстилъ? За что? Кому? Кого ты убилъ?—растерялся Гуго, боясь догадаться.

— Гвидо убилъ, вотъ кого. Онъ укралъ твою идею. Джіусто сказалъ мнѣ... мальчикъ самъ захворалъ съ горя... Вотъ я и пріѣхалъ... Выслѣдилъ вора... и...

— Замолчи!—простоналъ Гуго, хватая себя за голову,— ахъ, что ты надѣлалъ, несчастный!

— Нельзя терять ни минуты!—шепнула Беатриса,—его надо спрятать!

Старикъ услыхалъ и печально улыбнулся.

— Я уйду... совсѣмъ уйду! Прощай, Гуго! Я не потерплю, чтобы отца твоего стащили въ тюрьму и судили! Прощай!

— Отецъ, отецъ, что ты надѣлалъ!

— Я исполнилъ свой долгъ!—торжественно заявилъ Андреа,—онъ не имѣлъ права жить. Теперь я знаю, почему ты сжегъ свою картину!

— Ты убилъ его за это?

— Конечно. Я дрался съ нимъ... Богъ справедливъ! Онъ упалъ и раздробилъ себѣ голову о каменную ограду... кудрявую свою головку!.. о, Гвидо!

Старикъ рухнулъ на землю, въ припадкѣ сильнѣйшаго горя и отчаянія.

Гуго попробовалъ поднять его.

— Пойдемъ, отецъ! Скорѣе уйдемъ отсюда!

— Помнишь, Гуго, какой онъ былъ маленькій, когда мы его взяли? Веселый, шалунъ! Я его разъ ударилъ, а ты меня бранилъ, сказалъ, что я самъ виноватъ. Тогда онъ заплакалъ... А сегодня не плакалъ... только глядѣлъ на меня... а глаза были полуоткрыты!..

— Уйдемъ!—въ тоскѣ умолялъ его Гуго.

Беатриса не знала, что дѣлать, и стояла, стиснувъ руки, словно въ оцѣпенѣніи.

Андреа понизилъ голосъ и началъ что-то безсвязно бормотать.

Гуго крикнулъ ему въ самое ухо:

— Вставай, отецъ! Идемъ со мною.

Старикъ всталъ и, шатаясь, побрелъ снова къ периламъ.

— Теперь мнѣ идти недалеко...—шепталъ онъ и вдругъ съ ужасомъ поглядѣлъ на сына,—а ну, какъ онъ тамъ? Куда я дѣнусь отъ него?

Беатриса воспользовалась минутой:

— Разумѣется,—сказала она,—тамъ вамъ отъ него не спастись. Пойдемте съ нами, мы васъ спасемъ.

Разстроенное воображенье старика помогло: онъ покорно далъ увести себя.

— Куда?—спросилъ ее Гуго.

— Къ намъ пока!—отвѣтила Беатриса,—у насъ искать его не станутъ. А тамъ видно будетъ.

— Замѣшать еще васъ въ эту исторію?

— Я и такъ въ нее замѣшана. Маэстро мой другъ, и я имѣю право помочь ему.

На площади Montanara Беатриса крикнула извозчика и сказала свой адресъ. Дорóгой она придумывала, что бы половчѣе сочинить для хозяевъ квартиры, чтобы не возбудить подозрѣній. Когда они вышли изъ экипажа, къ нимъ подбѣжалъ господинъ въ бархатномъ пиджакѣ и широкополой шляпѣ: это былъ Гэрри Плейдель, собственной особой!

— Вивальди!—крикнулъ онъ,—слава тебѣ, Господи! Не пугайтесь, а выслушайте меня: съ Гвидотти случилось несчастье! Съ нимъ сдѣлался вѣроятно припадокъ, или обморокъ, и онъ упалъ,—да такъ неудачно, что раскроилъ себѣ голову объ каменную ограду... Когда онъ пришелъ въ себя, то попросилъ позвать къ нему миссъ Грэй. Она отправилась къ нему... а вамъ, миссъ Гэмлинъ, оставила записку.

— Онъ не умеръ?—спросила Беатриса.

— О, нѣтъ! Не волнуйтесь, миссъ! Случай, по словамъ доктора, весьма сэрьезный, но не безнадежный. Теперь онъ опять въ обморокѣ...

Беатриса сдѣлала ему знакъ замолчать и указала глазами на Андреа, блѣднаго, какъ смерть.

— Ахъ, чортъ возьми!—выругался англичанинъ.—Какіе всѣ эти итальянцы нервные! А я и не зналъ, Вивальди, что отецъ вашъ тоже пріѣхалъ! Послушайте, почтеннѣйшій, ужъ вы-то, по крайней мѣрѣ, возьмите себя въ руки, да не захворайте съ испуга! Гвидо на этотъ разъ еще не умретъ! Миссъ Гэмлинъ, вы бы пригласили къ себѣ старичка, пусть бы оправился отъ потрясенія!—и тутъ же шепнулъ на ухо Гуго,—а вы хорошо сдѣлаете, если сейчасъ же отправитесь со мной къ Гвидотти!

XXIV.

Присутствіе мистера Плейделя въ Римѣ объяснялось тѣмъ фактомъ, что миссъ Гріерсонъ съ племянницей собирались провести здѣсь всю зиму. Мистеръ Плейдель все больше и больше нравился обѣимъ дѣвицамъ, какъ старой, такъ и молодой.

Въ этотъ день Бланшъ и Гэрри Плейдель, съ разрѣшенія тетки, пошли прогуляться въ сады около Pincio. Они такъ увлеклись разговоромъ (изъ котораго миссъ Бланшъ узнала, что красота Венеры ничто, въ сравненіи съ ея собственной очаровательной наружностью),—что чуть не наткнулись на какое-то препятствіе, лежавшее на ихъ пути.

— Поглядите!—всплеснула руками миссъ Бланшъ,—это синьоръ Гвидотти! О, Гэрри, неужели онъ умеръ?

Плейдель опустился на колѣни возлѣ безжизненнаго тѣла.

На лицѣ Гвидо, между глазъ, былъ страшный синякъ, а на головѣ открытая рана; сквозь густыя кудри медленно сочилась кровь.

— Не думаю, чтобы онъ умеръ!—сказалъ Плейдель, поднимаясь на ноги,—я сбѣгаю къ сторожу, позову на помощь... А вы, Бланшъ, останьтесь здѣсь... или страшно? Въ такомъ случаѣ пойдемте со мной.

Но Бланшъ поборола свой страхъ.

— Я останусь съ нимъ!—храбро заявила она,—только, Гэрри, возвращайтесь скорѣй!

Онъ ушелъ; а она сѣла на землю и положила голову Гвидо къ себѣ на колѣни. Какой красавецъ! Точно мраморное изваяніе миѳологическаго бога! Плейдель скоро вернулся, а съ нимъ пришли и сторожа съ носилками. Гвидо отнесли къ нему на квартиру; Бланшъ, плачущая и перепуганная, вернулась къ теткѣ, а Плейдель, съ позваннымъ имъ докторомъ, остался у постели молодого художника.

Прошло нѣкоторое время и Гвидо зашевелился. Плейдель нагнулся къ нему:

— Вамъ лучше, дорогой мой, гораздо лучше? Какъ это съ вами приключилось, скажите?

Но Гвидо молча смотрѣлъ широко раскрытыми глазами. Онъ смутно помнилъ, что случилось что-то непріятное, чего не слѣдовало бы знать постороннимъ, но подробности рѣшительно ускользали изъ его памяти.

— Не тревожьте его,—шепнулъ докторъ,—въ свое время все узнаемъ. Въ полицію уже дано знать.

Гвидо, очевидно, понялъ послѣднюю фразу.

— Въ полицію?—съ усиліемъ повторилъ онъ,—для чего? У меня сдѣлалось головокруженіе... обморокъ... я упалъ...— онъ со стономъ закрылъ глаза.

— Вотъ именно, я такъ и думалъ!—успокоительно сказалъ докторъ, — головокруженіе, обморокъ... Къ чему тутъ полиція?

Онъ далъ больному пить, и всѣ трое замолчали.

Когда Гвидо снова заговорилъ, голосъ его звучалъ потверже.

— Я умру?—спросилъ онъ у врача.

— Вздоръ какой! Похвораете недѣльки двѣ-три, да и встанете.

— Я хочу видѣть ее.

— Про мать свою онъ говоритъ, что-ли?—спросилъ докторъ.

Плейдель покачалъ головой.

— Про кого вы говорите, дорогой мой?—спросилъ онъ, нагибаясь къ больному,—не позвать-ли миссъ Грэй?

— Эвелину!—шепнулъ Гвидо.

— Хорошо, мы позовемъ ее.

Плейдель схватилъ шляпу.

— Не пугайте ее!—предостерегъ докторъ,—вонъ онъ опять въ обморокѣ! Плохо дѣло!

Когда Гвидо пришелъ въ себя, то началъ бредить. Его преслѣдовала мысль, что что-то надо скрыть, а что именно—онъ никакъ не могъ припомнить. Страшный кошмаръ мучилъ его. Порою онъ узнавалъ окружающихъ. Вотъ стоитъ Гуго.:. надо отодвинуться отъ него подальше... А почему? Больной не зналъ. Вотъ Плейдель,—только теперь онъ вовсе не смѣшонъ. А вотъ и она... Эвелина!

Онъ сталъ всюду слѣдовать за ней взглядомъ, и сердце молодой дѣвушки сжималось отъ боли.

Эвелина не разспрашивала ни Беатрису, ни Гуго; она избѣгала и старика Вивальди, который въ мрачномъ молчаніи сидѣлъ въ гостиной Беатрисы. Бѣдная Эвелина чуяла какую-то тайну, которую всю знали, кромѣ нея, и невыносимо страдала.

Всего легче ей было съ Плейделемъ: этотъ зналъ еще меньше нея и постоянно высказывалъ удивленіе по поводу внезапно объявившихся припадковъ падучей у бѣднаго Гвидо.

Эвелина всю себя посвятила уходу за больнымъ. Если ей и вспоминались страстныя обличенія Андреа, если и возникали въ сердцѣ ея сомнѣнія,—то она старалась поспѣшно заглушить ихъ и окружала Гвидо еще болѣе нѣжными попеченіями и заботами.

Однажды Беатриса сдѣлала ей робкое замѣчаніе, совѣтуя поберечь себя и не слишкомъ изнурять свой организмъ; но всегда кроткая Эвелина неожиданно вспылила:

— Это мое дѣло, и я, кажется, имѣю на это право!—воскликнула она и разразилась громкими рыданіями. Съ тѣхъ поръ Беатриса не вмѣшивалась.

Андреа (ему отвели комнату въ той же квартирѣ, гдѣ жила Беатриса съ Эвелиной) впалъ въ какую-то тоскливую апатію, цѣлыми днями сидѣлъ у окна и ничего не разспрашивалъ; Гуго и Беатриса понимали его нравственное состояніе и нарочно при немъ разговаривали о больномъ, какъ будто не замѣчая, что старикъ жадно прислушивается къ ихъ словамъ. Вспышка ярости въ саду прошла, но омрачила будущее и уничтожила прошедшее.

Гуго и Беатриса частенько оставались съ глазу на глазъ, но къ интимному разговору больше не возвращались, хотя воспоминаніе о немъ не покидало ихъ ни на минуту. Гуго испытывалъ сердечную боль и стыдъ, а Беатриса,—мучительное желаніе вернуть утраченное счастье. Впрочемъ, она не

считала дѣла проигранными и положила только выждать удобный случай.

XXV.

Стояло холодное весеннее утро, когда Гвидо окончательно пришелъ въ сознаніе. Онъ былъ страшно слабъ, худъ и прозраченъ; повернуть голову стоило ему еще большихъ усилій

Но онъ все вспомнилъ; обвиненіе Андреа звенѣло въ его ушахъ и подавляло его, въ его слабомъ, безпомощномъ состояніи. Теперь ему стало очевидно, что онъ никогда не былъ тѣмъ прямымъ, благороднымъ человѣкомъ, почти героемъ, какимъ онъ воображалъ себя. Неужели онъ и впрямь воръ, предатель, измѣнникъ, негодяй? Гвидо почти сознавалъ себя таковымъ.

Но это заключеніе было такъ же ложно, какъ и предыдущее самомнѣніе: Гвидо сознательно не сдѣлалъ бы подлости, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ измѣнить или повредить другу. Онъ просто былъ эгоистъ, человѣкъ со слабой волей, всегда готовый подтасовать факты, для собственнаго успокоенія.

Но теперь, когда физическія и умственныя силы почти его оставили, онъ не способенъ былъ вдаваться въ психологическія тонкости; все, что онъ прежде думалъ, чувствовалъ, воображалъ, — миновало, какъ сонъ: остался одинъ фактъ его нехорошаго поступка,—и онъ страдалъ, вспоминая о немъ.

При видѣ Гуго, онъ испытывалъ ужасъ, а прикосновеніе руки друга вызывало въ немъ острое ощущеніе боли. Ему тяжело было дышать однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ.

Гвидо избѣгалъ его взгляда и боязливо думалъ: знаетъ-ли онъ?

Да, Гуго все зналъ, много перестрадалъ и переработалъ въ себѣ. Гвидо былъ на волосокъ отъ смерти, чуть не погибъ отъ руки его отца—и Гуго въ глубинѣ души простилъ измѣнившему ему другу.

Гвидо упорно продолжалъ утверждать, что ему сдѣлалось дурно и онъ при паденіи расшибся. Кромѣ Эвелины, никто не могъ заподозрить истину его словъ.

Но скрывая покушеніе Андреа, Гвидо не переставалъ мучиться угрызеніями совѣсти, и мученія эти нисколько не уменьшались съ возвращеніемъ силъ и здоровья; порою онъ даже жалѣлъ, что не умеръ...

Впрочемъ, Гвидо по натурѣ своей не способенъ былъ долго страдать, не дѣлая какихъ-нибудь попытокъ облегчить свою

судьбу. И вотъ онъ началъ искать утѣшенія въ окружающихъ. Если подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею ношею,—ему навѣрно станетъ легче. Но съ кѣмъ? Не съ Гуго, во всякомъ случаѣ: ему одинаково будетъ тяжело перенести прощеніе и негодованіе бывшаго брата и друга; не съ Плейделемъ, котораго онъ почти не знаетъ; не съ Беатрисой,—онъ всегда ея побаивался, а теперь она глядитъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ, и это его коробитъ. Одна Эвелина можетъ облегчить его душу! Ее онъ любитъ, ей вѣритъ... Она одна можетъ примирить его съ самимъ собою, утѣшить, подыскать ему оправданіе.

Съ облегченнымъ сердцемъ сталъ онъ поджидать удобнаго случая, и ему не долго пришлось ждать его.

Февральскій день близился къ концу; ясное небо слегка порозовѣло; свѣчи еще не зажигались въ комнатѣ Гвидо; Эвелина сидѣла у камина.

Онъ позвалъ ее, и она тотчасъ же очутилась подлѣ его постели.

— Что вы хотите?—ласково спросила она.

— Посидите возлѣ меня. Я желалъ бы поговорить съ вами.

Она стала на колѣни у его изголовья и приблизила къ нему лицо.

— Эвелина, помните, что вы сказали мнѣ въ саду, передъ тѣмъ какъ уйти?

Она покраснѣла, но твердо сказала:

— Я люблю васъ, Гвидо!

— Значитъ, это мнѣ не померещилось въ бреду? Но, знаете-ли вы, что значитъ любить?

Она улыбнулась, а онъ нагнулся поближе къ ней.

— Я возвращаю вамъ свободу, ласточка моя! Летите куда угодно! Или вы добровольно откажетесь отъ воли и согласны сдѣлаться моею навѣки?

— Гвидо, я васъ не оставлю.

Онъ пожалъ ея руку, затѣмъ спросилъ:

— И мы связаны навѣки, что бы съ нами ни случилось?

— Да... — тихо подтвердила она,—бѣдность, богатство, счастье, горе—все у насъ будетъ общее... Ничто не разлучитъ насъ.

— Такъ! А вы хорошо понимаете, что это значитъ? Знаете-ли вы, съ кѣмъ вы себя связываете на всю жизнь, за кого соглашаетесь выйти замужъ? У Гвидо Гвидотти масса недостатковъ и пороковъ. Съ ними вмѣстѣ возьмете меня?

— Возьму такимъ, какъ вы есть, Гвидо! — пылко сказала она.

— Дорогая моя! Мы, южане, способны подняться очень

высоко, но и пасть весьма низко намъ ничего не стоитъ; мы рабы нашей натуры, нашихъ инстинктовъ и страстей. Я до тѣхъ поръ не приму вашей любви, пока вы не скажете, что согласны любить низко павшаго человѣка... Вы можете поднять его или оттолкнуть. Помните, что говорилъ мнѣ Андреа Вивальди?

— Не надо! Милый, не вспоминайте о немъ... Онъ былъ въ припадкѣ безумія... Онъ завидовалъ вамъ за сына...

— Нѣтъ, онъ былъ въ здравомъ умѣ и сказалъ правду.

Эвелина содрогнулась, руки ея похолодѣли. Ея волненіе сообщилось и ему.

— Я нечаянно (вѣрьте, это вышло случайно),—увидалъ картину Гуго, безъ его вѣдома!—продолжалъ свою скорбную исповѣдь Гвидо,—если бъ онъ не пряталъ ее отъ меня, ничего бы не вышло... Его идея засѣла у меня въ мозгу; раньше у меня ничего путнаго не выходило; но тутъ я почувствовалъ, что картину напишу, попробовалъ,—и увлекся. Должно быть, я поддался искушенію дьявола. Даю вамъ слово, что я не думалъ ни о себѣ, ни о Гуго, ни о выставкѣ, ни о медали: мнѣ просто страстно, неудержимо хотѣлось писать картину на эту идею... разработать мысль по своему... Затѣмъ онъ пришелъ посмотрѣть на мое произведеніе и... свою собственную картину уничтожилъ, сваливъ все на несчастный случай. Но это неправда: онъ сжегъ ее добровольно. Послѣ этого я рѣшилъ не посылать на выставку свою „Побѣду“, но онъ заставилъ меня... Онъ всегда любилъ приказывать мнѣ!..

Гвидо замолчалъ, но чувствовалъ, что Эвелина не отняла своей руки, напротивъ, крѣпче пожала его руку... Когда бъ онъ зналъ, какой ужасъ, какое смятеніе вызвалъ его разсказъ въ душѣ молодой дѣвушки! Но она считала себя не вправѣ оттолкнуть его и заставила себя пожать его руку!

— Вотъ и все!—закончилъ онъ и взглянулъ на нее,—вотъ почему Андреа Вивальди оскорбилъ меня. Онъ имѣлъ право. Вы не можете любить такого грѣшника? Скажите правду!

Вмѣсто отвѣта Эвелина прижалась лицомъ къ соединеннымъ рукамъ ихъ и, съ отчаяніемъ въ душѣ, стала молиться, чтобы Богъ не допустилъ ее разлюбить Гвидо, чтобы чувства ея не измѣнились послѣ его признанія...

XXVI.

Апрѣль въ Римѣ!..

Солнце ярко свѣтитъ сквозь нѣжную листву деревьевъ на свѣжую, зеленую траву; анемоны расцвѣли въ лугахъ; изъ лѣсовъ и рощъ несется сладкій, одуряющій ароматъ. У из-

городей ужъ отцвѣтаютъ фіалки, но запахъ ихъ все еще чувствуется.

Коляски вереницей катятся по широкой дорогѣ парка. Въ одной изъ колясокъ сидитъ молодой человѣкъ, черноглазый и блѣдный, томно прислонившись къ подушкамъ экипажа; радостная улыбка освѣщаетъ его худое, красивое лицо. Рядомъ съ нимъ молодая дѣвушка, тоже блѣдная и худенькая, похожая на бѣлую лилію; глаза ея печальны, улыбка страдальческая.

Коляска возбуждала любопытство прохожихъ.

— Кто это?

— Флорентинскій художникъ, надѣлавшій столько шуму своей картиной.

— Красавецъ какой! Но отчего такъ блѣденъ?

— Онъ былъ при смерти боленъ.

— За сколько онъ продалъ свое произведеніе?

— За 10,000 лиръ.

— Недурно для начала.

— Кто это съ нимъ?

— Англичанка, его невѣста. Говорятъ, чахоточная.

— Жаль! Хорошенькая!

— Безцвѣтна и безкровна! Точно неживая.

— Она ходила за нимъ во время его болѣзни.

Въ коляскѣ, возбуждавшей подобные толки, шелъ тоже разговоръ.

— О чемъ ты думаешь, Эвелина?

Молодая дѣвушка вздрогнула.

— Въ настоящую минуту думала о старомъ маэстро.

Гвидо нахмурился.

— Онъ вѣрно тоскуетъ дома въ одиночествѣ,—прибавила она.

— Черезъ нѣсколько дней Гуго поѣдетъ къ нему. Могъ бы уѣхать и раньше...

— Онъ остался ради тебя, Гвидо.

— Да, знаю. Но я теперь почти совсѣмъ здоровъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, Гвидо сказалъ:

— Знаешь, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ назначена свадьба Плейделя?

Она искоса поглядѣла на него.

— Курьезный бракъ. А всетаки, думаю, что они пара. Тебѣ какъ кажется, Гвидо?

— Я вовсе ими не интересуюсь. Мысли мои заняты совсѣмъ другимъ.

Эвелина потупилась.

— Эвелина! Долго-ли ты будешь томить меня?

Но она удрученно молчала. Ничто не шевельнулось въ ея сердцѣ, словно на немъ лежала какая-то тяжесть...

— Вѣдь нѣтъ причинъ дольше откладывать нашу свадьбу?—настаивалъ Гвидо.

Она силилась улыбнуться.

— Къ чему спѣшить, Гвидо?

— Къ чему? Я боюсь, что тебя отнимутъ у меня. Сознайся, вѣдь всѣ относятся ко мнѣ враждебно? Всѣ стараются отговорить тебя?..

— Всѣ? Только одна особа имѣетъ право давать мнѣ совѣты.

И она не одобряетъ твоего выбора?

— Нѣтъ, не одобряетъ.

— Я всегда чуялъ въ ней врага. И слова ея повліяли на твое рѣшеніе?

— Нѣтъ.

Гвидо задѣтъ былъ за живое: онъ ожидалъ болѣе пылкихъ разувѣреній.

Она это поняла, но не въ силахъ была притворяться.

— Ты не отвѣтила на мой первый вопросъ!—обидчиво сказалъ Гвидо.

Она прямо взглянула на жениха.

— Я отъ моего слова не отступлю. Я принадлежу тебѣ. Возьми меня, когда хочешь.

Онъ порывисто схватилъ ея руку и заговорилъ о своей любви, о ихъ будущемъ житьѣ...

— А сегодня,—задумчиво произнесъ онъ,—я сдѣлаю то, что навѣрное доставитъ тебѣ удовольствіе...—слова замерли у него на губахъ. Эвелина, повидимому, близка была къ обмороку.—Дорогая, что съ тобой? Тебѣ дурно?

Она пришла въ себя и тихо сказала:

— Да, за послѣднее время это часто со мной случается... Ничего, пустяки...

— Ты переутомилась, ухаживая за мной! Милая, теперь мой чередъ беречь тебя!

Она насильно улыбнулась и обрадовалась, когда онъ велѣлъ кучеру ѣхать домой, въ Via Babuino.

— Эвелина!—испуганно встрѣтила ее Беатриса,—что съ тобой?

— Ничего, такъ, слабость...

Ее сильно лихорадило, но она бодрилась.

— Устала я, не гожусь въ сидѣлки! Надѣюсь, что Гвидо не намѣренъ часто хворать.

Беатриса нахмурилась.

— Беатриса,—сказала вдругъ Эвелина,—свадьбу мы назначили черезъ мѣсяцъ...

Старшая подруга чуть не ахнула, однако, сдержалась и ласково спросила:

— Ты рада?

— Развѣ кто нибудь радуется передъ самой свадьбой? Я буду рада, когда все кончится!

— Свадьба не конецъ, дитя мое, а начало новой жизни...— сумрачно замѣтила Беатриса.

— Я и сама это знаю. И не въ томъ смыслѣ говорю!— раздражительно перебила ее Эвелина.

— Эвелина, дитя мое, сними съ меня зарокъ!—взмолилась вдругъ Беатриса.

— Ни за что!

— На полчаса!

— Ни на минуту! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ я сама его сброшу! Я не могу и не должна больше молчать!

— Я думала, что ты всегда вѣрна своему слову!—прошептала Эвелина.

— Въ настоящую минуту мое молчаніе можетъ надѣлать непоправимыхъ бѣдъ. Я была неправа, давъ тебѣ слово не касаться извѣстныхъ вопросовъ.

— Подтасовки!—нетерпѣливо возразила Эвелина,—разумѣется, я не могу помѣшать тебѣ говорить, если ты рѣшилась нарушить слово. Говори, только, пожалуйста, скорѣе.

Но Беатриса не смутилась:

— Прошлый разъ ты меня остановила, когда я начала тебѣ разсказывать, что я узнала про Гвидо. Ты сказала, что сама все знаешь, что онъ не имѣетъ отъ тебя секретовъ... Но я въ этомъ не увѣрена и не успокоюсь, пока не удостовѣрюсь.

— Ты хочешь знать, что мнѣ извѣстно?—въ необычайномъ волненіи крикнула Эвелина, сверкая глазами,—сказать тебѣ? Ну, слушай. Гвидо видѣлъ картину Гуго,—и молчалъ объ этомъ фактѣ передъ всѣми,—вотъ тебѣ. Онъ написалъ свою картину, воспользовавшись чужой идеей,—вотъ тебѣ Гуго уничтожилъ свою картину, а Гвидо все молчалъ,—вотъ тебѣ! Онъ отправилъ свою картину на выставку, получилъ медаль, достигъ славы—и молчалъ; онъ молчалъ-бы до конца, если бъ Джіусто не увидалъ и не разсказалъ Андреа,—вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Еще что нибудь можешь прибавить къ этому?

Беатриса покачала головой; ее пугало изступленіе Эвелины. Немного погодя, она всетаки рѣшилась спросить:

— И ты выйдешь за него замужъ?

Эвелина задорно кивнула головой.

— Хотя и не любишь его?

Эвелина подскочила на креслѣ.

— Кто смѣетъ сказать, что я его не люблю? Любила—значитъ и теперь люблю!

— Ты его тогда не знала.

— Ты хочешь сказать, что я его никогда не любила? Замолчи, ради Бога!

Она заткнула уши и откинулась въ изнеможеніи на спинку кресла.

Беатриса глядѣла на нее, и сердце ея обливалось кровью. Такая внутренняя борьба, очевидно, не по силамъ болѣзненной, худенькой, слабенькой дѣвушкѣ! Она съ каждымъ днемъ таяла и чахла...

Въ эту минуту дверь отворилась и служанка доложила:

— Синьоръ Вивальди!

Эвелина поспѣшно подхватила свою шляпку, упавшую на полъ, и убѣжала къ себѣ, раньше чѣмъ Гуго вошелъ въ комнату.

Онъ самъ былъ въ такомъ волненіи, что не замѣтилъ разстроеннаго вида Беатрисы.

— Синьорина, я пришелъ проститься съ вами,— отрывисто заявилъ онъ,—черезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю изъ Рима.

— Что нибудь случилось?—упавшимъ голосомъ спросила Беатриса.

— Да. Я поссорился съ Гвидотти.

— Ваша дружба послѣ того событія и не могла продолжаться. Пока онъ былъ боленъ и нуждался въ васъ,— дѣло другое. Но теперь ему, понятно, неловко встрѣчаться съ вами.

— Можетъ быть, онъ потому такъ и поступилъ,—съ горечью сказалъ Вивальди.

— Какъ?

— Оскорбилъ меня предложеніемъ денегъ, въ видѣ искупленія за то, что онъ натворилъ. Понимаете? Онъ осмѣлился предложить мнѣ ту сумму, которую получилъ за свою картину! Вѣрите-ли вы ушамъ своимъ?

— Въ этомъ случаѣ вы слишкомъ строги къ нему. Онъ хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь загладить свой нехорошій поступокъ и мѣрилъ на свой аршинъ.

Гуго злобно расхохотался:

— Онъ нашелъ и второй способъ: напоминалъ мнѣ, что спасъ моего отца отъ преслѣдованія, объяснивъ полиціи, будто съ нимъ случился припадокъ и паденіе... И я не имѣлъ права отказаться отъ этого благодѣянія! А деньги, конечно, швырнулъ ему въ лицо, сказавъ, что цѣню честную дружбу дороже, чѣмъ въ 10,000 лиръ. Тогда онъ вспыхнулъ, обвинилъ меня въ властолюбіи и самомнѣніи, въ желаніи вѣчно

считать его должникомъ. На это я отвѣтилъ, что желаю забыть о его существованіи и ни чѣмъ не считать его.

— А...—задумчиво протянула Беатриса,—всетаки жаль, что дѣло дошло до этого...

— Въ вашихъ глазахъ, разумѣется, виноватъ я?—угрюмо спросилъ Гуго.

— Я этого не сказала.

— А она... продолжаетъ стоять на своемъ?

— Она убивается, что не можетъ попрежнему любить его!—съ отчаяніемъ отвѣтила Беатриса.

— Она его не любитъ?—съ живостью спросилъ Гуго.

— Нечему тутъ радоваться! Бѣдняжка! Ея любовь была для нея счастьемъ, опорой, свѣточемъ, смысломъ жизни. Теперь это для меня ясно. Утративъ вѣру, она все утратила и едва-ли переживетъ это.

— Бѣдная дѣвочка! Но вѣдь она выйдетъ за него замужъ?

— Ничего не знаю. Говоритъ, черезъ мѣсяцъ свадьба. А сама больнехонька, чуть на ногахъ держится. Она не переживетъ, говорю вамъ!

Наступила пауза, затѣмъ Беатриса церемонно сказала:

— Но я задерживаю васъ, синьоръ? Вѣдь вы вѣрно торопитесь...

— Да, я пришелъ проститься,—сурово отрѣзалъ Гуго.

— Прощайте, синьоръ Вивальди.

— Прощайте, синьорина.

Они пожали другъ другу руку.

— Синьоръ Вивальди,—насмѣшливо сказала Беатриса,—вы очень легко переносите мысль о разлукѣ со мной!

Гуго вздрогнулъ. Неужели она вздумала еще издѣваться надъ нимъ?

— А обо мнѣ вы не думаете, каково мнѣ?—продолжала молодая дѣвушка.

Гуго поблѣднѣлъ и не спускалъ съ нея глазъ. Что хочетъ она сказать?

— Вы не понимаете, ужасный человѣкъ?—продолжала тѣмъ же тономъ Беатриса,—неужели вы и вправду такъ несообразительны? Придется мнѣ видно сказать вамъ категорически: Гуго, я люблю васъ!

Она улыбалась, но румянецъ предательски залилъ ея щеки и голосъ дрожалъ.

. . . .

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она смогла высвободиться изъ его могучихъ объятій, и притворно сердито сказала:

— Никогда не прощу тебѣ, что ты заставилъ меня объясняться, тупоумный человѣкъ!

— И впрямь тупоумный дуракъ! Но могъ-ли я вообразить? Я не смѣлъ и думать о взаимности!

— То-то ты не далъ мнѣ рта разинуть въ саду! Такъ что мнѣ даже смѣшно стало!

— Дорогая, милая, прости меня!

XXVII.

Всѣ дѣйствующія лица этой исторіи, кромѣ Гэрри Плейделя, увезшаго свою жену въ Швейцарію,—снова очутились во Флоренціи.

Эвелина была безнадежно больна; доктора опредѣлили скоротечную чахотку.

Въ концѣ мая назначена была ея свадьба съ Гвидо,—но этому событію не суждено было свершиться. Невѣста медленно угасала, дни ея были сочтены.

Андреа Вивальди не отходилъ отъ умирающей; одна и та-же рука нанесла имъ обоимъ неизлѣчимую рану, и Эвелина находила теперь утѣшеніе въ присутствіи старика. О своемъ общемъ горѣ они никогда не говорили, а больше толковали о Беатрисѣ и Гуго, и о счастливомъ будущемъ, которое ихъ ожидаетъ. Любимая мечта Андреа осуществилась, и онъ старался этому радоваться.

Гвидо рѣдко допускали до свиданій съ больной невѣстой: онъ слишкомъ бурно предавался отчаянію.

Умерла Эвелина на рукахъ Андреа и Беатрисы.

На другой день ее похоронили на протестантскомъ кладбищѣ.

Когда могилу закопали, Гвидо подошелъ проститься съ Беатрисой, такъ какъ уѣзжалъ въ Римъ. Затѣмъ приблизился онъ къ Гуго, хотѣлъ сказать ему нѣсколько словъ на прощанье,—но сердце его полно было печали, и слова не шли на умъ. Онъ просто протянулъ ему руку, съ усиліемъ выговоривъ его имя.

Гуго со слезами на глазахъ схватилъ протянутую ему руку и крѣпко пожалъ ее.

— Гвидо, братъ мой, прощай!

Онъ чистосердечно простилъ, но предпочиталъ больше не встрѣчаться съ Гвидо.

Наконецъ, Гвидо пошелъ къ старику Вивальди, что было для него тяжелѣе всего...

Молодой человѣкъ обнажилъ голову и сталъ передъ своимъ пріемнымъ отцомъ на колѣни.

— Маэстро, благословите меня!—упавшимъ голосомъ произнесъ онъ.

Старикъ положилъ руку на голову Гвидо и, указывая на открытую могилу, торжественно поднялъ глаза къ небу.

— Великій Боже, ради нея, прости насъ обоихъ!—произнесъ онъ.

. . . .

Прошло пять лѣтъ. Гвидо теперь сталъ знаменитымъ художникомъ; друзья носятъ его на рукахъ, женщины балуютъ. Репутація его прекрасная. Онъ забылъ прошлое, бодро смотритъ впередъ и многаго ждетъ отъ будущаго.

Гуго и Беатриса счастливы. Андреа возится съ внучатами, увѣряя, что дѣвочка вылитая его Лотта.

Джіусто отчасти утратилъ свою вѣру въ людей, но это не мѣшаетъ ему разсказывать юной Франческѣ Геноцци трогательныя сказки о принцахъ и принцессахъ; только теперь принцесса неизмѣнно брюнетка съ черными глазами, а возлюбленный сильно смахиваетъ наружностью на самого разсказчика... Когда дѣло доходитъ до благополучной развязки, Джіусто вздыхаетъ и кидаетъ на Франческу пылкій взглядъ; а та кокетливо смѣется и убѣгаетъ...

КОНЕЦЪ.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

III. Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій.

X.

Александръ Александровичъ былъ литераторъ съ очень живымъ и порывистымъ темпераментомъ. Во всѣ минуты жизни, когда какая нибудь мысль стучалась въ его голову или какое-нибудь чувство на него налетало, онъ поспѣшно брался за перо и писалъ быстро, какъ-бы боясь утратить свѣжесть впечатлѣнія. Долго обдумывать что-нибудь, развивать и расчленять мысль въ подробностяхъ, чистить и полировать фразу, въ которую она должна быть замкнута; долго вынашивать какое-нибудь чувство, и одѣвать его во внѣшній нарядъ, наиболѣе соотвѣтствующій его силѣ и сущности — Марлинскій не любилъ и не могъ: онъ весь былъ порывъ и стремленіе, и все, что онъ писалъ, было непосредственнымъ, быстрымъ отзвукомъ либо самой жизни, либо того поэтическаго представленія, какое онъ имѣлъ о ней.

Впечатлительность бойкаго ума, тревога души, неустойчивой въ своихъ настроеніяхъ и, наконецъ, быстрый темпъ рѣчи—свободной, яркой и нескупящейся на метафоры—источникъ и всѣхъ достоинствъ Марлинскаго какъ писателя, и всѣхъ его недостатковъ. Достоинствомъ нужно признать разнообразіе идей, замысловъ, типовъ и психологическихъ проблемъ, какихъ успѣлъ коснуться нашъ писатель; недостаткомъ должно назвать неумѣніе художника найти подходящую литературную форму всему этому богатству. При всей занимательности сюжетовъ и вопросовъ, которые онъ затронулъ и которыми быстро овладѣвалъ, слабость литературной обработки всетаки даетъ себя сильно чувствовать; и она то главнымъ образомъ и была причиной нападокъ критики, которая со времени Бѣлинскаго относилась недружелюбно и даже несправедливо къ нашему автору. Критика была лишь отчасти права въ своей строгости. О чемъ бы ни говорилъ Марлинскій, онъ всегда умѣлъ выбрать живую тему, онъ всегда былъ интересенъ какъ наблюдатель, мыслитель и психологъ; писалъ-ли онъ

критическую статью—онъ былъ оригиналенъ въ своихъ взглядахъ; набрасывалъ-ли онъ юмористическую картинку нравовъ — онъ былъ остроуменъ и чуждъ всякой банальности; сочинялъ-ли онъ повѣсть—онъ каждому типу умѣлъ придать своеобразную рельефность; даже когда онъ писалъ стихи, онъ и въ этой, самой неблагодарной и блѣдной своей роли, иногда умѣлъ тронуть читателя. И при всѣхъ этихъ достоинствахъ каждое его созданіе скорѣе — обѣщаніе, чѣмъ выполненіе: талантъ блеститъ, онъ имѣетъ свою игру и для очень требовательнаго цѣнителя, но этотъ талантъ передъ нами безъ подходящей оправы и на немъ, какъ на алмазѣ, иногда неправильная, поспѣшная грань. Вездѣ чувствуется человѣкъ, который спѣшитъ, и тотъ, кто знаетъ жизнь Марлинскаго, проститъ ему эту торопливость сначала юноши, храбраго офицера, берущаго смѣло литературные барьеры, а затѣмъ загнаннаго человѣка, который сознавалъ, что жизнь его таетъ какъ свѣча, горящая съ двухъ концовъ сразу.

Торопливость бываетъ иногда необходимостью и можетъ производить сильное впечатлѣніе. Хорошій примѣръ тому нашъ писатель, который являлся смѣлымъ піонеромъ новаго литературнаго движенія въ самыхъ различныхъ областяхъ творчества, будилъ мысль союзника, сердилъ враговъ, плѣнялъ людей ему сочувствующихъ, и былъ даже одно время кумиромъ многочисленныхъ поклонниковъ и въ особенности поклонницъ. А между тѣмъ, отъ Марлинскаго не осталось ни одного крупнаго произведенія, которое своей художественной силой могло-бы спорить со временемъ. Остались мелкія критическія статьи и обзоры литературныхъ новостей, любопытные по новизнѣ критическихъ пріемовъ, смѣлости и вѣрности отдѣльныхъ замѣчаній—но разрозненные и не сводящіе въ одно цѣлое всего, что имѣлъ сказать авторъ о законахъ прекраснаго; остались публицистическія очерки, очень остроумные, съ большой дозой яда, но бѣглые и случайные; остались этнографическія замѣтки, обнаруживающіе хорошее знаніе сибирскаго и кавказскаго быта, но опять-таки замѣтки, набросанныя наскоро; остались стихи, на которые самъ авторъ сердился, когда они попадали въ печать и, наконецъ, осталось нѣсколько десятковъ повѣстей и разсказовъ, которые нѣкогда читались съ животрепещущимъ интересомъ, но были лишь эскизами въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ стиляхъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ вполнѣ выдержанъ. Марлинскій, какъ сентименталистъ и романтикъ старой школы, превосходилъ своихъ современниковъ силою воображенія и блескомъ рѣчи, но эта старая литературная манера не нашла себѣ въ немъ художественнаго выразителя; точно также и нарождавшаяся повѣсть реальная, которая очень многимъ ему обязана, не нашла себѣ въ немъ поэта, который даровалъ-бы ей рѣшительную побѣду. Нашъ авторъ остался талантливымъ писателемъ на перепутьи двухъ литературныхъ напра-

вленій—мастеромъ, умѣющимъ хорошо писать и въ старомъ, и въ новомъ стилѣ, безъ способности создать въ томъ или другомъ что-нибудь совершенное. Марлинскій, правда, хорошій психологъ и созданные имъ типы нерѣдко жизненны и правдивы,—но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ тѣми свойствами, которыя мы привыкли цѣнить въ типахъ, созданныхъ большими мастерами: либо психическій міръ этихъ людей недостаточно глубокъ и сложенъ, либо несложный типъ не исчерпанъ авторомъ вполнѣ. Исключеніе составляетъ только одна центральная фигура его повѣстей, а именно его собственный портретъ—портретъ восторженнаго идеалиста александровской эпохи, борющагося и неунывающаго подъ ударами несчастія.

Справедливый цѣнитель не долженъ упускать изъ виду ни темперамента нашего писателя, ни условій его жизни, ни общаго современнаго ему литературнаго уровня. Если читатель будетъ судить Марлинскаго исключительно какъ художника, онъ найдетъ въ немъ больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, и ему покажется незаслуженной та слава, которой Александръ Александровичъ пользовался. Причину успѣха Марлинскаго онъ будетъ искать въ маломъ литературномъ развитіи читающей публики, тогда какъ наоборотъ,—именно постепенное развитіе литературнаго вкуса заставляло читателя тѣхъ годовъ все больше и больше любить нашего автора, который при всѣхъ своихъ недостаткахъ, и какъ критикъ, и какъ романистъ, былъ защитникомъ истинной любви къ изящному, помимо того, что онъ былъ проводникомъ извѣстнаго прогрессивнаго общественнаго настроенія.

Любовь читателя далась Марлинскому легко и быстро, несмотря на исключительное его положеніе. Карающая власть, какъ извѣстно, озаботилась не только о томъ, чтобы лишить его возможнаго общенія съ живыми людьми, но и о томъ, чтобы имя его изъ памяти живыхъ исчезло. Первое собраніе его повѣстей появилось въ свѣтъ даже безъ его псевдонима, и когда въ альманахѣ „Сто русскихъ литераторовъ“ былъ отпечатанъ его портретъ, то портретъ этотъ приказано было вырѣзать. Тѣмъ не менѣе читатель не переставалъ любить своего анонимнаго разсказчика и узнавалъ повѣсти Марлинскаго даже безъ подписи.

Обратимся же къ обзору этихъ повѣстей, чтобы ознакомиться поближе и съ самимъ авторомъ, и съ многочисленными его поклонниками. Прочитать эти повѣсти—пріятно и въ наше время: Марлинскій умѣлъ разсказывать и, не смотря на то, что въ его повѣстяхъ и содержаніе, и форма достаточно устарѣли, мы и въ настоящую минуту, прочитавъ одну страницу, охотно принимаемся за другую. Гораздо труднѣе обозрѣть эти повѣсти и дать о нихъ понятіе тѣмъ, кто не имѣлъ случая ихъ перелистывать.

Трудность заключается прежде всего въ необычайномъ разнообразіи сюжетовъ, часто съ очень запутанной интригой. Не

меньшую трудность для классификаціи повѣстей Марлинскаго представляетъ и невыдержанность стиля, въ какомъ онѣ написаны. Нашъ авторъ, какъ мы уже замѣтили, стоялъ на распутіи двухъ литературныхъ теченій. Онъ любилъ повѣсть стараго типа—сентиментальную и романтическую, въ которой вымышленная красота и эффектность въ типахъ, описаніяхъ, веденіи самой интриги брала верхъ надъ правдивымъ изображеніемъ жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ реалистовъ, и очень часто красивый вымыселъ замѣнялъ житейской правдой, иной разъ достаточно сѣрой. Вотъ почему романтизмъ въ замыслѣ и изложеніи у него часто соединенъ съ очень реальнымъ описаніемъ обстановки и съ реальной обрисовкой типовъ или, наоборотъ, въ реальный замыселъ вплетены совсѣмъ романтическіе эпизоды и въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ допущена старая условность.

Такой произволъ не позволяетъ распредѣлить его разсказы по литературнымъ пріемамъ ихъ выполненія, и потому, чтобы держаться хоть какой-нибудь руководящей нити при ихъ обзорѣ, остается классифицировать ихъ по содержанію, хотя и такое распредѣленіе не можетъ быть вполнѣ выдержано, такъ какъ у Марлинскаго часто въ одной и той же повѣсти развиваются сразу нѣсколько совершенно самостоятельныхъ темъ, и при томъ не однородныхъ; такъ, напримѣръ, въ бытовую картину вплетается фантастическій разсказъ, въ историческую повѣсть жанровыя сценки, въ описанія путешествій и походовъ автобіографическія признанія и т. д. Почти во всѣхъ повѣстяхъ царствуетъ характерный безпорядокъ, столь соотвѣтствующій темпераменту самого писателя. Если, однако, съ этимъ безпорядкомъ не считаться, то повѣсти Марлинскаго могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе группы:

I) Повѣсти сентиментально-романтическія по стилю и замыслу, въ большинствѣ случаевъ историческія, сюжетъ которыхъ взятъ либо изъ далекаго прошлаго, либо изъ болѣе близкихъ временъ.

II) Повѣсти или очерки съ сильнымъ преобладаніемъ этнографическаго элемента, т. е. разсказы изъ сибирской или изъ кавказской жизни, частью вымышленные, частью написанные съ натуры.

III) Повѣсти бытовыя изъ современной жизни или очень близкой къ современности; въ нихъ авторъ рисуетъ либо военную жизнь своего времени, либо по памяти разсказываетъ о жизни свѣтскаго круга, въ которомъ онъ вращался; наконецъ—

IV) Автобіографическія разсказы съ очень интимными страницами—своего рода дневники или листки изъ записной книги автора. Эта послѣдняя группа—самая цѣнная и для біографа, и для историка. Руководясь матерьяломъ, который она даетъ, біографъ можетъ глубже вникнуть въ сложную психику ори-

гинальной личности писателя, а историкъ найдетъ въ этомъ матерьялѣ отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ именно Марлинскій обязанъ своей славой и какія мысли и настроенія пришлись особенно по душѣ цѣлому широкому кругу русскихъ читателей 30-хъ годовъ.

XI.

Едва только успѣлъ Александръ Александровичъ обмѣнять юнкерскій мундиръ на офицерскій, какъ слава литератора затмила въ его глазахъ славу военнаго. Блестящій свѣтскій кавалеръ, онъ поступилъ въ ряды анонимныхъ литературныхъ застрѣльщиковъ. Во всѣхъ лучшихъ журналахъ двадцатыхъ годовъ попадались его замѣтки, критики, антикритики и отвѣты на антикритику, либо совсѣмъ не подписанные, либо помѣченные буквами (А. Б. или А. Б — евъ), статейки, въ которыхъ сквозило очень драчливое настроеніе. Всегда интересующійся послѣдней литературной новинкой, всегда остроумный и очень веселый, любящій щегольнуть самыми разнообразными свѣдѣніями, выступалъ этотъ рыцарь съ поднятымъ или закрытымъ забраломъ во имя словесности, къ которой питалъ нѣжнѣйшую страсть. Онъ вездѣ выглядывалъ ея враговъ или недостойныхъ поклонниковъ и скоро самъ рѣшился показать имъ, какъ ей служить должно. Не покидая выгодной позиціи критика, онъ одновременно сталъ и самъ себя подставлять подъ удары, какъ настоящій „сочинитель".

Александръ Александровичъ, назвавшись Марлинскимъ, преобразился: совсѣмъ молодой человѣкъ, онъ вмѣсто того, чтобы говорить о настоящемъ, все сворачивалъ на старину, развалины предпочиталъ всякому комфорту, соловья непрочь былъ вымѣнять на сову и даже вмѣсто слова „сентябрь" сталъ писать совсѣмъ по-русски „рюэнь". Пылкій молодой человѣкъ и къ дамамъ весьма неравнодушный, онъ со всѣмъ жаромъ своего краснорѣчія сталъ заступаться за святость семейнаго очага и за честь мужей, хотя бы и выслуживших всѣ сроки; къ выговорамъ, вѣроятно, весьма чувствительный, онъ сталъ выговаривать и дѣвицамъ за легкомысліе, и дамамъ за непостоянство, и молодымъ людямъ за недостатокъ скромности; человѣкъ безспорно общительный, всегда на виду, онъ обнаружилъ вдругъ любовь къ уединенію, и дикіе камни, обросшіе мохомъ и обгорѣлые пни сталъ предпочитать софѣ и постели; съ ближними весьма обходительный, онъ свелъ предосудительное знакомство съ разбойниками, которымъ иной разъ отдавалъ предпочтеніе передъ людьми съ исправнымъ паспортомъ; наконецъ, человѣкъ безспорно просвѣщенный, увѣровалъ въ знахарство, колдовство, заклинанія, напустилъ въ свои повѣсти вѣдьмъ, чертей, мертвецовъ и таинственныхъ незнаком-

цевъ, иногда болѣе коварныхъ, чѣмъ самъ дьяволъ, которому они служатъ.

Въ своихъ первыхъ разсказахъ, написанныхъ имъ въ періодъ его вольной жизни, Александръ Александровичъ былъ, какъ видимъ, чистокровнымъ сентименталистомъ и романтикомъ. Вкусъ къ такимъ сюжетамъ и къ такимъ пріемамъ творчества не покидалъ его и позже, когда онъ изъ забавнаго разсказчика обратился въ бытописателя; но въ юные годы онъ почти исключительно плавалъ въ вольныхъ моряхъ романтики, мало заботясь о томъ, что на твердой землѣ дѣлалось.

Въ тѣ молодые годы нашей словесности, родная старина во всѣхъ ея видахъ была въ большой модѣ. Стариной интересовались изъ любви къ исторіи, изъ патріотизма, изъ религіозныхъ чувствъ, а также нерѣдко изъ либерализма, однимъ словомъ старину пристегивали ко всѣмъ живымъ и ходкимъ теченіямъ мысли и настроенія александровскаго царствованія. Стариной нерусской занимались также не безъ современной тенденціи. Поэзію древняго міра, съ которой расправлялись весьма самовольно, любили потому, что она давала готовыя формы для выраженія — и жизнерадостности всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, которой было проникнуто тогдашнее поколѣніе, и политическаго либерализма, тогда сильно распространеннаго; средневѣковую старину любили за то, что въ ея монашескомъ и рыцарскомъ духѣ можно было найти поясненіе и выраженіе собственныхъ религіозныхъ чувствъ и чувства героизма, въ тѣ годы также весьма сильныхъ. Литературная археологія александровскаго царствованія была такимъ образомъ отнюдь не безпристрастна, и можно было жить мечтой въ старинѣ, а умомъ и сердцемъ въ настоящемъ.

Такъ жилъ и Марлинскій въ первые годы своей литературной дѣятельности, когда писалъ свои сказки съ сентиментальнымъ, романтическимъ, историческимъ и фантастическимъ содержаніемъ.

Какъ взоръ любви, или обѣты славы,
Плѣнительна святая старина,
Прапрадѣдовъ дѣянья величавы
И тихій бытъ, и грозная война!
Призывъ ея чарующій внимая,
Душа гудитъ, какъ арфа золотая!

писалъ нашъ авторъ въ предисловіи къ своей поэмѣ о князѣ Андреѣ Переяславскомъ. Онъ, дѣйствительно, искалъ въ старинѣ все больше взоровъ любви и обѣтовъ славы, и потому всѣ его историческія повѣсти сентиментальны по основному мотиву и героичны по настроенію. Иногда въ нихъ—въ особенности въ разсказахъ изъ русской старины—замѣтна нѣкоторая либеральная тенденція, но очень слабая. Марлинскій въ этотъ періодъ своей дѣятельно-

сти преимущественно трубадуръ, при случаѣ русскій патріотъ и большой моралистъ на весьма несложныя нравственныя темы.

О самостоятельности въ замыслѣ или объ оригинальности въ пріемахъ разработки этихъ историческихъ картинъ говорить нечего. Нашъ писатель находился въ полной зависимости отъ господствующаго тогда литературнаго вкуса и, стиля и кромѣ того, не могъ уберечь себя отъ подражанія образцамъ западнымъ. Слѣдъ хорошаго чтенія Вальтеръ-Скотта на его повѣстяхъ остался; въ любовныхъ мотивахъ слышны отзвуки поэзіи Мура, и нѣкоторые герои былыхъ временъ въ своихъ сентенціяхъ какъ будто упредили Байрона. Но такая зависимость не тяготитъ читателя, потому что Марлинскій, дѣйствительно, очень искусный разсказчикъ, а, главное, хорошій психологъ. Если въ его историческихъ повѣстяхъ есть безспорное достоинство, помимо вѣрности деталей, то оно въ этой правдоподобной мотивировкѣ иногда очень повышенныхъ романтическихъ чувствованій. Марлинскій не оставляетъ безъ поясненія ни одного психическаго движенія, всегда подготовляетъ къ нему читателя и въ этомъ весь реализмъ, если такъ можно выразиться, его неистовой иногда романтики. Но, и кромѣ этого, талантъ Марлинскаго иногда порываетъ съ романтической традиціей и даетъ волю своему остроумію и своей наблюдательности. Тогда какой-нибудь мнимо-свѣтскій разговоръ давнихъ лѣтъ обнаруживаетъ въ авторѣ искусство настоящей салонной болтовни; и какая-нибудь страница, въ разсказѣ почти лишняя, какая-нибудь бесѣда автора со встрѣчнымъ и поперечнымъ, съ крестьяниномъ (а Марлинскій съ ними въ своихъ повѣстяхъ всегда охотно бесѣдуетъ), съ рыбакомъ, съ солдатомъ показываетъ намъ въ нашемъ писателѣ тонкаго наблюдателя, умѣющаго схватывать даже языкъ своего собесѣдника, — что̀ совсѣмъ не удавалось нашимъ романтикамъ. Во всякомъ случаѣ историческіе разсказы и повѣсти Марлинскаго были лучшими образцами творчества этого литературнаго рода въ двадцатыхъ годахъ, когда пушкинская историческая повѣсть прошла для литературы безслѣдно, а повѣсть Гоголя еще не появлялась.

Нѣкоторыя драматическія положенія этихъ раннихъ повѣстей Марлинскаго до сихъ поръ сохранили свою красоту и свой романтическій ароматъ. Въ свое время они плѣняли читателя. Какъ долженъ былъ тогда нравиться, напримѣръ, задумчивый юноша, когда на берегу озера онъ сидѣлъ на разбитой молніей соснѣ и вѣтеръ сдувалъ съ его волосъ крупныя капли недавняго дождя. Разорванныя тучи разлетались по небу, громоздились на краю небосклона, волны катились на берегъ, и юноша думалъ о старинѣ, о псковитянахъ и крестоносцахъ, зрѣлъ предъ собой Александра Невскаго, исполнялся патріотизма и невольно мысль его неслась на-

встрѣчу другому Александру *)... Сколь многимъ могъ нравиться образъ дѣвы съ отуманеными печалью глазами, дѣвы, похожей на лилію, спрыснутую вешней росой, образъ ангела, который нѣженъ и кротокъ, но находитъ силы героя, когда нужно защищать свое сердце. Гдѣ-нибудь, опять на берегу озера, сидитъ эта дѣва... мирно лежатъ воды въ своихъ берегахъ, посреди нихъ недвижно плыветъ лебедь, будто созерцая небосклонъ, отраженный водами,— подобіе чистой души надъ безмятежнымъ моремъ думъ, въ коихъ свѣтлѣетъ далекое небо истины **)...

Тотъ кто любилъ, чтобы страницы разсказа были залиты кровью, могъ съ восторгомъ прочитать, напр., повѣсть Марлинскаго „Гедеонъ", гдѣ нашъ авторъ вспоминалъ своего предка Гедеона Бестужева, грознаго громителя ливонскихъ городовъ и великаго патріота, непризнавшаго Лжедимитрія; онъ могъ прочитать это страшное описаніе свадьбы дочери Гедеона Евпраксіи, когда въ палату пиршества ворвался нежданно рыцарь Шрейтерфельдъ, отца котораго зарубилъ Бестужевъ и младенцевъ сестеръ и братьевъ котораго дружина Бестужева разможила на камнѣ. Теперь этотъ рыцарь въ свою очередь неистовствовалъ на пиру своего недруга, перекололъ его гостей, поджегъ его хоромы и увелъ въ плѣнъ для страшной казни старика Гедеона, его дочь и ея жениха. Старику и жениху удалось бѣжать, но бѣдную Евпраксію Шрейтерфельдъ застрѣлилъ въ лѣсу, чтобы потомъ вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ на выручку женихомъ полетѣть въ бездну и оставить несчастнаго отца надъ тѣломъ дочери ***)...

Не меньше ужасовъ находилъ читатель и на страницахъ другой повѣсти „Измѣнникъ", гдѣ авторъ разсказывалъ о соперничествѣ двухъ братьевъ изъ-за переяславскаго воеводства и сердца прелестной Елены. Полякамъ и злымъ духамъ продалъ старшій братъ свою душу и вмѣстѣ съ полками Лисовскаго обложилъ родной городъ. Во время приступа на стѣнѣ столкнулся онъ со своимъ меньшимъ братомъ и убилъ его. Но онъ самъ палъ пронзенный и, умирая побѣдителемъ, услышалъ свой приговоръ: два польскихъ мародера кляли его имя, и не пожелали даже снять съ него богатаго платья, такъ какъ оно было обрызгано братнею кровью ****).

Читатель, котораго такіе страхи утомляли, могъ отдохнуть на другихъ страницахъ. Онъ могъ съ удовольствіемъ перелистать, напр., повѣсть изъ смутнаго времени подъ загла-

*) «Листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера» 1821—23 г. Коротенькая замѣтка, писанная въ стихахъ и въ прозѣ во время лагерной стоянки.

**) «Наѣзды» 1831 г.

***) «Гедеонъ», 1821 г.

****) «Измѣнникъ» 1825 г.

віемъ „Наѣзды“ — исторію жизни и смерти несчастной дворянки Варвары Васильчиковой, которая во время польскихъ наѣздовъ на русскую землю была увезена разбойниками и затѣмъ вмѣсто погодной платы уступлена вельможному пану Колонтаю Рѣжицкому. Но въ семьѣ этого пана вмѣсто преслѣдованій и страданій она нашла любовь и ласку. Рыцарь безъ страха и упрека, образецъ дворянскаго благородства, сынъ пана Колонтая — Левъ полюбилъ ее, и она со своей стороны стала терять свободу своего сердца. Но это сердце принадлежало не только ей, но и ея родинѣ, по которой она тосковала. Она не могла полюбить какъ должно поляка, иноземца и иновѣрца; она ждала своего избавителя,—русскаго. И онъ явился въ лицѣ друга ея дѣтства князя Серебрянаго, который накрылъ шайку разбойниковъ, нѣкогда ее увезшихъ, узналъ, гдѣ она и, презирая всѣ опасности, подъ чужимъ польскимъ именемъ, явился въ домѣ Колонтая. Въ моментъ, когда онъ хотѣлъ бѣжать съ плѣнницей, онъ былъ узнанъ и брошенъ въ тюрьму. Онъ погибъ бы лютой казнью, если бы его не спасъ его соперникъ, благородный Левъ Колонтай, который подавилъ въ себѣ и любовь, и ревность и, не пожелавъ неволить чужого сердца, ночью провелъ къ Серебряному Варвару, а къ воротамъ темницы двухъ коней. Наши узники бѣжали благополучно, но на границѣ попали подъ перестрѣлку русскихъ и поляковъ, и случайная пуля поразила на смерть Варвару.

Марлинскій разсказалъ эту трогательную исторію съ большимъ искусствомъ. Ему въ особенности удались всѣ сцены изъ польской жизни, къ которой онъ имѣлъ случай присмотрѣться въ годы своихъ офицерскихъ экспедицій. Онъ не польстилъ характеру польскихъ пановъ, но отдалъ должное ихъ храбрости и рыцарскимъ чувствамъ. Панъ у себя въ домашней обстановкѣ, панъ въ гостяхъ, въ бесѣдѣ съ дамой, панъ на балу, панъ въ разговорѣ съ крестьяниномъ и жидомъ, — обрисованъ нашимъ авторомъ съ большимъ юморомъ и правдой, которая кое-гдѣ лишь нарушена въ угоду патріотизму.

Любовь къ отчизнѣ заставила Марлинскаго не только говорить колкости по адресу разныхъ супостатовъ, но также не всегда справедливые комплименты нашимъ предкамъ. Иногда какой-нибудь новгородскій герой, заслужившій своею храбростью и своимъ страданіемъ руку прелестной дѣвы, которую ему не желала уступить спѣсивая и богатая ея родня, какой-нибудь молодой русскій рыцарь удалый на „игрушкахъ военныхъ“ (т. е. на турнирахъ), иногда онъ на вѣчѣ произноситъ рѣчь, которой могъ бы позавидовать любой либералъ александровскаго времени. Онъ говоритъ съ жаромъ о самоуправленіи церковномъ и государственномъ, о разныхъ тонкостяхъ международнаго права, о необходимомъ тѣсномъ сліяніи Руси съ западомъ, „откуда намъ текутъ искус-

ства, рукодѣлія и всѣ новыя изобрѣтенія"... онъ старается подорвать вѣру во всемогущество Москвы, высказывается противъ всякой уступки правъ, признавая, что такая уступка всегда становится чужимъ правомъ... *).

Выразителемъ такого же просвѣщеннаго и либеральнаго образа мыслей долженъ былъ быть и князь Андрей Переяславскій, судьба котораго очень занимала воображеніе нашего писателя въ тяжелые дни его заключенія въ финляндскомъ фортѣ „Слава".

Марлинскій писалъ свою повѣсть въ стихахъ, неуклюжихъ и мало поэтичныхъ, не довелъ ея и до половины и очень разсердился, когда, противъ его воли, она была напечатана. „Лица въ моемъ сочиненіи были замысловаты не по своему вѣку,—признавался потомъ сочинитель,—рѣчи пышны не по людямъ, однимъ словомъ: я обулъ въ русскіе лапти нѣмецкую философію". Содержаніе повѣсти по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ возстановить невозможно, такъ же, какъ нельзя найти въ ней и слѣдовъ нѣмецкой философіи. Въ ней остался одинъ только слѣдъ гуманныхъ и либеральныхъ воззрѣній самого автора на вопросъ о власти и ея носителѣ. Можно, конечно, разсердиться на князя Андрея за то, что онъ съ разнымъ полу-звѣрьемъ половецкимъ и русскимъ разговариваетъ какъ съ людьми разумными, но нельзя не полюбить его за такія, напр., рѣчи:

Я не умру въ бездонной мглѣ,
Но сѣдиной вѣковъ юнѣя,
Раскинусь благомъ по землѣ,
Воспламеняя и свѣтлѣя!
И прокатясь ключемъ съ горы
Подъ сѣнью славы безымянной,
Столь отдаленной и желанной,
Достигну радостной поры,
Когда, познавъ законъ природы,
Завѣтный плодъ во мглѣ временъ
Людьми посѣянныхъ сѣмянъ
Пожнутъ счастливые народы.
Когда на землю снидутъ вновь
Покой и братская любовь,
И свяжетъ радуга завѣта
Въ одинъ народъ весь смертный родъ,
И вѣра всѣ предѣлы свѣта
Волной живительной сольетъ,
Какъ море благости и свѣта!
Въ надеждѣ сей познай
Мою сладчайшую отраду,
Мою мечту, мою награду,
Мое безсмертіе и рай! *)

Создать, однако, что-нибудь художественное, идеализируя ста-

*) «Романъ и Ольга» 1823 г.
**) «Андрей князь Переяславскій» 1827 г.

рину такъ произвольно и подгоняя подъ нея современные взгляды, было очень трудно. Всякій такой психологическій анахронизмъ могъ и долженъ былъ тогдашнему читателю нравиться, но онъ становился поперекъ дороги свободному творчеству автора.

Столь же фальшивы, какъ эти либеральные и благомыслящіе наши предки, были и тѣ скорбныя фигуры, которыя авторъ позволялъ себѣ иногда рядить въ старый костюмъ. Когда онъ создавалъ въ стилѣ общеевропейской романтики задушевный скорбный типъ какого-нибудь морского офицера Рональда, влюбленнаго въ адмиральскую дочь—счастливаго на кораблѣ и затѣмъ потерявшаго сердце своей Мэри, унесенной волнами свѣтской жизни, и ими загубленной *)—когда Марлинскій набрасывалъ такіе туманные образы обиженныхъ и страдающихъ любовниковъ, то онъ просто копировалъ какой-нибудь западный оригиналъ; но онъ несъ всю отвѣтственность передъ правдой, когда эту скорбную мину недовольнаго людьми человѣка или демоническую улыбку скептика придавалъ русскимъ боярамъ давняго времени. А онъ это иногда дѣлалъ, и тогдашній читатель бывалъ доволенъ, когда характеристику какого-нибудь героя XVI и XVII вѣка авторъ заканчивалъ, напр., такими словами: „кто знаетъ, любовь или гнѣвъ волновали его душу, когда лицо его то пылало кровью, то вновь тускнѣло какъ булатъ? Кто знаетъ, гордость ли воздымала такъ высоко его брови, презрѣніе ли двигало уста? Высокія-ль думы, или тяжкое преступленіе провело морщины на челѣ? Иногда взоръ его сверкалъ огнемъ, но потухалъ столь мгновенно, что наблюдатель оставался въ сомнѣніи, видѣлъ ли онъ то, или такъ ему показалось.—Его жизнь, его страсти, его замыслы оставались неразрѣшенною загадкой".

Съ бо̀льшимъ историческимъ чутьемъ, чѣмъ эти разсказы изъ родной старины, написаны Марлинскимъ его повѣсти изъ исторіи остзейскаго рыцарства. Онъ очень интересовался судьбой этого института, хорошо зналъ его исторію и потратилъ не мало времени на изученіе древностей Прибалтійскаго края. Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ задумалъ—вѣроятно, по примѣру Стерна—описать одно свое путешествіе въ Ревель, и написалъ тогда цѣлую книгу, которую и издалъ отдѣльно **).

Легче указать на то, чего нѣтъ въ этой книгѣ, чѣмъ на ея содержаніе; безпорядокъ въ ней царитъ полный и самъ авторъ проситъ читателя простить „вѣтреннаго кавалериста за то, что онъ бросалъ свои невыровненные періоды съ пера, очиненнаго саблею,

*) «Ночь на кораблѣ, изъ записокъ гвардейскаго офицера, на возвратномъ пути въ Россію, послѣ компаніи 1814 года» 1822 г.

**) «Поѣздка въ Ревель» 1820—1821 г.

въ быстрые промежутки забавъ и усталости, даже подъ холоднымъ крыломъ сна". Таланта въ книгѣ немного, но за то много знанія; стерновскаго остроумія нѣтъ, но есть цѣнный матерьялъ для біографа. На разныхъ станціяхъ между Петербургомъ и Ревелемъ Марлинскій садится писать свой дневникъ и болтаетъ обо всемъ, объ исторіи, археологіи, этнографіи, географіи, возвращается часто къ вопросамъ литературнымъ и позволяетъ себѣ кое гдѣ чисто личныя признанія. Изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ видно, какъ хорошо онъ зналъ древности тѣхъ окраинъ, по которымъ путешествовалъ.

Этими знаніями онъ и воспользовался для нѣкоторыхъ историческихъ повѣстей. Онѣ—лучшее, что имъ написано въ этомъ родѣ. Много движенія, жизни и красокъ, напр., въ разсказѣ о „ревельскомъ турнирѣ", который такъ счастливо кончился для купеческаго сына Эдвина, влюбленнаго въ Минну, единственную дочь рыцаря Буртнека. Этого Буртнека изобидѣлъ большой забіяка рыцарь Унгернъ, и обиженный старикъ рѣшилъ отдать свою прелестную дочь замужъ за того, кто на турнирѣ опрокинетъ его обидчика. Эдвинъ, какъ купецъ, не имѣлъ права сражаться съ рыцарями, но съ закрытымъ забраломъ всетаки проникъ за рѣшетку и побѣдилъ. Его, какъ побѣдителя, и не судили. Старикъ Буртнекъ, у „котораго въ гербѣ не было сердца, но за то было сердце въ груди отеческой" покапризничалъ, но отдалъ дочь за купца и далъ нашему автору возможность прочитать хорошую мораль, для дворянъ вообще не безполезную. Мораль и для того времени была не новая; но что было ново, такъ это—детальная и живая картина рыцарскихъ нравовъ и жизни въ рыцарскомъ замкѣ *).

Марлинскій любилъ реставрировать эти замки, развалины которыхъ попадались ему на глаза во время его стоянокъ и походовъ. Такъ реставрировалъ онъ — „Замокъ Венденъ", „Замокъ Эйзенъ" и „Замокъ Нейгаузенъ". Это очень мрачныя легенды. То это исторія одного жестокаго крестоносца-магистра, который пользуется своей властью для личной прихоти, разоряетъ своихъ вассаловъ, роняетъ честь своего ордена, готовъ надругаться надъ тѣмъ, кто рѣшается ему напомнить о правдѣ; исторія недостойнаго властителя, который, наконецъ, погибаетъ отъ меча оскорбленнаго имъ дворянина, ночью проникшаго въ его неприступный замокъ**). То это разсказъ о свирѣпомъ баронѣ, мучителѣ своихъ крестьянъ и всѣхъ сосѣдей, который на старости лѣтъ отнялъ у племянника невѣсту и женился на ней... Онъ бросилъ этого несчастнаго Регинальда въ тюрьму и хотѣлъ сгноить его въ подвалѣ, но, въ его отсутствіе, племянникъ бѣжалъ и затѣмъ при встрѣчѣ убилъ его. Всѣ вздохнули свободно и Регинальдъ уже стоялъ у налоя съ не-

*) «Ревельскій Турниръ» 1825 г.
**) «Замокъ Венденъ» 1832 г.

вѣстой, которую у него отняли, когда прискакалъ братъ убитаго барона и въ свою очередь убилъ убійцу и закопалъ невѣрную жену живою въ землю *).

То, наконецъ, это исторія дьявольскаго коварства одного рыцаря, который, влюбившись въ жену своего друга Эвальда, оклеветалъ ее передъ мужемъ, заставилъ его повѣрить, что чистая душой Эмма измѣнила ему и отдалась новгородцу Всеславу, который, какъ плѣнникъ, жилъ на правахъ друга въ его замкѣ. Онъ, безсовѣстный злодѣй, оклеветалъ и самого Эвальда передъ страшнымъ тайнымъ судомъ, бросилъ его въ тюрьму и готовился своими руками зарѣзать его, чтобы овладѣть Эммой, которую успѣлъ уже похитить, но въ критическій моментъ подоспѣлъ новгородецъ со своей дружиной и злодѣй былъ выброшенъ изъ окошка, а Эмма перехвачена и освобождена **).

Такія страшныя сказки разсказывалъ Марлинскій, придавая имъ особую ходкость блестящимъ литературнымъ изложеніемъ. Читатель того времени находилъ въ нихъ все по своему вкусу: и запутанную интригу, и нѣжныя романтическія чувства, и прелесть грознаго и страшнаго и, наконецъ, для сердца радостный патріотизмъ.

Тотъ, кто въ особенности любилъ страшное, могъ зачитаться повѣстями нашего автора, такъ какъ изъ всѣхъ писателей двадцатыхъ годовъ, не исключая и Жуковскаго, Марлинскій всего чаще прибѣгалъ къ этому романтическому эффекту.

Онъ былъ, напр., очень искуснымъ разсказчикомъ страшныхъ разбойничьихъ исторій. Разбойникъ — типичное лицо во многихъ его повѣстяхъ. Иногда это простой грабитель и злоумышленникъ — воплощеніе безсердечія и кровожадности, передъ которой безгласна и женская красота, и невинность ребенка; въ такомъ случаѣ это олицетвореніе изнанки рода человѣческаго — хорошій фонъ, чтобы на немъ лучше выдвинуть человѣческую красоту и добродѣтель ***). Иногда самъ разбойникъ даетъ примѣры такой красоты и добродѣтели и является жертвой случайности или соціальной неурядицы. Тогда онъ, при всемъ антисоціальномъ образѣ своей жизни, являетъ примѣры благородства, тонкихъ чувствъ и самоотверженнаго патріотизма.

Симпатіи автора, конечно, на его сторонѣ, и онъ русскому мужику позволяетъ иногда пародировать Карла Моора или падшаго ангела, который груститъ объ утраченномъ раѣ ****).

„Нынче дамы нерѣдко назначаютъ свиданье на кладбищѣ“,

*) «Замокъ Эйзенъ» 1825 г.

**) «Замокъ Нейгаузенъ» 1824 г.

***) Таковы разбойничьи сцены въ разсказахъ: «Вечеръ на кавказскихъ водахъ» 1830 г., «Наѣзды» 1831 г., «Еще листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера» 1821 г.

****) «Романъ и Ольга» 1823 г.

шутилъ однажды Марлинскій и, угождая вкусу не только дамъ, но и весьма солидныхъ мужей того времени,—переносилъ мѣсто дѣйствія своихъ разсказовъ нерѣдко въ такія мѣста, которыя ночью обходишь.

Таинственное и фантастическое попадается въ его повѣстяхъ очень часто. Иногда такое вторженіе сверхчувственнаго есть лишь одна изъ формъ мнимой народности, столь распространенной въ тѣ годы. Колдуны, вѣдьмы, разныя формулы заклинаній и наговоровъ — были излюбленными археологическими деталями любой романтической повѣсти и очень часто теряли всякій ароматъ таинственности, вырождаясь въ совершенно шаблонные вставки и описанія. И Марлинскій не всегда умѣлъ избѣжать такого шаблона, но изъ всѣхъ нашихъ писателей до Гоголя ему одному удалось дать намъ почувствовать дѣйствительно „народное“, кроющееся въ суевѣріи. Онъ достигъ этого тѣмъ, что изображалъ съ большимъ реализмомъ именно ту народную среду, въ которой такія вѣрованія пускаютъ свои корни. Такъ сдѣлалъ онъ, напр., въ повѣсти „Страшное гаданье“.

Фабула разсказа — страшный сонъ, приснившійся какому-то ловеласу, который ночью скакалъ на балъ, гдѣ долженъ былъ сдѣлать набѣгъ на чужое семейное счастіе. Дѣло было зимой, въ деревнѣ. Метель занесла дорогу и нашъ пылкій любовникъ вмѣсто бала попалъ на сельскія посидѣлки; здѣсь судьба свела его съ какимъ-то парнемъ, который предложилъ ему погадать „страшнымъ гаданьемъ“, заклявъ нечистаго на воловьей кожѣ. Они отправились на кладбище, гдѣ и уснули *). Самое характерное въ повѣсти—это очень живое описаніе крестьянскихъ посидѣлокъ: участники ихъ разсказываютъ другъ другу всякіе страхи то про чортовъ свадебный поѣздъ, то про чернаго ангела, про эфіопа, который завсегда у каждаго человѣка за лѣвымъ плечомъ стоитъ, то про мертвеца, который пришелъ въ гости требовать себѣ отнятый у него саванъ... и всѣ эти разсказы переданы такимъ правдоподобнымъ народнымъ языкомъ и впечатлѣніе, произведенное ими на суевѣрную аудиторію схвачено такъ живо, что эти простонародныя легенды дѣйствуютъ на читателя сильнѣе, чѣмъ накопленіе какихъ угодно романтическихъ ужасовъ. Реальное воспроизведеніе слышаннаго оказалось въ данномъ случаѣ дѣйствительнѣе расходившагося воображенія.

Иногда фантастическое проявляется у Марлинскаго и не въ такой простой народной формѣ. Нашъ авторъ проводитъ его въ повѣсть инымъ литературнымъ пріемомъ, которому его обучила западная романтика, а именно среди дѣйствующихъ лицъ появляется вдругъ какая-нибудь таинственная личность съ неизвѣст-

---

*) «Страшное гаданье» 1831 г.

нымъ прошлымъ и съ очень загадочнымъ поведеніемъ въ настоящемъ. Замѣчанія этого таинственнаго лица рѣзки, шутки ядовиты, слова отзываются какой-то насмѣшливостью надо всѣмъ, что люди привыкли уважать, злая усмѣшка презрѣнія ко всему окружающему безпрестанно бродитъ у него на лицѣ и, когда онъ наводитъ свои пронзающіе очи, невольный холодъ пробѣгаетъ по кожѣ. Веселье гаснетъ при его приближеніи и добрые люди становятся способны на злое... Иногда этотъ таинственный гость — искуситель и вмѣстѣ съ тѣмъ палачъ своей жертвы *), иногда же цѣль его вмѣшательства въ нашу жизнь остается совсѣмъ неизвѣстной и мы ощущаемъ только какое-то вѣяніе чудеснаго, которое очень умѣло передано авторомъ. Въ маленькомъ сборникѣ страшныхъ разсказовъ, который авторъ озаглавилъ „Вечера на кавказскихъ водахъ въ 1824 году"—появляется такая личность венгерскаго дворянина Коралли, искателя какого-то таинственнаго клада. По ночамъ онъ долго и пристально сиживалъ за какими-то книгами и тщательно запиралъ ихъ въ другое время... неясные звуки вырывались изъ груди его, даже во снѣ тяжело стоналъ онъ, словно совѣсть его была подавлена какимъ то преступленіемъ и могильная синева лица его, его впалыя, почти неподвижныя очи, рѣчь прерывистая и разсѣянная, обличали гораздо болѣе страданіе души, чѣмъ разрушеніе тѣлесное. Когда онъ умиралъ, въ комнатѣ его слышался ропотъ невнятнаго разговора и затѣмъ пронзительный и страшный кликъ ужаса раздался тамъ вмѣстѣ съ незнакомымъ могильнымъ голосомъ нездѣшняго міра, который произносилъ звуки укора... **) Этотъ незнакомецъ появляется въ повѣсти Марлинскаго какъ какое-то привидѣніе и контрастъ между его мрачной фигурой и веселыми лицами военной молодежи, которая коротаетъ свое время, разсказывая о немъ страшныя сказки—контрастъ очень эффектный.

Таковы въ общихъ очертаніяхъ всѣ романтическіе типы и пріемы въ раннихъ повѣстяхъ Марлинскаго. Они, какъ видимъ, очень разнообразны, красивы и выдержаны въ хорошемъ романтическомъ стилѣ. Для любителя старины, хотя бы и поддѣльной, для патріота, для поклонника героизма въ людяхъ, для цѣнителя нѣжныхъ чувствъ и, наконецъ, для искателя ощущеній таинственнаго и страшнаго, въ сочиненіяхъ Марлинскаго было много приманокъ. Если прибавить къ этому, что нашъ авторъ былъ большимъ моралистомъ, что почти каждый его разсказъ подтверждалъ какую-нибудь нравственную истину и доказывалъ тор-

---

*) Какъ, напр., въ повѣсти «Страшное гаданіе», гдѣ такой неизвѣстный увлекаетъ героя, правда во снѣ, отъ преступленія къ преступленію.

**) Въ повѣсти «Слѣдствіе вечера на кавказскихъ водахъ» 1830 г. Марлинскій попытался этотъ таинственный типъ приблизить къ типу разочарованнаго нелюдима, пострадавшаго отъ эгоизма общества, но повѣсть осталась неоконченной.

жество добродѣтели при всевозможныхъ испытаніяхъ или наказаніе порока, при временномъ его торжествѣ, то Марлинскій въ глазахъ читателя долженъ былъ стать не только занимательнымъ, но и благомыслящимъ писателемъ, — а „благомысліе“ въ тѣ сентиментальные годы цѣнилось очень высоко.

Быстрый ростъ его славы вполнѣ понятенъ и законенъ.

И какъ разъ въ то время, когда эта слава была имъ завоевана, его имени пришлось на долгіе годы исчезнуть со страницъ всѣхъ журналовъ; когда затѣмъ, во второй разъ, въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, имя Марлинскаго прогремѣло, передъ читателемъ былъ уже иной авторъ. Годы поселенія и солдатской службы научили его многому: углубили его способность понимать человѣческія чувства и мысли и воспроизводить ихъ въ образахъ, расширили кругъ его наблюденій какъ бытописателя, дали много новыхъ мѣстныхъ красокъ для его разсказовъ, заставили его часто вспоминать о нѣкогда пережитомъ и—утѣшая себя—вновь переживать его въ мечтахъ, и нашъ романтикъ, археологъ, историкъ и духовидецъ сталъ приближаться, какъ художникъ, къ дѣйствительности. Онъ, впрочемъ, недоразвился до настоящаго поэта этой дѣйствительности и остановился на полдорогѣ, т. е. не онъ остановился, а случайная смерть не позволила ему идти дальше.

XII.

Въ тридцатыхъ годахъ, среди общей массы нашихъ читателей было, вѣроятно, не мало лицъ, которыя впервые получили правильное понятіе о Сибири и о Кавказѣ изъ сочиненій Марлинскаго. Разсказы изъ быта этихъ окраинъ попадались иногда въ литературѣ того времени. Въ поискахъ за разными „мѣстными красками“—которыя такъ высоко ставилъ тогдашній романтизмъ—писатель нерѣдко „летѣлъ мечтой“ въ сибирскія тайги и тундры и въ горы Кавказа. Такое путешествіе, въ особенности въ Сибирь, даже въ мечтахъ было сопряжено съ большими трудностями, но онѣ не испугали, напр., ни И. И. Дмитріева, ни Хомякова, которые примѣривали разные западные костюмы и латы на Ермака и сибирскихъ шамановъ, заставивъ ихъ предварительно пройти цѣлую школу образцовой риторики. Если эта риторика отсутствовала, то она замѣнялась занимательностью сюжета, т. е. опять-таки условной запутанностью разсказа, какъ, напр., въ романахъ изъ сибирской жизни достаточно извѣстнаго тогда литератора Калашникова. Марлинскій былъ первый, въ случайныхъ и бѣглыхъ замѣткахъ котораго о Сибири мѣстный колоритъ былъ выдержанъ въ согласіи съ правдой. Онъ же первый говорилъ намъ о кавказскихъ горцахъ и плѣнительныхъ

татаркахъ и лезгинкахъ, избѣгая по возможности ссылокъ на Байрона и его учениковъ. Онъ зналъ всѣхъ этихъ восточныхъ людей близко и видѣлъ, и слышалъ, и обонялъ ихъ, и при словѣ востокъ вспоминалъ не долину Кашемира, а базарную площадь въ Якутскѣ или улицы Дербента, которыя, какъ гласитъ легенда, строилъ самъ чортъ, въ потемкахъ планируя ихъ по своему хвосту. Если тѣмъ не менѣе Марлинскій и подкрашивалъ и подмалевывалъ иногда восточные пейзажи и лица, то въ нихъ все-таки оставалось правды настолько, чтобы поставить имя нашего писателя наряду съ первыми по времени этнографами,—учеными покорителями Сибири и Кавказа.

О Сибири Марлинскій говорилъ лишь мимоходомъ и при томъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавней тюрьмы и ссылки. Вотъ почему въ его сибирскихъ очеркахъ *) такъ много говорится о свободныхъ стихіяхъ природы.

„Грязный сынъ этой вѣчно юной матери" изображенъ во всей его наготѣ и непривлекательности, и видно, что нашъ цивилизованный европеецъ совсѣмъ не увлеченъ простотой первобытной культуры, не смотря на все, что о ней могли ему говорить въ его юности разныя модныя книжки.

Но чѣмъ скучнѣе и грубѣе казался Марлинскому навязанный ему судьбою сибирскій сосѣдъ—обитатель береговъ Лены—тѣмъ сама Лена и вся сибирская природа была ему милѣе. Онъ любилъ говорить о ней, объ ея веселіи и печали, и его „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири"—настоящій портфель эскизовъ странствующаго пейзажиста.

На нѣкоторыхъ листкахъ этого портфеля любуешься красотой рисунка.

Разсвѣтъ чуть брезжетъ; красивая полоса зари сквозитъ на краю горизонта и густые пары приподнимаютъ свою завѣсу. Солнце встаетъ какъ огненный шаръ наравнѣ съ землею—и вдругъ тысячи радугъ играютъ по снѣгу, по заледенѣлымъ травамъ болотнымъ и по сучьямъ кустарниковъ. Алмазныя кисти и нити и кружева зыблются, блещутъ, роняютъ искры... и все это на мигъ: солнце запало и съ нимъ исчезаетъ очарованіе; снова стелется мертвое поле подъ саваномъ снѣга; снова чахлые кустарники стоятъ кругомъ, отягчены инеемъ. Не видать ни птички, не слышно никакого голоса—это что-то страшнѣе могилы!

Катится Лена, сердитая Лена, протекая между багровыхъ скалъ, громоздитъ льдины на льдины. Какъ плавучіе острова,

*) Много этнографическаго матерьяла, описаній нравовъ, жизни, характера якутовъ сохранено въ письмахъ Бестужева къ его братьямъ и знакомымъ. Описанію особаго празднества «начатковъ-кумыса» посвящена маленькая статейка «Сибирскіе нравы Исыхъ» 1831 г. Цѣлый рядъ картинъ природы данъ въ статьѣ «Отрывки изъ разсказовъ о Сибири» 1830—1—2 г.

быстро несутся онѣ по теченію и, сокрушаясь, звучатъ подобно гармоникѣ. Въ колѣнахъ, касаясь берега, онѣ точатъ, подрываютъ его и нерѣдко кремнистыя глыбы лежатъ на хребтѣ голубыхъ прозрачныхъ льдинъ; настигающій ледъ лѣзетъ выше и выше: рѣка вздувается, бушуетъ, и вдругъ прорывается хлябь водопадами, у которыхъ каждый валъ—ледяная громада...

Горятъ лѣса... далеко встрѣчаютъ путника, плывущаго по рѣкѣ, облака дыма; видны волны пламени, разливающіяся по горѣ; иной утесъ кажется дракономъ съ огненною гривою, съ трескомъ пожигаетъ пламя валежникъ, сухой лѣсъ и опушку. Высокіе кедры и сосны обгораютъ только до половины... Огонь ползетъ, вьется по нимъ, какъ змѣя; яркое зарево играетъ надъ головою, и путникъ вплываетъ подъ сводъ его, будто въ мрачное жерло ада...

Высятся скалы, которымъ причудливая игра природы дала образованіе длинныхъ колоннадъ, минаретовъ, колоколенъ. Рѣка омываетъ стѣны какого-то дивнаго замка и великанскихъ башенъ его, увѣнчанныхъ зубцами, поросшихъ мохомъ и утлыми деревьями. Тамъ необъятной величины голова будто смотрится въ пучинѣ; тамъ сверкаетъ ключъ въ глубинѣ таинственной пещеры. Какая-то святая тишина лежитъ на дѣвственномъ твореніи, и душа сливается съ дикою, но величественною природой...

Но вотъ берега становятся площе и площе. Лѣсъ рѣже и мельче, мохъ замѣняетъ траву, рѣка течетъ почти по болоту. Самое взморье наводитъ тоску на сердце; милліоны баклановъ, гусей, журавлей, всякихъ птицъ водныхъ гуляютъ по плавучему мху, плаваютъ по заводямъ, перелетаютъ съ озера на озеро, плещутся, играютъ. Стонъ стоитъ отъ ихъ крика на поморьѣ—и это единственный голосъ жизни. Берегъ и море и небо сливаются въ единообразную, туманную черту. Взору не на чемъ отдохнуть въ пустомъ отдаленіи; ни одинъ цвѣтокъ не манитъ руки: все грустно, все дико... Самое солнце, блѣдное, безлучное солнце, незакатимо ходитъ по небу, какъ труженикъ...

Человѣку среди этой величественно-печальной природы отведено у Марлинскаго очень мало мѣста... Сонъ, или лучше сказать спячка въ краю, въ которомъ вся зима есть ночь,—необходимо долженъ заполнять большую часть времени... Энергія у этихъ молчаливыхъ и унылыхъ сыновъ сѣвера просыпается лишь въ минуту опасности, въ борьбѣ или дружбѣ со звѣринымъ царствомъ; и своенравная сибирская собака, сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, и даже барсъ, вносятъ въ разсказы Марлинскаго то оживленіе, которое никакъ не могутъ внести люди... вялые и сонные въ городахъ или обреченные на животное и растительное прозябаніе на волѣ, въ тундрахъ и тайгѣ, гдѣ приходится иной женщинѣ оледенѣть надъ груднымъ младенцемъ, который, не найдя молока въ истощенной груди, лежитъ у нея на колѣняхъ мертвый; гдѣ иной разъ находятъ человѣка съ ногами на погасшемъ очагѣ, закоче-

нѣвшимъ, грызя ремень обуви, съ судорожной тоской на лицѣ и поднятыхъ къ небу мертвыхъ глазахъ...

Но если въ комъ бьетъ ключъ настоящей жизни—или въ въ комъ видна готовность на всяческую борьбу, такъ это въ самомъ нашемъ авторѣ, который острить даже на сорокаградусномъ морозѣ и эпиграфомъ для своихъ разсказовъ изъ царства мрака, холода и смерти беретъ жизнерадостный стихъ Гете:

Dem Schnee, dem Regen,
Dem Wind entgegen,
Im Dampf der Klüfte.
Durch Nebeldüfte,
Immer zu, immer zu!
Ohne Rast uud Ruh!

XIII.

„Никакой край міра не можетъ быть столь новъ для философа, для историка, для романтика, какъ Кавказъ"—писалъ Марлинскій въ одномъ изъ своихъ кавказскихъ очерковъ, и эту мысль онъ стремился подтвердить своими разсказами.

Онъ въ нихъ немало философствовалъ, пускаясь въ подробные психологическіе очерки страстей и душевныхъ движеній, которыя подмѣчалъ на востокѣ у самыхъ разнообразныхъ горскихъ племенъ; какъ историкъ, онъ вплеталъ въ свои повѣсти разныя историческія справки, описывалъ внѣшній бытъ, всевозможные обряды религіозные и семейные, пересказывалъ повѣрья и легенды; какъ романтикъ, онъ развернулъ передъ нами цѣлый рядъ картинъ изъ жизни кавказской природы, и разсказалъ много причудливыхъ сказокъ объ ея обитателяхъ.

Александра Александровича сердило, что мы такъ мало знаемъ Кавказъ и что свѣдѣнія о немъ текутъ къ намъ сквозь иностранное рѣшето. Всѣ эти иностранцы, писавшіе о Кавказѣ—говорилъ онъ — были въ большинствѣ случаевъ ученые оріенталисты и, конечно, любопытно прочитать у нихъ о новооткрытой на Кавказѣ божьей коровкѣ и о невиданномъ доселѣ репейникѣ, но вѣдь для человѣка есть и нѣчто болѣе важное, есть человѣкъ—съ его нравами, обычаями и привычками, и о немъ-то пока прочитать негдѣ.

Мы, европейцы, всегда съ ложной точки смотримъ на полудикія племена. То мы ихъ обвиняемъ въ жестокости, въ вѣроломствѣ, въ хищеніяхъ, въ невѣжествѣ, то, кидаясь въ другую крайность, восхищаемся ихъ простотой, гостепріимствомъ—и не перечтешь какими добродѣтелями... То и другое напрасно; какъ люди, и горцы носятъ въ себѣ циркулярные недостатки и добрыя качества, свойственныя человѣчеству, и въ оцѣнкѣ этихъ добродѣтелей и недостатковъ нельзя придерживаться нашего этиче-

скаго масштаба. Еще меньше можно руководиться въ своей любви къ нимъ какими-нибудь политическими симпатіями. Набивши свою голову школьными видами правленій, мы мечтаемъ видѣть въ какой-нибудь Кабардѣ или Чечнѣ республики; производимъ черкесскаго князька въ феодальнаго властителя и воображаемъ, что узден рыцарскій баронъ. Все это вздоръ. Если среди горскихъ племенъ встрѣчается утопія Жанъ Жака Руссо, то это грязная, ненарумяненная, нагая утопія, естественное состояніе, совпадающее съ дикостью и звѣриной жизнью. Все это нужно помнить, когда мы говоримъ о Кавказѣ или хотимъ описывать его. Лучше всего побольше непосредственности въ описаніяхъ; пусть будетъ меньше порядка, но больше живости; менѣе учености, но больше занимательности... Облеките все въ драматическія формы — говоритъ нашъ писатель — ну хоть по примѣру Вальтера-Скотта, по романамъ котораго знакомишься съ Шотландіей лучше, чѣмъ по самой исторіи...

Всѣ эти мысли Марлинскаго даютъ намъ ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ его очерковъ изъ кавказской жизни. Нашъ авторъ не слѣдуетъ примѣру тѣхъ лицъ, которые, восхваляя некультурный Кавказъ, желали кольнуть современную имъ цивилизацію, или прославить какую-нибудь слащавую идиллію *). Для нашего безпристрастнаго наблюдателя, востокъ—богатая сокровищница всевозможныхъ любопытныхъ свѣдѣній и явленій. Если онъ, дѣлясь этими наблюденіями съ русскимъ читателемъ, облекалъ ихъ въ форму повѣсти и поэтому долженъ былъ примѣшивать вымыселъ къ истинѣ, то всетаки и въ этомъ смѣшеніи были съ небылицей, онъ стремился сохранить насколько возможно правду жизни. Какъ романтику, она ему не далась вполнѣ, но онъ иной разъ подходилъ къ ней близко. Его безпристрастіе и наблюдательность сказывались въ томъ, что онъ этихъ людей стремился изучить и изобразить во всевозможныхъ условіяхъ ихъ быта, въ самые различные моменты ихъ жизни. Онъ не подражалъ тѣмъ романистамъ, для которыхъ востокъ и поэзія были понятія равнозначущія. Вотъ почему въ кавказскихъ повѣстяхъ Марлинскаго такъ много отступленій и вставокъ, посвященныхъ обрисовкѣ разныхъ мелочей, интересныхъ для этнографа, археолога и историка и малозанятныхъ для простого читателя **).

---

*) «Поэты сдѣлали изъ (Кавказа) этого великана въ ледяномъ вѣнцѣ и въ ризѣ бурь—какой-то миндальный пирогъ, по которому текутъ лимонадные ручьи. Я, какъ умѣлъ, вѣрнѣе старался изобразить ужасающія красоты кавказской природы и дикіе обычаи горцевъ, этотъ доселѣ живой обломокъ рыцарства, погасшаго въ цѣломъ мірѣ. Описалъ жажду славы, по ихъ образцу созданной; ихъ страсть къ независимости и разбою; ихъ невѣроятную храбрость, достойную лучшаго времени и лучшей цѣли»,—писалъ Марлинскій въ одномъ изъ своихъ очерковъ («Часы и зеркало» 1832 г.).

**) Почти всѣ свои ученыя наблюденія надъ жизнью кавказскихъ гор-

Всѣ эти мелочи въ его повѣстяхъ совсѣмъ не разсчитаны на эффекты; онѣ, наоборотъ, тормозятъ ходъ дѣйствія, но онѣ казались автору необходимыми именно затѣмъ, чтобы дать намъ возможно вѣрное и полное понятіе о „мѣстномъ колоритѣ“, который, какъ извѣстно, подъ перомъ большинства нашихъ романтиковъ всегда имѣлъ одну цѣль, не поучить, а поразить читателя.

Марлинскій, какъ мы сказали, вовсе не былъ увлеченъ прелестями азіатской культуры, о „которой путешественники говорили такъ много вздоровъ“, и онъ потому въ своихъ описаніяхъ и разсказахъ былъ свободнѣе многихъ: онъ могъ не только восхищаться этими сынами свободы, гдѣ это было у мѣста, онъ могъ и смѣяться надъ ними, и острить на ихъ счетъ и порицать ихъ. Онъ такъ и дѣлалъ; его повѣсти блещутъ остроумными выходками человѣка, дающаго чувствовать свое умственное и нравственное превосходство. Онъ пришелъ къ этимъ горскимъ племенамъ не затѣмъ, чтобы чему-нибудь научиться, а затѣмъ, чтобы изречь свой судъ надъ ними и отдать себѣ отчетъ въ ихъ мысляхъ и чувствахъ. Въ итогѣ этого отчета получался иногда приговоръ самый суровый, лишеный всякой поэзіи. „Месть за кровь и гостепріимство дома (добродѣтель, которую не часто приводятъ въ искушеніе гости), отчаянная храбрость и цѣльный выстрѣлъ на грабежѣ. вотъ итогъ горскихъ достоинствъ. Прибавьте къ этому бѣдность съ неопрятностью, – и вы знакомы съ горцами, ожидающими своего Вальтеръ-Скотта“, —писалъ онъ однажды въ недобрую минуту. Конечно, это приговоръ неокончательный, но онъ показываетъ, какъ нашъ мечтатель умѣлъ устоять передъ романтическимъ искушеніемъ раскрасить дикаря въ пику тѣмъ, кто чванится своей цивилизаціей.

Спокойный и безпристрастный наблюдатель быта, Марлинскій попадалъ въ довольно трудное положеніе, когда ему приходилось изображать этихъ горцевъ не въ ихъ статическомъ, если можно такъ выразиться, а въ ихъ динамическомъ состояніи. Горецъ былъ занимательнымъ психологическимъ явленіемъ, когда имъ владѣла страсть и вѣрное объясненіе этого явленія трудно давалось Марлинскому потому, что его собственное сердце было веществомъ легко воспламеняющимся: онъ, говоря о страстяхъ, не всегда соблюдалъ мѣру, и, дѣйствительно, въ описаніяхъ психическихъ движеній кавказскихъ героевъ въ нашемъ наблюдателѣ и критикѣ проглядываетъ закоренѣлый романтикъ. Страсти его ге-

---

цевъ Марлинскій втѣснилъ въ свои повѣсти. Исключеніе представляютъ только двѣ статьи: «Кавказская стѣна» 1831—2 г.—археологическая замѣтка объ остаткахъ старинной стѣны около Дербента, замѣтка, написанная необычайно красиво и живо, какъ бы отчетъ о прогулкѣ, и «Шахъ-Гуссеинъ» 1831 г.,—краткое описаніе религіознаго праздника мусульманъ Шагидовъ въ Дербентѣ.

роевъ перенапряжены и почти всегда выходятъ изъ естественныхъ береговъ. Марлинскій самъ это чувствовалъ и старался оправдаться. „Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія,—говорилъ онъ,— подтаиваетъ отъ дыханія страстей, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ азіатскихъ желаній, стрѣляющихъ калеными ядрами? Словъ нѣтъ, наше сѣверное, игривое воображеніе, протопленное романами и вальсомъ, становится для насъ безвременно жаркимъ климатомъ; пороки у насъ—подснѣжники, взбѣгаютъ необыкновенно рано, а зрѣютъ гораздо ранѣе огурцовъ; но, господа, взгляните на термометръ Реомюра, прочтите надпись надъ 33 градусами тепла—*жаръ крови* и сознайтесь, что климатъ, который развиваетъ не только раннія страсти да еще раннія для нихъ силы, что-нибудь да значитъ въ животной экономіи. Такія страсти не требуютъ теплицъ, орошенія виномъ и прививки чужихъ прихотей; нѣтъ, онѣ взбѣгаютъ безъ подпоръ и крѣпнутъ на воздухѣ или, лучше сказать, воздухомъ, который зараженъ двойнымъ патрономъ электричества, который дышетъ, вѣетъ, окачиваетъ нѣгой и бросаетъ въ ваше сердце столь причудливыя мечты на яву, что вы подъ русскимъ небомъ и во снѣ такихъ не видывали“...

Присматриваясь къ поведенію и прислушиваясь къ рѣчамъ нѣкоторыхъ героевъ Марлинскаго, дѣйствительно, соглашаешься съ авторомъ, что сердце ихъ заряжено двойнымъ патрономъ электричества, но въ оправданіе Марлинскаго должно сказать, что онъ силился исправить этотъ подмѣченный имъ самимъ недостатокъ. Чтобы приблизиться къ правдѣ жизни онъ, вмѣсто того, чтобы реально изображать человѣческія страсти, противопоставлялъ въ своихъ разсказахъ одну повышенную страсть другой, съ ней несходной. Такимъ образомъ, напр., рядомъ съ храбрецомъ у него стоитъ въ той же степени отъявленный трусъ, рядомъ съ благороднымъ рыцаремъ горъ—простой кровожадный разбойникъ, рядомъ съ пророкомъ религіи — религіозный спекулянтъ и т. д. Иногда въ одномъ и тотъ же лицѣ соединены качества разнаго нравственнаго достоинства и все это среди одного племени и среди одинаковыхъ условій жизни. Если изображеніе всѣхъ этихъ страстей и романтично, то такое сопоставленіе всетаки производитъ впечатлѣніе нѣкоторой правдоподобности, и жизнь горцевъ въ ея совокупности является тѣмъ соединеніемъ свѣта и мрака, высокаго и низкаго, которое составляетъ основной законъ всякаго человѣческаго существованія.

Повѣстей изъ кавказской жизни у Марлинскаго не много—всего четыре: два краткихъ очерка—„Красное покрывало“ 1831—2 г., „Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ“ 1834 г. и два законченныхъ разсказа—„Аммалатъ-Бекъ“ 1831 г. и „Мулла-Нуръ“ 1835—6 г. Во всѣхъ царитъ большой безпорядокъ, смѣшеніе повѣствовательнаго элемента съ описательнымъ, пере-

тасовка этнографическаго матерьяла со сказочнымъ и чередованіе разсужденій автора съ описаніемъ видѣннаго или вымышленнаго. Но среди этого безпорядка не трудно уловить основные мотивы его разсказа. Марлинскій хотѣлъ изобразить горца преимущественно въ тотъ моментъ, когда все существо его охвачено тѣми двумя страстями, къ которымъ сводится все наслажденіе дикой жизни — а именно страстью любви и страстью къ свободѣ. Тема была очень избитая, если припомнить, какъ много объ этой свободѣ и любви на востокѣ говорили романтики, но въ пересказѣ Марлинскаго эта старая тема не перестаетъ быть и занимательной, и драматичной.

Нашъ авторъ любилъ разнообразіе въ чувствахъ. Взять хотя бы всю скàлу любви, которую онъ заставилъ прозвучать передъ нами, всѣ эти различные оттѣнки одного и того же чувства, отъ любви самой возвышенной и глубокой, до любви, почти что звѣриной въ ея непосредственности.

На кладбищѣ Арзерума увидалъ онъ женщину, стоявшую надъ могилой. Она казалась надгробнымъ памятникомъ въ своей неподвижности. Была ночь, близокъ былъ русскій лагерь, ревнивы были жители Арзерума: мужъ, братъ или отецъ могли подумать, что она ушла на свиданье, и она всетаки не уходила отъ дорогой могилы. Гордое отчаяніе сверкало въ ея безслезныхъ очахъ, горькія жалобы таились въ ея груди, безмолвное чувство трепетало въ каждой жилкѣ красавицы. Она стояла надъ могилой человѣка, который былъ для нея всѣмъ—и отцомъ, и братомъ, и любовникомъ, и супругомъ, и онъ былъ... христіанинъ, русскій офицеръ, котораго она полюбила. Не только для него, но для его тѣни, она готова на всѣ страданія. Съ момента его смерти рука мужчины не смѣла коснуться ея, она умерла для клеветы сосѣдей и для мести родныхъ... Зачѣмъ гордое чувство любви возвысило ее надъ толпою одноземокъ, доступныхъ только рабскому страху или презрительному корыстолюбію? Зачѣмъ чистый пламень страсти утончилъ все ея существо; затѣмъ ли, чтобы она ощутила въ сердцѣ жало разлуки или затѣмъ, чтобы научить ее смерти? А она умерла на глазахъ у разсказчика, изрубленная какимъ-то ревнивцемъ, который настигъ ее на кладбищѣ; умерла безъ борьбы, лишь застонавъ и припавъ къ дорогой могилѣ („Красное покрывало"). И рядомъ съ этой мученицей, которая такъ глубоко и душевно поняла любовь, сколько у Марлинскаго встрѣчается образовъ, для которыхъ это чувство есть лишь молодое кипѣніе крови, безсознательный порывъ, скорѣе отнимающій у человѣка силы, чѣмъ придающій ему энергію. Часто описываетъ онъ волненія этой страсти въ юныхъ дѣвическихъ сердцахъ, и мы видимъ предъ собой настоящую восточную женщину, не героиню страсти, способную на подвигъ, а существо робкое, загнанное, лишенное всякой иниціативы, почти безгласное... Онѣ очень нѣжны

и красивы, эти невѣсты героевъ въ повѣстяхъ Марлинскаго, но всѣ онѣ такъ наивны, чтобы не сказать больше, такъ много въ нихъ тѣлеснаго, что когда авторъ заставляетъ ихъ — противъ ихъ воли — разсуждать, то кромѣ самыхъ тривіальныхъ фразъ онѣ ничего сказать не въ силахъ и немудрено, что онѣ, „обуреваемыя то страхомъ дѣвическимъ, то любовью, летаютъ по мятежнымъ бурунамъ противоположныхъ страстей какъ легкія пробки". Такое не совсѣмъ деликатное сравненіе позволилъ себѣ нашъ авторъ въ отношеніи одной изъ самыхъ большихъ своихъ любимицъ.

Во всякомъ случаѣ мы не найдетъ у Марлинскаго столь извѣстной романтической „дѣвы горъ", у которой всегда въ запасѣ кинжалъ для соперницы и пила для скованнаго любовника. Кавказскія дѣвы Марлинскаго это—милые звѣрьки, которые кусаться не умѣютъ, и если автору приходитъ фантазія такую дѣву преобразить въ героиню, какъ онъ это сдѣлалъ съ женой разбойника Муллы-Нура, которая въ мужскомъ платьѣ сражается и грабитъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, то такую вольность онъ позволяетъ себѣ, конечно, вспоминая прелестную Гурдаферидъ—изъ эпопеи Фирдуси. Впрочемъ, онъ очень рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ заимствованіямъ и охотнѣе упрощаетъ женскій типъ, чѣмъ усложняетъ его. Одинъ изъ самыхъ удачныхъ его женскихъ образовъ, это—прелестная Шалиби изъ повѣсти „Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ". Одинъ русскій офицеръ,—разсказываетъ авторъ,—былъ взятъ въ плѣнъ горцами и хоть они его раздѣли до нага, хоть съ веревкой на шеѣ ему и пришлось бѣжать за лошадью своего хозяина, но скоро — научившись быть придворнымъ, какъ онъ выражался, — онъ изъ раба превратился въ друга своего владыки. Этотъ владыка однажды взялъ его съ собой въ экспедицію—не военную, а любовную, въ горы, къ одному изъ своихъ пріятелей, который, придерживался стариннаго обычая благодарить друзей за посѣщеніе предоставленіемъ имъ своихъ супружескихъ правъ. Пришлось ему отблагодарить и офицера и изъявить эту благодарность онъ поручилъ своей шестнадцатилѣтней дочери—Шалиби. Марлинскій очень деликатно развернулъ передъ нами душу этого ребенка, и правдиво изобразилъ и сразу вспыхнувшее, чисто физическое, чувство, и страхъ передъ этимъ чувствомъ, и упоеніе имъ, и способность какъ-то отдѣлять его отъ того лица, которое его впервые возбудило. Дѣйствительно, къ удивленію счастливаго нашего офицера, онъ на другой день къ вечеру имѣлъ уже двухъ соперниковъ: двое молодыхъ людей пришли предлагать себя въ женихи Шалиби къ великой радости ея родителя, который благодарилъ офицера за то, что онъ пустилъ его дочь въ славу. Хоть они и опечалили рѣзвую Шалиби своимъ предложеніемъ, но она не отвернулась отъ нихъ и когда, вступивъ изъ-за обладанія ею

въ единоборство, они оба съ утеса полетѣли въ пропасть, она съ крикомъ сожалѣнія протянула руки, чтобы удержать ихъ. Она по всѣмъ вѣроятіямъ и вышла-бы за одного изъ нихъ замужъ, такъ какъ первая ея любовь была очень кратковременна: спустя три дня гости уѣхали, чтобы больше не возвращаться, ретиваго горца зарубили на дорогѣ аварцы, а нашъ офицеръ благополучно добрался до русскихъ форпостовъ.

Мужская половина обитателей горъ, если вѣрить Марлинскому, въ любви такіе же дѣти природы, какъ и ихъ невѣсты. Этому влюбленному горцу нашъ писатель оставилъ многія изъ красивыхъ сторонъ его характера, какъ, напр., его храбрость, рѣшимость, самопожертвованіе и др., но за то онъ отнялъ у него „романтичность" его любовныхъ порывовъ, усиливъ ее до неистовства. Герой Марлинскаго въ минуту любовной горячки почти всегда свирѣпѣетъ и любовь приближаетъ его не къ Богу, а къ звѣрю. Нашъ писатель, какъ этнографъ и наблюдатель, исправилъ въ данномъ случаѣ ошибку романтиковъ и былъ, конечно, правъ. Только неистовый Отелло можетъ дать идею о тропической страсти Аммалата, говорилъ Марлинскій объ одномъ изъ своихъ героевъ. Я люблю внимать его огнедышащему краснорѣчію. Порой — это мутный водопадъ, извергнутый глубокою пещерою; порой — это пламенный ключъ нефти бакинской: какія звѣзды сыплютъ тогда его очи, какою зарницей играютъ щеки, какъ онъ прекрасенъ бываетъ тогда! Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но за то земное величаво, плѣнительно". „Идеальнаго", дѣйствительно, нѣтъ въ этихъ герояхъ, но и плѣнительнаго мало: любовь кипитъ въ нихъ, какъ лава, разжигаетъ ихъ на разные подвиги, но очень рѣдко на подвиги благородства: всего чаще она ожесточаетъ ихъ и безъ того дикій нравъ. Эта дикость, впрочемъ, какъ-то сразу исчезаетъ въ ихъ обращеніи съ женщиной и, вопреки правдѣ, они становятся вдругъ сентиментальны и даже языкъ ихъ начинаетъ отдавать литературной изысканностью. Отступилъ нашъ авторъ отъ правды и тогда, когда онъ задумалъ создать типъ истиннаго героя.

Марлинскій часто говорилъ о героизмѣ горцевъ, не скупился на описанія подвиговъ ихъ храбрости въ борьбѣ за свободу родины, хотя въ этихъ описаніяхъ онъ и оставался всетаки русскимъ офицеромъ, — побѣдителемъ, и при томъ нѣсколько раздосадованнымъ на то, что слишкомъ дорого заплатилъ за побѣду. Но не этотъ родъ героизма привлекалъ къ себѣ преимущественно его вниманіе; ему хотѣлось найти на востокѣ вообще выдающуюся крупную личность, сильную не однимъ лишь подъемомъ патріотическаго чувства, а иными дарами духа. Что такія личности на востокѣ были, это, конечно, внѣ сомнѣнія, но возсозданіе ихъ въ образѣ оказалось задачей не по силамъ на-

шему автору. Онъ дважды за нее принимался и портретъ героя вышелъ малоправдоподобнымъ.

Образецъ сильнаго и необузданнаго въ своихъ страстяхъ человѣка данъ въ лицѣ татарскаго бека Аммалата, именемъ котораго названа одна изъ наиболѣе крупныхъ по размѣру повѣстей Марлинскаго. Это—очень занимательная исторія, полная драматизма, иллюстрированная массою бытовыхъ картинъ и пейзажей, въ сущности исторія несчастной любви. Аммалатъ, — одинъ изъ вліятельныхъ татарскихъ князей, живущій въ мирѣ съ русскими и облагодѣтельствованный ими, подпалъ подъ вліяніе самаго яраго и непримиримаго нашего врага — Султанъ Ахметъ-Хана. Онъ вмѣстѣ съ нимъ поднялъ знамя возстанія и былъ взятъ въ плѣнъ. Но еще раньше взяла его въ плѣнъ прелестная дочь Ахмета. Она полонила его душу, и русскимъ досталось только одно его тѣло. Приговоренный къ смерти Ермоловымъ, онъ былъ спасенъ заступничествомъ одного русскаго полковника, который взялъ его къ себѣ на поруки въ надеждѣ перевоспитать его. На первыхъ порахъ полковнику какъ будто и удалось это, но любовь Аммалата пересилила въ немъ всѣ благородныя чувства: суровый Ахметъ соглашался съ радостью отдать за него дочь, если онъ измѣнитъ русскимъ и принесетъ ему, какъ выкупъ за невѣсту, голову своего благодѣтеля. Аммалатъ, обманутый несправедливыми наговорами на полковника, дѣйствительно, убилъ его, откопалъ ночью его трупъ на кладбищѣ и съ драгоцѣнной ношей поскакалъ за невѣстой. Онъ засталъ Ахмета на одрѣ смерти, въ страшной болѣзни, растерзаннаго и душевно, и тѣлесно, и старикъ его проклялъ за неумѣстный подарокъ. Невѣста отъ него отвернулась и убійца бѣжалъ, терзаемый ревностью, отчаяніемъ, злобой и страхомъ передъ призракомъ убитаго имъ друга. Нѣсколько лѣтъ спустя мрачный измѣнникъ погибъ отъ русскаго ядра во время осады Анапы.

Много сказочнаго въ этой повѣсти, но есть и правда. Она—въ вѣрномъ изображеніи и въ правильной оцѣнкѣ того перевѣса, какой имѣетъ чувство надъ мыслью во всякой непосредственной полудикой натурѣ. Аммалатъ—дитя природы; и повѣсть о немъ—исторія неудачной попытки его перевоспитанія. Какъ бы гуманно къ нему ни отнеслись враги, онъ не подумаетъ надъ значеніемъ этого явленія; подъ наплывомъ чувства онъ поклянется въ вѣрности, и продастъ и убьетъ благодѣтеля, какъ только въ немъ будетъ поколеблено это чувство, а чтобы поколебать его достаточно простаго подозрѣнія или сказки, дѣйствующей на его нервы. Если сильное чувство его охватило, то никакіе доводы не уменьшатъ исключительной власти этого чувства надъ нимъ. Его воспитатель—довѣрчивый полковникъ—пробуетъ воздѣйствовать на его умъ книгой и стóитъ прочитать любопытнѣйшіе отрывки изъ дневника этого татарина, чтобы увидать, что исходной точкой его сужденій

о всѣхъ серьезнѣйшихъ вопросахъ жизни является его любовная лихорадка. Стóитъ также присмотрѣться ко всѣмъ его поступкамъ и мы будемъ имѣть подтвержденіе другой истины, а именно, что для этихъ восточныхъ людей существуетъ одно лишь сегодня, а о томъ, что будетъ завтра, они не думаютъ.

Такимъ образомъ, при всѣхъ романтическихъ странностяхъ повѣсти „Аммалатъ-Бекъ" она безспорно восточная и по колориту, и по вѣрному освѣщенію основной психологической проблемы.

Нельзя того же сказать про повѣсть о разбойникѣ „Мулла-Нурѣ", котораго нашъ авторъ возвелъ въ настоящаго романтическаго героя—въ рыцаря правды и чести. Въ разсказѣ двѣ параллельно идущихъ фабулы... Вниманіе читателя раздѣлено между повѣстью о любовныхъ приключеніяхъ нѣкоего Искандеръ-бека, и жизнеописаніемъ грознаго разбойника Мулла-Нура, который своимъ вмѣшательствомъ приводитъ къ благополучному концу сватовство Искандера. Разсказъ о любви Искандера—этого благороднаго, цѣломудреннаго, храбраго и необычайно мягкаго въ своихъ чувствахъ юноши, не представляетъ особаго интереса. Это—очень поэтичная любовная идиллія съ обычными эпизодами тайныхъ свиданій, первыхъ признаній и опасеній, всевозможныхъ препятствій, которыя нужно преодолѣть и, наконецъ, съ самымъ счастливымъ концомъ къ общей радости жениха и невѣсты. Новаго во всемъ этомъ очень мало, если не считать тѣхъ необычно нѣжныхъ красокъ, какими обрисованъ типъ молодого бека. Онъ—прямая противоположность Аммалату, и кажется, сочиненъ нашимъ авторомъ затѣмъ, чтобы искупить всѣ преступленія своего суроваго и дикаго соплеменника, искупить ихъ любовью къ русскимъ, состраданіемъ къ слабому и умѣньемъ хоть сколько нибудь обуздывать свои порывы. Но всетаки не онъ герой разсказа. Эта роль выпадаетъ на долю таинственной и вмѣстѣ съ тѣмъ исторической личности Мулла-Нура. О жизни этого разбойника въ повѣсти говорится мало, но за то очень подробно объ его благородныхъ чувствахъ и поступкахъ. Одинъ порядокъ чувствъ въ этомъ человѣкѣ изображенъ Марлинскимъ согласно съ дѣйствительностью, другой присочиненъ имъ для эффекта. Когда Мулла-Нуръ является орудіемъ правосудія, когда онъ защитникъ угнетенныхъ и гроза сильныхъ, онъ — историческій разбойникъ, котораго любили и уважали на Кавказѣ; когда онъ философъ, исповѣдникъ міровой скорби, грустный отшельникъ, онъ не кто иной, какъ самъ Александръ Александровичъ въ минуту дурного настроенія духа.

Мулла-Нуръ грабитъ очень учтиво, очень полюбовно и рѣдко беретъ съ головы болѣе двухъ рублей серебромъ... онъ обла-

гаетъ пошлиной и то только богатыхъ; бѣдный всегда находитъ себѣ въ немъ защитника; многихъ земляковъ своихъ выручалъ онъ изъ бѣды и всегда на благородный помыселъ откликается его сердце. „Пожалѣлъ ли ты нищаго? — спрашиваетъ разбойникъ одного муллу, котораго ободралъ до нитки,—пожалѣлъ ли ты умирающаго съ голоду! Бездушный корыстолюбецъ, злой грѣшникъ!.. Толкователь святыни, ты чеканилъ деньги изъ каждой буквы Корана и, проповѣдникъ мира, ты для выгодъ своихъ смущалъ семейства и разлучалъ сердца"... и много такихъ благородныхъ и грозныхъ рѣчей говоритъ нашъ самозванный судья и мститель. Въ этой мести пороку все оправданіе его собственэнаго порочнаго гражданскаго положенія; а онъ нуждается въ томъ оправданіи и утѣшеніи, такъ какъ, если не на самомъ дѣлѣ, то въ повѣсти Марлинскаго, тяготится своей вольной жизнью и своей миссіей. „У всякаго есть своя звѣзда,—говоритъ онъ Искандеру, котораго полюбилъ за его чистоту сердца и за правдивость,—не завидуй мнѣ, не ходи по моему слѣду; опасно жить съ людьми, но и безъ нихъ скучно... Дружба ихъ—безумящій и усыпительный опіумъ, за то и вражда къ нимъ горьче полыни. Не охотой, а судьбой выброшенъ я изъ ихъ круга. Прекрасенъ вольный свѣтъ, но развѣ нельзя наслаждаться имъ, не бывъ изгнаникомъ? Раздолье въ глуши человѣку, но пустыня всегда пустыня: никакія думы не населятъ ея, никакія чародѣйства не оборотятъ камней въ товарищей. Было время,—я ненавидѣлъ людей, было время,—я презиралъ ихъ: теперь устала душа отъ того и другого. На одинъ годъ станетъ забавы для гордаго внушать своимъ именемъ страхъ и недовѣрчивость; но страхъ—игрушка, подобная всѣмъ другимъ игрушкамъ: она скоро опостылѣетъ. Потомъ наступаетъ злая охота унижать людей, насмѣхаться надъ всѣмъ, чѣмъ они хвастаютъ, обнажая на дѣлѣ ихъ гнусности, топча подъ ноги все, чѣмъ дорожатъ они болѣе души... жалкая потѣха! Она забавляетъ на мигъ, а даетъ желчи на мѣсяцъ, потому что какъ ни дуренъ человѣкъ, а всетаки онъ братъ намъ. Но въ концѣ концовъ, отрадно-ли, подобясь коршуну, въ каждомъ живомъ существѣ видѣть только добычу, оставлять въ каждомъ встрѣчномъ новаго врага? при молитвѣ думать о проклятіяхъ, посылаемыхъ заочно на мою голову? засыпать и ждать измѣны самыхъ близкихъ; пугать собою, не довѣрять никому"?.. Признаніе очень странное въ устахъ человѣка, который порвалъ всѣ связи съ людьми, объявилъ имъ войну и насквозь видитъ всю ихъ лукавую и порочную душу... но, конечно, это признаніе дѣлаетъ не горецъ разбойникъ, а самъ Александръ Александровичъ, неисправимый филантропъ и идеалистъ...

Марлинскій, дѣйствительно, часто позволялъ себѣ говорить за своихъ героевъ, почему многіе изъ нихъ, и мужчины, и женщины, поражаютъ насъ иногда либо такимъ умомъ, на который

мы никакъ не могли разсчитывать, либо такими афоризмами, которые не совсѣмъ вяжутся съ ихъ характеромъ и умственнымъ складомъ.

Нашъ авторъ не могъ забыть себя, бесѣдуя съ этими „дѣтьми свободы“; если онъ когда забывался, и то невполнѣ, такъ только въ бесѣдѣ съ природой и въ созерцанiи ея красоты.

Этому созерцательному настроенiю обязаны мы очень красивыми страницами въ его кавказскихъ разсказахъ. Никто до него не умѣлъ такъ „живописать“ словами. Теперь, конечно, послѣ успѣховъ пейзажной живописи въ нашей литературѣ, послѣ Гоголя, Тургенева и Толстого пейзажи Марлинскаго очень поблѣднѣли, но на нихъ всетаки видна кисть художника и настроенiе его изъ этихъ страницъ не выдохлось. Всѣ эти картинки природы списаны имъ съ натуры и при томъ въ минуты наиболѣе счастливыя его грустной жизни. Онъ рисовалъ ихъ на свободѣ, когда, покинувъ Дербентъ или лагерь, удалялся въ горы, по дѣламъ ли службы, или на прогулку. Эти наброски онъ вставлялъ потомъ въ свои повѣсти, а всего чаще въ свои путевые очерки.

Марлинскiй-пейзажистъ не особенно гнался за эффектами: и горы, и долины, и бурное море, и тихое имѣли въ его глазахъ одинаковое достоинство. Это было также одно изъ преимуществъ его передъ записными романтиками, которые, чтобы описать землю, прежде всего заволакивали небо тучами. У Марлинскаго природа живетъ своей естественной жизнью, сердится, когда хочетъ, улыбается, если ей это угодно, величественно молчитъ или говоритъ всѣми своими таинственными голосами.

Встрѣчаетъ насъ на границѣ Кавказа Казбекъ, на льдяныхъ раменахъ котораго отдыхаютъ облака; вокругъ него неоглядная цѣпь опаловидныхъ горъ и голые утесы ущелiй... и все кругомъ такъ мирно, все, кромѣ кровожаднаго человѣка. Страхъ, какъ ангелъ съ пламеннымъ мечемъ, стерегущiй границы рая, сторожитъ этотъ край поэзiи и любви...

Бѣлѣетъ Шахъ-Дагъ своими снѣгами. По снѣгу вспыхиваютъ алыя пятна и тысячи радугъ пересѣкаются на каждомъ шагу. Небо замкнуто для взоровъ лучезарнымъ замкòмъ солнца, но за то земля раскрывается внизу тѣмъ прекраснѣе. Весь Кавказъ подъ нами. Все это смѣшенiе свѣта и тѣней, зелени и буризны камня, переливающихся дивными узорами и кой-гдѣ затканныхъ золотою ниткой водъ, волнуется передъ очами какъ покрывало, накинутое рукою Аллаха на тайны земли. На востокѣ, будто стальной повороненный щитъ, окованный горизонтомъ, сверкаетъ море подъ огненной насѣчкой лучей. И все тихо, безмолвно кругомъ; съ высоты снѣговъ не видно никого, ничего не слышно; туда не долетаетъ обаятельный лепетъ жизни...

Но начнемъ мы спускаться... передъ нами развивается изумрудное море холмовъ, пересѣченное черными хребтами, конь сколь-

зитъ на хвостѣ, или мѣтко перепрядываетъ съ обломка скалы на другой обломокъ, заваливающій узенькую тропинку, по которой и черезъ которую съ шумомъ несутся ручьи тающихъ снѣговъ. Иногда, огибая уголъ утеса, онъ храпитъ и пятится назадъ отъ испуга, не находя опоры для копытъ, а пропасть ущелья зіяетъ и рычитъ внизу, какъ пасть чудовища, какъ гортань неизмѣримаго удава, котораго обаятельное дыханіе непреодолимо влечетъ къ себѣ жертву изъ глубины лѣса, и можетъ высосать жаворонка даже изъ выси небесъ...

Но вотъ вы спустились и въѣхали въ густой лѣсъ орѣшниковъ, потомъ дуба, черешни и еще ниже чинара и чиндара. Разнообразіе, богатство растеній и величавое безмолвіе сѣнистыхъ дубравъ вселяетъ какое-то невольное благоговѣніе къ дикой силѣ природы. Порой изъ ночного мрака вѣтвей, какъ утро, разсвѣтаетъ поляна, украшенная благоуханнымъ ковромъ цвѣтовъ, не мятыхъ стопой человѣка. Тропинка то скрывается въ чащѣ, то выходитъ на край утеса и подъ нимъ въ глубинѣ шумитъ и сверкаетъ ручей, то пѣнясь между кореньями, то дремля на каменномъ днѣ водоема, подъ тѣнью барбариса и шиповника; фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетываютъ въ кустарникахъ, стада дикихъ голубей вьются надъ скалами, то стѣной, то столбомъ восходящими къ небу, и закатъ разливаетъ на нихъ воздушный пурпуръ свой, и тонкіе туманы тихо подымаются въ ущельяхъ—все дышетъ вечерней прохладой...

Счастливы вы, если вамъ удалось весной взглянуть на эти картины. Милліоны розъ обливаютъ утесы своимъ румянцемъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями какъ винтомъ, то возникая стройными столпами, кажутся мусульманскими минаретами. Широкоплечіе дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ-индѣ, между тѣмъ, какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ... Но вотъ зарубилъ крупный дождикъ, хоть солнце печетъ и сіяетъ: вы сказали бы, воздухъ таетъ каплями нѣги... Зеленѣющій лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, вспрыснутый дождемъ, развертываетъ свою яркую зелень, радостно машетъ въ воздухѣ своими кудрями; цвѣты распускаются подъ стопами; жаворонки—небесные колокольчики—звенятъ въ вышинѣ, земля сверкаетъ и благоухаетъ какъ жертвенникъ...

Но вотъ настала зима: зашумѣли вьюги и замели тропинки снѣжными сугробами. Утромъ, когда востокъ зажигаетъ хрустали ледяныхъ вершинъ, а синіе туманы еще волнуются по ущельямъ, вамъ чудится, будто вы летите надъ приплюснутымъ океаномъ,

по которому плаваютъ ледяныя горы... Тѣни, играющія вслѣдъ солнцу, довершаютъ очарованіе... Исполинскія громады тихо движутся, колеблются, возникаютъ, тонутъ. Но когда пары, затканные лучами, свиваются, какъ дымковая фата, на плечахъ горъ, полупрозрачность ихъ, скрадывая обрѣзы, облекаетъ все неизъяснимою прелестью. Въ морозный вечеръ звѣздочки инея неслышно сыплются съ темно-голубого неба, сверкаютъ, вьются, будто зажигаясь на огненной полосѣ луча, пробившагося сквозь разсѣлину...

Не менѣе яркими красками и съ еще большей любовью описывалъ Марлинскій родственную его сердцу стихію—море. Онъ не могъ говорить о немъ спокойно, и морской пейзажъ подъ его перомъ переходилъ невольно въ лирическую исповѣдь. Когда мы будемъ возстановлять эту исповѣдь по отдѣльнымъ признаніямъ, разсѣяннымъ въ его повѣстяхъ и очеркахъ, море послужитъ намъ красивой иллюстраціей, а пока отмѣтимъ только общій романтическій колоритъ всѣхъ его описаній природы.

Они, конечно, не реальны, въ нихъ нѣтъ той величавой простоты, которая есть въ каждомъ, даже самомъ грозномъ и красивомъ явленіи природы. Вездѣ чувствуется литераторъ, живописецъ съ большимъ воображеніемъ. Но уже одно обиліе красокъ и разнообразіе оттѣнковъ приближаетъ живопись Марлинскаго къ самой природѣ. Эта живопись неизбѣжно выше всѣхъ условныхъ романтическихъ и сентиментальныхъ пейзажей, съ ихъ вѣчной лаской и улыбкой, или гнѣвомъ и грохотомъ. Даже вычурность нѣкоторыхъ описаній и сравненій у Марлинскаго, мало эстетичная фигурность ихъ, есть уже шагъ впередъ сравнительно съ установившимся шаблономъ.

Вообще, всѣ кавказскія повѣсти нашего автора — извѣстное предвѣщаніе реализма въ искусствѣ; но только предвѣщанье. Романтичность завязокъ и всего чаще развязокъ, слишкомъ большое напряженіе чувствъ, невѣроятность, почти фантастичность нѣкоторыхъ эпизодовъ, мало естественная рѣчь—все указываетъ на тѣсную связь этихъ повѣстей съ выше разсмотрѣнными повѣстями въ чисто романтическомъ стилѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же повѣстяхъ даны и поправки и иной разъ дополненія этого романтизма до настоящаго реальнаго воспроизведенія дѣйствительности. Всѣ бытовые аксессауры, иной разъ очень прозаическіе, всѣ подслушанные восточные обороты рѣчи, всѣ вплетенные въ разсказъ историческіе факты, наконецъ, грубость и дикость или наивная простота въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ типовъ, и мужскихъ, и женскихъ, психологическая мотивировка ихъ поступковъ—могутъ назваться такими поправками и дополненіями. Правда жизни начинала мало-по-малу торжествовать свою побѣду надъ литературными симпатіями и субъективнымъ настроеніемъ автора.

Эта побѣда еще рѣзче обозначилась въ тѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, въ которыхъ онъ явился бытописателемъ хорошо ему знакомыхъ общественныхъ круговъ—свѣтскаго и въ частности—военнаго.

XIV.

Александру Александровичу принадлежитъ честь одного важнаго литературнаго открытія. Онъ открылъ русскаго солдата и офицера, того самаго, который у всѣхъ былъ на глазахъ, которымъ всѣ восхищались и о комъ, кромѣ заученныхъ фразъ, не умѣли сказать ничего цѣннаго. Въ самомъ дѣлѣ, когда вспомнишь, какую громадную роль въ нашей политической исторіи начала XIX вѣка и въ исторіи культурной играетъ воинство, удивляешься скудости военныхъ типовъ въ нашей тогдашней литературѣ. Панегириковъ было сказано и пропѣто много, русскаго воина, одѣтаго въ римскія и средневѣковыя латы, носили на рукахъ, но никто какъ-то не рѣшался заглянуть ему въ душу. Одинъ Грибоѣдовъ показалъ намъ его съ самой неприглядной стороны, и мы за фронтовикомъ, который умѣлъ лишь „скалить зубы", забыли совсѣмъ всѣхъ тѣхъ веселыхъ, добродушныхъ, самоотверженныхъ идеалистовъ, либераловъ, образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ, которыхъ было такъ много въ рядахъ нашей арміи александровскаго времени; а о солдатахъ мы знали только одно, что они христолюбивы и побѣдоносны.

Марлинскій былъ первый *), который заговорилъ объ этомъ казенномъ добрѣ, какъ о предметѣ одушевленномъ, и объ его начальникахъ, какъ о людяхъ, которые умѣли командовать не только строемъ, но и собственной мыслью и чувствомъ. Конечно, какъ писатель, избирающій совершенно новую область жизни для наблюденій, Марлинскій не достигъ полноты въ своихъ картинахъ изъ военнаго быта, и многое въ жизни нашего воина прежнихъ лѣтъ осталось не затронутымъ и не освѣщеннымъ, частью по винѣ автора, а частью, можетъ быть, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Его собственное положеніе въ обществѣ, сначала какъ офицера, затѣмъ какъ штрафного солдата, обязывало его соблюдать большую осторожность.

И всетаки Марлинскій совершилъ немалый литературный подвигъ. Въ своихъ разсказахъ онъ собралъ цѣлую галлерею военныхъ типовъ и дополнилъ ее своими автобіографическими признаніями—исповѣдью одного изъ наиболѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ офицеровъ того времени.

---

*) До него и одновременно съ нимъ эту сторону нашей жизни пытались освѣтить Лажечниковъ, Загоскинъ и Булгаринъ. Лажечниковъ былъ слишкомъ сухъ; Загоскинъ и Булгаринъ—приторно тенденціозны. Одинъ лишь Полевой въ «Разсказахъ русскаго солдата» далъ два яркихъ очерка изъ солдатской жизни.

Военный человѣкъ появляется у нашего автора почти во всѣхъ повѣстяхъ, и въ раннихъ, когда Марлинскій былъ правовѣрнымъ романтикомъ, и позже, когда онъ сталъ бытописателемъ современной ему жизни. Въ раннихъ повѣстяхъ этотъ типъ набросанъ довольно небрежно и освѣщенъ односторонне. Нашъ гвардейскій свѣтскій офицеръ, участникъ парадовъ, маневровъ и учебныхъ экспедицій, не имѣлъ ни времени, ни возможности изучить своего собрата, какъ подобаетъ психологу и бытописателю, и потому, говоря о немъ, онъ показывалъ его лишь въ одной очень благодарной, но малохарактерной роли свѣтскаго человѣка или веселаго собутыльника.

Позднѣе, когда Марлинскому пришлось уже въ солдатской шинели испытать на себѣ всю тяжесть походной жизни, картина военной жизни въ его разсказахъ раскинулась шире и оживилась. Типъ военнаго утратилъ свое однообразіе и выигралъ въ драматизмѣ: кромѣ того, рядомъ съ офицеромъ появился и солдатъ, въ которомъ нашъ авторъ видѣлъ раньше лишь подчиненнаго, а теперь увидалъ товарища.

Въ одномъ изъ своихъ публицистическихъ и юмористическихъ очерковъ *) Марлинскій писалъ: „Когда подумаешь о терпѣніи и подчиненности нашего солдата, о его безкорыстіи, о его храбрости—онъ защищаетъ отечество снаружи, охраняетъ его внутри, лѣзетъ въ огонь, очертя голову—когда вообразишь неутомимость трудовъ его въ походахъ и осадахъ, безстрашіе въ битвахъ: такъ уму чудно, а сердце радуется. Съ пудовымъ ранцемъ за плечами прыгаетъ онъ на стѣну, какъ серна, съ голоднымъ брюхомъ дерется, какъ левъ, на приступѣ! Нѣтъ для него горъ непроходимыхъ, нѣтъ крѣпостей неодолимыхъ. Кто измѣритъ ихъ завоеванія, сосчитаетъ подвиги, оцѣнитъ славу!—Кто“!

Нашъ авторъ не только оцѣнилъ эту славу — онъ раздѣлялъ ее съ русскимъ солдатомъ. Когда ему приходилось въ юные годы говорить о солдатѣ, онъ говорилъ о немъ скорѣе какъ литераторъ, одаренный хорошей фантазіей, чѣмъ какъ офицеръ, видавшій солдата въ дѣлѣ; и когда, напр., въ повѣсти „Латникъ“ 1830 г. или въ своихъ „Вечерахъ на бивуакѣ“ 1823 г. онъ разсказывалъ эпизоды изъ нашей войны съ Наполеономъ, то только благодаря своему литературному чутью, умѣлъ онъ дать намъ почувствовать психологію массы, которую не видалъ на полѣ битвы. Онъ умѣлъ описать при случаѣ и битву, въ которой не участвовалъ, и тогда получалась искусная декорація, съ красиво-нарисованными на ней дѣйствующими лицами. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ солдатъ въ тѣхъ разсказахъ, ко-

*) «Будочникъ-ораторъ» 1832 г.

торые были Марлинскимъ не только написаны, но и выстраданы, какъ, напр., въ его „Письмахъ изъ Дагестана“ 1831 г. — въ этомъ живописномъ очеркѣ дербентской жизни и тѣхъ походовъ, которые гарнизонъ предпринималъ въ горы. Въ этомъ дневникѣ солдатъ — живое лицо съ живой рѣчью, и мы не только созерцатели красивой картины, а и участники очень глубокой драмы. Взять хотя-бы страшную сцену осады крѣпости Бурной, обложенной войсками Кази-Муллы, когда немногочисленный гарнизонъ, отрѣзанный отъ всѣхъ русскихъ войскъ, полуизраненный и почти перебитый, ожидалъ съ минуты на минуту смерти, безъ капли воды въ крѣпости; какъ въ мѣру патетично и правдиво-страшно изображена авторомъ эта тоска въ ожиданіи гибели, эта смѣна надежды и отчаянія и эта радость при первыхъ звукахъ дальней перестрѣлки, возвѣщающей приближеніе русскаго отряда. Ни одно́го пышнаго слова нѣтъ у Марлинскаго въ этомъ описаніи: все такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ все такъ выдвигаетъ впередъ главнаго героя—толпу или, вѣрнѣе, горсть солдатъ, которые задержали цѣлыя полчища непріятеля. Тотъ-же эффектъ при самыхъ простыхъ словахъ достигнутъ и въ описаніи осады и штурма, который выдержалъ Дербентъ, и гдѣ Марлинскій руководилъ многими вылазками. Сто́итъ также перелистать описаніе похода генерала Панкратьева въ Дагестанъ въ 1831 г.,—эти корреспонденціи Марлинскаго изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ стоянокъ—и передъ нами цѣлая военная эпопея съ безымяннымъ героемъ, передъ которымъ блѣднѣетъ имя полководца. Появляется этотъ безымянный герой и въ непроходимыхъ ущеляхъ, и на недоступныхъ вершинахъ, тонетъ въ снѣгу, вязнетъ въ болотахъ, не ѣстъ, не пьетъ по суткамъ, выводитъ цѣлыя стѣны подъ вражескими выстрѣлами, страдаетъ страшно, но и мститъ съ остервенѣніемъ; послѣ кроваваго пира, шутитъ и поетъ онъ, этотъ герой-ребенокъ, не отдающій себѣ въ большинствѣ случаевъ отчета, зачѣмъ онъ что дѣлаетъ. Жизнь его передъ нами вся какъ, на ладони, отъ момента, когда онъ рекрутъ, который, не понимая опасности, храбръ до безумія и кончая той минутой, когда для него роютъ общую братскую могилу.

Въ повѣстяхъ Марлинскаго солдатъ говоритъ отъ своего лица рѣдко и мало и не пускается въ разсужденія, какъ у писателей, которые гонялись за „народностью“; и самъ авторъ—такъ часто многорѣчивый,—совсѣмъ не щедръ на пышныя рѣчи; тѣмъ не менѣе типъ солдата одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и законченныхъ въ его собраніи.

Тоже можно сказать и про типы, взятые авторомъ изъ интеллигентнаго круга военныхъ. Они въ повѣстяхъ Марлинскаго испытали также нѣкоторую перемѣну. Въ первыхъ разсказахъ, выдержанныхъ въ сентиментальномъ и романтическомъ стилѣ,

они достаточно однообразны, иногда совсѣмъ неестественны, какъ, напримѣръ, въ повѣсти „Латникъ", гдѣ въ историческій разсказъ изъ эпохи нашествія Наполеона, вплетена зачѣмъ то полу-фантастическая легенда одной несчастной любви. Самъ латникъ, отыскивающій во французскихъ рядахъ одного польскаго графа, который обманомъ отнялъ у него возлюбленную — лицо совершенно не реальное. „Достойный гость между мертвецами", какъ его называетъ самъ авторъ, онъ носитель какой-то роковой тайны, обреченный на смерть и совсѣмъ не на мѣстѣ среди обыкновенныхъ ротмистровъ, аудиторовъ и простыхъ русскихъ казаковъ, которые съ нимъ вмѣстѣ выбиваютъ французовъ изъ полуразрушенныхъ польскихъ замковъ. Впрочемъ, нашъ авторъ только одинъ этотъ разъ и погрѣшилъ противъ правды; всѣ остальные гг. офицеры его первыхъ разсказовъ — простые смертные и очень милые люди, съ которыми Марлинскій былъ, очевидно, коротко знакомъ въ Петербургѣ, заглядывался на однѣхъ красавицъ, пилъ изъ одного стакана и съ которыми вмѣстѣ кичился своей храбростью.

Этотъ симпатичный, незатѣйливый типъ русскаго офицера выводится въ самой обыденной обстановкѣ. Авторъ разсказываетъ либо военные анекдоты, преимущественно изъ отечественной войны двѣнадцатаго года, анекдоты веселые и удалые, въ которыхъ его товарищъ является счастливымъ удачникомъ, либо анекдоты свѣтскіе, гдѣ храброму сыну Марса отводится роль въ большинствѣ случаевъ несчастнаго любовника или воздыхателя. Молодой смѣльчакъ, который, проголодавшись, ѣдетъ подъ видомъ парламентера во вражескій лагерь и, весело поужинавъ, благополучно возвращается домой; храбрецъ, которому „великодушная Генріэтта" выдаетъ заговоръ своихъ соотечественниковъ и который съ горстью людей импонируетъ цѣлой толпѣ, и у нея подъ носомъ вывозитъ восемь подводъ съ оружіемъ и фуражемъ; не менѣе храбрый, но еще болѣе лукавый воинъ, умѣвшій въ мирное время путемъ хитрости занять, не смотря на сопротивленіе родителей, выгодную позицію въ каретѣ рядомъ съ „несравненной Александриной"; наконецъ, длинный рядъ менѣе счастливыхъ рыцарей печальнаго и даже фатальнаго образа, людей, на смерть раненыхъ совсѣмъ не страшными легкомысленными дѣвицами, которыя неравнодушны то къ свѣтскому блеску, то, въ особенности, къ генеральскимъ эполетамъ*) — таковы не очень интересные герои, о которыхъ въ юности, еще не понюхавъ пороху, любилъ говорить Марлинскій. Насчетъ умственной стоимости этихъ милыхъ воздыхателей, повѣсъ и секундантовъ, Марлинскій, впрочемъ, не обманывался. У него для нихъ припасено было много

---

*) «Вечеръ на бивуакѣ» 1823 г., «Второй вечеръ на бивуакѣ» 1823 г.

ласковыхъ словъ, но много и юмористически-колкихъ, которыя и въ наше время не утратили своей соли.

Какъ игриво, напр., надгробное слово, которое въ одной повѣсти („Испытаніе“ 1830) говоритъ нашъ авторъ надъ „за столомъ и подъ столомъ уснувшими“ своими товарищами по оружію. „Начинаю съ тебя,—говоритъ онъ,—милый корнетъ Посвистовъ, ибо въ царствѣ мертвыхъ и послѣдніе могутъ быть первыми. Да покоится твое романтическое воображеніе, которое, будучи орошено ромомъ, пылало какъ плумъ-пудингъ! Тебѣ недоставало только риѳмъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ, котораго бы никто не понялъ, и грамматики, чтобы быть прозаикомъ, котораго бы никто не читалъ. Самъ Зевесъ ниспослалъ на тебя сонъ въ отраду ушей всѣхъ ближнихъ!.. Миръ и тебѣ, храбрый ротмистръ Ольстрединъ! Ты никогда не опаздывалъ на звонъ сабель и стакановъ. Ты, который такъ затягиваешься, что не можешь сѣсть, и, натянувшись, не можешь встать! Да покоится же твое туловище, покуда звукъ трубы не призоветъ тебя къ страшному разсчету: „справа по три, и по три направо кругомъ!..“—Миръ и твоимъ усамъ, нашъ доморощенный Жомини, у котораго арміи летали, какъ журавли, и крѣпости лопали, какъ бутылки съ кислыми щами! Системы не спасли твоей операціонной линіи... Ты палъ, ты страшно палъ, какъ Люциферъ или Наполеонъ, съ верхняго конца въ преисподнюю подстолья!.. Долгій покой и тебѣ, кларнетистъ бе-мольной памяти, Бренчинскій, который даже собаку свою выучилъ лаять по нотамъ. Бывало ты однимъ духомъ отдувалъ любой актъ изъ Фрейшюца, а теперь одна апликатура V. C. P. со звѣздочкой, низвергла тебя, какъ прорванную волынку. И тебѣ, лордъ Байронъ мазурки, Стрепетовъ, кружившій головы дамъ неутомимостью ногъ своихъ въ вальсѣ такъ, что ни одна не покидала тебя безъ сердечнаго біенія — отъ усталости. Ты вѣчно былъ въ разладѣ съ музыкой; за то вѣчно доволенъ самъ собой. Миръ сердцу твоему, честолюбецъ Пятачковъ! Хотя ты и во снѣ хочешь перехрапѣть своихъ товарищей, и тебѣ, другъ Сусликовъ, что глядишь на меня, будто собираешься разсуждать, и, наконецъ, всѣ вы, о которыхъ такъ же трудно что-нибудь сказать, какъ вамъ что-нибудь выдумать“.

Большимъ добродушіемъ отзываются всѣ слова Марлинскаго о храбрыхъ воинахъ такого порядка. Если въ его повѣстяхъ о комъ говорится съ желчью и нѣкоторымъ раздраженіемъ, такъ это о салонныхъ кавалерахъ, во мнѣніи которыхъ военный мундиръ своего рода красивый футляръ для ихъ ничѣмъ неоправданнаго самомнѣнія. Одно изъ любимыхъ положеній въ повѣстяхъ нашего автора—перестрѣлка или открытое сраженіе прямыхъ, даже нѣсколько грубыхъ, военныхъ людей съ такими выхоленными и блестящими собратьями по оружію. Цѣной побѣды, конечно, почти всегда — женское сердце.

По всѣмъ этимъ типамъ и профилямъ, мы, само собою разумѣется, не составимъ себѣ понятія о томъ, какой общественной силой было въ тѣ годы наше военное сословіе. У Марлинскаго, — если не считать его собственныхъ признаній— отсутствуетъ самый интересный типъ этого круга,—а именно военный человѣкъ, побѣдитель и покоритель запада и вмѣстѣ съ тѣмъ его плѣнникъ и ученикъ во всемъ, что не касается штыковъ и пушекъ. Въ оправданіе Марлинскаго можно, однако, сказать, что послѣ 1825 года о такомъ типѣ говорить было трудно, а нашему автору и совсѣмъ невозможно.

Съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ остановился Марлинскій на типѣ боевого героя, котораго такъ выдвинули наши кавказскія экспедиціи. Иногда, какъ, напр., въ „Письмахъ изъ Дагестана“, въ повѣсти „Аммалатъ Бекъ“ и въ краткомъ разсказѣ о „Подвигахъ Овечкина и Щербины за Кавказомъ“ (1834), Марлинскій рисовалъ портреты съ живыхъ лицъ, которыхъ, правда, онъ самъ не знавалъ, но о которыхъ много слышалъ; иногда, какъ въ „отрывкахъ“ изъ неоконченнаго романа „Вадимовъ“, онъ (1834) намѣчалъ общій типъ или старался создать художественный образъ. Въ томъ и другомъ случаѣ получалась правдивая страничка изъ длиннаго мартиролога нашей арміи на Кавказѣ. Полковникъ Верховскій— любимецъ солдатъ и гроза непріятеля, былъ очень живо изображенъ въ „Аммалатѣ“. Полковникъ Миклашевскій штурмовалъ на нашихъ глазахъ Агачъ-Кале и умиралъ геройскою смертью („Письма изъ Дагестана“). Умиралъ ужасной смертью и поручикъ Щербина, который съ горстью солдатъ два дня отсиживался въ подожженномъ минаретѣ, пока горцы его не стащили внизъ и полумертвому и полуизжаренному не подрѣзали пятки и не вытянули жилы; штабсъ-капитанъ Овечкинъ отстаивалъ свою крѣпость противъ лезгинъ, одинъ поддерживалъ бодрость духа въ измученныхъ солдатахъ; и, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, уже въ предсмертномъ оцѣпенѣніи однимъ ударомъ сбивалъ съ ногъ фельдфебеля, который заговорилъ о сдачѣ *). О многихъ такихъ герояхъ, слава которыхъ уже тогда шла незаслуженно на убыль, напоминалъ Марлинскій въ своихъ очеркахъ. Читая ихъ, иной разъ думаешь, что читаешь не исторію, а сказку, — такъ невѣроятно смѣлы люди, о которыхъ идетъ рѣчь, и такъ велики ихъ страданія. Но все разсказанное Марлинскимъ—правда, и нашему автору не пришлось напрягать своей фантазіи: онъ могъ довольствоваться тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Кавказская военная быль была, дѣйствительно, похожа на сказку.

Незадолго до своей смерти нашъ авторъ задумалъ написать цѣлый романъ изъ своей походной жизни. Повѣсть должна была

*) «Подвигъ Ивана Овечкина и Щербины за Кавказомъ». 1834.

называться „Вадимовъ“ и главный герой ея былъ не кто иной, какъ самъ Александръ Александровичъ. Къ сожалѣнію, романъ остался неоконченнымъ и отъ него уцѣлѣли то́лько отрывки... Это—очень цѣнныя страницы, и какъ матерьялъ для біографіи, и какъ образцы батальной живописи.

Въ литературѣ того времени это была первая удачная попытка развернуть передъ читателемъ детальную картину военной жизни и безъ всякой тенденціи подѣйствовать на героическое или патріотическое чувство читателя. При всей взвинченности и патетичности рѣчи — двухъ качествъ, отъ которыхъ нашему автору случалось освобождаться лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—самый ходъ разсказа веденъ естественно и правдиво, а всѣ дѣйствующія лица полны жизни и движенья. Авторъ былъ правъ, когда въ одномъ отрывкѣ своего недописаннаго романа („Выстрѣлъ“). заставилъ военнаго человѣка негодовать на наши лубочныя картины изъ военной жизни. „Ваши батальные живописцы не знаютъ въ своемъ дѣлѣ аза въ глаза,— говоритъ авторъ отъ лица какого-то раскипятившагося полковника.—По мнѣ лучше суздальскія лубочныя картинки, которыя, съ тараканами и паутиной, составляютъ неизбѣжныя обои нашихъ станцій; въ нихъ, по крайней мѣрѣ, увидите вы Русь на голо; и духъ, и умѣнье, и просвѣщенье православныхъ мужичковъ: „Страженія патъ Масквой“, „въ хотъ впаришъ“ „взатіе славной крепасти Карса съ помощью флатиліи“. Глупо, за то смѣшно, за то на этомъ лубкѣ не подписано „рисовано съ природы“. Да, сударь, я повторяю вамъ, ваши художники или не имѣютъ поэтическаго чутья выдумать сраженіе, если его не видали, или не имѣютъ души постичь поэзію битвы, если ее и видѣли“.

Марлинскій имѣлъ право говорить такъ, потому что поэзія и вмѣстѣ съ тѣмъ правда битвы и военной жизни вообще схвачены умѣло и вѣрно въ его предсмертномъ романѣ. Конечно, его батальная живопись не совершенство, не то откровеніе искусства, котораго мы дождались только послѣ Севастополя въ разсказахъ Толстого, но для своего времени такіе разсказы какъ „Осада“ и „Выстрѣлъ“ — были настоящимъ литературнымъ открытіемъ. Все въ нихъ живетъ и движется,—и одушевленные предметы, и неодушевленные.

Читая эти страницы, вы почувствуете, какъ „плѣнительно-ужасно“ поле сраженія часовъ пять послѣ дѣла, когда дымъ улетитъ въ небо, когда боевыя страсти улягутся въ душѣ зрителя, когда мертвая тишина льется съ блескомъ мѣсяца на эту жатву судьбы, на это безгробное кладбище... Вы почувствуете даже боль отъ раны...— такъ реально изображаетъ авторъ всѣ ощущенія и впечатлѣнія битвы. Военный пылъ новичка, наростаніе храбрости, замираніе души при первомъ выстрѣлѣ—всѣ эти тонкія психиче-

скія движенія — передаются читателю, и картины боя превращаются подъ перомъ автора въ движущуюся панораму.

Въ исторіи литературы того времени батальная живопись Марлинскаго была завоеваніемъ новой области для словеснаго искусства. Кто читывалъ тогдашнія описанія битвъ и нашихъ походовъ на востокъ и западъ, тотъ сумѣетъ оцѣнить картину бородинскаго боя, вставленную Марлинскимъ въ его отрывокъ „Осада". И религіозное настроеніе даже „вольнодумцевъ" въ ночь передъ битвой, и необычайный задоръ передъ лицомъ, какъ казалось, непобѣдимаго врага—становятся понятны по мѣрѣ того, какъ нашъ авторъ, забывая красоты описанія, углубляется въ тайники человѣческаго сердца; онъ пытается отыскать его даже у неодушевленныхъ предметовъ: и его пушки, его батареи, дѣйствительно, и отдыхаютъ, и просыпаются, и говорятъ, и сердятся.

На фонѣ этихъ реальныхъ картинъ хорошо выдѣляются и живые люди—сѣрые люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящіе герои данной минуты. Какой-нибудь командиръ батареи, который спитъ, сидя на землѣ, опустивъ голову въ колѣна и не слышитъ, какъ турецкія ядра гудятъ въ ночномъ воздухѣ... но сонъ его —львиный сонъ и пробужденіе бываетъ страшно: тогда на всю батарею гремитъ его голосъ, отъ котораго непріятельская стѣна пустѣетъ и замолкаютъ крѣпостныя орудія—такъ враги боятся мѣткости его выстрѣловъ. И спитъ онъ передъ дѣломъ не изъ безчувствія, а потому что все у него въ исправности, потому что онъ увѣренъ въ успѣхѣ... „Широкая кровеносная жила, которая позволяетъ ему такъ же легко дышать въ пороховомъ дыму, какъ на чистомъ воздухѣ", сдѣлала изъ него храбреца, который самъ себѣ не ставитъ въ заслугу своей храбрости. И рядомъ съ этимъ полковникомъ-прозаикомъ, который, горько плача и молясь съ отчаяніемъ въ ночь передъ Бородиномъ, не забылъ осмотрѣть всѣ заряды, всѣ скорострѣльныя трубки, всякій винтъ на лафетѣ—стоитъ тутъ же на батареѣ молодой мечтатель, задумчивый офицеръ, и мечты его далеки отъ этого мѣста ужаса: онъ весь полонъ одной мечтой, мечтой о *ней* и все, и задумчивость его, и слова, и даже отвага выдаютъ его тайну... Нѣсколько поодаль отъ нихъ стоитъ какой-то высокій, худощавый человѣкъ лѣтъ 50-ти: онъ весь погруженъ въ свои думы, взоры его перелетаютъ и за горы, и за моря; они исчезаютъ въ пространствѣ и тонутъ въ будущемъ. Среди всѣхъ онъ выдѣляется своимъ страннымъ костюмомъ, своимъ живописно на плечахъ брошеннымъ чернымъ плащемъ, подбитымъ малиновымъ бархатомъ... очевидно, волонтеръ, или искатель приключеній... и тутъ же около него молодой, вѣроятно, только что произведенный офицеръ, который обижается, когда ему говорятъ: „посторонитесь, въ васъ цѣлятъ" и нарочно поднимаетъ голову надъ грудной обороной, чтобы тутъ же упасть мертвымъ подъ ударомъ ядра... И, наконецъ, на почтительномъ разстояніи,

вдали адъютантъ, который машетъ фуражкой и кричитъ, чтобы открывали огонь и готовились къ приступу...

Всѣ такія сценки и бѣгло набросанные типы, конечно, эскизы и этюды, но когда ихъ много, то получается цѣлая картина. Она, какъ мы видѣли, далеко не исчерпываетъ всѣхъ характерныхъ оттѣнковъ того круга жизни, который она изображаетъ, но этотъ недостатокъ вознаграждается тѣмъ, что въ военныхъ разсказахъ Марлинскаго читатель имѣетъ несомнѣнно правдивое и яркое отраженіе самой жизни.. Въ исторіи русскаго реальнаго романа они займутъ свое мѣсто, какъ первые опыты еще не опредѣлившагося вполнѣ таланта, который, любя въ жизни романтически-эффектное и необычайное, начинаетъ внимательно приглядываться къ тому, что въ ней есть характернаго и человѣчнаго, хотя бы подъ самой простой и прозаической оболочкой. Этотъ поворотъ нашего романтика къ реализму замѣтенъ и въ тѣхъ его повѣстяхъ, въ которыхъ онъ по памяти возстановляетъ хорошо ему извѣстную жизнь свѣтскаго круга.

Н. Котляревскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛЮБОВЬ КУКЛЫ.

(Повѣсть).

V.

Когда Половецкій выходилъ съ парохода, на сходняхъ его догналъ поваръ Егорушка и, задыхаясь, проговорилъ:

— А, вѣдь, Павелъ-то Митричъ, г. Половецкій, померши... Ахъ, что только и будетъ!..

— Какой Павелъ Митричъ?

— А Присыпкинъ... Какой человѣкъ-то былъ!..

— Какой человѣкъ?

— А нашъ, значитъ, природный исправникъ... Семнадцать лѣтъ выслужилъ. Отецъ родной былъ...

— А какъ вы узнали мою фамилію?

— Помилуйте, кто-же васъ не знаетъ... Мужички медвѣжатники все обсказали. Да... Ахъ, Павелъ Митричъ, Павелъ Митричъ...

Половецкому было очень непріятно, что его фамилія была открыта. Егорушка страдалъ старческой болтливостью и, навѣрно, разскажетъ всему пароходу.

— Егорушка, вы молчите, что видѣли меня,—просилъ онъ.

— Помилуйте, баринъ, да изъ меня слова-то топоромъ не вырубишь... Такъ, съ языка сорвалось. Ахъ, Павелъ Митричъ...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Егорушка бросился на пароходъ, розыскалъ „предсѣдателя“ Ивана Павлыча и разсказалъ ему все о Половецкомъ, съ необходимыми прибавленіями:

— Въ обитель они пошли съ братомъ Павлиномъ... Надо полагать, постриженіе хотятъ принять.

— Половецкій... да, Половецкій... гмъ...—тянулъ изъ себя слова Иванъ Павлычъ.—Фамилія извѣстная... А какъ его зовутъ?

— А вотъ имя-то я и забылъ... Михайлой...

— Михаилъ Петровичъ?

— Вотъ, вотъ... Въ кирасирахъ служили, а сейчасъ съ котомочкой изволятъ идти на манеръ странника... А Павелъ то Митричъ?

— Да, приказалъ долго жить...

— Какой человѣкъ былъ, какой человѣкъ...

— Да, порядочный негодяй,—отрѣзалъ Иванъ Павлычъ, ковыряя въ зубахъ.

Егорушка даже отступилъ въ ужасѣ, точно „предсѣдатель“ въ него выстрѣлилъ, а потомъ проговорилъ:

— Дѣйствительно, оно того... да... Можно сказать, даже совсѣмъ вредный былъ человѣкъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Половецкій и братъ Павлинъ остановились переночевать въ Бобыльскѣ на постояломъ дворѣ. И здѣсь все было наполнено тѣнью Павла Митрича Присыпкина. Со всѣхъ сторонъ сыпались всевозможныя воспоминанія, пересуды и соображенія.

— И что только будетъ...—повторялъ рыжебородый дворникъ, какъ поваръ Егорушка.

Проѣзжаго народа набралось много, и негдѣ было яблоку упасть. Братъ Павлинъ устроилъ мѣсто Половецкому на лавкѣ, а самъ улегся на полу.

— Вамъ это непривычно по полу валяться, а мы—люди привычные,—объяснялъ онъ, подмащивая въ головы свою дорожную котомку.—Что-то у насъ теперь въ обители дѣлается... Ужо завтра мы утречкомъ пораньше двинемся, чтобы по холодку пройти. Какъ разъ къ ранней обѣднѣ поспѣемъ...

Половецкій почти не спалъ опять цѣлую ночь. Въ избѣ было душно. А тутъ еще дверь постоянно отворялась. Входили и выходили пріѣзжіе. На дворѣ кто-то ругался. Ржали лошади, просившія пить. Все это для Половецкаго было новымъ, неизвѣстнымъ, и онъ чувствовалъ себя такимъ лишнимъ и чужимъ, какъ выдернутый зубъ. Тутъ кипѣли свои интересы, которыхъ онъ въ качествѣ барина не понималъ. На него никто не обращалъ вниманія. Лежа съ открытыми глазами, Половецкій старался представить себѣ будущую обитель, суроваго игумена, строптивца Ираклія, весь укладъ строгой обительской жизни. Онъ точно прислушивался къ самому себѣ и провѣрялъ мѣнявшееся настроеніе. Это былъ своего рода пульсъ, съ своими повышеніями и пониженіями. И опять выплывала застарѣлая тоска, точно съ нимъ рядомъ сидѣлъ его двойникъ, отъ котораго онъ не могъ избавиться, какъ нельзя избавиться отъ собственной тѣни.

Половецкій не зналъ, спалъ онъ или нѣтъ, когда братъ Павлинъ поднялся утромъ и началъ торопливо собираться въ дорогу.

— Охъ, не опоздать-бы къ обѣднѣ...—думалъ онъ вслухъ.— Братъ Ираклій вотъ какое послушаніе задастъ...

— Вѣдь онъ не игуменъ,—замѣтилъ Половецкій.

— Онъ и игумну спуску не даетъ... Особенный человѣкъ. Такъ смотрѣть, такъ злѣе его нѣтъ и человѣка на свѣтѣ А онъ добрый. Чуть что и заплачетъ. Когда меня провожалъ— прослезился... А что я ему? Простецъ, прямо человѣкъ отъ пня...

Не смотря на раннее утро, городъ уже начиналъ просыпаться. Юркое мѣщанство уже шныряло по улицамъ, выискивая свой дневной трудъ. Братъ Павлинъ показалъ царскій дубъ и мостъ, съ котораго Иванъ Грозный бросалъ бобыльцевъ въ рѣку.

— Несчетное множество народу погубилъ,—объяснялъ онъ со вздохомъ.—Года съ три городъ совсѣмъ пустой стоялъ, а потомъ опять заселился.

Миновавъ грязное даже въ жаркую пору предмѣстье, они пошли по пыльному, избитому тракту. Кругомъ не было видно ни одного деревца. Сказывался русскій человѣкъ, который истребляетъ лѣсъ до послѣдняго кустика. Тощій выгонъ, на которомъ паслись тощія городскія коровенки, кое-гдѣ тощія пашни. Братъ Павлинъ шагалъ какой-то шмыгающей походкой, сгорбившись и размахивая длинными руками. Онъ теперь казался Половецкому совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ на пароходѣ, какъ кажутся въ полѣ или въ лѣсу совсѣмъ другими лошади и собаки, которыхъ глазъ привыкъ видѣть въ ихъ домашней обстановкѣ.

— А вотъ и наша монастырская повертка,—радостно проговорилъ братъ Павлинъ, когда отъ тракта отдѣлилась узенькая проселочная дорожка.—Половину дороги прошли...

Впереди виднѣлся тощій болотный лѣсокъ съ чахлыми березками, елочками и вербами. Почва замѣтно понижалась. Чувствовалась близость болота. Луговая трава смѣнилась жесткой осокой. Пейзажъ былъ незавидный, но онъ нравился Половецкому, отвѣчая его настроенію. Деревья казались ему живыми. Вѣдь никакое искусство не можетъ создать вотъ такую чахлую березку, безконечно красивую даже въ своемъ убожествѣ. Въ ней чувствовалось что-то страдающее, неудовлетворенное... Тощая почва, какъ грудь голодной матери, не давала питанія. Вѣдь у такой голодной березки есть своя физіономія, и она смотритъ на васъ каждымъ своимъ блѣднымъ листочкомъ, тянется къ вамъ своими исхудалыми, заморенными вѣточками и тихо жалуется, когда ее всколыхнетъ шальной вѣтерокъ. И сколько въ этомъ родного, сколько родной русской тоски... А блѣдные, безымянные цвѣтики, которые пробивались изъ жесткой болотной травы, какъ за-

моренныя дѣти... Вѣдь и въ душѣ человѣка растетъ такая жесткая трава, съ той разницей, что въ природѣ все справедливо, до послѣдней, самой ничтожной былинки, а человѣкъ несетъ въ своей душѣ неправду.

Чахлый лѣсокъ скоро смѣнился болотными зарослями. Дорожка виляла по сухимъ мѣстамъ, перебѣгала по деревяннымъ мостикамъ и вела вглубь разроставшагося болота.

— Слава Богу!—проговорилъ братъ Павлинъ, откладывая широкій крестъ.

— Что такое?

— А звонятъ къ заутрени...

Половецкому нужно было остановиться, чтобы разслышать тонкій пѣвучій звукъ монастырскаго колокола, протянувшійся надъ этимъ болотомъ. Это былъ мѣдный голосъ, который звалъ къ себѣ... Половецкій тоже перекрестился, не отдавая себѣ отчета въ этомъ движеніи.

— Радость-то, радость-то какая...—шепталъ братъ Павлинъ, ускоряя шагъ.—Это братъ Герасимъ звонитъ. Онъ у насъ одинъ это понимаетъ. Кажется, чего проще ударить въ колоколъ, а выходитъ то, да не то... Братъ Герасимъ не совсѣмъ въ умѣ, а звонить никто лучше его не умѣетъ.

Они прошли болотомъ версты четыре, пока изъ-за лѣсного островка блеснулъ крестъ монастырской колокольни. Братъ Павлинъ началъ торопливо креститься, а Половецкій почувствовалъ, какъ у него сердце точно сжалось. Возвращающійся изъ далекаго, многолѣтняго странствованія путешественникъ, вѣроятно, испытываетъ то же самое, когда увидитъ кровлю родного дома.

— Скоро будемъ и дома... — отвѣтилъ на его тайную мысль братъ Павлинъ.

Въ дорогѣ люди настолько сближаются, что начинаютъ понимать другъ друга безъ словъ.

Братъ Павлинъ прибавилъ шагу и нѣсколько разъ оборачивался, глядя на Половецкаго улыбавшимися глазами, какъ будто желалъ его ободрить.

Обитель точно утонула въ болотѣ. Дорога колесила, пробираясь сухими мѣстами. Перекинутые временные мостики показывали черту весенняго половодья. Неудобнѣе мѣста трудно было себѣ представить, но какая-то таинственная сила чувствовалась именно здѣсь. Есть обители нарядныя, показныя, которыя красуются на видныхъ мѣстахъ, а тутъ сплошное болото освѣщалось тихимъ голосомъ монастырскаго колокола, призывавшимъ къ жизни.

— Хорошо...—отвѣтилъ братъ Павлинъ на тайную мысль Половецкаго.—Лучше мѣста нѣтъ... Отишіе у насъ. Очень

ужъ я возлюбилъ нашу тишину... Душа радуется къ молитвѣ.

Самая обитель показалась какъ-то сразу. Старинная бѣлая церковь занимала центръ, а вокругъ нея жались въ живописномъ безпорядкѣ низенькія каменныя и бревенчатыя пристройки. Была и монастырская стѣна съ узенькими оконцами, обрѣшетченными желѣзными прутьями. Виднѣлась немного въ сторонѣ другая церковка, низенькая, съ плоской крышей, тонкими главами и стоявшей отдѣльно колокольней. Хозяйственныя постройки помѣщались за монастырской оградой, образуя отдѣльный дворъ. Изъ-за монастыря, черезъ рѣдкую сѣтку сосенъ и елей, блестѣло озеро. Чѣмъ-то тихимъ и забытымъ вѣяло отъ этой обители, и Половецкій облегченно вздохнулъ. У открытыхъ монастырскихъ воротъ стояла крестьянская телѣга, въ которой лежала какая-то исхудалая баба съ лихорадочно горѣвшими глазами.

— Одержимая... — объяснилъ братъ Павлинъ. — У насъ много такихъ бываетъ, которые ищутъ благодати.

— „Вѣдь и я тоже одержимый"...—невольно подумалъ Половецкій.—„И тоже пришелъ искать благодати"...

VI.

Они вошли въ ворота на поросшій травой монастырскій дворъ. Изъ открытыхъ дверей маленькой церковки доносилось пѣніе. Кончалась заутреня. Братъ Павлинъ какъ-то весь съежился и показался Половецкому ниже ростомъ.

— А вонъ и братъ Ираклій...—какъ-то пугливо проговорилъ онъ, указывая глазами на стоявшаго у деларни худенькаго монаха въ черной островерхой скуфейкѣ.

Онъ, видимо, все свое вниманіе сосредоточилъ на Половецкомъ, и смотрѣлъ на него злыми черными глазками, глубоко засѣвшими въ своихъ орбитахъ. Узенькое, худое, нервное лицо чуть было тронуто жиденькой рыжеватой бобородкой и такими же усами. Контрастомъ на этомъ лицѣ являлись толстыя чувственныя губы. Братъ Павлинъ подошелъ къ нему, но встрѣтилъ довольно сухой пріемъ.

— Нашатался?—коротко спросилъ братъ Ираклій.

— Да, Господь сподобилъ...

— А это еще какого сахара привелъ?

— Такъ, на пароходѣ познакомился... Они хотятъ у насъ въ обители пожить.

Братъ Ираклій издалъ неопредѣленный звукъ и самъ подошелъ къ Половецкому.

— Паспортъ имѣете? — спросилъ онъ какимъ-то непріятнымъ голосомъ, глядя въ упоръ.

— Имѣю,—отвѣтилъ спокойно Половецкій, разсматривая брата Ираклія съ ногъ до головы.

Брату Ираклію не понравился тонъ отвѣта и безцеремонное оглядываніе. Онъ круто повернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вернулся.

— Вы, можетъ быть, изъ корреспондентовъ?

— Нѣтъ...

— Бываютъ и такіе...

— Да, бываютъ...

— А что у васъ въ котомкѣ?

— Это ужъ мое дѣло...

Братъ Павлинъ съ какой-то печальной улыбкой наблюдалъ эту сцену и, когда братъ Ираклій ушелъ, проговорилъ:

— Вотъ онъ всегда у насъ такъ... Ни за что обидитъ человѣка.

— Нѣтъ, меня онъ не обидѣлъ пока ничѣмъ.

— Еще успѣетъ обидѣть... Вы меня подождите здѣсь, а я пойду поищу о. келаря, чтобы насчетъ страннопріимницы. Вонъ она...

Онъ указалъ на низенькій деревянный флигелечекъ, выходившій окнами въ небольшой садикъ, пестрѣвшій цвѣтами. Видимо, что его устраивала любящая и опытная рука. Братъ Павлинъ скоро вернулся въ сопровожденіи низенькаго, коренастаго монаха, который молча поклонился и молча повелъ въ страннопріимницу. Это былъ очень уютный домикъ, гдѣ пахло еще деревомъ и свѣжей краской. О. келарь молча отворилъ одну дверь и молча пригласилъ Половецкаго войти.

— Нѣтъ, эта комната не годится,—раздался за спиной Половецкаго голосъ брата Ираклія.—Да, не годится...

Онъ повелъ въ дальній конецъ узенькаго корридора и отворилъ дверь маленькой полутемной комнаты, выходившей однимъ окномъ куда-то въ стѣну. Первая комната была свѣтлая, а въ окно можно было любоваться садикомъ. Половецкій посмотрѣлъ на о. келаря, но тотъ молчалъ.

— Здѣсь отлично будетъ,—объяснялъ братъ Ираклій.— И солнце не будетъ васъ безпокоить, и мухъ меньше...

Половецкій ничего не отвѣтилъ. Когда о. келарь и братъ Ираклій ушли, братъ Павлинъ проговорилъ:

— И вотъ всегда такъ... Суется не въ свое дѣло и вездѣ лѣзетъ, какъ осенняя муха. Никакого ему касательства до страннопріимницы нѣтъ, а онъ распоряжается. А о. келарь всегда молчитъ... Великій онъ молчальникъ у насъ... Ну, вы тутъ пока устраивайтесь, а я пойду къ себѣ. Охъ, доста-

нется мнѣ отъ о. игумена... Сейчасъ-то онъ еще въ церкви, а вотъ когда служба кончится.

Половецкій былъ радъ, что, наконецъ, остался одинъ Какое это счастье быть одному, только самимъ собой... Онъ снялъ котомку и проговорилъ вслухъ:

— Вотъ мы и дома...

Онъ въ послѣднее время часто говорилъ про себя, а не думалъ, и почти видѣлъ тѣ слова, которыми мысленно говорилъ. По привычкѣ къ чистоплотности онъ хотѣлъ умыться съ дороги и привести себя вообще въ порядокъ, но въ комнатѣ не оказалось умывальника. Половецкій вышелъ въ корридоръ и встрѣтилъ опять брата Ираклія.

— Вамъ, можетъ быть, не нравится ваша комната?

— Нѣтъ, ничего...

— А то у насъ есть помѣщеніе на скотномъ дворѣ, гдѣ живетъ братъ Павлинъ...

Половецкій покраснѣлъ и, сдерживая волненіе, проговорилъ, отчеканивая слова:

— Послушайте, вамъ-то какое дѣло? Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ... Вѣдь странпопріимницей завѣдуетъ о. келарь, а не вы.

Братъ Ираклій нервно дернулъ тонкой шеей и улыбнулся.

— А дверь вы, всетаки, не имѣете права затворять... да. У насъ такое правило для мужского пола...

— Почему же такое правило?

— А вотъ по этому самому... Былъ такой случай... Тоже, вотъ какъ вы, пришелъ въ обитель нѣкоторый странникъ, и поселился въ страннопріимницѣ. Богомольный такой, всѣ службы выстаивалъ и молился со слезами, а потомъ оказалось, что онъ по ночамъ мастерилъ фальшивую монету...

Готовый вспылить, Половецкій невольно разсмѣялся.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, я не фальшивый монетчикъ...

Для него было ясно, что братъ Ираклій истеричный субъектъ и, вѣроятно, алкоголикъ.

— А гдѣ у васъ можно умыться?—спросилъ онъ.

— Умыться? А въ кухнѣ виситъ рукомойка, тамъ и умоетесь,—объяснилъ братъ Ираклій простымъ тономъ.— Сейчасъ по корридору направо...

— Очень вамъ благодаренъ.

— Не стòитъ благодарности...

Пока Половецкій приводилъ свой костюмъ въ порядокъ и мылся, заблаговѣстили къ обѣднѣ. Онъ отправился въ церковь. Маленькая снаружи она оказалась внутри довольно просторной. Богомольцевъ было совсѣмъ мало. Какія-то убогія старушки, два мужика—и только. Служилъ самъ игуменъ,

представительный старикъ съ окладистой бородой. На клиросѣ пѣлъ всего одинъ монахъ. Братъ Ираклій былъ въ церкви и торопливо перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Половецкій по дѣтскимъ воспоминаніямъ особенно любилъ именно такія маленькія церкви, гдѣ такъ хорошо и чисто молилась дѣтская чистая душа. Онъ выстоялъ всю службу, и ему опять было хорошо.

Послѣ службы къ Половецкому подошелъ братъ Павлинъ и пригласилъ въ трапезную.

— Можете тамъ и чайку попить... У насъ это разрѣшается. И благословеніе отъ о. игумена примете.

Трапезная помѣщалась въ одномъ изъ каменныхъ флигелей старинной постройки. Вся обстановка состояла изъ одного длиннаго стола и приставленныхъ къ нему скамеекъ.

— Можно вамъ подать самоварчикъ и въ номеръ,—предлагалъ братъ Павлинъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... И здѣсь хорошо.

— У насъ сейчасъ будетъ обѣдъ, а чай пьютъ не всѣ.

Собравшіеся монахи ничего особеннаго не представляли. У всѣхъ простыя русскія лица, какія можно встрѣтить на каждомъ шагу. И держали себя всѣ просто. Не чувствовалось дѣланнаго монашескаго смиренія. Одинъ братъ Ираклій представлялъ нѣкоторое исключеніе своей неестественной суетливостью. Онъ, очевидно, уже успѣлъ предупредить игумена о новомъ монастырскомъ гостѣ.

— Вы хотите у насъ пожить?—спросилъ о. игуменъ просто и спокойно, точно они только вчера разстались.

— Да, если вы позволите...

— Съ удовольствіемъ... Можете имѣть даже особую пищу, конечно, постную, какъ слѣдуетъ по уставу.

Трапеза продолжалась очень недолго, потому что состояла изъ картофельной похлебки и жареной рыбы. Игуменъ пилъ чай и предложилъ Половецкому.

— У насъ не всѣ пьютъ чай, — объяснилъ онъ. — Братія вся изъ простецовъ.

Монастырская простота очень понравилась Половецкому. Чувствовалось что-то такое трудовое, серьезное. Ничего лишняго. Это была настоящая крестьянская монашеская община.

Послѣ короткаго отдыха половина братіи отправилась на покосъ грести сѣно. Братъ Павлинъ чувствовалъ себя виноватымъ за пропущенные рабочіе дни и только вздохнулъ.

— Ахъ, какъ все это нехорошо вышло! — сообщилъ онъ Половецкому. — Каялся я игумену, а онъ хоть бы слово... „Твое дѣло, тебѣ и знать". Вотъ и весь разговоръ... Презираетъ онъ меня за мое малодушіе. А все Ираклій подбивалъ...

Самъ-то не пошелъ, а меня подвелъ. Кого угодно на грѣхъ наведетъ, строптивецъ... И надо мной же издѣвается.

— Вы сейчасъ идете въ поле?

— Да.

— Можно мнѣ съ вами?

— Конечно... Только вамъ-то неинтересно будетъ смотрѣть на нашу мужицкую работу. Я-то ужъ себѣ придумалъ эпитимію... У насъ луга заливные, а есть одно вредное мѣстечко, называется мысокъ. Трава на немъ жесткая, осока да бѣлоусъ... Прошелъ рядъ и точи косу. Работа тяжелая, ну, я этотъ мысокъ и выкошу. Братіи-то и будетъ полегче.

— И для меня коса найдется?

— Конечно...

— Я когда-то умѣлъ косить, когда жилъ у себя въ имѣньи.

— Вотъ, вотъ...

Братъ Павлинъ провѣлъ Половецкаго сначала къ себѣ на скотный дворъ. Монашеское хозяйство было не велико: три лошади и десятка два куръ. За скотнымъ дворомъ шелъ большой огородъ со всякимъ овощемъ. Братъ Павлинъ, видимо, гордился имъ особенно.

— У насъ въ обители все свое, кромѣ молока и хлѣба. Пробовали разбивать пашенку, да земля оказалась неродимая... За то всякій овощъ превосходно идетъ, особенно капуста. Она любитъ потныя мѣста...

Заливные луга облегли озеро зеленой каймой. Издали можно было видѣть четырехъ монаховъ, собиравшихъ готовое сѣно въ копны. Они работали въ однѣхъ рубашкахъ, и объ ихъ монашескомъ званіи можно было догадываться только по ихъ чернымъ скуфейкамъ. Мысокъ оставался нетронутымъ. Братъ Павлинъ смотрѣлъ недовѣрчиво, когда Половецкій брался за косу, но сейчасъ же убѣдился, что онъ умѣетъ работать.

— Потрудитесь на обитель,—замѣтилъ онъ, привычнымъ жестомъ дѣлая первый розмахъ.

Было жарко, и послѣ часовой работы Половецкій съ непривычки почувствовалъ сильную усталость. Правое плечо точно было вывихнуто. Братъ Павлинъ работалъ ровно и легко, какъ работаетъ хорошо сложенная машина. Половецкій едва тянулся за нимъ и былъ радъ, когда подошелъ братъ Ираклій.

— Изволите баловаться, баринъ?

— Да, немножко...

— Для аппетита?

— Да, для аппетита... А вотъ вы зачѣмъ не работаете?

— У меня совсѣмъ другая работа. Я по письменной части...

— Одно другому не мѣшаетъ.

Когда Половецкій началъ вытирать потъ съ лица, братъ Ираклій съ улыбкой проговорилъ:

— Что, видно, бѣлыми-то руками трудненько добывать черный хлѣбъ?

VII.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Половецкій совершенно освоился съ обительской жизнью, и она ему начинала нравиться. Между прочимъ, у него вышелъ интересный разговоръ съ игуменомъ, когда онъ предъявилъ ему свой паспортъ. О. Мисаилъ внимательно прочелъ паспортную книжку, до полицейскихъ отмѣтокъ включительно, и, возвращая ее, проговорилъ:

— Что-же собственно вамъ угодно, Михайло Петровичъ?

— Отдохнуть, т. е. собраться съ силами, провѣрить себя, подвести итогъ, успокоиться... Вѣдь я жестоко измучился...

— Такъ, такъ... Но вѣдь по своему общественому положенію вы могли устроиться по желанію, какъ хотѣли?

— Вотъ я и устроился... Мнѣ нужно собраться съ мыслями, а главное—на время уйти отъ той обстановки, въ какой я жилъ до сихъ поръ и отъ тѣхъ людей, съ которыми я жилъ.

— Вижу, что у васъ какое-то большое горе...

— Да, было... Я доходилъ до послѣдней степени отчаянія и... и...

— Вижу: хотѣли лишить себя жизни?—договорилъ о. Мисаилъ засѣвшую у Половецкаго въ горлѣ фразу.—Великій. и страшный грѣхъ отчаяніе, потому что онымъ отрицается безграничное милосердіе божіе. Страшно подумать, когда человѣкъ дерзаетъ идти противъ закона божія... Но есть и спасеніе для кающагося, если покаяніе съ вѣрой и любовью.

— А если этой-то вѣры и нѣтъ?

— Вѣра есть въ каждомъ, но она затемнена... Безъ вѣры не человѣкъ, а звѣрь. По нашей слабости намъ нужно великое горе, чтобы душа проснулась... Горе очищаетъ душу, какъ огонь очищаетъ злато.

Половецкому очень хотѣлось поговорить съ о. Мисаиломъ вполнѣ откровенно, раскрыть всю душу, но его что-то еще удерживало. Онъ точно боялся самого себя и откладывалъ рѣшительный моментъ.

— О. Мисаилъ, вѣдь въ человѣкѣ живутъ два человѣка,—замѣтилъ онъ.—Одинъ—настоящій человѣкъ, котораго мы знаемъ, а другой—призракъ, за которымъ мы го

няемся цѣлую жизнь и который всегда отъ насъ уходитъ, какъ наша тѣнь.

Игуменъ посмотрѣлъ на Половецкаго, пожевалъ губами и отвѣтилъ:

— Это уже умствованіе... Вы поговорите о семъ съ Ираклiемъ. Онъ у насъ склоненъ къ пренiямъ...

Но съ Ираклiемъ Половецкій совсѣмъ не желалъ говорить. „Строптивецъ" преслѣдовалъ его по пятамъ. Даже по ночамъ Половецкій слышалъ его шаги въ корридорѣ, и какъ онъ прислушивался у дверей его комнаты.

Обитель „Нечаянныя Радости" представляла собой типичную картину медленнаго разрушенія и напоминала собой улей, въ которомъ жизнь изсякала. Мало было братіи и мало богомольцевъ. Но это именно и нравилось Половецкому, потому что давало ту тишину, которая даетъ человѣку возможность прислушиваться къ самому себѣ. Кромѣ Ираклія, всѣ остальные не обращали на него никакого вниманія. У каждаго было какое-нибудь свое дѣло. Половецкій являлся чужимъ человѣкомъ, и онъ это чувствовалъ на каждомъ шагу.

Эта отчужденность съ особенной яркостью почувствовалась имъ, когда въ страннопріимницѣ поселился какой-то купецъ, здоровый и молодой на видъ, что называется—кровь съ молокомъ. Вся обитель точно встрепенулась, потому что, видимо, пріѣхалъ свой человѣкъ, родной. Онъ говорилъ громко, ходилъ рѣшительными шагами и называлъ всѣхъ иноковъ по именамъ.

— Это Теплоуховъ, Никаноръ Ефимычъ... — объяснилъ братъ Павлинъ.—У нихъ кирпичные заводы около Бобыльска. Къ намъ раза два въ годъ наѣзжаютъ, потому какъ у нихъ тоска. Вотъ сами увидите, что они будутъ выдѣлывать вечеромъ.

— Онъ, вѣроятно, пьетъ запоемъ?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать... Не слышно. А такъ, поврежденіе. О. игумена они очень ужъ уважаютъ...

Дѣйствительно, вечеромъ въ страннопріимницѣ произошла суматоха. Послышался истерическій плачъ и какія-то причитанья. Такъ плачутъ только женщины. Но это бѣсновался Никаноръ Ефимычъ, пока не пришелъ къ нему о. Мисаилъ.

— Тошно мнѣ, игуменъ... охъ, тошнехонько!—съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ повторялъ Теплоуховъ, не вытирая слезъ.—Руки на себя наложу...

— Успокойся, говорю тебѣ!—рѣшительнымъ тономъ говорилъ игуменъ.—Опять задурилъ...

— Тошно, тошно...

По мѣрѣ того, какъ игуменъ повышалъ голосъ, Никаноръ

Ефимычъ стихалъ и кончилъ какимъ-то дѣтскимъ шопотомъ:

— Страшно мнѣ, игуменъ... Страшно!..

Утромъ на другой день Никаноръ Ефимычъ опять говорилъ громко, выстоялъ всю службу, пообѣдалъ съ братіей въ трапезной и, вообще, держалъ себя, какъ здоровый человѣкъ. Но вечеромъ припадокъ отчаянія повторился и еще въ болѣе сильной формѣ. Странно, что братъ Ираклій боялся Никанора Ефимыча и все время гдѣ-то скрывался. Половецкій тоже чувствовалъ себя нехорошо и былъ радъ, когда Никаноръ Ефимычъ черезъ три дня уѣхалъ къ себѣ, въ Бобыльскъ. Послѣ его отъѣзда братъ Ираклій снова показался и съ удвоенной энергіей началъ опять преслѣдовать Половецкаго.

Прошла недѣля. Разъ Половецкій возвратился въ свою комнату послѣ всенощной и пришелъ въ ужасъ. Его котомка была распакована, а кукла валялась на полу. Онъ даже побѣлѣлъ отъ бѣшенства, точно кто его ударилъ по лицу. Не было никакого сомнѣнія, что все это устроилъ братъ Ираклій. Половецкій внѣ себя бросился разыскивать брата Павлина и сообщилъ ему о случившемся.

— Онъ, Ираклій...—согласился братъ Павлинъ.—Онъ и чужія письма читаетъ.

— Я... я не знаю, что сдѣлаю съ нимъ!.. Это... это... я не знаю, какъ это называется...

— Михайло Петровичъ, не сердитесь,—успокаивалъ его съ обычной кротостью братъ Павлинъ.—Это онъ такъ... въ изступленіи ума...

Братъ Ираклій прятался отъ Половецкаго дня два, а потомъ самъ явился съ повинной.

— Это я развязалъ вашу котомку,—заявилъ онъ, выправляя тонкую жилистую шею.—Да, я...

— Я знаю, что сдѣлали это вы, но не понимаю, для чего вы это сдѣлали.

— Я тоже не понимаю...

Братъ Ираклій съ виноватымъ видомъ стоялъ у дверей, а Половецкій шагалъ по комнатѣ, заложивъ по военной привычкѣ руки за спину. Онъ старался подавить въ себѣ накипавшее бѣшенство, а братъ Ираклій, видимо, не желалъ уходить.

— Самое лучшее, что вы сейчасъ можете сдѣлать—это уйти,—въ упоръ проговорилъ Половецкій, останавливаясь.

— Позвольте, но предметъ такой странный... — отвѣтилъ братъ Ираклій.—Наша обитель стоитъ триста лѣтъ, а такого предмета въ ней не случалось...

— Это ужъ мое дѣло, какой предметъ и для чего онъ у меня...

Братъ Ираклій продолжалъ оставаться.

— Надѣюсь, вы меня оставите одного?—рѣзко заявилъ Половецкій, поворачиваясь къ нему спиной.

— Что же, я и уйду...—кротко согласился братъ Ираклій.— Только вы напрасно сердитесь на меня... и презираете... А я могу понимать и даже весьма...

— Вы?! Понимать?!..

— И очень даже просто... Я могу и по философіи... Въ писаніи даже сказано: не сотвори себѣ кумира и всякаго *подобія*... Очень просто.

Половецкій остановился и отвѣтилъ:

— Представьте себѣ, что вы угадали... Въ этой смѣшной куклѣ, т. е. смѣшной для васъ—для меня вся жизнь... да. Она меня спасла... Въ ней еще сохраняется теплота тѣхъ дѣтскихъ рукъ, которыя ее держали... Она слышала первый лепетъ просыпавшагося дѣтскаго сознанія... На нее палъ первый лучъ дѣтскаго чувства... Она думаетъ, она говоритъ... Въ ней сосредоточился весь міръ. Понимаете вы меня?!

— Не скажу, чтобы понималъ совсѣмъ, а догадываюсь...

— Нѣтъ, не догадаетесь и не старайтесь догадываться...

Половецкаго начинало возмущать, что братъ Ираклій стоитъ и дергаетъ шеей. Онъ, наконецъ, не выдержалъ и проговорилъ:

— Да садитесь вы, наконецъ...

Братъ Ираклій покорно присѣлъ на краешекъ стула, поджалъ подъ себя ноги и замѣтилъ:

— А вѣдь вы вѣрно говорите... т. е. мнѣ не случалось объ этомъ думать. У васъ, вѣроятно, были дѣти?

— Да, были... т. е. былъ одинъ ребенокъ...

— И онъ... умеръ...

— Да... т. е. хуже... Ахъ, ради Бога, не пытайте меня?!.. Какое вамъ дѣло до меня?

— Извините, я это такъ-съ...

— Вы понимаете?!..—продолжалъ Половецкій, снова начиная шагать по комнатѣ.—У меня была дочь... маленькая дѣвочка... и... о, Боже мой, Боже мой!.. На моихъ глазахъ, у меня на рукахъ начиналъ погасать свѣтъ сознанія... Почему? Какъ? На основаніи какихъ причинъ? Я ее по цѣлымъ днямъ носилъ на рукахъ, согрѣвалъ ее собственнымъ дыханіемъ, а она уходила отъ меня все дальше, дальше, въ тотъ невѣдомый никому міръ, гдѣ сознаніе уже не освѣщаетъ живую душу... Нѣтъ, сознаніе являлось отдѣльными вспышками, какъ блуждающій болотный огонекъ... И когда? Когда она брала на руки свою куклу... Между ними была какая-то таинственная связь... это необъяснимо, но я это чувствовалъ... Понимаете вы меня? Да, вотъ эта кукла вызывала послѣдніе отблески сознанія, какъ горныя вершины отражаютъ на себѣ послѣдніе

лучи догорающей зари. И свѣтъ погасъ... о, Боже мой! Боже мой!.. Зачѣмъ я это говорю вамъ?!..

Братъ Ираклій сидѣлъ, сгорбившись, и слушалъ. Онъ умѣлъ слушать.

— Вы любили когда-нибудь женщину?—въ упоръ неожиданно спросилъ его Половецкій.

Братъ Ираклій испуганно выпрямился и посмотрѣлъ на Половецкаго непонимающими глазами.

— Я? Нѣтъ, не случалось...

— Самое лучшее... Это обманъ чувствъ, иллюзія... Зачѣмъ я васъ спрашиваю объ этомъ?

— Нѣтъ, отчего-же... Я еще не инокъ, а только на послушаніи, какъ и братъ Павлинъ. По моему, вы всѣ, т. е. мірскіе люди—не уважаете женщину...

Половецкій остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на брата Ираклія. Это былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго онъ себѣ представлялъ и котораго видѣлъ эти дни.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КОГДА ЖЕЛѢЗНЫЙ ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Изъ комедіи жизни. *Іонаса Ли.*

(Переводъ съ норвежскаго).

Первый день.

На огромномъ океанскомъ пароходѣ паровой кранъ работалъ двое сутокъ напролетъ, съ оглушительнымъ визгомъ наполняя свои „угольныя ямы“ и отправляя черезъ люки неимовѣрное количество груза въ зіявшую пропасть трюма, подъ одинъ и тотъ же однообразный окрикъ сверху внизъ и снизу вверхъ, смотря по тому, захватывалъ ли кранъ своимъ желѣзнымъ когтемъ новый грузъ или стряхивалъ съ себя ту или другую кладь. И вотъ въ этой части дока наступило затишье...

Гавань, окутанная дымомъ сотни плавучихъ печей!. Тяжелый, неподвижный, сырой воздухъ надъ множествомъ фабрикъ и трубъ... Небо, затянутое каменноугольной копотью, загрязненное небо, которое такъ и хотѣлось бы подмести огромной метлой... Мрачное, давящее, закрывающее отъ суетливой людской жизни болѣе широкіе горизонты...

Исполинское судно съ высокими бортами и большими трубами стояло теперь, послѣ полудня, съ разведенными парами, наготовѣ къ отходу и поглощало въ свои три царства, три класса, самыхъ разнокалиберныхъ пассажировъ.

Публика поднималась по трапамъ и въ безпорядкѣ тѣснилась у борта; нѣкоторые уже начали махать носовыми платками стоявшимъ на набережной.

Сопровождаемые служителями гостиницъ, нагруженными всевозможными баулами, и встрѣчаемые низкими поклонами пароходной прислуги, плавно выступали по мосткамъ пассажиры перваго класса, — въ изящныхъ дорожныхъ костюмахъ, съ окованными сундуками, усѣянными разными билетиками, свидѣтельствовавшими о странствованіяхъ

по Европѣ или о возвращеніи, глядя по сезону, изъ европейскихъ курортовъ въ Америку.

Путешествіе было для этихъ людей привычнымъ дѣломъ: они не суетились и, не стѣсняясь, останавливались среди мостковъ, чтобы заставить пересчитать свои вещи.

Куда оживленнѣе шло во второмъ классѣ: путешественники, одѣтые въ болѣе подходящіе къ случаю костюмы, сами несли свою поклажу и плэды; это была тоже нарядная, но средняго калибра публика, которая съ улыбками и извиненіями въ пылу спѣшки пускала въ ходъ локти. Здѣсь преобладало хорошее настроеніе въ надеждѣ пріятно провести вмѣстѣ предстоящіе семь—восемь дней.

Совсѣмъ иначе,—съ шумомъ и гамомъ, усаживались на пароходъ пассажиры третьяго класса. Это, казалось, лился цѣлый потокъ... Тутъ были и крестьянскія семьи съ деревянными сундуками со всякими пожитками, и отбросы городского люда едва одѣтые.

У трапа стояла нарядная крестьянка съ дочкой, которую она, по случаю путешествія, вырядила въ накрахмаленное свѣтлое праздничное платье. Она терпѣливо караулила свой сундукъ и узелъ съ платьемъ и скромно пропускала впередъ другихъ, выжидая своей очереди, какъ это дѣлаютъ въ деревняхъ, когда народъ разомъ хлынетъ изъ церкви къ выходу.

Сверху черезъ перила перегнулись два юнга, перемигиваясь и хохоча, какъ сумасшедшіе. Они подмѣтили наивно простодушное представленіе женщины о путешествіи и варварски потѣшались надъ предстоящей судьбой свѣтлаго платья среди копоти каменнаго угля.

Время отъ времени изъ той таинственной пропасти, гдѣ машины въ тысячу лошадиныхъ силъ, подобно землетрясенію, заставляли все дрожать, черезъ гигантскія трубы парохода вырывался шумъ и гулъ, а палубу иногда вдругъ обдавало цѣлымъ дождемъ горячихъ брызгъ подъ пронзительный визгъ свистка.

Вотъ уже послышалось громыханіе якорной цѣпи, спускавшейся съ одного борта, которую теперь навертывали на валъ; снизу, изъ кочегарнаго отдѣленія, донеслось хлопанье печными дверцами.

Наконецъ, раздалась въ рупоръ команда капитана, который стоялъ наверху, рядомъ съ лоцманомъ, взявшись за штурвалъ.

Нѣсколько рѣзкихъ свистковъ, и въ воздухѣ задрожали электрическіе звонки—сигналы въ машинное отдѣленіе.

Пароходъ, какъ бы для пробы, сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ ударовъ винтомъ...

Еще два поворота.

Вотъ еще и еще, одинъ за другимъ, то слабые, то сильные взмахи могучихъ лопастей; вода всколыхнулась съ самой глуби, закрутилась, завертѣлась у руля, зеленая, мутная, и поднялась бѣлой пѣной.

Пароходъ сдѣлалъ полоборота, чтобы стать въ курсъ на выходъ, и направился вонъ изъ англійской гавани, тихимъ ходомъ. Носовые платки замелькали на набережной; съ парохода отвѣчали тѣмъ же.

Въ эту минуту напряженнаго душевнаго состоянія одни открыто отдавались своимъ чувствамъ, другіе, безмолвные, блѣдные, съ растеряннымъ выраженіемъ, робко отвертывались отъ взглядовъ или были погружены въ раздумье, какъ бы не замѣчая колыхавшейся вокругъ толпы.

Раздалось нѣсколько звучныхъ, отрывистыхъ „ура!“ Они вырвались изъ груди тѣхъ неудачниковъ, которые здѣсь боролись съ судьбой и потерпѣли крушеніе, и которые не выдержали теперь—дали выходъ долго накапливавшейся горечи.

Кучка музыкантовъ, имѣвшихъ даровой проѣздъ, грянула оглушительное „Iankee Doodle“, покрывшее собою все остальное какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пароходъ прибавилъ ходу.

Кларнетъ рѣзалъ воздухъ, флейты сыпали трелями; литавры отбивали дробь, мѣдныя трубы гудѣли, почти безъ перерыва, далеко за полдень.

Съ средней палубы, съ того мѣста, гдѣ сошлось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, доносились звуки псалмовъ.

На самой нижней палубѣ, въ машинномъ отдѣленіи, слышался шумъ, который перешелъ въ торопливую, безпорядочную бѣготню и розыски кого-то матросами.

Одинъ изъ кочегаровъ сбѣжалъ!

Малый нанялся до самой Америки, и вчера и третьяго дня былъ, когда забирали уголь, онъ еще стоялъ на кучѣ угля, разравнивая его лопатой. Послѣ этого никто не видалъ его.

Старшій машинистъ и двое-трое офицеровъ не разошлись до тѣхъ поръ, пока не порѣшили, что молодецъ улизнулъ.

— Нечего давать пассажирамъ совать свой носъ въ это дѣло. Стоитъ только имъ услыхать о кочегарѣ, какъ сейчасъ же рѣшать, что онъ изжарился...—закончили они бесѣду.

Лѣсъ мачтъ въ открытой гавани вырисовывался своими неясными, темными очертаніями на сѣромъ фонѣ неба и два густые столба дыма стлались по вѣтру, закрывая часть ландшафта. Воздухъ сталъ влажнымъ и принялъ желтоватую вечернюю окраску, что накладывало на природу странный отпечатокъ заплаканности. На горизонтѣ выступила бѣлая башня маяка.

На пароходѣ шла сутолока,—всѣ хотѣли поскорѣе устроиться и обезпечить за собою опредѣленное мѣсто. Головы, фигуры до таліи и во весь ростъ высовывались изъ люковъ съ лѣстницъ, ведущихъ въ каюты, люди озирались во всѣ стороны, соображая, гдѣ они находятся, и снова ныряли.

Нѣкоторые прохаживались по длинной бѣлой палубѣ, распахивали двери, заглядывали въ залы, въ надеждѣ найти себѣ тамъ мѣстечко.

Подъ палубой прислуга бѣгала съ утомленными, потными лицами, стараясь, подъ залпъ перекрестныхъ приказаній, разыскать среди сваленнаго какъ попало багажа вещи, которыя съ сердцемъ требовали изъ полуоткрытыхъ дверей каютъ.

Двое пассажировъ уже отмежевали себѣ на палубѣ мѣсто для прогулки. Они заплатили за себя!—и затѣмъ имъ не было никакого дѣла до окружающихъ—они лишь искоса поглядывали другъ на друга, чтобы не задѣть одинъ другого.

— Вотъ этотъ, съ бакенбардами? Въ свѣтлой шляпѣ, желтыхъ башмакахъ и длинномъ свѣтло-сѣромъ дорожномъ пальто?—спрашивалъ дежурный офицеръ у корреспондента, стоявшаго рядомъ, съ записной книжкой и карандашомъ въ рукѣ.—Это мингеръ-ванъ-Титуфъ... ѣдетъ за океанъ охотиться въ Монтанѣ.... Мы приняли сегодня на пароходъ его двухъ чистокровныхъ лошадей.

— Ага, въ Монтанѣ!.. Двѣ чистокровныя лошади съ собой на пароходѣ...—было отмѣчено въ книжкѣ.

По верхней палубѣ прохаживался господинъ съ телеграммой въ рукѣ и перечитывалъ ее; когда пароходъ проходилъ мимо маяка, онъ сунулъ телеграмму въ карманъ своего широкаго пальто, но затѣмъ опять вынулъ ее и принялся взвѣшивать въ ней каждое слово.

Онъ подходилъ два-три раза въ раздумьѣ къ спуску въ каюты, но повертывался и, остановясь, пристально смотрѣлъ на воду.

На палубу поднялась его жена.

— Іонъ, куда ты запропалъ?—спросила она,—ты совсѣмъ забылъ про насъ? У насъ такъ много дѣла въ каютѣ, а я сижу съ вещами и жду ключей!..

Докторъ какъ бы очнулся отъ забытья.

— Я чуть было не забылъ показать тебѣ вотъ эту телеграмму. Я только что получилъ ее здѣсь, на пароходѣ—отъ Фольтмара. Прочти...

Онъ впился въ нее взглядомъ хищника, пока она пробѣгала глазами телеграмму.

Тамъ стояло:

„Вонъ изъ глазъ, но не изъ памяти. Прощайте. Прощайте. Вашъ тоскующій другъ Фольтмаръ".

— Да, преданная душа,—сказалъ докторъ страннымъ тономъ.

— А мы теперь ни о чемъ не думаемъ, кромѣ славы!— засмѣялась она, все еще со слезами на глазахъ, — кромѣ того, какъ бы сдѣлаться какой-нибудь величиной!

Губы доктора судорожно подернулись и въ глазахъ блеснулъ странный огонекъ, когда онъ произнесъ:

— Да, конечно... первая дама въ городѣ, иниціаторъ всевозможныхъ остроумныхъ затѣй... приноситъ всѣхъ обожателей въ жертву на алтарь моей сухой науки!.. Странно,— прервалъ онъ себя съ дѣланнымъ равнодушіемъ,—Фольтмаръ не шлетъ привѣта своему маленькому любимцу. Мальчика слѣдуетъ подразумѣвать; соблюлъ экономію на словахъ телеграммы...

— Фу, Іонъ!..—остановила она его.—Я пришла за тобой и за ключами. Бѣдный Исакъ сидитъ тамъ одинъ со служанкой и ждетъ—не дождется своего коня. Онъ видѣлъ, какъ другой мальчикъ въ каютѣ рядомъ съ нами играетъ мячикомъ.

— Конечно, конечно, мальчикъ долженъ постоянно развлекаться, разъ ему наготовили столько средствъ для забавы, а запаса игрушекъ для путешествія, пожалуй, хватитъ на все его дѣтство.

— Іонъ, ты обѣщалъ мнѣ не хандрить. Вѣдь тебѣ не о комъ теперь думать, кромѣ какъ о себѣ, обо мнѣ и о нашемъ мальчикѣ. За тобой ужъ не пришлютъ ни отъ консула Янсона, который объѣлся и трепещетъ за свою жизнь, ни отъ г-жи Клодъ, у которой со злости сдѣлались судороги, ни отъ армейскаго интенданта, который не можетъ спать по ночамъ, разстроившись за день всякими счетами и подсчетами.

Докторъ улыбнулся.

— Ты права... какъ всегда, конечно. Но я плохой товарищъ въ игрѣ, совсѣмъ мѣшокъ. Впрочемъ, я постараюсь, вотъ увидишь. А у насъ будетъ пріятная компанія въ лицѣ нашего знаменитаго скрипача Белье Хавсландъ... Это очень кстати, — добавилъ онъ, доставая изъ кармана ключи и слѣдуя за женою.

А винтъ громыхалъ себѣ и громыхалъ, потрясая гигантскій корпусъ судна, и хорошо промасленныя машины съ неутомимыми поршнями продолжали дѣйствовать съ силою десяти тысячъ лошадей. Острый желѣзный штевень разрѣзалъ волны точно плугъ, и изъ-подъ киля вырывалась ши-

рокая, шипящая полоса воды, которая исчезала за кормою, пѣнясь среди вечерняго сумрака.

На одномъ концѣ палубы, при свѣтѣ иллюминатора встрѣтились два земляка и съ интересомъ признали другъ друга, хотя въ общественномъ и матеріальномъ положеніи ихъ была огромная разница.

— Не кажется тебѣ страннымъ, Вангенстенъ: Америка впереди насъ и Европа позади!.. Точно на островѣ между двумя частями свѣта человѣкъ дѣлается совсѣмъ другимъ. Старый, утерянный товарищъ всплываетъ изъ воды...

— Дда... Итакъ, Матіасъ, ты намѣреваешься распродавать въ Америкѣ нашу возлюбленную родину по кусочкамъ въ фотографическихъ снимкахъ... Ну, что-жъ...—добавилъ Вангенстенъ съ нѣкоторой снисходительностью.

— А почему-жъ бы и нѣтъ? Впрочемъ, я безъ всякихъ плановъ собрался въ путь. Хотя, конечно, по ту сторону океана найдется немало людей, которые пожелаютъ повѣсить у себя на стѣну „старую Норвегію". Я даже думаю, что мнѣ удастся продать кое-что и здѣсь, на пароходѣ, эмигрантамъ. Что скажешь? Смѣю увѣрить, я былъ въ такихъ мѣстахъ, куда еще ни одинъ фотографъ не захаживалъ—цѣлая серія совершенно новыхъ, невоспроизведенныхъ видовъ норвежской природы—и съ вершинъ горъ, и со дна фіордовъ! Я, видишь-ли, надумалъ тоже хоть разъ поспекулировать на счетъ чувства патріотизма.

— Гм... вывозить за границу мертвую природу... Пожалуй, оно и не дурно; но не лучше-ли было бы заняться снимками съ живыхъ людей, съ самой жизни нашего народа, съ ея апогея въ лицѣ нашихъ выдающихся и знаменитыхъ людей? Это куда лучше видовъ изъ Гальдхепиггена.

Говорившій выпрямился, и вся его фигура въ полузастегнутомъ сюртукѣ сдѣлалась еще красивѣе. Онъ и вообще былъ красивъ, — мягкая войлочная шляпа удобно и легко сидѣла на вьющихся черныхъ волосахъ, темные небольшіе проницательные глаза глядѣли съ блѣднаго овальнаго лица, идеальныя черты котораго портилъ лишь ротъ.

На помятомъ лицѣ фотографа, которое напоминало выцвѣтшій портретъ, отразилась иронія.

— Отчего бы не заняться,—отвѣтилъ онъ,—если бы только нашелся человѣкъ, который сумѣлъ бы освѣтить свѣтомъ магнія внутренность людей, а пока приходится довольствоваться плодами фантазіи простодушнаго народа.

— Ну, знаешь-ли, я никогда не былъ особеннымъ мастеромъ улавливать твои хитросплетенныя остроты. Смотрѣть на окружающихъ, какъ на скрытый вертепъ, переполненный всевозможными гадами — это прямой путь къ.....

— Къ жалкому существованію, хочешь ты сказать?

— Пожалуй-что, но...

— Съ пьянствомъ, презрѣніемъ къ самому себѣ и всякой пакостью, называя вещи ихъ настоящими именами...—докончилъ фотографъ. — Да, да, вполнѣ признаю, что у тебя въ рукахъ краснорѣчивый фактъ; сколько разъ моя падшая особа укрывалась въ переулкахъ отъ твоихъ непогрѣшимыхъ взглядовъ.

— Ой-ой, какой тонъ! Ты не можешь обойтись безъ шпилекъ...

— Ничего не подѣлаешь! Вполнѣ сознаюсь, что я одержимъ несчастной страстью дѣлать проколы на пузыряхъ, и это создало мнѣ немало враговъ.

— Да, я знаю твою слабость...

— Но тебя я не затрогивалъ, Вангенстенъ. Я каждый разъ послѣ твоихъ наставленій чувствовалъ себя провинившимся псомъ. Если бы ты зналъ, какъ я завидовалъ тебѣ каждый разъ, когда я, какъ раненый тюлень, шелъ ко дну.

— Шелъ ко дну?

— Да, ко дну—брёлъ въ кабакъ залѣчивать свою рану, сирѣчь, искать забвенія въ пивѣ и водкѣ...

— А знаешь-ли, старый товарищъ,—мнѣ отъ души жаль тебя, — прозвучало болѣе мягко,—изъ тебя могло бы выйти что-нибудь порядочное; вѣдь ты прекрасно сдалъ два экзамена.

— А на третьемъ провалился! Я никогда ничего не доводилъ до конца, это ужъ, братъ, моя особенность. А теперь слишкомъ поздно. Впрочемъ, я теперь больше ужъ не тотъ человѣкъ, который не рѣшался показаться на улицу. Съ самой весны черезъ мою грѣшную глотку не проходило ничего, кромѣ воды, молока и самыхъ слабыхъ напитковъ, и смѣло могу сказать, что съ этой стороны я сталъ почти нормальнымъ человѣкомъ. Вначалѣ не легко было бороться съ верблюжьимъ желудкомъ, требовавшимъ для утоленія жажды цѣлыхъ литровъ! Разъ привилъ къ своему организму эту дрянь, то впустилъ къ себѣ въ кровь самого сатану... Ну, а потомъ мнѣ пришло въ голову заняться фотографіей, нарочно для того, чтобы попадать въ такія мѣста, гдѣ сатанѣ нечего было предложить, кромѣ молока, холодной воды да снѣга, который таялъ въ его пылающей глоткѣ. Благодаря этому, во мнѣ проснулся и воспрянулъ человѣкъ... А затѣмъ, понимаешь-ли, въ Америку, гдѣ тоже будемъ утолять жажду холодной водицей... О, стаканъ такой прозрачной, кристальной воды...

— Да ты герой, право, герой, Матіасъ Вигъ!—воскликнулъ товарищъ съ энтузіазмомъ.—Изумительно! Только бы... только

бы ты смогъ такъ же покончить съ твоими вѣчными подшучиваніями и шутовствомъ. Это отдаетъ сивухой. Хоть бы, напримѣръ, то, что твои ближніе—пузыри и т. п., тогда какъ ты самъ...

— Гм... что правда, то правда. А только нужно немножко и пузырей — чтобы поплавать на нихъ... для развлеченія, вмѣсто прежнихъ забавъ, сданныхъ въ архивъ... которыхъ искалъ въ стаканѣ. Это, такъ сказать, проявленіе одной и той же идеи въ высшей формѣ и, въ качествѣ таковой, она относится къ высшему порядку вещей.

— Ты опять за остроты! Увѣряю тебя, что отъ нихъ воняетъ. Но вотъ оно что,—теперь я знаю, въ чемъ суть: въ этомъ дьяволѣ сатирическаго остроумія и въ отсутствіи у тебя непосредственной вѣры — причина твоего пьянства и всего остального. Если бы, Матіасъ, при твоихъ дарованіяхъ тобой овладѣла какая-нибудь идея, твоя жизнь устроилась бы за тысячу миль отъ кабака.

— Положимъ... ну, а моя натура? Удивляюсь, какъ это я до сихъ поръ не натворилъ чего похуже! Но нужно имѣть ужъ очень заржавѣвшую совѣсть, чтобы закрыть глаза на всѣ доводы противъ...

Но Вангенстенъ уже не слушалъ: его вниманіе привлекла молодая особа, которая нѣсколько разъ показывалась у мѣдныхъ перилъ лѣстницы, съ недоумѣніемъ озираясь вокругъ себя.

— Мы, кажется, земляки? — поклонилась она нѣсколько смущенно. – Я не могу разобраться, гдѣ жилыя помѣщенія на этой громадинѣ. Здѣсь такъ легко заблудиться,—добавила она, какъ бы извиняясь. — Какъ пройти въ отдѣльную каюту доктора Ангелль—сюда вотъ или внизъ по лѣстницѣ?

Вангенстенъ приподнялъ шляпу и слегка провелъ рукою по волнамъ черныхъ волосъ. Окинувъ незнакомку бѣглымъ взглядомъ, онъ сказалъ съ отеческимъ соболѣзнованіемъ:

— Господи, ну вы-то, прелестный цвѣтокъ, зачѣмъ ѣдете въ Америку?

— Нашъ извѣстный землякъ Вангенстенъ всегда съ цвѣтами краснорѣчія на устахъ, m-lle,—представилъ его Вигъ,— а я—фотографъ Матіасъ Вигъ, во всемъ его ничтожествѣ.

— M-lle Морландъ,—назвала она себя, — немножко музыкантша, ѣду въ Америку, чтобы заняться уроками музыки. И... и...—прибавила она съ запинкой, — взялась отвезти туда одного ребенка къ его матери. Ахъ, малютка должно быть сидитъ теперь въ страхѣ между чужими, — добавила она взволнованно. — Мнѣ надо было подняться, чтобы сказать нѣсколько словъ буфетчику. Если бы мнѣ не досталась

каюта рядомъ съ каютой доктора Ангелль, я не знаю, чтобы мнѣ и дѣлать тогда. Такъ мнѣ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ разъ въ противоположную сторону,— пояснилъ Вангенстенъ словами и жестомъ, перейдя вдругъ на повелительный тонъ. — Идите черезъ палубу. № 45-й съ другой стороны. Я провожу васъ...

— Надо помочь!—прибавилъ онъ нѣсколько покровительственно, и Вигъ услыхалъ, какъ Вангенстенъ говорилъ молодой особѣ:

— Погубленная жизнь... пропащій человѣкъ этотъ Вигъ!.. знаю его со школьной скамьи...

„Р“ въ словѣ „пропащій“ отчетливо загремѣло по его крѣпкимъ, здоровымъ зубамъ.

— „Прропащій!“ Точно телѣга прокатилась по мостовой...— пробурчалъ фотографъ,—вотъ у него такъ даже зубы никогда не болѣли...

Надъ необъятной гладью моря мало-по-малу замелькали красные, зеленые и желтые огоньки, словно блестящія, огненныя мухи.

Пароходъ шелъ по фарватеру, гдѣ сновали сотни маленькихъ и большихъ судовъ, направлясь въ Европу и изъ Европы и захватывая въ Кингстоунѣ послѣднюю почту. Мерцающій свѣтъ маяка выдѣлялся яснѣе и яснѣе среди все сгущавшихся сумерекъ; на горизонтѣ догорала красная полоса зари, какъ бы разорванная на клочки облаками.

На палубѣ все прибавлялось число фигуръ въ дорожныхъ костюмахъ. Онѣ или прогуливались взадъ и впередъ, или выискивали себѣ мѣстечко, прикрытое отъ вѣтра, гдѣ можно бы было постоять и поболтать...

Отдѣльныя слова и обрывки фразъ доносились и замирали, уносимые вѣтромъ.

Приближалось время обѣда.

Среди дамской компаніи, внизу, шли совѣщанія относительно туалета... Выбирали и отдумывали, доставали и откладывали въ сторону ленты и золотыя украшенія, осматривали въ ручное зеркало узелъ волосъ на затылкѣ и поправляли его свободной рукой.

Въ одной изъ каютъ молодая дѣвушка стояла у раскрытыхъ чемодановъ, готовясь накинуть на себя платье. Родители торопили ее черезъ стѣну сосѣдней каюты.

Она вздрогнула и вскрикнула, когда кто-то вдругъ дернулъ за ручку двери и въ каюту просунулось взволнованное смуглое мужское лицо.

— Не ошибся-ли я? Это моя каюта?—спросилъ онъ растерянно.

— Нѣтъ, не ваша! — рѣзко крикнула она и захлопнула дверь.

Электрическій свѣтъ, вспыхнувъ, залилъ всю столовую, и раздался давно желанный звонокъ къ обѣду. Въ столовую потянулась вереница мужчинъ и дамъ въ выходныхъ и дорожныхъ, шерстяныхъ и шуршащихъ шелковыхъ платьяхъ; къ этому теченію присоединились притоки изъ дамской комнаты, музыкальнаго зала, читальни и библіотеки.

Заиграла музыка. Электрическія лампочки отражались въ роскошныхъ зеркальныхъ стѣнахъ и ярко освѣщали длинные столы, заставленные серебромъ на ослѣпительно бѣлыхъ скатертяхъ, тонувшимъ въ массѣ роскошныхъ свѣжихъ цвѣтовъ ради торжественнаго, перваго дня плаванія.

Послѣ нѣсколько шумной сцены, когда назначали мѣста каждому изъ присутствующихъ и пока всѣ усаживались, наступила своеобразная тишина, которую не могла заполнить никакая музыка.

Во время закуски дѣлали смотръ своимъ сосѣдямъ и рѣшали, гдѣ бы имъ было пріятнѣе и удобнѣе сидѣть.

Молодая особа, которую пассажиръ, раскрывъ двери, засталъ полуодѣтой, чувствовала себя не по себѣ; ее кидало то въ жаръ, то въ холодъ: тотъ смуглолицый господинъ оказался наискосокъ противъ нея и ея родителей.

Онъ, очевидно, узналъ ее, такъ какъ поглядывалъ, ухмыляясь; ему было, должно быть, весело...

Она отвертывалась и усердно болтала съ матерью.

Всеобщее вниманіе сосредоточивалось на знаменитомъ піанистѣ Янко. О немъ перешептывались и узнавали, какъ по безпроволочному телеграфу.

Онъ и знаменитая пѣвица, по крайней мѣрѣ, въ былые дни—для настоящаго она немножко устарѣла, — занимали почетныя мѣста рядомъ съ капитаномъ.

Послѣ супа и рыбы всѣмъ уже стали извѣстны главныя подробности: они намѣревались сдѣлать турнэ по Америкѣ; импрессаріо и остальные участники ожидають ихъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ они должны выступить передъ публикой сейчасъ же по пріѣздѣ, затѣмъ будутъ концертировать въ Бостонѣ, Чикаго и Санъ-Франциско.

Немного погодя, начали перекидываться взглядами насчетъ того,—настоящіе или поддѣльные бриліанты на пѣвицѣ.

Наконецъ, публика заинтересовалась и матеріальной стороной обѣда...

Слуги обносили кушанья, вилки работали, ножи постукивали о тарелки и въ воздухѣ стоялъ гулъ изъ смѣси разныхъ языковъ. Послѣ цѣлаго ряда блюдъ, дѣлавшихъ честь буфетчику, подали дессертъ. Подъ вліяніемъ хорошаго само-

чувствія начали знакомиться другъ съ другомъ и заговаривать съ сосѣдями.

Пароходъ подъѣзжалъ къ Кингстоуну, гдѣ онъ долженъ былъ захватить послѣднюю почту изъ Европы, и обѣдъ продолжался среди пріятнаго сознанія, что въѣзжали въ болѣе спокойный фарватеръ,—обстоятельство, развязавшее языки и сдѣлавшее обѣденный разговоръ болѣе оживленнымъ.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда свистокъ далъ знать, что пароходъ подходитъ къ Кингстоуну, всѣ, какъ по уговору встали изъ-за стола и вышли на палубу, — сказать послѣднее прости Европѣ.

Паровикъ шипѣлъ, посылая сигналы тонувшему въ морѣ свѣта городу. Причалившій паровой баркасъ сдавалъ привезенную съ берега почту и по веревочной лѣстницѣ высаживалъ нѣсколькихъ пассажировъ.

Вдругъ вышла какая-то остановка. Одинъ изъ только что пріѣхавшихъ требовалъ свой багажъ. Должно быть, его позабыли на берегу...

Несчастный путешественникъ, въ длинномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ и въ шляпѣ съ широкими полями, по всей вѣроятности, пасторъ, въ концѣ концовъ, поднялся на пароходъ безъ багажа, съ однимъ плэдомъ, перекинутымъ на рукѣ.

Сопровождаемый всеобщимъ сочувствіемъ, онъ спустился въ каюты второго класса.

Когда баркасъ сталъ отчаливать, какой-то молодой человѣкъ окрикнулъ его и быстро вскочилъ на бортъ. Ухватившись за одинъ изъ канатовъ, онъ подался впередъ верхней частью тѣла, мѣтко прицѣлился и кинулъ на палубу баркаса запоздавшее письмо.

— Моя первая корреспонденція съ этой линіи!—крикнулъ онъ со смѣхомъ дежурному офицеру.

Онъ остался въ такомъ положеніи еще нѣсколько секундъ, и имъ нельзя было не залюбоваться: необыкновенно красивая, стройная фигура въ мягкой курткѣ изящно выдѣлялась при освѣщеніи на фонѣ вечерняго неба.

Когда онъ легко, эластично спрыгнулъ съ борта на палубу, послышалось восклицаніе изумленія изъ устъ одной молоденькой особы, и въ то же время пожилые господинъ и дама, очевидно ея родители, поспѣшно направились къ нему.

— Инженеръ Боргъ... Господинъ Кетиль Боргъ... какими судьбами? И вы въ Америку?—посыпалось на ломаномъ норвежскомъ языкѣ.

Сіявшія лица свидѣтельствовали о крѣпкихъ узахъ, связывавшихъ молодыхъ людей, и, очевидно, имъ нужно было

подольше побыть другъ съ другомъ, чтобы дать улечься радостному волненію.

Старый господинъ нетерпѣливымъ жестомъ приглашалъ ихъ слѣдовать за собой. Кетиль Боргъ предложилъ руку пожилой дамѣ и повелъ ее къ указанному мѣсту.

Молодая особа стремительно отдернула отца въ сторону и дала пройти имъ впередъ.

Она слегка прихрамывала.

— Ай да Кетиль Боргъ!—пропустилъ сквозь зубы фотографъ Вигъ, когда они проходили мимо него. — Сумѣлъ уловить моментъ лучше любого фотографа. Ужь навѣрно эта чахлая дочка, которую они таскаютъ каждое лѣто изъ Америки въ Норвегію,—кубышка съ золотомъ.

Пароходъ продолжалъ свой путь.

Вотъ онъ снова въ открытомъ морѣ, попрежнему разрѣзая легкую зыбь, встряхиваемый время отъ времени подъ страшнымъ давленіемъ машинъ.

Отъ Кингстоуна оставалась лишь узкая свѣтлая полоска на горизонтѣ.

Нѣкоторую сенсацію произвела новость, что на пароходѣ прибавилась еще одна знаменитость музыкальнаго міра— извѣстный скрипачъ Белье Хавсландъ.

Такъ и онъ тоже собирается дѣлать турнэ по Америкѣ! Извѣстно ли ему, что на пароходѣ находится его конкуррентъ?

Всѣ сгорали отъ любопытства посмотрѣть, какъ-то обѣ знаменитости сойдутся. А, должно быть, передернетъ Янко при этомъ непріятномъ извѣстіи...

На верхней палубѣ подали уже кофе и ликеры.

Залы и курилки были переполнены; закутанныя въ плэды фигуры отдыхали послѣ обѣда на стульяхъ или скамейкахъ, другіе прохаживались по палубѣ.

Нѣкоторые изъ мужчинъ разгуливали по верхней площадкѣ, дремля на ходу, или стояли молча, глядя на море.

Красивая, изящная фигура Кетиля Боргъ виднѣлась у кормы, около танцовальнаго зала, въ оживленной бесѣдѣ съ семьей американцевъ Рокландъ. Они вспоминали разныя подробности этого лѣта, въ которое познакомились съ инженеромъ въ горахъ Норвегіи...

Фотографъ Вигъ лежалъ на диванѣ въ курилкѣ второго класса съ трубкой въ зубахъ. Спать еще рано... Ночь покажется слишкомъ длинной...

Вдругъ его вниманіе было отвлечено. Это ужъ третій разъ сегодня какой-то долговязый коричневый дурень останавливается и уставляется на него...

Вигъ немного отвернулся и принялся попыхивать трубкой, смотря съ философскимъ видомъ въ потолокъ.

Когда онъ и Вангенстенъ бесѣдовали давеча, этотъ франтъ остановился такимъ же образомъ, выпуча глаза, и прислушивался къ ихъ разговору, послѣ чего опять неуклюже зашагалъ по палубѣ. Когда немного позже Вигъ просматривалъ фотографическіе снимки, бывшіе въ его ручномъ чемоданчикѣ, онъ снова долго стоялъ, не отрывая отъ него своего разсѣяннаго взгляда.

И вотъ онъ опять въ дверяхъ каюты,—повидимому слѣдитъ за кольцами дыма, которые пускалъ Вигъ.

Будь это прошлой зимой, Вигъ испугался бы, что это начало бѣлой горячки.

— Спокойной ночи!—отрѣзалъ вдругъ Вигъ по англійски, когда ему показалось, что незнакомецъ хочетъ уйти.

— Спокойной ночи...—послышался отвѣтъ на томъ же языкѣ.—Развѣ вы собираетесь спать? А я нѣтъ.

Онъ поклонился съ грустью въ лицѣ и ушелъ.

Фотографъ приподнялся и посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Когда этотъ странный господинъ въ своемъ коричневомъ пальто тяжелой походкой поплелся къ лѣстницѣ, ведущей на верхнюю палубу, онъ напомнилъ ему собою потревоженнаго клопа...

Докторъ Ангелль и его жена быстрыми шагами поднялись на палубу, чѣмъ-то взволнованные.

— Дорогая Арна,—говорилъ онъ,—не будь пристрастна и слѣпа. Право было на сторонѣ чужого мальчика. Онъ положилъ свою игрушку въ уголъ дивана и это былъ его „Ванька-встань-ка", а Исакъ присвоилъ себѣ. Это Исакъ завелъ ссору

— Фу, какъ торжественно звучитъ это „право"... Обыкновенно собственныя дѣти всегда правы!

— Да... собственныя дѣти... гм!

— Мальчикъ вцѣпился въ волосы Исаку, такъ что тотъ громко расплакался: ему хотѣлось играть въ конюшню, быть лошадью, какъ онъ объяснилъ.

— Мнѣ показалось, что они дрались изъ-за того, кому быть бариномъ, кому—лошадью.

— Ну, такъ тебѣ слѣдуетъ взвѣшивать на вѣсахъ твоей справедливости двухъ лошадей!.. А я скажу тебѣ вотъ что: ты ни капельку не смыслишь въ дѣтяхъ.

Докторъ и его жена присѣли къ борту и устремили взоръ въ непроницаемый мракъ.

— Знаешь ли, Арна,—продолжалъ онъ вслухъ свои мысли,—есть одно выраженіе: jacta est alea, иными словами—жребій брошенъ. Цезарь произнесъ эти слова, когда рѣшилъ перейти Рубиконъ и завоевать Римъ. И вотъ теперь, когда мы порвали со спокойнымъ, насиженнымъ гнѣздомъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ, чтобы „добиться чего нибудь", можетъ быть, завоевать себѣ имя въ научномъ мірѣ, то... то, пожа-

луй, интересно взглянуть на ту часть свѣта, которую мы покидаемъ. Представимъ себѣ, что Кингстоунъ—вонъ тамъ, вдали—тотъ городъ, изъ котораго мы съ тобой выѣхали. Между ними и въ самомъ дѣлѣ мало разницы, кромѣ языка и т. п. А самая жизнь, вѣроятно, точь въ точь какъ та, среди которой я жилъ, когда бродилъ по улицамъ съ кучей чужихъ болѣзней и тайнъ на плечахъ и гдѣ я угадывалъ истину подъ покровомъ лжи...

Его тонъ перешелъ въ рѣзкій.

— О какъ много такой городъ вмѣщаетъ въ своихъ темныхъ складахъ такого, чего онъ не выставитъ за зеркальное стекло...

— А тебѣ хотѣлось бы, чтобы мы были прозрачными...

— Да, и чтобы можно было читать въ сердцахъ другъ друга,—добавилъ онъ глухо.

— Но, Іонъ,—перебила она шутливо,—тогда нельзя бы было играть ни въ прятки, ни въ фанты, и любовь лишилась бы своего ореола таинственности. Тогда на свѣтѣ не было бы никакихъ романовъ...

Докторъ быстро поднялся и почти оттолкнулъ ее отъ себя, точно она дотронулась до его скрытой раны.

— О нѣтъ, самыхъ сокровенныхъ вопросовъ никогда не выдать...—какъ бы вырвалось у него.

— А знаешь-ли, какое у меня странное впечатлѣніе отъ этого плаванія,—шепнула она нѣжно,—будто ты переносишь меня чрезъ Ніагару, особенно—когда закрою глаза.

Онъ приподнялъ ее и страстно прижалъ къ сердцу.

. . . .

Волшебное электрическое освѣщеніе среди вечерняго сумрака,—когда изъ каждаго окошечка вырывались снопы лучей,—не разсыпало больше золотыхъ блестокъ по морской глади. Черная ночь спустилась на необъятное море и захватила корабль въ свои мощныя объятія...

Время отъ времени изъ-за облаковъ проглядывала звѣздочка и снова исчезала.

Судно подвигалось впередъ среди непроницаемаго мрака, при помощи двухъ винтовъ, съ фонарями на мачтахъ, удвоеннымъ карауломъ.

Тусклое освѣщеніе на палубѣ и въ корридорахъ, гдѣ въ одиночку прошмыгивали тѣни, накладывало на все отпечатокъ ночи, затишья.

За гладкими бѣлыми стѣнами зала находились каюты съ убавленнымъ свѣтомъ. Въ нихъ, за дверьми съ элегантными красивыми ручками, уже лежали въ постеляхъ и спали.

Ни звука, кромѣ шума воды кругомъ и шума отъ дыханія.

Изрѣдка раздастся окрикъ команды, еще болѣе подчеркивая тишину.

Наверху, въ полумракѣ, ходитъ взадъ и впередъ вахтенный; онъ смотритъ на падающую звѣздочку...

О чемъ онъ думаетъ, если онъ вообще думаетъ? Или что чувствуетъ?

Онъ напоминаетъ собою пчелу, которая ничего не знаетъ, кромѣ своего улья и своей работы.

И приходитъ-ли въ голову рулевому, хотя вскользь, хотя бы мимолетная мысль о томъ, что у него подъ ногами тысяча триста жизней спящихъ людей, которыхъ судно какъ бы убаюкиваетъ въ общей колыбели среди океана во мракѣ ночи!..

Онъ только странно, скептически ухмыляется. Онъ практикъ, и въ него засѣла увѣренность, что только то дѣло пойдетъ какъ слѣдуетъ, которое управляется привычкой; разсуждающіе рулевые—самые опасные.

Во всякомъ индивидуумѣ есть свой винтъ или паръ въ формѣ какой-нибудь страсти, желанія или иллюзіи и этимъ двигается міръ, этимъ растетъ муравейникъ...

Вахтенный потягивался и зѣвалъ надъ головою этихъ 1300, которые продержатъ его на ногахъ еще часа два, и силился зажечь спичку, чиркая по штанинѣ.

Судно то поднималось, то опускалось. Время отъ времени слышалось какое то пыхтѣніе: это дымъ, невидимый во мракѣ, густыми клубами вырывался изъ трубы и поднимался къ темному небу.

А внизу, въ царствѣ сна, сновидѣнія рисовали другой сводъ, подъ которымъ всѣ помыслы спящихъ въ болѣе или менѣе туманныхъ образахъ носились передъ ними. Связывались обрывки пережитыхъ комедій, трагедій и романовъ.

Каждый отдыхалъ во снѣ въ своей собственной кровати, внѣ времени и пространства. Сотни небесныхъ сводовъ за тѣсными предѣлами судна.

Эмигранты утомились за день. Агенты заставили ихъ сдѣлать длинный путь, прежде чѣмъ они попали на этотъ пароходъ, да и морской воздухъ оказалъ свое дѣйствіе, и они спали хорошимъ, крѣпкимъ сномъ.

Въ числѣ спящихъ было не мало робкихъ существъ, которыя отважились на это путешествіе, не будучи до сихъ поръ въ состояніи сообразить, какъ это случилось, и сновидѣнія уносили ихъ къ американскимъ агентамъ, подъ давленіемъ и краснорѣчіемъ которыхъ они рѣшились на этотъ шагъ.

Второй день.

Наконецъ, и *они* вышли на палубу—сперва одинъ, потомъ другой. Учтиво раскланявшись другъ съ другомъ, они разошлись по разнымъ угламъ.

Забавно было смотрѣть, какъ знаменитости сидѣли и улыбались—одинъ за чашкой кофе, другой, повидимому, углубленный въ газету, оба дѣлая видъ, что не замѣчаютъ другъ друга.

Два Наполеона въ одномъ дѣлѣ.

Ихъ разглядывали точно двухъ крабовъ въ аквapiyмѣ.

На маленькой вселенной, окруженной водою, все вошло въ свою колею и не за долго до полудня начались приготовленія къ ѣдѣ.

Шарманщикъ, дерзнувшій подняться на „чистую половину", былъ безцеремонно выпроваженъ; бѣднягѣ слѣпому въ большихъ зеленыхъ очкахъ, со свидѣтельствомъ о бѣдности, показавшемуся было у входа на палубу въ сопровожденіи жены, велѣно было немедленно убраться и въ то же время на другомъ концѣ палубы быстро сплавили внизъ долговязаго субъекта, только что разглагольствовавшаго о чемъ-то съ большимъ достоинствомъ.

Вообще курьезовъ было не мало. За кофе много смѣялись и перешептывались, показывая другъ другу билетики, неизвѣстно кѣмъ всунутые въ салфеточки. Сверху билетиковъ, въ фантастическомъ пятиугольникѣ—было напечатано число 111, а подъ нимъ стояло: „Туснельда Сашіа, гадалка. Сеансы".

Одни равнодушно бросали листки, и тѣ носились по палубѣ, шелестя на вѣтру; другіе, заинтересовавшись таинственной надписью, тайкомъ опускали свой билетикъ въ карманъ; нѣкоторые же, болѣе открытые характеры, шутливо предлагали сейчасъ же отправиться внизъ и заглянуть въ каютѣ № 111 въ свою будущность.

Предложеніе было встрѣчено улыбками и покачиваніемъ головой—еще, молъ, одной глупостью больше на бѣломъ свѣтѣ, но въ душѣ многіе заинтересовались этой каютою.

Таинственная цифра и имя,—всѣмъ скоро стало извѣстно, что Туснельда Сашіа ясновидящая,—подзадоривали подвергнуться взгляду вѣщей...

Ясновидѣніе и даръ прорицанія сдѣлались предметомъ оживленнаго разговора, но особенно—каюта № 111, гдѣ находилось таинственное существо, которое могло видѣть внѣ времени и пространства...

Одна сотня и 11... странное число... три единицы...

Шутили и говорили одно, а думали другое, смѣялись и высмѣивали такъ только, главнымъ образомъ для того, чтобы заглушить въ себѣ смутное искушеніе, работавшее въ тайникѣ души каждаго.

— О я вѣрю въ судьбу!—воскликнула молоденькая миссъ Рокландъ. Они всей семьей и съ Кетилемъ Боргъ сидѣли у стола за кофе.

— Только ужъ не знаю, право, рѣшилась-ли бы я выслушать то, что сказала бы мнѣ эта женщина,—добавила она съ нервной дрожью.

Ее какъ бы обжегъ взглядъ инженера. Сдвинувъ на затылокъ, на густые бѣлокурые волосы свою плоскую дорожную шапку съ маленькимъ козырькомъ, Кетиль Боргъ принялся говорить о мистицизмѣ и о таинственномъ участіи судьбы въ ихъ встрѣчѣ на этомъ пароходѣ!..

А поодаль стоялъ Вангенстенъ, окруженный нѣсколькими пассажирами, и на изысканномъ англійскомъ языкѣ, все съ возраставшимъ краснорѣчіемъ распространялся о призракахъ и внушеніяхъ.

Тема сдѣлалась общей.

Онъ началъ сперва отдѣльной бесѣдой съ двумя пожилыми дамами; но, по мѣрѣ того, какъ къ нимъ подходилъ то тотъ, то другой, голосъ его крѣпъ, и бесѣда начинала болѣе и болѣе походить на лекцію.

Онъ пускался въ объясненія съ изумительной ясностью и большимъ знаніемъ предмета, повидимому не обращая вниманія на слушателей и выговаривая съ профессіональнымъ апломбомъ такія слова, какъ магія, черная и бѣлая, некромантія, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, чтеніе мыслей и т. д.

Увидѣвъ довольно большой кружокъ слушателей, онъ вывелъ на сцену то, что составляло „миссію его жизни"—могучую идею страхованія жизни всего человѣчества,—великое значеніе принципа взаимности: обезпеченіе человѣчества—это уничтоженіе бѣдности! Это созиданіе могучаго, мощнаго государства, которое пока еще въ области видѣній и мистицизма, но несомнѣнно—дѣло будущаго!

Болѣе подробное изложеніе предмета послѣдуетъ въ читальномъ залѣ, гдѣ также можно будетъ получить брошюры „Dundee Mutual Life-Insurence".

Закончивъ красивымъ жестомъ, онъ съ задумчивымъ видомъ отдѣлился отъ толпы и пошелъ вдоль палубы.

Мингеръ-ванъ-Титуфъ, прогуливавшійся по палубѣ, остановился передъ этимъ зрѣлищемъ во-время.

Стоя въ толпѣ слушателей, въ свѣтлой шляпѣ съ боль-

шимъ козырькомъ, въ дорожномъ пальто и желтыхъ башмакахъ, онъ слѣдилъ за происходившимъ все съ возроставшимъ интересомъ и безсознательно, невольно копировалъ манеры и выраженіе лица оратора.

При торжественномъ заключеніи лекціи онъ неожиданно отвѣсилъ низкій поклонъ и послалъ воздушный поцѣлуй, разведя руками, какъ бы въ отвѣтъ на громкіе аплодисменты.

Двое изъ близь стоящихъ улыбнулись. Чопорный мингеръ, оказывается, комикъ!

. . . .

Арна Ангелль и фрэкенъ Морландъ пытались устроить на палубѣ уголокъ, гдѣ оба мальчика могли бы спокойно играть подъ ихъ надзоромъ.

Докторъ прохаживался тутъ же, поглядывалъ на нихъ и приходилъ въ восторгъ отъ изобрѣтательности своей жены.

Но лишь только той удавалось наладить какую нибудь игру, фрэкенъ Морландъ, очарованная мальчиками, стремительно кидалась къ нимъ, брала Гуннара на руки и страстно прижимала его къ сердцу. Вполнѣ простительно, что мальчикъ не разъ нетерпѣливо вскрикивалъ, а Арна хмурилась и съ досадою отвертывалась въ сторону моря.

— Сразу видно, фрэкенъ, что вы не привыкли къ дѣтямъ,— вырвалось у доктора.—Никогда не слѣдуетъ мѣшать этому народу. Когда они бѣгаютъ и возятъ своихъ лошадокъ, имъ навѣрно кажется, что они исполняютъ отвѣтственную работу.

Доктору не слѣдовало бы дѣлать этого замѣчанія, такъ какъ оно, повидимому, глубоко задѣло фрэкенъ Морландъ. У нея на глазахъ показались слезы и затѣмъ градомъ покатились по щекамъ.

„Нервная, полуистеричная особа; съ ней надо быть осторожнѣе",—подумалъ докторъ.

— Что у меня нѣтъ ни умѣнья, ни навыка, чтобы занять мѣсто матери около ребенка—это совсѣмъ, совсѣмъ правда, докторъ Ангелль. Глаза малютки постоянно говорятъ мнѣ объ этомъ.

Глаза ея точно горѣли и около рта появилось выраженіе горечи.

— Такія покинутыя дѣти протягиваютъ свои крохотныя ручки къ небу и просятъ о матери!

— Ну, ну, въ данномъ случаѣ дѣло не такъ ужъ плохо, —успокоительно улыбнулся докторъ.—Господинъ Гуннаръ вѣдь нашелъ себѣ въ высшей степени добросовѣстную пріемную маменьку; немного меньше или немного больше навыка у нея— это не столь важно.

— А мать,—и фрэкенъ Морландъ въ сильномъ волненіи обратилась къ Арнѣ,—развѣ она можетъ разлучиться со своимъ

ребенкомъ, не лишаясь большей части своего „я“? Она будетъ или въ постоянной тоскѣ, или все ея существо обратится въ одну пустыню; она станетъ калѣкой: сердце вырѣзано, а жизнь все еще теплится!

— Всѣ эти вещи надо пережить самому, и вы не можете быть здѣсь судьею, фрэкенъ Морландъ. Въ теоріи подобныя ощущенія легко преувеличить,—прибавилъ докторъ, пытаясь нѣсколько успокоить ея волненіе.

Фрэкенъ Морландъ посмотрѣла на него необыкновенно грустнымъ взглядомъ и тихо выпустила изъ объятій мальчика.

— Ахъ Іонъ,—вмѣшалась Арна,—если мы примемся думать сперва о всѣхъ покинутыхъ дѣтяхъ, а потомъ о всѣхъ несчастныхъ матеряхъ на свѣтѣ, то изъ нашей игры ничего не выйдетъ. Теперь у насъ желѣзная дорога. Поѣздъ будетъ останавливаться у каждой станціи. У насъ будетъ четыре станціи. Одна около васъ, фрэкенъ Морландъ, одна тамъ, гдѣ я, и около Гуннара и Исака по одной. Но только ужъ вы не трогайте Гуннара, а то вы поднимете вмѣстѣ съ нимъ всю станцію и поѣзду придется остановиться въ пустынномъ мѣстѣ. Нашъ Исакъ свиститъ каждый разъ при отходѣ и приходѣ поѣзда, и ты, Гуннаръ, дѣлай такъ же.

— Билеты, билеты! Кому нужны билеты?—раздалось затѣмъ.

То тотъ, то другой изъ пассажировъ, гуляя, при поворотѣ заглядывали за каюту, чтобы посмотрѣть, что дѣлалось въ этомъ семейномъ уголкѣ.

Коричневое пальто остановилось невдалекѣ, у борта, молча слѣдя за игрой.

Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, онъ направился къ Исаку и спросилъ у него, нельзя ли получить билетъ въ Калькутту. Узнавъ, что такихъ не имѣется, онъ отошелъ и съ прежнимъ серьезнымъ видомъ зашагалъ по палубѣ.

— Фу, какъ онъ напугалъ меня, Іонъ! Знаешь ли, у этого человѣка есть что-то глубоко несчастное во взглядѣ или какъ будто бы онъ не въ полномъ разумѣ...

Тутъ подошелъ Вангенстенъ, на щекахъ котораго пылалъ румянецъ побѣды.

— Такъ, такъ! Очень благоразумно направлять фантазію и умъ ребенка на современность...

Докторъ поторопился задержать тростью поѣздъ, который намѣревался выкатиться на палубу.

— Передо мною точно школа будущаго,—продолжалъ Вангенстенъ, бывшій въ ударѣ,—воздѣйствіе на умъ ребенка путемъ наглядности. Ознакомленіе со всей современностью—телеграфомъ, телефономъ, желѣзными дорогами и т. д. одновременно съ обученіемъ грамотѣ... Слѣдуетъ только внушить дѣтямъ, что это весьма полезно для всей ихъ послѣдующей жизни.

— Ну, ужъ его мы ни за что не примемъ къ себѣ въ игру,—шепнула Арна Исаку и Гуннару, не поднимая глазъ.

— Самопроизвольный дѣтскій трудъ въ игрѣ—въ общемъ громадная сила, которую слѣдовало бы примѣнить къ дѣлу...—раздавалось сверху.

— Нечего сказать, удивительно весело бы тогда играть! —замѣтила какъ бы про себя Арна, налаживая къ отходу поѣздъ.

Вангенстенъ постоялъ еще нѣкоторое время въ ожиданіи отвѣта.

— Вонъ къ вамъ жалуетъ скучнѣйшій скрипачъ,—сказалъ онъ, откланиваясь, и отошелъ.

— Скажите, пожалуйста, Белье Хавсландъ, какую пользу приносите вы вашей скрипкой,—спросила Арна шутливо-задорнымъ тономъ, здороваясь со скрипачемъ.

— Не знаю, г-жа Ангелль, право, не знаю; развѣ только то, что она, какъ всякая музыка, удлиняетъ уши людей и дѣлаетъ ихъ болѣе воспріимчивыми ко всему, что относится къ области небесъ.

— А вы съ послѣдней нашей съ вами встрѣчи успѣли стать знаменитостью,—сказала Арна.

— Д-да! И все же я съ особенной отрадой вспоминаю тѣ дни, когда надѣялся лишь на самого себя, да на Господа Бога. Теперь прибѣгаютъ къ помощи рекламъ вмѣсто небесъ. Много, много грязи налипаетъ на старую скрипку. Слава чего нибудь да стоитъ. И васъ, г-жа Ангелль, я никогда не забуду: вы такъ много помогли мнѣ во время моего пребыванія въ вашемъ городѣ. Тамъ былъ мой первый настоящій успѣхъ. Славный городокъ! А сколько въ немъ дилеттантовъ по всѣмъ областямъ искусства! И веселятся у васъ отъ всей души. Что тамъ и теперь такъ же весело—балы, концерты, спектакли?..

— О, конечно!—отвѣтила Арна съ жаромъ.—Я чуть было не сказала—пріѣзжайте къ намъ,—все забываю, что мы съ Іономъ ужъ не тамъ.

— Гм... покорно благодарю! Что мнѣ дѣлать тамъ безъ вашего дома? Я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, будто передо мной вырванное съ корнемъ вишневое дерево! Ваша семья всегда представлялась мнѣ одною изъ самыхъ осѣдлыхъ, сотнями узъ связанной съ уютнымъ городкомъ.

— Потолокъ оказался слишкомъ низкимъ для Іона и его работы. Ему захотѣлось на просторъ, а мы съ Исакомъ, конечно, потянулись за нимъ.

Скрипачъ призадумался.

— Перелетныя птицы, какъ я, которыя сегодня въ Миланѣ, завтра въ Петербургѣ, а послѣ завтра, можетъ быть, направятъ свой путь въ Америку — сильно стремятся къ

семейному очагу. И подумать, что докторскаго дома нѣтъ больше!.. Вы какъ сейчасъ передо мною! На моемъ концертѣ у васъ былъ большой желтый кризантемъ въ волосахъ, который... который... — этотъ... ну, какъ звали этого изумительно музыкальнаго малаго — друга вашего дома? Онъ явился съ цѣлой корзиной цвѣтовъ какъ разъ въ то время, когда мы съ вами репетировали номеръ, въ которомъ вы должны были акомпанировать мнѣ... Ну, да, вотъ тотъ, что еще помогалъ вамъ ставить вверхъ дномъ весь городъ!. Фольтмаръ, директоръ Фольтмаръ, вотъ кто! Изящный господинъ съ видомъ самоотверженности во всемъ существѣ, очень интересовавшійся искусствомъ. Да, да, именно онъ. И такъ, вы уѣхали отъ всей этой идилліи... и отъ популярности! И сидите здѣсь, рядомъ съ мятежными душами, среди необъятнаго океана!

— Какъ это вышло, что я оставилъ свое поприще и ударился въ науку?—сказалъ съ запальчивостью докторъ, при чемъ взглядъ его насмѣшливо скользнулъ по женѣ.—А вотъ какъ, г-нъ Хавсландъ. Я сталъ ломать голову надъ одной вещью, которой не могъ уяснить себѣ; это мучило меня днемъ и ночью—тревога изслѣдователя, видите ли,—и вотъ я порвалъ со всѣмъ, въ надеждѣ добиться разгадки по ту сторону земного шара.

Г-жа Ангелль взглянула на мужа съ безпокойствомъ, точно стараясь проникнуть, какъ далеко зашло его странное настроеніе, и изъ ея груди вырвался тяжелый, долго сдерживаемый вздохъ.

Но она сдѣлала усиліе надъ собой и сказала весело:

— Іонъ, смотри хорошенько, не то локомотивъ убѣжитъ. При исполненіи служебныхъ обязанностей надо науку въ сторону... Видишь—и фрэкенъ Морландъ опять воспользовалась случаемъ: беретъ Гуннара на руки.

Скрипачъ сталъ внимательнѣе: за веселымъ тономъ г-жи Ангелль онъ почуялъ скрытое недовольство. Посмотрѣвъ сперва на одного изъ нихъ, потомъ на другого, онъ обратился къ фрэкенъ Морландъ.

— А вы рѣшили построить свою будущность на урокахъ музыки въ Америкѣ? Достаточно ли вы подготовлены къ трудному началу?..

Фрэкенъ Морландъ нервно прижала къ себѣ Гуннара, какъ бы показывая, что силъ у нея хватитъ.

Г-жа Ангелль нашла, что пароходъ слишкомъ раскачиваетъ, и принялась подбирать валявшіяся игрушки...

А затѣмъ она нашла нужнымъ повести дѣтей внизъ и дать имъ чего нибудь поѣсть.

Скрипачъ въ раздумьѣ, склонивъ голову, пошелъ по па-

лубѣ. Но онъ вскорѣ выпрямился, энергично тряхнувъ львиной гривой, и врѣзался въ толпу, которая была такъ многочисленна въ этотъ часъ, что палуба походила на многолюдную улицу.

Тутъ былъ его соперникъ Янко, окруженный фешенебельными дамами. Неподалеку какой-то господинъ въ изящномъ пальто въ накидку гонялъ палубнаго слугу то за тѣмъ, то за другимъ, закуривалъ сигары то въ серебряной, то въ золотой обложкѣ и отбрасывалъ ихъ, презрительно подергивая носомъ. Одинъ изъ пассажировъ ронялъ на ходу замѣчанія относительно стоимости своей каюты. Это, конечно, одна изъ самыхъ дорогихъ, но они съ женой привыкли ѣздить со всѣми удобствами...

Въ этомъ маленькомъ пловучемъ государствѣ съ разнообразными индивидуумами и классами, люди такъ же, какъ и на сушѣ, гонялись за пустяками и иллюзіями, такъ же прельщались, видѣли все въ преувеличенномъ, преуменьшенномъ или превратномъ видѣ, Позировали и разыгрывали роль другъ предъ другомъ, совершенно переставая быть самими собой.

Самымъ тщательнымъ образомъ рядились въ платья, манеры и слова для тѣхъ людей, съ которыми едва ли намѣревались сойтись ближе, которые нисколько не интересовались ими и къ которымъ они сами не питали ни малѣйшаго интереса.

Зоологи на основаніи сходства позвоночника, по строенію ноги или по формѣ черепа, путемъ анатоміи приходятъ къ выводу о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Не правильнѣе ли было бы рѣшать этотъ вопросъ съ духовной стороны, остановившись на чисто обезьяньихъ свойствахъ человѣка — его страсти къ подражанію, рабствѣ передъ модой, пустотѣ и пристрастіи ко всякимъ побрякушкамъ, къ зеркалу, позированію и поклоненію...

— Какъ, у такой-то особы перчатки на семь пуговицъ!.. А у меня только на пять...

— Эта особа, должно быть, француженка-экономка, нанявшаяся въ Америку...

— Перчатки совсѣмъ не по ней...

— Она только теперь, въ пути, превратилась изъ куколки въ бабочку...

На дальнемъ концѣ палубы ходилъ взадъ и впередъ Кетиль Боргъ, погруженный въ мечты о грандіозномъ предпріятіи: водопадъ превращенъ въ рабочую силу... цѣлый рядъ фабрикъ... желѣзная дорога для подвоза матерьяловъ... и много чего еще... только бы капиталъ... Время отъ времени ему приходилось проходить мимо Вангенстена. Онъ каждый разъ смотрѣлъ на того въ упоръ, ничего не выражающимъ

взглядомъ, на что Вангенстенъ отвѣчалъ надменной миной. Они оба были хорошо освѣдомлены другъ о другѣ, но у нихъ не было предлога сойтись поближе.

Вангенстенъ увидѣлъ Матіаса Вигъ и направился къ нему. Фотографъ медленно прохаживался взадъ и впередъ по площадкѣ между паровой трубой и заломъ, останавливаясь иногда, чтобы заглянуть въ длинный корридоръ, куда выходили двери каютъ.

— Не глупый малый этотъ Вигъ,—пробормоталъ Вангенстенъ,—только смотритъ на все съ изнанки.

— Чортъ возьми, Матіасъ!—воскликнулъ онъ, дойдя до него,—ужъ не намѣреваешься ли ты расположиться здѣсь на ночлегъ или открыть свою лавочку—съ вѣтромъ, съ одной стороны, и раскаленной печью, съ другой? Ты и утромъ былъ здѣсь.

— Ну такъ что-жъ?—Въ тонѣ фотографа слышалось раздраженіе.—На вкусъ и цвѣтъ...

— Ого!—произнесъ только Вангенстенъ и поторопился уйти.

Фотографъ показался ему не совсѣмъ въ своемъ видѣ

Матіасъ Вигъ возобновилъ свою нервную, лихорадочную ходьбу, прерывая ее по временамъ быстрымъ, осторожнымъ взглядомъ въ проходъ между каютами.

Тамъ, у лѣсенки, ведущей въ роскошныя каюты перваго класса, онъ увидѣлъ свою бывшую невѣсту Элленъ...

Она указала горничной, у которой на рукахъ была цѣлая кипа бѣлья, куда отнести его, а затѣмъ и сама исчезла въ одной изъ ближайшихъ каютъ.

Она должна скоро показаться.

Его билъ ознобъ и холодный потъ каплями выступалъ на лбу... Онъ почти терялъ сознаніе.

Какъ ни быстро промелькнула Элленъ, онъ все же успѣлъ замѣтить, съ какимъ тактомъ и какъ практично она сумѣла одѣться для своей роли старшей надзирательницы за каютами перваго класса. Во всей ея фигурѣ чувствовалась возмужалость, приказанія она отдавала ясно, опредѣленно.

Ея лицо представлялось ему какъ въ туманѣ, но глаза вырисовывались все яснѣе и яснѣе, устремляя на него взоръ, полный безысходной тоски...

Онъ зналъ, что сцена признанія неизбѣжна,—не сегодня, такъ завтра!

Сердце сжалось у него такъ тоскливо, что онъ долженъ былъ остановиться...

Отъ сильнаго нервного напряженія ему казалось, что всѣ двери въ длинномъ проходѣ пріотворяются и всѣ номера сползаются въ одну кучку...

Навѣрно есть еще выходъ съ другой стороны!

Ему сдѣлалось легче отъ этой мысли и, повинуясь какой-то непреодолимой силѣ, подобно тому, какъ моль притягивается свѣтомъ, онъ сталъ пробираться впередъ по корридору, вдоль стѣны.

Вдругъ одна изъ каютныхъ дверей отворилась.

— Элленъ!—вырвалось у него.

Она замерла, словно пораженная молніей, но потомъ кинулась бѣжать и остановилась лишь на площадкѣ лѣсенки.

— Матіасъ... ты... здѣсь!—воскликнула она, вся вспыхнувъ, и провела рукой по глазамъ, какъ бы приходя въ себя.

Когда она, вслѣдъ затѣмъ, блѣдная и неподвижная, взглянула на него, въ ея взглядѣ было что-то напоминавшее смертельно раненое животное.

— Нѣтъ,—заговорилъ онъ съ жаромъ,—я давно уже не дотрогивался до рюмки. А зачѣмъ я здѣсь? Не затѣмъ, чтобы уговаривать тебя или мучить! Я зналъ, что это покажется тебѣ преслѣдованіемъ. Я, дѣйствительно, преслѣдовалъ тебя съ давнихъ поръ, преслѣдовалъ въ своей душѣ, какъ идеалъ среди цѣлой трясины лжи и самоуниженія, съ тѣхъ поръ, какъ студентомъ ставилъ на окно свѣчку, чтобы ты думала, что я сижу за книгами, до того дня, пока не разошлась наша вторичная помолвка.. изъ-за того же... изъ-за дьявола въ моей крови! И я продолжаю преслѣдовать тебя..

— Умоляю тебя,—воскликнула она,—оставь, оставь меня!.. Наши съ тобой счеты на этомъ свѣтѣ кончены... *должны* быть кончены!.. Мнѣ захотѣлось, наконецъ, вздохнуть, какъ другіе люди, избавиться отъ душевныхъ мукъ, тоски и безсонныхъ ночей... избавиться отъ тебя!.. Я порвала со всѣмъ, со всѣми своими родными, взяла здѣсь мѣсто прислуги, чтобы только перебраться въ Америку, гдѣ нѣтъ тебя! Гдѣ никто не знаетъ о тебѣ и никто не будетъ разсказывать мнѣ про тебя мучительныя вещи...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, Элленъ! Я не хочу зла той, кого люблю больше всего на свѣтѣ, я самъ не допущу ее связать свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, какъ я... ни за что... хотя я надѣюсь для себя на лучшіе дни!

Она ломала руки, какъ бы говоря, что уже не въ первый разъ слышитъ это.

— Нѣтъ, мнѣ не нужно отъ тебя ничего, какъ только жить въ одной части свѣта съ тобою! Я буду держаться вдали, совсѣмъ вдали! Только бы сознавать, что мы ходимъ по одной и той же землѣ и что солнце восходитъ и заходитъ для насъ обоихъ въ одно время... Ты знаешь, что ты для меня все.

— Все?!—отвѣтила она съ горечью, кинувъ на него взглядъ, полный отчаянія.

— Ты думаешь, что существуетъ что либо, что влечетъ меня къ себѣ больше, чѣмъ ты! Ахъ Элленъ, Элленъ, если бы ты знала, какой ужасъ охватывалъ меня каждый разъ, когда я чувствовалъ приближеніе хищника-коршуна, который пожиралъ то немногое изъ человѣческаго достоинства, что мнѣ удавалось скопить въ себѣ, когда онъ неумолимо врывался въ зданіе счастья, которое я строилъ, и снова сбрасывалъ меня въ помойную яму, заставляя быть зрителемъ собственнаго паденія.

— Уйди, уйди!—крикнула она, закрывая глаза рукою.

— Я думалъ, тебѣ интересно будетъ узнать, что я не пилъ ничего съ ранней весны... — сказалъ онъ тихо.

Во всей его фигурѣ было что-то невыразимо смиренное, жалкое, растерянное.

— Два мѣсяца со дня нашего послѣдняго разрыва... Пройдутъ семь мѣсяцевъ, можетъ быть, девять,—и ты снова не выдержишь... Умоляю тебя,—вырвалось у нея со страстностью,—пощади бѣдную подстрѣленную птицу, которая пытается спастись взмахами уцѣлѣвшаго крыла.

— Мнѣ щадить тебя!—прошепталъ онъ, совсѣмъ уничтоженный,—мнѣ, который счастливъ уже тѣмъ, что можетъ стоять вотъ тутъ, видѣть, какъ ты ломаешь надо мною руки, слышать твои презрительныя замѣчанія, упиваться звуками твоего голоса... мнѣ, который будетъ вспоминать о встрѣчѣ съ тобой у этой лѣстницы, какъ о прекрасномъ сновидѣніи...

— Все кончено, все, все, Матіасъ,—проговорила она глухо, хватаясь за перила, чтобы не упасть, и затѣмъ скрылась черезъ дверь, ведущую изъ корридора въ залъ.

Матіасъ остался на мѣстѣ, ошеломленный, съ каплями холоднаго пота на лбу.

Напряженіе нервовъ было черезчуръ сильно. Сознаніе почти оставило его. Не отдавая себѣ отчета, онъ вышелъ на палубу и добравшись кое-какъ до курилки, бросился тамъ на диванъ.

Пассажиры приходили, уходили или только заглядывали туда.

Передъ Матіасомъ, точно во снѣ, проносились обрывки его жизни... Свѣтъ и тѣни... Онъ и Элленъ...

Онъ видѣлъ ее передъ собой шестнадцатилѣтней дѣвочкой въ свѣтломъ легкомъ платьѣ, свѣжую, какъ роза, въ кругу подругъ въ саду. Было воскресенье. Она пришла въ гости въ пасторатъ, куда онъ, вновь испеченный студентъ, поступилъ учителемъ.

Играли въ коршуны и горѣлки.

Въ то время какъ они, прячась отъ другихъ, стояли за

стогомъ сѣна, при заревѣ солнечнаго заката, онъ развивалъ предъ нею свое міровоззрѣніе.

Она слушала глядя на него своими блестящими чудными синими глазами и время отъ времени отвертываясь золотистой головкой отъ яркихъ лучей солнца.

Вышла цѣлая вдохновенная лекція. Распространяясь на тему о равнодушіи законовъ вселенной къ судьбѣ человѣка, онъ сказалъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ силу какой-нибудь случайности, земной шаръ лопнетъ и распадется на милліоны кусковъ, подобно астероидамъ.

Горько и досадно было ему, когда она неожиданно сорвалась съ мѣста, чтобы раньше его добѣжать до цѣли, и затѣмъ, подтрунивая, крикнула:

— Вотъ теперь вы сидите на одномъ кускѣ, а я на другомъ; не забудьте раскланяться, когда мы пронесемся одинъ мимо другого!..

Въ его ушахъ раздавался мелодичный голосъ дѣвушки, передъ глазами проносилось полудѣтское, оживленное личико и вся фигурка, дышавшая простотой и прямодушіемъ.

Черезъ годъ Элленъ сдѣлалась его невѣстой, не взирая на теорію случайностей и астероидовъ. Она вѣрила въ его будущность и рисовала ее въ самыхъ радужныхъ красках.

Вскорѣ послѣ этого онъ блестяще защитилъ диссертацію и получилъ за нее медаль. Его имя прогремѣло среди студентовъ.

А затѣмъ имъ овладѣлъ злой духъ и водворилъ его въ кабакѣ, гдѣ его остроты и игра словъ оцѣнивались по достоинству и разносились по городу.

Кофейни, рестораны и кабаки манили и затягивали его все больше и больше, день за днемъ, и весь годъ пошелъ для него прахомъ!

И снова то же и то же...

Сколько лжи и низкаго притворства пускалось въ ходъ, какіе дутые надежды и планы рисовалъ онъ ей—глазъ на глазъ... съ отчаяньемъ въ сердцѣ... такъ какъ правда неминуемо должна была разлучить ихъ.

И затѣмъ—день, когда истина во всей полнотѣ обнаружилась...

Но она долго еще продолжала вѣрить и надѣяться и цѣлые вечера проводила на улицѣ, наблюдая за его окномъ.

Бѣдное сердечко радостно билось, видя тамъ огонекъ, а онъ въ это время сидѣлъ въ кабакѣ и острилъ на счетъ пѣтуха на заднемъ дворѣ, увѣряя, что у того delerium tremens и оттого онъ горланитъ среди ночи.

Дѣйствительно, когда онъ возвращался домой, пѣтухъ

кричалъ, разбуженный свѣтомъ его лампы, падавшимъ на куръ черезъ полуоткрытую дверь.

Но на самомъ дѣлѣ ему было уже не до остротъ: въ приливѣ отчаянія ему казалось, что пѣтухъ кричитъ объ его измѣнѣ Элленъ. Это чуть не доводило его до безумія.

Мрачные годы вереницей проносились передъ Матіасомъ, и онъ боялся остановиться на ихъ подробностяхъ. При встрѣчахъ съ Элленъ онъ подмѣчалъ въ выраженіи ея лица все большую и большую грусть, суровость и холодность, пока у нея не сорвалось рѣшающее слово, что ихъ свадьбѣ не бывать.

Онъ зналъ, что должно было происходить въ ея душѣ, когда она стояла передъ нимъ безмолвная, холодная, серьезная.

И вѣра, и радость, и юность—все отнято!

Потомъ наступило сравнительно счастливое время,—въ одиночествѣ на лонѣ природы, когда онъ снова принялся за книги и зарабатывалъ себѣ пропитаніе литературой; спѣшная работа спасала его.

Они встрѣтились снова на городскомъ базарѣ. Онъ уловилъ на себѣ ея пристальный, испытующій взглядъ... хотѣлъ заговорить съ нею, но она, видимо, избѣгала его.

Онъ снова уѣхалъ въ деревню, но уже не въ силахъ былъ работать, какъ прежде. Тоска по ней обратилась въ пожирающій огонь.

Вигъ писалъ ей длинныя письма о томъ, что онъ на пути къ исправленію и что необходима ея спасительная рука, чтобы окончательно вернуть его къ жизни. Безъ нея жизнь— сплошной мракъ. Отъ ея любви зависѣло теперь все для него,—человѣка одареннаго и такого несчастнаго...

О эти письма! душу раздирающій, отчаянный вопль о помощи... Злой духъ диктовалъ ихъ, примѣняясь къ ея сердцу и ея слабостямъ.

У него въ деревнѣ точно горѣла земля подъ ногами. Его тянуло въ городъ, гдѣ можно было бродить вблизи ея дома...

И вотъ, разъ вечеромъ онъ снова очутился у ея ногъ... выпрашивая и вымаливая ея любовь...

Въ концѣ концовъ, онъ прибѣгнулъ къ ея состраданію, угрожая въ противномъ случаѣ самоубійствомъ.

И она во второй разъ дала ему свое согласіе!

Ему припомнилось ея странное, смертельно блѣдное лицо— съ тѣнью счастья, лицо, съ котораго исчезъ всякій слѣдъ румянца.

А потомъ... потомъ... Новая ложь, новыя нарушенныя обѣщанія, новыя мольбы...

Передъ Матіасомъ, уже въ полудремотѣ, рисовалась

картина, какъ онъ, пьяный и уже плѣшивый, стоитъ подъ водосточной трубой и вода заливается ему за воротникъ.

Гм... О многомъ можно перефилософствовать, стоя такъ подъ трубой. Многое уясняешь себѣ...

Вдругъ Матіасъ Вигъ началъ втягивать въ себя носомъ воздухъ...

— Нѣтъ, это не ромъ и не виски... — пробормоталъ онъ.

Его вниманіе привлекъ принесенный служителемъ и поставленный передъ однимъ изъ пассажировъ подносъ со стаканомъ горячей воды, отъ которой поднимался паръ.

„Чортъ возьми! Какое тебѣ до него дѣло"!—вскипятился онъ на самого себя.

— А впрочемъ, отчего жъ и не понюхать... Собственно говоря, вѣдь у меня теперь руки развязаны и никакихъ преградъ больше нѣтъ... О-о, опять ты, сатана... Ну да, да— это коньякъ... — онъ снова потянулъ воздухъ.—А хотя бы и коньякъ, какое дѣло до этого тебѣ и новому человѣку въ тебѣ, Матіасъ Вигъ?..

Въ дверяхъ показался Вангенстенъ и сталъ высматривать кого-то въ полутемнотѣ, по всей вѣроятности, Вига.

Матіасъ притворился спящимъ, пока пріятель не исчезъ.

— Гм... Увлечься чѣмъ-нибудь... Бросить якорь въ странѣ идей... Такъ, кажется, онъ болталъ? Пьютъ потому, что хочется пить, а не въ силу какихъ бы то ни было аргументовъ. Вотъ ему слова помогаютъ... Залпъ блестящихъ словъ опьяняетъ его и уноситъ отъ всѣхъ трудностей жизни... дѣйствуетъ на него какъ веселящій газъ... Нѣкоторыя натуры излѣчиваются словами!

Пассажиръ выпилъ стаканъ и ушелъ.

— А почему бы по силѣ возможности и не освѣтить, не иллюминовать это безпросвѣтное, мрачное существованіе, почему бы не доставить себѣ небеснаго блаженства хотя бы на мгновеніе? Должно быть погода очень сырая; ишь, сколько подносовъ разомъ принесли...

Такъ и звенятъ стаканами... Теплые алкогольные пары такъ и носятся... Вотъ несутъ еще... еще... Ишь, какъ обоняніе-то обостряется отъ продолжительной трезвости: издали можно различить, что такое. Послѣднее—была виски.

Онъ взялъ папиросу, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ и отшвырнулъ ее; взялъ новую, раскурилъ и бросилъ. Закурилъ еще одну—и снова бросилъ...

Табачный дымъ сѣроватыми тѣнями выдѣлялся на фонѣ электрическаго освѣщенія и тянулся къ полуоткрытой двери.

Шелъ говоръ, слышались жалобы на качку, опоражнивали стаканъ за стаканомъ и уходили. Повсюду бутылки...

Матіасъ подошелъ къ нимъ и принялся съ лихорадочной поспѣшностью читать надписи.

Онъ весь дрожалъ.

— Вѣдь если бы я заболѣлъ морской болѣзнью, то...— пробормоталъ онъ и отшатнулся.

— Вѣдь только одинъ стаканъ отдѣляетъ лучезарное небо отъ самой черной меланхоліи!.. Да и, собственно говоря, вѣдь ты, любезный, уже наполовину пьянъ, такъ какъ лежа, упивался винными парами... Будто не зналъ этого, старый лицемѣръ...

Шабашъ!

Онъ кликнулъ служителя.

По крайней мѣрѣ, будутъ убиты двѣ мухи за разъ—однимъ ударомъ двѣ иллюзіи!

Служитель явился на зовъ.

— Стаканъ... стаканъ...

И онъ замолчалъ. Въ немъ происходила страшная борьба.

— Стаканъ... холодной воды! Какъ можно больше!

Онъ выхватилъ стаканъ изъ рукъ служителя и, стоя въ дверяхъ, подъ струей холоднаго воздуха, залпомъ опорожнилъ его.

Третій день.

Было раннее утро.

Палубы чистили, скоблили и поливали. Нѣсколько мужчинъ въ пальто въ накидку прохаживались, покуривали сигары и пили съ прохладкой свой утренній кофе. Каждый разъ какъ кто-нибудь изъ нихъ подходилъ слишкомъ близко къ той части палубы, гдѣ шла суетня, его встрѣчали почтительнымъ „извините, пожалуйста", а швабры и тяжелыя чистильныя приспособленія довольно краснорѣчиво добавляли: „прочь съ дороги!"

Здѣсь и тамъ стояли небольшими группами тепло одѣтые мужчины и дамы, желавшіе посмотрѣть восходъ солнца на морѣ.

Большинство же предпочитало остаться подольше въ постеляхъ; нѣкоторымъ было ни до неба, ни до моря: они лежали, чувствуя приступы морской болѣзни, а нѣкоторые, вполнѣ равнодушные къ красотамъ природы, съ заспаннымъ видомъ выглядывали изъ каютъ и справлялись о погодѣ.

Матіасъ Вигъ прогуливался по палубѣ сверхъ всякаго чаянія въ прекраснѣйшемъ настроеніи.

Съ вечера онъ заснулъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа, какъ человѣкъ, всѣ надежды котораго разбились.

Послѣ встрѣчи съ Элленъ все обратилось для него въ сплошную пустыню.

А сегодня! Онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто случилось что-нибудь радостное.

Оно такъ и было: Матіасъ Вигъ устоялъ! Онъ выдержалъ борьбу... испытаніе... вышелъ невредимымъ изъ адской печи—винной атмосферы, среди которой лежалъ вчера въ курилкѣ. Ему дышалось удивительно легко... Онъ чувствовалъ себя подобно страусу, которому хочется не то бѣжать, не то летать...

Къ тому же сознаніе, что Элленъ вблизи его!

Стоитъ только войти во вкусъ одерживать побѣды надъ самимъ собою, но вначалѣ это довольно трудно.

Эге, да и Кетиль Боргъ вздумалъ подняться такъ рано, пользуясь солнечнымъ восходомъ для rendez-vous съ миссъ Рокландъ!

Ея блѣдное личико получило удивительно теплую окраску отъ первыхъ лучей разсвѣта... почти ослѣпительно счастливое выраженіе.

Онъ казался ей богомъ свѣта, когда стоялъ около нея въ ореолѣ горѣвшихъ на солнцѣ золотистыхъ кудрей, съ протянутой къ морю рукой.

Онъ предложилъ ей руку, и ея маленькая фигурка почти противъ воли должна была держаться прямо.

Они то шли, то останавливались, когда свѣтъ слишкомъ рѣзалъ глаза, и выбирали мѣсто, гдѣ вѣтеръ дулъ не такъ сильно, при этомъ онъ нѣсколько разъ укутывалъ ее въ плащъ.

— Бѣдная дѣвочка...—подумалъ Матіасъ Вигъ,—кусокъ золота, который онъ хочетъ припрятать въ карманъ.

Волны вздымались огромными валами, искрясь, какъ будто огромное, скрытое подъ ними горнило отбрасывало на нихъ свой свѣтъ. Пароходныя трубы казались совершенно красными, залитыя лучами солнца, наполовину выглянувшагося изъ-за горизонта.

И вотъ оно выплыло все!

Послѣ того, какъ богъ солнца взялъ ванну, наступилъ день, свѣжій и свѣтлый, съ движущимися золотистыми горами.

Матіасъ Вигъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто и съ нимъ произошло нѣчто подобное—будто его душа выкупалась.

— Да, въ этотъ моментъ міръ чистъ! Имъ не успѣлъ еще овладѣть грѣхъ и все, что омрачаетъ, грязнитъ и дѣлаетъ лучи тусклыми. Гм... а попробуйте зачерпнуть ковшомъ этой воды, и вмѣсто иллюзіи красокъ, великолѣпія и сказочности окажется пригоршня простой морской воды. И развѣ мы не опускаемся ежедневно на дно океана бытія—только

не хотимъ замѣчать этого... Здѣсь одно божество — богъ моря, а тамъ, въ каютѣ, другое—она. Но я не обману ее никакими прикрасами. И безъ того довольно было слезъ въ нашей пѣснѣ...

Онъ стоялъ и мечталъ...

Мэри Іонсонъ, разгнѣванная молодая особа, тоже захотѣла полюбоваться восходомъ солнца на морѣ. Она принадлежала къ переселившейся норвежской семьѣ, и у ея отца въ настоящее время была фабрика бронзовыхъ издѣлій въ Чикаго

Ну, такъ и есть! Опять этотъ черномазый слѣдомъ за ней. Не навожденіе-ли?

Она ушла на самый дальній конецъ палубы.

Черномазаго звали Грипъ. Онъ былъ владѣлецъ рояльной фабрики—она уже справилась объ этомъ въ книгѣ путешественниковъ.

Онъ положительно вездѣсущъ. Вчера за обѣдомъ она пересѣла къ отцу, смотритъ—и онъ тутъ, какъ тутъ. И вотъ теперь опять!

Она стояла и смотрѣла на рдѣвшее море, все сильнѣе и сильнѣе налегая на купленную въ Европѣ тонкую изящную трость.

Трахъ!.. тросточка съ трескомъ переломилась.

Само собою разумѣется, черномазый въ одну минуту очутился около, вѣжливо поднялъ обломокъ и высказалъ соболѣзнованіе, точно дѣло шло о ранѣ.

Сломать бы ее объ его спину!

— Можетъ быть, вы почините ее на вашей зонтичной фабрикѣ...—сказала она заносчиво.

— Нѣтъ, тогда ужъ лучше залить ее бронзой!—кинулъ онъ въ догонку со смѣхомъ, когда она, бросивъ обломки трости за бортъ, направилась прочь съ палубы.

. . . .

Докторъ разыгрался съ своимъ сынкомъ Исакомъ. Уставъ бѣгать въ перегонки, онъ подхватилъ мальчика къ себѣ на спину и потомъ посадилъ его на крышу каюты, откуда тотъ не могъ сойти.

— Браво!—раздался голосъ скрипача, когда мальчуганъ, не задумываясь, кинулся оттуда внизъ на руки къ отцу,—молодецъ, молодецъ!

— Можетъ быть, онъ со временемъ выберетъ такую профессію, гдѣ ему пригодится физическая сила,—сказалъ докторъ.

— Что значитъ здоровая мать,—добавилъ онъ:—взгляните-ка на молодца!—и, сѣвъ, докторъ сталъ раскачивать мальчика на ногѣ...—Хопъ, хопъ! Посмотрите, Хавсландъ, какая природная устойчивость—вѣдь я чуть-чуть придер-

живаю его рукою; та же гармонія, что у матери. А я, пока что, изображаю изъ себя нянюшку. Арна непремѣнно хотѣла, чтобы и я пошелъ къ гадалкѣ; но зрѣлые люди не охотники до гаданія! Нужно имѣть дѣтски-нетронутую душу, какъ у моей Арны, чтобы отважиться на это.

— А я,—сказалъ съ улыбкой скрипачъ,—многое далъ бы, чтобы узнать, буду ли я имѣть успѣхъ въ Нью-Іоркѣ; вообще же, въ томъ смыслѣ, какъ вы говорите, я ни за что не обратился бы ни къ какой Аэндорской вѣдьмѣ. Для меня жизнь карточный столъ—выигрышъ или проигрышъ; одно и то-же до самой старости—встряска нервовъ каждый разъ. Знай я исходъ заранѣе, жизнь станетъ для меня прозябаніемъ, плоской, сухой, совсѣмъ прѣсной какъ драчена изъ одной муки съ водой...

На лѣстницѣ показалась Арна. Она остановилась, чтобы перевести духъ.

— Я точно съ того свѣта!—крикнула она направившемуся къ ней мужу.

— Милочка, да на тебѣ лица нѣтъ! Сядь и выпей холодной воды,—сказалъ докторъ.—Должно быть, это самая что ни на есть настоящая гадалка.

— Это было такъ ужасно, что даже вспомнить страшно. Мнѣ, кажется, никогда не забыть... А все-же въ этомъ есть что-то сверхъестественное.

— Она сказала тебѣ что-нибудь непріятное? — спросилъ докторъ, нахмурившись.

— Право, не знаю... Я не совсѣмъ поняла ее... Но это было ужасно! Она сидѣла въ полумракѣ, при слабомъ фосфорическомъ освѣщеніи... Лицо и руки были такія синія... Она все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывалась въ меня, такъ что начинало казаться, будто она хочетъ проглотить меня. Я сидѣла точно въ полуснѣ и тупо смотрѣла вокругъ. Передъ ней стоялъ столъ съ подсвѣчникомъ, а за ней доска съ какими-то іероглифами. Задній планъ представлялъ собою какъ бы входъ въ склепъ...

— Ахъ, да—что она сказала? Мнѣ казалось, что я не слышу и не понимаю ея, но слова такъ и врѣзывались въ мозгъ.

Арна постучала себѣ по лбу.

— Она сказала, что во мнѣ много жизнерадостности, и что мой живой, горячій темпераментъ заставляетъ меня часто дѣйствовать необдуманно... А потомъ принялась вглядываться въ мое сердце...

— „Среди счастья есть какая-то тѣнь“,—сказала она, но добавила, что не можетъ разглядѣть хорошенько, а потомъ

приложила руку къ уху и стала внимательно прислушиваться.

— „Звукъ идетъ отъ піанино, подъ портретомъ, между двумя окнами,—прошептала она,—одна струна дребезжитъ... въ басу,—значитъ мужчина!“

— Меня охватилъ страхъ, когда она до осязательности ясно изобразила піанино... Слава Богу, что портреты не свалились. Ухъ! Хорошо, что мы на морѣ, Іонъ: здѣсь до насъ съ тобой никто не доберется...

— Да уходи же прочь съ колѣнъ, малышъ!—крикнулъ вдругъ раздраженно докторъ.—Теперь твоя мама здѣсь. Я сдѣлалъ свое дѣло.

Онъ съ мрачнымъ видомъ, рѣзко оттолкнулъ отъ себя мальчика и ушелъ.

Наступила минута неловкаго молчанія, которое прервалъ скрипачъ, обратившись ласково къ мальчику:

— Иди, голубчикъ, я покачаю тебя на ногѣ.

Малютка не двигался и глядѣлъ на мать полными слезъ глазами.

— Ну, ну, не надо быть плаксой,—уговаривалъ его скрипачъ.—Нервы, нервы у всѣхъ насъ. Можетъ быть, доктору не понравилась ваша затѣя съ гаданіемъ: онъ увидѣлъ по вашему виду, какъ сильно это подѣйствовало на васъ.

Арна съ грустью посмотрѣла на него.

— О нѣтъ, нѣтъ, Хавсландъ!—горячо возразила она въ приливѣ откровенности.—Это болѣзнь, душевная болѣзнь... Иногда это вызывается, благодаря какому-нибудь отдѣльному слову или, вотъ какъ теперь, по самому необъяснимому поводу... Но онъ страдаетъ, и бываютъ минуты, когда это просто невыносимо!.. Тогда жизнь представляется ему въ такомъ мрачномъ видѣ... А мнѣ остается только смотрѣть и страдать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не допускаетъ не только разспросовъ, но даже малѣйшей попытки къ объясненію, и я вынуждена молчать и притворяться, будто ничего не замѣчаю, а затѣмъ—стараться развлечь его своей веселостью...

Она все болѣе и болѣе поддавалась желанію высказаться.

— Помните, какой онъ былъ въ то время, когда вы пріѣзжали къ намъ? Веселость такъ и била въ немъ, хотя мы жили въ маленькомъ, глухомъ городишкѣ. Чѣмъ больше я ломаю голову надъ этимъ вопросамъ, тѣмъ больше убѣждаюсь: его мучаетъ, что онъ не могъ всецѣло отдаться болѣе серьезнымъ интересамъ въ этой толчеѣ, съ этой бѣготней изъ дома въ домъ... Это, такъ сказать, тревога души, запертой въ клѣтку. Вамъ, Хавсландъ, должно быть знакомо такое душевное состояніе. Я все надѣюсь, что оно пройдетъ при лучшихъ условіяхъ жизни.

Она протянула ему руку и быстро ушла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Скрипачъ погрузился въ раздумье, время отъ времени дѣлая такое движенiе рукою, какъ будто пробовалъ струны.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то. „Дребезжало въ басу... значитъ мужчина...“ Гм... такая прелестная женщина, и мужу не всегда весело съ ней, какъ другимъ. Разгадка кроется непремѣнно въ этомъ... Обилiе красокъ... темпераментъ... что придаетъ ей чарующую прелесть, которой она не подозрѣваетъ въ себѣ... умѣнье вовлечь весь городъ въ свое веселье, Только, должно быть, не такъ-то легко быть мужемъ въ домѣ, гдѣ одна забава смѣняется другой. Вполнѣ естественно, что ему повсюду до головокруженiя мерещатся пропасти.

Хавеландъ выпрямился, замѣтивъ своего коллегу виртуоза-пiаниста, направлявшагося къ нему, вѣроятно, съ цѣлью сдѣлать ему какъ бы визитъ или чтобы условиться относительно modus vivendi,—какъ бы не стать на пути другъ у друга.

Бесѣдуя, они вѣжливо улыбались, но въ то же время пронизывали одинъ другого взглядомъ, окончательно убѣждаясь въ томъ, что напередъ знали, а именно,—что борьба за лавры и расположенiе публики будетъ безпощадна, и что ни одному изъ нихъ не придетъ въ голову мысль совершить общее турнэ.

Раздался колоколъ, сзывавшiй къ завтраку пассажировъ перваго класса, и они быстро направились къ своимъ мѣстамъ.

Море раскинулось, кротко перекатывая одинъ широкiй валъ за другимъ. Оно то поднимало пароходъ, то бережно спускало его съ вершины вала, спокойно и мѣрно, какъ на элеваторѣ.

На палубѣ наступило затишье. Вѣтеръ доносилъ сюда звуки гармоники съ кормы, гдѣ по своему развлекались пассажиры третьяго класса.

Порою слышался звукъ усердно работавшихъ ножей и вилокъ и звонъ тарелокъ. Палуба была почти пуста: дежурный персоналъ, кое-кто изъ экипажа, да нѣтъ, нѣтъ промелькнетъ тѣнь служителя.

Эллenъ Брандтъ вышла подышать свѣжимъ воздухомъ пока пассажиры были заняты ѣдой.

Она нѣкоторое время стояла и внимательно слѣдила за своей землячкой фрэкенъ Морландъ, которая, не присаживаясь, ходила, держа на рукахъ бойкаго мальчика, болтавшаго руками и ногами. Потомъ она вынула книгу и стала было читать, но опять повернулась къ мальчику, очевидно, заинте-

ресовавшись имъ. Въ ней было что-то трогательно-безпомощное.

— Что за прелестный ребенокъ у васъ,—сказала Элленъ,—подходя къ фрэкенъ Морландъ,—этакой шалунишка!

— Да, я взяла на себя не легкую задачу, — отвѣтила фрэкенъ Морландъ, не поднимая глазъ и слегка краснѣя.

— Я хотѣла сказать вамъ, фрэкенъ Морландъ, что мы съ вами землячки. Если вамъ понадобится что-нибудь, молоко или что другое, то обратитесь ко мнѣ,—я смотрю за каютами перваго класса. Можетъ быть, мнѣ удастся достать дѣтскую кроватку для малютки. Здѣшнія койки не для дѣтей.

— Отъ души благодарю васъ, но мы такъ хорошо устроились.

— Вы, должно быть, берете его на ночь къ себѣ?

— Д-да... не надолго...—отвѣчала она тихо и съ запинкой,—подъ утро, когда слишкомъ силенъ притокъ холоднаго воздуха черезъ вентиляторъ. Такъ я спокойнѣе за него.

Элленъ Брандтъ пристально взглянула на нее и сказала съ внезапной теплотой:

— Я думаю, вы должны чувствовать себя очень счастливой, имѣя такого ребенка... хотя бы на время...—добавила она.— Это, въ концѣ концовъ, величайшая радость для каждой женщины.

Это было сказано съ такимъ чувствомъ, что лицо фрэкенъ Морландъ какъ бы просвѣтлѣло.

— Да... я тоже такъ думаю... — проговорила она едва слышно, съ спазмами въ горлѣ.

— И видѣть черты отца, возрожденными въ крохотномъ существѣ, которое можетъ вырости другимъ человѣкомъ, прямымъ, стойкимъ...—продолжала съ жаромъ Элленъ.

— Я... я... никогда не видѣла его...—проговорила фрэкенъ Морландъ, какъ бы заикаясь, съ растеряннымъ выраженіемъ во взглядѣ.

— Посмотрите, ну развѣ не прелестный ребенокъ?—сказала Элленъ, переводя разговоръ на другой предметъ.— И что за смѣльчакъ!

— Ахъ, не правда-ли!

— И какой рослый, какіе живые глазки... Ну, не легко справляться съ такимъ! Ужъ черезчуръ рѣзвъ... смотрите, вонъ опять лѣзетъ туда. Вамъ придется взять его, фрэкенъ.

Элленъ постояла еще немного, глядя, какъ фрэкенъ Морландъ стремительно кинулась къ мальчику, взяла его на руки и страстно прижала къ сердцу.

— Такъ не забудьте же обратиться ко мнѣ, если вамъ понадобится что-нибудь,—сказала она, уходя.

. . . .

Въ Элленъ все всколыхнулось.

Ей припомнился одинъ изъ разсказовъ Матіаса, посвящавшаго ее въ былые годы въ свои мысли,—разсказъ о томъ, какъ амазонки вырѣзывали себѣ грудь, чтобы только натягивать лукъ...

А эта женщина, которая не была бы въ состояніи натянуть лукъ, изранила себѣ грудь, отказываясь, насколько была въ силахъ, отъ материнскихъ радостей, чтобы только сохранить положеніе въ обществѣ.

А она сама, съ порванной нитью жизни, еще несчастнѣе, чѣмъ та бѣдняжка... Ей нечего и отстаивать...

Въ былые дни она глядѣла на него, какъ на чудный портретъ. Теперь—картина повернута лицомъ къ стѣнѣ. Она съ глубокой горечью вспоминала лишь пошатывающуюся фигуру въ грязныхъ сапогахъ, съ безсмысленными, воспаленными глазами и заплетающимся языкомъ, и старалась вырвать и изъ глазъ, и изъ сердца безуміе любви, начавшейся въ ея ранней юности и длившейся двѣнадцать-четырнадцать лѣтъ. Принявъ это рѣшеніе, она почувствовала себя спокойнѣе и тверже.

Она принялась за свои обязанности такъ увѣренно и опредѣленно, что каждое ея слово было на своемъ мѣстѣ, какъ краны и винты въ машинѣ...

Но въ глубинѣ души ее ничто уже не могло взволновать. Вся ея жизнь обратилась въ сплошную фабричную работу, надъ прошлымъ былъ произнесенъ судъ, оно миновало безвозвратно. Она теперь вспоминала лишь порой:

— Все это было когда-то... и быльемъ поросло!..

Она предполагала, что Матіасъ былъ между курилкой и залой на второй палубѣ, откуда видно все, происходившее на верхней палубѣ.

Ей казалось только страннымъ, что Вангенстенъ вотъ уже два раза проходитъ мимо того мѣста, не кланяясь. Значитъ— его нѣтъ тамъ... И тогда, когда она разговаривала съ фрэкенъ Морландъ, его тоже не было видно.

Но Элленъ не надолго остановилась на этой мысли; у нея лишь на минуту, по старой привычкѣ, сжалось сердце при мысли, какъ опасно, когда онъ впадаетъ въ отчаяніе.

Она еще сильнѣе налегла на работу, чтобы заглушить свои мысли... Но вслѣдъ затѣмъ, не отдавая себѣ отчета, уже стояла на верхней палубѣ, у перилъ, всматриваясь въ даль...

Онъ, оказалось, стоялъ внизу, на третьей палубѣ и, повидимому, былъ занятъ продажею своихъ фотографическихъ снимковъ.

Около него собралась кучка земляковъ. Наливали, разговаривали, пили...

Она едва не крикнула: „Матіасъ!..“ Ей даже показалось, что она дѣйствительно крикнула... Сердце ея болѣзненно сжалось, и она стремительно кинулась внизъ, къ своей работѣ.

. . . .

А Матіасъ Вигъ съ самаго утра расположился со своими фотографіями въ третьемъ классѣ, кишѣвшемъ пассажирами.

Картины вызвали воспоминанія о родинѣ и о прошломъ. Его земляки теперь смотрѣли на нее уже другими глазами и говорили о ней съ инымъ чувствомъ.

Въ воздухѣ чувствовалось веселое, праздничное настроеніе.

Когда Матіасу предложили, въ честь родины, сперва стаканъ, а потомъ, со всѣмъ великодушіемъ, и цѣлую бутылку, позваниваніе стакана объ бутылку представилось ему звономъ бубенчиковъ, съ которыми онъ разъѣзжалъ въ былые дни.

Кто-то нечаянно плеснулъ водкой на фотографическіе снимки, и липкія струйки стекали по родимымъ горамъ.

Говорили, торговались, толпились, толкались, кричали надъ самымъ его ухомъ и отставляли выпитые стаканы къ нему на столъ.

Сзади него какой-то доброволецъ проповѣдникъ распинался, сравнивая окружающую сумятицу съ Вавилонскимъ столпотвореніемъ.

Матіасъ Вигъ усталъ и ему дѣлалось дурно. Какой-то малый, еле державшійся на ногахъ, полѣзъ чокнуться и, покачнувшись, вылилъ ему на грудь полный стаканъ водки.

Какой странный... жгучій вкусъ... на губахъ... и во рту отъ попавшихъ брызгъ...

Все въ немъ вдругъ притихло—какъ будто что-то случилось или собиралось случиться.

Онъ не виноватъ... Отъ дождя никто не гарантированъ... Онъ не проглотилъ ни капли.. Но ему жгло языкъ, какъ огнемъ. Такъ брызги воды долго шипятъ на горячей плитѣ, не испаряясь...

Онъ былъ на высотѣ положенія. Да и произошло-ли, вообще, какое событіе... такіе пустяки, что и раздуть исторіи не изъ чего.

Проповѣдникъ за его спиной продолжалъ ораторствовать во все горло насчетъ Вавилона.

Матіасъ не пропускалъ ни одного слова изъ его рѣчи, продолжая въ то же время разговаривать съ другими и называть цѣны снимкамъ.

Онъ гналъ отъ себя мысли, съ паническимъ ужасомъ

передъ ними, и упорно сосредоточивалъ все свое вниманіе на проповѣдникѣ.

Онъ увидѣлъ полный стаканъ между двумя пачками фотографій посреди стола и быстро протянулъ туда руку, чтобы прикрыть стаканъ отъ другихъ.

Но, что за чудо — никакого стакана тамъ не оказалось. А онъ видѣлъ его, совсѣмъ ясно видѣлъ! И никто не дотрогивался до него.

Онъ насильственно удерживалъ мысли около проповѣдника, который все неистовѣе и властнѣе разражался противъ вавилонянъ, которые имѣли уши, но не хотѣли слышать!— и кончилъ тѣмъ, что, для большей убѣдительности, вынулъ огромный ножъ и, указывая на него, кричалъ, что люди не уразумѣютъ всей силы коварства злого духа до тѣхъ поръ, пока ножъ не вонзится имъ въ сердце, пока смерть не придушитъ ихъ...

Матіасъ Вигъ снова увидѣлъ передъ собой стаканъ, на томъ же мѣстѣ, и протянулъ руку, чтобы удостовѣриться.

Стакана опять не оказалось.

Онъ обвелъ всѣхъ горящимъ взоромъ, ища настоящій стаканъ, протянулъ за нимъ руку и кивнулъ одному изъ своихъ покупателей на-веселѣ...

Какъ разъ въ эту минуту передъ нимъ промелькнулъ на верхней палубѣ знакомый образъ.

— Элленъ!..

Его охватилъ ужасъ. Съ нимъ и прежде бывали галлюцинаціи, предвѣстники бѣлой горячки...

Онъ съ лихорадочной поспѣшностью сложилъ свой товаръ въ ящикъ и выбѣжалъ.

— Скорѣй, скорѣй на палубу, на чистый воздухъ...

Его не покидалъ и тутъ образъ проповѣдника и такое ощущеніе, какъ будто кто всадилъ ему ножъ въ сердце; ему казалось, что произошло что-то особенное, что надъ нимъ совершилось чудо, если только это не простой инстинктъ, остановившій его... Что скрывать: на этотъ разъ онъ едва-едва удержался на краю пропасти...

На скамейкѣ у курилки сидѣло коричневое пальто—неподвижно и безмолвно, словно индійское божество.

— А вы ѣдете въ Бенаресъ?—вдругъ обратился къ нему фотографъ.

Тотъ кивнулъ въ отвѣтъ.

— Вы и въ прошломъ году были тамъ?

Опять кивокъ.

— Гм... Вы намѣреваетесь объѣхать вокругъ свѣта?

— Да... седьмой разъ.

— Вотъ какъ...

Матіасъ Вигъ въ глубокой задумчивости выпустилъ дымъ.

— Да, да, это тоже своего рода способъ убивать время.

— Вовсе нѣтъ — это способъ быть несчастнымъ...—Онъ сидѣлъ, какъ бы вперивъ взглядъ въ свою жизнь. — Вѣдь пьютъ утренній кофе, брѣются, завтракаютъ и обѣдаютъ... отдыхаютъ и гуляютъ, чтобы убить день. Не день, а часъ, когда ходишь и раздумываешь и поглядываешь поминутно на часы, зная при этомъ, что придется промаячить еще четырнадцать-пятнадцать такихъ часовъ до той минуты, когда можно будетъ улечься, чтобы проспать остальное время до полныхъ сутокъ. Выставляешь за дверь сапоги, чтобы ихъ вычистили, и высматриваешь крюкъ, на которомъ бы можно было повѣситься.

— Такъ вы, батенька, отправились бы на сушу, наняли бы себѣ квартиру или купили домъ, смотря по вашимъ средствамъ.

— Не поможетъ... Все равно не выбраться изъ заколдованнаго круга. И на сушѣ тѣ же 24 часа, что на пароходѣ... Только на иной ладъ.

Матіасъ многозначительно указалъ рукою за бортъ.

— Утопиться? Что-жъ, мнѣ и это приходило въ голову!— отвѣтилъ тотъ и грустно покачалъ головой,—затѣмъ я и пустился въ плаваніе. Къ моимъ услугамъ цѣлое море, если бы я хотѣлъ покончить съ собою.

— Но?

— И это отдумалъ, совсѣмъ отдумалъ! Явилось на сцену столько всякихъ соображеній, пугающихъ нервы... Стоитъ только представить, что тебя втянетъ подъ лопасти винта и затѣмъ всплывешь изъ-подъ парохода весь искалѣченный, полураздавленный. Или — что тебѣ бросятъ спасательный кругъ, и ты снова, лежа на водѣ, будешь выбирать между жизнью и смертью! Я все это перебралъ въ умѣ, разъѣзжая по всѣмъ заатлантическимъ линіямъ. Послѣ того, какъ я увидѣлъ спинные плавники акулы, я окончательно отдумалъ.

— Вы предпочитаете, значитъ, держаться по сю сторону борта?—пошутилъ Матіасъ Вигъ.

— Но основная мысль, - продолжало коричневое пальто, обойдя вниманіемъ шутку, — всегда бьется и работаетъ въ людяхъ, которымъ больше не въ моготу жить, у которыхъ все темно и сѣро передъ глазами... для которыхъ солнце— подвернутая лампа и дни бѣгутъ за днями въ томительной тоскѣ.

Матіасъ пристально посмотрѣлъ на него.

— И вы направляетесь въ Бенаресъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Да, а почему бы и нѣтъ? Ѣздишь и глазѣешь на этотъ круглый шаръ, называемый землею. Тотъ же круговоротъ, который совершаетъ жизнь.

— А мы—ея шуты,—добавилъ онъ,—вынимая часы; потомъ накрутилъ цѣпочку на руку и поплелся куда-то.

Четвертый день.

Послѣ полудня пароходъ вошелъ въ другую полосу вѣтра, что дало возможность распустить всѣ паруса.

Нѣсколько тревожившая до сихъ поръ пассажировъ боковая качка теперь стала ощущаться меньше.

Надъ укрѣпленіемъ парусовъ работали и машины, и руки.

Закипѣвшая работа при окликахъ команды и бѣготнѣ цѣлой толпы матросовъ явилась для всѣхъ нѣкоторымъ разнообразіемъ.

Все приняло другой видъ. Атлантъ вздымалъ цѣлыя горы; буруны съ огромными пѣнящимися гребнями накидывались другъ на друга съ дикостью прибоя, и уползали, исчезая въ водяныхъ низинахъ за исполинскимъ судномъ, мчавшимся на всѣхъ парахъ.

Измѣненіе курса повлекло за собою много перемѣнъ, начиная съ того, что пришлось иначе расположиться въ каютахъ и что клубы дыма относило въ другую сторону, и кончая надеждой придти къ мѣсту нѣсколькими часами раньше.

Всѣ менѣе обыкновеннаго прибѣгали къ развлеченіямъ. Передъ обезьяной въ клѣткѣ на палубѣ не было обычной публики, и ей не передъ кѣмъ было выдѣлывать гримасы, кувыркаться и прыгать.

Жоко былъ очень тщеславенъ и отсутствіе публики привело его въ дурное настроеніе. Возмущенный людской неблагодарностью, онъ забился въ уголъ клѣтки и только время отъ времени, точно вбѣсившись, кидался къ рѣшоткѣ.

Но вотъ передъ клѣткой появилась Мэри Іонсонъ, веселая, улыбающаяся, и стала потряхивать мѣшкомъ съ орѣхами и разными остатками дессерта. Она подразнила Жоко сперва однимъ орѣхомъ, потомъ вынула еще одинъ.

Тотъ только шипѣлъ и скалилъ зубы въ отвѣтъ на приманку.

Такое пренебреженіе задѣло за живое Мэри Іонсонъ и она досадливо оглянулась кругомъ... Черномазый, къ счастью, стоялъ на другомъ концѣ палубы.

Она прекрасно сознавала, что онъ слѣдитъ за нею и только для виду усердно разглядываетъ матросовъ, занятыхъ чѣмъ-то наверху, въ снастяхъ. Порядкомъ попало ему вчера!

Она принялась поддразнивать Жоко еще болѣе вкусными лакомствами...

Онъ хотя и не пренебрегалъ конфетками, которыя она бросала ему, но, ловко подхватывая ихъ на лету, продолжалъ отвѣчать злобнымъ взглядомъ на ея дружескія слова и приглашенія подойти поближе, взять у нея изъ рукъ.

Ну, ужъ теперь она подманитъ его!

Но Жоко безъ всякаго стѣсненія повернулся къ ней спиной; продолжая сверкать глазами, онъ искоса поглядывалъ на нее и начиналъ поддаваться соблазну.

А Мэри, смѣясь и болтая съ нимъ, достала большую красивую, красную карамельку и стала заманчиво вертѣть ее передъ его глазами.

Въ животномъ, очевидно, происходила сильная борьба, выражавшаяся глухимъ ворчаніемъ.

А карамелька, яркая, прозрачная, все вертѣлась передъ его глазами. Жоко не выдержалъ—съ дикимъ бѣшенствомъ ринулся къ рѣшоткѣ и выхватилъ карамельку.

Мэри вскрикнула и стала трясти пальцемъ, который онъ укусилъ ей при этомъ.

Черномазый быстрѣе молніи очутился подлѣ.

— Онъ укусилъ васъ!—воскликнулъ онъ взволнованно.

Прежде чѣмъ она успѣла опомниться, онъ схватилъ ея руку и высосовалъ кровь изъ раны.

— Подобные укусы могутъ быть ядовиты,—добавилъ онъ, велѣвъ служителю какъ можно скорѣе принести воды.

Онъ тщательно промылъ мѣсто укуса, осторожно вытеръ его ея маленькимъ изящнымъ носовымъ платкомъ и, вынувъ изъ бумажника кусочекъ пластыря, быстро и искусно залѣпилъ имъ рану. Затѣмъ предложилъ Мэри руку и бережно повелъ къ ея родителямъ, въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ имъ происшедшее, совѣтуя дать ей для подкрѣпленія силъ стаканъ вина.

Мэри была блѣдна и до сихъ поръ не проронила ни слова, но теперь кинула на него гнѣвный взглядъ.

Родители, взволнованные случившимся, принялись благодарить молодого человѣка.

— Правда это, г-нъ... г-нъ... спаситель, что изъ мухи можно сдѣлать слона?—кинула какъ бы невинно Мэри.

— Да, изъ очень красивой мухи, фрэкенъ... Даже если она кусается... всегда найдется какая-нибудь глупая рыба, которая погонится за ней...

— А кстати,—прибавилъ онъ, откланиваясь и собираясь

уйти,—смѣю разъяснить фрэкенъ, что я не шью зонтиковъ. Я рояльный фабрикантъ.

. . . .

Докторъ со вчерашняго дня ушелъ въ облака табачнаго дыма и въ научныя книги. Онъ молчалъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы. Жена съ тревогой слѣдила за нимъ.

— Смотри на яблоко,—проговорилъ онъ вдругъ, взглянувъ на нее изъ-за книги,—кто можетъ знать навѣрно, есть въ немъ червоточина или нѣтъ!

— Ты думаешь о намѣченной цѣли? Ну что-жъ, вернемся домой, хотя я увѣрена, что ты достигнешь ея... но для этого нужно не падать духомъ, не поддаваться душевной тревогѣ, не нервничать.

— Ужиться съ постоянно гложущимъ тебя вопросомъ, полагаешь ты?.. Ну что жъ, во всякомъ случаѣ остается еще жить для надежды на то, что со временемъ загадка получитъ свое разрѣшеніе,—пробормоталъ онъ.

— О, жить *для, изъ, изъ-за...* — пошутила она. — Развѣ тебѣ мало жить для нашего сынка и меня? вставать утромъ, смотрѣть, какая погода, справляться о новостяхъ, встрѣчаться съ людьми, заниматься тѣмъ или другимъ, что можетъ доставить радость и удовольствіе?

— Да, Арна, если бы ты только могла знать, какъ я согласенъ съ тобою—находить всю отраду въ тебѣ, въ кругу своей семьи, въ нашемъ домѣ... въ нашемъ саду... въ нашемъ городѣ... и не имѣть ни одной мысли, которая могла бы омрачить это блаженство!—Онъ притянулъ ее къ себѣ на колѣни и прислонилъ къ ней свою пылающую голову.—Но послушай, я рѣшительно не понимаю, къ чему же мучить себя, добиваясь узнать количество водяныхъ паровъ въ воздухѣ, разъ существуютъ зонтики, или количество фосфора во всемъ этомъ пространствѣ... Видишь ли, Арна, я не созданъ для сомнѣнія; я созданъ вѣрить...—Онъ страстно прижалъ ее къ себѣ.—Держать тебя вотъ такъ въ своихъ объятіяхъ и сомнѣваться... это... это... смерть для меня... Неужели ты хочешь убить меня, взрослое играющее дитя! Неужели тебѣ захотѣлось бы уничтожить меня, если-бы ты держала меня въ рукѣ, какъ игрушку?

Она быстро встала.

— Іонъ, тебѣ слишкомъ тяжело! Знаешь что: вернемся домой, право вернемся.

— Къ Фольтмару...—прозвучало въ отвѣтъ удивительно рѣзко.

— Да, до-мой! Ты не вынесешь!

— О нѣтъ, вовсе нѣтъ... У меня такъ только вырвалось... просто нервы.

Она снова присѣла къ нему.

— Поиграемъ вечеромъ въ шахматы или въ домино. Мнѣ такъ хотѣлось бы провести хоть одинъ вечерокъ по домашнему, уютно, съ тобой вдвоемъ. Ахъ какъ хорошо хоть немножко отдохнуть душою...

— Послушай, Арна,—спросилъ онъ вдругъ,—скажи мнѣ откровенно, почему ты скрывала отъ меня, что тебя зовутъ также Филомена?

— Да просто оттого, что это очень некрасивое имя. Когда я была ребенкомъ, меня постоянно дразнили въ школѣ имъ, да и мнѣ самой оно казалось такимъ смѣшнымъ. А когда ты посватался ко мнѣ, то ужъ, конечно, у меня не было ни какой охоты просить тебя звать меня Филоменой.

— И ты могла удерживаться, не говорить мнѣ?

— Да, могла! А, впрочемъ, я почти забыла объ этомъ, пока тебѣ не попала въ руки моя метрика.

— Такъ ты, значитъ, *можешь* имѣть тайны отъ меня,— спросилъ онъ, пытливо глядя на нее.

— Конечно, если дѣло идетъ о томъ, чтобы не утратить ни частички той прелести, которую я имѣю въ твоихъ глазахъ! Тогда я настоящая мастерица на это. Такъ мы, Іонъ, сегодня вечеромъ играемъ въ шахматы или въ домино. Я съ нетерпѣніемъ буду ждать вечера.

Между пассажирами передавался отъ одного къ другому, на трехъ-четырехъ языкахъ, въ разныхъ варіантахъ и съ комментаріями, разсказъ о молодой особѣ, которую укусила обезьяна, и о молодомъ человѣкѣ, высосавшемъ ядовитую кровь. Родители ни за что не соглашались на ихъ союзъ. Причина коренилась въ распрѣ между ихъ родами въ Норвегіи, гдѣ-то тамъ, на далекомъ сѣверѣ... У нихъ на родинѣ до послѣдняго времени практиковался обычай родовой мести и они жгли дома другъ друга. Теперь это вообще запрещено.

Молодая особа въ обморокѣ въ каютѣ, послѣ того какъ онъ ворвался туда вслѣдъ за нею, и они оба на колѣняхъ тщетно умоляли родителей о согласіи, угрожая броситься въ воду. Въ наше время разыгралась пьеса изъ варварскихъ среднихъ вѣковъ. Онъ—рояльный фабрикантъ, ея отецъ—владѣлецъ фабрики бронзовыхъ издѣлій...

...Малютка Гуннаръ хотѣлъ повернуть на всемъ бѣгу, но споткнулся о поѣздъ, съ которымъ передъ тѣмъ игралъ и попалъ какъ разъ подъ ноги коричневому пальто, которое сдѣлало было слабую попытку поднять мальчика, но фрэкенъ Морландъ ринулась впередъ и подхватила его на руки, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться.

Легкая царапина на лбу была тотчасъ же тщательно осмотрѣна и слезы вытерты носовымъ платкомъ. Пока производилась эта процедура и фрэкенъ Морландъ, и ребенокъ имѣли одинаково несчастный и смущенный видъ, поглядывая на страннаго господина, который стоялъ возлѣ нихъ, не говоря ни слова.

— Это моя вина...—проговорила она смущенно.

— Ага.

— Я подпустила его слишкомъ близко къ поѣзду.

— Ага.

— На такихъ крошекъ легко наткнуться, если не смотрѣть хорошенько.

— Да, да...—онъ задумчиво покачалъ головою въ отвѣтъ на какую-то собственную мысль.—Я никогда не могъ постичь этого.

Она посмотрѣла на него вопросительно.

— Какъ это люди могутъ добровольно посвящать себя воспитанію одного поколѣнія за другимъ, одного за другимъ, одного за другимъ.

— Воспитанію дѣтей?

— Да. Изъ-за денегъ и выгодъ—это еще понятно.

— Изъ-за денегъ...—Она судорожно прижала къ себѣ мальчика.

— Вѣдь вы не мать ему. Такъ развѣ вы дѣлаете это не изъ-за денегъ? Развѣ вамъ не платятъ за вашъ трудъ?

— Нѣтъ, не платятъ,—отвѣтила она коротко.

— Тогда вы изъ числа тѣхъ, которыми другіе люди злоупотребляютъ. Или, можетъ быть, вы богаты и это одна изъ прихотей?

— Но вѣдь вы тоже были когда нибудь ребенкомъ,—сказала она.

— Конечно, но очень, очень давно...—и, покачавъ головой, онъ прошелъ дальше.

Фрэкенъ Морландъ достала коня на палкѣ съ уздечкой, и малютка тотчасъ же занялся имъ.

Хопъ-хопъ-хопъ!..

Коричневое пальто опять пріостановилось и стало смотрѣть... Вскорѣ онъ совсѣмъ остановился, задумавшись.

А мальчикъ такъ высоко поднималъ колѣни, точно взбѣсившійся рысакъ, и пускался то рысью, то галопомъ.

Незнакомецъ обернулся къ фрэкенъ Морландъ.

— Удивительно... Мнѣ припомнилось, какъ и я вотъ такъ же скакалъ на деревянномъ конькѣ... у него была густая грива и какіе-то синіе камешки вмѣсто глазъ... Да, да... какъ сейчасъ вижу его... сбруя съ мѣдными бляшками, которыя еще слуга чистилъ...

— Какой нарядный!—сказала фрэкенъ Морландъ. —А по моему никакой Соломонъ со всѣми его сокровищами не могъ бы нарядить такого коня роскошнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ воображеніе ребенка!

— Послушай-ка, маленькій,—сказало коричневое пальто, слѣдившее за игрой мальчика,—смотри, какъ у тебя заднія-то ноги тащатся по землѣ.

— Если-бы кто могъ проникнуться тѣмъ свѣтомъ, въ какомъ видитъ все глазъ ребенка, для того все было бы праздничнымъ заломъ!—продолжала она думать вслухъ.

— Или наглядная картина того, какъ жизнь обманываетъ насъ съ самаго ранняго дѣтства...—пробурчалъ онъ.—А потомъ мнѣ подарили пони. Съ него я свалился и расшибъ себѣ бедро. На томъ и поконченъ былъ спортъ. Я проводилъ время на верандахъ и въ библіотекѣ, создавъ себѣ свой собственный міръ—вонъ какъ онъ—довольствовался головой, гривой и передними ногами и въ воображеніи скакалъ на четырехъ.

— Да, на свѣтѣ много зла, особенно такого, которое люди дѣлаютъ другъ другу.

— А вы испытали на себѣ?

— О, да... отчасти; не мало.

— Въ какомъ направленіи?

— Этого я не могу вамъ сказать; но я многое пережила, многое вынесла.

— Пережили... перенесли... А мое все несчастье въ томъ, что я никогда ничего не переживалъ.

Его взглядъ снова остановился на Гуннарѣ.

— Ну и легкія же должны быть у мальчугана, чтобы скакать такъ безъ остановки... И какая сила... Было бы только изъ-за чего.

Онъ постоялъ еще немного.

— Ты, кажется, нагналъ на меня сонъ, шалунишка!—и онъ поплелся къ себѣ въ каюту...

Въ музыкальной залѣ, которая въ этотъ часъ дня была почти пуста, сидѣлъ Кетиль Боргъ у піанино, наигрывая народныя пѣсенки, которыя хотѣлось заучить миссъ Анни Рокландъ; она стояла около и подпѣвала.

Кетиль Боргъ былъ самъ не свой съ того момента, какъ узналъ, что миссъ Анни дѣйствительно рѣшила пойти въ 111-ю каюту. Его тревожила мысль, что-то скажетъ гадалка? Вообще онъ былъ человѣкъ безъ предразсудковъ, но вѣдь случайно могло проскользнуть неудачное выраженіе... и кто знаетъ, какія послѣдствія это повлечетъ за собою.

Послѣ полудня она, вся сіяя отъ восторга, шумно вбѣжала въ каюту къ своимъ родителямъ.

— Вотъ и побывала у гадалки!

Чего-чего только не наскажетъ и не предскажетъ такая особа. Да никому другому и не понять, что она сказала ей.

Она стояла подъ руку съ отцомъ, съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ, пряча лицо за плечо отца, чтобы скрыть сіявшую на немъ радость... Значитъ... All right!..

Она стояла за нимъ, напѣвая мелодію съ нѣкоторымъ торжествомъ въ голосѣ и время отъ времени дѣлая нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ.

Ея походка сдѣлалась увѣреннѣе, и въ осанкѣ и въ самочувствіи появилось что-то новое; хромота была почти незамѣтна.

Затѣмъ она сѣла на диванъ и стала оттуда любоваться склоненной надъ клавіатурой красивой головой Кетиля Боргъ, подыскивавшаго аккорды.

„Ея судьба рѣшится во время этого переѣзда"—сказала та женщина.

Что, если правда! Такъ все и бушевало въ ней, и она прижималась къ диванной подушкѣ пылающимъ лицомъ...

„Свѣтъ истины будетъ у нея въ рукахъ и обожжетъ ей пальцы... Но правда все же лучше для нея".

Обожжетъ! Пусть жжетъ... Чего-чего она не снесетъ, лишь бы!..

„Ея судьба рѣшится во время этого переѣзда"... звенѣло у нея въ ушахъ.

Вдругъ онъ обернулся.

— Осмѣлюсь спросить, что сказала вѣщунья?

— Ахъ, вы вѣдь говорили, что не вѣрите въ гадалокъ,— засмѣялась она.

— Худо или хорошо?—спросилъ онъ.

— Да вѣдь вы же невѣрующій,—отвѣтила она уклончиво.

— Такъ какъ я язычникъ, то въ данномъ случаѣ и не заслуживаю отвѣта, по вашему мнѣнію... Что жъ, эта гадалка зарабатываетъ себѣ хлѣбъ выгадываніемъ счастливыхъ супружествъ или какъ?

— Не мнѣ,—сказала миссъ Анни.—Ну, давайте же разучивать эту хорошенькую пѣсенку!

И она снова стала рядомъ съ піанино.

. . . .

— Послушай, дружище Матіасъ,—говорилъ своимъ низкимъ голосомъ Вангенстенъ, идя рядомъ съ фотографомъ,— да вѣдь это чистѣйшій романъ: твоя бывшая невѣста на этомъ же пароходѣ! Не слѣдовало бы скрывать это отъ стараго товарища, который еще смогъ бы, пожалуй, возстановить порванное.

— Какъ... ты видѣлся съ ней?

— Конечно. И такъ какъ я полагалъ, что она не прочь имѣть кое-какія свѣдѣнія о тебѣ, то я очень искусно вставилъ въ разговоръ съ нею, какая перемѣна произошла въ моемъ старомъ товарищѣ Матіасѣ, и затѣмъ намекнулъ, что слѣдовало бы спасти для общества такое выдающееся дарованіе! На этотъ разъ я намѣренно не пошелъ дальше.

— Ты, напримѣръ, ничего не сказалъ ей о томъ, что бѣсъ послѣдовалъ за мною и на этотъ пароходъ? — рѣзко сказалъ Матіасъ.

— Это еще что?

— Но что онъ получилъ два щелчка въ носъ, отчасти при моемъ посредствѣ, отчасти помимо.

— Ты хочешь сказать, что снова подвергался искушенію?

— Понимай, какъ знаешь. Такъ, значитъ, это ея обязанность пожертвовать собою, чтобы попытаться „спасти дарованіе для общества“?

— Ахъ, ну тебя съ твоимъ вѣчнымъ шутовствомъ. Кажется, это достаточно серьезный вопросъ.

— Да, да, вотъ и я тоже такъ думаю... Но вѣдь „для общества“!

— Ты отстаиваешь свою крохотную, тѣсную „страну личности“ отъ высшихъ идеаловъ. И когда является другъ, который хочетъ вывести тебя изъ этой узкой рамки на просторъ мысли, что, позволь мнѣ откровенно сказать тебѣ, спасло бы, вывело бы тебя на твердую почву,—то ты глумишься, остришь и ведешь себя препротивно. Но я, видишь ли, задался мыслью вернуть тебя къ твоему лучшему „я“ и подвести тебя къ ней, какъ совершенно новаго человѣка, на новыхъ началахъ.

— Что жъ, я, какъ грибъ за ночь,—выскочу среди всего этого новаго?

— Послѣдуй моему примѣру—дай выходъ твоимъ идеальнымъ стремленіямъ въ чемъ-нибудь практическомъ. По моему, тебѣ бы слѣдовало сдѣлаться сотрудникомъ въ дѣлѣ страховки. Тамъ ты будешь жить для великой идеи... Тамъ ты найдешь много такого, что дастъ всходы въ будущемъ, будешь постоянно имѣть предъ мысленнымъ взоромъ восходящее солнце, такъ какъ идея, которой ты будешь служить, побѣдоносно пройдетъ по всему міру. Дѣло уже нашло своихъ сторонниковъ: пять полисовъ подписаны... все женщины—женское дальнозоркое, материнское око провидѣло пользу будущихъ поколѣній...

— Аминь. Только все это не по мнѣ, Вангенстенъ!

Матіаса охватывала все большая тревога при мысли о томъ, съ какими рекомендаціями выступилъ за него передъ Элленъ его пріятель...

Онъ торопливо вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и, сославшись на то, что ему надо готовить фотографическія пластинки, ушелъ, оставивъ Вангенстена одного съ его размышленіями.

Онъ направился прямо къ маленькой лѣсенкѣ въ корридорѣ и сталъ смотрѣть по направленію каютъ перваго класса.

Время было, должно быть, не совсѣмъ подходящее и въ корридорѣ лишь изрѣдка мелькали то та, то другая служанка.

Онъ кинулся сюда по какому-то внушенію, охваченный мрачной боязнью, какъ бы его отношенія съ Элленъ не перешли въ руки къ Вангенстену. Ему казалось, будто поднялось цѣлое облако пыли, за которымъ вотъ-вотъ налетитъ вихрь всякихъ недоразумѣній между имъ и ею.

Онъ стоялъ внизу у лѣстницы безъ шапки и вертѣлъ ее въ рукахъ.

— Элленъ! — кликнулъ онъ, завидѣвъ ее издали, — одно слово! Вангенстенъ говорилъ съ тобою обо мнѣ! Я тутъ совсѣмъ не при чемъ. Я не хочу ничѣмъ тревожить тебя. Это я и хотѣлъ сказать тебѣ.

Она покачала головой.

— Успокойся, я поняла это по тону,—сказала она, взглянувъ на него грустнымъ взглядомъ.—Мы съ тобой двѣ птицы, у которыхъ разные пути—каждой своя дорога. Прощай же, Матіасъ!—сказала она, уходя, такъ что онъ едва разслышалъ послѣднія слова.

Матіасъ Вигъ всю ночь проходилъ по палубѣ... Небо было синее, усѣянное звѣздами.

Онъ былъ слишкомъ взволнованъ свиданіемъ съ Элленъ, чтобы заснуть.

Ему совсѣмъ неожиданно дарована была отсрочка, дарованъ „еще разокъ“, прежде чѣмъ опустился занавѣсъ надъ трагедіей и они разстались навсегда.

Двѣ птицы, которыя должны летѣть каждая своей дорогой, чтобы никогда болѣе не встрѣтиться...

Но куда же теперь летѣть?

„За обломками жизни, отъ которой мнѣ остались лишь вспоминанія, да—почему бы и не такъ?—которую осталось поливать водкой, чтобы все представилось въ лучезарномъ видѣ, а не чувствовалось постоянно уколами совѣсти. Мнѣ сдается, что летишь все медленнѣе и медленнѣе по мѣрѣ того, какъ сознаешь, что незачѣмъ летѣть. Двѣ загубленныя жизни! И если бы я не видѣлъ, что она мужественно хочетъ строить что-то на развалинахъ, если бы не чувствовалъ, что она не презираетъ меня, то клянусь, — и онъ дико протянулъ впередъ руку,—клянусь, что я напился бы мертвецки, какъ

свинья! Фуй, фуй... Иными словами—ты, пріятель, слишкомъ дряблъ и ничтоженъ, а она—мужественная, сильная женщина, у которой слишкомъ много инстинкта самоохраненія, чтобы дѣлить съ тобою свинство. У нея хватитъ мужества... А мы боимся мышатъ, которыя прячутся по угламъ и норкамъ отъ кошекъ, боимся, трусливыя душонки, умѣя только казаться храбрыми, а на самомъ дѣлѣ пугаемся всего. И сколько подвиговъ храбрости совершается изъ трусости!"

„Каждый своей дорогой — не выходило у него изъ головы,—съ подстрѣленнымъ крыломъ. И въ результатѣ—томленіе на всю остальную жизнь".

Онъ вдругъ остановился и прислушался.

Опять... опять... Точно тихіе стоны среди тишины ночи. Онъ слышалъ недавно такой же звукъ. Ужъ не вырвались-ли эти стоны изъ его груди...

— Корабельный духъ скулитъ — не по нутру электричество!—сказалъ сдержанно и таинственно рулевой.

Коричневое пальто, страдавшее хронической безсонницей, стояло поодаль въ полумракѣ и глядѣло на звѣздное небо, откуда Юпитеръ лилъ свои лучи.

— Пройдутъ тысячи лѣтъ и мы снова будемъ стоять на томъ же мѣстѣ, съ тѣмъ же небомъ надъ нашей головой, двигаться въ томъ же круговоротѣ,—проговорилъ онъ съ грустью.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Русская исторія въ ея новѣйшей переработкѣ.

Не такъ давно въ ученой статьѣ одного изъ нашихъ серьезныхъ журналовъ намъ бросилась въ глаза слѣдующая фраза: „... Обширность территоріи, въ значительной своей части почти еще незатронутой культурой, и многочисленность быстро растущаго населенія служатъ лучшими и неизмѣнными залогами дальнѣйшаго промышленнаго преуспѣянія нашего отечества и связанныхъ съ этимъ успѣховъ въ соціальномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ“... И затѣмъ далѣе: „И городской, и деревенской промышленности въ Россіи суждено такимъ образомъ великое будущее“...

Этими словами заканчивается общій очеркъ историческаго развитія Россіи, предложенный читателямъ „Міра Божія“ г. Рожковымъ, при чемъ въ этихъ словахъ выясняется не только общій характеръ отвлеченныхъ научныхъ выводовъ этого автора, но также и доминирующій тонъ тѣхъ его выводовъ, которые касаются собственно публицистики. Этотъ доминирующій тонъ публицистическихъ выводовъ г. Рожкова несомнѣнно самый оптимистическій, до такой степени оптимистическій, что невольно спрашиваешь себя: какіе же, наконецъ, новые факты огромной важности указаны авторомъ въ его работахъ по русской исторіи и какой новый талисманъ открытъ имъ въ сферѣ отвлеченнаго обществовѣдѣнія, которымъ могли бы быть оправданы его столь необычайно успокоительные историческіе выводы?

Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ „О городѣ и деревнѣ въ русской исторіи“ („Міръ Божій“ апрѣль, май и іюнь 1902 г.), авторъ ведетъ рѣчь ни болѣе, ни менѣе, какъ о той руководящей исторической идеѣ, которая выясняется для него изъ изученія всего пройденнаго пути нашего общественнаго развитія. „Окидывая общимъ взглядомъ“ этотъ „пройденный нами длинный путь“, онъ произноситъ свое заключительное слово, высказываетъ ту основную историческую идею, которая озаряетъ для

него научнымъ свѣтомъ какъ прошлыя, такъ и будущія судьбы нашего отечества. И вотъ эта-то основная историческая идея автора не только не носитъ на себѣ какихъ-либо слѣдовъ печали и сомнѣнія, не только не заключаетъ въ себѣ ничего тревожнаго, ничего мучительнаго, ничего такого, въ чемъ отразились бы тяжелыя стороны нашего историческаго прошлаго, а также всего того, что еще предстоитъ пережить нашему обществу, а, напротивъ, поражаетъ васъ своей необычайной простотой и ясностью и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута какимъ-то чисто панглоссовскимъ, всеозаряющимъ оптимизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ промышленнымъ преуспѣяніемъ, по мнѣнію автора, связаны соціальные, политическіе и культурные успѣхи нашего отечества, а этому промышленному преуспѣянію суждено въ Россіи великое будущее. Развѣ это не вполнѣ законченный выводъ? Развѣ это не вполнѣ успокоительная, все разъясняющая и все оправдывающая руководящая историческая идея?

Но если даже допустить, что путь, ведущій къ великому будущему Россіи, уже открытъ передъ нами и что достигнутыми нами результатами въ промышленной области вполнѣ обезпеченъ дальнѣйшій ходъ нашего промышленнаго развитія, а вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ вполнѣ обезпечены и связанные съ нимъ культурные, соціальные и политическіе успѣхи, то остается всетаки нерѣшеннымъ еще одинъ важный вопросъ, а именно о свойствахъ самаго пути, о тѣхъ условіяхъ, которыя придется приложить, о тѣхъ препятствіяхъ, которыя придется преодолѣть; словомъ—остается нерѣшеннымъ вопросъ о самомъ способѣ прохожденія Россіей ея великаго историческаго пути.

„Вѣдь историческій путь не прогулка по Невскому проспекту", по выраженію одного изъ людей сороковыхъ годовъ, также никогда не сомнѣвавшихся въ конечныхъ результатахъ. „Медленно идетъ наше развитіе",—говоритъ тотъ же авторъ на своемъ образномъ языкѣ,—„срывается съ дороги, давитъ народъ, топчетъ нивы; а какъ пріостановишься, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ — а пути-то сдѣлано много"!

Такъ вотъ и возникаетъ вопросъ, каковъ же этотъ путь для Россіи? Каковъ тотъ путь, по которому двигалось и по которому суждено двигаться русскому обществу въ направленіи къ ожидающимъ его, по мнѣнію г. Рожкова, блестящимъ результатамъ? Вѣдь это также историческій вопросъ, и при томъ вопросъ большой важности. Собственно говоря, въ отвѣтѣ на этотъ именно вопросъ и заключается все содержаніе, весь смыслъ общихъ историческихъ выводовъ. Исторія изслѣдуетъ процессъ общественной жизни, конечно, не съ точки зрѣнія достигаемыхъ имъ результатовъ; результаты подсчитываются статистикой, статикой соціологіи. Историческія обобщенія важны для насъ только

въ томъ случаѣ, если ими выясняется внутренній процессъ общественной жизни, если они даютъ указанія относительно роли тѣхъ или другихъ общественныхъ силъ, словомъ—если они раскрываютъ передъ нами самый механизмъ общественнаго движенія. Въ противномъ случаѣ эти выводы будутъ носить характеръ простыхъ историческихъ аналогій.

Какое же положеніе въ затронутомъ нами вопросѣ занимаютъ историческія изслѣдованія г. Рожкова?

Отвѣтомъ на это послужитъ дальнѣйшее ознакомленіе читателей съ выводами г. Рожкова по нѣкоторымъ важнымъ отдѣламъ русской исторіи; пока же мы ограничимся слѣдующей фразой изъ введенія его къ вышеупомянутымъ статьямъ „О городѣ и деревнѣ въ русской исторіи“: „На твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній,—говоритъ авторъ,—покоится разрѣшеніе пятаго вопроса—о соціальномъ устройствѣ, о томъ, были ли въ извѣстное время общественные класы, т. е. дѣленіе общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ, по занятіямъ, или существовали уже сословія, т. е. дѣленіе общества на группы по юридическимъ признакамъ, правамъ и обязанностямъ. Наконецъ, изученіе политическаго строя, постановки верховной власти, организаціи учрежденій и управленія,—вотъ послѣдній, шестой вопросъ, котораго мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи“. (Апрѣль, 1902 г., стр. 80).

Изъ этой вступительной фразы читатель видитъ, какой широкій кругъ историческихъ вопросовъ затрогивается г. Рожковымъ. Это не спеціальное изслѣдованіе одной только экономической или хозяйственной стороны русской общественной жизни, а именно подведеніе общихъ историческихъ итоговъ, выясненіе общихъ историческихъ взглядовъ.

И вотъ, если принять въ соображеніе, что всѣ главные выводы автора построены „на твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній“, т. е. на изслѣдованіи первичныхъ экономическихъ данныхъ, самыхъ общихъ экономическихъ процессовъ и, главнымъ образомъ, какъ увидимъ далѣе, на смѣнѣ натуральнаго хозяйства денежнымъ и на постепенномъ развитіи этого денежнаго хозяйства на протяженіи приблизительно трехъ столѣтій русской исторіи, — то уже заранѣе и съ полною увѣренностью можно сказать, что эти выводы должны носить характеръ тѣхъ именно общихъ историческихъ аналогій, о которыхъ мы упоминали выше, и что мы врядъ ли найдемъ въ нихъ много цѣнныхъ указаній, которыя раскрыли бы передъ нами внутреннія стороны историческаго процесса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ для примѣра, почти на удачу, перелистывая вышеупомянутую статью, пестрящую экономическими терминами, слѣдующій историческій выводъ:

„Денежное хозяйство требуетъ свободнаго обмѣна цѣнностей,

неограниченнаго права отчуждать недвижимость, какъ и движимость, постороннимъ лицамъ, постоянной возможности превратить землю въ денежный капиталъ и наоборотъ. Между тѣмъ, по церковному праву имущество церкви признается неотчуждаемымъ, и получается такимъ образомъ изъятіе изъ системы свободнаго оборота. Противорѣчіе между правами церкви и новыми экономическими условіями разрѣшается на первыхъ порахъ, пока денежное хозяйство находится еще въ стадіи зарожденія,—лишь прекращеніемъ роста монастырскихъ владѣній, а не совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ". (Май, стр. 203).

Этотъ историческій выводъ, одинъ изъ многихъ подобныхъ же выводовъ г. Рожкова, представляетъ собой довольно хорошій образчикъ его научныхъ пріемовъ. Дѣло идетъ, какъ мы видимъ, о принудительномъ прекращеніи дальнѣйшаго роста монастырскихъ владѣній въ Московской Руси, т. е. объ очень крупномъ событіи въ русской исторіи, характеризующемъ складывавшіяся въ ней отношенія между церковью и государствомъ. Произошло это прекращеніе роста монастырскихъ владѣній путемъ нѣсколькихъ царскихъ указовъ, запрещавшихъ всѣмъ частнымъ лицамъ дѣлать земельныя пожертвованія въ монастыри, а также продавать и закладывать имъ даже свои вотчины, т. е. земли, которыми ихъ владѣльцы могли распоряжаться на правахъ полной собственности.

И вотъ, объясняя происхожденіе этихъ указовъ, авторъ, какъ мы видѣли, ограничивается простымъ указаніемъ на то противорѣчіе, въ которое становилась иммобилизація земель, попадавшихъ въ руки духовенства, съ начинавшимъ развиваться въ Московской Руси денежнымъ хозяйствомъ, которое требовало свободнаго обращенія всякихъ цѣнностей. Но ясно, что такое чисто формальное объясненіе врядъ-ли можетъ показаться вполнѣ убѣдительнымъ съ исторической точки зрѣнія, пока оно не будетъ приведено въ связь съ той конкретной исторической обстановкой, въ которой произошло данное историческое событіе. Появленіе вышеупомянутыхъ царскихъ указовъ должно быть выяснено намъ не только съ точки зрѣнія ихъ желательности или полезности для безпрепятственнаго развитія денежнаго хозяйства, но также и съ точки зрѣнія ихъ *возможности* и *необходимости* въ данную эпоху и при данной, конкретной исторической обстановкѣ. Если же этого не будетъ сдѣлано, если намъ не будетъ выяснено, вслѣдствіе какихъ особыхъ обстоятельствъ въ Московской Руси XVI вѣка между церковью—этимъ могущественнѣйшимъ факторомъ того періода общественнаго развитія, которому соотвѣтствуетъ разсматриваемая эпоха русской исторіи—и государствомъ установились такія отношенія, что правительство могло путемъ простыхъ указовъ нарушить самые жизненные интересы церкви, то данная общественная перемѣна все равно останется

для насъ непонятной, хотя бы авторъ тщательно собралъ и перечислилъ всѣ сохранившіеся свѣдѣнія о внѣшней и внутренней торговлѣ Московской Руси XVI вѣка, указывающія на начинавшееся развитіе въ ней денежнаго хозяйства. Это денежное хозяйство все равно останется для насъ безкровнымъ и безплотнымъ, а потому и недостаточнымъ историческимъ аргументомъ, не связаннымъ органически со всѣмъ ходомъ общественной жизни.

Вѣдь въ сущности то логическое построеніе, на которомъ держится вся аргументація автора по данному вопросу, сводится къ слѣдующему общему положенію: такъ какъ развитіе денежнаго хозяйства требуетъ свободнаго оборота цѣнностей, то оно неизбѣжно ведетъ за собою ограниченіе или полную секуляризацію монастырскихъ имуществъ. И вотъ, кромѣ этого общаго положенія, одинаково относящагося по всѣмъ странамъ и ко всѣмъ эпохамъ, вы не находите въ аргументаціи автора никакого конкретнаго историческаго матеріала; вы не находите у него, при изслѣдованіи причинъ даннаго историческаго событія, ничего, кромѣ общихъ свойствъ денежнаго хозяйства и общихъ свойствъ всякаго монастырскаго землевладѣнія. Эта чисто формальная аргументація не могла бы быть убѣдительной, если бы даже она по существу была справедливой, такъ какъ въ ней нѣтъ необходимыхъ связующихъ нитей между общей причиной и конкретнымъ историческимъ событіемъ. Тѣмъ менѣе убѣдительна она въ данномъ случаѣ, когда ей прямо противорѣчатъ историческіе факты. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что во Франціи только въ самомъ концѣ XVIII в. монастырскому землевладѣнію былъ нанесенъ первый ударъ и что, фактически, Франція, съ ея огромнымъ денежнымъ хозяйствомъ, до сихъ поръ сохраняетъ у себя скопленіе громаднаго количества иммобилизованныхъ земель въ рукахъ монастырскихъ конгрегацій,—не говоря уже объ Испаніи, также значительно превосходящей Московскую Русь XVI в. по своему развитію денежнаго хозяйства.

На чемъ же, спрашивается, основана въ такомъ случаѣ аргументація автора по отношенію собственно къ русской исторіи и къ той опредѣленной эпохѣ ея, когда произошло разсматриваемое авторомъ событіе? Очевидно, что такого спеціальнаго обоснованія нѣтъ въ предложенномъ нами разъясненіи автора и что все оно построено на совершенно произвольной апріорной посылкѣ, имѣющей, быть можетъ, какое-нибудь значеніе въ экономической наукѣ, но лишенной всякаго значенія при изслѣдованіи чисто историческаго вопроса.

Съ точки зрѣнія исторической науки, разсматриваемый выводъ автора до такой степени лишенъ всякаго опредѣленнаго содержанія и выраженъ авторомъ въ такихъ неуловимыхъ отвлеченныхъ терминахъ, что онъ даже не допускаетъ никакой исторической провѣрки.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, первую же вступительную фразу автора въ цитированномъ нами отрывкѣ: „Денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота цѣнностей",—и попробуйте добраться въ ней до какого-нибудь опредѣленнаго смысла.

Кто, спрашивается, требуетъ свободнаго оборота цѣнностей при начинающемся развитіи денежнаго хозяйства? Кто именно требовалъ и домогался свободнаго оборота цѣнностей въ Московскомъ государствѣ XVI в.? На это мы не находимъ ровно никакихъ указаній у г. Рожкова. Требовали-ли свободнаго оборота цѣнностей имущіе классы, торговцы, правительство или такъ называемые общіе интересы государства? Все это остается неизвѣстнымъ. Но такъ какъ не можетъ же исторія имѣть дѣло съ одними отвлеченными понятіями въ качествѣ своихъ главныхъ дѣятелей, то, чтобы добраться до какого-нибудь опредѣленнаго содержанія въ историческомъ объясненіи, предложенномъ авторомъ, намъ остается только одинъ возможный исходъ: собственныя предположенія и догадки. И вотъ мы предполагаемъ, что, если принять въ соображеніе, что вышеупомянутыя требованія денежнаго хозяйства были осуществлены въ Московскомъ государствѣ черезъ посредство царскихъ указовъ, то надо думать, что, говоря объ этихъ требованіяхъ, какъ о реальномъ историческомъ факторѣ, авторъ имѣлъ въ виду дѣятельность московскаго правительства XVI вѣка, какъ конкретнаго выразителя интересовъ денежнаго хозяйства. Но тогда является новый вопросъ: дѣйствовало-ли въ этомъ случаѣ московское правительство въ своихъ собственныхъ видахъ, или же въ общихъ интересахъ страны? Такъ какъ мы знаемъ, что еще не въ очень отдаленное передъ тѣмъ время, а именно въ удѣльный періодъ, въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ, не существовало, по словамъ автора, „даже правильнаго понятія о государствѣ, какъ общественномъ союзѣ", и что князь смотрѣлъ тогда на свое княжество, просто какъ на вотчину, приносившую ему доходъ, при чемъ уже только въ третьей своей статьѣ, говоря объ XVIII и XIX вѣкахъ, авторъ указываетъ на то, что тогда верховная власть „все болѣе и болѣе проникалась идеей общаго блага, утрачивала все болѣе и болѣе старый вотчинный характеръ",—то, принимая все это во вниманіе, намъ приходится остановиться на томъ единственно возможномъ предположеніи, что въ побудительныхъ причинахъ царскихъ указовъ XIX вѣка о запрещеніи земельныхъ вкладовъ и продажи вотчинъ монастырямъ играли, если не исключительную, то преобладающую роль чисто правительственныя соображенія.

Но если мы остановимся на такомъ предположеніи, то насъ не можетъ не поразить слѣдующее обстоятельство.

Если даже допустить, что московское правительство XVI в. успѣло уловить всѣ выгодныя для него стороны развитія денежнаго хозяйства въ самомъ его началѣ, „на стадіи его зарожде-

нія",—что уже предполагаетъ довольно большое пониманіе имъ экономическихъ явленій,—то ему еще надо было затѣмъ связать это развитіе денежнаго хозяйства съ мобилизаціей земель. Это же еще сложнѣе и требовало бы еще бо́льшаго пониманія всего круговорота экономической жизни страны. Допустимъ, однако, что московское правительство все это отлично поняло даже при самомъ зарожденіи денежнаго хозяйства. Но вѣдь во всякомъ случаѣ выгоды, проистекавшія для него отъ начинавшаго развиваться денежнаго обращенія, еще не могли быть очень значительны и вызванный ими стимулъ врядъ-ли могъ идти въ какое-либо сравненіе, по своей силѣ, съ тѣмъ непосредственнымъ желаніемъ прекратить ростъ монастырскаго землевладѣнія, которое могло возникнуть у московскаго правительства помимо всякихъ соображеній о денежномъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, огромный ростъ монастырскихъ владѣній самъ по себѣ составлялъ государственный фактъ величайшей важности, грозившій самыми серьезными послѣдствіями. Духовенство сосредоточивало въ своихъ рукахъ огромныя богатства и все расширяло кругъ своего вліянія. Если даже это не грозило пока непосредственной опасностью московскому правительству, то во всякомъ случаѣ представляло для него большія неудобства, и при возможности распоряжаться вполнѣ самовластно въ своемъ государствѣ оно, разумѣется, должно было обратить вниманіе на чрезмѣрное разростаніе монастырскаго землевладѣнія. Здѣсь прямое значеніе факта было гораздо важнѣе его косвеннаго вліянія на размѣры денежнаго обращенія *). Да при томъ же самое это задерживающее вліяніе монастырскаго землевладѣнія на денежное обращеніе еще спорный вопросъ. Такъ какъ денежные капиталы находились въ то время почти исключительно въ рукахъ духовенства, то запрещеніе закладывать и продавать земли монастырямъ, во-первыхъ, мало содѣйствовало мобилизаціи земли, за отсутствіемъ другихъ покупщиковъ, а во-вторыхъ, иммобилизировало монастырскіе денежные капиталы.

Такимъ образомъ, все, что мы узнаемъ отъ самого г. Рожкова по вопросу о прекращеніи роста монастырскаго землевладѣнія и все то, о чемъ мы можемъ лишь догадываться, врядъ-ли говоритъ въ пользу его толкованія и его историческаго вывода. Но опять-таки, повторяемъ, быть можетъ, г. Рожковъ какъ нибудь иначе понимаетъ свою загадочную фразу о требованіяхъ денежнаго хозяйства; ничего окончательнаго на этотъ счетъ мы

---

*) Въ пользу такого толкованія побудительныхъ мотивовъ, дѣйствовавшихъ при изданіи вышеупомянутыхъ царскихъ указовъ, говоритъ также и то обстоятельство, что параллельно съ ними издавались указы, ограничивавшіе судебныя и податныя привилегіи монастырей (указы о несудимыхъ и тарханныхъ грамотахъ).

сказать не можемъ. Когда вмѣсто историческаго изслѣдованія вамъ преподносятъ выдержки изъ экономическихъ трактатовъ, то приходится только строить однѣ догадки на счетъ того, какое отношеніе могутъ имѣть эти выдержки къ разсматриваемымъ историческимъ событіямъ.

Этотъ характеръ крайней отвлеченности, недостаточной обоснованности и исторической безсодержательности носитъ большинство историческихъ выводовъ г. Рожкова. Взятый нами примѣръ вовсе не составляетъ исключенія. Въ одной изъ прежнихъ статей намъ уже пришлось высказать нѣсколько замѣчаній по поводу экономическаго толкованія авторомъ происхожденія московскаго самодержавія и крѣпостного права. Чтобы не возвращаться снова къ этимъ вопросамъ, хотя разбираемая статья могла бы дать случай для нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненій, мы остановимся еще на изслѣдованіи авторомъ основныхъ причинъ отмѣны крѣпостной зависимости крестьянъ, въ той же статьѣ „О городѣ и деревнѣ въ русской исторіи“.

Послѣ нѣсколькихъ чрезвычайно общихъ замѣчаній на ту тему, что „вѣдь и идеи зарождаются не въ безвоздушномъ пространствѣ, питаются и создаются неизбѣжными и неустранимыми житейскими условіями“,—г. Рожковъ заканчиваетъ свое вступленіе къ изслѣдованію происхожденія крестьянской реформы такой фразой: „Не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно къ хозяйственнымъ интересамъ и потребностямъ, но главное и основное въ историческихъ перемѣнахъ несомнѣнно объясняется экономическимъ элементомъ. Поэтому, изучая причины паденія крѣпостного права въ Россіи, событія, имѣющаго первенствующее значеніе во второй половинѣ XIX вѣка и служащаго видимымъ признакомъ (?) важной общественной перемѣны, мы должны прежде всего отмѣтить тѣ новыя явленія, которыя болѣе или менѣе ясно обозначились въ экономической жизни страны“. (Іюнь стр. 17).

Такой приступъ къ историческому изслѣдованію сразу же обнаруживаетъ все тотъ-же историческій методъ автора, общій, впрочемъ, ему со всѣми сторонниками экономической точки зрѣнія. Методъ заключается въ слѣдующемъ.

Послѣ категорическаго заявленія, что „главное и основное въ историческихъ перемѣнахъ *несомнѣнно* объясняется экономическими перемѣнами“, авторъ ищетъ этихъ перемѣнъ, и, конечно, находитъ ихъ, потому что явленія, входящія въ составъ экономическихъ процессовъ, конечно, не могутъ оставаться безъ измѣненій.

И вотъ начинается статистика: въ началѣ XIX в. цѣнность русскаго вывоза равнялась 75 милліонамъ рублей, а наканунѣ реформы поднялась до 230 милліоновъ; ввозъ съ 52 милліоновъ поднялся до 200; въ сороковыхъ годахъ, въ имѣніи Шипова, изъ

общаго числа 101 дворовыхъ лишь 15 исполняли должность прислуги, а остальные были отпущены на оброкъ; въ Московской губерніи общая сумма купеческихъ капиталовъ въ 1822 г. равнялась 27 милліонамъ рублей, а въ 1833 г. дошла уже до 39 милліоновъ; количество перерабатываемаго хлопка возрасло за 50 лѣтъ въ 16 разъ (здѣсь даже не указана первоначальная цифра); выплавка чугуна поднялась съ 8 до 16 милліоновъ пудовъ; суконныхъ фабрикъ насчитывалось уже 492; на крестьянскихъ и купеческихъ фабрикахъ трудъ прикрѣпленныхъ, поссессіонныхъ рабочихъ оказывался уже маловыгоднымъ; фабриканты стали предпочитать свободныхъ рабочихъ еще въ первой четверти столѣтія, а около 1840 года уже болѣе половины поссессіонныхъ фабрикъ перешли къ вольнонаемному труду.

За этой статистикой непосредственно слѣдуетъ выводъ:

„Итакъ, торжество крестьянскихъ фабрикъ (т. е. фабрикъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, замѣнившихъ собою прежнюю помѣщичью фабрику) ознаменовалось къ половинѣ XIX в. преобладаніемъ вольнонаемнаго труда въ обрабатывающей промышленности, а это послѣднее явленіе, вызывая усиленный спросъ на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его — ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніи и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно необходимаго въ интересахъ народнохозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи: ее мы нашли, такимъ образомъ, въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности“.

Вотъ все, что находится въ изслѣдованіи автора относительно первой причины того, что онъ находитъ самаго главнаго и основного въ эпохѣ освобожденія крестьянъ.

Прежде всего замѣтьте, какая тутъ выходитъ странная вещь: приступая къ своему изслѣдованію, г. Рожковъ уже знаетъ, что самое главное въ историческихъ перемѣнахъ *несомнѣнно* объясняется экономическимъ элементомъ, а затѣмъ онъ *находитъ* искомую причину данной исторической перемѣны въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности, т. е. въ экономическомъ элементѣ. Такимъ образомъ мы вертимся въ какомъ-то кругу; заключительный выводъ автора не превосходитъ своимъ содержаніемъ его начальной посылки, вслѣдствіе чего самые поиски автора представляются какъ бы совсѣмъ излишними.

Они тѣмъ болѣе излишни и, такъ сказать, безпредметны, призрачны, что въ той посылкѣ, которою руководится при этомъ авторъ, ничего не говорится о томъ, *какая же степень, какіе*

размѣры экономической перемѣны необходимы, чтобы вызвать общественную перемѣну? Неужели всякая экономическая перемѣна, всякое, напримѣръ, развитіе обрабатывающей промышленности, въ какихъ бы размѣрахъ оно ни произошло, способно не только намѣтить извѣстную потребность, вызвать извѣстное желаніе, но и перейти въ активную общественную силу, явиться первой изъ причинъ, подорвать въ основѣ вѣковое учрежденіе? Такъ, очевидно, понимаетъ дѣло г. Рожковъ, а потому сводитъ свое изслѣдованіе къ крайне простой операціи: произошла историческая перемѣна, а г. Рожкову извѣстно, что въ основѣ ея *несомнѣнно* лежитъ экономическій элементъ; и вотъ онъ собираетъ статистическія данныя по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства; увидѣвъ, что во всѣхъ этихъ отрасляхъ дѣйствительно произошла перемѣна, онъ объявляетъ, что нашелъ первую изъ основныхъ причинъ паденія крѣпостного права. Такова, такъ сказать, философія историческаго метода г. Рожкова.

Что же касается конкретнаго историческаго содержанія выдвигаемыхъ имъ статистическихъ аргументовъ, то здѣсь мы опять наталкиваемся на цѣлый рядъ совершенно невыясненныхъ пунктовъ.

Почему, напримѣръ, 230 милліоновъ рублей вывоза такая страшная цифра, что должна указывать на близость общественнаго кризиса? Да и что вообще можетъ означать собой голая цифра, не приведенная въ связь съ исторической обстановкой, съ дѣйствовавшими въ ней общественными силами?

Далѣе, въ какомъ смыслѣ преобладаніе вольнонаемнаго труда надъ трудомъ поссессіонныхъ рабочихъ, „вызывая усиленный спросъ на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости“? Мы видимъ, что дѣло идетъ здѣсь даже не о крупныхъ размѣрахъ, а только о *преобладаніи* вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ, а это преобладаніе вольнонаемнаго труда на нѣсколькихъ стахъ тогдашнихъ небольшихъ фабрикъ означало, въ сущности, требованіе на сравнительно очень ничтожное количество рабочихъ рукъ, каковое требованіе безъ особыхъ затрудненій могло быть удовлетворено и при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, безъ всякихъ перемѣнъ въ господствовавшихъ соціальныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, неужели требованіе нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ фабрикантовъ могло представить собою тогда какую-то непреодолимую общественную силу?

Но, быть можетъ, г. Рожковъ понимаетъ это требованіе въ какомъ-нибудь болѣе возвышенномъ смыслѣ? Въ цитированномъ выше заключительномъ выводѣ онъ говоритъ, что развитіе денежнаго хозяйства и ростъ фабричной промышленности „выставили крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, *совершенно*

необходимаго въ интересахъ народнохозяйственнаго развитія Россіи".

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ какъ будто выходитъ, что авторъ имѣетъ въ виду не опредѣленный слой русскаго общества, не фабрикантовъ или купцовъ дореформенной эпохи, а *общіе интересы* народнаго хозяйства Россіи. Но вѣдь и эти общіе народнохозяйственные интересы не могли существовать для исторіи, какъ отвлеченное понятіе; они также должны были быть представлены въ ней какими-нибудь конкретными общественными силами. Какія же конкретныя общественныя силы, которыя представляли бы собою интересы народнохозяйственнаго развитія Россіи, могъ имѣть въ виду авторъ, говоря о той эпохѣ, когда Россія еще представляла собою чисто сословное государство? Очевидно, что, говоря объ этихъ общихъ интересахъ развитія народнаго хозяйства, въ примѣненіи къ Россіи дореформенной эпохи, авторъ могъ имѣть въ виду не сословные, а лишь тѣ *идейные* элементы, которые встрѣчались въ ней какъ среди самого общества, такъ и въ правительственныхъ сферахъ; но въ такомъ случаѣ почему же авторъ связываетъ эти *идейные* элементы съ интересами только фабричной промышленности, а не съ интересами, напримѣръ, самого крѣпостного крестьянства? Очевидно, что поскольку эти элементы были *идейными*, ихъ должны были гораздо сильнѣе интересовать судьбы всего земледѣльческаго населенія, а также всего общественнаго развитія Россіи, чѣмъ судьбы одной фабричной промышленности. Почему же въ такомъ случаѣ авторъ оставляетъ въ сторонѣ болѣе общую причину и выдвигаетъ впередъ сравнительно очень второстепенную. Все это оставлено у автора невыясненнымъ и непонятнымъ.

Переходимъ теперь ко второй экономической причинѣ автора.

Эта вторая экономическая причина формулирована г. Рожковымъ слѣдующимъ образомъ: „денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ для дворянства, крестьянъ и самого государства крѣпостной трудъ". (Іюнь, стр. 24).

Такъ какъ для крестьянства крѣпостной трудъ никогда не былъ выгоднымъ, а для государства пересталъ быть выгоднымъ по крайней мѣрѣ съ отмѣны обязательной службы дворянства, то займемся пока вопросомъ о невыгодности крѣпостного труда для дворянъ.

Здѣсь мы имѣемъ, наконецъ, передъ собою не отвлеченную экономическую категорію, не интересы денежнаго хозяйства или фабричной промышленности, а интересы живыхъ, конкретныхъ людей данной эпохи, со всѣми ихъ стремленіями и свойствами. Но и тутъ, впрочемъ, авторъ сразу же разбиваетъ наши надежды, такъ какъ говоритъ о дворянскихъ интересахъ лишь въ связи

съ техническими усовершенствованіями въ земледѣліи и слѣдовательно заранѣе ограничиваетъ кругъ разсматриваемыхъ имъ дворянскихъ интересовъ и заранѣе устанавливаетъ то положеніе, что техническія усовершенствованія воплощали въ себѣ наиболѣе страстныя и дѣятельныя стремленія дворянства того времени. Фактическихъ данныхъ на это у автора нѣтъ. Тѣ свѣдѣнія, которыми онъ располагаетъ, тѣ примѣры усовершенствованнаго хозяйства, на которые онъ ссылается, несомнѣнно являлись лишь отдѣльными случаями, разбросанными по всей тогдашней крѣпостной Россіи. Авторъ самъ говоритъ, что „масса помѣщиковъ-рутинеровъ плохо понимала выгоды отмѣны крѣпостного права и слѣпо противилась реформѣ, въ силу своей косности и неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ". (Ibid., стр. 21).

Почему же въ такомъ случаѣ авторъ утверждаетъ, что техническія усовершенствованія въ земледѣліи сдѣлали невыгоднымъ крѣпостной трудъ для дворянства вообще, когда онъ былъ невыгоденъ лишь для той „лучшей части помѣстнаго дворянства", которая „хорошо сознавала потребности времени и ихъ необходимую связь съ интересами раціональнаго сельскаго хозяйства"? Вѣдь разъ эти „потребности времени", хотя онѣ и совпадали съ интересами раціональнаго хозяйства, не сознавались массой дворянства, которая была даже *неспособна* примѣниться къ новымъ условіямъ, то какая же въ такомъ случаѣ могла быть тогда рѣчь о *невыгодности* крѣпостного труда для этой массы дворянъ? Для огромнаго большинства помѣщиковъ, которые совсѣмъ не стремились къ введенію раціональнаго хозяйства въ своихъ земляхъ и были даже неспособны перейти къ новымъ условіямъ, крѣпостной трудъ не только не былъ невыгоднымъ, но оставался единственнымъ якоремъ спасенія для нихъ, за который они держались упорно и, со своей точки зрѣнія, были, быть можетъ, даже правы, такъ какъ дальнѣйшая ихъ судьба показала, что отмѣна крѣпостного труда для многихъ изъ нихъ была равносильна полному экономическому разоренію.

Мы видимъ, слѣдовательно, что и въ этомъ случаѣ, пытаясь указать общую экономическую причину паденія крѣпостного права и связать ее съ развитіемъ сельско-хозяйственной техники, авторъ указываетъ лишь на сравнительно немногочисленный слой населенія, который былъ заинтересованъ, съ этой стороны, въ успѣхѣ крестьянской реформы; въ то же время, стараясь придать этой экономической причинѣ первенствующее значеніе, распространяя ее совершенно произвольно на все государство, авторъ тѣмъ самымъ устраняетъ со сцены тѣ сословные и массовые элементы, которые, именно въ силу своихъ ближайшихъ экономическихъ интересовъ, оказывали огромное и трудно преодолимое препятствіе осуществленію крестьянской реформы; а дѣлая это, авторъ въ корнѣ извращаетъ фактическое положеніе вещей того времени,

чѣмъ, конечно, не только не способствуетъ правильному пониманію историческаго событія, а затрудняетъ его.

Благодаря именно такому искусственному устраненію всѣхъ историческихъ препятствій, стоявшихъ на пути общественнаго развитія Россіи, этотъ путь и представляется автору въ видѣ какой-то широкой, торной дороги, въ видѣ самопроизвольнаго процесса развитія денежнаго хозяйства. И вотъ мы видимъ, что, по мнѣнію автора, одного развитія денежнаго хозяйства оказалось достаточнымъ, чтобы сдѣлать *невыгоднымъ* крѣпостной трудъ и для фабрикантовъ, и для дворянства, и для крестьянъ, и для самого государства,—что естественно вызвало замѣну его вольнонаемнымъ трудомъ; „замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ,—съ торжествомъ прибавляетъ авторъ, — и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права“. (Ibid., стр. 24).

Вотъ такимъ именно упрощеннымъ путемъ и шло, по мнѣнію автора, все общественное развитіе Россіи. Тщетно было-бы поэтому искать у него какихъ бы то ни было указаній на тѣ трудности, которыми сопровождалось осуществленіе крестьянской реформы, и на тѣ воздѣйствія, которыми преодолѣвались эти трудности; тщетно было бы вообще искать въ его историческихъ изслѣдованіяхъ не только выводовъ, но хотя бы даже историческаго матеріала для выводовъ относительно той сложной внутренней исторической работы, путемъ которой достигается всякое, а особенно первоначальное общественное развитіе страны и совершаются крупныя перемѣны въ условіяхъ общественной жизни. Авторъ смотритъ на ходъ историческаго процесса съ такихъ теоретическихъ высотъ, откуда ему видны лишь самыя общія и самыя поверхностныя его очертанія; вся же внутренняя сторона этого процесса, всѣ его наиболѣе сложныя перипетіи скрыты для него безнадежно. Вотъ почему прошлыя, настоящія и будущія судьбы Россіи рисуются ему въ такомъ однообразно-оптимистическомъ освѣщеніи.

Относительно блестящихъ перспективъ, ожидающихъ Россію въ будущемъ, мы уже имѣли случай привести мнѣніе автора въ самомъ началѣ нашей замѣтки. Что касается настоящаго нашего положенія, то для характеристики его авторъ наполняетъ цѣлыя страницы своей статьи самыми, можно сказать, восторженными фактами и цифрами, свидѣтельствующими о „могучемъ толчкѣ“, который дала крестьянская реформа торговлѣ и фабричной промышленности,—„содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессу деревенской промышленности, преимуществено земледѣлія“. (Ibid. стр. 28).

Въ самомъ дѣлѣ: цѣнность годового продукта въ хлопчатобумажной промышленности дошла у насъ до 430 мил. рублей, а ея техническія средства увеличились во второй половинѣ XIX в. въ 20 разъ и теперь „не ниже, чѣмъ въ любой изъ передовыхъ

европейскихъ странъ; годовой оборотъ шерстяного производства простирается до 150 милліоновъ рублей; металлическая промышленность возрасла по стоимости съ пятидесятыхъ годовъ въ 71 разъ; число акціонерныхъ предпріятій возрасло за девяностые годы въ шестеро", и т. д. Словомъ, цѣлый отчетъ департамента мануфактуръ и торговли. А вотъ данныя по земледѣльческому вѣдомству: „въ настоящее время плодосмѣнная система не рѣдкость въ такихъ областяхъ, какъ Московская промышленная, Центральная земледѣльческая, Бѣлоруссія, Литва, Юго-западный край, Малороссія, не говоря уже о Привислиньѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ, при чемъ замѣчательно, что она прививается не только на владѣльческихъ, но и на крестьянскихъ земляхъ" (Ibid. стр. 25).

Такимъ образомъ и въ настоящемъ нельзя не видѣть явныхъ признаковъ великаго будущаго, ожидающаго Россію. Остается, наконецъ, наше историческое прошлое. Въ историческомъ прошломъ всякаго народа найдется, конечно, не мало темныхъ сторонъ; одною изъ такихъ наиболѣе темныхъ сторонъ въ нашемъ историческомъ прошломъ, приходится признать, разумѣется, крѣпостное право; но въ изслѣдованіяхъ г. Рожкова и эта сторона русской исторіи выступаетъ передъ нами въ совершенно новомъ и необычайно благопріятномъ освѣщеніи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго очень любопытнаго его разсужденія о формахъ земледѣльческаго хозяйства въ Россіи XVIII вѣка:

„Спѣшимъ оговориться: за исключеніемъ отдѣльныхъ ненормальностей и злоупотребленій, барщина, какъ и вообще крѣпостная организація хозяйства, соотвѣтствовала въ XVIII в. хозяйственнымъ интересамъ не однихъ только владѣльцевъ-дворянъ, но и крѣпостного крестьянскаго населенія: въ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда совершается еще только первоначальная перестройка экономическихъ отношеній на новую основу, экономически слабые элементы общества, какими несомнѣнно и были крестьяне, не могутъ обойтись безъ посторонней поддержки, которую и получаютъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ,—отсюда прочность крѣпостныхъ порядковъ"... (Ibid. стр. 7).

Такимъ образомъ оказывается, что, во-первыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ крѣпостное хозяйство было спасительнымъ для самихъ крестьянъ, а во-вторыхъ—что, съ исторической точки зрѣнія, прочность крѣпостного права обусловливалась, по мнѣнію автора, не сословными интересами дворянства, не временными правительственными соображеніями и даже не тѣми инертными силами, которыя развиваются въ связи со всякимъ вѣковымъ учрежденіемъ, а главнымъ образомъ сооотвѣтствіемъ этого учрежденія хозяйственнымъ интересамъ крестьянскихъ массъ, т. е., иначе говоря, его соотвѣтствіемъ требова-

ніямъ общаго блага. Мы видимъ, слѣдовательно, что черезъ все историческое изслѣдованіе г. Рожкова проходитъ та утѣшительная мысль, что главными активными силами, дѣйствовавшими въ русской исторіи, слѣдуетъ признать или отвлеченную идею общаго блага, или же менѣе отвлеченныя требованія развитія народнохозяйственныхъ интересовъ.

Съ оптимистическаго взгляда автора на грядущія судьбы Россіи мы начали нашу замѣтку объ его историческихъ изслѣдованіяхъ; только что приведеннымъ оптимистическимъ же мнѣніемъ его о прошлыхъ судьбахъ Россіи мы заканчиваемъ эту замѣтку, предоставляя читателямъ судить о судьбахъ самой русской исторіи, поскольку она находится въ рукахъ г. Рожкова.

П. Батинъ.

Новыя книги.

3. Гиппіусъ (Мережковская). Третья книга разсказовъ. Спб. 1902 г.

Первый сборникъ разсказовъ г-жи Гиппіусъ былъ выпущенъ подъ заглавіемъ „Новые люди“, второй почему-то носилъ названіе „Зеркала“, а третій хотя и появляется въ свѣтъ безъ всякаго особаго наименованія, но такая скромность съ избыткомъ возмѣщается многообѣщающими заглавіями вошедшихъ въ книжку шести произведеній: тутъ есть и „Сумерки духа“, и „Слишкомъ ранніе“, и „Комета“, и „Святая плоть“, и „Святая кровь“, и „Кабанъ“. Embarras de richesses такое, что сразу и не сообразишь, съ чего начать. Съ одной стороны,—„Святая кровь“, драматическая пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ, въ которой фигурируютъ два монаха, одна вѣдьма и одна русалка, по подговору вѣдьмы проливающая „святую кровь“ стараго отшельника, своего пріемнаго отца, чтобы такимъ способомъ пріобрѣсти человѣческую душу,—словомъ, мистерія, таинственная и сугубо непостижимая, каковою мистеріи и подобаетъ быть. Съ другой стороны—игривый набросокъ „Кабанъ“, въ которомъ главную роль играетъ настоящій кабанъ,—правда, „блѣдный“, съ „блѣднымъ тѣломъ“, „блѣдной щетиной“, но какъ и полагается кабану, „съ тупой плоской мордой“ и „торопливымъ разорваннымъ хрюканьемъ“; кабанъ настоящій и въ то-же время символическій, ибо оказывается, что онъ призванъ посрамить самонадѣянный человѣческій разумъ, отрицающій таинственное въ природѣ и воплощенный въ моло-

денькой учительницѣ Люсѣ: эта легкомысленная особа съ невѣроятной экспансивностью объясняетъ своему семилѣтнему питомцу, что ея, Люсинъ, братъ, „открылъ ей глаза и указалъ путь", и что „все рѣшительно можетъ быть объяснено какимъ-нибудь простымъ явленіемъ природы", но вотъ сумерками появляется „блѣдное животное",—Люся принимаетъ его за привидѣніе и начинаетъ въ ужасѣ шептать: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ"... Какъ, однако, ни заманчивы эти темы, справедливость обязываетъ насъ обратиться прежде всего къ „Сумеркамъ духа", хотя бы потому, что это цѣлый романъ въ трехъ частяхъ, занимающій больше половины книги. Повидимому, въ „сумеркахъ" коснѣетъ духъ героини, юной англичанки, которую зовутъ Маргаретъ. Она номинально замужемъ за корректнѣйшимъ и скучнѣйшимъ пасторомъ, который вступилъ съ ней въ бракъ, собственно говоря, для того только, чтобы защитить ее отъ житейскихъ бурь, и обѣщалъ уступить ее настоящему избраннику, какъ только таковой явится. Въ какомъ-то модномъ курортѣ она знакомится съ молодымъ русскимъ профессоромъ, Дмитріемъ Васильевичемъ Шадровымъ,—какъ видно по всему, человѣкомъ изъ „новыхъ". Главнѣйшій признакъ: къ своимъ лекціямъ Дмитрій Васильевичъ относился „добросовѣстно и холодно, а къ слушателямъ равнодушно-доброжелательно, и всѣ они были для него равны. Онъ, впрочемъ, думалъ, что такое отношеніе вовсе не вредно ни для науки, ни для студентовъ, а скорѣе желательно". Конечно, толпа его не понимала,—и его безучастіемъ къ „современному движенію" возмущались всѣ „студенты изъ бойкихъ,—какъ тѣ, которые интересовались фасономъ шинели, формой фуражки, прогулками по Морской, такъ и тѣ, у которыхъ имѣлись „убѣжденія", дающія имъ авторитетъ среди товарищей, надежды быть недопущенными къ экзаменамъ и высланными потихоньку изъ столицы" (стр. 102—3). Уже это немногое показываетъ, какъ возвышался Дмитрій Васильевичъ надъ толпой,—и онъ-то почувствовалъ жалость, а затѣмъ и влеченіе къ Маргаретъ, онъ захотѣлъ изъ „сумерекъ духа" призвать ее къ свѣту жизни. Вообще говоря, Шадровъ хорошо понималъ, что „иногда нельзя облегчить страданья, а иногда и не нужно", и соотвѣтственно этому старался „не лгать своему сознанью въ сознаньи, а покорно терпѣть укусы жалости, когда ему стали встрѣчаться страданья, которыхъ не надо, не хорошо облегчать" (стр. 25). Но въ данномъ случаѣ его жалость была „человѣчная, тѣльная, (sic!) къ ней и къ себѣ равно", кромѣ того, эта жалость была „злая": „отъ нея стояла физическая боль въ груди, такая ясная, что онъ даже форму ея ощущалъ треугольникъ, верхушка захватывала мѣсто, гдѣ должно быть (sic!) сердце". Какъ бы то ни было, и Маргаретъ, съ своей стороны, беззавѣтно полюбила Шадрова, но тутъ оказалось, что супругъ-опекунъ успѣлъ опутать ея волю крѣпкими, хотя и тон-

кими, нитями, изъ которыхъ вырваться ей было не легко. Отсюда и романъ. Маргаретъ отчаянно борется съ собой, то покидаетъ пастора и ѣдетъ къ Шадрову, то опять уѣзжаетъ отъ Шадрова къ пастору, когда онъ, больной, зоветъ ее къ себѣ, и т. д. Все это тянется очень долго. Шадровъ требуетъ отъ нея рѣшительнаго и безусловнаго разрыва съ ненавистнымъ ему человѣкомъ и пространно объясняетъ ей сущность своей любви. „Я въ тебѣ,—говоритъ онъ,—люблю... Третьяго. Ты меня понимаешь? Прямо мнѣ любить Его не дано, а дано любить лишь чрезъ мнѣ подобнаго. Ты—мое окно къ этому Третьему"... „Живешь ты и живу я не для того, чтобы быть счастливыми другъ отъ друга, а для того, чтобы сознать жизнь, и смерть, и Его... и отдать Ему все, что у насъ есть"... „И потому, что ты мнѣ подобна, мнѣ доступна, облечена такой-же плотью—словомъ, какъ *я*,—ты можешь быть моимъ окномъ, и *я* могу отдать *тебѣ* все... (курсивъ и многоточіе автора) для Третьяго" (стр. 198—200). Кончилось, однако, тѣмъ, что Маргаретъ сбѣжала-таки къ своему супругу и, пожалуй, особенно винить ее за это не приходится. Понять рѣчи почтеннаго профессора было въ самомъ дѣлѣ не легко, и возможно даже, что его теософическая метафизика любви напоминала бѣдной женщинѣ медоточивыя рѣчи благочестиваго пастора. Что-же мудренаго, если она старое предпочла „новому", которое такъ сильно отзывало тѣмъ-же старымъ?

Въ разсказѣ „Слишкомъ ранніе" тоже дѣйствуетъ „новый человѣкъ"—нѣкій Иванъ Сергѣевичъ К., самъ именующій себя „истиннымъ декадентомъ," и, повидимому, не безъ основанія. „Я,—объясняетъ онъ, —чувствовалъ себя въ лапахъ величественнаго серединнаго дьявола, я чувствовалъ все свое безсиліе послѣднее, навѣчное" (стр. 357). Такъ вотъ этотъ Иванъ Сергѣевичъ переписывается со своей пріятельницей по поводу драмы, въ которой онъ является героемъ. Женщина, любящая его безъ надежды на взаимность, проситъ его пріѣхать къ ней. Она рѣшила умереть, но ей нужно сначала услышать отъ него лично, что онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ ее оставить. Повинуясь какой-то невѣроятной „силѣ," Иванъ Сергѣевичъ спеціально совершаетъ путешествіе изъ Ниццы во Флоренцію и тамъ на вопросъ Марты: „Я не увижу васъ больше?"—отвѣчаетъ: „Нѣтъ... это невозможно,"—послѣ чего онъ уходитъ, а она тотчасъ-же бросается внизъ съ балкона и разбивается насмерть. Все это излагается въ пространныхъ письмахъ, разбавленныхъ разговорами объ искусствѣ, о живописи, о Боттичелли, о фрескахъ Беато Анджелико, о литературѣ („Я самъ принадлежу къ поколѣнію, открывшему Тютчева, Баратынскаго, которыхъ до насъ не зналъ и не цѣнилъ никто,"—заявляетъ Иванъ Сергѣевичъ на стр. 336) и въ особенности о декаденствѣ. „Декаденты,—пишетъ Иванъ Сергѣевичъ,—это тѣ, которые дошли до раздвоенія—и не удержались, упали въ плѣнительность предѣль-

ной дисгармоніи, и гибнутъ, потому что для нихъ уже нѣтъ соединенія. Декадентовъ губитъ ихъ тѣло. Декадентовъ губитъ ихъ душа. То, что̀, соединяясь, создаетъ силу,—въ раздѣльности только двѣ слабости". „Нѣтъ, есть упадокъ, есть гибель, и гибнущіе — мы, истинные декаденты — мы. Что мы можемъ? О, много. Мы можемъ сказать другимъ, что нужно соединеніе, что мы только не умѣемъ достичь его, а другіе, узнавъ, можетъ быть и дойдутъ. Для насъ въ этомъ великая радость. Пусть мы упадемъ, — это мостъ для того, кому суждено дойти" (стр. 360). Все это прекрасно, и мы смѣло можемъ предоставить Ивану Сергѣевичу К. съ его „поколѣніемъ" открывать Тютчева и Баратынскаго и даже писать „Юрія Милославскаго," если имъ угодно. Но вотъ относительно „гибели" и всего прочаго они, несомнѣнно, впадаютъ въ нѣкоторую разсѣянность: погибла вѣдь, собственно, Марта, къ писанію „Юрія Милославскаго" никоимъ образомъ не причастная (объ ней прямо сказано: „о, Марта не декадентка!"), а Иванъ Сергѣевичъ К. преблагополучно вернулся къ „старому князю Б.," при которомъ состоитъ „не то секретаремъ, не то компаньономъ (стр. 334)... „Вѣдь бывшіе декаденты очень практичны", — замѣчаетъ самъ Иванъ Сергѣевичъ, говоря о какомъ-то своемъ пріятелѣ; если же судить по его собственному примѣру, то тоже самое можно отнести и къ настоящимъ (или „истиннымъ") декадентамъ. По крайней мѣрѣ, „паденіе въ плѣнительность предѣльной дисгармоніи" и пребываніе „въ лапахъ величественнаго серединнаго дьявола" нисколько не помѣшало ему отлично обдѣлывать свои дѣлишки... При чемъ же тутъ „гибель"?

Г-жа Гиппіусъ на этотъ счетъ другого мнѣнія. Она съ убѣжденіемъ вторитъ своему герою и восклицаетъ (въ эпиграфѣ) стихами г-на Д. Мережковскаго:

Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Дѣлать нечего: надо вооружиться терпѣніемъ и собрать еще кое-что изъ дерзновенныхъ рѣчей г-жи Гиппіусъ, чтобы можно было судить о степени ихъ погибельности. Это будетъ не особенно трудно. Кромѣ „величественнаго серединнаго дьявола," треугольной жалости съ верхушкой, обращенной къ тому мѣсту, гдѣ должно быть сердце, и „окна къ... Третьему," мы найдемъ у нея еще многое въ томъ-же родѣ. Найдемъ, напр., еще окно... „въ непонятное, — темное, черное страшное окно, изъ котораго вѣрно что-то глядитъ, невидимое, въ душу человѣка, и душа трепещетъ и закрываетъ глаза", — такъ, на стр. 58 г-жа Гиппіусъ опредѣляетъ музыку. Найдемъ множество стилистическихъ перловъ вродѣ: „электричество давало бѣлые, равнодушно-грустные свѣты"

(стр. 16); „Тамъ пахло... дыханьемъ нѣсколькихъ немолодыхъ, бородатыхъ мужчинъ“ (стр. 249) и проч., и проч. Найдемъ, далѣе, слѣдующее великолѣпное вступленіе къ разсказу „Комета“: „Дѣтство менѣе раннее,—менѣе мило. Оно яснѣе, ближе: образы не такъ волшебны и туманно-велики. Но, какъ и первое, изумленное сознаніе простыхъ предметовъ міра въ самомъ далекомъ дѣтствѣ, съ рукъ няньки,—поразительны и первыя мысли дальше взора, первое ощущеніе вѣчной непонятности, ударъ о стѣну, которую мы, можетъ быть, перейдемъ только послѣ конца“ (стр. 287). Съ этимъ безподобнымъ пассажемъ можетъ соперничать только описаніе одного вечера въ „Сумеркахъ духа“: „Широкое окно было открыто настежь въ темный садъ, такой темный, такой черный, что, казалось, тамъ не садъ, а пустота, даже безъ воздуха—конецъ міра. Противъ окна, какъ разъ на противоположной, близкой стѣнѣ висѣло зеркало, такое-же широкое, какъ отворенное окно. И, повторяя въ себѣ окно, зеркало было такое-же пустое и черное, и у міра, казалось, было два конца, два края съ двухъ противоположныхъ сторонъ“ (стр. 56)... Если такія рѣчи и „дерзновенны“,—то только противъ здраваго смысла или противъ родного языка, надъ которыми г-жа Гиппіусъ чинитъ ежеминутныя насилія. А по содержанію—рѣчи ея не только не дерзновенны, а наоборотъ, смиренномудры, и даже до излишества, до того, что единственную во всей книжкѣ здраво задуманную вещь (носящую, правда, нелѣпое и ничего не выражающее заглавіе „Святая Плоть“) она сочла нужнымъ оборвать внезапной, совершенно немотивированной и глубоко фальшивой развязкой въ чисто піэтистическомъ духѣ... Выводъ изъ всего этого тотъ, что опасенія г-жи Гиппіусъ за судьбу „новыхъ людей“ совершенно напрасны: если имъ и ихъ начинаніямъ и угрожаетъ „гибель,“ то, надо полагать, это будетъ гибель самая тихая и безболѣзненная, обрѣтаемая въ волнахъ „медленной Леты“...

Сочиненія Ф. П. Купчинскаго. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Стихотворенія. Ч. II. Проза. Спб. 1902.

Изъ сочиненій г. Купчинскаго намъ больше всего понравилось предисловіе, въ которомъ разъясняется „назначеніе поэзіи въ наше прозаическое время“. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что поэзія есть *бальзамъ души*, и развиваетъ этотъ тезисъ слѣдующимъ образомъ: „Чѣмъ же будить свою душу въ молодости, когда она, усталая, *часто хочетъ засыпать?..* Что дарятъ душѣ посредствомъ органовъ нашего тѣла тѣ дивныя ощущенія, прохлаждающія, безконечно-цѣлительныя, пріятныя, то, что мы называемъ наслажденіемъ?.. *Это даритъ гармонія*; гармонія звуковъ, ласкающая нашъ слухъ черезъ барабанную перепонку уха“... Объяснивъ такимъ образомъ сущность и назначеніе поэзіи,

авторъ взываетъ къ молодежи: „Вамъ, пылкія, юныя сердца, нетронутые молодые умы,—пишетъ онъ,—...вамъ трудъ мой теперь, вамъ труды мои всегда послѣ!“ Однако, въ своихъ вдохновеніяхъ г. Купчинскій не забываетъ и всего человѣчества въ его цѣломъ. Обращаясь къ невѣдомому „брату“, онъ, безъ ложной скромности, говоритъ:

Я хочу тебѣ счастье, любовь и покой
Принести своимъ нѣжнымъ, свободнымъ стихомъ;
Я хочу чтобы ты былъ утѣшенъ потомъ (?)...

„Ты молчи“!—апострофируетъ г. Купчинскій „читателя“:

Ты молчи!.. Безъ словъ, безъ объясненья
Я пойму нѣмую грусть твою;
Ты въ стихахъ узришь свое мученье,
Лучше самъ поймешь печаль свою...

Не ограничиваясь утоленіемъ человѣческихъ скорбей, муза г. Купчинскаго громитъ нынѣшній „вѣкъ ума, безсердечный, жестокій“, погрязшій въ невѣріи и порокахъ. Въ стихотвореніи „Новому столѣтію“ поэтъ восклицаетъ: „Не научитъ ли (новое столѣтіе)

...правдѣ разумной,
Вѣрѣ сильной и жизни иной,
Гдѣ свободы нѣтъ дикой, безумной,
Съ ея страстью грѣховной и злой?..

И далѣе:

Человѣкъ побѣждаетъ природу
Геніально повсюду кругомъ;
Но во зло дорогую свободу
Обращаетъ холоднымъ умомъ!..

Недурны также и антологическія произведенія г. Купчинскаго. Особенно граціозными намъ показались слѣдующія строфы:

И вотъ я любилъ и весь міръ забывалъ,
И вѣрилъ, и ждалъ, и томился...
Вѣдь я же твои недостатки *видалъ!*
Зачѣмъ я такъ глупо влюбился?..

* * *

Такъ много въ тебѣ и поступковъ, и думъ,
Которыя мнѣ не по мысли,
Вѣдь ихъ осуждаетъ *холодно* мой умъ...
Зачѣмъ я люблю?.. *Поразмысли!..*

Такова „поэзія“ г. Купчинскаго. Что же касается его „прозы“, то объ ней совершенно достаточно сказать, что она ни по формѣ, ни по содержанію ни въ чемъ не уступаетъ статьѣ о „назначеніи поэзіи въ наше прозаическое время“...

Въ довершеніе всего, на обложкѣ красуется горделивый эпиграфъ:

«Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый»... (Лермонтовъ).

Ни болѣе, ни менѣе!..

Б. Е. Писаревскій. Горошки. Изъ жизни мелкаго муравейника. Изд. Германа. Одесса. 1902.

Жизнь еврейскаго народа и тѣ измѣненія, которыя въ ней наблюдаются за послѣднее время, такъ мало знакомы русской читающій публикѣ и такъ сильны еще предразсудки, связанные съ именемъ еврея, что каждая книга, пытающаяся освѣтить внутренній бытъ еврейской массы, уже по одному этому, заслуживаетъ вниманія. Книга г. Писаревскаго въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія, хоть авторъ далеко не справился съ своей задачей— уловить смѣну старыхъ понятій новыми, отмѣтить ростъ сознанія въ массѣ, выяснить значеніе еврейской интеллигенціи для своего народа.

Въ ничтожномъ еврейскомъ мѣстечкѣ Горошкахъ идетъ упорная борьба изъ-за вакантнаго мѣста габэ (старосты); кандидатомъ партіи „порядка" является старый ростовщикъ, держащій въ рукахъ все мѣстечко; „апикойресы" (вольнодумцы) поддерживаютъ небогатаго, но интеллигентнаго еврея. Мѣсто габэ, въ концѣ концовъ, остается за послѣднимъ. Таковъ сюжетъ повѣсти г. Писаревскаго и сюжетъ этотъ, не смотря на всю бѣдность его, могъ бы дать очень цѣнный матерьялъ для характеристики еврейства, если бы за него взялся человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ художественнымъ дарованіемъ—во-первыхъ, и во-вторыхъ—ясно понимающій различіе между „старымъ" и „новымъ". О г. Писаревскомъ, къ сожалѣнію, нельзя сказать ни того, ни другого. „Его „новые" люди, если въ нихъ всмотрѣться поближе, мало чѣмъ отличаются отъ „старыхъ" и ростовщикъ ребъ Хаимъ Пайкелесъ по духу родной братъ „апикойресу" Рабиновичу или своему сопернику, кандидату въ габэ Ребъ Мееръ Сапожникову. Пайкелесъ грабитъ обывателей мѣстечка, пишетъ доносы и публично называетъ Рабиновича „сицилистомъ". Горошковскіе интеллигенты, хотя и не пишутъ доносовъ, но или близки съ мѣстными Иванами Тимофеевичами (у доктора Бобовича „добрыя отношенія съ урядникомъ", на учителя Рабиновича становой приставъ, ознакомившись съ его убѣжденіями, смотритъ „вполнѣ благожелательно"), или ѣздятъ совѣтоваться къ цадику, какъ довести конкуррента до банкротства, при чемъ, когда послѣдній разоряется, у нихъ „на душѣ дѣлается такъ легко, что прыгать хочется" (адвокатъ Фиморинъ); наконецъ, всѣ „апикойресы" въ одинъ голосъ заявляютъ, что нѣтъ ничего „оскорбительнаго для храма Божія, если въ него заглянетъ приставъ"... для возстановленія нарушенныхъ тишины и спокойствія. Врядъ ли указанныя черты могутъ слу-

жить основаніемъ для того, чтобы утѣшаться „новымъ“ и противополагать его „старому“—„темнотѣ и подлости“, какъ выражается г. Писаревскій; при томъ же его интеллигенты ничѣмъ, кромѣ разговоровъ, не занимаются, въ чемъ ихъ и уличаетъ дочь Сапожникова,—Брана, тоже „апикойристка“ и тоже проповѣдница малыхъ дѣлъ. Положимъ, разговоры горошковскіе интелигенты ведутъ все на возвышенные темы, съ разсужденіями объ „обезличенномъ и измученномъ бѣдномъ братѣ“ и о долгѣ передъ народомъ, а души ихъ, по заявленію г. Писаревскаго, наполняетъ „могучій приливъ тоски“, но это, какъ мы уже видѣли, не мѣшаетъ имъ радоваться, если конкуррентъ пойдетъ по міру, или жать руку, чуть ли не „шпіунамъ“, какъ говоритъ ребъ Мееръ Сапожниковъ. Неужели же „новое“—въ „могучемъ приливѣ тоски“ и еврейство такъ бѣдно духовными силами, что лучшими представителями его являются „сицилистъ“ Рабиновичъ и „апикойресъ“ Фиморинъ?.. Несомнѣнно отъ г. Писаревскаго въ жизни еврейства ускользнуло многое.

И. Зангвилль. Трагедіи Гетто. Переводъ съ англійскаго. Изданіе редакціи «Восхода». Спб. 1902.

Одинъ изъ разсказовъ Зангвилля былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ, читателямъ котораго до нѣкоторой степени знакомо дарованіе оригинальнаго англійскаго писателя. И тѣмъ, кто знаетъ, что большинство его разсказовъ имѣетъ мѣстомъ дѣйствія современный Лондонъ, пожалуй, покажется страннымъ названіе, подъ которымъ онъ соединилъ свои разсказы. Гетто?—вѣдь гетто не существуетъ. Есть среди евреевъ и ихъ враговъ оригинальные политики и мечтатели, которые желали бы возстановить съ тѣми или иными варіаціями средневѣковый институтъ, но мы знаемъ, что это имъ не удастся и что гетто и всѣ его „прогрессивныя“ варіаціи окончательно ушли въ глубь исторіи. Однако, Зангвилль правъ: и не только потому, что міръ, изображаемый имъ, имѣетъ настолько особенную форму, что заслуживаетъ особеннаго имени; но также потому, что это міръ замкнутый, самодовлѣющій даже въ цѣпкой, всенивеллирующей сутолокѣ мірового торговаго центра. Въ сущности евреи — поскольку они евреи—всегда живутъ въ нѣкоторомъ гетто; тѣмъ болѣе должна своими особенностями выдѣляться ихъ община тогда, когда она состоитъ изъ польскихъ евреевъ и находится въ Лондонѣ: большаго контраста, пожалуй, не выдумаешь. Сынъ польскаго выходца, уже родившійся въ Лондонѣ, Зангвилль самъ принадлежитъ къ этому своеобразному міру, выросъ въ немъ, выросъ изъ него и хорошо его знаетъ. Это не дѣлаетъ его, однако, тѣмъ реалистомъ, какого видитъ въ немъ хотя бы Карпелесъ; нѣмецкому критику, воспитанному на реализмѣ Гейзе или

Шпильгагена можетъ показаться, что сила Зангвилля въ его объективности, что въ каждой строкѣ его чувствуется правда и т. д. Въ сущности и Зангвилль раздѣляетъ традиціонную и лишь медленно уступающую стороннимъ вліяніямъ склонность еврейскаго поэта—отъ поэтовъ Ветхаго Завѣта до Гейне—къ лиризму въ ущербъ эпическому изображенію жизни. У Зангвилля этотъ лиризмъ принимаетъ форму романтической фантастики. Отдѣльныя фигуры у него, дѣйствительно, производятъ впечатлѣніе хорошо схваченной правды жизни, но въ иныхъ образахъ, а еще чаще въ сюжетахъ, явно созданныхъ прихотливымъ воображеніемъ, оторвавшимся отъ дѣйствительности, подчасъ слишкомъ много выдумки.

Но живой изобразительный талантъ беретъ свое, и міръ героевъ Зангвилля слишкомъ интересенъ, чтобы эта фантастика мѣшала знакомству съ нимъ. Въ сущности мы имѣемъ предъ собою гигантскій соціологическій экспериментъ; взята группа, одновременно извѣстная и своею удивительною устойчивостью, и чрезвычайной приспособляемостью: эти противорѣчивыя съ виду свойства евреевъ достаточно общеизвѣстны, чтобы это утвержденіе не показалось парадоксомъ; эта группа, достаточно компактная, чтобы не распасться, поставлена въ водоворотъ перекрещивающихся вліяній чрезвычайной силы. Что будетъ съ каждой изъ разнообразныхъ индивидуальностей, составляющихъ группу? Какія прихотливыя формы приметъ эта комбинація несовмѣстимыхъ вліяній? Какіе новые виды человѣческой особи дастъ эта обширная культурная гибридизація? Отвѣтомъ на это—конечно, лишь слабымъ опытомъ отвѣта — служатъ образы Зангвилля, пожалуй, и самъ онъ,—сынъ польскихъ евреевъ, популярный англійскій писатель, сперва учитель и проповѣдникъ, потомъ редакторъ журнала, романистъ и критикъ, уже пропитанный элементами англійской культуры, но еврейскій націоналистъ. И за этой пестротой біографіи автора, которую раздѣляютъ судьбы его героевъ, открывается, конечно, неповторяющаяся пестрота индивидуальностей, дѣлающая ихъ интересными. Но не съ однимъ холоднымъ интересомъ отнесется къ нимъ вслѣдъ за авторомъ читатель. Дорого стоютъ живому человѣку историко-соціологическіе опыты, продѣлываемые надъ нимъ; и то, что въ нѣкоторомъ теоретическомъ отдаленіи представляется намъ любопытной и чреватой выводами абстрактной комбинаціей, то въ непосредственной реальности художественнаго изображенія оказывается скопищемъ горя и внушаетъ намъ не научныя формулы, а слезы сочувствія. И знакомство съ прекрасными разсказами Зангвилля даетъ читателю полное представленіе о той правдѣ, которая вложена въ буквальномъ смыслѣ *сострадающимъ* авторомъ въ его заглавіе: это не просто жизнь гетто, а

та форма, которую она здѣсь легко и естественно принимаетъ— это безконечная трагедія.

М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Изд. Суворина. Спб. 1902.

Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои газетныя статьи о нѣсколькихъ выдающихся представителяхъ современнаго итальянскаго романа. Фельетоны, имѣвшіе смыслъ и значеніе въ газетѣ, онѣ остались фельетонами въ книгѣ и не соотвѣтствуютъ повышеннымъ требованіямъ, которыя надлежало бы предъявить въ такомъ случаѣ. Но цѣли автора скромны—онъ желалъ бы только возбудить въ читателѣ стремленіе хоть немного познакомиться съ интересными явленіями современной изящной словесности итальянцевъ—и какъ ни мало онъ для этого дѣлаетъ, самый предметъ возбуждаетъ любопытство. Особенно яркихъ и глубоко своеобразныхъ явленій мы здѣсь не найдемъ; нѣтъ ихъ совсѣмъ или мелко плавающій обозрѣватель не сумѣлъ ихъ понять и выяснить,—мы во всякомъ случаѣ вынесемъ изъ обзора лежащаго предъ нами не слишкомъ сильное впечатлѣніе. Можно съ удовольствіемъ читать Амичиса, Вергу, Фогаццаро, Серао, подчасъ даже д'Аннунціо, можно съ успѣхомъ пользоваться ихъ произведеніями для знакомства съ нравами, бытомъ и духовными запросами современной Италіи во всемъ разнообразіи ея общественныхъ слоевъ, но невозможно найти во всей этой литературѣ что-либо устойчиво-оригинальное, что-нибудь серьезно свое, не въ бытовыхъ подробностяхъ, прекрасныхъ у итальянскихъ веристовъ, но въ глубокихъ проявленіяхъ національнаго генія: невозможно не признать, что современная итальянская беллетристика движется исключительно по колеямъ общеевропейскихъ литературныхъ тенденцій. Художественный компиляторъ д'Аннунціо есть какъ бы правдивая каррикатура на эту маленькую самостоятельность, сумѣвшую найти лишь родныя темы, но не давшую ни своихъ формъ, ни своихъ мотивовъ, которые показались бы чѣмъ-то дѣйствительно невиданнымъ иностранному читателю. И, быть можетъ, не такъ ужъ неправы старые итальянскіе цѣнители литературы, для которыхъ родная изящная словесность не дала ничего послѣ „Promessi sposi" Манцони: тамъ было настоящее литературное движеніе, здѣсь есть лишь броженіе, свидѣтельство о присутствіи жизни,—ждущей организующаго начала. Интересный и въ общемъ симпатичный матеріалъ для чтенія, вся современная итальянская беллетристика есть трудъ второстепенныхъ дарованій, литературныхъ полезностей, которыя заполняютъ эпоху, но не дѣлаютъ ея. Знакомство съ ними во всякомъ случаѣ полезно для русскаго читателя и заслуживало бы болѣе внимательнаго посредничества.

Два слова объ одномъ незначительномъ эпизодѣ въ книгѣ г. Иванова. Авторъ очень недоволенъ какимъ-то рецензентомъ изъ „Новостей“, который нашелъ языкъ одного изъ его переводовъ съ итальянскаго не вполнѣ удовлетворительнымъ; при этомъ не обошлось, конечно, безъ подмигиванія насчетъ „русскаго языка, которымъ объясняются въ „Новостяхъ“. Однако, въ своей новой книгѣ г. Ивановъ пишетъ: „гравюра головы философа“, „тридцать процентовъ на сто“, „дочь прошла только сельскую школу, скудныя знанія которой дополняла чтеніемъ Gartenlaube, выписывавшимся ею“, „обязательная всѣмъ деревенская школа“ и т. п. Или это въ органѣ, гдѣ работаетъ г. Ивановъ, считаютъ правильнымъ? Напрасно въ такомъ случаѣ онъ не платитъ товарищамъ по газетѣ такою же снисходительностью. Онъ говоритъ о „бредняхъ разныхъ туристовъ, черпающихъ свои свѣдѣнія изъ французскихъ газетъ или же въ обиходѣ кафе-шантановъ“. Печатая свои статьи рядомъ съ путевыми очерками г. Скальковскаго, надо быть осторожнѣе.

Генри Джоржъ. Запутавшійся философъ. Разборъ мнѣній Герберта Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Изданіе Л. Пантелѣева. Спб. 1902 г.

Въ разбираемой нами книгѣ Генри Джоржъ занимается, какъ это и видно по подзаголовку, тѣми же вопросами, которые составляютъ содержаніе „Прогресса и бѣдности“, вопросами о поземельной собственности и единомъ налогѣ. Только здѣсь вопросы эти разсматриваются съ другой стороны и, пожалуй, съ помощью другихъ пріемовъ. Въ „Прогрессѣ и бѣдности“ обсуждается преимущественно политико-экономическая сторона этихъ проблемъ и притомъ обсуждается систематически, въ „Запутавшемся философѣ“ эти вопросы разсматриваются съ этической стороны, и обсужденіе ихъ носитъ полемическій характеръ. Вся книга занята разсмотрѣніемъ взглядовъ Спенсера на поземельный вопросъ, начиная съ 1850 года, когда Спенсеръ въ „Соціальной статикѣ“ считалъ національзацію земли справедливой, необходимой, и своевременной мѣрой, и кончая 1891 годомъ, когда Спенсеръ въ „Справедливости“, 4-ой части своей „Этики“, высказался противъ національзаціи земли, на томъ основаніи, что мѣра эта явится нарушеніемъ справедливости. Позиція, занятая Спенсеромъ, очень облегчаетъ задачу Джоржа. Ему не трудно доказать (да это ему и не приходится доказывать самостоятельно, такъ какъ это уже сдѣлано Спенсеромъ въ „Соціальной статикѣ“), что, признавая основнымъ принципомъ нравственности положеніе: „каждый человѣкъ можетъ требовать самой полной свободы для проявленія своихъ способностей, совмѣстимой съ такой же свободой всѣхъ другихъ

людей",—необходимо признать равное право всѣхъ людей на пользованіе землей. Затѣмъ ему остается только опровергнуть защищаемое Спенсеромъ въ „Справедливости" положеніе, единственно логически оправдывающее перемѣну его взглядовъ. Согласно этому положенію, въ случаѣ націонализаціи земли землевладѣльцы вправѣ требовать отъ государства вознагражденія за всю цѣнность принадлежащей имъ земли (за вычетомъ той ничтожной цѣнности, которой обладала земля въ дикомъ, необработанномъ видѣ), такъ какъ вся эта цѣнность является продуктомъ улучшеній, произведенныхъ землевладѣльцами, и было бы несправедливо лишать ихъ произведеній ихъ труда. И Генри Джорджъ блистательно выполняетъ эту часть своей задачи. Онъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что Спенсеръ пришелъ къ подобному взгляду отчасти по логической непослѣдовательности, отчасти же потому, что онъ не понимаетъ природы ренты, игнорируетъ тотъ фактъ, что значительная часть цѣнности земли является не результатомъ труда или усилій землевладѣльца, а плодомъ соціальнаго развитія, и потому общество и можетъ ей воспользоваться по всей справедливости.

Менѣе удачны философскія экскурсіи Генри Джорджа и его нападки на личность Спенсера. Въ своихъ философскихъ экскурсіяхъ онъ старается установить связь между философскими взглядами Спенсера, стремящимися „убить надежду на жизнь въ иномъ мірѣ", и его соціальными взглядами, отрицающими „у народной массы право на жизнь здѣсь, на землѣ". Не входя въ обсужденіе того, насколько вѣрно понялъ Генри Джорджъ философію Спенсера, замѣтимъ только, что многимъ связь между извѣстными философскими и соціальными воззрѣніями представляется совершенно иною. Если же мы обратимся къ историческому опыту XIX столѣтія, то увидимъ, что онъ не подтверждаетъ ни того, ни другого воззрѣнія въ цѣломъ, но увидимъ также, что вѣсы все же склоняются скорѣе въ пользу второго пониманія этой связи.

Также неудачны старанія Генри Джорджа изобличить Спенсера въ неискренности и даже недобросовѣстности, представить его „переметной сумой", человѣкомъ, мѣняющимъ свои взгляды „въ угоду господину Джону и Его Милости". Факты, приводимые Генри Джорджемъ въ его книгѣ,—а книга эта въ значительной своей части представляетъ собою не что иное, какъ обвинительный актъ — недостаточны, чтобы поколебать представленіе о независимомъ характерѣ Спенсера: объ этомъ независимомъ характерѣ свидѣтельствуетъ восемьдесятъ лѣтъ безупречной жизни философа, и еще недавно мы видѣли Спенсера въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые съ самаго начала выступили съ мужественнымъ протестомъ противъ Трансваальской войны. Печально, конечно, что и могучій умъ и независимый характеръ Спенсера

не застраховываютъ его отъ слишкомъ обычныхъ человѣческихъ слабостей, что и онъ съ годами отвертывается отъ идеаловъ своей юности, но это всетаки не даетъ намъ еще права обвинять его въ недобросовѣстности и угодливости передъ сильными міра сего.

Мы, однако, еще ничего не сказали о томъ, что составляетъ въ нашихъ глазахъ главное достоинство книги, не говорили ничего о благородномъ идеализмѣ, которымъ она проникнута. И въ тонкихъ разсужденіяхъ автора по вопросу о вознагражденіи землевладѣльцевъ, и въ наивныхъ его экскурсіяхъ въ область философіи и въ рѣзкихъ нападкахъ на личность Спенсера ярко выступаетъ передъ нами обаятельная индивидуальность человѣка. Вы чувствуете, что Генри Джоржъ съ полнымъ правомъ требуетъ отъ читателя самостоятельности мышленія, что онъ вправѣ привлечь Спенсера къ нравственному суду, требовать отъ него чтобы онъ былъ „прямымъ человѣкомъ“. Вы чувствуете, что Генри Джоржъ дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ, гораздо рѣже, чѣмъ это намъ кажется, встрѣчающихся авторовъ, которые приходятъ къ своимъ взглядамъ тернистымъ путемъ самостоятельнаго мышленія и безстрашно вступаютъ потомъ на другой путь—путь отстаиванія своихъ, купленныхъ дорогою цѣной, убѣжденій. По прочтеніи этой книги, читатель можетъ не согласиться съ тѣмъ или инымъ взглядомъ автора, можетъ признать несправедливыми его нападки на Спенсера, но и заблужденія, и несправедливости не уменьшаютъ цѣнности книги, и даже, какъ это ни звучитъ парадоксомъ, увеличиваютъ эту цѣнность: и заблужденія, и несправедливости автора всегда искренни, всегда исходятъ изъ благороднаго источника. Мы, поэтому, горячо рекомендуемъ его книгу всѣмъ тѣмъ, кто интересуется соціальными вопросами и ищетъ въ книгѣ поученія: они найдутъ то, что ищутъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ книги; но мы еще болѣе горячо рекомендуемъ книгу тѣмъ читателямъ, которые цѣнятъ въ книгѣ не только поученіе, но и проявленіе благородной индивидуальности автора: для нихъ будетъ цѣнна *вся* книга.

Переведена книга хорошимъ литературнымъ языкомъ.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на западѣ. Спб. 1902.

Популярная книга г. Ардашева посвящена одной изъ весьма важныхъ историческихъ темъ и вѣроятно привлечетъ вниманія нашего „самообразовывающагося“ читателя, для котораго, она преимуществу, и предназначена.

П. Н. Ардашевъ излагаетъ въ своей книгѣ не всю исторію абсолютной монархіи на западѣ Европы, но лишь часть ея, кажущуюся ему наиболѣе характерною. Онъ говоритъ объ итальян-

скомъ принципатѣ эпохи возрожденія, объ абсолютизмѣ въ Испаніи и Франціи, — кончая свое изложеніе вѣкомъ Людовика XIV. По мнѣнію автора, „романскій абсолютизмъ отмѣченъ печатью оригинальности и творчества, абсолютизмъ германскій—печатью заимствованія и подражанія". Намъ кажется, что, во-первыхъ, изложеніе развитія абсолютизма значительно поблѣднѣло у г. Ардашева отъ такого добровольнаго и совершенно произвольнаго суженія темы, и, во-вторыхъ, что противопоставленіе романскаго абсолютизма германскому, дѣлаемое авторомъ, — вовсе не выигрываетъ въ убѣдительности отъ афористичной формы, въ которой высказано. Начать съ того, что самъ же г. Ардашевъ значительно ограничиваетъ область „оригинальности" и „творчества" новѣйшихъ романскихъ народовъ, утверждая (и, конечно, вполнѣ справедливо), что „идейная основа абсолютной монархіи новаго времени восходитъ исторически къ римскимъ государственно-правовымъ традиціямъ". Что же касается оригинальности и самобытности въ конкретномъ осуществленіи абсолютистской идеи, то мы позволимъ себѣ спросить автора, чѣмъ Филиппъ II испанскій болѣе самобытенъ, нежели, напримѣръ, германскіе курфюрсты временъ реформаціи и временъ борьбы съ католическою реакціею? Почему Медичи внесли въ развитіе этой идеи больше „творчества", нежели Лютеръ и лютеранскіе проповѣдники (особенно до начала піэтистскаго движенія, нѣсколько очистившаго угодническую и рабскую атмосферу лютеранской умственной жизни)? Чѣмъ испанскіе Габсбурги въ данномъ отношеніи „оригинальнѣе", нежели Габсбурги австрійскіе?

Если бы ни чѣмъ не подтвержденная мысль г. Ардашева была брошена вскользь, это еще было бы полбѣды. Вся бѣда въ томъ, что, отчасти благодаря ей *), любопытнѣйшія разновидности историческаго европейскаго абсолютизма остались внѣ кругозора автора. Не произойди этого, быть можетъ, читатель наглядно увидѣлъ бы, что разнохарактерная въ мелочахъ, единая по существу природа абсолютной монархіи во всѣхъ своихъ наиболѣе яркихъ (по преимуществу внѣшнихъ) отличіяхъ обусловливалась всегда матеріальною обстановкою соціально-политической жизни тѣхъ странъ, гдѣ эта монархія возникала, и что теоретическое „творчество" играло здѣсь вполнѣ подчиненную и третьестепенную роль.

Отъ того, чего нѣтъ въ книгѣ г. Ардашева, перейдемъ къ тому, что въ ней есть. На стр. 25-й читаемъ: „не смотря на почти двухвѣковое существованіе абсолютизма въ Италіи, послѣдній отмѣченъ здѣсь характеромъ эфемерности и непрочности. Онъ

---

*) Отчасти же благодаря мнѣнію, что объ абсолютной монархіи въ германскихъ странахъ почему-то «удобнѣе трактовать въ связи съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ XVIII вѣка».

выставилъ много небольшихъ, часто крошечныхъ деспотій и множество отдѣльныхъ князей-тирановъ, изъ которыхъ иные успѣли упрочить на болѣе или менѣе продолжительное время своимъ потомкамъ случайно доставшійся престолъ"... „Итальянскій абсолютизмъ былъ мелокъ и мелоченъ"... „Въ Италіи мы видимъ множество каррикатуръ на монархію и ни одной настоящей монархіи, множество мелкихъ князей-тирановъ и *ни одной крупной фигуры, на которую можно было бы указать, какъ на политическое воплощеніе эпохи*". Эта послѣдняя фраза находится на 26-й страницѣ, а ровно черезъ 20 страницъ (на 46-й), авторъ категорически (и подѣломъ!) себя самого опровергаетъ: „политическая философія Макіавелли представляетъ собою *такое же яркое отраженіе эпохи въ области идей, какимъ личность Цезаря Борджіа является въ области фактическихъ отношеній*". Жаль, что изложеніе прерывается (въ главѣ объ Италіи) на началѣ XVI вѣка, — иначе авторъ, не отступая отъ исторической истины, долженъ былъ бы столь же рѣшительно опровергнуть и другое свое утвержденіе — объ „эфемерности и непрочности" абсолютизма. Вѣдь дѣло идетъ не о династіяхъ, которыя въ Италіи были скоропреходящи (да и то съ исключеніями, о которыхъ авторъ позабылъ, — онъ ничего не сказалъ объ одной изъ древнѣйшихъ династій Европы — савойской); но династическій принципъ въ исторіи вовсе не долженъ смѣшиваться (и никогда не смѣшивается) съ принципомъ абсолютистскимъ,—абсолютизмъ же въ Италіи, расцвѣтшій въ XIV—XVI вв., благополучно продержался вплоть до средины XIX столѣтія. Привычки самаго неограниченнаго произвола, создавшіяся (вѣрнѣе, упрочившіяся) въ эпоху Висконти, Медичи, Сфорца и др., существовали въ полной силѣ и въ XVI—XVIII вв., при испанскихъ намѣстникахъ въ Неаполѣ, при папскихъ губернаторахъ въ Романьѣ, при Бурбонахъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій (даже вплоть до похода Гарибальди), въ Римѣ при „добрыхъ" и „недобрыхъ" папахъ и ихъ инквизиторахъ (отнюдь не уступавшихъ въ энергіи своимъ испанскимъ собратьямъ), при герцогахъ— въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ. Не кончился, а *начался* абсолютистскій періодъ въ Италіи въ эпоху возрожденія, и цѣлый рядъ итальянскихъ поколѣній,—послѣдніе представители которыхъ еще живутъ въ наши дни, — на себѣ испыталъ, легко-ли было разрушить это наслѣдіе вѣковъ и точно-ли оно было „эфемерно"...

Главы, касающіяся Испаніи и Франціи представляютъ собою лучшую часть книги. Содержательный, послѣдовательный, богатый правдиво изложенными фактами разсказъ приводитъ автора къ ряду выводовъ, которые можно назвать весьма убѣдительными и мотивированными. „Мегаломанія", стремленіе къ расширенію территоріальныхъ предѣловъ, была лишь одною изъ причинъ, способствовавшихъ паденію самыхъ величественныхъ зданій

абсолютизма; „въ лицѣ Филиппа II (испанскаго) потерпѣла крушеніе та политика, которая нашла въ немъ свое наиболѣе полное воплощеніе: политика католической реакціи въ соединеніи съ политическимъ абсолютизмомъ во внутренней и съ мегаломаніей во внѣшней политикѣ". Вѣроисповѣдная и національная исключительность, произволъ и политическія авантюры погубили Испанію. Французскій абсолютизмъ очерченъ г. Ардашевымъ еще болѣе увѣренными и отчетливыми штрихами, нежели абсолютизмъ испанскій. Фискальные порядки старой французской монархіи, „истощая плательщика непосильнымъ бременемъ, въ то же время подтачивали въ корнѣ его хозяйственное благосостояніе, подрывая прямо или косвенно производительность его труда". Обнищаніе и одичаніе народа во Франціи шли параллельно съ прогрессирующимъ „обожествленіемъ" особы короля. Столь блестящее съ внѣшней стороны правленіе Людовика XIV, по справедливому выраженію автора, было „для огромнаго большинства націи—долгимъ и тяжелымъ кошмаромъ". Кончается работа г. Ардашева слѣдующими словами объ эпохѣ Людовика XIV: „за это долгое, но отнюдь не „великое" царствованіе окончательно сложился въ своихъ главныхъ чертахъ старый порядокъ во Франціи, при чемъ окончательно установились и тѣ отрицательныя стороны послѣдняго, которыя роковымъ образомъ привели къ великому перевороту, начавшемуся въ 1789 г. Въ исторіи царствованія Людовика XIV—ключъ къ историческому уразумѣнію великой французской революціи". Во всей главѣ о Франціи чувствуется спеціалистъ, авторъ интереснаго изслѣдованія изъ предреволюціонной эпохи (о провинціальныхъ интендантахъ при старомъ порядкѣ).

Отмѣченныя выше погрѣшности, конечно, не помѣшаютъ намъ признать, что наша историческая популярная литература обогатилась еще одной очень полезной и интересно написанной книгой.

Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII вѣка. Составили по Боннемеру, Зеве(о)рту, Ковалевскому, Гуго и др. И. Степановъ и В. Базаровъ. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1902.

Лежащая предъ нами книжка то же можетъ быть причислена къ полезнымъ популярнымъ изданіямъ. Составляя часть интереснаго коллективнаго нѣмецкаго труда, написаннаго подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, она дополнена въ русскомъ изданіи ссылками на нѣкоторыя работы, неиспользованныя въ оригиналѣ. Мы встрѣтили здѣсь ссылки на нѣкоторыя русскія книги и изданія, имѣющія отношеніе къ экономической исторіи (М. М. Ковалевскаго, Н. И. Карѣева, И. В. Лучицкаго, Е. В. Тарле, Г. Е. Афанасьева). Построена книжка съ методологической точки

зрѣнія весьма обдуманно: сначала излагается соціально-политическая исторія извѣстной эпохи, а потомъ уже теоріи улучшенія общественнаго быта и критика настоящаго,—выросшія на раньше обрисованной общественной почвѣ. Такъ, за очерками кальвинизма, эпохи фронды, Людовика XIV, политики хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ, исторіи крестьянъ и сельскаго духовенства,—идетъ глава о Жанѣ Мелье,—безпощадномъ соціально-религіозномъ отрицателѣ конца XVII и начала XVIII в., сельскомъ священникѣ, представившемъ уничтожающую критику современнаго ему общественнаго быта. Вслѣдъ за главою о промышленности въ XVI—XVII вв. идетъ разсказъ о Верассѣ, утопистѣ эпохи Людовика XIV и о другихъ, менѣе любопытныхъ авторахъ „государственныхъ романовъ“ XVII—XVIII вв. Но справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на всю безукоризненность этого пріема съ методологической точки зрѣнія,—самое описаніе и анализъ фактовъ въ главахъ по соціальной исторіи довольно поверхностны и бѣглы. Собственно экономической характеристики, мы не находимъ *вовсе*; но и соціальная, классовая структура стараго порядка очерчена слишкомъ афористически и, кое-гдѣ, сбивчиво. За то литературная часть,—изложеніе утопій и ученій,—исполнена превосходно, не только съ глубокимъ знаніемъ излагаемаго, но и съ весьма большимъ литературнымъ тактомъ, всегда вѣрно указывающимъ, что—главное, а что—второстепенное въ томъ или иномъ ученіи. Эта книга прямо подводитъ читателя къ второй половинѣ XVIII вѣка и чрезвычайно плодотворно можетъ повліять на уничтоженіе того предразсудка, которымъ иногда бываютъ заражены головы людей, склонныхъ смѣшивать исторію съ господиномъ Иловайскимъ,—предразсудка, будто послѣ Корнеля и Расина во французской литературѣ, немного погодя, сразу явились Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты. Между классическимъ и энциклопедическимъ періодами французская мысль далеко не спала,—и этому-то промежутку и посвящена, въ значительной мѣрѣ, разсматриваемая книга.

Переводъ ея хорошъ. Укажемъ только на нѣкоторые замѣченные нами промахи. На стр. 15 читаемъ: „его изображеніе опустошительнаго хозяйничанья деспотизма такъ ярко и живо, и въ то же время тамъ рѣзко и вѣрно характеризуетъ состояніе тогдашней Франціи, что является непреодолимая склонность признать въ индостанскомъ деспотизмѣ отраженіе французскаго деспотизма“. Очевидно, нужно сказать: „*въ изображеніи* индостанскаго деспотизма“,—ибо иначе фраза не имѣетъ смысла. На стр. 8: „Смерть короля Генриха III,—онъ палъ въ 1589 году подъ ножомъ фанатика-доминиканца Якоба Клемента,—содѣйствовала дальнѣйшему возрастанію путаницы“. Не можемъ не замѣтить, что переименованіе Жака Клемана въ какого-то нѣмецкаго „Якоба

Клемента“ также, съ своей стороны, „содѣйствуетъ дальнѣйшему возрастанію путаницы“. Ретифъ де-ла-Бретоннъ всюду называется „Рестифомъ“. На стр. 39: „нѣсколько времени тому назадъ мы видѣли, какъ единственное у насъ общество вооруженныхъ людей *отразило* половину Франціи и т. д.“. Что это обозначаетъ? Рѣчь идетъ о грабежахъ,—вооруженными бандами,—жилищъ мирныхъ обывателей. При чемъ же тутъ слово „отразило?“

Не смотря на эти мелкіе промахи, переводъ, повторяемъ, читается весьма легко. Цѣна этой полезной книги,—50 коп. за 150 стр. большого формата и мелкаго шрифта — весьма доступная.

III. Сеньобосъ. Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею **П. С. Когана.** Москва, 1902.

Книга извѣстнаго у насъ своею „Политическою исторіею Европы въ XIX вѣкѣ“ французскаго профессора представляетъ собою весьма содержательный, не смотря на всю свою краткость, трудъ по методологіи историческихъ занятій и исторической науки. При совершенно неудовлетворительной постановкѣ практическихъ занятій на историко-филологическихъ и юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ переводъ книжки Сеньобоса можно особенно живо привѣтствовать. Русскимъ студентамъ еще необходимѣе, нежели французскимъ или нѣмецкимъ, литературное пособіе которое давало бы имъ рядъ методологическихъ указаній и совѣтовъ, трактующихъ о томъ, какъ анализировать главнѣйшіе матеріалы всѣхъ соціальныхъ наукъ—т. е. документы; какъ приступать ко всей массѣ сложныхъ подготовительныхъ работъ, какими главными, обязательными принципами руководиться въ сформированіи научнаго мнѣнія и т. д. Работа Сеньобоса настолько удовлетворяетъ этимъ запросамъ,—насколько это возможно по самой природѣ вещей, насколько, напримѣръ, хорошій учебникъ плаванія можетъ научить плавать...

Вторая часть книги, трактующая о природѣ соціальной исторіи, о ея подраздѣленіяхъ, о спеціальныхъ трудностяхъ этой науки имѣетъ нѣкоторый интересъ уже не только для будущихъ спеціалистовъ, но и для образованной публики вообще. Вотъ какія заключенія выводитъ Сеньобосъ изъ своего труда: историческій методъ необходимъ для подготовительной работы даже при изученіи современныхъ обществъ,—такъ какъ большая часть матеріала соціальныхъ наукъ заключается не въ научныхъ наблюденіяхъ, а въ документахъ, пользоваться которыми мы можемъ только съ помощью критической работы. Кромѣ того, построеніе полной соціальной науки требуетъ изученія эволюціи соціальныхъ явленій, т. е. соціальной исторіи. Нужно сказать, что соціальную исторію, въ частности—хозяйственную, и ея мѣсто во всемірной исто-

рической эволюціи Сеньобосъ понимаетъ нѣсколько сбивчиво. Можно признавать произвольнымъ узко-матеріалистическое пониманіе историческаго процесса, но безспорнымъ архаизмомъ звучитъ и такого рода идеологическое построеніе: „интеллектуальная жизнь людей, нравы ихъ частной жизни, ихъ политическая организація опредѣляются не формой ихъ производительной дѣятельности; напротивъ того, именно форма ихъ интеллектуальной, частной и политической жизни *приводитъ ихъ* къ той или другой формѣ экономической жизни“. Подчеркнутыя нами слова столь же метафизичны и бездоказательны, какъ и діаметрально противоположныя утвержденія Лоріа или Энгельса. Вообще, сильный методологъ, тонкій изслѣдователь и критикъ, прекрасный разсказчикъ—Сеньобосъ довольно слабый исторіософъ.

Вильгельмъ Гумбольдтъ говорилъ, что историкъ долженъ подвигаться къ познанію исторической правды разомъ двумя путями: во-первыхъ, путемъ точнаго и безпристрастнаго критическаго изслѣдованія совершившагося и, во-вторыхъ, обобщеніемъ изслѣдованнаго, предугадываніемъ того, что первымъ путемъ недостижимо. Конкретный умъ Сеньобоса силенъ на первомъ пути и слабѣетъ на второмъ. Слова Гумбольдта написаны восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ (въ его „Ueber die Aufgabe des Geschitsschreibers), — и увы! въ то время какъ первая изъ указанныхъ имъ дорогъ охотно посѣщается и успѣшно разрабатывается,—не менѣе (а Гумбольдтъ даже думалъ, что болѣе) необходимая вторая дорога—оказывается сплошь и рядомъ трудной и тернистой. Книжка Сеньобоса—руководитъ также лишь на первомъ изъ этихъ путей; эта задача тоже не изъ легкихъ, и ее, повторяемъ, авторъ исполняетъ успѣшно. Руководить же на второмъ пути онъ не можетъ, ибо самъ на немъ не вполнѣ оріентируется.

Переводъ сдѣланъ недурно. Зачѣмъ только переводчикъ переводитъ фрнцузское слово „répertoire“—словомъ „репертуаръ“, Сеньобосъ употребляетъ его въ смыслѣ систематизованнаго по извѣстному плану сборника монографій. Русское „репертуаръ“ звучитъ здѣсь курьезно, ибо имѣетъ уже вполнѣ опредѣленный смыслъ. Попадаются и сюрпризы. Напр., на 209 стр. читаемъ: „итакъ, надо ли говорить, что географія есть основная причина обществъ“ и т. д. Ясно, что на русскомъ языкѣ получилось нѣчто вполнѣ несуразное, ибо подъ географіей понимается у насъ извѣстная *наука*, а *не* совокупность *географическихъ условій*; „причина обществъ“—также сказано не по-русски. Такихъ мѣстъ немного, но они есть. Въ общемъ же, переводъ читается легко. Изданіе изящное.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вѣра, творчество, образованіе). Спб. 1902.

„Очерки“ П. Н. Милюкова въ короткое время проложили себѣ широкую дорогу къ русскому читателю. Всего пять лѣтъ тому назадъ намъ пришлось говорить о первомъ изданіи второй ихъ части, а теперь передъ нами уже третье изданіе ея. Это новое изданіе не является, однако, простымъ повтореніемъ предыдущихъ. Авторъ внесъ въ него нѣкоторыя поправки, мѣстами нѣсколько сократилъ свое изложеніе и, наконецъ, ввелъ въ книгу цѣлый рядъ весьма существенныхъ дополненій, нерѣдко касающихся очень недавняго времени и основанныхъ на свѣжемъ матеріалѣ, только что успѣвшемъ поступить въ научный оборотъ. Особено богаты такими дополненіями тѣ отдѣлы книги, которые трактуютъ о развитіи русскаго сектантства и объ исторіи русской школы. Посвятивъ вторую часть своихъ „Очерковъ“ исторіи церкви и школы въ Россіи, П. Н. Милюковъ даетъ этимъ рубрикамъ широкое толкованіе и изслѣдуетъ, въ сущности, въ ихъ рамкахъ эволюцію состояній чувства и мысли русскаго общества. Съ этой точки зрѣнія онъ излагаетъ судьбы господствующей православной церкви, раскола и сектантства, развитіе русскаго искусства и исторію школьнаго образованія въ Россіи. Заключительный выводъ своего блестящаго и богатаго содержаніемъ изслѣдованія онъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ, справедливость которыхъ неопровержимо доказывается всею его книгою. „Совершенно вѣрно, что, вопреки общепринятому мнѣнію, русская жизнь въ ея прошломъ была не слишкомъ много, а слишкомъ мало проникнута началами вѣры. Но прошлаго не воротишь, а пополнять этотъ пробѣлъ теперь, триста лѣтъ спустя послѣ того, какъ моментъ былъ (и не могъ не быть) пропущенъ, значило бы повторять ошибку Чаадаева, не имѣя при томъ даже и его основаній. Онъ совѣтовалъ попробовать на Россіи средство, оказавшееся плодотворнымъ въ Европѣ. Намъ совѣтуютъ, напротивъ, испытать средство, уже оказавшееся безсильнымъ въ Россіи. Историку остается только утѣшиться тѣмъ, что ни пересадить Европу въ Россію, ни сдѣлать русское прошлое настоящимъ—невозможно“ (401).

Привѣтствуя новое появленіе книги г. Милюкова, мы позволимъ себѣ, однако, повторить одно замѣчаніе, уже сдѣланное нами вслѣдъ за первымъ выходомъ ея въ свѣтъ. Авторъ, думается намъ, слишкомъ рѣшительно проводитъ въ ней свой взглядъ о независимой эволюціи духовной и матеріальной культуры и поступаетъ едва-ли правильно, не указывая взаимодѣйствія этихъ двухъ сторонъ историческаго процесса даже тамъ, гдѣ подобное указаніе настоятельно требуется самымъ существомъ дѣла. Такъ, расколъ начальной эпохи, несомнѣнно, можетъ быть изображаемъ, какъ процессъ, совершавшійся, по крайней мѣрѣ, въ сознательныхъ

своихъ проявленіяхъ, исключительно въ области духовной культуры, но расколъ XVIII вѣка былъ уже слишкомъ окрашенъ соціальнымъ оттѣнкомъ, чтобы изображеніе, минующее эту его сторону, не рисковало оказаться нѣсколько схематичнымъ. Точно также быстрый расцвѣтъ реализма въ русскомъ искусствѣ и проникновеніе послѣдняго общественными тенденціями должны, кажется, находить себѣ объясненіе не только въ отсутствіи прочныхъ церковныхъ традицій, на почвѣ которыхъ могла бы созрѣть самостоятельная техника искусства, но и въ слабости соціальной структуры русскаго общества, не позволившей искусству проникнуться сословнымъ духомъ. Можно думать, правда, судя, по крайней мѣрѣ, по явившимся ужъ въ печати главамъ третьей части „Очерковъ", что такого рода пробѣлы будутъ въ значительной степени восполнены въ этой третьей части, отводимой авторомъ на изображеніе „волевой дѣятельности" русскаго общества. Такимъ образомъ, остается лишь желать скорѣйшаго окончанія послѣдней части „Очерковъ", съ появленіемъ которой въ рукахъ русскаго читателя окажется полный очеркъ родной исторіи, составленный глубокимъ ея знатокомъ въ полномъ согласіи съ требованіями современной науки.

В. Ключевскій. Боярская дума древней Руси. Изданіе третье, пересмотрѣнное. М. 1902.

„Боярская дума" проф. Ключевскаго, въ свое время сыгравшая важную роль въ развитіи нашей исторіографіи, хорошо знакома русской читающей публикѣ. Въ настоящемъ, третьемъ, своемъ изданіи эта книга, составляющая и теперь одно изъ лучшихъ украшеній нашей исторической литературы, появилась въ пересмотрѣнномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Впрочемъ, всѣ эти измѣненія мало коснулись самаго существа книги. Сохранивъ въ общемъ прежнее ея содержаніе и прежній характеръ изложенія, авторъ внесъ въ новое изданіе своего труда лишь частичныя перемѣны, исключивъ изъ него нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и сдѣлавъ кой-какія, въ большинствѣ не очень значительныя, дополненія. Для такого пересмотра онъ воспользовался какъ нѣкоторыми неизданными источниками, не служившими ему для первыхъ изданій его книги, такъ и новыми историческими изслѣдованіями, вышедшими въ свѣтъ съ той поры. Основываясь на трудѣ г. Любавскаго: „Литовско-русскій сеймъ", г. Ключевскій проводитъ теперь болѣе полное сравненіе между „радою" великаго князя литовскаго и „думою" московскаго князя. Подобнымъ же образомъ „Очерки по исторіи Смуты" г. Платонова дали поводъ автору „Боярской думы" полнѣе высказаться о нѣкоторыхъ явленіяхъ смутнаго времени и побудили его нѣсколько измѣнить свои взгляды на эту эпоху. Однако, нельзя было бы сказать, что

г. Ключевскимъ въ новомъ изданіи его книги использована вся соотвѣтствующая литература. Такъ, онъ оставилъ безъ всякаго отвѣта ту критику, какой его трудъ подвергся со стороны проф. Сергѣевича, критику, во многомъ несправедливую, но во всякомъ случаѣ не лишенную остроумія и порою даже извѣстной силы. Съ другой стороны, внимательно считаясь съ названной выше работой г. Платонова и отмѣчая даже случаи своего разногласія съ нимъ, г. Ключевскій совершенно умалчиваетъ о болѣе глубокомъ и принципіальномъ разногласіи своемъ по поводу тѣхъ же событій и процессовъ съ П. Н. Милюковымъ, выдвинувшимъ въ третьемъ выпускѣ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ оригинальное объясненіе роли московскаго боярства и дворянства въ эпоху смуты. Полное молчаніе въ трудѣ проф. Ключевскаго объ изслѣдованіяхъ П. Н. Милюкова является тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что выводы послѣдняго, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ свою очередь не остались, повидимому, безъ извѣстнаго вліянія на взгляды автора „Боярской думы“. Но если такимъ образомъ этотъ трудъ и не даетъ уже полнаго отвѣта на нѣкоторые изъ связанныхъ съ его темою вопросовъ, поставленныхъ въ современной исторической литературѣ, то онъ все же сохраняетъ чрезвычайно важное значеніе какъ для спеціалистовъ-историковъ, такъ и для обыкновеннаго читателя, и въ виду этого можно только привѣтствовать новое появленіе монографіи проф. Ключевскаго на книжномъ рынкѣ.

С. Князьковъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Спб. 1900. **Его же. Царь Иванъ Грозный и его время.** М. 1901. **Его же. Какъ начался расколъ русской церкви.** Историческій очеркъ. М. 1902.

За послѣднее время спросъ на популярную историческую литературу становится у насъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и устойчивѣе. Тѣмъ не менѣе сама эта литература все еще остается очень небогатой и особенно мало насчитывается въ ней изданій, предназначенныхъ для школъ и народнаго чтенія. Въ свою очередь въ числѣ этихъ изданій можно назвать не такъ ужъ много книгъ, которыя вполнѣ удовлетворяли бы своей цѣли, соединяя въ себѣ болѣе или менѣе талантливое изложеніе съ серьезнымъ научнымъ содержаніемъ. Подобныя условія заставляютъ горячо привѣтствовать появленіе всякаго новаго изданія, увеличивающаго собою этотъ немногочисленный разрядъ популярныхъ книгъ. Названныя выше брошюры г. Князькова вполнѣ заслуживаютъ такого привѣтствія. Какъ можно видѣть уже изъ ихъ заглавія, въ каждой изъ нихъ затрогивается одинъ изъ основныхъ вопросовъ соціальной, государственной и культурной исторіи Россіи. Авторъ сумѣлъ придать своему изложенію этихъ вопросовъ такой

характеръ, который дѣлаетъ его совершенно доступнымъ даже для мало подготовленнаго читателя. Однако, эта доступность изложенія не куплена цѣною искусственнаго упрощенія подлежащихъ объясненію вопросовъ или чрезмѣрнаго сокращенія матеріала. Разсказъ г. Князькова простъ и ясенъ, но неизмѣнно серьезенъ и чуждъ всякаго стремленія къ анекдотичности. Авторъ останавливается только на наиболѣе существенныхъ и необходимыхъ для его цѣли фактахъ, но описываетъ ихъ достаточно ярко и полно для того, чтобы читатель могъ составить себѣ ясное представленіе о тѣхъ эпохахъ и тѣхъ процессахъ русской жизни, познакомить съ которыми взялся его г. Князьковъ. Порою, правда, разсказъ послѣдняго могъ бы быть нѣсколько точнѣе и полнѣе, но важно уже то, что въ общемъ этотъ разсказъ стоитъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ данными и выводами, добытыми исторической наукой. Среди нашихъ популяризаторовъ, пишущихъ спеціальныя книжки для народа, встрѣчаются иногда, и даже не очень рѣдко, писатели, сами имѣющіе довольно смутное понятіе о тѣхъ предметахъ, съ которыми они собрались знакомить народъ. Въ прямую противоположность популяризаторамъ такого типа г. Князьковъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ спеціальной научной литературой, успѣшно выбираетъ себѣ руководителей среди нея и умѣло пользуется ихъ трудами. Благодаря этому, его собственныя книги допускаютъ, на нашъ взглядъ, лишь частныя критическія замѣчанія.

Всего болѣе такихъ замѣчаній вызываетъ данное г. Князьковымъ изложеніе исторіи крѣпостного права. Въ общемъ авторъ и въ этой книжкѣ удачно справился съ своею трудною задачей, но мѣстами онъ все же допустилъ въ своемъ разсказѣ объ исторіи крѣпостничества кой-какіе не оправдываемые состояніемъ литературы пробѣлы и нѣсколько рискованныя утвержденія. Такъ, напримѣръ, онъ то относитъ безнадежную задолженность крестьянъ XV—XVI вв. на счетъ „разныхъ причинъ,“ то приписываетъ ее „тогдашней общей бѣдности“ (16,17), между тѣмъ, какъ существующая литература даетъ возможность точнѣе и вѣрнѣе объяснить причины этого явленія. Говоря о положеніи крестьянъ въ XVII вѣкѣ, г. Князьковъ выражается ужъ слишкомъ рѣшительно, утверждая, что „даже въ случаѣ убійства крестьянина помѣщикъ не несъ опредѣленной закономъ отвѣтственности“ (38). Эта фраза могла бы быть справедлива лишь по отношенію къ наказанію помѣщика за неумышленное убійство крестьянина и за увѣчье, причинившее смерть. Не менѣе неосторожно было со стороны автора, знакомаго съ посвященными крестьянству XVIII вѣка трудами В. И. Семевскаго, утверждать, что въ началѣ царствованія Екатерины II почти всѣ помѣщичьи деревни были на оброкѣ и лишь къ концу XVIII столѣтія помѣщичье хозяйство „изъ оброчнаго становится барщиннымъ“ (57, 62). Правда, немедленно вслѣдъ

за этимъ утвержденіемъ авторъ оговаривается: „впрочемъ, рѣзкаго перехода оброчныхъ хозяйствъ въ барщинныя не было,“ но такая оговорка способна скорѣе спутать читателя, чѣмъ навести его на правильный путь. Не выходя изъ предѣловъ XVIII вѣка, можно замѣтить еще, что слова г. Князькова, будто при Екатеринѣ II „стали зорко слѣдить за случаями злоупотребленія помѣщичьей властью“ (73), врядъ-ли согласованы съ строгой исторической истиной. За то въ другомъ случаѣ г. Князьковъ черезчуръ ужъ сгущаетъ темныя краски крѣпостного права, категорически заявляя, что при его существованіи „въ хозяйствѣ, какъ помѣщичьемъ, такъ и крестьянскомъ, не накоплялось запасовъ про черный день“ (76). Равнымъ образомъ попадаются у автора черезчуръ смѣлыя и несовсѣмъ точныя утвержденія и при описаніи судебъ крѣпостного крестьянства въ XIX столѣтіи. Такъ, онъ непомѣрно идеализируетъ касавшіеся крестьянства законы Николая I, характеризуя ихъ, какъ „проникнутые одною мыслью,“ согласно которой „крѣпостной крестьянинъ не можетъ и не долженъ считаться чьей либо частной собственностью“ (36). Едва-ли историки согласятся и съ тѣмъ, что при освобожденіи крѣпостныхъ ихъ жизнь была устроена „по образцу введеннаго гр. Киселевымъ устройства казенныхъ крестьянъ“ (35). Наконецъ, излагая исторію крестьянской реформы, г. Князьковъ не особенно удачно ставитъ А. М. Унковскаго во главѣ тѣхъ дѣятелей губернскихъ комитетовъ, которые стремились „надѣлить крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли“, а въ качествѣ писателя, принесшаго наиболѣе пользы дѣлу освобожденія крестьянъ, называетъ Кавелина (110, 112—3). Всѣ эти частные промахи и пробѣлы легко могутъ быть, конечно, исправлены въ слѣдующемъ изданіи книги, которое вѣроятно не заставитъ себя долго ждать. Наряду съ этимъ можно также пожелать, чтобы при слѣдующемъ изданіи своей полезной книги авторъ подчинилъ ея изложеніе нѣсколько болѣе строгой системѣ.

По отношенію къ двумъ другимъ изъ названныхъ брошюръ г. Князькова такого пожеланія не приходится высказывать. Значительно меньше въ нихъ и частныхъ ошибокъ. Чтобы не злоупотреблять мѣстомъ, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе автора лишь на двѣ изъ этихъ ошибокъ. Говоря въ своемъ очеркѣ царствованія Грознаго о неудачѣ проектовъ постояннаго земскаго собора, г. Князьковъ объясняетъ эту неудачу тѣмъ, что „подобные толки могли только мѣшать не терпѣвшей помѣхи государственной нуждѣ быть во всякую минуту готовымъ въ бой“ и что „для совѣта „всенародныхъ человѣкъ“ просто не было времени“ (77). Такое объясненіе слишкомъ поверхностно и факты рѣзко противорѣчатъ ему: и въ XVI, и въ XVII вѣкѣ земскіе соборы созывались именно въ разгаръ неудачныхъ войнъ. Въ книжкѣ о расколѣ авторъ причисляетъ протопопа Аввакума къ тѣмъ раскольникамъ, которые „въявь видѣли антихриста“ и въ подтверж-

деніе этого приводитъ слова самого Аввакума (95). Цитата въ данномъ случаѣ, очевидно, заимствована г. Князьковымъ изъ книги П. С. Смирнова, но послѣдній не замѣтилъ, что Аввакумъ, говоря о томъ, какъ онъ видѣлъ антихриста, разсказываетъ *свой сонъ* и кончаетъ разсказъ завѣреніемъ, что на дѣлѣ антихристъ еще не пришелъ. Во всякомъ случаѣ наличность нѣсколькихъ подобныхъ ошибокъ не уменьшаетъ еще указанныхъ выше серьезныхъ достоинствъ брошюръ г. Князькова и его „очерки" являются цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей популярной литературы.

Двадцать пять лѣтъ дѣятельности германскаго имперскаго банка. П. Гамбарова. Рига. 1902.

Появленіе въ печати настоящаго труда нельзя не признать своевременнымъ. Нашъ государственный банкъ, недавно преобразованный, является однимъ изъ крупныхъ учрежденій, вліяющихъ непосредственно на весь строй нашего экономическаго быта. Знакомство съ устройствомъ и дѣятельностью заграничныхъ эмиссіонныхъ банковъ даетъ полезный матеріалъ для выработки правильнаго критическаго взгляда на организацію этого дѣла у насъ, и поэтому нельзя не пожелать, чтобы публика ознакомилась съ названной книгой, написанной однимъ изъ спеціалистовъ банковаго дѣла. Въ ней читатель найдетъ какъ краткую исторію возникновенія германскаго имперскаго банка, такъ и свѣдѣнія объ его организаціи и главныхъ операціяхъ за 25-ти лѣтній періодъ, съ указаніемъ на политику, которой придерживался этотъ банкъ въ періоды промышленныхъ кризисовъ. Книга написана популярно и читается легко.

Германскій имперскій банкъ, на подобіе англійскаго и французскаго эмиссіоныхъ банковъ, представляетъ собою акціонерное общество; дѣятельность его, какъ учрежденія, имѣющаго важное государственное значеніе находится подъ строгимъ контролемъ правительства. Главнымъ начальникомъ банка считается имперскій канцлеръ. Для высшаго надзора за его дѣлами существуетъ особый банковый кураторіумъ изъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера; онъ состоитъ изъ четырехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ назначается императоромъ, а другіе союзнымъ совѣтомъ. Отчетность банка, кромѣ того, подлежитъ ревизіи государственнаго контроля. Ближайшее управленіе дѣлами банка находится въ рукахъ правленія, предсѣдатель и члены котораго назначаются правительствомъ. При правленіи состоитъ центральный комитетъ акціонеровъ изъ 15 членовъ, въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія; по нѣкоторымъ, немногимъ, дѣламъ ему предоставлено рѣшающее значеніе.

Несмотря на слабое участіе акціонеровъ въ управленіи банка, въ организаціи послѣдняго много такихъ особенностей, которыя

мѣшаютъ ему превратиться въ казенное учрежденіе; на нихъ мы и обратимъ вниманіе. По своему положенію, центральный комитетъ соотвѣтствуетъ совѣту нашего государственнаго банка, но только, вмѣсто чиновниковъ, тамъ членами состоятъ, какъ мы сказали, выборные отъ акціонеровъ; при ихъ избраніи не допускается кумуляція голосовъ и этимъ самымъ до извѣстной степени устраняется въ комитетѣ исключительное вліяніе крупныхъ капиталистовъ и биржевыхъ дѣльцовъ. Комитетъ собирается не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Ему сообщаются всѣ свѣдѣнія объ общемъ положеніи дѣлъ и о предположенныхъ къ принятію мѣрахъ. Отъ него требуется заключеніе по цѣлому ряду вопросовъ, въ особенности тѣхъ, которые касаются измѣненія высоты дисконта и опредѣленія суммы, назначаемой на ссудную операцію; въ вопросѣ же о покупкѣ процентныхъ бумагъ голосъ комитета имѣетъ прямо рѣшающее значеніе. Посредствомъ своихъ делегатовъ, выбираемыхъ изъ членовъ комитета, послѣдній ведетъ постоянный контроль надъ дѣятельностью правленія; делегаты допускаются къ присутствію во всѣхъ засѣданіяхъ правленія съ правомъ совѣщательнаго голоса и имъ разрѣшено обозрѣвать счетоводство бухгалтеріи; они также участвуютъ во всѣхъ ревизіяхъ банка. Въ тѣхъ экстренныхъ случаяхъ, когда средства банка предполагается затратить на удовлетвореніе какой нибудь потребности финансоваго вѣдомства, объ этомъ немедленно извѣщаются делегаты, и если кто-нибудь изъ нихъ не даетъ своего согласія на такую затрату, то распоряженіе объ этомъ пріостанавливается до доклада дѣла комитету.

Подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, въ Германіи не разъ возникалъ вопросъ о преобразованіи имперскаго банка въ казенное учрежденіе съ полнымъ устраненіемъ акціонеровъ, но такой проектъ не встрѣчаетъ поддержки ни въ обществѣ, ни въ правительственныхъ кругахъ. Казенное завѣдываніе съ его формализмомъ признается въ этихъ кругахъ совершенно не подходящихъ къ такому живому и сложному дѣлу, какъ банковое; въ немъ необходимо участіе лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ успѣшномъ веденіи операцій банка. Общественное мнѣніе Германіи выдвигаетъ, помимо этого и другія соображенія. Предполагаютъ, что банкъ, находясь въ частныхъ рукахъ, представляетъ болѣе гарантій, въ случаѣ войны и вторженія непріятельскихъ армій, въ смыслѣ неприкосновенности и сохранности довѣренныхъ ему капиталовъ. Не менѣе того опасаются, что, при казенномъ управленіи, легко могутъ дѣлаться выпуски банковыхъ билетовъ для устраненія разныхъ финансовыхъ затрудненій. Какъ ни слабо вліяніе акціонеровъ въ текущихъ дѣлахъ банка, при существующемъ положеніи,—все же оно не совсѣмъ отсутствуетъ, и можетъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи задерживающимъ образомъ, при надлежащей энергіи делегатовъ

и центральнаго комитета. Наконецъ, по представленію нѣмцевъ, банкъ, превратившись въ казенное учрежденіе, можетъ сдѣлаться пристанищемъ для людей карьеры, „гдѣ всякъ будетъ стремиться къ тому, чтобы взять рекордъ“, и въ погонѣ за этимъ банковскіе чиновники, добиваясь большихъ прибылей, могутъ „вздувать кредиты ничуть не слабѣе разныхъ аферистовъ-спекулянтовъ“; кромѣ того, они могутъ въ кругъ банковыхъ операцій ввести, по неизбѣжно присущимъ бюрократіи фискальнымъ соображеніямъ, такія дѣла, которыя могутъ совершенно погубить правильное функціонированіе денежнаго обращенія въ странѣ.

Отмѣчая всѣ эти взгляды, послужившіе поводомъ къ образованію въ Германіи акціонернаго эмиссіоннаго банка, авторъ названной книги полагаетъ, что въ нихъ есть много преувеличеннаго; по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, „историческій опытъ Россіи, гдѣ никогда не было другого эмиссіоннаго банка, кромѣ казеннаго, явно свидѣтельствуетъ о томъ, что „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“, и что сосредоточеніе эмиссіонной операціи въ рукахъ казеннаго учрежденія не исключаетъ окончательно возможности веденія дѣла въ согласіи съ общими интересами страны“.

Намъ кажется, что едва-ли позволительно, при разработкѣ серьезныхъ финансовыхъ вопросовъ, такъ безцеремонно ломать историческіе факты, втискивая насильственно ихъ смыслъ въ вульгарное содержаніе приведенной поговорки, какъ это сдѣлалъ авторъ цитаты. Это вѣдь и безполезно. Исторія намъ повѣствуетъ, что государственный банкъ, до послѣдней реформы, влачилъ всегда самое жалкое существованіе, въ качествѣ эмиссіоннаго учрежденія, выпуская въ обращеніе, за исключеніемъ краткихъ періодовъ, почти всегда, вмѣсто настоящей звонкой монеты и размѣнныхъ билетовъ, неразмѣнные кредитные билеты. Да и послѣдняя денежная реформа, облегченная девальваціей и потребовавшая скопленія около милліарда рублей для образованія размѣннаго фонда, путемъ займовъ и крайняго напряженія платежныхъ силъ населенія, еще далеко не доказала, что нѣмцы хуже насъ понимаютъ механизмъ денежнаго обращенія и средства, могущія обезпечить его прочность.

Въ настоящей бѣглой замѣткѣ не мѣсто, конечно, для подробнаго обсужденія этого вопроса. Мы хотѣли бы только предупредить читателя, что книга г. Гамбарова, при всѣхъ своихъ положительныхъ качествахъ, страдаетъ непростительной для спеціалиста „забывчивостью“...

И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса, 1902.

Брошюра эта раскрываетъ передъ читателемъ одинъ изъ уголковъ ужасающей бѣдности. Еврейская филантропическая органи-

зація въ Одессѣ—функціонирующая при городской управѣ „коммиссія по раздачѣ пособій бѣднымъ евреямъ города Одессы“—примѣнила очень хорошій методъ для того, чтобы поставить свою дѣятельность на возможно болѣе раціональныя начала: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ организовать разумную помощь еврейской бѣдностѣ она привлекла къ этому дѣлу студентовъ-евреевъ мѣстнаго университета, которые съ любовью и самоотверженіемъ посвятили свои силы этой работѣ. Этимъ не только были устранены случавшіяся предъ тѣмъ злоупотребленіи при распредѣленіи пособій, но и создана была возможность такого изслѣдованія условій быта неимущихъ евреевъ, которое придавало филантропіи характеръ общественнаго дѣла, не ограниченнаго исключительно рамками, поставленными непосредственною его задачей. Изъ другихъ крупныхъ городовъ, насколько намъ извѣстно, лишь въ Москвѣ были сдѣланы попытки такъ называемыми „приходскими попечительствами“ къ изученію бѣдноты параллельно съ непосредственной благотворительной помощью ей. Какъ въ Москвѣ во время производившихся попечительствами изслѣдованій, такъ и теперь въ Одессѣ установленъ одинъ любопытный фактъ, совершенно противорѣчащій ходячему буржуазному взгляду на нищенство. Обыкновенно, пишетъ г. Бродовскій, подъ словами профессіональный нищій

«подразумѣваютъ человѣка съ злой волей, лѣнтяя, паразита, не желающаго добывать себѣ средства къ существованію собственнымъ трудомъ, а предпочитающаго болѣе легкими способами жить на счетъ общества. Такого-же взгляда на нищенство держится наше законодательство, которое разсматриваетъ нищенство, какъ уголовно наказуемое дѣяніе. Къ совершенно обратному выводу приходитъ человѣкъ, который въ частныхъ бесѣдахъ и распросахъ старается вникнуть въ причины, толкнувшія на этотъ послѣдній путь. Все это—въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ—люди, безусловно неспособные уже ни къ какому труду—старики, старухи, больные, калѣки, слѣпые, идіоты и т. п. Всѣ эти люди нуждаются не столько въ преслѣдованіи полицейскими мѣрами и уголовными карами, сколько въ общественномъ призрѣніи въ богадѣльняхъ, пріютахъ, больницахъ и т. п. благотворительныхъ учрежденіяхъ. Всѣ эти люди, пока были молоды, сильны, здоровы, не чуждались и не боялись труда, того тяжкаго и неблагодарнаго труда, который выпалъ на долю всей описываемой массѣ бѣдняковъ».

Нищенство—это крайность, послѣдняя ступень. А вотъ какова предпослѣдняя ступень, на которой стоятъ люди „способные къ труду“:

«Дѣвушки, работающія на пробочныхъ фабрикахъ, получаютъ за тысячу приготовленныхъ пробокъ отъ 7 до 10 коп... Средняя работница можетъ въ день сдѣлать 3—4 тысячи пробокъ... Часто бываетъ такъ, что вслѣдствіе плохого матеріала вся работа за цѣлый день совершенно бракуется. Въ общемъ дѣвушки на пробочныхъ фабрикахъ зарабатываютъ 6—8 р. въ мѣсяцъ. Платою отъ 4 до 7 р. въ мѣсяцъ вознаграждаются дѣвушки, занятыя на фабрикахъ, производящихъ издѣлія изъ папье-маше.—Швеи—одна изъ самыхъ бѣдствующихъ категорій. Это обитательницы темныхъ и сырыхъ под-

валовъ, съ иглою и съ воспаленными глазами наклонившіяся надъ своей мелкой работой. Сырость, невозможная атмосфера, скудное питаніе и недостатокъ свѣта быстро стираютъ краску съ лица и медленно, но неуклонно губятъ молодую жизнь. О какихъ либо заработкахъ здѣсь нечего и говорить. Тѣ гроши, которые вырабатываются на этой работѣ, недостаточны и для полуголодной жизни».

Вотъ примѣрная плата, которую получаютъ эти швеи: пара кальсонъ 2 коп., рубаха 4 коп., кофточка 10 коп. Дневной заработокъ въ 20 копѣекъ считается многими швеями недосягаемымъ благополучіемъ, при которомъ можно быть „довольнымъ жизнью".

«Сколько разъ,—говоритъ авторъ,—мы ошибались, когда, внимательно изучивъ окружающую обстановку и сдѣлавъ многіе предварительные вопросы, намъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ высказать въ осторожной формѣ предположеніе, что какая-нибудь вдова или старикъ занимаются нищенствомъ. Съ какимъ неподдѣльнымъ ужасомъ, съ какимъ сознаніемъ собственнаго достоинства намъ отвѣчали: «Не дай Богъ, мы лучше согласимся умереть съ голоду, чѣмъ просить на улицахъ»! Между тѣмъ одна поденщица, нанимавшаяся мыть полъ и давшая намъ подобнаго рода отвѣтъ, кормила маленькихъ дѣтей тѣмъ, что покупала у нищихъ хлѣбныя корки на 5 копѣекъ».

Задача автора этой брошюры сравнительно узкая: дать нѣкоторыя свѣдѣнія—цифровыя и описательныя—о бытѣ и размѣрахъ еврейской нищеты въ Одессѣ, на основаніи матеріаловъ, добытыхъ при распредѣленіи пособій. Въ концѣ брошюры намѣчена, однако, вскользь связь этого частнаго явленія съ тѣмъ сложнымъ комплексомъ экономическихъ и общественныхъ отношеній, который принято именовать еврейскимъ вопросомъ. И, конечно, всякая работа въ сферѣ послѣдняго можетъ только выиграть при наличности отдѣльныхъ монографій подобныхъ брошюрѣ г. Бродовскаго. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить одинъ маленькій недостатокъ послѣдней: какъ изслѣдованіе она слишкомъ поверхностна и, если можно такъ выразиться, лирична, а какъ обращеніе къ общественной благотворительности—эта цѣль, повидимому, не чужда брошюрѣ—слишкомъ нагружена сухимъ матеріаломъ.

Шингаревъ А. И. земскій врачъ. **Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры.** Второе исправленное и дополненное изданіе воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ 1901.

Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи лѣтомъ 1900 года. Изданіе воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ 1901.

Устройство яслей-пріютовъ для деревенскихъ дѣтей въ лѣтнее время представляетъ собой яркій примѣръ, какъ быстро и широко можетъ воплотиться въ жизнь всякое благотворное общественное начинаніе, разъ только оно не встрѣчаетъ на пути своемъ „независящихъ обстоятельствъ". Цѣли устройства яслей такъ ясны и просты, живой матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло устроителямъ яслей, такъ далекъ отъ возможнаго воспріятія подрывающихъ „основы" ученій, что самое подозрительное толко-

ваніе нашихъ охранителей не въ состояніи открыть здѣсь какихъ-либо элементовъ злокозненности. Громадная дѣтская смертность среди крестьянскаго населенія Россіи давно обращала на себя общее вниманіе. Отсутствіе надзора за маленькими дѣтьми во время страды, когда взрослое населеніе деревни занято цѣлыми днями въ полѣ или на лугахъ, масса разнаго рода несчастныхъ случаевъ въ результатѣ безпризорнаго положенія деревенскихъ малышей, до опустошительныхъ пожаровъ включительно — явленія тоже давно извѣстныя.

Устройство яслей-пріютовъ несомнѣнно является однимъ изъ наиболѣе разумныхъ средствъ въ дѣлѣ борьбы съ этимъ хроническимъ и повсемѣстнымъ зломъ нашихъ селъ и деревень. Тѣмъ не менѣе мысль объ устройствѣ яслей до второй половины прошлаго десятилѣтія какъ-то мало занимала общественное вниманіе. Были извѣстны отдѣльныя попытки ихъ устройства въ Пермской губерніи (д-ръ Моллесонъ), въ Московской (д-ръ Н. Ѳ. Михайловъ), при нѣкоторыхъ фабрикахъ. Но болѣе широкое начало устройству яслей положено впервые только съ 1894 года, въ Рязанскомъ уѣздѣ, д-ромъ Н. Н. Гинсбургомъ. Съ 1895—1898 гг. ясли начинаютъ устраиваться, главнымъ образомъ по почину губернскихъ земствъ, въ губерніяхъ: Пермской, Воронежской, Самарской, Харьковской, Полтавской, Московской, Курской, Екатеринославской, Симбирской и другихъ. Въ 1899 году „попечительство о домахъ трудолюбія“ предпринимаетъ въ широкихъ размѣрахъ устройство яслей въ пораженныхъ неурожаемъ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Симбирской и Самарской. Съ каждымъ годомъ ясли-пріюты появляются все въ новыхъ и новыхъ губерніяхъ и съ каждымъ годомъ растетъ ихъ количество. Такъ, въ Воронежской губерніи первые ясли-пріюты были устроены женщиной-врачемъ А. А. Ростовцевой въ 1897 году, въ 1898 яслей было уже 11, въ 1899—24, въ 1900—35. По отчетамъ врачей, имѣвшихъ подъ своимъ наблюденіемъ эти вновь возникшія учрежденія по охранѣ народнаго здравія, можно видѣть, что ясли-пріюты, повидимому, довольно успѣшно оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. На первыхъ порахъ во многихъ мѣстахъ ясли встрѣчались населеніемъ очень подозрительно. Исконное недовѣріе мужика ко всякой барской затѣѣ сказалось и здѣсь, а темнота деревенскаго люда помогла расписать самые хитрые узоры на этой новой канвѣ. Собираютъ ребятъ, кормятъ ихъ задаромъ. Къ чему бы это было? Прежде всего возникало предположеніе,— не являются ли ясли удобнымъ предлогомъ для новыхъ „поборовъ“; будутъ кормить, а потомъ и „взыщутъ по шести рублей въ мѣсяцъ“. Бывали предположенія, что изъ ребятъ будутъ готовить солдатъ, будутъ отсылать ихъ на „нѣмые острова“, и даже „кормить на сало, а потомъ продавать на убой“. Не обошлось, конечно, дѣло и безъ столь популярной въ нашей деревнѣ анти-

христовой печати. Слышались возраженія и совсѣмъ другого свойства. Вотъ что̀, напр., передаетъ д-ръ А. И. Шингаревъ въ отчетѣ по устройству яслей въ с. Ново-Животинномъ, въ томъ самомъ Ново-Животинномъ, населеніе котораго живетъ „по ту сторону“ богатства и бѣдности и для котораго наличность клопа въ домѣ является показателемъ благосостоянія (см. „Нѣсколько цифръ“ въ февральской книжкѣ „Р. Б.“).

Когда въ разговорѣ съ одной изъ матерей я указывалъ на значеніе яслей, помимо противопожарныхъ цѣлей, въ дѣлѣ борьбы съ очень большой смертностью дѣтей,—то получилъ очень серьезный и ироническій отвѣтъ: «Вотъ еще, что выдумали! Да если бы дѣти не мерли, что̀ бы съ ними и дѣлать, и такъ самимъ ѣсть нечего, скоро и избы новой негдѣ будетъ поставить!» Этотъ безпощадный выводъ житейскаго реализма, продолжаетъ д-ръ Шингаревъ, это суровое умозаключеніе полуголодной крестьянки могли имѣть мѣсто только въ некультурной средѣ безземельной деревни, очерствившей душу и озлобившей умъ вѣчной погоней за кускомъ хлѣба. Тутъ усиленная смертность дѣтей не является нежелательнымъ анти-санитарнымъ явленіемъ, не признается за «народное бѣдствіе», не требуетъ борьбы. Смерть—желанная избавительница отъ лишняго рта для родителей, отъ безконечной, безъисходной нужды для ребенка. Возраженіе это не является чѣмъ либо исключительнымъ: много разъ приходилось уже мнѣ слышать его отъ матерей и отцовъ, оно, кажется мнѣ, является до извѣстной степени типичнымъ и оно же служитъ яркимъ, неоспоримымъ доказательствомъ, какъ еще далека деревня отъ пониманія нашихъ санитарныхъ мѣропріятій и какъ еще во всѣхъ такихъ мѣропріятіяхъ является главнѣйшимъ тормазомъ экономическое положеніе деревни, соединенное съ ея некультурностью» («Деревенскіе ясли-пріюты», стр. 6).

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, ясли, какъ свидѣтельствуетъ большинство наблюденій, скоро снискивали себѣ расположеніе населенія и прививались довольно успѣшно. На второй годъ своего существованія въ одной и той же мѣстности ясли уже не давали повода для превратныхъ толкованій.

«Нужны какія-нибудь особенно неблагопріятныя условія,—говоритъ въ заключительной статьѣ д-ръ В. П. Успенскій,—для того, чтобы населеніе относилось совершенно равнодушно или недовѣрчиво къ яслямъ во все время ихъ существованія; разъ населеніе видитъ, что съ дѣтьми ничего дурного не дѣлается, что они сыты, здоровы, веселы, что никакой платы за это не берется,—отношеніе къ яслямъ становится самымъ доброжелательнымъ... и не колеблется даже и имѣющими иногда мѣсто несчастными случайностями» (l. c. 107).

Главнымъ тормазомъ, стоящимъ на пути широкаго распространенія яслей, являются причины экономическія. Какъ ни незначительна стоимость дневного пропитанія ребенка въ ясляхъ, мѣстами доходящая до $2^1/_2$ копѣекъ, но при повсемѣстномъ устройствѣ яслей-пріютовъ на цѣлый уѣздъ или губернію пришлось бы затрачивать суммы очень значительныя. Такъ для Московской губерніи ежегодный расходъ по устройству и содержанію яслей (4.000 яслей) исчисляется въ суммѣ около милліона рублей, счи-

тая на каждыя ясли по 250 рублей. Если даже уменьшить размѣръ ассигновки вдвое, по дѣйствительной стоимости ихъ содержанія въ Воронежской губерніи въ 1900 году (124 руб. 56 коп.), то всетаки такіе расходы являются, очевидно, непосильными ни для частныхъ лицъ или благотворительныхъ учрежденій, ни для органовъ общественнаго самоуправленія. Да и помимо соображеній экономическихъ, земству, при большомъ размѣрѣ уѣзда и ограниченности состава управъ, врядъ ли бы можно было организовать надлежащій надзоръ въ дѣлѣ устройства и дальнѣйшаго наблюденія за дѣятельностью яслей. Послѣднее затрудненіе, вѣроятно, легче бы всего устранялось при учрежденіи мелкой земской единицы. Что же касается вопроса экономическаго — изысканія средствъ на содержаніе яслей, то для разрѣшенія его въ настоящихъ условіяхъ нѣтъ другого пути, какъ устроить всетаки тѣ самые „поборы", которыхъ такъ боялись крестьяне при первоначальномъ появленіи яслей. Конечно, это не тотъ поборъ, чтобы „за каждую ребячью душу по шести цѣлковыхъ взыскивать", а поборъ натурой: немного хлѣба, пшена, молока, картофеля, въ томъ разсужденіи, что въ ясляхъ ли, дома ли должны же чѣмъ-нибудь питаться деревенскіе малыши, и родители не поскупятся отдать въ распоряженіе яслей то, что было бы съѣдено и дома. Вотъ въ какомъ положеніи выясняются передъ нами главныя черты вопроса объ ясляхъ-пріютахъ по двумъ книжкамъ, заглавія которыхъ приведены нами вначалѣ. Брошюра д-ра Шингарева, предназначенная для широкаго круга читателей, написана просто и вполнѣ вразумительно для каждаго грамотнаго человѣка. Было бы очень желательно распространять ее въ каждомъ селеніи, прежде чѣмъ приступать тамъ къ устройству яслей, чтобы предотвратить по возможности тѣ нелѣпые толки, которые измышляетъ народная фантазія для объясненія непонятнаго ей явленія. Другая книжка содержитъ въ себѣ отчеты врачей по устройству 36 яслей и общую сводку полученныхъ ими результатовъ и наблюденій. Здѣсь интересующіеся могутъ найти самыя подробныя и основанныя на опытѣ указанія по организаціи этого новаго санитарнаго дѣла.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій ***Эрнеста Ренана*** Переводъ съ франц. В. Н. Михайлова. Томъ V. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902.

Собраніе сочиненій ***Макса Нордау***. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Н. Михайлова. Томъ VII. Спб. 1902.

Полное собраніе сочиненій ***К. Головина*** (К. Орловскаго). Т. IV. Спб. 1902.

Полное собраніе сочиненій ***Н. С. Лѣскова***. Изд. 3-е. Т. VIII. Спб. 1902.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. М. 1902. Ц. 1 р.

Н. Телешовъ. Бѣлая Цапля. Сказка. М. 1901. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ. Елка Митрича. М. 1901. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ. Съ Богомъ! Разсказъ. М. 1901.

А. С. Борецкій. Милліонъ. Разсказъ. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1902. Ц. 25 к.

Крымъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ ***Арсеній Маркевичъ***. 2-е доп. изд. Симферополь. 1902. Ц. 75 к.

Замокъ коварства и любви. Поэма. ***Филадельфъ Голубой***. Спб. 1902. Ц. 15 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Жена мудреца. Маленькія новеллы. Перев. съ нѣм. О. Н. Поповой. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Н. П. Стахевичъ. Повѣсти и разсказы. Изд. И-ва «Книговѣдъ». (Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Хижина дяди Тома. Романъ ***Бичеръ-Стоу***. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Ѳ. Смирновъ. Передъ Некрасовскими днями. Ярославль. 1902.

Н. И. Галицкій. Гг. читателямъ и Гг. писателямъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Н. Н. Страховъ. Критическія статьи. Томъ второй. Изд. И. П. Матченко. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го нѣмецк. изданія. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ. Переводъ и всѣ дополненія подъ редакц. Ю. Энгеля. Вып. VI. М. 1901.

Война въ Южной Африкѣ, ея причины и способъ ея веденія. ***А. Конанъ Дойля***. Перев. съ англ., подъ ред. В. В. Язева. Изд. англійской газеты «Topics» въ Одессѣ. Одесса. 1902.

Хронологическая карта культуры. Составилъ ***Ф. Дергинтъ***. Спб. 1901.

В. Б. На рубежѣ XIX столѣтія. Переводъ Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотека для самообразованія XVII. ***Т. Гексли и Г. Мартинъ***. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Переводъ И. А. Петровскаго, П. П. Сушкина и Н. К. Кольцова. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Вилльямъ Круксъ. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Рѣчь, читанная въ лондонскомъ «королевскомъ институтѣ» 18 февр. 1887 г. Переводъ А. В. Генералова, подъ ред. и съ предисловіемъ проф. М. И. Коновалова. М. 1902.

Бѣльниковая растительная формація Сибирской тайги и ея значеніе для колонизаціи. Докладъ И. Спб. О-ву естествоиспытателей ***П. И. Соколова***. Спб. 1902.

Въ зеленомъ саду. Бесѣды о жизни растеній и животныхъ сада. Профессора ***Карла Крепелина***. Съ нѣмецкаго перевелъ С. А. Порѣцкій. М. 1902. Ц. 1 р.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Вып. 1-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста. Второе, значит. дополн. изд. Н.-Новгородъ. 1902. Ц. 50 к.

Д. Зеленинъ. Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ. Спб. 1902. Ц. 35 к.

Ю. Н. Лавриновичъ. Образованіе рабочихъ въ Россіи. Изд. ред. журн. «Техническое Образованіе». Спб. 1902.

Распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ народѣ. ***М. В. Неручева***. Изд. Таврической губ. земск. управы. Симферополь. 1902.

Міръ Божій. Первая послѣ букваря

книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Составилъ ***С. И. Гречушкинъ***. М. 1902. Ц. 30 к.

Систематическій сборникъ ученическихъ переложеній и сочиненій. Составилъ ***П. М. Клунный***. Кременецъ. 1902.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. ***И. Горбунова-Посадова***. Книжка девятнадцатая. Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. По Люкасу составили ***Е. и И. Жилины***. М. 1902. Ц. 20 к. Книжка двадцать восьмая. Какъ живетъ растеніе и чѣмъ нужно удобрять землю. Третья бесѣда агронома волоколамскаго земства ***А. А. Зубрилина***. М. 1902.

Б. Ф. Брандтъ. «Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи» (1900—1901 г.). Часть первая. Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Статистическій Ежегодникъ Тверской губерніи за 1901 г. Изданіе Тверского губ. земства. Тверь. 1902.

Мнѣнія 3-го совѣщанія статистиковъ вятскаго земства по вопросамъ текущей статистики. Вятка. 1902.

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 янв. 1902. Вып. 1-й. Составлено статистическимъ отдѣломъ московской городской управы. М. 1902.

Пермская губ. въ сельскохозяйств. отношеніи. Вып. 2-й. Пермь 1902.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1902 г. Вып. 1-й. Подъ редакціей ***А. К. Голубева***. Спб. 1902. Ц. 50 к.

М-ство Финансовъ. Учрежденія по части торговли и промышленности. Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1901 г. Спб. 1902.

Статистическое бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи. Отдѣльные оттиски изъ горнозаводскаго листка за 1902 г. №№ 99—107. Харьковъ. 1902.

Н. фонъ-Дитмаръ. Краткій обзоръ производства и потребленія продуктовъ желѣзной промышленности въ 1901 году въ Россіи и за границей (изъ № 23 «Вѣстника Финанс., пром. и торг.» за 1902 г.).

М. А. Прокофьевъ. О современномъ состояніи Маріинской системы. Новгородъ. 1902.

Данныя подворнаго обслѣдованія четырехъ волостей Дорогобужскаго уѣзда въ 1899 г. Изд. дорогобужскаго уѣзднаго земства. Смоленскъ. 1902 г.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1901 годъ (Статист. бюро полтавскаго губ. земства).

Медико - хозяйственный отчетъ по психіатрическому отдѣленію Одесской городской больницы за 1901 г. Составленъ старшимъ врачомъ ***Б. И. Воротынскимъ***. Казань. 1902.

Девятый годовой отчетъ московской городской санитарной станціи. Составленъ подъ ред. проф. ***С. Ѳ. Бубнова***. М. 1902.

Земство Новгородской губ. Устюжнскій уѣздъ. Систематическій сборникъ постановленій земскимъ собраній за 25 лѣтъ (1865—1899). Подъ ред. предсѣд. управы ***А. М. Колюбакина***. Т. 1-й. Народное образованіе. Новгородъ. 1902.

Организація публичныхъ лекцій при николаевской обществ. библіотекѣ и отчетъ лекціонной комиссіи за 1900—1091 г. Николаевъ. 1902.

Отчетъ кременчугскаго отдѣленія полтавской комиссіи народныхъ чтеній за 1091. Кременчугъ. 1902.

Отчетъ Общества «Помощь» при вологодской безплатной библіотекѣ. по 1 янв. 1902. Вологда. 1902.

Отчетъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Псковской губ. за 1901 г. Псковъ. 1092.

Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей за 1900 г. Ч. I и II. Спб. 1901.

Таблица вычисленія 5% государств. налога. Составилъ ***А. С. Лассъ***. Двинскъ 1902. Ц. 20 к.

Для ѣдущихъ въ Ѳеодосію. Справочная книжка. Изд. А. Берлинъ. Ѳеодосія. 1092.

Рецептъ. Врачебно-фармацевтическій журналъ. Годъ изданія 1-й. № 1. Спб. 1902.

Викъ. 1798—1898. Томъ першый. Украинська поэзія видъ Котляревськаго до останнихъ часивъ. Выдання друге, съ одминами й додаткамы. Кыивъ. 1902. Ц. 2 р. Томъ другый. Украинська проза видъ Квиткы до 80-хъ рокивъ XIX в. К. 1902. Ц. 2 р. Томъ третій. Украинська проза зъ 80-хъ рокивъ XIX в. до останнихъ часивъ. К. 1902. Ц. 2 р.

Каква трѣба да буде нашата политика спрямо Македония? Отъ Д. Ризовъ. София. 1902.

Пѣвецъ Сіона.

(С. Г. Фругъ. Сіониды и другія стихотворенія. Спб. 1902).

Прежде чѣмъ познакомить читателя съ новой книгой пѣсенъ г. Фруга, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о вдохновляющей ихъ идеѣ, вызвавшей въ послѣднее время немало толковъ. Не далѣе, какъ въ прошлой книжкѣ „Русскаго Богатства“ вопросу о сіонизмѣ посвящена цѣлая статья рѣзко-отрицательнаго характера... Я думаю, однако, что въ цѣляхъ выясненія истины можетъ быть выслушано и иное мнѣніе.

Дѣло, конечно, теоретиковъ и политиковъ давать философскую и практическую оцѣнку сіонизму, какъ серьезной общественной идеѣ, претендующей на болѣе или менѣе скорое воплощеніе въ жизнь; но если бы идея эта была, въ концѣ концовъ, признана компетентными людьми и совершенно фантастической, неосуществимой мечтой, для меня лично сіонизмъ все же остался бы, прежде всего, протестомъ противъ тѣхъ несправедливыхъ обидъ и угнетеній, которымъ жестокая современная дѣйствительность подвергаетъ еврея, и мое непосредственное чувство не могло бы вынести ему строгаго осужденія. Когда несчастный колодникъ, человѣческое достоинство котораго на каждомъ шагу попирается и заушается, замышляетъ рискованный, можетъ быть, даже безумный побѣгъ, можно и даже должно доказывать ему всю эфемерность его надеждъ, порожденныхъ отчаяніемъ, но нельзя же не сочувствовать душевному состоянію измученнаго человѣка, нельзя называть мечту его о свободѣ чѣмъ-то преступнымъ, чуть-ли даже не позорнымъ! Я никакъ не могу забыть, что первыми виновниками того „обособленія“, которому служатъ евреи-сіонисты, являются не они сами, и рѣшительно отказываюсь понять, почему сіонизмъ находится въ „кровномъ *духовномъ* родствѣ“ съ антисемитизмомъ... Сіонизмъ—защита, антисемитизмъ—нападеніе. Одно явленіе, несомнѣнно, вызвано другимъ; однако, давать имъ обоимъ одну и ту же нравственную оцѣнку, мнѣ кажется, по меньшей мѣрѣ, несправедливо.

Политику-профану, мнѣ вообще представляется въ дѣлѣ сіонизма еще очень многое невыясненнымъ и скорѣе говорящимъ за то, что я не имѣю права относиться къ этому явленію съ абсолютнымъ отрицаніемъ. Г. Бикерманъ, напр., пишетъ: „Для тѣхъ, которые, не вѣря ни въ долговѣчность сіонизма, ни въ осуществимость его задачи, ни въ то, что въ немъ, дѣйствительно, выражены стремленія еврейскаго народа, тѣмъ не менѣе припи-

сываютъ сіонизму какія-то миѳическія заслуги, будто онъ развиваетъ самосознаніе массъ, кого-то оживляетъ, что-то создаетъ и т. д.,—для этихъ людей только что сказанное мною о ростѣ еврейской литературы можетъ послужить примѣромъ того, какъ, разсуждая по принципу post hoc ergo propter hoc, легко приписывать сіонизму заслуги, которыя ему, въ дѣйствительности, не могутъ принадлежать. Этимъ наивнымъ людямъ, очевидно, неизвѣстенъ столь же глубокомысленный, сколько и остроумный афоризмъ, гласящій: на нарисованномъ крюкѣ можно повѣсить лишь нарисованную же люстру".

Для меня все это—лишь „полемическія красоты", такъ какъ, незнакомый лично съ практикой сіонизма, я не могу совершенно игнорировать фактическія показанія другихъ авторитетныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, наоборотъ, о значительности культурной работы сіонистовъ. Желательно (что говорить!), чтобы еврейскіе дѣятели всегда работали рука объ руку съ передовыми силами той страны, которую судьба сдѣлала ихъ родиной, работали во имя общаго свѣтлаго будущаго; слѣдуетъ, однако, помнить, что огромная масса еврейскаго населенія находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы теперь же сознать тождественность своихъ интересовъ съ интересами родины-мачихи, еще возстановляющей для нея средневѣковое гетто. Для этой темной, обездоленной массы прогрессивнымъ можетъ явиться въ настоящее время всякій лозунгъ, способный поднять ея человѣческое достоинство.

Вообще, вопросъ о сіонизмѣ трактуется г. Бикерманомъ, кажется мнѣ, черезчуръ ужъ просто и непререкаемо *). Что

*) И не объ одномъ только сіонизмѣ. Такъ, уклоняясь отъ обсужденія «вопроса о судьбѣ еврейскаго народа въ прошломъ и настоящемъ во всемъ его объемѣ», г. Бикерманъ пытается, однако, доказать, что «крики ноющихъ публицистовъ о безпримѣрно-жалкомъ положеніи еврейскаго народа далеки отъ истины», что даже и въ средніе вѣка оно отнюдь не было «безпримѣрно-тяжелымъ»,—и доказываетъ это чисто-логическими соображеніями. Между прочимъ, критеріемъ благоденствія каждаго даннаго народа или племени онъ выставляетъ въ первую голову «коэффиціентъ прироста его численности». Но вѣдь, согласно такому «критерію», современная, напр., Франція должна быть признана одною изъ *наименѣе* благоденствующихъ въ Европѣ странъ... «Вообще, мнѣ думается,—говоритъ въ заключеніе почтенный авторъ,—представленіе о *безпримѣрно*-тяжеломъ положеніи, *исключительно*-безпросвѣтной жизни евреевъ въ разсѣяніи—иллюзія, обманъ зрѣнія, проистекающій отъ того, что въ процессѣ грубаго, непосредственнаго насилія человѣка надъ человѣкомъ, въ кровавыхъ расправахъ, совершавшихся одними людьми надъ другими, т. е. въ томъ именно, что болѣе всего потрясаетъ наши нервы, евреи участвовали лишь *односторонне*». Это значитъ, что еврейскія массы играли въ исторіи, главнымъ образомъ, роль жертвъ, предоставляя другимъ народамъ бывать и въ роли палачей. Но, казалось бы, изъ двухъ одинаково битыхъ людей тотъ всетаки долженъ быть названъ менѣе забитымъ, который могъ по-временамъ давать и «сдачи»? Я никакъ не могу понять, почему это—иллюзія...

возможны на этотъ предметъ и другіе взгляды, показываютъ хотя бы напечатанныя въ іюльской книжкѣ „Русск. Мысли“ письма нѣкоторыхъ русскихъ писателей къ д-ру Гордону, посвященныя также сіонизму. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, такой осторожный и вдумчивый наблюдатель общественныхъ явленій, какъ нашъ извѣстный историкъ П. Н. Милюковъ, говоритъ, напр., слѣдующее: „Принципіально я вполнѣ сочувствую смѣлой идеѣ сіонизма и могу лишь пожелать ему выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ серьезныхъ затрудненій и противорѣчій, которыя возникаютъ на его пути при всякой попыткѣ идти впередъ, а не возвращаться назадъ. Самыя эти внутреннія противорѣчія между національно - политическимъ и національно-религіознымъ, культурнымъ и традиціоннымъ элементами вопроса только доказываютъ мнѣ, что сіонизмъ глубоко захватилъ народное сознаніе, и что, даже независимо отъ своей практической задачи, онъ можетъ имѣть сильное и плодотворное вліяніе на подъемъ культурнаго уровня еврейской массы“. Высказавъ, далѣе, нѣкоторыя опасенія насчетъ того, что сіонизмъ не явится полнымъ и окончательнымъ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса, П. Н. Милюковъ прибавляетъ: „Для очень значительной массы путь къ національному самосознанію и къ гражданскому правосознанію идетъ до извѣстнаго пункта въ одномъ и томъ же направленіи. Это обстоятельство даетъ возможность *и даже налагаетъ обязанность* горячо привѣтствовать сіонизмъ даже и со стороны тѣхъ, которые разойдутся съ нимъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ и средствахъ“.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ словамъ ученаго могутъ служить слѣдующія строки поэта, г. М. Горькаго: „Мнѣ глубоко симпатиченъ великій въ своихъ страданіяхъ еврейскій народъ; я преклоняюсь передъ силой его измученной вѣками тяжкихъ несправедливостей души, измученной, но горячо и смѣло мечтающей о свободѣ. Хорошая, огненная кровь течетъ въ жилахъ вашего народа! Мнѣ говорятъ, что сіонизмъ—утопія: не знаю, можетъ быть. Но поскольку въ этой утопіи я вижу непобѣдимую, страстную жажду свободы, для меня это—реальность, для меня—это великое дѣло жизни“.

Такъ говоритъ непосредственное чувство русскаго писателя; посмотримъ же теперь, что̀ думаетъ и чувствуетъ сынъ и пѣвецъ угнетеннаго племени, г. Фругъ.

Что заставило русскихъ евреевъ придти къ убѣжденію, что „невозможно счастье — счастье безъ отчизны“ (слова другого еврейскаго поэта) и начать мечтать о созданіи собственнаго государства? Развѣ у нихъ нѣтъ въ настоящее время родины?

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ слѣдующее стихотвореніе г. Фруга („Итоги“):

Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я не зналъ
И дня отраднаго понынѣ.
Подобно страннику въ пустынѣ
Среди песковъ и голыхъ скалъ,
Брожу, пути не разбирая...
Россія—родина моя,
Но мнѣ чужда страна родная,
Какъ чужеземные края!
Какъ врагъ лихой, какъ прокаженный,
Отъ нихъ запретомъ огражденный,
Я не видалъ дубравъ и горъ,
Ея морей, ея озеръ,
Степей безбрежнаго приволья
И величавой простоты,
Ея великаго раздолья,
Ея могучей красоты.
Какъ сказкѣ о чужой и чудной
Странѣ, разсказамъ я внималъ
Про гордый строй кавказскихъ скалъ
И Крыма берегъ изумрудный,—
Обитель дикой красоты,
Гдѣ русской лиры славный геній
Взлелѣялъ яркіе цвѣты
Своихъ безсмертныхъ вдохновеній...
Въ темницѣ выросло дитя,—
Ему ли пѣть о блескѣ дня,
О шумѣ волнъ, просторѣ поля?..
Блѣдна, убога пѣснь моя,
Какъ ты, моя слѣпая доля!

Какая трогательная жалоба!.. Она живо напомнила мнѣ другія стихотворенія г. Фруга его лучшей поры.

Когда тебя рукой заботливой и нѣжной,—

обращался поэтъ къ своему сверстнику-христіанину,—

Водила мать въ зеленыя поля,
И радостью живой и безмятежной
Дышала грудь свободная твоя,—
Въ заброшенномъ углу, на камнѣ подъ заборомъ,
Въ конурѣ пса, забытый, я лежалъ,
И надъ моимъ глумился ты позоромъ,
И надъ моею мукой хохоталъ.
Съ мечемъ ли воина въ десницѣ всепобѣдной,
Съ вѣсами-ль правосудія въ рукахъ,
Во храмѣ ли науки заповѣдной,
Съ молитвой ли смиренной на устахъ,
Все тотъ же ядъ вражды и ненависти жгучей,
Ты въ грудь мою рукой жестокой лилъ...
О, сколько силы свѣжей и могучей
Во мнѣ ты этимъ ядомъ задушилъ!

. . . .

Бывали годы бѣдъ у всякаго народа.
Рыдали ихъ пѣвцы, но каждому вдали
Сіяли, какъ заря, грядущая свобода
И счастье дальнее родной его земли.
Но тщетно для тебя, народъ мой, въ Божьемъ мірѣ
По мукамъ и скорбямъ искалъ я двойника,
Искалъ пѣвца, на чьей найти могла бы лирѣ
Отзывный стонъ моя глубокая тоска!
Я находилъ пѣвца съ рукою ополченной,
Пѣвца съ кошницею и мирною сохой,
А у меня въ рукѣ — лишь факелъ похоронный
Да заступъ роковой...

Вотъ оно, то мрачное настроеніе, граничащее съ отчаяніемъ, изъ котораго выросла мечта сіонизма. Относитесь къ этой мечтѣ, какъ угодно,—повторю я здѣсь то, что̀ писалъ недавно по поводу стиховъ другого поэта-сіониста,—зовите ее неосуществимой фантазіей, но вы должны все же признать, что по мотивамъ своимъ она и трогательна, и высоко-поэтична...

Вся книга новыхъ пѣсенъ г. Фруга отъ первой до послѣдней страницы звучитъ горькими нотами скорби, негодованія и глубокой любви къ родному племени.

Любить Сіонъ, какъ любитъ грудь родную
Больное и голодное дитя,—
Вотъ лучъ, душѣ моей свѣтящій въ ночь глухую,
Мой якорь, брошенный въ пучину роковую,
Отрада сладкая моя!

Этимъ лучемъ среди глухой ночи, этимъ спасительнымъ якоремъ надежды явилась для поэта — именно мечта сіонизма...

И свѣтъ мечты моей, и пѣсенъ даръ убогій
Къ нерукотворному несу я алтарю,
Моля съ тоской, надеждой и тревогой:
«Зажги, о Господи, надъ нашею дорогой
Зарю, вѣками жданную зарю! —
Чтобы, скитальца на родное лоно
Зовущая теперь, звѣзда Сіона,
Звѣзда надежды не была одной
Изъ тѣхъ падучихъ звѣздъ, что столько разъ являли
Свой блескъ мгновенный въ ночь его печали —
И гасли въ тьмѣ ночной!..»

Насколько возможно по стихамъ поэта судить не только объ его чувствахъ, но и объ идеяхъ, г. Фругъ главную задачу сіонизма въ настоящій моментъ видитъ не въ международномъ политиканствѣ на манеръ Герцля и Макса Нордау, припадающихъ къ стопамъ турецкаго падишаха, а въ энергичной и самоотверженной культурной работѣ еврейской интеллигенціи среди темныхъ еврейскихъ массъ.

Назадъ всего лишь двадцать лѣтъ,—

разсказываетъ онъ,—

Народъ родной съ его судьбою,
Съ тысячелѣтнею борьбою
За правду, волю, миръ и свѣтъ
Для насъ былъ чуждъ и непонятенъ:
Сквозь черноту постыдныхъ пятенъ—
Плодъ рабства, страха, нищеты—
Не виденъ былъ намъ пламень чистый,
Мерцавшій вѣрою лучистой
Въ душѣ народа...

Одни изъ интеллигентныхъ евреевъ, „примкнувъ къ семьѣ чужой, чужую скорбь, чужое горе питали чуткою душой“; другіе постыдно ушли въ служеніе „пустымъ и пошлымъ личнымъ благамъ“. По увѣренію поэта, тѣ и другіе прозрѣли теперь и сблизились въ одной прекрасной цѣли—служить возрожденію и просвѣтленію темнаго, страдающаго народа. Такихъ свидѣтельствъ самоотверженнаго энтузіазма сіонистской молодежи, цѣлыми сотнями покидающей университетскія скамьи и уютныя родныя гнѣзда, чтобы идти „въ народъ“, немало, и относиться къ нимъ съ ироническимъ недовѣріемъ у насъ нѣтъ никакого основанія,

Другая симпатичная, по нашему мнѣнію, черта сіонизма г. Фруга—его вѣра въ „землю“, въ то, что возвращеніе къ земледѣльческому труду возродитъ изстрадавшійся еврейскій народъ не только духовно, но даже и физически.

— О, посмотри, чѣмъ стало тѣло,
Чѣмъ стала плоть твоя, народъ!..
Вернись къ землѣ, къ садамъ и нивамъ,
Когда-то, въ блескѣ лучшихъ дней,
Пріютомъ мирнымъ и счастливымъ
Служившимъ юности твоей.
Какъ пыль съ цвѣтка въ алмазныхъ росахъ,
Съ души ты смоешь прахъ заботъ;
Скитальца посохъ, старый посохъ,
Какъ жезлъ библейскій, процвѣтетъ!

И въ другомъ мѣстѣ:

Въ поле, народъ обездоленный, въ поле!
Тамъ обрѣтешь ты въ трудѣ и на волѣ
Снова и Бога, и счастье!

Отмѣтимъ и еще одну черту: г. Фругъ не предъявляетъ, повидимому, къ сіонизму слишкомъ торопливыхъ требованій, за которыми слѣдуетъ обыкновенно, послѣ первыхъ же невзгодъ и неудачъ, самое мрачное разочарованіе; онъ ясно понимаетъ, что двухтысячелѣтнее зло не такъ легко и скоро можно исправить, и что еврейскому народу предстоитъ еще впереди много тяжелыхъ испытаній. И объ одномъ молитъ онъ небо,—

Чтобъ рабства нашего позорящая сила,
Какъ самый лютый голодъ, насъ томила;

Чтобъ ощущали мы, какъ жажду въ лѣтній зной,
Стремленье жгучее къ завѣтной долѣ той,
Что̀ нынѣ кажется намъ сномъ, — и для народа
Насущнымъ хлѣбомъ стала бы свобода;
Чтобъ дума свѣтлая о ней,
Зажженная огнемъ сознательнаго гнѣва,
Запала въ душу намъ, какъ въ борозду полей
Зерно благословеннаго посѣва
И расцвѣла бы въ ней, какъ возрожденный рай...

Я тоже думаю, что день тотъ, когда свобода и человѣческое достоинство станутъ, наконецъ (благодаря работѣ національнаго или какого другого самосознанія), вторымъ „насущнымъ хлѣбомъ" для забитыхъ, приниженныхъ массъ еврейскихъ, не такъ еще близокъ. Но, съ другой стороны, долженъ же, наконецъ, и для европейскихъ обществъ наступить день обновленія, когда человѣкъ во всякомъ другомъ человѣкѣ признаетъ не волка, а брата? Тогда, я вѣрю, и злополучному еврейскому народу не понадо̀бится уходить „за дальнее Средиземное море", въ поискахъ своего чуть не до-историческаго Сіона...

Что касается чисто-художественной стороны поэзіи г. Фруга, то должно, къ сожалѣнію, сознаться, что выдержанныхъ до конца, безупречныхъ по формѣ стихотвореній въ новой его книгѣ очень мало (отмѣтимъ, напр., прекрасныя стихотворенія: „Въ пути", „Шейлокъ", „Выборъ"). Большая часть остальныхъ, не смотря на отдѣльные красивые стихи и поэтическія мѣста, страдаютъ обычнымъ, стариннымъ порокомъ г. Фруга—непомѣрной растянутостью; съ этимъ недостаткомъ не въ силахъ часто бороться даже искреннее вдохновляющее поэта чувство, и стихи его лишь въ слабой степени затрагиваютъ сердце читателя. Въ извѣстномъ смыслѣ г. Фругъ вправѣ, конечно, претендовать на титулъ „арфы эоловой доли народной, эха народныхъ скорбей", но при этихъ словахъ невольно вспоминаешь другого пѣвца народнаго горя, 25-лѣтнюю память котораго мы будемъ вскорѣ чествовать. Съ какой силой овладѣваетъ душой читателя хотя бы слѣдующее крошечное стихотвореніе Некрасова:

Вчерашній день, часу въ шестомъ,
    Зашелъ я на Сѣнную.
Тамъ били дѣвушку кнутомъ,
    Крестьянку молодую.
Ни звука изъ ея груди,
    Лишь бичъ свисталъ, играя...
И Музѣ я сказалъ: «Гляди —
    Сестра твоя родная!..»

Восемь коротенькихъ строчекъ, а сколько сказано!.. Вѣдь это картина всей дореформенной эпохи. Будто во-очію видишь ужас-

ную драму. Звѣрь-помѣщикъ силой хочетъ взять ласки приглянувшейся ему крѣпостной дѣвушки; но поруганное молодое чувство мститъ за себя кровавымъ самосудомъ, за которымъ слѣдуетъ немилостивый дореформенный судъ и публичное бичеваніе на Сѣнной площади. Этихъ подробностей у Некрасова, правда, нѣтъ, но вы такъ ярко видите ихъ передъ собою... Такова сила огромнаго поэтическаго таланта!

Какими блѣдными, безсильными кажутся послѣ этого тягучіе, словно спотыкающіесе „вольные" стихи г. Фруга:

Я съ радостью взиралъ на пробужденье
Тѣхъ чувствъ и думъ, *что́* пѣснью я будилъ...
. . . .
И тѣмъ страстнѣй я жаждалъ возрожденья
Народа моего, *чѣмъ глубже и полнѣй*
Я понималъ, какъ сладостна та сила,
Какою власть Господня одарила
Живую красоту долинъ, лѣсовъ, полей
Отчизны-мачихи моей.

Не въ совершенствѣ владѣетъ г. Фругъ даже и техникой версификаціи:

Въ очи яркія идола *не* заглянувъ...
. . . .
Ты грѣшный ли призракъ безъ *у*спокоенья,
Дитя безъ пріюта на Божьей землѣ,
И *безъ* колыбели, и *безъ* погребенья.

Ради стиха приходится здѣсь ставить удареніе на служебныхъ частицахъ, лишенныхъ всякаго ударенія.

Отмѣтимъ еще пристрастіе г. Фруга къ несуществующимъ въ русскомъ языкѣ, придуманнымъ словамъ и выраженіямъ, какъ, напр.: «недородные плоды", „трижды сильнѣй", „зо́ря" (имен. пад. ед.) и т. п.

П. Я.

Народъ и книга.

X. Техника печати и техника чтенія. Названіе и внѣшность.

I.

Рядомъ съ вопросомъ о мотивахъ и процессѣ творчества, слушателей моихъ иногда останавливали вопросы чисто техническаго характера. Не имѣя никакого представленія о книгопечатаніи, нѣкоторые слушатели никакъ не могли понять, какъ производится эта аккуратненькая и, въ то же время, столь дешевая книжечка.

— А скажите, какъ дѣлаются, примѣрно, эти самыя книжки?—спросилъ меня однажды крестьянинъ послѣ одного чтенія.

Я объяснилъ ему.

— То-то,—успокоился онъ.—Я такъ и думалъ; думалъ, если все это написать, да еще такъ аккуратно—трудно бы было. Тогда, не знаю, и за рубль досталъ ли бы такую книжку, а то—$1^1/_2$ копѣйки!

Въ другой разъ, послѣ какого-то чтенія въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей, презрительно разсмѣявшись, воскликнулъ:

— И черты ихъ батьку вѣдаютъ, когда они все это пишутъ; гдѣ у нихъ время столько берется!

— У нихъ дощечки такія есть, что сразу много книгъ печатаютъ,—пояснилъ ему другой.

Вообще, насколько мнѣ пришлось замѣтить, слушатели мои, особенно деревенскіе, почти не отличали слова „писать“ отъ слова „печатать“ (нѣкоторымъ это послѣднее слово и вовсе не было извѣстно) и нерѣдко случалось, что иной слушатель, желая похвалить книжку, восклицалъ:

— Ловко напечатано!

Были случаи, когда слушатели, уже зная слово „типографія“, представляли ее себѣ чѣмъ-то вродѣ фонографа. Послѣ чтенія разсказа „Воръ“, на чье-то восклицаніе: „А-ахъ, с...с...! Вотъ ловко написано—чисто“! другой замѣтилъ:

— Значитъ, въ деревнѣ тамъ, гдѣ этотъ Алешка былъ, типографія стояла—и какъ парни гуляли или разговоръ вели,—оно въ книжкѣ прямо и печаталось.

Въ другой разъ, когда я читалъ въ разсказѣ „Бабья доля“ описаніе крестьянской свадьбы, одна слушательница воскликнула съ испуганнымъ недоумѣніемъ:

— Да ты это, можетъ, на свадьбѣ у Петра былъ (наканунѣ

этого въ деревнѣ была свадьба), и теперь вычитываешь изъ книжки, какъ тамъ все было, распорядки всѣ?!.

— Да нѣтъ же!—заступилась за меня другая.—Я тамъ на свадьбѣ съ утра была—его не было, и не зашелъ!

— Да это просто баба какая ему (т. е. мнѣ) разсказала, онъ и написалъ,—сдѣлала предположеніе третья,—она разсказывала, а онъ писалъ, а теперь читаетъ...

II.

Слушатели и на моихъ чтеніяхъ, и, еще чаще, въ аудиторіи г-жи Алчевской, также останавливались на самомъ процессѣ чтенія и отмѣчали, какое значеніе имѣетъ для пониманія книжки хорошее выразительное чтеніе.

Въ деревенской аудиторіи г-жи Алчевской, послѣ чтенія „Власти тьмы", одна изъ слушательницъ отозвалась о пьесѣ:

— Ужъ можетъ ли быть понятнѣе!

— Да еще, какъ внятно читаютъ!—дополнилъ Кирилла.

— Все по точкамъ, все по точкамъ, да еще голосомъ заводятъ,—разъяснилъ Григирій.

— А я вотъ что вамъ скажу, люди добрые,—замѣтилъ Демьянъ,—можетъ быть, кто изъ насъ и не понялъ бы чего-нибудь, если бъ не такое чтеніе. Еще и то нужно принять во вниманіе, какимъ голосомъ прочитано. Они такъ читаютъ, какъ сказку разсказываютъ, *будто и не изъ книги* *).

И въ самомъ дѣлѣ, народному слушателю, привыкшему къ трудному, медленному и невыразительному чтенію средняго деревенскаго грамотѣя, трудно, по крайней мѣрѣ вначалѣ, ассоціировать живое, плавное, выразительное чтеніе съ идеей, что это „вычитывается изъ книжки". Такое чтеніе иногда производило на слушателей впечатлѣніе живой рѣчи. Такъ, въ той же аудиторіи, по поводу „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ", Демьянъ, характеризуя чтеніе учительницъ, замѣтилъ:

— И какъ все это хорошо выходитъ въ ихъ чтеніи, *словно на самомъ дѣлѣ* (происходитъ): то тихонько, то сильнѣе, то жалобно, то на смѣхъ **).

Бывали и такого рода недоразумѣнія, что слушатели полагали, что учительница вычитываетъ изъ книги и интонацію. Такъ, при чтеніи „Дубровскаго", когда учительница, придавая своему голосу оттѣнокъ подобострастія и смиренія, прочла льстивую рѣчь засѣдателя Шабашкина, одно изъ женщинъ воскликнула:

— Вишь, какимъ голосомъ говоритъ, подлая! ***).

---

*) «Что читать народу?» Т. II, стр. 127.

**) Тамъ же, стр. 521.

***) Тамъ же, стр. 442.

Однажды, на рудникѣ, мнѣ былъ поставленъ въ довольно характерной формѣ вопросъ относительно самаго процесса чтенія.

Кузнецъ, только что научившійся читать, сидѣлъ ночью въ кузницѣ и, при шахтерской лампочкѣ, усердно, съ большимъ трудомъ, читалъ вслухъ какую-то книжку, спотыкаясь на каждомъ словѣ. Послѣ получаса такого мучительнаго чтенія, онъ вдругъ вскочилъ, швырнулъ книжку со всего размаху въ уголъ и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ отчаяніемъ и раздраженіемъ:

— Да растолкуй ты мнѣ, Христа ради, *ка-акъ* ты читаешь? Что дѣлаешь, что у тебя чтеніе легко такъ выходитъ, ровно вода льется? Читаешь —любо слушать, а у меня—что ни слово, то запинка: стопъ, пока не разберу. Что-о ты дѣлаешь? Или ты сразу всю строчку забираешь, на всѣ слова сразу глядишь, или какъ? Я,—такъ каждое слово особо разбираю по буквамъ...

III.

Культурный читатель, приступая къ чтенію какой-нибудь книги, обыкновенно заранѣе знаетъ, что, приблизительно, дастъ или можетъ ему дать эта книга. Для предварительнаго опредѣленія характера и приблизительной оцѣнки достоинствъ какой нибудь книги или статьи, въ распоряженіи культурнаго читателя имѣется довольно много средствъ и признаковъ: имя автора, названіе книги, оглавленіе, предисловіе, названіе издательской фирмы или журнала, гдѣ напечатана статья, отзывы печати, дата и т. п. Изо всѣхъ этихъ признаковъ для народнаго читателя доступенъ только одинъ: названіе книжки (иногда еще рекомендація знакомыхъ). Только по этому признаку, по одному или нѣсколькимъ словамъ въ заголовкѣ книжки, народному читателю предоставляется опредѣлить и характеръ незнакомой книжки, и ея достоинства. Естественно поэтому, что онъ особенно внимательно относится къ этому признаку.

Лубочные издатели, практически изучившіе психологію народнаго читателя, обыкновенно снабжаютъ свои изданія очень опредѣленными названіями. Прежде всего въ большинствѣ названій лубочныхъ книжекъ фигурируетъ или слово „житіе" или слово „сказка", которыя опредѣленно указываютъ, къ какому отдѣлу относится книжка: религіозному или „сказочному". И если слово „житіе" служитъ уже само по себѣ достаточной рекомендаціей книжки, то для „Сказки", если она не носитъ популярнаго въ народной средѣ названія („Бова Королевичъ" „Францыль", „Милордъ"), обыкновенно придумывается названіе пострашнѣе или посмѣшнѣе, которое часто не имѣетъ ничего общаго съ содержаніемъ книжки *).

*) При выборѣ книги, названіе играетъ особенно важную роль не только

Если народный читатель не имѣетъ передъ собою опредѣленнаго „названія",—ему рѣшительно нечѣмъ руководствоваться при выборѣ книжки. Представьте себѣ, что этотъ читатель встрѣчаетъ у офени незнакомыя книжки: „Два старика" Л. Толстого, „Дѣдъ Софронъ" Савихина или „Сигналъ" Гаршина. Какъ ему опредѣлить хоть приблизительно характеръ и достоинства этихъ книжекъ? Имена Толстого, Савихина и Гаршина ему такъ же ничего не говорятъ, какъ и неопредѣленныя названія книжекъ. И онъ долго поворачиваетъ въ рукѣ незнакомую ему книжку; разсматриваетъ ее, стараясь уловить въ ея внѣшности какую нибудь „примѣту", и, не будучи въ состояніи опредѣлить „божественная" она или „сказочная", интересная или скучная, нравоучительная или безнравственная,—онъ, не рѣшаясь рискнуть пятакомъ, кладетъ ее назадъ и спрашиваетъ книжку „про Филарета" или „про Францыля". Эти книжки онъ, можетъ быть, уже и читалъ, онѣ, можетъ быть, его и не удовлетворяютъ, но относительно ихъ онъ, по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь знаетъ.

Въ моемъ личномъ опытѣ, мнѣ привелось отмѣтить слѣдующую особенность въ отношеніи слушателей къ названіямъ книжекъ. Они, т. е. слушатели, почти никогда не помнили названій книжекъ, которыя я имъ читалъ. Но для книжекъ, которыя имъ нравились, они придумывали свои названія, которыя соотвѣтствовали или имени главнаго героя, или основной сути разсказа, или, наконецъ, какой нибудь частности, особенно поразившей слушателей. Такимъ образомъ, большинство прочитанныхъ мною книжекъ были извѣстны—и нѣкоторыя получили популярность—среди моихъ слушателей подъ совершенно другими названіями. Такъ, напримѣръ, были переименованы:

«Власть тьмы»	въ	«Книжку про Матрену».
«Чѣмъ люди живы»	—	«Про сапожника Семена».
«Кривая доля»	—	«Про пьяницу Мокея».
«Воръ»	—	«Про Алешку» или «Про овчинку».
«Четыре дня»	—	«Про бѣднаго солдатика».
«Христосъ въ гостяхъ у мужика»	—	«Про Христа и мужика».
«Упустишь огонь—не потушишь»	—	«Какъ бабы ссорились».

для читателя-крестьянина или рабочаго, но и для горожанина изъ простонародья, хотя онъ прибѣгаетъ и къ другимъ признакамъ для опредѣленія достоинствъ книжки. «Мелкая буржуазія и мелкіе мѣщане...—пишетъ Н. А. Рубакинъ,—ищутъ заглавіе построшнѣе и позамысловатѣе, спрашиваютъ одну книгу за другою, перелистываютъ ее, смотрятъ начало и конецъ,—трагическая ли тамъ развязка, смотрятъ, легокъ ли языкъ книги,—много ли «черточекъ» (книги въ разговорной формѣ предпочитаются). Если на какой либо страницѣ попадается описаніе какого либо «раздирательнаго» событія—выстрѣлъ, кровь и т. п., если черточекъ много, читатель беретъ книгу для прочтенія». («Этюды», стр. 149).

«Дѣдъ Софронъ»	— «Какъ землю дѣлили».
«Сколько человѣку земли надо»?	— «Про землицу».
«Наль и Дамаянти»	— «Золотыя гуси» (по названію первой главы) и т. д.

IV.

Не находя названія книжки достаточнымъ для опредѣленія ея характера и достоинствъ, народный читатель обращаетъ большое вниманіе на ея внѣшность: обложку, форматъ, объемъ.

Обыкновенно, раньше, чѣмъ читать какую-нибудь книжку, я клалъ на столъ всѣ имѣвшіяся при мнѣ книжки, предоставляя слушателямъ выбирать какую-нибудь изъ нихъ для чтенія. Въ этомъ выборѣ принимали участіе не только грамотные, но и неграмотные слушатели и, что меня поразило, послѣдніе всегда отличали по внѣшности среди лубочныхъ книжекъ (безъ картинокъ) религіозную книжку отъ сказки. Внимательно, напряженно разсматриваетъ какой-нибудь неграмотный слушатель нѣсколько книжекъ и, наконецъ, рѣшительно беретъ одну и протягиваетъ мнѣ:

— На! вотъ эту читай: это хорошая, божественная!

— Да откуда-жъ ты знаешь, что божественная?—спросишь его.

— Да ужъ знаю,—отвѣчаетъ онъ, улыбаясь.—По виду замѣтно, какая божественная.

Большое значеніе играетъ для народнаго читателя въ выборѣ книжки ея объемъ. И если малограмотнаго читателя или слушателя отпугиваютъ толстыя книги, то читатели болѣе или менѣе грамотные, въ особенности рабочіе, считаютъ толстыя книги („которыя образованные читаютъ“) болѣе серьезными, интересными. Это отмѣчаетъ и Х. Д. Алчевская, Н. А. Рубакинъ и другіе, имѣвшіе дѣло съ городскимъ или фабричнымъ читателемъ.

Помимо этихъ признаковъ, для народнаго читателя играетъ большую роль просто красивая внѣшность книжки. Въ умѣ простого человѣка красивая, „аккуратная“ внѣшность книжки безсознательно ассоціируется съ „красивымъ“, интереснымъ содержаніемъ.

Однажды, на рудникѣ, взялъ я книжку „Юліанъ Милостивый“, изданіе Маракуева. Но не успѣлъ я еще прочесть и названія, какъ шахтеръ одинъ крикнулъ мнѣ рѣшительно:

— Брось ты эту: не интересная! Другую вонъ бери!

— Да откуда знаешь что она неинтересная?—спросилъ я его.

— Да она... какая то длинная... *)

За то очень нравилась слушателямъ, и деревенскимъ и руд-

---

*) Т. е. продолговатая по формату.

ничнымъ, внѣшность изданій „Русской Мысли". Выбирая однажды книжку для чтенія, одинъ шахтеръ, радостно остановился на „Убивцѣ" В. Короленко, и подавая мнѣ книжку, воскликнулъ:

— Вотъ должно книжечка хорошая! Аккуратненькая—первый сортъ!

Эту же самую особенность въ отношеніи читателя къ внѣшности книжки, отмѣчаютъ и нѣкоторыя учительницы, завѣдующія городскими библіотеками:

Школьной библіотекой очень охотно пользуются, всѣ грамотныя ученицы,—

читаемъ мы въ отчетѣ женской воскресной школы г. Новочеркасска за 1895—1896 г.—

при этомъ всѣ просятъ дать книгу „потолще", опредѣляя достоинство книги по ея толщинѣ и еще по какимъ то неуловимымъ для учительницъ признакамъ. Бываетъ часто такъ, что учительница добросовѣстно выберетъ книгу по возрасту и развитію ученицы, но ученица, осмотрѣвъ книгу, дѣлается грустна и разочарованно посматриваетъ на книгу. «Вы, можетъ быть, читали эту книгу»?—спрашиваетъ учительница.—«Нѣтъ не читала; только дайте мнѣ вотъ эту, толстую». Иная же ученица замѣтитъ, что заглавіе книги ей не нравится, или, что въ книгѣ нѣтъ картинокъ, или: «я брала въ прошлый разъ книжку, *похожую на эту*, такъ она мнѣ не понравилась *).

Въ отчетѣ Суджанской воскресной школы говорится:

При выдачѣ книгъ... происходили недоразумѣнія между библіотекаремъ и читателемъ: первый старался дать, особенно для перваго раза, книжку удобопонятную и небольшую, такъ какъ это облегчаетъ тщательное ознакомленіе съ новымъ лицомъ и правильную выдачу въ будущемъ; второй наровитъ взять *красивую на видъ* и толстую по объему книгу **).

XI. „Пониманіе читаемаго" въ представленіи народнаго читателя.

I.

Вопросъ о томъ, понята или не понята прочитанная книжка, вопросъ въ высшей степени простой и ясный для интеллигентнаго читателя, является далеко не такимъ простымъ въ примѣненіи къ читателю изъ народа.

Прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что огромное большинство народныхъ читателей обучалось грамотѣ по „старинному методу", „по псалтырю и часослову", и большей частью, въ теченіе всего своего обученія не знало иного чтенія, кромѣ *механическаго*. Съ такимъ же механическимъ чтеніемъ встрѣчается народный грамотѣй и въ церкви, и при различныхъ религіозныхъ

---

*) «Хроника воскресныхъ школъ», стр. 21.

**) Тамъ же, стр. 95.

обрядахъ и при чтеніи славянскихъ и, вообще, малопонятныхъ, но душеспасительныхъ книгъ. Такимъ образомъ, механическій *процессъ чтенія* получаетъ для большинства народныхъ грамотѣевъ самодовлѣющее значеніе, и значеніе немаловажное, въ отношеніи, главнымъ образомъ, религіозномъ, и, отчасти, эстетическомъ *).

Если въ культурномъ обиходѣ народнаго читателя встрѣчаются два самостоятельныхъ *типа чтеній*: сознательнаго и механическаго,—то у народа имѣется и соотвѣтственное дѣленіе книгъ на „понятныя" и „непонятныя", при чемъ подъ послѣднимъ терминомъ, большей частью, подразумѣвается нѣчто, недоступное пониманію ни одного человѣка, по крайней мѣрѣ, ни одного русскаго человѣка, а то и совершенно лишенное всякаго смысла.

Малоразвитой народный читатель, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что его непониманіе читаемаго происходитъ отъ недостаточнаго развитія, большей частью, склоненъ допускать, что непонятая имъ книжка, или отдѣльное мѣсто, вовсе лишены смысла. Вмѣсто того, чтобы сказать: „Я не понялъ такой-то книжки или такого-то мѣста", онъ обыкновенно обобщаетъ свое непониманіе выраженіемъ: „Книжка непонятная".

Что народный читатель часто представляетъ себѣ непонятую имъ книжку именно такимъ образомъ, можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ въ книгахъ г. Рубакина и г-жи Алчевской.

Про дурныя и малопонятныя книжки,—пишетъ Н. Рубакинъ,—читатели деревенскіе выражаются очень характерно: напр., «такая-то книжка изъ разныхъ словъ составлена **).

Одна изъ болѣе или менѣе развитыхъ ученицъ городской школы г-жи Алчевской, разсказывая, что она нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ не поняла „Евгенія Онѣгина", пишетъ слѣдующее:

Когда я училась въ школѣ, я нечаянно прочла нѣсколько страницъ «Евгенія Онѣгина», и мнѣ онъ показался французской книгой, до того она мнѣ была непонятна. И когда мнѣ сказали, что эта книга написана на русскомъ языкѣ и что ее написалъ русскій поэтъ Пушкинъ, я не хотѣла вѣрить и твердила, что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ русскаго человѣка, который бы понялъ все, что тамъ написано. Правда, я слыхала, что есть много различныхъ нарѣчій, въ томъ числѣ и русскій образованный разговоръ ***), но онъ

---

*) Одна изъ слушательницъ въ аудиторіи г-жи Алчевской отозвалась о какой-то книжкѣ слѣдующимъ образомъ: «Она хоть и хорошо написана, и читать въ ней хорошо, такъ въ томъ дѣло, что непонятливо». («Что чит. нар.?» Т. 1., стр. 228).

**) «Этюды», стр. 149.

***) Относительно «образованнаго разговора» одна крестьянка, ученица женской воскресной школы г-жи Алчевской, выразилась слѣдующимъ образомъ: «Когда я прислуживаю своимъ господамъ, я часто слышу такіе разговоры, въ которыхъ мнѣ не все ясно, слова, которыхъ я не понимаю, *потому*,

для меня казался такимъ недосягаемымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ умнымъ! И вотъ только теперь, когда я вновь читаю эту книгу, я сознаю свое невѣжество *).

Еще болѣе характерный фактъ разсказываетъ г-жа Алчевская по поводу чтенія „Горе отъ ума“. Одна изъ учениць, не понявшая ни слова изъ монологовъ Чацкаго,

напряженно вслушиваясь въ мудренную рѣчь, замѣтила тихо, вздохнувъ: — Бѣдный! Онъ и самъ не знаетъ, что говоритъ **).

II.

Рядомъ съ полусознательнымъ представленіемъ о „непонятной“ книгѣ, какъ о никому недоступной и даже не предназначенной для пониманія, въ народной средѣ существуетъ еще опредѣленное представленіе о книгахъ трудныхъ къ пониманію, „мудреныхъ“, которыя выдѣляются народомъ въ особую категорію.

Народный грамотѣй, сколько-нибудь знакомый съ религіозной литературой, хорошо знаетъ, что книги этого рода заключаютъ въ себѣ много таинственнаго, сокрытаго отъ профановъ ***) и не могутъ быть такими ясными и „простыми“, какъ сказка. Знаетъ онъ еще, что *надъ* обычными, трудными для пониманія, божественными книжками, существуетъ еще категорія религіозныхъ книгъ, особенно глубокихъ, серьезныхъ и таинственныхъ, какъ Апокалипсисъ, пониманіе которыхъ, и то не полное, доступно только избраннымъ изъ избранныхъ.

Представленіе о томъ, что, чѣмъ книга святѣе и серьезнѣе, тѣмъ она труднѣе для пониманія ****), привело народнаго грамотѣя къ обратному силлогизму: чѣмъ книга непонятнѣе и труднѣе, тѣмъ она серьезнѣе и глубже. Отсюда — глубокое уваженіе къ

что они складываютъ ихъ не по нашему» («Хроника воскресныхъ школъ» стр. 203).

*) «Что чит. нар.?» Т. II, стр. 471.

**) Тамъ же, стр. 244.

***) Предположенія о нарочномъ сокрытіи смысла книги высказываются иногда и относительно свѣтскихъ книгъ. Въ дневникѣ г-жи Слетовой-Черновой я нашелъ слѣдующее характерное разсужденіе. Послѣ чтенія какого-то разсказа Григоровича, одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— Странно пишетъ г. Григоровичъ. Начнетъ — какъ будто ничего, а кончаетъ ничѣмъ...

— Это оттого, что словъ иностранныхъ у него много,—отозвался другой.

— Я думаю,— отозвался еще одинъ, К—въ,—что очинно интересныя вещи тамъ пишутъ, такъ это дѣлается (т. е. употребленіе иностранныхъ словъ чтобы не всѣ понимали...

****) Характерно, что все трудное и малопонятное въ области интеллектуальной народъ называетъ «мудренымъ».

книгамъ, непонятнымъ не только вслѣдствіе сложности содержанія, но и вслѣдствіе трудности языка. Отсюда — такіе читатели, какъ Валентинъ, герой разсказа Гончарова „Слуги“. Валентинъ этотъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

— Если все понимать, такъ и читать не нужно, что тутъ занятнаго!

Когда Гончаровъ читалъ ему стихотвореніе „Хоть весною и тепленько“... онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ слушалъ чтеніе.

— Это каждый мальчикъ пойметъ или деревенская баба!» — сказалъ онъ глядя въ сторону: «прочиталъ разъ, понялъ, да и бросилъ: что же тутъ занятнаго? То ли дѣло вотъ это:

Земли жилецъ бездыханный—страданье
Ему судьбы на часть насъ обрекло...

— Вотъ пойми-ка это? Не угодно-ли растолковать? — вызывающимъ тономъ добавилъ онъ.

Когда авторъ принялся растолковывать содержаніе темнаго стиха, „Валентинъ положилъ книгу и снялъ очки“.

— Вы, можетъ быть, и Покалипсъ понимаете,—ѣдко спросилъ онъ *).

III.

Останавливаясь на этой особенности простого человѣка, на его способности читать безъ пониманія читаемаго и даже находить въ этомъ извѣстный интересъ и удовольствіе, Гончаровъ, какъ и раньше его Гоголь, увидѣли въ этомъ одну только комическую сторону, не больше. Гораздо вдумчивѣе и глубже отнесся къ этой особенности въ психологіи простого читатели великій печальникъ народный Гл. Ив. Успенскій. Въ замѣчательномъ по своей глубинѣ и художественности разсказѣ „Голодная смерть“ описывается, какъ Ѳедюшка, сынъ бѣдной крестьянки, читалъ книги, которыя „либеральные господа“ давали ему безъ разбору. „Развиваясь на этихъ книгахъ, Ѳедюшка ровно таки ничего въ нихъ не понималъ. Онъ „разбиралъ слова“, какъ Петрушка, разбиралъ ихъ цѣлыми десятками, сотнями страницъ, не находя между ними ни смысла, ни связи, а развивался, и именно въ томъ самомъ направленіи, какимъ книги были проникнуты. Тайна такого непостижимаго умѣнья развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго „слова“ чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ писанія понималъ не только доподлинно, а такъ, хоть изъ пятаго въ десятое, что та-

*) Сочиненія, т. IX.

кое читается въ церкви, какая начетчица понимаетъ, что такое написано въ Псалтыри, которую она зудитъ по годамъ? Что такое написано въ Апостолѣ? Никто, никогда, ни одинъ самый завзятый начетчикъ и грамотѣй крестьянскаго знанія не могъ и не можетъ разсказать (развѣ что вызудивши дѣло до тла), о чемъ такомъ ему читаютъ, но всякій знаетъ въ чемъ дѣло, потому что сердцемъ понимаетъ сердце автора, будь то царь Давидъ, Апостолъ, самъ Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатель, продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направленіи, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого стараго старика, всхлипывающаго на печкѣ отъ чтенія Псалтыри, такого чтенія, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ, потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ, ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаетъ къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему,—спросите этого плачущаго старика, что такое растрогало его въ этихъ, какъ разваленный плетень натыканныхъ его внукомъ словахъ? То, что онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непремѣнно годится въ горбуновскій разсказъ: непремѣнно выйдетъ что-нибудь вродѣ: „наслѣжу, говоритъ, слѣдовъ (плачетъ), а ты... гов... (плачетъ) говоритъ, по нимъ и ходи (рыдаетъ)". Словомъ, выйдетъ непремѣнно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ, онъ рыдаетъ тѣми же слезами, какими рыдалъ и царь... Сердце его такъ же мучается своими прегрѣшеніями, какъ мучилось такъ же своими прегрѣшеніями и сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ... Старику передалось только направленіе книги; онъ только почуялъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами...

„Такимъ порядкомъ читаютъ въ трактирахъ и газеты, не понимая ни этой „фанатизмы", не зная, что Царь-Градъ, Стамбулъ и Константинополь—одно и то же, не понимая, что такое пишется въ романѣ, переведенномъ съ французскаго, что такое поется въ театрѣ Буффъ и въ „Ливадіи", словомъ, не понимая почти никакихъ словъ газетъ, еле-грамотный чтецъ отлично-хорошо чуетъ шаромыжнически-практическое и плутовски-улыбающееся сердце газеты и отвѣчаетъ ему смѣлостью, съ которою шаромыжничество возрастаетъ въ народѣ въ значительной степени. Точно такъ вліяли непонятныя книги и на Ѳедюшку. Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чуялъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое, доброе" *).

*) Сочиненія. Т. I, стр. 658—659.

V.

Вопросъ о томъ, понята или не понята прочитанная книга опредѣляется для интеллигентнаго читателя самъ собою, во время самаго чтенія. Онъ обыкновенно приступаетъ къ чтенію съ опредѣленнымъ запросомъ—и если основная идея ему неясна или отдѣльныя мѣста ему непонятны—онъ сознаетъ, что не понялъ всей книги или отдѣльныхъ мѣстъ.

Народный читатель, мало знакомый съ основной задачей литературы, привыкшій къ механическому чтенію, очень часто читаетъ *пассивно* и во время самаго чтенія не особенно строго слѣдитъ за своимъ пониманіемъ *). И если, послѣ чтенія, вниманіе его останавливается на вопросѣ: „понялъ ли онъ прочитанное“?—ему, для того чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо „провѣрить“ свое пониманіе. Для этого въ его распоряженіи имѣется одно лишь средство: припоминаніе. И онъ начинаетъ припоминать съ самаго начала все, что онъ прочелъ или выслушалъ. Результатомъ такой провѣрки часто бываетъ смѣшеніе или отождествленіе процессовъ „пониманія“ и „запоминанія“, а также и то, что общая идея книжки заслоняется частными, иногда незначительными, деталями. Если прочитанное или прослушанное не припоминается во всѣхъ деталяхъ, слушатель иногда считаетъ, что книжка имъ не понята. Хорошо понятой считается такая книжка, которая сразу вся припоминается, которая, по характерному выраженію одного изъ корреспондентовъ Н. А. Рубакина, „вся въ памяти стоитъ“.

Въ моемъ опытѣ чтеній мнѣ очень часто случалось отмѣчать, что слушатели отождествляютъ слова „понимать“ и „запоминать“ **), въ чемъ, впрочемъ, нѣкоторую роль играло и созвучіе этихъ словъ.

Послѣ прочтенія въ деревнѣ разсказа „Два Старика“ Толстого, на мой вопросъ, понята ли книжка, одинъ изъ слушателей отвѣтилъ:

— Ку-уды тамъ понять! Ее, если бъ намъ разъ десять прочитали—и то, не знаю, запомнили бы ее.

---

*) Одинъ русскій, пріѣхавшій въ Парижъ безъ знанія французскаго языка, признался мнѣ, что отъ долгой привычки слушать непонятную и полупонятную рѣчь, онъ и теперь, ужъ болѣе или менѣе научившись языку, при чтеніи французской газеты часто *не замѣчаетъ*, что та или другая фраза осталась для него неясной.

**) Отмѣчаетъ это мимоходомъ и г-жа Алчевская, но по отношенію къ дѣтскому читателю. По поводу чтенія Тараса Бульбы. она пишетъ: «Ни исключительности натуры Остапа, ни его самоотверженія и мужества, ни его любви къ родинѣ,—ничего этого не могла понять (или «запомнить» какъ выражается она) маленькая Таня». («Ч. ч. н.?» Т. I, стр. 525).

Въ другой разъ, при чтеніи „Христовой ночи“ Щедрина, въ общемъ вполнѣ понятой, на этотъ же вопросъ одинъ крестьянинъ отвѣтилъ:

— Ее бы всю вытвердить—и запомнили-бъ. А то отъ одного чтенія—гдѣ тамъ...

Особенно характерный въ этомъ отношеніи отзывъ получился при чтеніи книжки, не имѣвшей никакой общей идеи. Однажды, не имѣя подъ рукою другихъ книжекъ, я началъ читать на рудникѣ книжку „Пословицы на каждый день“, составленную Л. Н. Толстымъ. Прочелъ я съ десятокъ пословицъ и замѣтилъ на лицахъ слушателей выраженіе недоумѣнія. Я остановился.

— Что за чудную книжку читаешь?—спросилъ одинъ шахтеръ.—Слушаю, слушаю и ничего не понимаю.

— И я тоже,—замѣтилъ другой.

Я началъ объяснять смыслъ пословицъ, но первый слушатель перебилъ меня.

— Такъ, въ чтеніи-то, мы ихъ понимаемъ. Чего не понимать А вотъ, какъ прочитаешь—и забудешь. А, примѣрно, книжки, что читаешь—тѣ помню; всѣ до одной помню, хоть сейчасъ разсказать.

Въ книгахъ „Что читать народу?“ мы находимъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе, что народному читателю иногда достаточно встрѣтить трудно произносимыя и трудно запоминаемыя или непривычныя для русскаго уха имена, чтобы счесть изъ-за этого, что вся книжка не была понята.

Послѣ чтенія „Макбета“ (въ аудиторіи городской школы), когда всѣ стали расходиться, молодая дѣвушка, не окончившая еще азбуки, подошла къ своей, тоже молодой и неопытной учительницѣ и печально сказала:

— А я ничего не поняла.

Та сообщила объ этомъ учительницѣ-библіотекаршѣ, читавшей «Макбета», и она подозвала къ себѣ при выдачѣ книгъ опечаленную дѣвушку.

— Разскажите мнѣ хоть немножко изъ того, что мы читали сегодня.—сказала она ей ласково.

Дѣвушка прекрасно передала содержаніе трагедія. Одно только казалось нѣсколько страннымъ, это то, что она обходилась безъ именъ; такъ, напр., Макбета называла «онъ», леди Макбетъ—«его жена» и т. д.

Выслушавъ ея разсказъ, учительница сказала:

— Какъ же это вы говорили, что ничего не поняли? Вы прекрасно разсказали.

— Имени ни одного не помню,—отвѣтила сконфуженно молодая дѣвушка и зарумянилась до слезъ *).

Другая ученица г-жи Алчевской, сочла трудно произносимыя и трудно запоминаемыя имена,—*непонятными*. По поводу книжки „Четырнадцать дней халифа Абдуррахмана“ она написала:

*) Тамъ же, т. II, стр. 262.

Не поняла я этихъ разныхъ именъ, и хотя они русскими словами (буквами?) написаны, но всетаки я такихъ именъ никогда не слыхала и они для меня удивительны и непонятны *).

XII. „Непонятныя слова".

I.

Вопросъ о формѣ и языкѣ народной книги, — представляетъ собою совершенно отдѣльный вопросъ народной литературы. Какія литературныя формы наиболѣе доступны и наиболѣе свойственны народному читателю? Какой слогъ можетъ считаться народнымъ? Почему читателю чужды, неясны или непонятны тѣ или другія выраженія, тѣ или другіе обороты рѣчи, та или другая конструкція фразы? И т. д. Всѣ эти вопросы, относящіеся къ области этнографіи, психологіи и лингвистики, имѣютъ и большое практическое значеніе, въ дѣлѣ созданія народной литературы и должны составить предметъ серьезнаго и детальнаго научнаго изслѣдованія.

Изъ моего личнаго опыта, я, къ сожалѣнію, почерпнулъ очень мало данныхъ хотя бы для частичнаго освѣщенія даннаго вопроса,—и я поэтому совершенно не буду его касаться. Остановлюсь я здѣсь только на вопросѣ о „непонятныхъ для народа словахъ", для выясненія котораго мнѣ дали нѣкоторый матеріалъ какъ мои народныя чтенія, такъ и чтенія г-жи Алчевской и другихъ.

II.

Обыкновенно, когда идетъ рѣчь о „непонятныхъ для народнаго читателя словахъ", имѣется въ виду только одинъ разрядъ словъ,—главнымъ образомъ, иностранныхъ,—и одна форма непониманія ихъ: полное незнаніе ихъ значенія. Опытъ народныхъ чтеній, однако, свидѣтельствуетъ, что существуетъ нѣсколько категорій и нѣсколько градацій „непонятныхъ словъ" и что между ними первое мѣсто занимаютъ не тѣ слова, которыя остаются для читателя мертвымъ звукомъ, а тѣ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, понимаются народнымъ читателемъ неправильно, ошибочно.

Въ предыдущемъ очеркѣ, говоря о механическомъ чтеніи, мы отмѣтили, что для большинства народныхъ грамотѣевъ *процессъ чтенія* имѣетъ самостоятельное значеніе. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ того, что народные грамотѣи, преимущественно начетчики, а тѣмъ болѣе сектанты, приписываютъ звуко-

*) Тамъ же, т. I, стр. 170.

вымъ особенностямъ слова, процессу произнесенія его,—часто даже независимо отъ понятія, которое это слово обнимаетъ,— религіозное, магическое или символическое значеніе. Всѣмъ извѣстно, конечно, какое значеніе имѣетъ въ народномъ культурномъ обиходѣ „*слово*“, „хорошее“ и „дурное“, заклинанія, заговоры, наговоры и т. д. Причины, почему то или другое „слово“, будучи произнесеннымъ, оказываетъ-то или другое вліяніе, большей частью, кроются въ созвучіи этого слова съ другимъ, реально выражающимъ то понятіе, которое символизируется первымъ.

Въ одной статьѣ, посвященной характеристикѣ секты „Не нашихъ“ *), мы находимъ слѣдующее описаніе отношенія сектантовъ къ словамъ:

„Они (т. е. „не нашинцы“), тщательно избѣгаютъ употребленіе многихъ обыкновенныхъ словъ, замѣнивъ ихъ различными синонимами. Шишкинъ (приверженецъ этой секты), не скажетъ „спать“, а „отдыхать“. Онъ не „пьетъ“ и не „ѣстъ“, а „кушаетъ“, онъ употребляетъ не „чай“, а „китайскую травку“. Отецъ у него „корень“; дѣти — „отрасли“, жена — „подруга“ и т. п. Себя онъ ни за что не хочетъ назвать „человѣкомъ“, выводя изъ Писанія, что человѣкъ есть *ложь*. Эти странности языка дѣйствительно могутъ заставить признать ихъ, „не нашихъ“, съ перваго взгляда за какихъ-то полупомѣшанныхъ и только послѣдующее наблюденіе убѣждаетъ, что тутъ имѣешь дѣло съ людьми далеко недюжиннаго ума... Не забудемъ, что эти люди выработались изъ сектантовъ, помѣшанныхъ на схоластическомъ анализѣ Писанія, на анализѣ *словъ*. Они придаютъ огромное значеніе *слову*. „Гдѣ слово, тамъ и дѣло“, говорятъ они. Всѣ ихъ убѣжденія добыты, главнымъ образомъ, изъ логическаго и филологическаго анализа духовной литературы, да изъ обдумыванья самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Отсюда - та важность, которую они придаютъ чисто словеснымъ различіямъ. Отсюда же— убѣжденіе, будто словесныя аналогіи *всегда* указываютъ на реальныя аналогіи. Льюисъ говоритъ гдѣ то, что нѣкоторыя заблужденія Аристотеля зависѣли отъ того, что, будучи грекомъ, знавшимъ и изучавшимъ только *свой* языкъ, никогда не сравнивая его съ другими, онъ воображалъ иной разъ, что аналогія между двумя словами указывала и на аналогію между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нѣчто подобное видно и у не-нашихъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такое разсужденіе: „Я *чая* не употребляю. *Чай*-то вашъ. Вы *чаете* воскресенія мертвыхъ; вы *чаете* себѣ великихъ и богатыхъ милостей. А я ни отъ кого ничего себѣ не *чаю* и *чая*

---

*) Одинъ изъ такихъ сектантовъ описанъ въ разсказѣ К-ва «Не нашъ» («Русск. Богат.». 1902 г. № 5).

вашего не признаю". Или: „я не *ѣмъ* и не *пью*; это вы *ѣдите* другъ друга и *пьете* кровь изъ ближняго; вы *пьете* водку; кто *пьетъ*, тотъ *пьянъ* живетъ, а я *кушаю*". Или: „кто *спитъ*, тотъ *проспитъ*, а я *отдыхаю*". И дальше этотъ же Шишкинъ... когда ему велятъ читать его статейный списокъ, отвѣчаетъ:—„Я вашего *начертанія* не разумѣю и тѣхъ *чертей*, которые его *начертили* не признаю".

III.

Встрѣчая въ книгѣ какое-нибудь незнакомое слово, народный читатель, прежде всего старается угадать его значеніе по звуковой аналогіи и, не имѣя, большей частью, представленія о самыхъ элементарныхъ правилахъ этимологіи, нерѣдко впадаетъ въ ошибки, придаетъ словамъ смыслъ, ничего общаго не имѣющій съ ихъ истиннымъ значеніемъ *).

Примѣромъ такого толкованія словъ можетъ служить объясненіе слову „чиновникъ", которое было дано въ аудиторіи г-жи Алчевской.

— „Это тотъ, кто *чинитъ* старое платье". (Т. II стр. 349).

Особенно часто происходятъ ошибки въ пониманіи самыхъ элементарныхъ словъ, имѣющихъ вообще, или въ народной рѣчи, еще и другое значеніе.

Когда я прочелъ въ книжкѣ „Махмудкины дѣти" подъ-заглавіе „Разсказъ изъ *послѣдней* войны", шахтеръ одинъ поторопился объяснить это:

— Тутъ, значитъ будетъ описаніе войны, которая передъ свѣтопреставленіемъ будетъ...

При чтеніи „Полтавы" Пушкина слушатели малороссы поняли имя Мазепы въ смыслѣ „чортъ" и разсуждали:

— Эта сказка вродѣ описанія, какъ было, когда въ нашихъ мѣстахъ народъ темный былъ, идоламъ поклонялся, Мазепѣ; значитъ, когда еще въ Бога не вѣрилъ.

Когда я прочелъ въ книжкѣ „Юліанъ Милостивый" первую фразу: „Отецъ и мать Юліана жили въ зáмкѣ", одинъ изъ слушателей, разсмѣявшись, воскликнулъ:

„Жили!" Хорошо житье!.. Въ „зáмкѣ", братъ, не житье, а мýка!..

— Чего!—отозвался, смѣясь, другой.—Квартира хорошая, казенная—первый сортъ!..

---

*) Съ другой стороны, человѣкъ изъ народа склоненъ измѣнять незнакомыя ему въ звуковомъ отношеніи, но извѣстныя по смыслу иностранныя слова такимъ образомъ, чтобы они по-русски соотвѣтствовали выражаемымъ ими понятіямъ. Такимъ образомъ слово «революція» переименовано въ «кровалюцію» «нигилисты» въ «надѣлисты» и т. п.

Не мало было недоразумѣній этого рода и при чтеніяхъ г-жи Алчевской какъ взрослымъ слушателямъ, такъ и дѣтямъ. При этихъ чтеніяхъ были поняты слова и выраженія: „заговоръ"; „заговорщики"—въ смыслѣ „колдовства" (Ч. ч. н? Т. II, стр. 351), „*закаленъ* въ бою"—какъ „заколотъ въ бою"; „разбойники перевелись на Руси"—*обратились* въ русскихъ (II, 164). Стихъ Некрасова: „что *выводитъ* изъ народа" получилъ объясненіе: „Это значитъ, что у насъ много народу *выводится,* родится" (II, 105); „Духовной жаждою томимъ" — „захотѣлъ быть священникомъ" (I, 666). Были поняты слова: „сильная воля", какъ „большая свобода" (I, 620), „богатырь"—„богачъ" (I, 462), „былина"—растеніе (I, 462), „пустыня" — пустынь, св. мѣсто, монастырь, пустынножительство (II, 798) и т. д. и т. д.

IV.

Ошибочное толкованіе словъ происходитъ иногда оттого, что совершенно незнакомое слово смѣшивается, при нѣкоторомъ созвучіи, съ другимъ, хотя и знакомымъ по значенію, но недостаточно привычнымъ для уха. Такъ, напримѣръ, въ аудиторіяхъ г-жи Алчевской были случаи смѣшенія словъ „почтмейстеръ" и „полиціймейстеръ" (I, 547), „карнавалъ" и „коронованіе" (II, 377), „гуманный" и „церемонный", „лунатикъ" и „фанатикъ" („фанатикъ—это тотъ, кто по крышамъ ходитъ") (I, 162), „суевѣрный" и „самоувѣренный" („суевѣрный" — кто самъ себѣ вѣритъ") (II, 188).

Недоразумѣнія происходили иногда оттого, что слушатели смѣшивали частное съ общимъ, причину со слѣдствіемъ и т. п. Слово „геній"—было объяснено: „кто на театрахъ представляетъ" (II, 473), „гордый"—богатый (II, 398), „религіозный" — умный, скромный (II, 722), „просвѣщеніе"—„когда какому нибудь мастерству учатъ" (II, 230). На вопросъ: „Что такое баронъ?" ученикъ одинъ отвѣтилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:—Сочинитель!—Почему ты такъ думаешь?—спросила его чтица.—А какъ же! баронъ Корфъ сочинилъ книжку „Нашъ другъ", отвѣтилъ онъ увѣренно (I, 203) *).

Наконецъ, иногда словамъ приписывается совершенно иной смыслъ по отдаленной и смутной ассоціаціи идей. Такимъ образомъ, случалось, что „Бетховенъ" былъ принятъ за какую-то „пѣсню" (I, 208), „Муза" (при чтеніи сказокъ Андерсена)—однимъ за жену Андерсена, другимъ за собачку (II, 388), „университетъ", за „образцовый полкъ" (II, 541), „нравственная под-

*) Мнѣ однажды встрѣтился старикъ еврей, у котораго для всѣхъ русскихъ книгъ существовало одно и тоже названіе «Родне Слове».

держка"—за „наставленіе, какъ отвѣчать начальству" (II, 188) и т. д.

V.

Выше мы упомянули, какъ нѣкоторыя слушательницы г-жи Алчевской относились къ „непонятнымъ" именамъ. Мнѣ лично приходилось неоднократно отмѣчать, что трудно произносимыя и трудно запоминаемыя имена сильно мѣшаютъ слушателямъ усвоить себѣ содержаніе книжки, слѣдить за ходомъ разсказа.

Въ „Педагогическихъ очеркахъ" Л. Н. Толстого приводится очень яркая картинка, рисующая, насколько непривычному къ чтенію человѣку трудно справиться съ незнакомыми и трудно произносимыми именами, въ особенности когда ихъ много. Преподавая исторію по обычнымъ учебникамъ, въ Ясно-полянской школѣ

одинъ изъ учителей,—разсказываетъ Толстой,—какъ-то увлекся и не послушавшись моего совѣта, не пропустилъ удѣльнаго періода и въѣхалъ во всю безсмыслицу и безурядицу Мстиславовъ, Брячиславовъ и Болеславовъ. Я вошелъ въ классъ въ то время, когда ученики должны были разсказывать. Трудно описать, что изъ этого вышло. Долго всѣ молчали. Вызванные учителемъ, наконецъ, заговорили, кто посмѣлѣе и попамятливѣе. Всѣ умственныя силы были напряжены на то, чтобы запомнить «чудныя» имена, а кто что дѣлалъ, было для нихъ дѣло второстепенное.

«Вотъ онъ,—какъ его, Бариковъ, что ль?—началъ одинъ,—пошелъ на... какъ бишь его?..»—Муславъ, Л. Н?—подсказываетъ дѣвочка.—«Мстиславъ», отвѣчалъ я.—«*И разбилъ его на голову*», съ гордостью говорилъ одинъ.—Ты постой! рѣка тутъ была.—А сынъ войску собралъ и *на голову* расшибъ... какъ бишь его?»—Да что ее никакъ не поймешь, говоритъ дѣвочка, которая памятлива, какъ слѣпой.—И то чудная какая-то,—говоритъ Семка.—Ну, ее, Миславъ, Числавъ, на что ее, чертъ ее разберетъ! *).

Положительно такую же пертурбацію произвели и среди моихъ взрослыхъ деревенскихъ слушателей незнакомыя и трудно произносимыя имена въ книжкѣ „Фабіола", въ которой имена 3—4 дѣйствующихъ лицъ еще начинаются трудною буквою Ѳ. (Фабіола, Фульвій и др.) Слушатели дѣлали всяческія усилія запомнить и правильно произносить эти имена, смѣшивали ихъ и, въ концѣ-концовъ, изъ-за этого неясно поняли содержаніе.

Приблизительно то же самое было при чтеніи этой же книжки въ аудиторіи г-жи Алчевской. То и дѣло раздавались вопросы: „Это кто же?" „А этотъ?" и восклицанія: „Охъ, да и трудныя-жъ эти имена!"—„Да и много же ихъ, и не сосчитать!" (II, 83).

Чтобы какъ-нибудь справиться съ этими „чудными" именами, слушатели или передѣлывали ихъ на русскій ладъ, или обозначали дѣйствующихъ лицъ по душевнымъ качествамъ, по занятіямъ,

*) Сочиненія. Ч. IV, стр. 326—7.

по родственнымъ отношеніямъ между собою и проч. Раньше мы отмѣтили, что ученица „не понявшая“ именъ, называла Макбета—„онъ“, леди Макбетъ—„его жена“ и т. д. То же самое было и при чтеніи „Жервезы“. „Имена положительно не дались нашимъ слушателямъ,—пишетъ одна изъ составительницъ „Что чит. нар.?“—Жервезу они звали крива̀ (хромая), Нану—„дочка“, Лалли—„дивчинка“ (дѣвочка), Гуже—кузнецомъ, Лорилье—сестрой“ (II, 87). То же было и при чтеніи „Фабіолы“. Одного изъ дѣйствующихъ лицъ слушатели называли „вдовій сынъ“, другого—батькой, судьей и т. д. (II, 82). При чтеніи книжки „Братъ на брата“, одинъ изъ слушателей, Григорій, обратился къ учительницѣ съ просьбой: „Нельзя ли добавлять „дядя“ или тамъ „племянникъ“ (къ именамъ), а то они, можетъ быть, забываютъ,—указалъ онъ на другихъ... Учительница съ удовольствіемъ исполнила его просьбу и не читала теперь иначе, какъ Лантенакъ—дядя, Говэнъ—племянникъ, Симурдэнъ—начальникъ и т. д. Довольный своимъ изобрѣтеніемъ, Григорій повторялъ самодовольно: „Вотъ это такъ!“ (II, 89).

Заключеніе.

Вопросъ о психологіи народнаго читателя является однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и наименѣе разработанныхъ вопросовъ народной жизни. Онъ едва-едва затронутъ въ нашей литературѣ.

Матеріалъ, надъ которымъ мнѣ пришлось оперировать при составленіи настоящихъ очерковъ, до того скуденъ, отрывоченъ, недостаточенъ, что на основаніи его, какъ мною было уже указано въ самомъ началѣ, я имѣлъ возможность только *намѣтить* нѣкоторыя особенности въ психологіи народнаго читателя.

Однако, какъ ни скуденъ и недостаточенъ приведенный матеріалъ, и онъ, мнѣ кажется, позволяетъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Во-первыхъ, что народный читатель представляетъ собою *особый соціально-психологическій типъ*. Читатель этотъ иначе читаетъ книгу, иначе понимаетъ ее и ставитъ ей иныя требованія, чѣмъ читатель культурнаго общества. Слѣдовательно, если мы желаемъ придти на помощь народу въ его запросахъ на книгу, мы обязательно должны ознакомиться и считаться съ тѣми особенностями, которыя онъ проявляетъ, какъ читатель.

Народъ, можно смѣло сказать, *жадно ищетъ хорошую книгу*, которой онъ готовъ поставить самыя серьезные запросы соціальнаго и моральнаго характера. Ему надо отъ книги не „развлеченія“, не сантиментально-елейныхъ поученій грошевой морали, а серьезнаго отвѣта на грозный вопросъ: „Какъ жить?“, какъ справиться съ тѣми до невѣроятности сложными условіями, которыя охватываютъ желѣзнымъ кольцомъ его жизнь, душатъ его мысль,

истощаютъ его силы, убиваютъ его энергію? На эти „вопросы жизни“ онъ мучительно ищетъ отвѣта и въ фантастическихъ легендахъ, и въ сектантствѣ, и въ религіозной книгѣ. Онъ искалъ бы его и въ свѣтской книгѣ, если бъ она сдѣлала хоть шагъ на встрѣчу этимъ серьезнымъ запросамъ.

Что было сдѣлано нами *въ этомъ* отношеніи?

Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ наши дѣятели по народной литературѣ потратили массу силъ, энергіи и средствъ на то, чтобы передать народу интеллигентную литературу, хотя бы отрывки изъ произведеній великихъ писателей, при чемъ совершенно упускалось изъ виду, что не литература создаетъ культуру, а наоборотъ. И всѣ эти попытки не дали почти никакихъ результатовъ. Онѣ, одна за другой, разбивались объ „упорство“ народа, который ни за что не желалъ и не желаетъ принимать этихъ, хотя и геніальныхъ, крохъ съ богатаго стола нашей литературы. Онъ остался совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ перламъ художественнаго творчества, которые предлагались ему чуть ли не даромъ. Ему, измученному и тѣломъ и душой, голодному и матеріально и духовно, не этого надо. Ему „не до соусовъ“, не до тонкой эстетики. Нужна ему книга *житейская* въ прямомъ смыслѣ этого слова, книга, которая отвѣчала бы на запросы *его* настроенія.

Кто дастъ ему эту книгу?

И мнѣ припоминаются слова великаго писателя земли русской:

„Милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого литературнаго слова“.

Пора бы „роднымъ писателямъ“ откликнуться на этотъ призывъ...

С. А. Ан—скій.

Литература и жизнь.

О г. Розановѣ, его великихъ открытіяхъ, его маханальности и философической порнографіи.—Нѣсколько словъ о г. Мережковскомъ и Л. Толстомъ.

Поле россійской словесности становится все обширнѣе и необозримѣе. То и дѣло появляются на немъ огромныя, чрезвычайныя силы, появляются, расцвѣтаютъ, приносятъ плоды, а вы иной разъ только случайно и post factum узнаете о великомъ событіи. Такъ именно случилось недавно со мной.

Совершенно случайно попался мнѣ на глаза одинъ изъ выпусковъ „Сочиненій Сергѣя Шарапова“, изданный еще въ прошломъ 1901 г. и озаглавленный „Сугробы“, а въ этихъ „Сугробахъ“ остановила на себѣ мое вниманіе статья „Жмеринскіе львы и буйствующій В. В. Розановъ. Походъ противъ него протоіерея Дернова и генерала Кирѣева“. Остроуміе г. Шарапова, его сравненіе г. Розанова съ львами, убѣжавшими на станціи Жмеринкѣ изъ какого-то бродячаго цирка—нисколько не занимательно. Не занимательно для меня было и двойственное отношеніе г. Шарапова къ г. Розанову. Я и раньше зналъ, что авторъ „Сугробовъ“ признаетъ за г. Розановымъ „власть надъ умами и сердцами“, „сильную и яркую мысль“ и проч. и въ то же время разрѣшаетъ себѣ подвергать его „тѣлесному наказанію безъ поврежденія мягкихъ частей“ и одобряетъ, когда другіе его „отшлепываютъ, приподнявъ полу халата“ (подлинныя выраженія г. Шарапова). Но въ „Сугробахъ“ говорится о „новой концепціи христіанства“, представленной г. Розановымъ, и то, что сообщается объ этой „новой концепціи“, меня чрезвычайно заинтересовало. Но, какъ познакомиться съ нею не черезъ посредство г. Шарапова, а изъ первыхъ рукъ? Г. Шараповъ пишетъ: „Этотъ строй мыслей нашелъ свое выраженіе въ многочисленныхъ статьяхъ Розанова, разбросанныхъ въ журналахъ и газетахъ самаго разнообразнаго направленія, начиная отъ „Новаго Времени“, „Биржевыхъ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и кончая „Гражданиномъ“ и самыми незамѣтными провинціальными изданіями. Печаталъ розановскія статьи и я въ „Русскомъ Трудѣ“—каюсь“. Какъ же, спрашивается, поймать концепцію г. Розанова? Мнѣ указали на книгу этого писателя „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, въ которой, дескать, содержится если не все, о чемъ писалъ г. Шараповъ въ „Сугробахъ“, то самое существенное. Слѣдуя этому указанію, я и узналъ о великихъ явленіяхъ въ области русской литературы, которыя приняли въ моихъ глазахъ

уже по истинѣ гигантскіе размѣры, когда я познакомился съ огромнымъ томомъ г. Мережковскаго „Религія Л. Толстого и Достоевскаго“.

Книга „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“ содержитъ въ себѣ не только статьи самого г. Розанова, предварительно напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ, но еще рядъ „полемическихъ матеріаловъ“, рядъ статей и писемъ разныхъ авторовъ, возражающихъ г. Розанову или выражающихъ ему свое сочувствіе и поддерживающихъ его мнѣнія. Г. Розановъ присоединяетъ въ свою очередь къ этимъ „полемическимъ матеріаламъ“ свои примѣчанія, а иногда выходитъ и еще многоэтажнѣе, такъ какъ г. Розановъ дѣлаетъ примѣчанія къ примѣчаніямъ г. Шарапова, въ журналѣ котораго печатались и нѣкоторыя собственныя статьи г. Розанова, и нѣкоторые изъ полемическихъ матеріаловъ. Нельзя сказать, чтобы эта архитектура книги была очень красива и удобна. Кромѣ того, въ книгѣ и много лишняго, то есть не имѣющаго ни малѣйшаго отношенія къ обсуждаемымъ въ книгѣ вопросамъ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что „младшая изъ трехъ дочерей“ одного изъ корреспондентовъ г. Розанова, П. А. Кускова, по имени Марѳа „замужъ выходитъ за одного изъ здѣшнихъ помѣщиковъ“, а самъ П. А. Кусковъ „на Іоническихъ островахъ не былъ, попалъ изъ Одессы въ Ниццу“; что у другого корреспондента, В. К. Петерсена, „утонула молодая племянница и умеръ старшій племянникъ, чудный мальчикъ христіанскаго воспитанія и образа мыслей“, и т. п. Всѣ эти домашнія радости и горести, можетъ быть, и очень интересны и важны сами по себѣ, но едва-ли нужны для уразумѣнія „новой концепціи христіанства“. Г. Розановъ и самъ понимаетъ, что эти подробности лежатъ „внѣ темы“, но, говоритъ, такая ужъ у меня „знойная привязанность не къ одному дѣлу, а и къ поэзіи вкругъ дѣла“, „ибо вѣдь эти племянники и племянницы въ несчастіи—они люди, и намъ слѣдуетъ, хоть и не зная ихъ, сказать: „со святыми упокой“. Доброе дѣло, конечно, только я не знаю, почему г. Розановъ не приглашаетъ насъ за одно пожелать счастливаго супружества младшей изъ трехъ дочерей П. А. Кускова Марѳѣ и поскорбѣть о томъ, что самъ П. А. Кусковъ не попалъ на Іоническіе острова. Но какъ обогатилась бы русская литература, если бы всѣ мы, писатели, обладали знойною привязанностью г. Розанова къ бездѣлью и доводили до свѣдѣнія читающей публики о бракосочетаніяхъ, смертяхъ, болѣзняхъ, путешествіяхъ и проч. своихъ добрыхъ знакомыхъ и ихъ родственниковъ!

Впрочемъ, благодаря знойной потребности г. Розанова, мы подчасъ получаемъ свѣдѣнія уже несомнѣнно огромной важности.

У г. Розанова есть „усердный поклонникъ и почитатель“, какъ онъ самъ подписывается въ письмахъ, протоіерей А. У—скій. Завязавъ съ г. Розановымъ переписку, онъ пожелалъ, между

прочимъ, узнать его общественное положеніе и, узнавъ, пишетъ: „Такъ вотъ вы гдѣ? чиновникомъ состоите? А я полагалъ, что вы служите по учебному вѣдомству. Ну, что же? Дѣло доброе. Нынѣ чиновничій міръ далъ много писателей съ пророческимъ направленіемъ... Къ этой плеядѣ пророковъ принадлежите и вы. Да, нынѣ вѣкъ пророковъ. Недаромъ В. С. Соловьевъ такъ любитъ употреблять это слово. Вѣроятно, будущій историкъ нашихъ дней начнетъ свое сказаніе о нихъ такими словами: „Въ то время, когда пастыри душъ человѣческихъ превратились въ пастырей однихъ только кармановъ человѣческихъ, для управленія человѣческими душами сталъ Господь воздвигать пророковъ".

Это уже не бракосочетаніе младшей изъ трехъ дочерей г. Кускова и не неудавшаяся поѣздка на Іоническіе острова. Это нѣчто поразительное, какъ по своему значенію, такъ и по своей неожиданности—я увѣренъ—для огромнаго большинства читателей. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ привыкли жаловаться на всяческую современную скудость, мы даже успѣли надоѣсть другъ другу хныканьемъ на эту тему, а оказывается, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ пророковъ! Мы привыкли соединять съ эпитетомъ „чиновническій" по малой мѣрѣ непохвальный смыслъ. „Чиновническое отношеніе къ дѣлу" значитъ на нашемъ обиходномъ языкѣ отношеніе формальное, бездушное. Оказывается, что изъ этой именно среды воздвигаются пророки!.. И вотъ одинъ изъ нихъ г. Розановъ, тотъ самый г. Розановъ, котораго г. Шараповъ отшлепываетъ, приподнявъ полу халата... Пусть послѣ этого повторяютъ, что никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ!

Естественно, что корреспонденты г. Розанова приносятъ ему „искреннюю и глубокую признательность за многіе часы истиннаго удовольствія и наслажденія", испытанные ими при чтеніи его произведеній; что письма его они „хранятъ, какъ драгоцѣнность" и обращаются къ нему съ такими восторженными восклицаніями: „Ну, что за прелесть! Что за роскошь! Такъ и расцѣловалъ бы васъ за эту статью! Вѣдь вы открываете своего рода Америку". Или: „два вашихъ фельетона—безсмертны и неумирающи". Въ виду знойной потребности г. Розанова, неудивительно, пожалуй, и то, что онъ самъ-же и предаетъ гласности всѣ эти восторги. Но достойно вниманія, что „прелесть", „роскошь", новыя Америки и т. п. имѣются въ произведеніяхъ не только самого г. Розанова, а и многихъ его корреспондентовъ и авторовъ „полемическихъ матеріаловъ". Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ примѣчаній г. Розанова къ статьѣ г. Колышко „Бракъ, какъ религія и жизнь": „Вотъ не только богатое, но богатѣйшее выраженіе, *слово*, которое стоитъ *дѣла*". „Раздѣленіемъ этимъ г. Колышко дѣлаетъ новый шагъ въ проблемѣ брака".—„Вотъ прекрасная мысль, прямо сказанная!"—„Все это мѣсто замѣчательно и *ново по тону*, какъ я не умѣлъ сказать".—„Вотъ прелестная

мысль!“—„Могу сказать только: браво!“—„Вотъ геніальная мысль, необыкновенно много объясняющая въ исторіи европейской семьи“!—„Все это очень важно“.—„Конечно, конечно! Это необыкновенно важное замѣчаніе“.—„Все это—святыя истины“.—„Все это мѣсто и ниже строки—глубоко“.—„Вѣрная и поразительная картина павшей семьи“.—„Замѣчательно цѣнная мысль“.—Или вотъ еще отмѣтки, которыми г. Розановъ сопровождаетъ одно изъ писемъ г. У—скаго: „Прекрасно, глубокомысленно. И я всегда думалъ...“—„Глубина изъ глубинъ“.—„Все это мѣсто удивительно. Такъ и я всегда думалъ“.

Итакъ, читатель, передъ нами богатѣйшая розсыпь новыхъ Америкъ, прекрасныхъ, прелестныхъ, геніальныхъ мыслей, необыкновенно важныхъ, увлекательныхъ, глубокомысленныхъ замѣчаній, вѣрныхъ и поразительныхъ картинъ... И скажите по совѣсти,—знали ли вы о существованіи этой Голконды? Я—откровенно каюсь—не зналъ. Мало того: я всегда вѣрилъ, что „можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумовъ Невтоновъ россійская земля рождать“, но чтобы эти Платоны и Невтоны были такъ близко, совсѣмъ рядомъ, стоитъ только перешагнуть „Сугробы“ г. Шарапова,—это мнѣ и въ голову не приходило. Кто же могъ, въ самомъ дѣлѣ, думать, что въ „Новомъ Времени“, „Гражданинѣ“, „Русскомъ Трудѣ“, въ которыхъ мы привыкли встрѣчать что угодно, только не прекрасныя и геніальныя мысли, онѣ разсыпаны цѣлыми горстями, и даже до „глубины глубинъ“?! Теперь все это болѣе или менѣе собрано въ книгѣ „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, къ которой мы съ подобающимъ благоговѣніемъ и приступимъ. Но прежде надо сдѣлать маленькую оговорку. Всѣ эти взаимные комплименты г. Розанова и его кореспондентовъ, которые знойная потребность нашего автора непремѣнно должна доводить до всеобщаго свѣдѣнія, какъ будто нѣсколько напоминаютъ сказаніе о кукушкѣ, которая хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку. Оно и похоже на то. Но надо отдать справедливость г. Розанову: онъ печатаетъ и перепечатываетъ не одни комплименты и хвалы себѣ. Такъ, онъ сообщаетъ, напримѣръ, слѣдующее „письмо-строку“, полученное имъ на другой день послѣ напечатанія одной изъ его статей: „В. В. Подъ гнетомъ духа любодѣянія написаны ваши послѣднія статьи. М. С-въ“. И къ этому письму-строкѣ г. Шараповъ приписываетъ такое примѣчаніе: „Вѣрно, вѣрно, истинная правда! Я очень досадую на себя, что рѣшился печатать ваши статьи, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ! Каюсь, передъ сдачей въ наборъ не дочиталъ до конца, да вѣдь и почеркъ вашъ отчаянный! Когда мнѣ подали корректуру № 50—51 и я прочелъ, какъ сладко разглагольствуете вы о „противуестественномъ“, я взялъ перо и началъ вымарывать, смягчать и накладывать фиговые листья. И всетаки „духа любодѣйнаго“ выкурить не могъ“. Далѣе г. Шараповъ заявляетъ:

„мы съ вами вотъ уже три номера подъ рядъ угощаемъ читателя порнографіей, хотя бы и философической". Въ свою очередь и П. А. Кусковъ (тотъ самый, который не попалъ на Іоническіе острова и младшая изъ трехъ дочерей котораго выходитъ за здѣшняго помѣщика), по поводу „письма-строки" спрашиваетъ г. Розанова: „Кто это вамъ такъ ясно, кратко и мѣтко высказалъ впечатлѣніе, произведенное на него вашими статьями о полѣ? Грѣшный человѣкъ, я подумалъ тоже самое: подъ гнетомъ духомъ любодѣянія"!..

Неожиданность за неожиданностью...

Чтобы добраться до сердцевины книги г. Розанова, надо преодолѣть не только многоэтажное построеніе изъ статей самого автора, возраженій на нихъ и сочувственныхъ статей и писемъ, примѣчаній къ нимъ и примѣчаній къ примѣчаніямъ; не только пеструю чащу сообщеній „внѣ темы" о судьбѣ дѣтей, племянниковъ и племянницъ кореспондентовъ автора; о разныхъ эпизодахъ изъ его собственной жизни и жизни его родственниковъ (напримѣръ, сообщеніе о томъ, какъ покраснѣла его трехлѣтняя дочь, когда врачъ, „среди другого осмотра, раскрылъ и сталъ осматривать ея genitalia"); наконецъ, не только рядъ неожиданностей отъ глубины глубинъ до порнографіи. Есть и еще трудно преодолимыя препятствія. Они заключаются, какъ въ самомъ ходѣ мысли г. Розанова, такъ и въ способѣ его изложенія.

Одна изъ статей г. Розанова („Бракъ и христіанство") оканчивается пожеланіемъ читателю „крѣпкой и осторожной мысли". Въ одномъ изъ примѣчаній къ полемической статьѣ г. Н. Аксакова „О бракѣ и дѣвствѣ" г. Розановъ пишетъ: „Все это довольно толково и умно, и мы радуемся, что *пристальностью* (курсивъ, и вездѣ выше, принадлежитъ г. Розанову) разсмотрѣнія одной темы привели даже антагонистовъ автора къ необходимости разсуждать, наконецъ, точно и внимательно". Въ дѣйствительности, г. Розановъ не обладаетъ ни тою „пристальностью разсмотрѣнія", которую находитъ въ себѣ, ни тою „крѣпкою и осторожною мыслью", которой онъ желаетъ своему читателю, ни той „точностью и внимательностью разсужденія", которую онъ будто бы внушилъ „даже" (!) своимъ антагонистамъ. Въ области вопросовъ, занимающихъ г. Розанова, едва ли найдется другой писатель, столь же невнимательный къ фактамъ дѣйствительности и логикѣ выводовъ, столь же неточный въ своей мысли и ея словесномъ выраженіи. Съ разбѣгу и безъ оглядки—это могло бы быть девизомъ г. Розанова и какъ мыслителя, и какъ писателя.

Какъ то, въ одной изъ своихъ прежнихъ статей, г. Розановъ построилъ нѣкоторое теоретическое зданіе на томъ фактѣ, что Руже-Де Лиль написалъ во всю свою жизнь только одну марсельезу. И совсѣмъ бы все хорошо вышло, если бы Руже-Де Лиль дѣйствительно только разъ въ жизни былъ композиторомъ и ничего,

кромѣ марсельезы, не сочинилъ, но онъ написалъ много и очень разнообразныхъ музыкальныхъ произведеній. Г. Розановъ могъ о нихъ не знать; но, казалось бы, та „пристальность разсмотрѣнія", которою онъ хвалится, та „точность и вннимательность разсужденія", которую онъ внушаетъ другимъ, обязываетъ предварительно ознакомиться съ тѣмъ, о чемъ собираешься говорить... Въ другой разъ, разсуждая о свойствахъ ума и характера наслѣдственнаго духовенства, прошедшаго семинарскую школу, г. Розановъ иллюстрировалъ свои положенія, между прочимъ, примѣрами Ришелье, Мазарини и Шелгунова... Съ разбѣгу онъ не замѣтилъ, что это иллюстраціи совершенно неподходящія, такъ какъ всѣ три названныя лица — чистокровные дворяне и въ семинаріи не бывали. Такими подвигами пристальности, точности, внимательности, осторожности переполнена и книга „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго". Исчерпать въ этомъ отношеніи книгу до дна—нѣтъ ни возможности, ни, конечно, надобности. Но на двухъ-трехъ образцахъ мы остановимся съ нѣкоторою „пристальностью".

По соображеніямъ, которыя мы, можетъ быть, поймемъ ниже (а, можетъ быть, такъ и не поймемъ), г. Розановъ считаетъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на „загадкѣ", которой „никто не разобралъ", а именно: „что такое *лицо* въ насъ?" Разгадка такова:" лицо есть „точка, гдѣ тѣло начинаетъ „говорить", къ которой и сами мы говоримъ, „обращается"; точка, гдѣ прерывается нѣмота, откуда прорывается мысль; гдѣ начинается *особливость* и кончается безразличіе". Давъ это опредѣленіе, г. Розановъ замѣчаетъ, что и другія части человѣческаго тѣла, въ несравненно меньшей степени, но обладаютъ извѣстною выразительностью. Таковы локоть и плечо, но въ особености кисть руки и ступня ноги. „Въ кисти руки,—говоритъ г. Розановъ,—есть явно *затылочная*, покрытая легкимъ пушкомъ часть, и *личная*, лицо, ладонь, голая. Будемъ внимательны къ наблюденіямъ и не глухи къ мелочамъ человѣческихъ инстинктовъ: привѣтствуя, мы касаемся рукою руки и не дотрогиваемся (?), но прикладываемъ ладонь къ ладони, которыя сжимаютъ одна другую. Образовалась *фразировка* рукопожатій, безъ придумыванія, *само собой*: руки ласкаются. Холодно, при почтительности, цѣлуя руку, мы ее цѣлуемъ въ глухую *затылочную* часть (верхнюю, съ пушкомъ); но поразительно, что въ нѣгѣ и страсти мы повертываемъ ее, довольно неудобно для нея, и цѣлуемъ въ лицо, въ ладонь, гдѣ сплетаются таинственныя линіи, задатки чертъ лица. Въ минуту особо горячей молитвы мы почему-то „воздѣваемъ руки"; руки кого-то *ищутъ, тянутся* къ кому-то; и станемъ слѣдить, до чего это любопытно: мы обѣ кисти руки повертываемъ ладонями къ образу, св. Лику; т. е. мы *становимся* на молитву всѣми въ себѣ лицами (священникъ во время херувимской пѣсни)".

Станемъ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдить, до чего это выходитъ любопытно у г. Розанова. Оставимъ пока въ сторонѣ все, что мы цѣлуемъ и вообще дѣлаемъ „въ нѣгѣ и страсти". Этотъ пріятный сюжетъ г. Розановъ постоянно и не случайно, а принципіально сопоставляетъ и связываетъ съ молитвою, и мы еще съ нимъ встрѣтимся. Остановимся на молитвѣ. Что въ молитвѣ люди такъ или иначе воздѣваютъ руки, это вѣрно, но, не говоря о томъ, что мы и въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ жестикулируемъ руками, г. Розановъ подчеркиваетъ значеніе именно *ладони* руки, слѣдовательно рука въ цѣломъ въ его разсужденіи не при чемъ. А что касается ладоней, то священникъ во время херувимской, по разъ навсегда установленному ритуалу, дѣйствительно обращаетъ, говоря языкомъ г. Розанова, „всѣ свои лица къ св. Лику". Но это дѣлаетъ именно священникъ и именно во время херувимской. „Мы" же, то есть вообще христіане, поступаемъ на молитвѣ какъ разъ наоборотъ: или складываемъ ладонь съ ладонью, то есть закрываемъ свои ручныя „лица" одно другимъ, или, осѣняя себя знаменіемъ креста, опять же обращаемъ почти закрытую перстосложеніемъ ладонь къ себѣ; иные, въ особенности католики, въ молитвенномъ экстазѣ бьютъ себя въ грудь, или, скорбя о грѣхахъ своихъ, закрываютъ лицо руками, при чемъ ладоней не выворачиваютъ. До чего это любопытно...

Покончивъ съ „эмбріонами" лицъ, то есть съ ладонью руки и ступней ноги (краткости ради пропускаемъ курьезы о ступнѣ), г. Розановъ переходитъ къ полному, настоящему лицу.

„Есть,—разсуждаетъ онъ,—лица *мужскія* и *женскія*, но нѣтъ лицъ „математическихъ" и „филологическихъ". Я хочу сказать, что строеніе лица не обусловлено вовсе предметами и характеромъ теоретической дѣятельности человѣка, какъ можно было бы ожидать по его положенію и, казалось бы, тѣсной зависимости отъ головного мозга; но есть что-то въ немъ, указывающее на зависимость его отъ пола, текучесть изъ пола. Есть лица отроческія, юношескія, мужскія, старческія; но и отрочество, и юность, и мужество, и старость суть *стадіи въ жизни пола*, его утренняя дремота, поздній сонъ, его день и зной полудня. Нѣтъ вовсе „музыкальныхъ" и „живописныхъ" лицъ, но есть „цѣломудренныя" и „развратныя": очевидно, что лицо есть отсвѣтъ пола, его далеко отброшенное, но точное и собранное, сосредоточенное устремленіе... Левъ Толстой, столь геніальный въ психическомъ анализѣ, собственно вездѣ даетъ намъ психологію возраста и пола; напримѣръ, нарисовавъ столько поразительно жизненныхъ фигуръ—Наташа, Соня, кн. Марья въ „Войнѣ и мирѣ", Долли. Китти, Анна, Варенька въ „Ан. Карениной"—онъ даже не упоминаетъ ни объ одной изъ нихъ, была-ли она чему-нибудь выучена. Такъ сказать, „филологическія" и „математическія" черты въ лицѣ человѣческомъ у него вовсе отсутствуютъ; но вся пол-

нота выраженія лица сохранилась при этомъ; много выигравъ въ жизненности, онѣ ничего не утратили въ осмысленности... Вся почти необозримая по разнообразію дѣятельность Толстого примыкаетъ къ темѣ „Дѣтства и отрочества". „Крейцерова соната", напримѣръ,—что она такое, какъ не „плачъ неутѣшной души" надъ поруганнымъ въ мірѣ материнствомъ, надъ оскверняемыми въ самыхъ его родникахъ „дѣтствомъ" и „отрочествомъ"... Толстой не знаетъ, т. е. онъ отвергаетъ иную психологію, кромѣ какъ психологію пола и возраста; но если взять и весь кругъ его заботъ, тревогъ, его ожесточенности противъ „нашей цивилизаціи", „плодовъ" нашего „просвѣщенія", не трудно открыть ихъ всѣхъ общій родникъ въ страхѣ и отвращеніи къ тому же загрязненному или безъ вниманія обходимому „дѣтству" и всему, что его вынашиваетъ, т. е. къ человѣку въ рождающихъ его глубинахъ... Толстой непрерывно внимаетъ полу".

Нелегко разобраться во всей этой путаницѣ, не сразу даже поймешь, почему г. Розанову вздумалось ставить вопросъ именно такъ, какъ онъ его ставитъ. Филологическихъ и математическихъ лицъ дѣйствительно нѣтъ, какъ нѣтъ и лицъ музыкальныхъ и живописныхъ, а мужскія и женскія и, пожалуй, цѣломудренныя и развратныя—существуютъ. Но что изъ этого слѣдуетъ? и почему г. Розанову понадобились въ данномъ случаѣ филологія и математика? „Строеніе лица" зависитъ отъ множества условій, въ томъ числѣ, конечно, и отъ пола, нагляднымъ свидѣтельствомъ чего служатъ такъ называемые вторичные половые признаки,— присутствіе и отсутствіе бороды. Но совершенно неизвѣстно почему передъ умственнымъ взоромъ г. Розанова стоитъ дилемма: или полъ, или „предметъ и характеръ теоретической дѣятельности". Тѣмъ болѣе это странно, что головной мозгъ, который, какъ мы вѣроятно увидимъ, вообще не въ авантажѣ у г. Розанова обрѣтается, вѣдаетъ не одну теоретическую дѣятельность. Что умственное напряженіе, въ особенности въ ряду поколѣній, накладываетъ на человѣческое лицо свою печать, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя это часто маскируется разными пертурбаціонными вліяніями, и хотя, съ другой стороны, искать въ лицѣ отраженія той или другой спеціальной отрасли знаній, есть нелѣпость, которую не стоило ни предпринимать, ни опровергать. Во всякомъ случаѣ, какъ мужскія, такъ и женскія лица одинаково бываютъ умныя и глупыя, суровыя и нѣжныя, властныя и кроткія, жестокія, звѣрскія, мрачныя, веселыя и т. д., и т. д. Все это г. Розановъ заслонилъ для себя измышленными имъ самимъ „филологическими" и „математическими" чертами, отсутствіе которыхъ въ героиняхъ Толстого онъ такъ побѣдоносно констатируетъ. Достойно вниманія, что онъ ищетъ ихъ только въ героиняхъ Толстого, въ женщинахъ, хотя распространяетъ свое сужденіе на оба пола; между тѣмъ, въ описаніи наружности

Сперанскаго, напримѣръ, или генерала Пфуля онъ бы могъ, пожалуй, найти и отраженіе предмета и характера теоретической дѣятельности. А что на лицахъ свѣтскихъ героинь гр. Толстого (при томъ, какъ въ „Войнѣ и мирѣ“, начала прошлаго вѣка) не отразился предметъ и характеръ ихъ теоретической дѣятельности, такъ это, я полагаю, объясняется довольно просто: ни филологіей, ни математикой и никакой иною теоретическою дѣятельностью эти дамы не занимались. Не смущаютъ г. Розанова и лица дѣтскія, отроческія, мужскія, старческія, — все это, говоритъ, стадіи въ развитіи пола, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ между ребенкомъ, юношей, старикомъ нѣтъ никакой разницы, кромѣ ихъ отношенія къ половой жизни. „И станемъ слѣдить, до чего это любопытно“. Объявивъ возрастъ исключительно стадіей въ развитіи жизни пола, г. Розановъ говоритъ, что „Толстой, столь геніальный въ психическомъ анализѣ, собственно вездѣ даетъ намъ психологію возраста и пола“. Затѣмъ оказывается, что этой темѣ посвящена „почти вся необозримая дѣятельность Толстого“. И, наконецъ, рѣшительное утвержденіе: „Толстой непрерывно внимаетъ полу“. Ну, а психологія властолюбія, честолюбія, патріотизма, психологія толпы, увлекаемой примѣромъ и проч.? Какъ все это выразилось у Толстого въ изображеніи Наполеона, Платона Каратаева, гр. Ростопчина, героевъ севастопольскихъ разсказовъ, въ сценахъ убійства Верещагина, Шенграбенскаго сраженія, психологія „Люцерна“ и т. д., и т. д. безъ конца? На этотъ вопросъ г. Розановъ можетъ отвѣтить, что и здѣсь „не трудно открыть общій родникъ въ страхѣ и отвращеніи къ тому же загрязненному или безъ вниманія обходимому „дѣтству“ и всему, что его вынашиваетъ, т. е. къ человѣку въ рождающихъ его глубинахъ“. Но развѣ это отвѣтъ?

Еще примѣръ:

„Мозгъ самый тяжелый былъ у Кювье; но слѣдующій за нимъ по тяжести былъ мозгъ одной помѣшанной женщины, высокія способности которой ничѣмъ не были засвидѣтельствованы; выраженіе разорванности между душой и мозгомъ довольно доказательное. Рядомъ съ этимъ самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля. Его геній тѣмъ высокъ, что не былъ вовсе геній порядка логическаго, но геній образовъ, созерцаній, таинственныхъ молитвъ, для которыхъ онъ не нашелъ словъ и, какъ бы взявъ краски съ цвѣтка, собралъ ихъ въ дивныя картины. Единственное въ исторіи лицо, но чѣмъ оно собственно насъ поражаетъ? Одною странною и немного сверхъестественною въ себѣ чертою: это лицо *дѣвушки*, посаженное на мужчину. Присутствіе обоихъ половъ въ одномъ существѣ, двуполость въ индивидуумѣ—невольно въ немъ останавливаетъ. Т. е., какъ мы можемъ догадываться, лицо перваго по богатствамъ души человѣка, *самаго небеснаго*, свидѣтельствуетъ о странной раздвоенности его души въ

начала мужское и женское и, вѣроятно, соотвѣтственно этому, о *постоянномъ и сильнѣйшемъ въ немъ половомъ воздужденіи utriusque sexus*"...

Курсивъ послѣдней, истинно-поразительной фразы принадлежитъ не г. Розанову, а мнѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы она запечатлѣлась въ памяти читателя. Но она входитъ въ составъ того, что г. Шараповъ называетъ „порнографіей, хотя бы философической" и что составляетъ сердцевину мысли г. Розанова, до которой мы еще не добрались.

Откуда г. Розановъ получилъ свѣдѣніе, что самый тяжелый, послѣ Кювье, мозгъ былъ у какой-то помѣшанной женщины,—я не знаю. Можетъ быть изъ того же источника, изъ котораго онъ узналъ, что Руже-де-Лиль не написалъ ничего, кромѣ марсельезы, и что Ришелье и Мазарини были изъ семинаристовъ. Но если это и вполнѣ достовѣрный фактъ, то онъ еще ровно ничего не говоритъ въ пользу „разорванности между душой и мозгомъ". Во-первыхъ, вѣжливо говоря, смѣшно основывать что бы то ни было на единичномъ, хотя бы не подлежащемъ ни малѣйшему сомнѣнію фактѣ, которому противостоятъ тысячи другихъ фактовъ, давно получившихъ полное и всестороннее объясненіе. Во-вторыхъ, психическое разстройство нерѣдко настигаетъ высоко одаренныхъ людей, къ которымъ принадлежала, можетъ быть, и помѣшанная женщина съ тяжелымъ мозгомъ. Въ-третьихъ, едва ли найдется нынѣ хоть одинъ человѣкъ, утверждающій зависимость высокихъ умственныхъ способностей непосредственно и исключительно отъ вѣса мозга. Курьезенъ далѣе этотъ внезапный переходъ отъ вѣса мозга Кювье и помѣшанной женщины къ наружности Рафаэля: „*Рядомъ съ этимъ* самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля". Право, это напоминаетъ гоголевскую шишку на носу алжирскаго бея. И что это значитъ: „самое прекрасное лицо", „единственное въ исторіи лицо"? Очевидно, выводя эти слова перомъ на бумагѣ, г. Розановъ не давалъ себѣ никакого отчета въ томъ, что онъ пишетъ, а писалъ именно съ разбѣгу и безъ оглядки, „маханально", какъ говоритъ одинъ купецъ у Островскаго. Въ самомъ дѣлѣ, значитъ ли это, что г. Розановъ сдѣлалъ смотръ *всѣмъ* лицамъ *въ исторіи* (подумайте!) и остановился на лицѣ Рафаэля, какъ на „самомъ прекрасномъ" и „единственномъ"? Но если бы это и было возможно, то это было бы дѣломъ личнаго понятія о красотѣ и личнаго вкуса г. Розанова, каковой вкусъ навѣрное идетъ въ разрѣзъ со вкусомъ не только древнихъ египтянъ, ассирійцевъ, грековъ, персовъ и проч. и современныхъ китайцевъ, негровъ, индѣйцевъ и т. д., но и огромнаго большинства соотечественниковъ г. Розанова, вкусы которыхъ, по крайней мѣрѣ, соизмѣримы. Вообще, возможно ли указать „самое прекрасное лицо" не то что въ тысячелѣтіяхъ исторіи, а даже, напримѣръ, въ современной Россіи или хоть въ

большомъ общественномъ собраніи вродѣ театральнаго зала? Вѣдь и при выдачѣ премій за красоту жюри колеблются и препираются...

Читатель скажетъ, можетъ быть, что я ужъ пересаливаю въ пристальности вниманія къ вздорамъ г. Розанова. Но какъ же иначе быть, если этотъ маханальный писатель совершаетъ цѣлый переворотъ въ религіи, если его статьи „безсмертны и неумирающи"?

Намъ надо еще заглянуть на тѣ высоты,—до которыхъ иногда достигаетъ манера изложенія г. Розанова. Онъ самъ ихъ хорошо знаетъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Пусть будутъ прощены мои неуклюжіе глаголы!.. пока же, пока еще найдешь „языкъ простой и голосъ мысли благородной", а до времени употребляешь первыя попавшіяся, раскосо-стоящія слова, чтобы указать новое и неожиданное, что на ступеняхъ видишь". А одно изъ примѣчаній автора къ полемическимъ матеріаламъ оканчивается такъ: „Мы немножко бредимъ, но это—матеріи, гдѣ только брѐдя—„набредаешь" на истину". Хорошо, похвально, конечно, что г. Розановъ сознаетъ неуклюжесть своихъ глаголовъ и смиренно проситъ простить его: всякій пишетъ какъ можетъ, какъ умѣетъ. Но если г. Розановъ можетъ писать лучше, толковѣе, точнѣе, внимательнѣе, если ему доступенъ „языкъ простой и голосъ мысли благородной" и только по торопливости пускаетъ онъ въ ходъ первыя попавшіяся раскосо-стоящія слова, такъ это вовсе не хорошо, и въ особенности, когда рѣчь идетъ о новомъ и неожиданномъ. И зачѣмъ такъ торопиться? Поспѣшишь—людей насмѣшишь: сообщишь нѣчто, столь новое и неожиданное, напримѣръ, о Руже-де-Лиль, о Ришелье и Мазарини, о Рафаэлѣ, что и на правду не похоже. Еще хуже, разумѣется, когда человѣкъ, по той-же торопливости, сознательно печатаетъ завѣдомый бредъ, утѣшая при этомъ читателя: это я такъ, временно, въ ожиданіи той истины, на которую набреду въ будущемъ. Это уже не смиренное признаніе въ томъ или другомъ своемъ изъянѣ, а, напротивъ, чрезвычайное высокомѣріе и презрительное отношеніе къ читателю.

То, что самъ г. Розановъ справедливо называетъ неуклюжими глаголами и бредомъ, заинтересованный читатель найдетъ на стр. 127 и 221—222. Я-же обращу его вниманіе на каламбуръ о бредѣ, которымъ авторъ разсчитываетъ набрести на истину. Когда человѣкъ идетъ не отъ факта къ факту и не отъ мысли къ мысли по логической между ними связи, а отъ слова къ слову по звуковому ихъ сходству,—получается каламбуръ, который можетъ быть остроуменъ и забавенъ въ качествѣ „игры ума", но которому никто не придаетъ серьезнаго, научнаго или философскаго значенія. У господина-же Розанова, при его маханальности, многочисленные каламбуры играютъ роль серьезныхъ аргументовъ. Бредъ, какъ путь къ истинѣ, соблазнилъ его потому, что ему

пришло въ голову слово „брести“, но, разъ возникнувъ, эта звуковая ассоціація кажется ему вполнѣ убѣдительною. Вотъ другой, болѣе сложный примѣръ каламбурной маханальности, который кстати можетъ служить и образчикомъ бреда, хотя на этотъ разъ г. Розановъ и не признаетъ его за таковой: „Въ обрѣзаніи устанавливалось вѣчное (и невольное) созерцаніе Бога какъ бы черезъ кольцо здѣсь срѣзанное, и это до такой степени связывало Бога съ точкой обрѣзанія, что теизмъ—сексуализировался, а sexus—теитизировался. И такъ—уже въ тысячелѣтіяхъ, такъ—уже невольно! Тутъ получилось вѣчное зеркало созерцаній, изъ коего не умѣлъ и никогда не могъ выйти семитъ: всякая мысль о полѣ („сонныя мечтанія“) пробуждала мысль о Богѣ, теряла жесткое выраженіе (намъ извѣстной) чувственности и растворялась въ богообращенности, не отрицаясь (здѣсь взялъ меня Господь); обратно, о Богѣ мысль—побуждала вспомнить свой полъ, и, можетъ быть, даже навѣрное—будила „мечтаніе“. Двое малютокъ въ одной люлькѣ—ласкаются ручонками. Не сочинить этого, a priori не сотворить; *не изъ чего сотворить*—иначе какъ черезъ „обрѣзаніе“ Богу, „ветхій завѣтъ“. Я беру и *чиню себѣ перо*: вотъ подобіе и аллегорія „срѣзанія“, „чиненія“ себѣ Израиля. И Богъ зналъ, гдѣ „зачинить“ его въ союзъ вѣчный и нерасторжимый, и до *дна* проникающій“.

Дешифрировать эти каламбуры, равно какъ и весь этотъ бредъ—я не берусь.

„Порнографія, хотя и „философическая“ и „любодѣйный духъ“, прикрытый фиговыми листьями работы г. Шарапова,—не думаю, чтобы главнымъ образомъ въ этомъ состояло неприличіе г. Розанова, какъ писателя. Неприличенъ онъ прежде всего своею нечистоплотною маханальностью: тою развязностью, съ которою онъ пускаетъ въ обращеніе небывалые факты собственнаго сочиненія или дѣлаетъ достовѣрныя, но ни для кого не интересныя, сообщенія о подробностяхъ житья-бытья своихъ знакомыхъ; тою небрежностью, съ которою онъ пишетъ „первыя попавшіяся слова“, не давая себѣ труда въ нихъ вдуматься, и даже прямо и просто бредъ свой печатаетъ. Все это гораздо неприличнѣе, чѣмъ, напримѣръ, явиться въ общество въ халатѣ или съ изъянами вродѣ незастегнутыхъ пуговицъ тамъ, гдѣ имъ полагается быть застегнутыми. Костюмъ есть дѣло условное, халатъ для европейца и азіата не одно и то же, тогда какъ выплескивать изъ себя на бумагу для всеобщаго свѣдѣнія всякій вздоръ всегда и вездѣ одинаково нечистоплотно; нечистоплотно, недобросовѣстно и оскорбительно для читателя. Есть очень „знойныя потребности“, которыя, однако, всенародно не удовлетворяются. Г. Розановъ не знаетъ въ литературномъ отношеніи никакихъ границъ. Пом-

ните, напримѣръ, какъ онъ однажды обратился къ Толстому съ нотаціей, одинаково изумительной, какъ по формѣ, такъ и по содержанію: онъ печатно говорилъ съ „великимъ писателемъ русcской земли“ на „ты“ и рылся въ интимнѣйшихъ подробностяхъ его личной жизни. Не помню, гдѣ было напечатано это единственное въ своемъ родѣ произведеніе русской литературы, во всякомъ случаѣ отвѣтственность за него, равно какъ и за всѣ другіе курбеты г. Розанова—всѣ эти выдуманные факты, каламбурные аргументы, первыя попавшіяся слова, бреды—должна быть распредѣлена между нимъ и тѣми редакціями, которыя либо совсѣмъ безданно, безпошлинно пропускаютъ его писанія, либо, какъ г. Шараповъ, спохватываются, уже достаточно угостивши читателя „философической порнографіей“.

Надо, впрочемъ, сказать, что философическая порнографія г. Розанова есть дѣло очень сложное и далеко не все въ ней заслуживаетъ запоздалаго негодованія г. Шарапова. Г. Шараповъ утверждаетъ, что г. Розановъ проповѣдуетъ „полную свободу половыхъ отношеній“. Это неправда или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе. Г. Розановъ горячо стоитъ за семью и, какъ увидимъ, готовъ приносить ей даже чрезмѣрныя жертвы; онъ негодуетъ противъ такъ называемыхъ романовъ въ жизни; слова „отецъ“, „мать“, „дѣти“—для него священны. Онъ съ умиленіемъ рисуетъ картины то, какъ мы имѣли случай видѣть, двухъ дѣтей, ласкающихся ручонками въ люлькѣ —и даже ни къ селу, ни къ городу,—то престарѣлыхъ, любящихъ другъ друга супруговъ. Въ связи съ этимъ онъ возстаетъ противъ взгляда на половыя отношенія, какъ на что-то само по себѣ нечистое, постыдное, унижающее человѣка. Это законъ природы или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, Божій законъ, и если въ практическомъ его осуществленіи бываетъ нѣчто грязное, мерзкое, унизительное, то это зависитъ не отъ него самого, а отъ тѣхъ рамокъ, отъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ осуществляется. Отрицательное отношеніе къ самому источнику жизни вызываетъ лишь массу лжи, лицемѣрія, фарисейства, страданій и преступленій. Такова исходная точка г. Розанова. Отсюда идутъ два ряда его мыслей, весьма неравноцѣнныхъ, хотя оба они, кажется, въ одинаковой мѣрѣ возмущаютъ г. Шарапова и другихъ оппонентовъ г. Розанова. Съ одной стороны, г. Розановъ рѣшаетъ съ своей точки зрѣнія нѣкоторые житейскіе вопросы (о разводѣ, о незаконныхъ или, какъ нынѣ называетъ ихъ законодатель, внѣбрачныхъ дѣтяхъ, объ истинномъ цѣломудріи), при чемъ обнаруживаетъ—что бы ни говорили его оппоненты—много здраваго смысла и гуманности, хотя и облекаетъ ихъ, къ сожалѣнію, подчасъ въ свойственную ему сумбурную форму. Съ другой стороны, онъ строитъ нѣкоторое головоломное метафизическое зданіе, вродѣ вавилонской башни, основаніе которой должно корениться въ землѣ,

а вершина упираться въ небо. Онъ хочетъ, говоря его собственными словами, „теитизировать полъ и сексуализировать религію". Здѣсь то и заключается то, что не безъ основанія можно назвать философической порнографіей г. Розанова. Я думаю, однако, что отвѣтственность за нее лежитъ совсѣмъ не въ „духѣ любодѣянія", который будто бы обуялъ почтеннаго автора, а все въ томъ же легкомысліи и высокомѣріи, съ которыми онъ считаетъ возможнымъ или нужнымъ доводить до свѣдѣнія читателей всякія „первыя попавшіяся слова".

Изложить основныя мысли г. Розанова чрезвычайно трудно или даже прямо невозможно, какъ благодаря вышеуказаннымъ свойствамъ его мышленія и писанія, такъ и вслѣдствіе скользкости темы, многія подробности которой подлежатъ изложенію только въ спеціальныхъ ученыхъ трактатахъ и учебникахъ. Онъ самъ пишетъ о нѣкоторыхъ такихъ подробностяхъ, что „эти тайны такъ жгутъ языкъ, что о нихъ нельзя собственно говорить: и языкъ „прильпе къ гортани", и бумага подъ чернилами горитъ, тлѣетъ, проваливается" (117). Кромѣ того, для меня лично существуетъ еще одно затрудненіе. Свою „теитизацію пола и сексуализацію религіи" г. Розановъ производитъ въ рамкахъ христіанства, что и составляетъ „новую концепцію христіанства". Онъ, его единомышленники и противники аргументируютъ не только доводами отъ разума, или данными историческими, естественно-научными, собственными психологическими наблюденіями, а и евангельскими и ветхозавѣтными текстами. Для меня, какъ я уже заявилъ въ „Отрывкахъ о религіи",—а настоящія замѣтки могутъ обратиться въ одинъ изъ такихъ отрывковъ,—это область неприкосновенная. Не берусь судить, кто изъ противниковъ правъ въ своихъ толкованіяхъ различныхъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и вообще, не коснусь „новой концепціи *христіанства.*"

Я понимаю, что спеціалисты по христіанской догматикѣ могутъ одни восхищаться толкованіями г. Розанова, другіе возмущаться ими, хотя, признаюсь, меня нѣсколько удивляетъ появленіе въ качествѣ такихъ спеціалистовъ г. Шарапова или г. Колышко, извѣстныхъ, кажется, съ другой стороны. Во всякомъ случаѣ для меня эта полемика не существуетъ. Но вавилонская башня г. Розанова, эта теитизація пола и сексуализація религіи затрагиваетъ разнообразныя области, не имѣющія никакого непосредственнаго отношенія къ христіанству, въ которыхъ, однако, глубокомысленный авторъ тоже выдвигаетъ „новыя концепціи" и дѣлаетъ замѣчательныя открытія.

Къ сожалѣнію, неясны главные термины, которыми оперируетъ г. Розановъ. Онъ нигдѣ не даетъ сколько нибудь точнаго опредѣленія, что такое съ его точки зрѣнія религія и что такое полъ. Можетъ быть, онъ потому не находитъ нужнымъ дать такое

опредѣленіе, что считаетъ его всѣмъ извѣстнымъ, а можетъ быть, его собственныя на этотъ счетъ понятія не совсѣмъ ясны. На послѣднюю мысль наводитъ то странное примѣненіе словъ „религія“, „религіозный“ и т. п., которое онъ иногда дѣлаетъ. Такъ, нанесенный теченіемъ мысли на слово „взоръ“, онъ останавливается для слѣдующихъ размышленій: „Какая глубина въ этомъ словѣ „взоръ“: вѣдь тутъ—глазное яблоко; одна, казалось бы, физіологія; но въ этой „физіологіи“ есть скорбь, есть безутѣшное—есть духъ, высоко духовное, по коему мы и переименовываемъ анатомическое „глазное яблоко“ въ почти религіозное „взоръ“. (103). И все это вздоръ. Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ мы „глазное яблоко“ не переименовываемъ во „взоръ“,—мы можемъ бросить взоръ, бросить взглядъ, но бросить глазное яблоко не можемъ. Далѣе, почему во „взорѣ“ г. Розановъ усматриваетъ непремѣнно скорбь и безутѣшное? Оно, пожалуй, есть въ тѣхъ „взорахъ усталыхъ“ по случаю „ночей безумныхъ“, о которыхъ поется въ извѣстномъ романсѣ Апухтина, но едва ли за то тутъ есть что нибудь религіозное. Впрочемъ, съ спеціальной точки зрѣнія г. Розанова можетъ быть и есть, ну а тѣ лукавые, свирѣпые, веселые и т. п. взоры, о которыхъ мы говоримъ постоянно? Что касается пола, то г. Розановъ довольствуется наборомъ словъ въ такомъ родѣ: „кто же не понимаетъ, что полъ есть пульсація, есть древнѣйшій въ природѣ ритмъ“; или: „то темное и разлитое въ существѣ нашемъ, что мы называемъ поломъ“; или еще: полъ есть „точка, покрытая темнотой и ужасомъ, красотой и отвращеніемъ“. И вотъ, эти то двѣ туманности г. Розановъ желаетъ сблизить, слить воедино, такъ сказать, взаимно пропитать ихъ одну другою.

„Сближеніе половъ *свято* или *мерзость*“?—такъ формулируетъ одинъ изъ авторовъ „полемическихъ матеріаловъ“, г. Гатчинскій отшельникъ, вопросъ, о которомъ препираются г. Розановъ съ единомышленниками, съ одной стороны, г. Шараповъ, Кусковъ и проч.—съ другой. Самъ г. Гатчинскій отшельникъ полагаетъ, что вопросъ неправильно поставленъ, ибо, дескать, понятіе *святости* и *мерзости* неприложимо къ тому, что просто *физіологично*. Я думаю, что это вѣрно относительно растительнаго и низшаго животнаго міра; но для человѣка на извѣстной ступени развитія сближеніе можетъ быть и свято, и мерзко, смотря по той роли, которую въ немъ играетъ, кромѣ физіологіи, еще психологія. И если бы г. Розановъ стоялъ на этой точкѣ зрѣнія, то, независимо, конечно, отъ того сумбура, которымъ онъ окружаетъ здравую мысль, я привѣтствовалъ бы его борьбу съ аскетизмомъ и его неизбѣжными спутниками, лицемѣріемъ и ложью. Но г. Розановъ идетъ дальше, гораздо дальше, и при томъ совершенно въ сторону. Для него сближеніе, само по себѣ, какъ продолженіе или повтореніе акта божественнаго творчества, есть нѣчто мисти-

ческое, а въ его органахъ, въ „томъ темномъ и разлитомъ въ существѣ нашемъ, что мы называемъ поломъ“, онъ видитъ орудія которыми приподнимается завѣса, отдѣляющая доступный нашимъ внѣшнимъ чувствамъ и нашему ограниченному разуму міръ явленій отъ „ноуменовъ“, отъ сущности вещей. Поэтому онъ устраиваетъ нѣкоторое соперничество между головнымъ мозгомъ и поломъ, при чемъ дѣлаетъ въ разныхъ областяхъ знанія удивительныя открытія, которыя и излагаетъ своей махальной манерой первыми, попавшимися словами. Удивительно уже самое сопоставленіе и противопоставленіе головного мозга и пола, органа, занимающаго извѣстное опредѣленное мѣсто въ организмѣ, подлежащаго мѣрѣ, вѣсу, химическому анализу и т. д., и чего-то „темнаго и разлитаго въ существѣ нашемъ“. Но дѣло становится, можетъ быть, еще удивительнѣе, когда логическая нескладица такого сопоставленія какъ будто сглаживается и мы узнаемъ, что полъ имѣетъ свои „два кульминаціонныя выраженія въ лицѣ и знакахъ пола“. Такимъ образомъ „полъ“ локализируется и сопоставленію съ головнымъ мозгомъ подлежитъ „лицо“ (какъ помнитъ читатель, лицъ у насъ собственно пять: настоящее лицо, да двѣ ладони, да двѣ ступни,—но это мы, краткости ради, оставимъ въ сторонѣ) и „знаки пола“. Г. Розановъ согласенъ, что „есть безспорная зависимость между тѣломъ, corpus, какъ музыкальнымъ инструментомъ огромной сложности струнъ, и между мозговыми массами, гдѣ какъ бы собрана въ небольшомъ объемѣ ихъ всѣхъ клавіатура“; но,—говоритъ,—„зависимость отъ этихъ массъ собственно „души струящейся“ гораздо темнѣе и даже вовсе сомнительна. Напримѣръ, это: „диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ“, или у того же поэта и въ томъ же стихотвореніи: „И міръ *мечтою благородной* предъ нимъ *очищенъ и обмытъ*“—какъ то ужасно трудно отнести къ „извилинамъ“ „бѣлаго“ или „сѣраго“ вещества мозга. Еще такъ называемую статическую, неподвижную сторону души, что нибудь вродѣ Аристотельскихъ силлогизмовъ... можно представить себѣ неподвижно „отъ вѣка“ лежащею въ мозговыхъ массахъ, но „Міръ *мечтою*“, т. е. *вихрь*, таинственный утренній вѣтерокъ, который даже въ чисто умственной работѣ *ворошитъ* и *перебираетъ* силлогизмы... нельзя отнести туда, какъ нельзя отнести сонъ и бодрствованіе“. Сообщивъ нѣсколько высоко цѣнныхъ и совершенно новыхъ мыслей о снѣ и бодрствованіи, а также о томъ, что въ нѣкоторыхъ половыхъ аномаліяхъ психіатръ ищетъ разъясненій у акушера,—все это, впрочемъ, на одной страничкѣ,—г. Розановъ заключаетъ: „душа въ ея динамическомъ смыслѣ, какъ „вѣтерокъ“ мыслей, какъ „крылышки“ около силлогизмовъ, которыя уносятъ ихъ туда и сюда—вовсе и нисколько не имѣетъ своимъ сѣдалищемъ мозгъ, но то темное и разлитое въ существѣ нашемъ, что мы называемъ „поломъ“ и что имѣетъ въ лицѣ и знакахъ пола

только два кульминаціонныя свои выраженія... Психическая дѣятельность, представляя какъ бы гуттенберговскій переводъ гіероглифовъ пола, струится съ лица, какъ „мысленный свѣтъ“, какъ ароматъ „доброты“ и „ласки“, страха за ближняго, готовностей для него: „Тс... Тс... Ромео, это ты“? Неужели это „въ мозгу вырабатывается“? Конечно—это стекаетъ съ лица. Лицо живетъ, играетъ, движется, говоримъ ли мы, пишемъ ли сочиненія, скорбимъ ли, радуемся ли: „душа“ есть „жизнь“ лица, „отблескъ“ духовный съ „одушевленныхъ“ его линій, струйка, стекающая съ многозначительныхъ его точекъ, со „сморщеннаго“ чела, съ „ласковаго“ взора“.

Во всей этой цитатѣ курсивы и ковычки принадлежатъ г. Розанову, очевидно отмѣчая собою особенно значительныя и характерныя для авторской мысли выраженія. Но что собственно значатъ всѣ эти „вѣтерки“, „крылышки“, „вихри“, всѣ эти эпитеты вродѣ „струящаяся“ душа? Что это за процессъ, которымъ „стекаетъ съ лица“ какой-то „мысленный свѣтъ“ и „ароматъ доброты“? Почему умъ Аристотеля имѣетъ своимъ сѣдалищемъ головной мозгъ, а „сердитый умъ“ поэта—„кульминаціонныя точки пола“? Все это не больше, какъ „слова, слова, слова“, прикрывающія собою нѣчто дѣтски-невѣжественное. Но г. Розановъ такъ вѣритъ въ свои слова, слова, слова, что, какъ мы видѣли, усмотрѣвъ въ портретѣ Рафаэля лицо дѣвушки и не имѣя, кромѣ этого своего усмотрѣнія, никакихъ данныхъ, смѣло говоритъ о „постоянномъ и сильнѣйшемъ въ немъ половомъ возбужденіи utriusque sexus“. Для рѣшенія естественно возникающаго вопроса—что это значитъ и какъ это возможно, я предложилъ бы избрать коммиссію изъ свѣдущихъ людей, въ которую рекомендовалъ бы членами одного изъ редакторовъ изданій, въ которыхъ печатались произведенія г. Розанова, напримѣръ, кн. Мещерскаго и г. Колышко, утверждающаго, что нынѣ и вообще „часто не различишь, гдѣ начинается мужчина и гдѣ кончается женщина“ (стр. 83, „Полемическіе матеріалы“).

Маханально покончивъ съ головнымъ мозгомъ и лицомъ, г. Розановъ столь же маханально справляется съ „отдѣлившимися и главными, нижними точками пола“. Мы и здѣсь получаемъ рядъ замѣчательныхъ и совершенно неожиданныхъ открытій, изъ которыхъ я могу представить читателю лишь немногія. И да простится мнѣ обиліе цитатъ: читатель, я думаю, и самъ убѣдился, что передавать идеи г. Розанова своими словами—невозможно. Прежде всего мы получаемъ любопытнѣйшее сопоставленіе лица и „главныхъ нижнихъ точекъ пола“. Дѣло въ томъ, что „фигура человѣка „по образу и подобію“ имѣетъ въ себѣ какъ бы внутреннюю ввернутость и внѣшнюю вывернутость—въ двухъ расходящихся направленіяхъ. Одна образуетъ въ ней феноменальное лицо, обращенное по сю сторону, въ міръ „явленій“; другая образуетъ лицо

ноуменальное, уходящее въ „тотъ“ міръ, къ какимъ-то не-астрономическимъ звѣздочкамъ, не нашихъ садовъ лиліямъ“. „Лицомъ мы только достигаемъ, отгадываемъ, догадываемся, любопытствуемъ; напротивъ, здѣсь—абсолютное молчаніе, но исполненное какого то таинственнаго ритма, пульсаціи; самая форма—пустоты, полости, въ противоположность „выпуклостямъ“, „уплотненіямъ“, изъ сочетанія которыхъ составлено лицо; „пустота“, т. е. начинающее *отрицаніе матеріи,* противоположный уплотненію полюсъ... Это есть противоположный логическому порядку міръ, гдѣ нѣтъ вовсе познаваемыхъ феноменовъ и начинаются собственно зиждительные ноумены“.

Въ этой цитатѣ каждое слово—перлъ. Такъ какъ о ноуменахъ намъ ничего неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно, то предоставимъ ихъ въ полное распоряженіе г. Розанова, пусть онъ ихъ помѣщаетъ, куда хочетъ. Но почему „здѣсь“ „нѣтъ вовсе познаваемыхъ феноменовъ“? Они есть, ихъ изучаютъ анатомія, физіологія и нѣкоторыя ихъ спеціальныя отрасли. И г. Розановъ самъ это знаетъ, онъ брякнулъ свое нелѣпое отрицаніе съ разбѣгу, маханально. Точно также маханально распредѣленіе „пустотъ“, которыхъ будто бы нѣтъ въ лицѣ (ротъ, носовыя, ушныя полости), и „выпуклостей“, которыхъ будто бы нѣтъ „здѣсь“. Но мимо эти маленькіе вздоры и перейдемъ къ важному открытію г. Розанова въ области общей біологіи. Помнится, въ одной изъ своихъ прежнихъ статей г. Розановъ глубоко презиралъ Дарвина, и конечно, англійскій натуралистъ вполнѣ заслуживаетъ презрѣнія русскаго философа. Пресмыкаясь въ мірѣ феноменовъ, англійскій натуралистъ копилъ и громоздилъ одинъ на другой мелкіе факты для доказательства родства такихъ то и такихъ то растительныхъ видовъ, такихъ то и такихъ то животныхъ, и лишь убѣжденный этою подавляющею массою фактовъ, высказалъ гипотезу о происхожденіи видовъ вообще. Г. Розановъ, которому, если позволено будетъ такъ выразиться, на феномены наплевать, потому что онъ силенъ если не знаніемъ ноуменовъ, то „тайнымъ касаніемъ“ къ нимъ, рѣшаетъ вопросъ гораздо проще, а именно :„Полъ въ растеніи есть только временный феноменъ; это—„распускающійся“ и „опадающій“ цвѣтокъ: остальное время года есть *живое*, но оно не имѣетъ выявленныхъ *точекъ сосредоточенія* пола. Но вотъ, цвѣтокъ (растенія) раздѣляется: его вѣнчикъ, лепестки, даже тычинки и пестики, вся „видная“ часть, всякое въ немъ „выраженіе“, „сказываніе“ о себѣ — сохраняютъ верхнее, переднее положеніе; напротивъ, все внутреннее уже въ цвѣткѣ, полости оплодотворенія и плодоношенія относятся назадъ. Едва этотъ чудный фактъ въ сущности раздѣленіе цвѣтка произошелъ—существо начинаетъ *шевелиться, бѣгать, испытывать страхъ*, когда его ловятъ, *ловить* — когда оно *голодно*. Мы получаемъ *планъ животнаго*, собственно развившійся изъ цвѣтка: лицо, *личико* въ немъ—суще-

ствующее въ зачаткѣ у насѣкомаго, у раковъ, у „долгоносика“— суть *преобразованные наружные покровы пола*, отчего оно и бываетъ мужское и женское; а собственно внутреннія половыя части— есть затаившійся внутрь плодникъ и „чрево“ (стр. 8).

Видите, какъ просто: нѣкоторое измѣненіе во „внутреннихъ ввернутостяхъ и внѣшнихъ вывернутостяхъ“, и растеніе превращается въ животное. Куда же Дарвину до такой геніальной простоты! Есть въ книгѣ г. Розанова еще одно мѣсто, пожалуй еще болѣе посрамительное для медленной работы Дарвина, но я его приводить не буду, — очень ужъ скользкая тема (сюда именно относятся фиговые листья фабрикаціи г. Шарапова). Такія болѣе или менѣе рискованныя мѣста въ изобиліи разсыпаны по всей книгѣ г. Розанова, что и даетъ поводъ нѣкоторымъ изъ его противниковъ обличать его въ порнографіи и „блудодѣйномъ духѣ“. Я думаю, что обвиненіе это ставится слишкомъ круто. Г. Розановъ и самъ понимаетъ возможность и даже какъ бы законность подобныхъ нареканій. „Не заблуждаюсь ли я? — спрашиваетъ онъ. — Не гублю ли душу свою безсмертную и съ нею вмѣстѣ души своихъ читателей, за кои по существу дѣла авторъ всегда отвѣтственъ? Что область блужданій на обыкновенное (феноменальное) сужденіе „грязновата“ — это то я видѣлъ; но вѣдь и вся цѣль поисковъ была—найти, не *загрязнена* ли она только, такова ли она an und für sich въ до-мірной истинѣ своей. И если „нѣтъ“ — *очистить*. Но это очищеніе невозможно было произвести одною только философіей, по существу холодною и лишь пролетающею *около* темы (можетъ быть—*мимо* ея): нужно было, т. е. была задача — снизойти и чуть-чуть уничижиться *самому* передъ темою. Какъ бы взявъ священную бороду, начать отирать ею точку всеобщаго тысячелѣтняго плеванія, столь важную вмѣстѣ точку! „Погибни мое имя, но воскресни вещь“... Это и было причиною, что я не только писалъ о темѣ, но и сливалъ свое лицо съ нею, какъ бы говоря всякому, желающему оскорбить ее: „*я*—тутъ, человѣкъ; до извѣстной степени философъ, мудрецъ“ (129 — 130). Этотъ мудрецъ, презирающій „обыкновенное, феноменальное сужденіе“, мирящійся только на „до-мірной“ истинѣ и обтирающій ради нея своей священной бородой загаженныя мѣста, — это наивно, до комизма наивно, но „любодѣйнаго духа“ тутъ нѣтъ. Своимъ стремленіемъ „теитизировать полъ и сексуализировать религію“ г. Розановъ напоминаетъ нѣкоторымъ изъ возражающихъ ему древніе сладострастные культы, въ которыхъ „знаки пола“ были предметами мистическаго поклоненія. На это у г. Розанова есть только одно возраженіе, очень неосновательное, которое при томъ и возраженіемъ нельзя собственно назвать. Онъ говоритъ: „Ну, что кромѣ *слова* мы знаемъ о „культѣ Phallus'а“? Это какъ надгробная надпись: „подъ симъ камнемъ лежитъ тѣло Ивана Иваныча“. Но кто онъ былъ и что съ нимъ было—

уже *прохожій* (мы) не знаетъ!“ (93). Нѣтъ, кое что мы знаемъ, и очень жаль, что этого не знаетъ г. Розановъ, хотя бы уже потому, что знаніе это — конечно, только „феноменальное“! — дало бы ему матеріалъ для настоящаго возраженія. Сладострастные культы древности, имѣя въ большинствѣ случаевъ оргіастическій и экстатическій характеръ, не знали тѣхъ строго опредѣленныхъ рамокъ умѣренности и аккуратности, которыя настойчиво рекомендуетъ г. Розановъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Вотъ первая *особенная проблема* мірского житія: въ какія времена и съ какимъ духомъ можно приблизиться брачному къ женѣ своей? Едва я задаю себѣ этотъ вопросъ, какъ отвѣчаю: не въ опьяненіи, не въ объяденіи, не въ усталости, не въ раздраженіи и лукавствѣ“ (253). Г. Розановъ стоитъ за воздержность, руководствуясь при этомъ отчасти церковными правилами, а отчасти физіологическими соображеніями: „То, что не вѣнчаютъ въ Великій постъ — есть всеобщее и всему народу указаніе разрывать фактическое супружество на семь недѣль. Теперь, если взять шесть дней недѣли воздержанія, то уже для самыхъ пылкихъ силъ оно возможно“ (148). Г. Розановъ скорбитъ объ отсутствіи готовыхъ „краткихъ молитвословій *передъ* и *послѣ*“ (178). „Собственно *утренняя* и *вечерняя* молитвы и должны бы быть составлены *въ отношеніи къ этому акту*, возможному въ нощи, какъ важнѣйшему самаго сна“ (198). „Демонъ ни противъ чего такъ не ухищряется, какъ противъ полового акта: „тутъ бы надо поберечь человѣка, а ужъ тамъ я погублю его!“ Поэтому *одно* изъ направленій молитвы *передъ* „сближеніемъ“ должно быть *противъ* Веліара, къ отогнанію его злыхъ кововъ. „Зову тебя, Вѣчный Боже, дабы ты оградилъ меня и ее отъ лукавыхъ кововъ“... Но тутъ, вообще, нуженъ геній слова, и мы умолкаемъ по безсилію“ (199). Вся эта строго обдуманная и требующая большой выдержки обстановка не имѣетъ ничего общаго съ культами Ваала, Астарты, Вакха-Діониса, нашего Ярилы и проч., и проч. Далѣе, характерная черта этихъ культовъ—о чемъ мы впослѣдствіи будемъ говорить подробнѣе—есть жестокость: истязанія, самоистязанія, кровопролитіе. Г. же Розановъ, какъ христіанинъ, проповѣдуетъ кротость, любовь къ ближнимъ, смиреніе, и жестокъ онъ развѣ только по отношенію къ школьникамъ, пороть которыхъ, по его мнѣнію, необходимо. Наконецъ, тѣ культы представляютъ собою либо обломокъ глубокой старины до-патріархальнаго быта, либо безсознательный протестъ противъ семейныхъ узъ, тогда какъ для г. Розанова семья есть святыня. Одна изъ его статей такъ и называется „Семья, какъ религія“. Тотъ актъ, на возвеличеніе котораго онъ потратилъ столько мудрости и ради котораго готовъ испачкать свою священную бороду, цѣненъ и важенъ для него не самъ по себѣ, а какъ актъ дѣторожденія, „сотворенія душъ“. Для него „Библія есть универсальная педагогика (=дѣто-вожденіе) и

даже, пожалуй, универсально-родильный домъ" (260). Къ подножію семьи повергаетъ онъ и отечество, и человѣчество. Именно въ этомъ смыслѣ надо понимать такое, напримѣръ, его замѣчаніе: „Отечество всегда продавалось ради любви, и это хорошо: „хотятъ штурмовать ихъ городъ, а тамъ—мой возлюбленный; предупрежу ихъ городъ, чтобы не удался штурмъ, и не убили моего возлюбленнаго". И хорошо что такъ. Все—осколками у ногъ любви; и безъ всего человѣкъ проживетъ, а безъ любовности онъ сейчасъ бы умеръ" (220). Въ этой тирадѣ слова „возлюбленный", „любовь", „любовность" слѣдуетъ разумѣть въ связи съ отцовствомъ и материнствомъ. И можетъ быть, дѣло было бы яснѣе, если бы г. Розановъ привелъ не столь поэтическую иллюстрацію къ своей мысли, а указалъ бы, напримѣръ, на казнокрада или взяточника, обкрадывающаго казну (какая разница между этимъ обкрадываніемъ и „продажею отечества"?) или берущаго взятки ради семьи—„ребятишкамъ на молочишко"...

Боюсь, читатель на меня въ претензіи. Боюсь, онъ недоволенъ тѣмъ, что я на пространствѣ съ лишкомъ печатнаго листа занималъ его вниманіе очевиднымъ вздоромъ. И развѣ въ современной жизни нѣтъ ничего, болѣе достойнаго отклика и освѣщенія, чѣмъ этотъ мудрецъ, котораго, не смотря на его священную бороду, всякій г. Шараповъ можетъ отшлепать, приподнявъ полу халата? чѣмъ это перенесеніе функцій головного мозга во „внутреннія ввернутости и внѣшнія вывернутости", всѣ эти бреды и первыя попавшіяся раскосо-стоящія слова о возбужденіяхъ utriusque sexus, о созерцаніи сквозь кольцо обрѣзанія и проч., и проч.? О, да, въ жизни есть много яркаго, что и съ положительной, и съ отрицательной точки зрѣнія несравненно значительнѣе писаній г. Розанова. Но литература не всегда можетъ откликаться на то яркое, что совершается въ жизни, а въ самой литературѣ писанія г. Розанова представляютъ собою явленіе во всякомъ случаѣ замѣчательное. Можетъ быть, и правъ одинъ изъ авторовъ „полемическихъ матеріаловъ", говоря: „опровергать наборъ фразъ г. Розанова, отожествлявшаго христіанскія и ветхозавѣтныя воззрѣнія на бракъ съ культомъ Ваала и Астарты (это-то, какъ мы видѣли, напраслина. Н. М.) и по невѣдѣнію искажавшаго безусловно всѣ историческіе факты, будто бы служившіе ему опорой, возможно было бы только въ формѣ остроумно-ѣдкаго фельетона" (235). Но обратите вниманіе на несущіеся къ г. Розанову хвалебные гимны, и подносимые ему вѣнцы безсмертія. Вотъ и г. Мережковскій проводитъ такую параллель: „Ничше, со своими откровеніями новаго оргіазма, „святой плоти и крови", воскресшаго Діониса—на Западѣ; а у насъ въ Россіи, почти съ тѣми же откровеніями—В. В. Роза-

новъ, русскій Ничше. Я знаю,—продолжаетъ г. Мережковскій,—что такое сопоставленіе многихъ удивитъ; но когда этотъ мыслитель, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, въ иныхъ прозрѣніяхъ столь же геніальный, какъ Ничше, и, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ Ничше, самородный, первозданный въ своей анти-христіанской сущности, будетъ понятъ, — то онъ окажется явленіемъ, едва ли не болѣе грознымъ, требующимъ большаго вниманія со стороны церкви, чѣмъ Л. Толстой, не смотря на всю теперешнюю разницу въ общественномъ вліяніи обоихъ писателей" („Религія Л. Толстого и Достоевскаго", XXXIII — XXXIV). Не мое дѣло судить о томъ, что подлежитъ большему, что—меньшему вниманію церкви, и я позволю себѣ только маленькую поправку къ словамъ г. Мережковскаго. Никакого „оргіазма" въ „геніальныхъ прозрѣніяхъ" г. Розанова нѣтъ, напротивъ, какъ мы видѣли, онъ требуетъ трезвости („не въ опьянѣніи"), умѣренности, воздержности (семь недѣль великаго поста и шесть дней недѣли), аккуратности (разъ навсегда данное молитвословіе „передъ и послѣ"). Что „первозданнаго" въ „сущности" г. Розанова я не знаю, да и первозданности этой не понимаю, но эпитетъ „анти-христіанскій" здѣсь совсѣмъ неумѣстенъ. Г. Розановъ во всеуслышаніе исповѣдуетъ христіанское ученіе и претензія его—правда, очень большая—не идетъ дальше „новой концепціи христіанства", т. е. вящшаго утвержденія его на незамѣченныхъ другими основахъ. Но это мимоходомъ. Заслуживаетъ или не заслуживаетъ г. Розановъ хвалы съ точки зрѣнія г. Мережковскаго,—хвала на лицо. А хвала г. Мережковскаго чего нибудь стоитъ. „Насъ мало, но съ каждымъ днемъ все больше",—заявляетъ онъ (XXXIV). И онъ не совсѣмъ не правъ. Въ прошломъ или въ началѣ нынѣшняго года въ Петербургѣ образовалось „религіозно-философское общество", видными членами и, если не ошибаюсь, членами совѣта котораго состоятъ и г. Розановъ, и г. Мережковскій. Но и помимо того вліянія, которое они имѣютъ или могутъ имѣть въ средѣ этого кружка, нѣкоторые болѣе общіе ихъ взгляды, независимо отъ нихъ самихъ, получаютъ на нашихъ глазахъ болѣе или менѣе широкое распространеніе. Не они одни ищутъ путей въ область завѣдомо невѣдомыхъ „ноуменовъ", какъ пишетъ г. Розановъ, или „нуменовъ" по правописанію г. Мережковскаго. Есть въ нашей современной общественной атмосферѣ что-то такое, что отвращаетъ людей отъ „феноменовъ", явленій, и устремляетъ ихъ въ „по ту сторонній" міръ нуменовъ, ими самими признаваемый недосягаемымъ, вслѣдствіе чего мысль ихъ по необходимости принимаетъ мистическій характеръ полу-вѣры, полу-якобы-знанія. Признавая лежащее въ основѣ христіанства откровеніе, они, однако, не довольствуются имъ и стремятся собственными силами проникнуть въ сокровенную сущность вещей. Любопытно, что къ этому тяготѣютъ, между

прочимъ, и нѣкоторые недавніе ярые сторонники и проповѣдники экономическаго матеріализма: salto mortale, очень характерное для исторіи русской мысли и поучительный примѣръ для всѣхъ скороспѣлыхъ творцовъ „новыхъ словъ“. Я не говорю, что эти еще недавно столь непреклонные и непримиримые матеріалисты совершенно совпадаютъ въ своихъ теперешнихъ воззрѣніяхъ съ г. Розановымъ или г. Мережковскимъ (не вполнѣ совпадаютъ, какъ увидимъ, и они). Можетъ быть, дѣло и до этого дойдетъ, можетъ быть, и ихъ съ теченіемъ времени постигнетъ перенесеніе функцій головного мозга на „знаки пола“, но пока рѣчь идетъ только о тяготѣніи къ „до-мірной истинѣ“ и презрительномъ отношеніи къ „обыкновенному, феноменальному сужденію“. Не думаю, чтобы это теченіе увлекло многихъ, массу, какъ это было когда-то съ увлеченіемъ идеями Писарева или недавно—марксизмомъ. Но оно существуетъ, и если не измѣнятся общія условія русской жизни, то съ нимъ, вѣроятно, сольются въ ближайшемъ будущемъ отдѣльныя струи вродѣ мэоновъ г. Минскаго, разныхъ толковъ декадентства, ничшеанства въ нѣкоторыхъ русскихъ толкованіяхъ и т. п.

Здоровая и разумная часть писаній г. Розанова—его отношеніе къ аскетизму и связанному съ нимъ лицемѣрію или страданію и вытекающіе отсюда практическіе выводы о разводѣ, о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и проч.—отнюдь не составляютъ какой нибудь новости въ русской литературѣ. Въ старые годы уже „дѣти“ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ Тургенева все это знали. Новъ лишь антуражъ, обстановка, въ которой здравыя мысли являются въ изложеніи г. Розанова. Быть можетъ, для извѣстнаго круга читателей важно и полезно, что мысли эти подкрѣпляются у него словами Ветхаго и Новаго Завѣта,—объ этомъ я не берусь судить. Но обо всемъ остальномъ можно сказать стариннымъ изреченіемъ: все хорошее здѣсь не ново, а все новое—нехорошо. Мало сказать: не хорошо. Хорошее у г. Розанова совершенно завалено сумбурно-ноуменальными сугробами, черезъ которые читателю приходится перебираться, ежеминутно увязая по поясъ. Самъ-то г. Розановъ летаетъ по этимъ сугробамъ съ изумительною легкостью. На то у него „крылышки“ и „вѣтерокъ“... я хотѣлъ сказать: вѣтерокъ въ головѣ, но вспомнилъ, что голова, по толкованію г. Розанова, тутъ не при чемъ, а все дѣло въ „знакахъ пола“. Развязность, съ которою г. Розановъ предъявляетъ себя читающей публикѣ—хотя бы и публикѣ „Новаго Времени“, „Гражданина“ и „Русскаго Труда“—есть тоже своего рода признакъ времени. Разумѣю не то, что г. Розановъ часто ведетъ рѣчь о предметахъ неудобосказуемыхъ, для которыхъ, по его собственнымъ словамъ, „въ спеціальныхъ книгахъ употребляютъ термины латинскаго, т. е. мертваго, не ощущаемаго нами съ живостью языка“. Это можетъ быть оправдано искренностью и чистотою намѣреній. Но никакихъ оправданій нѣтъ для всѣхъ

тѣхъ маханальностей—вплоть до настоящаго бреда, о которыхъ у насъ была рѣчь выше.

Мы наканунѣ пятидесятилѣтія со времени появленія въ печати перваго произведенія гр. Л. Н. Толстого,—„Дѣтство и отрочество“. Пятьдесятъ лѣтъ работы для автора и пятьдесятъ лѣтъ художественнаго наслажденія и взволнованной мысли для русскаго общества... Мнѣ не разъ приходилось писать о Толстомъ, то восторгаясь имъ, то съ болью въ сердцѣ отшатываясь отъ него. Толстой и теперь высказываетъ подчасъ мысли, съ которыми мудрено согласиться, мало того—противъ которыхъ мудрено не протестовать. Но Толстой есть Толстой, нѣчто огромное, чему равнаго въ русской литературѣ нѣтъ. И вотъ что мы, между прочимъ, читаемъ въ вышеупомянутой книгѣ г. Мережковскаго: „Князь Мышкинъ“ („Идіотъ“ Достоевскаго), хотя и „бѣдный“, всетаки подлинный рыцарь,—въ высшей степени народенъ, потому что въ высшей степени благороденъ, ужъ конечно, болѣе благороденъ, чѣмъ такіе разбогатѣвшіе на счетъ своихъ рабовъ помѣщики-баре, какъ Левины или Ростовы, Толстые, потомки петровскаго, петербургскаго „случайнаго“ графа Петра Андреевича Толстого, получившаго свой титулъ, благодаря успѣхамъ въ сыскныхъ дѣлахъ „Тайной Канцеляріи“ („Религія Толстого и Достоевскаго“ 252). Эта не требующая комментаріевъ, безобразно-неистовая выходка—одна изъ многихъ въ книгѣ г. Мережковскаго—тѣмъ непристойнѣе, что авторъ знаетъ огромность человѣка, на котораго онъ, карликъ, съ такимъ бѣшенствомъ замахивается. Только замахивается, потому что этимъ нельзя ударить Толстого, слишкомъ хорошо знающаго цѣну, по его выраженію, „поколѣній лордовъ“. Пусть, какъ продолжаетъ г. Мережковскій, князь Мышкинъ есть „русскій исконный князь и не отрекается отъ своего княжества“,—это его дѣло. Толстой есть Толстой, и это наше, читательское, дѣло. Намъ все равно, графъ онъ или не графъ, были ли его предки исконные или случайные люди. Припоминая весь пятидесятилѣтній путь литературной дѣятельности „великаго писателя русской земли“, мы видимъ, что и въ своихъ великихъ произведеніяхъ, и въ своихъ ошибкахъ, часто очень крупныхъ, всегда, отъ первой до послѣдней написанной имъ строчки, онъ былъ и есть *самъ*, считающійся только съ собственною своею совѣстью, неподкупной ни для предразсудковъ своей среды, ни для предразсудковъ, такъ сказать, міровыхъ, не разъ мѣнявшій свои взгляды, но никогда не отступавшій отъ нихъ подъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ давленіемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ для насъ больше, чѣмъ великій писатель. Онъ—какъ бы живой, облеченный въ плоть и кровь символъ достоинства печатнаго слова.

Ник. Михайловскій.

Къ вопросу о реформѣ золотопромышленности.

Упадокъ нашей золотопромышленности привлекаетъ къ себѣ въ послѣднее время усиленное вниманіе. Вопросъ о средствахъ къ поднятію ея почти не сходитъ съ программъ различныхъ „съѣздовъ“ и „засѣданій“ и вызвалъ уже рядъ правительственныхъ мѣръ, выразившихся въ нѣкоторомъ упрощеніи формальной стороны дѣла (допущеніе, хотя и не повсемѣстное, свободнаго обращенія шлихового золота), и въ извѣстныхъ матеріальныхъ жертвахъ, въ видѣ отмѣны горной подати и т. п. Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что сужденія спеціалистовъ, собирающихся на „съѣзды“ и „засѣданія“, грѣшатъ по большей части значительною односторонностью, а мѣры правительства, доселѣ предпринятыя, слишкомъ недостаточны для того, чтобы оживить заѣденное мертвымъ формализмомъ дѣло и повернуть его въ новое русло; въ результатѣ мы видимъ ежегодное пониженіе общаго количества добываемаго золота и сокращеніе числа рабочихъ рукъ.

Размышляя о томъ, какимъ образомъ можетъ быть увеличено количество добываемаго нынѣ золота, мы должны остановиться на двухъ сторонахъ этого вопроса: во-первыхъ, какъ удешевить самую добычу золота, а во-вторыхъ—какъ расширить площадь его добыванія.

Наша отечественная промышленность вообще настолько свыклась съ мыслью о питаніи изъ государственнаго казначейства, что представители ея даже и не представляютъ себѣ иныхъ средствъ помощи. Поэтому и въ данномъ случаѣ, разъ заговорили объ удешевленіи добычи золота въ то время, когда это удешевленіе не можетъ уже идти далѣе на счетъ рабочихъ рукъ—на сцену сейчасъ же выдвинулись „правительственныя дороги, телеграфы, уменьшеніе взимаемыхъ податей“ и прочія тому подобныя „воспособленія“ со стороны казны. Въ дѣйствительности, однако, все это нужно болѣе для лицъ, чѣмъ для самаго дѣла. Всѣ подобныя жертвы были-бы необходимы только въ томъ случаѣ, если бы стало извѣстно, что новыхъ доходныхъ розсыпей золота въ нѣдрахъ русской земли не имѣется, а для эксплуатаціи съ пользой имѣющихся на лицо—хозяева не могутъ обойтись безъ поддержки государства. Но этого никто не скажетъ, поэтому не въ правительственныхъ „воспособленіяхъ“ надо искать рѣшенія вопроса. Наоборотъ, слѣдуетъ признать, что добыча золота есть

такая отрасль промышленности, гдѣ меньше всего можно требовать правительственныхъ жертвъ, разъ только промыслъ становится доступнымъ представителямъ труда, а не одного лишь капитала. Здѣсь легко обойтись безъ роскошныхъ дворцовъ, телеграфа и электричества, если дѣло не позволяетъ такихъ тратъ: все это нисколько не отражается на количествѣ добываемаго золота, но очень часто ведетъ къ банкротству зарвавшихся любителей „широкой“ постановки дѣла. Къ счастью, намъ еще рано думать о государственныхъ жертвахъ въ пользу добывателей золота и гораздо важнѣе вопросъ о разысканіи новыхъ розсыпей и разработкѣ имѣющихся теперь, но лежащихъ втунѣ, благодаря невыгодности ихъ эксплуатаціи. Эту мысль и высказалъ однажды, въ докладѣ въ обществѣ горныхъ инженеровъ въ Петербургѣ предсѣдатель общества, настаивая на „предоставленіи къ эксплуатаціи *всѣхъ* остающихся втунѣ площадей“,—но только не упомянулъ при этомъ и „для всѣхъ“. Избраннымъ онѣ и теперь предоставлены, да дѣло въ томъ, что *для нихъ* большинство этихъ площадей неудобны, какъ необѣщающія хорошаго заработка или даже не оправдывающія широкихъ затратъ на предварительное оборудованіе, а людямъ труда, для которыхъ разработка золотоносныхъ площадей являлась бы средствомъ къ существованію, доступъ къ нимъ все еще запрещенъ. А сколько такихъ площадей лежитъ теперь, не принося никому никакой пользы?

Нѣкоторымъ шагомъ впередъ въ этомъ отношеніи является законъ о свободномъ обращеніи шлихового золота, вышедшій въ мартѣ прошлаго года,—но самой сущности дѣла онъ во всякомъ случаѣ не измѣняетъ. Во-первыхъ, надо замѣтить, что эта свобода обращенія важна лишь для мелкихъ золотопромышленниковъ и именно тѣмъ, что даетъ имъ возможность во всякое время превращать металлъ въ нужныя для оборота деньги, помимо тягостной и убыточной процедуры сдачи его въ золотосплавочную лабораторію, по квитанціи которой уплачиваетъ уже казначейство; но обмѣнъ этотъ и раньше частенько производился помимо лабораторіи между крупными и мелкими золотопромышленниками, только, разумѣется, „потихоньку“ и съ нѣкоторой „скидкой“. Во-вторыхъ, этотъ законъ касается не всѣхъ золотоносныхъ районовъ: на Витимскую, напримѣръ, тайгу, гдѣ, по многимъ причинамъ, онъ былъ бы особенно полезенъ, дѣйствіе его не распространяется. Въ-третьихъ, самъ по себѣ онъ отнюдь не обусловливаетъ „свободы“ золотопромышленности и, кромѣ отмѣны горной подати, оставляетъ все дѣло въ прежнемъ положеніи, а поэтому инціатива и трудъ добровольцевъ-золотоискателей, не сумѣвшихъ преодолѣть массу предварительныхъ формальностей и вынести значительные расходы, не только не могутъ найти примѣненія въ тайгѣ, но и попрежнему подлежатъ карѣ закона.

Если же тузы золотопромышленности, какъ увидимъ ниже, возставали и противъ этой „льготы", то единственно изъ боязни двинуть по пути прогресса любезную ихъ сердцу старину.

Но прежде чѣмъ идти дальше, считаю необходимымъ сдѣлать маленькое отступленіе и напомнить, при какихъ условіяхъ начала у насъ развиваться золотопромышленность.

Присутствіе золота въ Сибири, еще задолго до начала добычи его русскими, было, конечно, извѣстно инородцамъ — мѣстнымъ жителямъ. Въ Забайкалье, напримѣръ, русскіе затѣмъ особенно и стремились, что о его богатствѣ золотомъ ходили баснословные разсказы. Такимъ образомъ, большинство золотоносныхъ районовъ были уже извѣстны и отыскивать ихъ, тратя капиталъ, не было надобности. До 1870 г. право занятія золотопромышленностью принадлежало лишь привилегированнымъ классамъ, жившимъ въ доброе старое время и безъ того недурно за крѣпостной стѣной, и если занимались ими золотоносныя площади, то съ завѣдомо прекраснымъ содержаніемъ, чтобы не возиться „по пустякамъ". Такимъ образомъ, все завѣдомо хорошее до 1870 г. было постепенно занимаемо почти безъ труда и расхода сравнительно немногочисленными „избранными". Когда же послѣ этого пустили въ золотопромышленность и плебеевъ, съ нѣсколько меньшими аппетитами, то разбираться стали и худшія площади. И золотопромышленникамъ этой категоріи, сумѣвшимъ преодолѣть всѣ стоявшія на порогѣ къ дѣлу многочисленныя формальности, особенныхъ тратъ затѣмъ также не предстояло, такъ какъ искать розсыпи съ „среднимъ" содержаніемъ золота все еще не было надобности.

Выше я упоминалъ, что о присутствіи золота въ извѣстныхъ мѣстахъ было извѣстно еще задолго до правильной эксплуатаціи его. А если это было извѣстно людямъ, жившимъ около золота, то наивно было бы думать, что они до него не дотрогивались. Конечно, они и дотрогивались. Поклонники, напримѣръ, буддійскаго культа считаютъ, хотя и не всегда искренно, грѣхомъ „ковырять землю" и могли добывать золото только изъ русла рѣчекъ или верховыхъ розсыпей, но для забравшихся въ Сибирь русскихъ уже никакихъ религіозныхъ запретовъ не существовало, и въ первое время они могли упражняться, сколько имъ было угодно.

Введенное впослѣдствіи строгое преслѣдованіе самовольныхъ золотоискателей нисколько не останавливало ихъ. Они попрежнему устремлялись въ тайгу, разыскивали новыя и новыя площади, а патентованнымъ золотопромышленникамъ оставалось только слѣдить за дѣятельностью этихъ даровыхъ развѣдчиковъ и спѣшить на открытыя тѣми площади со своими заявочными столбами и таежной полиціей, для удаленія и ареста сослужившихъ уже свою службу развѣдчиковъ. Такимъ образомъ, тратить капиталъ на

поиски розсыпей лицамъ, обладавшимъ „свидѣтельствомъ на право занятія золотопромышленностью", вовсе не было надобности, а надо было только сидѣть, ждать и прислушиваться. Возставать противъ этихъ вольныхъ золотоискателей и требовать искорененія ихъ золотопромышленникамъ нужно было только для вида, чтобы отводить ихъ дѣятельность отъ законной регламентаціи; въ душѣ же они не могли не смотрѣть на нихъ, какъ на даровую и очень нужную силу.

Вотъ эти-то „развѣдчики" и были піонерами золотопромышленности въ самыхъ глухихъ мѣстахъ сибирской тайги; они и открыли большинство золотоносныхъ районовъ, на которыхъ со славой поработали и нажили состояніе ловкіе люди, а когда районы эти повыработались, а новыхъ на смѣну почти не стало поступать,—то золотопромышленность наша и начала „падать". Дѣятельность же вольныхъ золотоискателей ослабѣла по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Но не посвященному читателю, можетъ быть, непонятно, почему всѣ, желающіе заниматься золотопромышленностью, не „оформятъ" этого дѣла, разъ оно теперь доступно не однимъ „привилегированнымъ?" Въ отвѣтъ на это я долженъ познакомить съ самой процедурой дѣла.

Желающій искать золото и заниматься разработкой его прежде всего долженъ выхлопотать себѣ изъ горнаго управленія, въ районѣ котораго онъ собирается дѣйствовать, „свидѣтельство на право занятія золотопромышленностью". Для этого онъ долженъ подать въ управленіе прошеніе, оплаченное установленнымъ гербовымъ сборомъ, копію съ своего паспорта и полицейское свидѣтельство о правѣ заниматься золотопромышленностью. Чтобы сдѣлать это скорѣе, надо явиться въ горное управленіе лично. Думаете вы, напримѣръ, заняться золотопромышленностью въ Забайкальѣ и живете въ данное время тамъ, такъ пріѣзжайте въ Иркутскъ и захватите съ собою на расходы побольше сотни рублей. Ну, наконецъ, вы получили нужное „свидѣтельство" и ѣдете назадъ. Однако, вы еще не имѣете право даже „искать" золота, не только работать его: до этого еще далеко. Вамъ еще нужно сформировать поисковую партію и послать увѣдомленіе въ тѣ окружныя полицейскія управленія, гдѣ вы думаете искать золото, съ приложеніемъ копіи съ свидѣтельства и съ подробнымъ поименованіемъ членовъ вашей партіи, ихъ званія, №№ паспортовъ (которые обязаны всегда держать у себя, на случай справки и провѣрки) и указать, когда, *куда* (часто это невозможно и рисковано) и откуда вы выходите въ тайгу искать золото. Затѣмъ вы спокойно выступаете. Встрѣтилось вамъ мѣсто, гдѣ по вашему можетъ быть золото, вы должны отмѣрить площадь не больше пяти верстъ, поставить въ началѣ и концѣ ея „развѣдочные" столбы, съ именной надписью и временемъ занятія и

начинать развѣдку. На свое имя вы можете занять только одну площадь, а слѣдующія не ближе пяти верстъ отъ занятой. Это подъ разсыпное золото, въ долинѣ рѣчки, ширина которой не играетъ роли; подъ рудное же вы имѣете право на четыре квадратныя версты, при чемъ столбъ, съ четырьмя надписями, ставится по срединѣ.

Развѣдочныхъ шурфовъ, т. е. ямъ, квадратомъ въ сажень, по закону, вы можете пробить только ограниченное количество, которымъ ни длины, ни ширины розсыпи установить нельзя. Настоящая развѣдка—это дѣло будущаго, когда вы „примите“ уже „отводъ“, и влечетъ она за собою иногда оставленіе этой площади, какъ неблагонадежной, послѣ того, какъ „пріемъ“ уже стоилъ вамъ значительныхъ денегъ. Но объ этомъ послѣ. Предположимъ, что и предварительная развѣдка дала вамъ хорошіе результаты. Тутъ вы обязаны остановиться съ работой и даже полученное при пробахъ золото бросить обратно въ шурфъ, закопать его и ждать, когда вамъ дадутъ законное право на разработку. Для этого вы прежде всего должны срубить „развѣдочные“ столбы, поставить на мѣсто ихъ „заявочные“ и выкопать около нихъ для чего-то ямы. Затѣмъ вы подаете въ полицейское управленіе заявку о вашемъ нахожденіи, съ подробнымъ описаніемъ мѣста, гдѣ вы нашли золото, съ опредѣленіемъ количества пробы и опять съ поименованіемъ вашихъ рабочихъ. Заявку эту приходится иногда „съ вѣрнымъ человѣкомъ“ посылать верстъ за тысячу, тайгой, и ждать, пока полицейское управленіе пришлетъ вамъ три просимыхъ копіи съ нея, оплаченныхъ, конечно, вами гербовымъ сборомъ. На это полученіе могутъ уйти цѣлые мѣсяцы. Наконецъ, копіи вами получены, и заявка ваша записана въ особую книгу, за которой зорко слѣдятъ золотопромышленники, имѣющіе въ числѣ мѣстныхъ чиновниковъ своихъ людей, чтобы, въ случаѣ чего путнаго, и самимъ поторопиться въ интересное мѣсто, а то, пожалуй, и оттягать у васъ вашу же площадь, если только вы не тертый калачъ и что-нибудь изъ формальностей упустили. Это бываетъ. Но допустимъ, что все благополучно и копіи вы, наконецъ, получили, затративъ, конечно, тоже приличную сумму. Тогда вы одну изъ нихъ оставляете у себя, другую отправляете въ горное управленіе, а третью окружному горному инженеру и просите этого послѣдняго прислать отводчика, для отвода вамъ найденной вами площади. Отводчикъ до тайги доѣзжаетъ на казенный счетъ, на мѣсто же вы обязаны доставить его на свой, также какъ и обратно до жилыхъ мѣстъ (тоже иногда за тысячу верстъ), и въ тайгѣ все время содержать его, для чего тоже требуется тугой бумажникъ.

Въ распоряженіе отводчика вы должны предоставить приличное количество рабочихъ (что въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ его требовательности). Съ этими рабочими онъ будетъ отмѣ-

рять, вымѣрять, ставить столбы и копать ни къ чему не нужныя саженныя ямы, что въ тайгѣ очень трудно, такъ какъ въ большинствѣ грунтъ или болотистый, или вѣчно мерзлый, подъ небольшимъ слоемъ таликовъ, а вы все это время должны всѣхъ работающихъ содержать, поить и платить имъ деньги. Если-же вы желаете избѣжать всей этой процедуры и покончить все дѣло въ одинъ день, тогда должны раскошелиться сразу. Такъ оно и водится.

Но и съ отводомъ еще дѣло не кончено. Чтобы начать работать, надо еще обзавестись установленными книгами, чтобы каждая доля золота была на отчетѣ. Тогда только вы можете приступить къ детальной развѣдкѣ, а развѣдка эта можетъ показать, что овчинка и выдѣлки не стоитъ и что полученную вами съ такими трудами и расходами площадь надо бросить.

Кто-же послѣ этого, скажите, пожалуйста, безъ хорошихъ средствъ будетъ браться за столь трудное дѣло, а взявшись, кто будетъ соблюдать суровый и стѣснительный законъ? Его обыкновенно и не соблюдаютъ. Пробные шурфы бьютъ въ неограниченномъ количествѣ, чтобы судить о качествѣ розсыпи хотя приблизительно точно до производства большихъ затратъ, но только потомъ, при полученіи отвода, надо закрыть приличной кредиткой глаза отводчику, чтобы тотъ не видѣлъ ничего лишняго; пробное золото обратно въ шурфы не бросаютъ, потому что это было-бы наивно, площади продолжаютъ развѣдывать и послѣ подачи заявки („на случай“) и заявочные столбы оставляютъ до двухъ лѣтъ (законный срокъ), не принимая отвода, пока не выберется время для подробной развѣдки или пока вольные золотоискатели, именуемые въ Сибири „хищниками,“ не развѣдаютъ залежавшейся площади „за свой страхъ и рискъ“.

Нѣкоторые золотопромышленники такъ и дѣлаютъ нарочно. Застолбитъ гдѣ нибудь въ глуши понравившееся ему мѣстечко и стороной наускиваетъ на него „хищниковъ“—„работайте-де, золото тамъ есть, а я ничего не скажу“. Тѣ и набросятся. Благо трудъ не покупной. И если ничего въ площади не окажется, то предпріимчивый золотопромышленникъ ничего и не теряетъ; въ случаѣ-же удачной развѣдки, онъ требуетъ отвода, неся расходы безъ риска, а даровыхъ развѣдчиковъ выгоняетъ, какъ уже сдѣлавшихъ свое дѣло и, можетъ быть, даже слегка попользовавшихся за свой трудъ.

„Хищниковъ“ этихъ во всякой тайгѣ изобиліе; формируются кадры ихъ изъ оставшихся не у дѣлъ золотопромышленныхъ рабочихъ (а иногда и добровольно ушедшихъ въ тайгу поискать своего счастья), изъ различныхъ бродягъ, которымъ нечего дѣлать въ „жилыхъ мѣстахъ“, и изъ мѣстныхъ инородцевъ. Вольная жизнь на дѣвственномъ лонѣ природы ставитъ много соблазновъ, часто и независимо отъ золота, и никакія жестокости низшей таежной полиціи (казаковъ и урядниковъ прінсковыхъ) не удер-

живаютъ шествія „хищниковъ“ въ тайгу. Многое можно бы было разсказать, со словъ старыхъ „хищниковъ,“ о ихъ стычкахъ съ казаками, когда дѣло доходило до форменныхъ схватокъ съ оружіемъ въ рукахъ и когда казаки подстрѣливали „хищниковъ“ въ тайгѣ, какъ зайцевъ, и разыскивали ихъ, какъ индѣйцы американскихъ авантюристовъ, „по слѣдамъ“. Теперь этого, къ счастью, уже нѣтъ. Въ тайгѣ человѣка не пристрѣливаютъ на законномъ основаніи, если онъ не оказываетъ сопротивленія, а только подвергаютъ его нѣкоторымъ утонченнымъ пріемамъ инквизиторской пытки, вродѣ извѣстныхъ въ тайгѣ „клячика“, „уточки“ и т. п. Въ витимской тайгѣ года три тому назадъ былъ преданъ суду за тайную продажу спирта урядникъ Каргопольцевъ, который славился особенной жестокостью при „искорененіи“ хищничества. Мнѣ, напримѣръ, рабочіе разсказывали про такіе его пріемы. Поймаетъ съ казаками въ тайгѣ шатающихся золотоискателей, возьметъ ихъ подъ прицѣлъ берданки и начинаетъ пытать:

— Хищничаете?

— Нѣтъ, на пріискъ идемъ.

— Врете!

— Правду говоримъ.

— Золото есть?

— Нѣтъ.

— Обыщи, ребята, — обращается урядникъ къ казакамъ.

И вотъ начинается обыскъ. Если окажется что, — конечно, заберутъ и, отколотивъ, отпустятъ, а если нѣтъ, то начинается „испытаніе,“ нерѣдко въ такомъ родѣ. Подвѣшиваютъ заподозрѣнныхъ въ утаеніи „хищническаго“ золота за ноги къ дереву; Каргопольцевъ начертитъ на каждомъ лбу крестъ углемъ и велитъ казакамъ попадать изъ берданки „въ цѣль“. Стрѣляютъ, конечно, съ разсчетомъ на промахъ, но чего натерпятся „испытуемые“, въ такомъ положеніи слушая свистъ пуль около себя?

Каргопольцевъ этотъ, говорятъ, носилъ подъ сюртукомъ панцырную рубашку, защищавшую его отъ „вражескихъ“ пуль даже тогда, когда конвой его падалъ въ схваткахъ поголовно, какъ было однажды на Олекмѣ, гдѣ онъ затѣялъ перепалку съ вооруженными „хищниками“ — казанскими татарами, и гдѣ, по его милости, осталось до двухъ десятковъ труповъ съ обѣихъ сторонъ, при чемъ казаки пали всѣ, до послѣдняго.

Но „хищники“ всетаки дѣлаютъ свое дѣло, и всякій, знакомый съ исторіей нашей золотопромышленности, знаетъ, какую роль играютъ они въ ея развитіи. Эти безправные и гонимые закономъ добровольцы идутъ въ авангардѣ мелкихъ и крупныхъ золотопромышленниковъ, прокладываютъ для нихъ пути и отыскиваютъ площади для ихъ заявочныхъ столбовъ. И куда только изъ золотоносныхъ районовъ не заглянемъ мы, вездѣ увидимъ счастливыхъ обладателей „свидѣтельства на право занятія золотопро-

мышленностью", которые слѣдятъ за дѣятельностью любезныхъ ихъ сердцу „хищниковъ", прислушиваются къ ихъ открытіямъ и спѣшатъ съ своими „правами" на мѣста ихъ работъ. Въ этомъ повинны даже самыя солидныя золотопромышленныя компаніи, золотопромышленная же мелкота только и живетъ насчетъ эксплуатаціи „хищническаго" труда.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда золотопромышленники не могутъ отнять достояніе безправныхъ работниковъ, какъ нѣкогда въ знаменитой Желтугѣ, на китайской территоріи, или когда хищники работаютъ невыгодныя для нихъ самихъ площади, они занимаются скупкой у нихъ не легально добытаго золота по дешевой цѣнѣ и обмѣномъ его на дорогіе припасы.

Когда вы, читатель, услышите голосъ золотопромышленника, ратующаго за искорененіе „хищниковъ", не вѣрьте его искренности: это только фразы. Безъ содѣйствія „хищниковъ" золотопромышленность наша долго еще не въ силахъ будетъ обойтись. Какъ бы ни была солидна золотопромышленная компанія, а на постоянное содержаніе раціонально поставленной поисковой партіи она не согласится. Помилуйте, на это нужно, по крайней мѣрѣ, двадцать тысячъ рублей въ годъ, а дѣйствіе поисковой партіи еще не обезпечиваетъ прибавленіе площадей на мѣсто имѣющихъ выработаться. Золотоисковое дѣло весьма сложное. Наличность геологическихъ свѣдѣній по этой части еще не обезпечиваетъ удачные поиски. Открытіе золота остается всегда въ значительной мѣрѣ дѣломъ случая, совершенно одинаково доступнымъ, какъ ученому геологу, такъ и невѣжественному рабочему-землекопу. Да и ученыхъ практиковъ-золотоискателей у насъ наберется едва нѣсколько человѣкъ. Какъ же можно рисковать тратить громадныя деньги на такое эфемерное предпріятіе и какъ возможно это для компаніи или лица съ ограниченными средствами? Ну, они и будутъ вырабатывать то, что уже попало въ ихъ руки; пожалуй, сдѣлаютъ попытку прошурфовать ближайшія къ ихъ пріискамъ долины, даже съ участіемъ горнаго инженера, но единственно по соображенію, что „эти мѣста близки *къ извѣстному уже* золотоносному району". А въ даль снаряжать поисковыя партіи много-ли найдется охотниковъ, въ особенности послѣ того, какъ нѣкоторыя такія предпріятія въ послѣднее время потерпѣли фіаско? Этимъ и объясняется упадокъ золотопромышленности. Старыя, давно извѣстныя или случайно открытыя розсыпи вырабатываются, а новыя являются на смѣну имъ уже не въ прежнемъ количествѣ. Но золотопромышленность вовсе упала бы, если бы не „хищники", лицемѣрно подвергаемые остракизму тузами золотопромышленности. Многихъ изъ нихъ они выручили, а въ послѣднее время хищники открыли цѣлый богатый средне-витимскій районъ. Средній Витимъ, какъ золотоносный районъ, извѣстенъ еще съ начала 60-хъ го-

довъ, когда прошла черезъ него первая поисковая партія, впрочемъ, весьма незначительная и мало компетентная. Партія эта открыла нѣсколько площадей, но съ слабымъ, по мѣстнымъ условіямъ, содержаніемъ золота, и онѣ до 1881 г. вовсе оставались втунѣ. Съ этого же времени ихъ попробовали было разрабатывать, но за невыгодностью дѣла, оставили вовсе и Ср. Витимъ былъ забытъ. Но „хищники" всетаки не хотѣли оставить его безъ своей „развѣдки", и вотъ въ 1895 г. двое изъ нихъ—Ганька Бродяга и Мишка Чертикъ сколотили плотъ, добыли на мѣсяцъ муки для пропитанія и поплыли Витимомъ внизъ по теченію, рискуя разбиться о подводный камень или умереть голодной смертью, забравшись въ глубь совершенно безлюдной тайги. Такъ доплыли они до устья р. Тулдуни (притокъ Витима) и тамъ, въ косѣ, обнаружили богатую розсыпь. Вскорѣ тамъ образовался пріискъ „Многообѣщающій". Такъ какъ сами счастливые золотоискатели долго работать не могли, не рискуя, что ихъ „прослѣдятъ" и отнимутъ ихъ мѣсто на законномъ основаніи, то и поспѣшили продать свое открытіе одному изъ мѣстныхъ золотпромышленниковъ, по обыкновенію, за смѣшную цѣну. „Многообѣщающій" этотъ быстро обогатилъ своего хозяина и сгруппировалъ вокругъ себя новые отряды „хищниковъ", которые могли уже не рисковать жизнью на Ср. Витимѣ и получать припасы для пропитанія съ пріиска. Это привело къ тому, что вскорѣ новые счастливцы изъ той же среды „хищниковъ" открыли прямо колоссальное богатство въ руслѣ р. Курона-Куроланъ и въ береговыхъ утесахъ, среди исполинскихъ каменныхъ хребтовъ, покрытыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Золото тамъ подбиралось въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ *прямо руками*. Завладѣлъ и этой находкой тотъ же счастливый обладатель „Многообѣщающаго", сразу вышедшій *„въ люди"*. Но тамъ передача пріиска была обставлена такими условіями и пріемка отвода, благодаря отдаленности отъ окружного центра, тянулась такъ долго, что „хищники", въ количествѣ цѣлыхъ сотенъ человѣкъ, постоянно обновлявшихся, успѣли проработать цѣлое лѣто и добыли золота до сотни пудовъ, по скромному разсчету. Вотъ Средній Витимъ съ тѣхъ поръ „загремѣлъ".

А сколько бы еще открылось у насъ Среднихъ Витимовъ, если бы были у „хищниковъ", по примѣру хотя бы Америки, развязаны руки, и если бы допускалась въ тайгѣ свободная торговля жизненными продуктами?!..

Жизненныя потребности у нашего „хищника" сведены до крайняго minimum'а. Онъ можетъ ѣсть черезъ два дня въ третій (какъ неоднократно я и самъ наблюдалъ и слышалъ) и передвигаться по самымъ трудно-проходимымъ мѣстамъ, куда ни за что не проникнуть никакой поисковой партіи съ ея караваномъ. И всѣ инструменты его состоятъ изъ кайлы, лопаты, то-

пора и рѣдко балды. Съ такимъ багажемъ, плюсъ полпуда муки для лепешекъ и маленькій чайникъ, куда только не проникнетъ онъ—выносливый, привычный и опытный? Черезъ заваленые гигантскимъ валежникомъ дѣвственные лѣса тайги, черезъ скалистые хребты, черезъ рѣчки, вплавь и въ бродъ—всюду идетъ онъ и ищетъ „фарта"—золота. Идутъ эти люди иногда артелями, а чаще всего парами. Въ студеную зимнюю пору, при морозахъ до 60° и въ холодную сырую осень или весну бродятъ они по тайгѣ, замерзая, утопая и умирая голодной смертью и ищутъ мѣсторожденій драгоцѣннаго металла, работая въ землѣ отъ зари до зари. И находятъ. Но что получаетъ „хищникъ" за свои открытія? Только одну милость, что къ нему не примѣняютъ почти никогда закона, обрекающаго его на тюремное заключеніе. Да развѣ еще тщеславію его польстятъ, когда онъ явится на пріискъ, „потихоньку" сдавать добытое золото: здѣсь ужъ за нимъ поухаживаютъ и всѣ капризы его исполнятъ, до требованія дорогихъ винъ и закусокъ включительно, такъ какъ платитъ онъ вдесятеро, „вѣсовой" монетой, съ которой ему больше некуда сунуться и держать которую у себя небезопасно. Въ особенности-же за нимъ ухаживаютъ, если золото онъ принесъ съ новой, имъ открытой площади, чтобы выманить у него секретъ. А подгулявшій золотоискатель не скупъ и не скрытенъ. Ему впрокъ добра не копить, такъ какъ онъ гражданинъ только въ тайгѣ, „таежнаго уѣзда".

Большинство этихъ людей—вѣчные бродяги тайги, съ потерянными или давно просроченными паспортами. Сегодня онъ нашелъ золото, а завтра пропилъ все или проигралъ въ карты и опять идетъ „искать", работать и, можетъ быть, голодать. А копить золото, чтобы потомъ съ хорошимъ заработкомъ выйти въ жилыя мѣста, онъ не можетъ или не хочетъ. Да и трудно ему теперь скопить что-нибудь деньгами, такъ какъ найденное золото больше идетъ въ обмѣнъ на разные припасы и матеріалы. На нѣкоторыхъ же пріискахъ ему и хлѣба не отпустятъ, если онъ спирта не беретъ (главная статья доходовъ, напр., Б—инскихъ пріисковъ).

Бываетъ, конечно, что „хищники" уносятъ изъ тайги порядочныя деньги, не смотря на дешевую продажу золота, но это больше или случайные, или „семейскіе" (старообрядцы забайкальскіе), которые хотя и пьяницы и картежники, но народъ энергичный, смѣлый и очень не глупый. Эти не всегда позволяютъ „шутить" съ собою скупщикамъ.

Жизнь „хищниковъ" въ тайгѣ очень не сложна. Ни зимою, ни лѣтомъ имъ помѣщенія не надо. Питаются они чаемъ съ сухарями или мукой и то не всегда досыта; ночи же проводятъ у костра, подъ открытымъ небомъ и только въ дождливую пору или при долгихъ остановкахъ строятъ кое-какіе шалаши изъ древесной коры.

Вотъ эти-то безправные и гонимые закономъ труженики и поддерживаютъ незримо нашу золотопромышленность. Они не только открываютъ новыя розсыпи золота, но и добываютъ его тамъ, гдѣ никакому золотопромышленнику нѣтъ разсчета работать, и на десятки пудовъ въ годъ увеличиваютъ добычу дѣйствующихъ пріисковъ, хотя большая часть добываемаго ими золота всетаки уходитъ въ Китай, черезъ особыхъ скупщиковъ, которые платятъ дороже, чѣмъ на пріискахъ и при томъ монетой.

Кабинетные люди, слушая навѣты фарисейски негодующихъ золотопромышленниковъ противъ „хищниковъ", въ самомъ дѣлѣ считаютъ ихъ бичемъ серьезнаго дѣла; но сами золотопромышленники лучше, чѣмъ кто либо, знаютъ, какъ и при какихъ условіяхъ открыты ихъ пріиски и какую роль играли при этомъ хищники. Что-же касается способовъ разработки, то развѣ мелкія золотопромышленники не тѣ же „хищники"? Тѣ-же пріемы при выработкѣ, тѣ же знанія. А развѣ нельзя сказать того-же и про нѣкоторыхъ и изъ крупныхъ? Вѣдь не такъ давно на Уралѣ образовалась иностранная компанія, которая основала широкое дѣло на отбросахъ старыхъ пріисковъ. Что „хищники" торопятся взять изъ площади скорѣе все цѣнное, не думая объ остальномъ, это понятно: имъ надо спѣшить, чтобы ихъ не застигли „на мѣстѣ преступленія", а если этой боязни не будетъ, то кто же изъ людей съ скромными потребностями, работающихъ ради хлѣба и не видящихъ ничего впереди, будетъ бросать даже ничтожныя, но цѣнныя крупицы?

Первый томскій съѣздъ золотопромышленниковъ, ратуя противъ всякой „свободы" въ золотопромышленности вообще, въ своемъ докладѣ заявилъ: „мы высказываемся противъ насильственной ломки установившагося строя допущеніемъ свободнаго обращенія шлихового золота (даже противъ этого, не говоря уже о болѣе широкихъ, коренныхъ и необходимыхъ реформахъ! П. Б.), такъ какъ нельзя безъ очевиднаго вреда создать преобладаніе въ сибирскихъ тайгахъ безшабашной голытьбы, не признающей никакого права и порядка". Вотъ пугала, которыхъ обыкновенно выставляютъ почтенные дѣльцы для смущенія не дальновидныхъ наблюдателей. Но „голытьба" вѣдь и раньше „преобладала", даже въ болѣе суровое время и впредь будетъ преобладать, независимо отъ какихъ бы то ни было реформъ. Только голытьба эта, можетъ быть, и перестала бы быть голытьбою, если бъ миновала необходимость продавать свое первородство за чечевичную похлебку гг. дѣльцамъ, чего собственно они и боятся и почему протестуютъ противъ начала всякихъ „ломокъ", т. е. реформъ. Нашедшіе на Амурѣ знаменитый „Милліонный ключъ" не остались бы голышами, если бы не необходимость сбыть его скорѣе—за цѣлыхъ 250 р. Тоже можно сказать и про открывшихъ „Каменный", въ баргузинской тайгѣ, ипро многихъ другихъ.

Да и самый составъ этихъ теперешнихъ „хищниковъ“ измѣнился бы, если бъ доступъ къ золотопромышленности, хотя бы по одному промысловому свидѣтельству, безъ всякихъ китайскихъ церемоній и ненужныхъ волокитъ, какъ въ Америкѣ, могли получить всѣ желающіе. Преступный и порочный элементъ теперешнихъ вольныхъ золотоискателей потонулъ бы въ средѣ здоровыхъ и свѣжихъ работниковъ, явившихся извнѣ. А сколько бы поступило въ работу лежащихъ теперь втунѣ малодоходныхъ площадей, если бы взялись за нихъ скромныя артели съ даровымъ трудомъ. И сколько бы открыли новыхъ площадей эти люди, которымъ нечего терять въ случаѣ неудачи, трудъ которыхъ остается теперь, за избыткомъ, не у дѣлъ и которые съ жадностью устремились бы на поиски своего счастья, для себя, а не для другихъ, „патентованныхъ“? Безъ преувеличенія можно сказать, что сибирскія тайги съ американской быстротой покрылись бы новыми городами, съ разными складами и магазинами. Сколько-бы здѣсь новыхъ людей нашли дѣло и заработокъ и сколько выиграло бы государство и отъ устраненія массы безработныхъ рукъ, и отъ заселенія новыхъ мѣстъ, и отъ увеличенія количества добываемаго золота, и отъ повышенія спроса на разные продукты отечественнаго производства. И все это слѣпо приносится въ жертву кучкѣ алчныхъ людей, прячущихъ свою корысть подъ флагомъ „государственной пользы“, да еще съ крокодиловыми слезами на глазахъ протягивающихъ руку за „правительственными жертвами“!

Ратующіе за развитіе крупной золотопромышленности сами не знаютъ даже, какъ развить ее. Мелкая и маленькая золотопромышленность должны существовать уже по одному тому, что большихъ золотоносныхъ районовъ у насъ слишкомъ немного, тогда какъ мелкихъ розсыпей, съ количествомъ 3 — 5 пудовъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга—„нѣсть числа“, и въ общемъ онѣ могутъ дать золота не меньше, чѣмъ и большіе районы, если ихъ станутъ работать, если допустятъ тѣхъ, кто можетъ ихъ работать.

Золотопромышленность и промышленность обрабатывающая въ нѣкоторомъ отношеніи вещи совершенно разныя. Если ко второй иногда достаточно приложить капиталъ, чтобы собрать обильную жатву, то къ первой бываетъ нелегко даже и пристроить его. Примѣромъ возьмемъ хотя бы Россійское золотопромышленное общество. Оно собрало капиталъ въ 9 милліоновъ рублей, повело въ широкихъ размѣрахъ поиски золота, похоронило массу денегъ, уронило до смѣшного свои акціи и кончило тѣмъ, что прилѣпилось паями къ Ленскому товариществу. Приливъ капитала къ золотопромышленному дѣлу въ данномъ случаѣ вовсе не могъ найти себѣ свѣжаго мѣста и, вытѣснивъ своимъ напоромъ часть стараго капитала, уронилъ % прибыли. Это бы,

конечно, ничего еще, если-бы уменьшеніе этого % не задѣло благополучія рабочихъ, а то Ленскому т-ву послѣ этого пришлось вводить новую продовольственную раскладку, которая, по словамъ иниціаторовъ, благодѣтельствуетъ рабочихъ, а въ дѣйствительности, какъ это было выяснено мѣстнымъ корреспондентомъ „Восточнаго Обозрѣнія", оставляетъ значительную экономію въ карманѣ товарищества.

Но крупной золотопромышленности, если только говорить о дѣлѣ, а не о лицахъ, и не грозитъ никакая опасность отъ введенія въ Россіи свободной добычи золота. Напротивъ, если прибывшими силами будутъ открыты новыя, богатыя и тѣмъ болѣе глубокія залежи золота, дѣло безъ крупныхъ капиталовъ и не обойдется. Кромѣ того, на ихъ долю навсегда останется все рудное золото и всѣ наиболѣе значительные золотоносные районы, гдѣ есть широкое поле для приложенія капитала. Чему здѣсь можетъ помѣшать реформа?

Выше я привелъ справку изъ доклада перваго съѣзда томскихъ золотопромышленниковъ, такъ рьяно возстававшихъ даже противъ допущеннаго теперь, въ теоріи и мѣстами, свободнаго обращенія шлихового золота, но ратовали противъ этого не одни томичи, но и почти всѣ ихъ сибирскіе коллеги, мотивируя свои доводы боязнью увеличить воровство золота на пріискахъ при его свободномъ обращеніи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, невозможно будетъ уличить рабочаго въ кражѣ. Незнакомому съ пріисковой жизнью читателю этотъ аргументъ ратующихъ за свой карманъ дѣльцовъ можетъ показаться основательнымъ, поэтому интересно послушать, что говоритъ по этому поводу и какъ рисуетъ пріисковую атмосферу одинъ компетентный и безпристрастный пріисковый дѣятель въ №№ 95 и 97 „Восточнаго Обозрѣнія" за 1899 г.

«Низкая заработная плата при чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ труда, плохое питаніе, которое рабочему при всей дороговизнѣ продуктовъ приходится улучшать на свой счетъ, неблагопріятная, а часто таки и совсѣмъ скверная обстановка жилищъ (кстати сказать, у насъ на Бодайбо изъ 135 больныхъ 90 человѣкъ цынготныхъ). Это внизу. А наверху—сорокатысячные оклады главно-управляющихъ, русская размашистость въ швыряніи денегъ на удовольствія, попойки, карточныя игры. Все это служитъ къ самооправданію крадущаго золото рабочаго. Между пріисковымъ людомъ сплошь и рядомъ можно услышать мнѣніе, что если не красть золота, то не стоитъ и работать. Если это мнѣніе преувеличено, то нельзя сказать, чтобы ужъ слишкомъ. Только подъемное золото даетъ излишекъ, остающійся у рабочаго за расходами по улучшенію питанія, одежѣ, высылкѣ податей и пр. Нѣтъ подъемнаго,—и рабочій лишь въ исключительныхъ случаяхъ выносить болѣе или менѣе осязательную сумму домой, а очень часто возвращается съ помѣткой на билетѣ «остался долженъ». Но самая могучая причина, обусловливающая распространенность кражи золота рабочими, кроется въ общей хищнической атмосферѣ, господствующей на пріискахъ,—атмосферѣ, которая только теперь, съ введеніемъ мирового суда, начинаетъ терять свой рѣзко удушливый характеръ. Здѣсь, за единичными исключеніями, выражаясь деликатно, всѣ объегориваютъ другъ друга, начиная со ступеней высшихъ и кончая мелкой служащей

сошкой. Существуетъ даже градація должностей по степени ихъ «доходности», и всѣ эти хищенія до того укоренились, до того узаконены обычаемъ, что, кромѣ стороны потерпѣвшей, никто ими не возмущается, да и негодованіе потерпѣвшаго скоро какъ-то остываетъ и нисколько, повидимому, не отражается на дальнѣйшихъ отношеніяхъ сторонъ. Не смотря на внѣшнюю культурность нашей тайги (желѣзная дорога, электричество, телефоны, театры et cetera, et cetera), здѣсь еще въ довольно обнаженномъ видѣ господствуетъ мораль первобытнаго человѣка: добро то, если я украду, зло—если у меня украдутъ. Это сказано не для краснаго словца; «басню сію» можно было бы пояснить многочисленными иллюстраціями не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ, не только изъ области мелкой, но и крупнѣйшей золотопромышленности. Странно, послѣ этого, требовать отъ простого, ни низшими, ни высшими науками не просвѣщеннаго рабочаго особенной добродѣтельности, тогда какъ все, что стоитъ выше его, даетъ ему примѣры, весьма далекіе отъ добродѣтели. Это просто психологически невозможно. Дабы рабочій восчувствовалъ срамъ хищенія, необходимо, чтобы измѣнилась къ лучшему вся хищническая атмосфера, которой онъ дышитъ. А откуда же должно ждать этого измѣненія, какъ не сверху, а не снизу, отъ заправилъ, а не отъ управляемыхъ»?

Зная все это, невольно сочтешь наивною странную боязнь золотопромышленниковъ, и при отысканіи причинъ, заставляющихъ ихъ тормазить необходимыя въ интересахъ даже самого государства, реформы, прямо теряешься. „Когда достаточно знакомъ,— и не по документамъ,—пишетъ выше цитированный авторъ, —

а непосредственно, съ внутреннимъ механизмомъ золотыхъ пріисковъ, положительно приходишь въ недоумѣніе, ради чего золотопромышленность, будучи промысломъ, по своей природѣ, доступнымъ послѣднему бѣдняку, искусственно обставляется условіями, дѣлающими ее привилегіей капиталиста? Съ какой бы точки зрѣнія ни посмотрѣть на дѣло, рѣшительно трудно понять, что выигрывается преслѣдованіями людей, разыскивающихъ золото въ свободныхъ, никѣмъ не эксплуатируемыхъ дебряхъ тайги?

«Но не выигрываются ли, по крайней мѣрѣ, интересы порядка и спокойствія? Ничуть. До затребованія нынѣшнимъ владѣльцемъ Орловки отряда казаковъ для изгнанія «хищниковъ», среди послѣднихъ господствовалъ образцовый порядокъ. Вся масса вольныхъ старателей подчинялась выборнымъ старостамъ, и не только за драки, буйства въ пьяномъ видѣ, но даже за ругательство, если обруганный считалъ себя этимъ оскорбленнымъ, виновные должны были подвергаться наказанію (порка и штрафъ). Торговецъ, выгрузившій свой товаръ прямо на берегъ, не нуждался для его охраны въ караульныхъ. Онъ раздавалъ припасы въ долгъ людямъ, которыхъ видитъ въ первый разъ, не зная даже мѣста, гдѣ кто работаетъ, и ни у кого изъ торговцевъ ни за кѣмъ ничего не пропало. Больные содержались на общій счетъ. Заработокъ, оставшійся послѣ умершаго, высылался его семьѣ въ жилое мѣсто и даже прилагались деньги отъ артели священнику на поминовеніе покойника. Словомъ, по общему свидѣтельству торговцевъ... порядокъ среди «хищниковъ», личная и имущественная безопасность служили рѣзкимъ укоромъ промысламъ любой большой Бодайбинской компаніи.

А насколько непонятна монополизація золотого промысла нашему народу—служитъ хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1899 г. еще съ зимы потянулись изъ Россіи толпы крестьянъ, преимущественно изъ голодныхъ губерній, на Средній Витимъ. Оказы-

вается, что слухъ о немъ „прошелъ по всей Руси великой", и наивные люди полагали, что стоитъ лишь имъ перебраться черезъ Байкалъ и дойти до этого самаго Витима, чтобы приступить къ разработкѣ золота. И цѣлыя тысячи прибрели въ Восточную Сибирь съ этою цѣлью. Но, разумѣется, результаты оказались самые плачевные. Народу набилось въ тайгу масса, за дѣятельностью же „хищниковъ" тогда особенно строго слѣдили нарочные кордоны казаковъ, и работать имъ не давали даже на брошенныхъ пріискахъ, а хлѣба нѣтъ. Многіе пропали тогда „безъ вѣсти" въ тайгѣ, многіе выбрались на трактъ еле живыми, а большинство запоздавшихъ и узнавшихъ отъ вышедшихъ уже изъ тайги о „ходѣ дѣла" и сами не рискнули идти туда. Въ результатѣ же—скопленіе на Читинскомъ трактѣ массы рабочихъ рукъ, паденіе заработной платы и страшное повышеніе цѣны на хлѣбъ (до 3 р. 20 к. за пудъ ржаной муки).

А между тѣмъ дѣла въ тайгѣ было много и съ избыткомъ хватило бы на всѣхъ, но передъ этимъ дѣломъ стояла, какъ и стоитъ до сихъ поръ, тяжелая стѣна предразсудка, что для добыванія золота, нужнаго всѣмъ, но лежащаго пока въ землѣ безъ всякой пользы, нужна особая „привилегія"...

Пав. Бѣлецкій.

Изъ народно-хозяйственной жизни Полтавской губерніи.

Въ хронологической таблицѣ экономическихъ мѣропріятій земствъ нашей губерніи вопросъ объ организаціи переселеній занимаетъ едва-ли не первое мѣсто. Еще въ 1868 году предсѣдатель пирятинскаго уѣзднаго земскаго собранія сообщилъ этому послѣднему, что въ уѣздѣ „обнаружилось усиленное стремленіе къ переселеніямъ въ связи съ распространившимися слухами о существованіи какого-то указа правительства по этому предмету" *). Собраніе рѣшило сообщить объ этомъ фактѣ полтавскому губернатору, а въ преніяхъ по поводу сообщенія предсѣдателя уже поднятъ былъ, хотя и въ неопредѣленной формѣ, вопросъ о необходимости организаціи переселеній, въ которой земству предстоитъ такъ или иначе принять дѣятельное участіе. Въ силу раз-

*) См. Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи. Изд. полт. губ. земства.

ныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь говорить не приходится, участіе земствъ нашей губерніи въ организаціи переселеній оказалось въ конечномъ счетѣ болѣе, чѣмъ скромнымъ; но массы переселяющихся изъ губерніи крестьянъ увеличивались изъ года въ годъ, и къ концу протекшаго тридцатилѣтія оказалось, что на всѣхъ переселенческихъ пунктахъ Полтавская губернія занимаетъ въ регистраціонныхъ листахъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ. Тѣмъ не менѣе земельная нужда увеличивается изъ года въ годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и вынужденная погоня за клочкомъ земли, при чемъ землѣ, уже имѣющейся въ наличности, не дается, что называется, ни передохнуть, ни вздохнуть. Въ Полтавскомъ уѣздѣ, напримѣръ, огромный районъ казачьихъ и крестьянскихъ земель получилъ уже у мѣстныхъ изслѣдователей спеціальное названіе „овсюжнаго" района: земля здѣсь до того выпахана и истощена, что посѣянные хлѣба на добрую треть, а то и на половину заѣдаются и вытѣсняются овсюгомъ. Крестьяне отлично знаютъ, что съ овсюгомъ и всякаго рода сорными травами можно бороться только правильнымъ трехпольемъ, но такая борьба доступна только болѣе сильнымъ хозяйственнымъ группамъ, у которыхъ имѣется возможность сводить концы съ концами, и при періодическомъ отдыхѣ нѣкоторой части пахатной земли. Однако, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не введена обязательная трехпольная система, даже среднія хозяйственныя группы крестьянъ и казаковъ тоже не щадятъ земли, такъ какъ для ихъ, уже въ значительной степени денежнаго, хозяйства всякій клочекъ отдыхающей земли является минусомъ, котораго они всѣми средствами стараются избѣжать. Самымъ сподручнымъ, легкимъ, хотя въ основѣ своей крайне убыточнымъ средствомъ, является вытягиваніе изъ земли всего, что она можетъ дать. Такимъ образомъ, абсолютное малоземелье у низшихъ хозяйственныхъ группъ и относительное малоземелье у группъ переходныхъ ведутъ къ одному и тому же—къ выпаханности земли, къ ея истощенію. Процессъ этотъ, повторяемъ, продолжается уже тридцать лѣтъ, обостряясь съ каждымъ годомъ,—и внѣшнимъ выраженіемъ этой земельной тѣсноты и давки явилось то раннее стремленіе къ переселенію, о которомъ мы упомянули выше.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне и казаки, видя гибельныя послѣдствія этого, хотя и вынужденнаго, хищническаго хозяйства, начинаютъ подумывать объ установленіи обязательнаго трехполья („толоки", выражаясь принятымъ здѣсь терминомъ). Но само собой разумѣется, что реализировать эти „думы" удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что при введеніи обязательной толоки малоземельныя группы хозяевъ очутились бы въ крайне критическомъ положеніи: ежегодное сокращеніе на цѣлую треть ихъ нынѣшней, и безъ того ничтожной, посѣвной площади равнялось бы для этихъ группъ почти полному обезземе-

меленію. Тамъ, гдѣ эти группы берутъ перевѣсъ, какъ это, например, имѣетъ мѣсто въ упомянутомъ нами „овсюжномъ" районѣ Полтавскаго уѣзда, всякая такая попытка введенія обязательной толоки неминуемо терпитъ пораженіе. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда перевѣсъ берутъ среднія и высшія группы хозяевъ, такія попытки, дѣйствительно, осуществляются. Таково, напримѣръ, большое село Шишаки, Миргородскаго уѣзда, гдѣ обязательная толока введена всего лѣтъ пять тому назадъ. Въ общемъ, однако, такихъ попытокъ дѣлается очень мало, а еще въ меньшемъ количествѣ онѣ осуществляются. Вѣдь и безъ этого сокращенія посѣвной площади жители „овсюжнаго" района и, главнымъ образомъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне, если кое какъ и сводятъ концы съ концами, то только благодаря стороннимъ заработкамъ,—какъ, напримѣръ, жители крупнаго села-мѣстечка Рѣшетиловки и прилежащихъ къ нему хуторовъ, занимающіеся сапожнымъ промысломъ. Тамъ же, гдѣ мѣстныхъ стороннихъ заработковъ нѣтъ, и гдѣ при томъ малоземелье сопровождается обязательнымъ трехпольемъ, жители находятъ исходъ въ уходѣ на дальніе заработки (преимущественно въ Крымъ и Екатеринославскую губернію). Таковы уѣзды Лохвицкій и Прилукскій, гдѣ уходъ на дальніе заработки очень широко распространенъ, между тѣмъ какъ въ Полтавскомъ уѣздѣ онъ встрѣчается относительно рѣже. Это, однако, не значитъ, что между обязательнымъ трехпольемъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ и распространеннымъ уходомъ жителей этого уѣзда на дальніе заработки существуетъ какая-нибудь причинная связь. Это значитъ только, что сокращаемая трехпольемъ площадь посѣва, при всей раціональности этого сокращенія, всетаки идетъ въ разрѣзъ съ непосредственными интересами минуты низшихъ хозяйственныхъ группъ населенія, которыя при такомъ сокращеніи превращаются почти въ безземельныхъ. Естественно, что онѣ являются противниками такой мѣры, какъ бы раціональна она ни была.

Что отъ этого сопротивленія „прогрессивнымъ теченіямъ" въ хозяйствѣ прежде всего, выражаясь вульгарно, трещитъ затылокъ самого сопротивляющагося, — это ясно уже a priori. Цифры, выражающія высоту средней урожайности, покажутъ намъ это a posteriori. По даннымъ текущей статистики средняя урожайность трехъ главныхъ хлѣбовъ за 14 лѣтъ (1886—1899 гг.). составляла (въ пудахъ съ 1 дес.) *):

	Въ мелкихъ хозяйствахъ.	Въ крупныхъ хозяйствахъ.
Озимой ржи	49	63
Яровой пшеницы	49	60
Ячменя	50	60

*) См. Обзоръ сельск. хоз. въ Полт. губ. За 1900 г. Изд. полт. губ. зем.

Рожь, составляющая главный, вѣрнѣе, единственный, продуктъ собственнаго потребленія крестьянъ, въ мелкихъ хозяйствахъ даетъ урожайность на цѣлыхъ 30% ниже той, которая получается въ хозяйствахъ крупныхъ. Урожайность двухъ другихъ хлѣбовъ въ среднемъ даетъ относительный минусъ въ 21%. Однако, по отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ относительный минусъ далеко превосходитъ указанный погубернскій минусъ. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ онъ на ржи достигаетъ 52%, въ Полтавскомъ—45% и въ Кременчугскомъ — 41%. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ урожайность ржи *нѣсколько больше, чѣмъ на половину, а въ Полтавскомъ почти на половину меньше въ мелкихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ хозяйствахъ крупныхъ*. Но при этомъ необходимо еще сдѣлать слѣдующую оговорку. Данныя текущей статистики составляются на основаніи сообщеній корреспондентовъ, среди которыхъ представителей низшихъ хозяйственныхъ группъ либо совсѣмъ нѣтъ, либо ихъ очень мало. Не трудно понять, что средняя урожайность, составленная на основаніи сообщеній этихъ корреспондентовъ, должна быть выше дѣйствительной урожайности. Слѣдовательно, относительный минусъ въ дѣйствительности долженъ быть значительно больше. Съ другой стороны, мы не имѣемъ цифръ урожайности, соотвѣтствующихъ хозяйственнымъ группамъ, т. е. размѣрамъ землевладѣнія ихъ представителей, вслѣдствіе чего мы лишены возможности дать цифровое выраженіе тому недобору хлѣбовъ, которымъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, расплачивается малоземелье и связанная съ нимъ невозможность давать землѣ отдыхъ. Все же приведенныя цифры даютъ нить къ тому, что нѣмцы называютъ einige Betrachtungen anzustellen, изъ которыхъ вполнѣ достовѣрно выходитъ, что чѣмъ ниже хозяйственная группа, тѣмъ сильнѣе трещитъ ея затылокъ.

Нѣкоторыя данныя о продовольственныхъ средствахъ благодатной Полтавской губерніи („съ вишневыми садочками при каждой хатѣ“ — восторгаются всякаго рода случайные наблюдатели) покажутъ намъ, что́ именно скрывается за указаннымъ недоборомъ. Обратимся мы для этого къ даннымъ за 1899 годъ, во-первыхъ, потому, что въ „Статистическомъ Ежегодникѣ“ губернскаго земства за этотъ годъ продовольственныя средства отнесены къ хозяйственнымъ группамъ по площади посѣва; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что урожай 1899 года долженъ считаться не только среднимъ, но даже нѣсколько выше средняго.

Исключая ничтожнаго уменьшенія въ 1899 году урожая пшеницы на 2 пуда съ десятины, всѣ остальные хлѣба въ этомъ году дали большій или меньшій плюсъ противъ предыдущихъ 13 лѣтъ. Какъ

же обстояло въ этомъ году дѣло населенія губерніи въ смыслѣ продовольственныхъ его средствъ?

Если мы распредѣлимъ сельское населеніе губерніи на хозяйственныя группы по площадямъ посѣвовъ и возьмемъ для каждой группы цифры, выражающія потребность ея въ хлѣбѣ, и степень удовлетворенія этой потребности, то получимъ слѣдующую таблицу *).

Группы хозяйствъ:	Собрано пудовъ.	Требуется пудовъ (на обсѣм. и прод.).	Излишекъ (+) или недостатокъ (—) въ пудахъ.
Безъ посѣва	—	5.295.114	— 5.295.114
До 1 десят.	526.707	2.089.509	— 1.571.802
Отъ 1—2 дес.	2.819.490	5.318.734	— 2.499.244
» 2—3 »	5.158.753	6.216.333	— 1.057.580
» 3—6 »	17.491.704	14.910.108	+ 2.581.596
» 6—9 »	11.473.186	7.181.552	+ 4.291.634
» 9—15 »	9.622.415	4.794.047	+ 4.828.368
» 15—20 »	3.339.647	1.364.442	+ 1.975.205
» 20—50 »	4.490.692	1.480.128	+ 3.010.564
» 50 и болѣе	1.254.263	305.853	+ 948.410
Всего	56.176.857	48.964.820	+ 7.212.037

Въ четырехъ низшихъ группахъ, съ недостаткомъ въ продовольственныхъ средствахъ, насчитывается всего 192.129 хозяйствъ, или *51,8% общаго числа хозяйствъ во всѣхъ группахъ*, а число душъ обоего пола, охватываемыхъ этими четырьмя группами, составляетъ 968.228 человѣкъ, или *45% всего крестьянскаго и казачьяго населенія губерніи*. При этомъ группа безъ посѣва, вынужденная, стало быть, круглый годъ покупать хлѣбъ для своего продовольствія, охватываетъ $^1/_6$ часть всѣхъ казачьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ губерніи, съ населеніемъ въ 294.173 человѣка. Часть этого „избыточнаго“ населенія ѣстъ горькій хлѣбъ свой въ потѣ кустарныхъ рукъ своихъ **), часть находитъ работу въ экономіяхъ, въ качествѣ годовыхъ или сроковыхъ рабочихъ, а еще часть уходитъ искать счастья на дальнихъ заработкахъ, откуда за послѣдніе годы частенько возвращается назадъ, побираясь въ дорогѣ Христовымъ именемъ. Вообще же говоря, нѣсколько больше половины хозяйствъ, съ милліоннымъ почти населеніемъ терпитъ болѣе или менѣе значительную продовольственную нужду,—и терпитъ эту нужду въ годъ съ урожаемъ даже нѣсколько выше средняго и послѣ года съ однимъ изъ лучшихъ за послѣднія тринадцать лѣтъ урожаевъ. Если мы, далѣе, все пищевое

*) См. тамъ же, стр. 258 и 259.

**) О жизни полтавскихъ кустарей см. статью г. Ярошевича—«Вѣстн. Евр.» VII.

продовольствіе, въ переводѣ на хлѣбъ, на одного человѣка примемъ равнымъ 26,8 пуд. *), каковая норма выпадаетъ на группу съ посѣвной площадью 3—6 десят., то всѣ казачьи и крестьянскія хозяйства губерніи съ точки зрѣнія этой нормы раздѣлятся на двѣ неравномѣрныя группы: 1) группа съ болѣе или менѣе значительнымъ дефицитомъ противъ указанной нормы, заключающая въ себѣ 299.039 хозяйствъ, *т. е. 80,6°/₀ общаго числа хозяйствъ*, и 2) группа съ болѣе или менѣе значительнымъ избыткомъ противъ этой нормы, охватывающая 72.019 хозяйствъ, *т. е. 19,4°/₀ общаго ихъ числа*. Это значитъ, что въ благодатной губерніи „съ вишневыми садочками", едва $^1/_5$ часть крестьянскихъ хозяйствъ добываетъ отъ земли количество хлѣба, вполнѣ достаточное и для пищевого потребленія, и для удовлетворенія внѣпродовольственныхъ нуждъ. Остальнымъ же четыремъ пятымъ общаго числа хозяйствъ земля даетъ слишкомъ мало, чтобы быть увѣренными въ своемъ завтрашнемъ днѣ, и всетаки, эти хозяйства съ судорожнымъ упорствомъ держатся за свой „клаптикъ земельки", хотя бы на немъ плугъ не могъ обернуться безъ того, чтобы не задѣть сосѣдняго „клаптика" такой же величины.

Мы только что сказали, что душевая продовольственная норма въ 26,8 пуд. въ погубернскомъ итогѣ падаетъ на хозяйственную группу съ площадью посѣва 3—6 десятинъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ дѣло представляется нѣсколько въ иномъ видѣ. Въ восьми уѣздахъ (изъ пятнадцати уѣздовъ губерніи) на эту хозяйственную группу падаетъ размѣръ душевого продовольствія меньшій, чѣмъ принятая нами норма, но ниже 20 пудовъ этотъ размѣръ опускается въ одномъ только Константиноградскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ составляетъ всего 18,6 пудовъ. Въ этомъ уѣздѣ лишь слѣдующая высшая хозяйственная группа, съ размѣромъ посѣвной площади въ 6 — 9 десят., имѣетъ въ своемъ распоряженіи душевое продовольствіе въ 27,2 пудовъ, нѣсколько только большее нашей нормы. Соотвѣтственно этому только 14,7°/₀ населенія этого уѣзда добываютъ отъ земли количество хлѣба, удовлетворяющее взятой нами нормѣ, и потому-то въ числѣ уѣздовъ съ продовольственнымъ дефицитомъ этотъ уѣздъ и занимаетъ первое мѣсто: въ 1899 году здѣсь не хватило 251,792 пудовъ, что составляло 45% всего дефицита по пяти уѣздамъ**). Не смотря, однако, на такой сильный продовольственный дефицитъ, крестьянское населеніе этого уѣзда, за отсутствіемъ другихъ выходовъ, съ ожесточенной, можно сказать, энергіей всетаки тянется къ землѣ и крѣпко держится за свою, столь незавидную хозяйственную самостоятельность. Въ томъ же 1899 году изъ общей площади земли, купленной кресть-

*) См. «Вліяніе урож. и низкихъ цѣнъ» etc.

**) См. «Статист. ежегодникъ полт. губ. земства. Годъ пятый».

янами всѣхъ 15 уѣздовъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, на долю Константиноградскаго уѣзда приходится 26%, т. е. даже нѣсколько больше четвертой части; въ то время, какъ въ среднемъ на уѣздъ приходится купленной земли 1,064 дес., на уѣздъ Константиноградскій приходится 4.161 десятина. И наибольшее упорство въ борьбѣ съ условіями „раскрестьянствованія" проявляютъ именно самыя низшія хозяйственныя группы, на которыя, казалось бы, стоитъ лишь дунуть, чтобы онѣ исчезли съ лица земли. Въ томъ же „Ежегодникѣ" мы находимъ сравнительную таблицу хозяйственныхъ группъ, по площади посѣва, за 80-е годы и 1899 годъ, относящуюся къ девяти уѣздамъ. Оказывается, что *за это время процентъ хозяйствъ безпосѣвныхъ уменьшился на 9,8%*; процентъ хозяйствъ съ посѣвной площадью менѣе 3 дес. увеличился на 13,3%; процентъ хозяйствъ съ посѣвной площадью 3—6 дес. уже увеличился всего на 1,8%, а *процентъ хозяйствъ остальныхъ группъ въ большей или меньшей степени пошелъ на убыль*, исключая группы съ посѣвной площадью въ 50 и болѣе дес., оставшейся на своемъ мѣстѣ. Получается довольно своеобразная картина настойчиваго передвиженія средняго посѣвнаго хозяйства въ сторону самаго мелкаго, что возможно только въ такой малоземельной губерніи, какъ Полтавская, гдѣ „клаптикъ земельки", на которомъ приходится изворачиваться, становится все мельче и мельче. Въ виду того не только практическаго, но и теоретическаго интереса, какой имѣютъ подобныя сравнительныя данныя, мы приведемъ табличку процентныхъ отношеній нашихъ хозяйственныхъ группъ по 9 уѣздамъ въ 80-хъ годахъ и въ 1899 году, причемъ укажемъ и происшедшія измѣненія.

Группы хозяйствъ:	Процентъ къ общему числу хозяйствъ. Въ 80-хъ г.	Въ 1899 г.	Увел. (+) или уменьш. (—)
Не имѣющ. посѣва	24.0	14,2	— 9,8
Имѣющихъ менѣе 1 дес.	2,9	6,0	+ 3,1
» отъ 1 до 2 »	8,4	14,3	+ 5,9
» » 2 » 3 »	11.0	15,4	+ 4,4
Итого менѣе 3 дес.	22,3	35,7	+13,4
Имѣющихъ 3— 6 дес.	28,3	30,1	+ 1,8
» 6— 9 »	14,3	11,5	— 2,8
» 9—15	8,1	6,0	— 2,1
» 15—20	1,7	1,3	— 0,4
» 20—50	1,2	1.1	— 0,1
» 50 и болѣе дес.	0,1	0,1	— 0,0
Всего	100,0	100,0	—

Въ низшихъ хозяйственныхъ группахъ, вплоть до безпосѣвныхъ, мы видимъ, такимъ образомъ, не процессъ „раскрестьян-

ствованія", а, наоборотъ, процессъ „окрестьянствованія",—если позволительно будетъ и намъ выступить съ „новымъ словомъ".

Этотъ процессъ происходитъ главнымъ образомъ насчетъ двухъ среднихъ группъ (съ площадью посѣва отъ 6 до 9 и отъ 9 до 15 десятинъ), которыя за это время поплатились 11,346 хозяйствами, что составляетъ цѣлыхъ 22% того числа ихъ, какое насчитывалось въ 80-хъ годахъ. Слѣдующія двѣ группы (съ площадью посѣва отъ 15 до 20 и отъ 20 до 50 дес.) потеряли за это время 862 хозяйства, или 13% того числа ихъ, какое насчитывалось въ 80-хъ годахъ. Что касается послѣдней группы, то хотя въ общемъ числѣ хозяйствъ она составляла въ 1899 году тѣ же 0,1%, что и въ восьмидесятыхъ годахъ, но абсолютно она увеличилась на 10 хозяйствъ, или на 4%. Здѣсь, значитъ, имѣла мѣсто нѣкоторая сила устойчивости, исключая трехъ уѣздовъ, гдѣ число хозяйствъ этой группы уменьшилось. Самое крупное уменьшеніе ихъ падаетъ на Константиноградскій уѣздъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, при посредствѣ крестьянскаго банка покупается большее количество земли, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ; слѣдовательно, покупщиками ея являются представители низшихъ группъ.

Указанному нами стремленію къ „окрестьянствованію" ставитъ границы отсутствіе скота и крайнія трудности, съ какими сопряжено его содержаніе, если онъ уже имѣется. Выгоны отчасти застраиваются, отчасти запахиваются, и настолько основательно, что ихъ можно считать вымирающимъ угодьемъ, если можно такъ выразиться. Это въ особенности относится къ выгонамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и у казаковъ ихъ крайне мало. Сплошь и рядомъ вамъ приходится слышать, что бывшій общественный выгонъ, мало-по-малу, въ силу какого-то молчаливаго уговора, растасканъ домохозяевами по клочкамъ, а вмѣсто него остался простой прогонъ, который и продолжаетъ именоваться выгономъ. Столь же основательно запахиваются и сѣнокосы, и если при основномъ описаніи губерніи въ восьмидесятыхъ годахъ у всѣхъ вообще поселянъ всей губерніи числилось еще 6% сѣнокоса, то теперь его врядъ ли есть 3%. Но и въ „Обзорахъ сельскаго хозяйства" за восьмидесятые годы вы уже изъ года въ годъ читаете, что „для лѣтняго выпаса скота въ громадномъ большинствѣ случаевъ у крестьянъ не хватаетъ своихъ земель и приходится или нанимать пастбище у владѣльцевъ подесятинно, или же загонять скотъ на выпасъ за извѣстную плату или отработокъ отъ штуки". Въ „Обзорѣ" же за 1900 годъ вы читаете, что „вопросъ о той или иной организаціи кормовой площади является *чуть ли не самымъ жгучимъ и самымъ важнымъ вопросомъ современнаго земледѣлія Полтавской губерніи*". Само собой разумѣется, что это относится къ тѣмъ хозяйственнымъ группамъ, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи столько земли, чтобы имѣть возможность

выдѣлить часть въ качествѣ кормовой площади. Тѣмъ болѣе жгучимъ вопросомъ является вопросъ о прокормѣ скота у низшихъ хозяйственныхъ группъ. И въ этомъ пунктѣ, повторяемъ, борьба за хозяйство становится едва ли не самой тяжелой. Даже въ 1899 году, выше средняго по урожайности, только 20% изъ всего числа сообщеній, полученныхъ статистическимъ бюро губернскаго земства, констатировали достаточность кормовъ; остальныя 80% сообщеній указывали на крайнюю нужду въ кормахъ еще задолго до весны. А между тѣмъ, не смотря на урожай, кормовая солома стоила очень дорого, особенно въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ со времени полуголоднаго 1892 года, когда за сажень соломы платили весною 21,5 р., такой дороговизны не было. Само собой понятно, что отсутствіе пастбищъ и дороговизна кормовъ неуклонно, но отнюдь не медленно, дѣлаютъ свое дѣло. „Изъ года въ годъ—читаемъ въ „Обзорѣ“ за 1900 годъ,—слышатся жалобы на недостатокъ корма и въ связи съ этимъ на уменьшеніе количества скота и ухудшеніе его качества“. Въ годы съ урожаемъ ниже средняго и плохимъ, какими были 1900 и 1901, о значительномъ повышеніи къ веснѣ цѣнъ на корма говорятъ 80 сообщеній изъ ста, а въ отдѣльныхъ уѣздахъ, каковы Константиноградскій, Полтавскій и Хорольскій, объ этомъ говорятъ 96% всѣхъ сообщеній. Въ этихъ же уѣздахъ усиленная распродажа рабочаго скота начинается еще задолго до весны, о чемъ опять-таки свидѣтельствуютъ данныя „Обзоровъ“.

При отсутствіи пастбищъ, поневолѣ приходится отдавать скотъ на прокормъ въ ближайшія экономіи, расплачиваясь за этотъ прокормъ либо наличными деньгами, либо отработками. Какова же стоимость выпаса одной штуки скота? Но предварительно отмѣтимъ не безынтересный фактъ, что огромную роль въ качествѣ рабочаго скота играетъ корова: объ этомъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ 2/3 сообщеній корреспондентовъ бюро.

Итакъ, въ „Обзорѣ“ за 1900 годъ средняя по губерніи стоимость выпаса одной штуки рогатаго скота составляла 5 р. 51 коп., достигая въ своихъ колебаніяхъ по уѣздамъ максимума въ 10 р. 50 к. въ Константиноградскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ. Въ 1899 г. средняя стоимость выпаса одной коровы составляла 5 р. 36 к., при чемъ и здѣсь Константиноградскій уѣздъ, на ряду съ Полтавскимъ и Кобелякскимъ, даетъ максимальную стоимость (6 р. 85 к.). Стоимость выпаса одной лошади въ среднемъ по губерніи составляла въ 1900 году 5 р. 77 к., достигая максимума въ Кременчугскомъ (8 р. 4 к.) и въ Константиноградскомъ (7 р. 62 к.) уѣздахъ. Даже мелкій гулевой скотъ и овцы—и тѣ отдаются на выпасъ, а насколько это общераспространенное явленіе, видно хотя бы изъ того обстоятельства, что однихъ корреспондентскихъ сообщеній изъ разныхъ мѣстностей губерніи имѣется за 1899 годъ 637, а за 1900 г.—471. Недаромъ же крестьяне опредѣляютъ

размѣры своихъ пастбищъ такими выраженіями, какъ: „комарямъ на попасъ“ или „і комарю попастысь нігде“. И вотъ, за выпасъ мелкаго гулевого скота платили въ 1899 г. 3 р. 31 к. и въ 1900 г.—3 р. 73 к., а за выпасъ овцы—80 и 84 к., при чемъ и тутъ максимальныя цѣны падаютъ на Константиноградскій и Полтавскій уѣзды, а частью на Гадячскій. Чтобы понять значеніе этихъ цифръ, скажемъ, что при отдачѣ на выпасъ одной штуки скота низшія хозяйственныя группы расплачиваются приблизительно всей чистой доходностью одной десятины пахатной земли, при чемъ въ уѣздахъ съ максимальной стоимостью выпаса чистой доходности одной десятины хватитъ на расплату лишь въ томъ случаѣ, если трудъ обрабатывающаго ее почти ни во что не цѣнить. Отсюда и понятно, что вопросъ о рабочемъ скотѣ долженъ служить едва ли не самой сильной преградой „необузданному“ *) стремленію полтавскихъ крестьянъ къ „клаптику земельки“. И растетъ эта преграда изъ года въ годъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

	Платили за выпасъ:				
	вола	коровы	лошади	мелк. гул. скота	овцы
Въ 1899 г. . .	5 р. 23 к.	5 р. 36 к.	5 р. 61 к.	3 р. 31 к.	80 к.
« 1900 « . .	5 р. 32 к.	5 р. 71 к.	5 р. 77 к.	3 р. 73 к.	84 к.

Далѣе, въ 1899 году при наймѣ одной десятины пастбища на 1 мѣсяцъ платили 1 р. 42 к., а въ 1900 г.—1 р. 55 к.; при наймѣ одной десятины сѣнокоса на мѣсяцъ въ 1899 г. платили 1 р. 81 к., а въ 1900 году—2 р. 10 к. **) Въ заключеніе скажемъ еще, что за періодъ времени 1888—1900 г.г. стоимость выпаса 1 штуки крупнаго рогатаго скота увеличилась на 16%, а наемъ одной десятины пастбища—на 24%, при чемъ доставать эту десятину сдѣлалось неизмѣримо труднѣе.

И тутъ мы подошли къ той, перефразируя слова Шопенгауэра, „длинной, тяжелой и запутанной“ цѣпи, которою связано хозяй-

*) Говоримъ «необузданному» потому, что здѣсь уже приходится слышать о необходимости «обуздать» жадность здѣшнихъ крестьянъ къ землѣ. Богатѣи изъ крестьянъ и казаковъ высказываютъ то же мнѣніе въ иной формѣ. Крестьянскій банкъ,—говорятъ они,—давая возможность всякому «наймыту» пріобрѣсти землю и стать хозяиномъ, сдѣлалъ, во-первыхъ, недоступно дорогими руки этого «наймыта», который, «тепер вже, бачете, сам хозяйнуе», во-вторыхъ, онъ до того набилъ цѣны на землю, что «настоящимъ» хозяевамъ закрытъ къ ней доступъ. Понятно, однако, что этимъ «настоящимъ» хозяевамъ эти «набитыя» цѣны не мѣшаютъ во всѣхъ товарищескихъ покупкахъ земли быть львиными дольщиками.

**) Статья наша уже была написана, когда вышелъ изъ печати «Обзоръ сельскаго хозяйства за 1901 годъ». Здѣсь уже цѣны за выпасъ одной штуки скота представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1 вола—5 р. 82 к., одной коровы—5 р. 97 к. и одной лошади—5 р. 97 к., т. е. цѣны за выпасъ рабочаго скота опять повысились, при чемъ наемъ одной десятины сѣнокоса на 1 мѣсяцъ уже обходился въ 2 р. 72 коп.,т. е. почти на 30% дороже, чѣмъ въ 1900 году.

ствованіе на собственной землѣ съ хозяйствованіемъ на землѣ съемной и арендуемой. Цѣпь эта становится все болѣе и болѣе запутанной и тяжелой, по мѣрѣ того, какъ народно-хозяйственный корабль, удаляясь отъ берега патріархальнаго, весьма медленно приближается къ берегу денежному. Сама же запутанность отражается въ томъ двойственномъ отношеніи крестьянъ къ дѣятельности крестьянскаго банка, съ которымъ здѣсь такъ часто приходится сталкиваться. Съ одной стороны, крестьяне благословляютъ банкъ, дающій имъ возможность дѣлаться хозяевами; съ другой стороны, они въ немъ именно видятъ главнаго виновника того обстоятельства, что земля очень часто достается чужимъ людямъ, пришельцамъ со стороны, у которыхъ не снимешь до зарѣзу нужной десятины земли ни за деньги, ни съ половины, ни даже за отработки. На эти частыя жалобы крестьянъ указывалъ, между прочимъ, на одномъ изъ засѣданій полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества управляющій дворянскимъ и крестьянскимъ банками, г. Квитка. До какой же степени и въ какомъ огромномъ числѣ случаевъ арендуемая или съемная земля должны составлять необходимую часть посѣвной площади хозяйства, чтобы возможно было такого рода недовольство учрежденіемъ, пользу котораго сами же крестьяне признаютъ ежедневно и ежечасно! Между тѣмъ, владѣльческая запашка, хотя и медленно, все же расширяется; богатѣи казаки и крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ тоже эксплуатируютъ всѣ свои земли сами; вдобавокъ, съ развитіемъ денежнаго хозяйства, представители самой владѣльческой среды все чаще и чаще являются претендентами—и, конечно, счастливыми—на сдающіяся въ аренду имѣнія. Такимъ образомъ, при нуждѣ крестьянъ въ арендной и съемной землѣ—при нуждѣ, граничащей съ вопросомъ о хозяйственной жизни или смерти,—самая площадь этой земли не только сокращается, но еще вдобавокъ все чаще и чаще ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Всякое появленіе счастливаго арендатора имѣнія, издавна входившаго въ составъ посѣвной площади мѣстныхъ крестьянъ, производитъ въ хозяйственной жизни этихъ послѣднихъ настоящій кризисъ, выходомъ изъ котораго является даже переселеніе, если только, по счастливой случайности, тутъ же не подвернется какой-нибудь назначенный въ продажу участокъ земли. Тогда „необузданная жажда“ набрасывается на этотъ участокъ и, не размышляя долго, покупаетъ его, какія бы бѣшенныя цѣны ни были выставлены. И тутъ, въ этихъ не экстраординарныхъ случаяхъ, жажда, должно сознаться, дѣйствительно, оказывается необузданной, за что иные расплачиваются жестоко: всего чаще на другой, на третій годъ они уже оказываются въ сильномъ дефицитѣ и въ полной невозможности выполнять взятыя на себя денежныя обязательства; землю отбираютъ, а внесенная при покупкѣ сумма пропадаетъ. Надо думать, что такіе случаи

отнюдь не рѣдки, если „настоящіе“ хозяева, въ своихъ жалобахъ на крестьянскій банкъ, всего охотнѣе и злораднѣе на нихъ именно и ссылаются.

Есть еще одинъ выходъ, къ которому прибѣгаютъ крестьяне при сокращеніи площади отдающейся въ аренду или въ наемъ земли и на который имѣются указанія уже въ „Обзорахъ“ за восьмидесятые годы: они перестаютъ пускать землю въ толоку. Т.-е. происходитъ хозяйственная революція, имѣющая своимъ результатомъ то самое запахиваніе и истощеніе земли, о которыхъ мы говорили выше, и съ печальными послѣдствіями которыхъ мы уже тоже успѣли познакомиться. Тяжелая и запутанная цѣпь, повидимому, падаетъ, но, само собой разумѣется, не на долго: крестьяне такихъ безтолочныхъ уѣздовъ, какъ Константиноградскій, Полтавскій и Миргородскій, на своихъ продовольственныхъ дефицитахъ уже давно убѣдились въ этомъ. Но это, конечно, не помѣшаетъ крестьянамъ такихъ толочныхъ пока уѣздовъ, какъ Лохвицкій и Прилукскій, всетаки попытать счастья въ этомъ выходѣ. И этого тѣмъ болѣе можно ожидать, что многіе районы и того, и другого уѣзда страдаютъ такой сильной черезполосицей (даромъ, что здѣсь нѣтъ общины!), что всѣ благодѣянія правильной толоки обращаются въ мнимую величину. Скажемъ тутъ, кстати, что эта черезполосица, характерная не только для двухъ названныхъ уѣздовъ, а для всей губерніи, вызвала въ мало-мальски зажиточныхъ группахъ крестьянъ и казаковъ другую необузданную жажду,—жажду хуторного разселенія. Такимъ образомъ, въ губерніи съ подворнымъ землевладѣніемъ крестьяне уже давненько вынуждены бороться противъ черезполосицы тѣмъ самымъ средствомъ, вопросъ о которомъ затронутъ былъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Мы, конечно, не беремся гадать, что дастъ эта мѣра для крестьянскаго населенія всей Россіи, если она будетъ проводиться, и не на бумагѣ только, но здѣсь она находитъ непреодолимую преграду во всей совокупности земельныхъ отношеній, о которыхъ въ настоящей замѣткѣ мы говорить не можемъ.

Результатомъ сокращенія площади предлагаемой въ наемъ земли является прежде всего быстрый ростъ съемки насчетъ аренды, а также сокращеніе сроковъ аренды. Такъ, въ 1899 году случаевъ долгосрочной аренды зарегистрировано почти вдвое менѣе, чѣмъ въ 1898 году. При этомъ съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ 1897 г. арендная плата возростала слѣдующимъ образомъ:

1897 г. . . .	6 р. — к.	съ	десят.	земли	вообще	(безъ различія	угодій)
1898 » . . .	6 р. 52 »	»	»	»	»	»	
1899 » . . .	7 р. 42 »	»	»	»	»	»	
1900 » *) . .	8 р. 68 »	»	»	»	»	»	

*) Въ только что вышедшемъ «Обзорѣ» за 1901 г. эта цѣна уже указана

Т.-е. съ 1897 г. арендная плата возросла почти на 45%. Но приведенныя цѣны относятся къ 1 дес. земли вообще, безъ различія угодій. Въ частности же, при крайней дороговизнѣ кормовъ, арендныя цѣны на сѣнокосныя угодья доходятъ до 12—15 рублей, а въ Полтавскомъ уѣздѣ и до 25 рублей, при чемъ случаи аренды этихъ угодій настолько рѣдки, что никакихъ среднихъ выводовъ сдѣлать нельзя: здѣсь исключительно господствуетъ съемка. Она также является почти исключительной формой найма пахатной земли для тѣхъ хозяйственныхъ группъ, которыя въ ней главнымъ образомъ и нуждаются. Поэтому мы о ней только и будемъ говорить.

Со времени основного описанія губерніи въ восьмидесятыхъ годахъ въ относительной распространенности различныхъ видовъ съемки произошли значительныя измѣненія. Развитіе денежнаго хозяйства повело за собой повсемѣстное сокращеніе испольной системы, насчетъ которой возросла система денежная. Но вмѣстѣ съ этой послѣдней, въ разрѣзъ съ основнымъ характеромъ денежнаго хозяйства, возросло и то видоизмѣненіе патріархальной барщины, которое извѣстно подъ именемъ отработочной системы. Характеръ происшедшихъ въ губерніи измѣненій виденъ будетъ изъ слѣдующей таблички.

Процентъ снятой земли составлялъ:

въ 80-хъ годахъ			въ 1899 году		
Испольно.	За деньги.	За отработки.	Испольно.	За деньги.	За отработки.
43,6	49,4	7,0	24,7	61,4	13,9

Такой народно-хозяйственный анахронизмъ, какъ возвращеніе къ отработочной системѣ (системѣ самой тяжелой и невыгодной для съемщика), коренится въ томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ находятся низшія хозяйственныя группы крестьянскаго населенія: нуждаясь въ съемной землѣ для „голаго пропитанія", онѣ въ то же время не имѣютъ достаточно денегъ, чтобы уплатить впередъ всю съемную цѣну за землю. И характерно, что изъ всѣхъ уѣздовъ именно въ Константиноградскомъ уѣздѣ, съ его, какъ мы видѣли, наибольшимъ продовольственнымъ дефицитомъ, отработочная система имѣетъ наибольшее распространеніе: процентъ снимаемой тамъ за отработки земли составлялъ въ томъ же 1899 году 48,4%, (вмѣсто 13,9%—средняго по губерніи), увеличившись со времени основного описанія на 18,9%. Соотвѣтственно этому здѣсь денежная съемка за это время не только не расширилась, но еще сократилась съ 57,4% до 46,9%. Не касаясь общественнаго и культурнаго значенія такого факта, мы

равной 9 р. 29 к. Тамъ же имѣются данныя объ арендныхъ цѣнахъ на пахатную землю съ 1898 года (послѣ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ), изъ которыхъ видно, что съ этого года по 1902 г. онѣ возросли на 31,5%.

уже съ одной только народно-хозяйственной точки зрѣнія должны видѣть въ немъ значительный шагъ назадъ, чтобы не сказать хозяйственное одичаніе. Общую съ этимъ уѣздомъ участь, въ разсматриваемомъ нами сейчасъ отношеніи, раздѣляютъ уѣзды Хорольскій и отчасти Полтавскій, хотя въ Полтавскомъ уѣздѣ денежная форма съемки нѣсколько и расширилась на счетъ формы испольной. Знаменательнымъ является то обстоятельство, что это хозяйственное одичаніе идетъ рядомъ съ наибольшимъ развитіемъ крупно-капиталистическаго земледѣлія: въ этомъ именно Константиноградскомъ уѣздѣ какъ процентъ крупныхъ имѣній, такъ и процентъ занимаемой ими площади земли далеко выше, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ, какъ это видно будетъ изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ 1898 году *).

	% % крупныхъ имѣній.	% % занимаемой ими земли.
По всей губерніи	2,6	53,3
Въ Константин. у. . . .	6,0	68,0

Въ возросшей системѣ отработокъ ради „голаго пропитанія“ крупныя хозяйства этого уѣзда имѣютъ не только дешеваго рабочаго, но и своевременно, и даже преждевременно нанятаго рабочаго, такъ что совпаденіе роста этой формы съемки съ только что приведенными нами цифрами отнюдь не случайное: оно коренится im „gründlichsten Grunde“ der Sache **).

Сокращеніе испольной системы отнюдь не должно приписывать однѣмъ лишь „имманентнымъ“ добродѣтелямъ денежнаго хозяйства. Владѣльческія экономіи не склонили бы головы передъ этими добродѣтелями и предпочли бы болѣе выгодную для нихъ испольную систему (по сравненію съ денежной). Но дѣло въ томъ, что испольщикъ, обязанный обработать двойное количество земли, все меньше и меньше имѣетъ для этого средствъ какъ въ наличномъ составѣ рабочихъ силъ семьи, такъ и въ наличномъ живомъ и мертвомъ инвентарѣ. Чтобы показать, какія измѣненія происходятъ въ самыхъ условіяхъ испольной, вѣрнѣе, издольной системы, обратимся къ даннымъ „Обзора“ за 1900 годъ. Выводы, сдѣланные на основаніи 1,030 сообщеній изъ разныхъ мѣстностей губерніи, показываютъ, что за послѣдніе годы дѣлежъ урожая при испольщинѣ совершается все съ меньшею выгодою для съемщика; по крайней мѣрѣ, съ 1895 года число случаевъ, когда этотъ съемщикъ получалъ $^2/_3$ урожая, постепенно сокращается, а число случаевъ, когда ему достается не болѣе $^1/_2$ урожая, все увеличивается. Прибавимъ къ этому, что къ

*) См. «Ежегодникъ». Годъ V. Таблица на стр. 301.

**) О значеніи и соотношеніи всѣхъ формъ съемки см. Вл. Ильинъ: «Развитіе капитализма въ Россіи», стр. 135 и сл., а также статью г. Карышева въ книгѣ «Вліяніе урожаевъ».

той же невыгодѣ для испольщика измѣняются соотношенія между испольщиной съ доплатами и испольщиной безъ доплатъ.

Что касается денежныхъ съемныхъ цѣнъ на пахатную землю, то со времени повышенія хлѣбныхъ цѣнъ въ 1897 году онѣ возрастали слѣдующимъ образомъ:

1897 г.	7 р. 81 к.	за 1 дес.
1898 »	9 » 14 »	» » »
1899 »	10 » 18 »	» » »
1900 »	11 » 28 »	» » »
1901 »	12 » 72 »	» » »

За этотъ промежутокъ времени онѣ возросли на 63%. Однако, тутъ дѣло не только въ этомъ поднятіи съемныхъ цѣнъ. Не забудемъ, что онѣ повышаются съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, отъ котораго всѣмъ группамъ, снимающимъ землю для покрытія своихъ продовольственныхъ нуждъ (а мы видѣли сколько въ этихъ группахъ хозяйствъ и людей), не только не тепло, но прямо холодно: вѣдь онѣ продавцами хлѣба являются только подъ давленіемъ какихъ нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, а покупателями онѣ являются сплошь и рядомъ, такъ какъ далеко не всегда онѣ съемкой земли покрываютъ всѣ свои продовольственныя нужды, вслѣдствіе невозможности доставать достаточное количество такой земли. Такимъ образомъ, и возростающая денежная съемка въ сообществѣ съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ бьютъ съемщика въ два кнута. Въ добавокъ ко всему сказанному укажемъ еще, что, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, съемка 1 дес. подъ рожь, т. е. подъ продуктъ собственнаго потребленія, обходится дороже, чѣмъ съемка 1 дес. подъ яровые хлѣба, т. е. главнымъ образомъ подъ пшеницу, идущую въ продажу, при чемъ самая разница обнаруживаетъ тенденцію къ возростанію. Это, значитъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, наименѣе выгодно снимаютъ землю наименѣе состоятельныя группы крестьянъ.

Мы могли бы привести еще много данныхъ, указывающихъ на то, какъ дорого обходится большей половинѣ крестьянскихъ хозяйствъ Полтавской губерніи необходимость прибѣгать къ съемкѣ земли, и какое огромное расхищеніе народнаго труда ведетъ за собой эта необходимость. Но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно. Если мы при этомъ не забудемъ о тѣхъ продовольственныхъ дефицитахъ, которыми эта большая половина хозяйствъ заканчиваетъ даже годы съ урожаемъ выше средняго,— то мы поймемъ, что только полная безвыходность можетъ заставить всю эту массу крестьянства не только держаться своего жалкаго „клаптика“ земли, но еще приносить этому Молоху неподдающіяся учету жертвы, съ которыми здѣсь сопряженъ жгучій вопросъ о съемкѣ земли. Сами крестьяне сознаютъ размѣръ

этихъ жертвъ, и отсюда-то вытекаетъ та „необузданная“ жажда, съ какою они набрасываются на всякій клочекъ продающейся земли. Но и этой жаждѣ ставятся непреодолимыя границы уже однимъ повышеніемъ цѣнъ на землю,—повышеніемъ, можно сказать, бѣшенымъ, достигшимъ 56% за періодъ времени 1897—1900 гг., т. е. за какихъ-нибудь три года. И мы уже видѣли выше, чѣмъ во многихъ случаяхъ кончается эта покупная горячка именно для тѣхъ группъ, для которыхъ пріобрѣтеніе клочка земли есть вопросъ хозяйственнаго „быть или не быть“. Между тѣмъ, мѣстныхъ заработковъ, даже въ разгаръ сельско-хозяйственныхъ работъ, настолько мало, что въ 88 случаяхъ изъ ста, по сообщеніямъ корреспондентовъ бюро, рабочихъ оказывается вполнѣ достаточно и даже въ избыткѣ *). Это значитъ, что изъ каждыхъ 100 человѣкъ только 12 могутъ разсчитывать на какой-нибудь вѣрный заработокъ. Изъ отходящихъ же на дальніе заработки 57% возвращаются ни съ чѣмъ **), при чемъ многіе пробираются уже домой послѣ того, какъ извѣдали сладости нищенства. Заработки же остальныхъ даже нѣсколько ниже (для мужчины на 3 руб., для женщины и подростка на 1 руб.) заработковъ на мѣстѣ. Значитъ, и удачный отходъ на заработки сопровождается тѣмъ же расхищеніемъ народно-хозяйственнаго труда.

Таковы цифровые и фактическіе итоги народно-хозяйственной жизни одной изъ самыхъ плодородныхъ губерній нашего Юга. Глядя на эти итоги и всматриваясь на мѣстѣ въ тотъ жизненный матеріалъ, который они суммируютъ, вы не разъ вспоминаете ту характеристику крестьянской жизни, которую далъ Лабрюйеръ въ своихъ знаменитыхъ „Caractères“ ***). Вы и здѣсь видите массы людей, „прикованныхъ къ землѣ, въ которой они роются съ непобѣдимымъ упорствомъ“ и съ такими же, прибавимъ мы, соблюдая историческую перспективу, результатами: они тоже не очень далеко ушли отъ „чернаго хлѣба, воды и кореньевъ“, а знаменитое малороссійское сало вмѣстѣ съ вишневыми садочками они видятъ развѣ только во снѣ.

М. Гельротъ.

---

*) См. «Обзоръ» за 1900 г.

**) Тамъ же.

***) См. «Caractères». II. p. 56. Bibl. Nat.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу новыхъ законовъ.—II. Смерть А. Е. Ландау.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—III. Мѣры по охранѣ порядка.—Военные суды.—Правительственныя сообщенія.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ опубликованы положительные результаты минувшей законодательной сессіи, выразившіеся въ рядѣ новыхъ законовъ. Какъ по формѣ своей, такъ и по содержанію послѣдніе представляются довольно разнообразными. Мы встрѣчаемъ среди нихъ и именные высочайшіе указы, состоявшіеся по докладу отдѣльныхъ министровъ, и высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ, и акты, прошедшіе чрезъ предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Съ другой стороны, не менѣе различно и содержаніе этихъ законодательныхъ актовъ. Порядокъ государственнаго управленія, сословный и отчасти экономическій бытъ отдѣльныхъ группъ населенія, вопросы народнаго образованія и, наконецъ, область семейнаго права—таковы разнородныя и далеко отстоящія одна отъ другой сферы, такъ или иначе затрогиваемыя важнѣйшими изъ вновь изданныхъ законовъ. Мы не имѣемъ, конечно, возможности сколько-нибудь подробно разсматривать всѣ эти законы и сообразно этому отмѣтимъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи лишь тѣ изъ нихъ, которые могутъ получить въ условіяхъ нашей общественной жизни особенно существенное значеніе.

Начнемъ съ постановленій, касающихся порядка государственнаго управленія. Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца мы уже приводили высочайше утвержденное 22-го іюня положеніе комитета министровъ о продленіи на три года срока дѣйствія положенія о государственной охранѣ. Въ нашей повременной печати было, между прочимъ, высказано мнѣніе, согласно которому только что упомянутая мѣра содержитъ въ себѣ „весьма важное нововведеніе", заключающееся въ томъ, что „положеніе 14 августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія утверждается, *въ видѣ временной мѣры*, впредь на три года и, такимъ образомъ, утрачиваетъ характеръ закона постояннаго, какой оно имѣло до сихъ поръ" *). Едва ли возможно, однако, всецѣло принять это мнѣніе. „Нововведеніе", о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ чисто теоретическій характеръ, мало отражающійся, или, вѣрнѣе, не отражающійся совсѣмъ, на существѣ дѣла. По самой сущности своей, положеніе 14 августа

---

*) «Р. Вѣдомости», 19 іюля 1902 г. Курсивъ принадлежитъ газетѣ.

1881 г. являлось мѣрой временной и разсчитанной лишь на исключительныя обстоятельства, что не помѣшало ей, однако, просуществовать уже двадцать одинъ годъ, при чемъ территорія примѣненія этой мѣры съ теченіемъ времени все расширялась. Съ другой стороны, хотя само положеніе 14 августа 1881 г. и было ранѣе по своей формѣ постояннымъ закономъ, но, согласно его прямому смыслу, объявленіе какой-либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны должно было представлять собою лишь срочную мѣру. Право первоначальнаго объявленія той или иной мѣстности въ положеніи усиленной охраны предоставлено названнымъ закономъ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ генералъ-губернаторамъ,—этимъ послѣднимъ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. При этомъ министръ о своемъ распоряженіи „немедленно доноситъ правительствующему сенату для распубликованія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ о принятой мѣрѣ и о поводахъ къ ней на высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ комитетъ министровъ“. Но, какъ гласитъ ст. 12-я положенія 14 августа 1881 г., „по истеченіи одного года со дня введенія положенія усиленной охраны и шести мѣсяцевъ со дня введенія положенія чрезвычайной охраны, о продолженіи сихъ мѣръ, буде въ томъ окажется надобность, министръ внутреннихъ дѣлъ входитъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ“. На практикѣ, какъ извѣстно, это послѣднее ограниченіе нисколько не препятствуетъ тому, что нѣкоторыя мѣстности имперіи уже много лѣтъ подрядъ остаются въ положеніи усиленной охраны, ежегодно вновь устанавливаемомъ для нихъ. Въ виду этого обстоятельства и въ срочности самого положенія о государственной охранѣ трудно усматривать сколько-нибудь серьезное препятствіе къ дальнѣйшему его существованію.

Равнымъ образомъ не вноситъ какихъ-либо принципіальныхъ перемѣнъ въ дѣйствующій порядокъ государственнаго управленія и другой новый законъ, касающійся сената и изданный 12 іюня. Ни въ чемъ не мѣняя самой дѣятельности сената, законъ этотъ говоритъ лишь объ условіяхъ обнародованія нѣкоторыхъ ея результатовъ, именно тѣхъ разъясненій „точнаго смысла дѣйствующихъ законовъ“, какія даются въ рѣшеніяхъ административныхъ департаментовъ сената. Согласно новому закону, опредѣленія перваго и второго департаментовъ, департамента герольдіи и перваго общаго собранія правительствующаго сената, содержащія въ себѣ разъясненія точнаго смысла дѣйствующихъ законовъ, будутъ впредь печататься сенатской типографіей въ особомъ сборникѣ по распоряженію министра юстиціи. Сборникъ этотъ будетъ выходить съ будущаго года и поступитъ въ продажу. Сверхъ того министру юстиціи предоставлено въ будущемъ году составить и отпечатать особый сборникъ тѣхъ опредѣленій названныхъ департаментовъ и перваго общаго собранія сената,

какія состоялись за прежнее время, но относятся къ дѣйствующимъ нынѣ узаконеніямъ. Въ виду той роли блюстителя законности, какая до извѣстной степени предоставлена сенату по отношенію къ функціямъ административнаго механизма Россіи, появленіе подобныхъ сборниковъ, несомнѣнно, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, при томъ условіи, конечно, что въ нихъ будутъ включены всѣ имѣющія сколько-нибудь общій характеръ сенатскія рѣшенія по административнымъ дѣламъ. Но именно это послѣднее условіе и остается не соблюденнымъ въ законѣ 12-го іюня. Согласно этому закону, министръ юстиціи обязывается входить въ сношеніе съ подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными вѣдомствами относительно помѣщенія въ сборникѣ тѣхъ опредѣленій сената, какія состоялись по дѣламъ ввѣренныхъ имъ министерствъ и главныхъ управленій. Если въ теченіе мѣсяца со времени послѣдовавшаго сношенія вѣдомствами не будетъ предъявлено возраженій противъ напечатанія въ сборникѣ вызвавшаго подобныя сношенія сенатскаго опредѣленія, то это обстоятельство не должно останавливать, правда, распоряженія министра юстиціи о напечатаніи такого опредѣленія. Но возможность возраженій со стороны вѣдомствъ въ теченіе указаннаго срока остается ничѣмъ не ограниченной, и вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ возраженіямъ придается въ данномъ случаѣ рѣшающая роль. Такимъ образомъ, вопросъ о помѣщеніи въ предполагаемыхъ сборникахъ того или иного сенатскаго рѣшенія будетъ въ концѣ концовъ опредѣляться справкою съ мнѣніемъ того вѣдомства, по поводу дѣятельности котораго состоялось это рѣшеніе. Легко предвидѣть, что при наличности подобныхъ условій проектируемые сборники далеко не будутъ отличаться полнотою своихъ свѣдѣній и что вообще разбираемая мѣра не сможетъ оказать сколько-нибудь замѣтнаго содѣйствія развитію чувства законности въ жизни общества и въ дѣятельности органовъ администраціи.

Послѣдніе мѣсяцы принесли съ собою и нѣсколько законодательныхъ актовъ, касающихся мѣстнаго управленія, но и эти акты въ свою очередь не внесли съ собою въ наше законодательство какой-либо новой и свѣжей струи. Высочайше утвержденнымъ 10-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта институтъ крестьянскихъ начальниковъ, установленный для Сибири временнымъ положеніемъ 2 іюня 1898 г., распространенъ на Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области, съ той оговоркой, что въ составъ участковъ крестьянскихъ начальниковъ не входятъ казачьи поселенія, состоящія въ вѣдѣніи войскового начальства. Другой аналогичный законъ распространилъ дѣйствіе положенія о крестьянскихъ начальникахъ, съ такимъ же ограниченіемъ, на Амурскую и Приморскую области. Наконецъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ объявлено высочайшее повелѣніе отъ 13-го іюня, заключающее въ себѣ временныя по-

становленія о расширеніи предметовъ вѣдомства учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Эти постановленія возлагаютъ именно, въ предѣлахъ округовъ Ялуторовскаго, Тюменскаго, Курганскаго, Ишимскаго, Тюкалинскаго и Тарскаго—Тобольской губерніи и Томскаго, Каинскаго и Маріинскаго—Томской губерніи, на обязанность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій участіе въ хозяйственномъ и общественномъ устройствѣ переселенцевъ. Если прибавить еще приводившееся нами два мѣсяца тому назадъ высочайшее повелѣніе отъ 30 мая, состоявшееся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ и частью уничтожившее, частью ограничившее право земскихъ учрежденій на производство статистическихъ изслѣдованій, то мы получимъ полный перечень законовъ послѣдняго времени, касающихся порядка государственнаго управленія и мѣстныхъ самоуправляющихся учрежденій.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, текущій годъ не очень богатъ законодательнымъ творчествомъ въ области вопросовъ государственнаго управленія. То, что сдѣлано въ этой области, всецѣло сводится къ поддержанію и развитію порядковъ, установившихся въ ней за послѣднее двадцатилѣтіе. Преслѣдуя такія цѣли, законодатель идетъ къ нимъ путемъ подтвержденія на будущее время силы ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ указаннаго періода, территоріальнаго распространенія изданныхъ ранѣе законовъ и, наконецъ, путемъ дальнѣйшаго суженія дѣятельности тѣхъ институтовъ, какіе признаны малосовмѣстимыми съ общимъ характеромъ современной правительственной программы. Но этимъ и исчерпывается движеніе законодательства въ данной области. Касающіеся ея законодательные акты не прокладываютъ какихъ-либо свѣжихъ и оригинальныхъ путей, не открываютъ сколько-нибудь широкихъ горизонтовъ. Эти акты являются не фундаментомъ какого-либо новаго строенія, а лишь маловажными подпорками уже существующаго зданія, не выходя въ этомъ отношеніи изъ обычныхъ рамокъ законодательства послѣднихъ лѣтъ.

Нѣчто подобное представляетъ собою и другая область законодательныхъ работъ настоящаго года. 10 іюня получило высочайшее утвержденіе мнѣніе государственнаго совѣта „объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій“. Названный законъ является тѣмъ болѣе любопытнымъ, что онъ составляетъ одно изъ послѣднихъ мѣропріятій, выработанныхъ по инціативѣ и при участіи упраздненнаго теперь особаго совѣщанія по дворянскимъ дѣламъ. Послѣднее было закрыто вслѣдъ за подготовкою имъ законопроекта объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій, и, такимъ образомъ, въ изданномъ нынѣ законѣ можно видѣть своего рода завершеніе практическаго осуществленія той программы, существованію которой было обязано своимъ проис-

хожденіемъ само особое совѣщаніе по дворянскимъ дѣламъ. Сущность этой программы хорошо извѣстна. Въ свое время намъ приходилось высказываться и о значеніи тѣхъ усилій, какія были предприняты по почину особаго совѣщанія еще два года тому назадъ для проведенія этой программы въ жизнь. Подготовленныя особымъ совѣщаніемъ законодательныя постановленія,—писали мы тогда,—„лишній разъ подчеркивая свойственное нашему времени стремленіе къ подъему сословнаго начала, вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли могутъ сыграть сколько-нибудь серьезную роль въ судьбахъ нашего дворянскаго сословія и связанныхъ съ нимъ общественныхъ элементовъ“ *). Теперь передъ нами новый шагъ, сдѣланный законодательствомъ по иниціативѣ того же учрежденія, и намъ остается опредѣлить, насколько этотъ шагъ серьезнѣе предыдущихъ.

Для указанной цѣли нѣтъ надобности, конечно, останавливаться на всѣхъ деталяхъ, опредѣленныхъ закономъ 10 іюня. Дѣйствительно, значительное количество статей, входящихъ въ этотъ законъ, представляетъ собою не что иное, какъ рядъ мелкихъ измѣненій, дополненій и поправокъ къ болѣе раннимъ законоположеніямъ о дворянскихъ учрежденіяхъ. Минуя всѣ эти мелкія поправки, почти сплошь касающіяся сравнительно не важныхъ вопросовъ и подчасъ сводящіяся лишь къ болѣе точной формулировкѣ прежнихъ опредѣленій закона, мы остановимся только на одной изъ нихъ, могущей получить на практикѣ нѣсколько болѣе существенное значеніе. Мы разумѣемъ ст. 2-ю новаго закона, согласно которой „по предметамъ, указаннымъ въ ст. 169 закона о состояніяхъ, дворянское общество въ случаяхъ важныхъ представляетъ чрезъ губернскаго предводителя всеподданнѣйшія ходатайства свои непосредственно Его Императорскому Величеству“. По существу и эта статья не заключаетъ въ себѣ чего-либо новаго. Право дворянскихъ собраній обращаться съ своими ходатайствами непосредственно къ верховной власти является очень давнимъ, ведя свое происхожденіе отъ дворянской грамоты Екатерины II. Право это подверглось существенному ограниченію лишь въ 1865 г., послѣ извѣстнаго адреса московскаго дворянства о „довершеніи государственнаго зданія“, но уже въ 1888 г. такое ограниченіе было взято назадъ. Согласно ст. 152 закона о состояніяхъ, дворянство въ губернскомъ собраніи „можетъ дѣлать совѣщаніе о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять объ оныхъ, чрезъ губернскаго предводителя, губернатору и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству“. Правда, только что цитированная статья содержитъ въ себѣ оговорку, что, пользуясь этимъ правомъ, дворянство „не должно входить въ

*) «Р. Богатство». 1900 г., № 7, «Хроника внутренней жизни». с. 154.

обсужденіе предметовъ, прямому его вѣдѣнію не подлежащихъ, и касаться вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій". Но ст. 153 зак. о сост. вновь повторяетъ, что „дворянство имѣетъ право приносить всеподданнѣйшія прошенія", а ст. 169 того же закона уполномочиваетъ дворянство на „представленіе губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія". Такимъ образомъ, приведенная выше статья 2-я новаго закона даетъ лишь болѣе категорическую и ясную формулировку признававшагося и ранѣе въ законѣ права. Но съ появленіемъ такой формулировки во всякомъ случаѣ сами собою падаютъ встрѣчавшіяся иногда въ практикѣ послѣднихъ лѣтъ ограничительныя толкованія 152 и 169 статей закона о состояніяхъ, отрицавшія право дворянства говорить во всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ не только о своихъ „нуждахъ и пользахъ", или обращаться съ предусмотрѣнными ст. 169 представленіями непосредственно къ верховной власти. Теперь право высшаго сословія на непосредственныя ходатайства передъ властью по вопросамъ общаго характера можетъ считаться установленнымъ въ законѣ вполнѣ твердо. Конечно, это обстоятельство еще не предрѣшаетъ значенія этого права въ дѣйствительной жизни. Новый законъ, давъ болѣе категорическое выраженіе праву дворянскихъ собраній на непосредственныя ходатайства передъ верховною властью, вмѣстѣ съ тѣмъ обставилъ пользованіе этимъ правомъ нѣкоторыми ограничительными условіями. Они заключаются въ томъ, что предварительное обсужденіе и приготовленіе къ докладу дворянскому собранію всѣхъ приносимыхъ дворянствомъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ и адресовъ возложено на собраніе предводителей и депутатовъ. Въ свою очередь въ этомъ собраніи при разсмотрѣніи дѣлъ о ходатайствахъ и адресахъ требуется непремѣнное участіе всѣхъ предводителей губерніи или лицъ, ихъ замѣняющихъ, при чемъ постановленіе считается состоявшимся лишь въ томъ случаѣ, если оно принято большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ наличнаго состава собранія. Такого рода правила, надо думать, составятъ извѣстное препятствіе къ попыткамъ использовать въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ право ходатайства дворянскихъ собраній.

Возвращаясь къ дальнѣйшему изложенію наиболѣе существенныхъ постановленій закона 10 іюня, мы должны отмѣтить, что одною изъ главныхъ особенностей этого закона является вообще стремленіе поднять вѣсъ и значеніе упомянутаго выше собранія предводителей и депутатовъ дворянства въ губерніи. „Собраніе предводителей и депутатовъ дворянства—говорится въ ст. 13

новаго закона—составляетъ дворянское учрежденіе“. Оно состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства губерніи, при чемъ предсѣдателю предоставлено приглашать въ собраніе, съ правомъ совѣщательнаго голоса, „нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ дворянъ губерніи“. Собраніе это не имѣетъ, однако, постоянныхъ засѣданій и созывается губернскимъ предводителемъ „лишь тогда, когда того потребуютъ поступившія дѣла“. Что касается самыхъ дѣлъ, отведенныхъ въ компетенцію собранія предводителей и депутатовъ, то они довольно разнообразны. Названное собраніе вѣдаетъ предварительное обсужденіе докладовъ, вносимыхъ въ дворянское собраніе, составленіе списковъ дворянъ, завѣдываніе дворянскими пансіонами-пріютами, распоряженіе дворянскими стипендіями и вакансіями въ корпусахъ, предоставленными дворянству, разсмотрѣніе дѣлъ о несовмѣстныхъ съ достоинствомъ дворянскаго званія поступкахъ дворянъ, исключеніе дворянъ изъ дворянскаго общества и т. д. Сверхъ того тому же собранію поручается вообще „обсужденіе передаваемыхъ правительствомъ на его обсужденіе вопросовъ“ и „разсмотрѣніе дѣлъ, вносимыхъ губернскимъ предводителемъ по собственному усмотрѣнію или по порученію дворянскихъ собраній“.

Такимъ образомъ, наряду съ періодически созываемыми дворянскими собраніями, законъ 10 іюня создаетъ новый и при томъ постоянный органъ дворянскаго сословнаго самоуправленія. Въ этомъ случаѣ законъ лишь санкціонируетъ и развиваетъ далѣе установившуюся уже въ жизни практику, такъ какъ на дѣлѣ и до его изданія собранія предводителей и депутатовъ пріобрѣли характеръ постояннаго исполнительнаго органа дворянскихъ собраній и вмѣстѣ занимались предварительнымъ обсужденіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію дворянскихъ собраній. Нѣтъ сомнѣнія, что, упрочивая такое положеніе, законъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ внесенію большей стройности и планомѣрности въ дѣятельность сословнаго самоуправленія. Но послѣдняя во всякомъ случаѣ опредѣляется не столько придаваемыми ей формами, сколько вложеннымъ въ эти формы реальнымъ содержаніемъ. Между тѣмъ такое содержаніе и съ изданіемъ новаго закона остается далеко не особенно широкимъ. „Главный предметъ обыкновенныхъ губернскихъ собраній—гласитъ законъ о состояніяхъ—состоитъ въ выборѣ дворянствомъ изъ среды своей достойнѣйшихъ чиновниковъ для служенія въ разныхъ закономъ опредѣленныхъ должностяхъ“. Было время, когда такихъ должностей, замѣщаемыхъ по выбору дворянства, было много, и, такимъ образомъ, помѣстное дворянство опредѣляло составъ уѣздной администраціи. Но это время миновало безвозвратно и „главный предметъ“ дворянскихъ собраній самъ собою упразднился. Оставшіяся

же въ ихъ вѣдѣніи дѣла носятъ уже чисто сословный характеръ, благодаря чему и тотъ или иной способъ рѣшенія ихъ едва-ли имѣетъ большую важность для самого дворянства и, тѣмъ болѣе, не представляетъ сколько-нибудь значительнаго общаго интереса. Извѣстнымъ исключеніемъ изъ этого правила могутъ явиться развѣ тѣ ходатайства дворянскихъ обществъ, о которыхъ шла рѣчь выше.

Къ той же цѣли „усовершенствованія дворянскихъ учрежденій“ направлено и другое постановленіе новаго закона—о созданіи особой должности помощника уѣзднаго предводителя дворянства. Такая должность не учреждается, впрочемъ, повсюду обязательно, а дворянскимъ обществамъ лишь предоставляется избирать на нее лицъ изъ своей среды, „въ случаѣ возникновенія въ томъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ дѣйствительной надобности“. „Сіи должностныя лица—продолжаетъ ст. 19 новаго закона—пользуются правами государственной службы и по особымъ каждый разъ предложеніямъ уѣзднаго предводителя вступаютъ въ исправленіе его должности или исполняютъ тѣ изъ возложенныхъ закономъ на предводителя обязанностей, которыя онъ признаетъ нужнымъ имъ поручить“. На уѣздномъ предводителѣ дворянства лежитъ въ настоящее время такъ много работы, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется достаточное количество людей, дворянство, вѣроятно, воспользуется предоставленною ему возможностью избирать помощника предводителя. При дѣйствовавшемъ до сихъ поръ порядкѣ, въ случаѣ отсутствія уѣзднаго предводителя его обязанности, какъ предсѣдателя разнообразныхъ уѣздныхъ присутствій, передавались одному изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу мѣстной казенной администраціи. Замѣна послѣднихъ лицомъ, избираемымъ изъ своей среды мѣстнымъ дворянствомъ, можно думать, создастъ нѣкоторое усиленіе сословнаго элемента въ мѣстномъ управленіи, но едва-ли такое усиленіе повлечетъ за собою большія послѣдствія при томъ подчиненномъ въ сущности положеніи, какое придано у насъ предводителю дворянства, являющемуся не только представителемъ сословія, но и членомъ администраціи. Это положеніе ни въ чемъ не измѣняется и новымъ закономъ.

За то послѣдній даетъ дворянскимъ обществамъ и ихъ отдѣльнымъ представителямъ рядъ новыхъ льготъ, не имѣющихъ уже прямой связи съ усовершенствованіемъ дворянскихъ учрежденій. Такъ, купчія крѣпости и другіе акты на дома и иныя недвижимыя имущества, пріобрѣтаемые дворянскими обществами для благотворительныхъ учрежденій или заведеній общественнаго призрѣнія, освобождаются впредь отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ. Выморочныя недвижимыя имущества личныхъ дворянъ, находящіяся внѣ предѣловъ городовъ, предоставляются, за нѣкоторыми лишь исключеніями, въ пользу дворянскихъ обществъ тѣхъ губерній,

въ которыхъ эти имущества находятся. Губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства присвоиваются права на пенсію изъ суммъ государственнаго казначейства, при чемъ, однако, пенсіонныхъ вычетовъ съ этихъ лицъ не производится. Вмѣстѣ съ тѣмъ служба въ должности предводителя дворянства засчитывается въ общій срокъ пенсіонной выслуги. Далѣе, должность секретаря дворянства переносится изъ девятаго класса въ седьмой и, наконецъ, губернскіе и уѣздные предводители дворянства утверждаются въ чинахъ статскаго и коллежскаго совѣтника по прослуженіи двухъ трехлѣтій и дѣйствительнаго статскаго и статскаго совѣтника—по прослуженіи трехъ трехлѣтій въ своихъ званіяхъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, сумма преимуществъ, и въ частности матеріальныхъ льготъ, предоставляемыхъ дворянству, значительно возросла съ изданіемъ новаго закона. Нѣтъ нужды доказывать, однако, что подобныя преимущества и льготы, принося немалыя выгоды отдѣльнымъ лицамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ содѣйствовать подъему общаго значенія сословія въ странѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, впрочемъ, и всѣ другія постановленія закона 10 іюня, какъ мы уже видѣли, не могутъ претендовать на большую важность. „Если—говоритъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ нашихъ юридическихъ органовъ *),—разсматривать настоящій законъ, какъ выраженіе взглядовъ нашей законодательной власти на возможное въ настоящее время поднятіе государственнаго значенія дворянства, то нельзя не признать, что сохраненіе status quo и лишь частичныя поправки—вотъ все, къ чему сводятся допускаемыя усовершенствованія дворянскихъ учрежденій. Если же разсматривать настоящій законъ, какъ выраженіе тенденцій нашей дворянской партіи, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ законѣ проявилось сознаніе того, что въ настоящее время уже невозможно проведеніе какой-либо опредѣленной и сознательной программы, имѣющей задачею поднять значеніе дворянства, какъ государственнаго сословія“. Все содержаніе закона 10 іюня какъ нельзя полнѣе оправдываетъ такой выводъ. Значеніе послѣдняго еще усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ законъ является однимъ изъ заключительныхъ мѣропріятій, проектированныхъ бывшимъ особымъ совѣщаніемъ по дворянскимъ дѣламъ.

Итакъ, въ сферѣ вопросовъ сословнаго быта, какъ и въ области быта государственнаго, законодательство текущаго года не выходитъ за предѣлы частичныхъ поправокъ къ существующему положенію вещей, поправокъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы рѣзче выразить наиболѣе характерныя черты этого положенія. Можно еще отмѣтить, что къ числу важныхъ узаконеній, обнимающихъ собою явленія экономической жизни, настоящій годъ

---

*) «Право», 1902 г., № 32.

прибавилъ два закона—о вексельномъ уставѣ и объ артеляхъ, но на этихъ законахъ мы, въ виду ихъ спеціальности, не будемъ здѣсь останавливаться.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ другая группа узаконеній текущаго года, касающаяся вопросовъ народнаго образованія. Здѣсь мы встрѣчаемся не только съ стараніями поддержать и усилить старыя явленія нашей общественной жизни, но и съ попытками созданія явленій новыхъ. Другой вопросъ, насколько серьезно обставлены эти попытки. Ознакомленіе съ ихъ сущностью поможетъ намъ отыскать отвѣтъ на такой вопросъ.

На первомъ планѣ въ названной группѣ узаконеній должно быть поставлено изданное 1 апрѣля новое „положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія“. Церковныя школы за послѣднія десятилѣтія заняли видное мѣсто среди нашихъ образовательныхъ учрежденій, если не по своему качеству, то по численности своей и по той роли, какая придана имъ, какъ конкурренту земскихъ школъ. Въ виду этого новое „положеніе“, измѣняющее многіе порядки церковной школы, заслуживаетъ извѣстнаго вниманія, являясь любопытнымъ симптомомъ времени.

Согласно этому положенію, церковныя школы подраздѣляются на начальныя, предназначаемыя для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ, и учительскія, назначенныя для подготовленія учителей въ начальныя школы. Къ первымъ относятся школы грамоты, церковно-приходскія и воскресныя, ко вторымъ — второклассныя и учительскія. Школы грамоты могутъ открываться при монастыряхъ, а также въ приходахъ, городскихъ и сельскихъ, съ разрѣшенія приходскаго священника, при чемъ на послѣдняго возлагается общее завѣдываніе всѣми состоящими въ его приходѣ учебными заведеніями такого рода. Церковно - приходскія школы открываются при церквахъ и монастыряхъ съ разрѣшенія епархіальнаго училищнаго совѣта и завѣдываніе ими возлагается опять-таки на приходскаго священника. Наконецъ, воскресныя школы требуютъ для своего открытія также разрѣшенія епархіальнаго училищнаго совѣта, а когда онѣ учреждаются при фабрикахъ или заводахъ, то и сношенія съ губернскимъ начальствомъ. Завѣдуетъ воскресною школой священникъ по назначенію епархіальнаго училищнаго совѣта. Курсъ обученія во всѣхъ этихъ школахъ новымъ положеніемъ значительно увеличенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ уже продленіе самаго срока обученія. Для школъ грамоты такой срокъ установленъ въ два года. Церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя и двухклассныя. Въ первыхъ курсъ ученія продолжается три-четыре года, во вторыхъ— пять лѣтъ. Въ воскресныхъ школахъ обученіе производится въ объемѣ курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Стоитъ припомнить, что ранѣе считалось полезнымъ устанавливать въ

церковныхъ школахъ, въ отличіе отъ земскихъ, возможно болѣе короткій срокъ обученія, и наиболѣе подходящими для населенія школами духовное вѣдомство признавало школы грамоты, для которыхъ даже вовсе не назначалось опредѣленнаго срока обученія. Теперь названное вѣдомство, повидимому, разсталось съ убѣжденіемъ въ преимущественной пользѣ для народа краткосрочныхъ школъ.

Наряду съ продленіемъ курса обученія въ начальныхъ школахъ духовнаго вѣдомства новый законъ дѣлаетъ и попытку поднять образовательный уровень учителей этихъ школъ. Учащіе въ школахъ грамоты, согласно требованію закона, „избираются преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ или имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища“. Но,—прибавляетъ положеніе,—„къ преподаванію въ сихъ школахъ могутъ быть допускаемы, кромѣ того, члены причта приходской церкви, а также другія лица, признанныя уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта способными къ педагогической дѣятельности“. Такимъ образомъ, учителемъ въ школѣ грамоты и впредь можетъ сдѣлаться лицо, не окончившее курса ни въ какомъ учебномъ заведеніи и не сдавшее экзамена на право преподаванія. То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ одноклассныхъ церковно-приходскимъ и къ воскреснымъ школамъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ учащіе избираются изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя и учительницы начальныхъ школъ или окончившихъ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, но „при недостаткѣ такихъ лицъ къ преподаванію въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ допускаются наиболѣе успѣшно окончившіе курсъ второклассныхъ школъ и другія лица, признанныя способными къ педагогической дѣятельности уѣздными отдѣленіями епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ“. Наконецъ, къ преподаванію въ воскресныхъ школахъ допускаются лица, имѣющія право преподавать въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Въ земскія школы лица, получившія лишь домашнее образованіе и имѣющія свидѣтельства на званіе начальнаго учителя, приглашаются въ качествѣ преподавателей обыкновенно только при недостаткѣ кандидатовъ со спеціальной педагогической подготовкой, пріобрѣтенной въ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ, или съ образованіемъ не ниже средняго. Такимъ образомъ, даже высшія требованія, предъявляемыя положеніемъ 1 апрѣля къ учителямъ начальныхъ церковныхъ школъ, оказываются ниже обычныхъ требованій отъ учителей земскихъ школъ. Но трудно предположить, конечно, что на практикѣ всегда будетъ соблюдаться этотъ высшій размѣръ требованій закона, и, слѣдовательно, есть всѣ основанія ожидать, что въ дѣйствительности разница въ преподавательскомъ составѣ земскихъ и церковныхъ школъ останется и впредь весьма значительною.

Положеніе 1 апрѣля намѣчаетъ, впрочемъ, и иныя средства къ поднятію уровня преподавательскаго состава въ начальныхъ церковныхъ школахъ. Этимъ положеніемъ организуются, именно, спеціальныя учительскія школы духовнаго вѣдомства, до извѣстной степени аналогичныя учительскимъ семинаріямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Такія школы, какъ упомянуто выше, предположены двухъ родовъ. Школы второклассныя будутъ подготовлять учителей и учительницъ для школъ грамоты, церковно-учительскія же—для второклассныхъ и церковно-приходскихъ школъ. Курсъ учительскихъ школъ назначается трехгодичный и при нихъ устраиваются обязательныя для учащихся общежитія. Немаловажное значеніе въ дѣлѣ развитія церковныхъ школъ и привлеченія къ нимъ педагогическихъ силъ изъ крестьянской среды должно при этомъ сыграть постановленіе новаго закона, согласно которому „изъемлются отъ тѣлеснаго наказанія: а) учителя и попечители церковныхъ школъ вѣдомства православнаго исповѣданія, б) воспитанники учительскихъ школъ этого вѣдомства какъ во время прохожденія ими курса въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и по окончаніи онаго“. Можно ожидать, что подобная привилегія не останется безъ вліянія на успѣхъ церковныхъ школъ, но трудно понять, почему бы она не могла быть распространена и на всѣ другія школы.

Наиболѣе существенное содержаніе только что изложеннаго закона сводится, такимъ образомъ, къ нѣкоторому поднятію уровня начальныхъ церковныхъ школъ, къ созданію спеціальныхъ учительскихъ школъ духовнаго вѣдомства и къ дарованію церковной школѣ новыхъ привилегій и матеріальныхъ средствъ. Но все это, конечно, еще не обезпечиваетъ названной школѣ возможности стать наравнѣ съ школою земской. Мы не говоримъ уже объ естественномъ различіи задачъ церковной и свѣтской школы, неизбѣжно вытекающемъ изъ конфесіональной окраски первой. Но и помимо этого земская школа, лишенная привилегій, все же обладаетъ громаднымъ преимуществомъ, заключающимся въ томъ способѣ управленія ею, который предоставляетъ обществу извѣстное участіе въ школьномъ дѣлѣ. Поставленная такимъ путемъ въ связь съ обществомъ, земская школа именно въ этой связи почерпаетъ большую силу и находитъ возможность безостановочнаго развитія даже при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Эта особенность ея организаціи не усвоена, однако, церковной школой и съ изданіемъ закона 1 апрѣля, сохранившаго для школъ духовнаго вѣдомства прежній бюрократическій порядокъ управленія.

Почти одновременно съ положеніемъ 1 апрѣля былъ изданъ и другой законъ, касающійся народнаго образованія. Именно, 18-го марта получилъ утвержденіе выработанный министерствомъ финансовъ законъ о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастер-

скихъ и курсахъ для рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Если положеніе 1 апрѣля стремится поддержать и усилить одинъ изъ существующихъ уже у насъ типовъ начальныхъ школъ, то только что упомянутый законъ представляетъ собою попытку создать новый типъ учебныхъ заведеній для рабочихъ. Однако въ преслѣдованіи этихъ цѣлей законодательство направляется неодинаковыми путями и между названными узаконеніями существуетъ глубокое различіе. Положеніе 1 апрѣля предоставляетъ духовному вѣдомству возможность устраивать свои школы на средства государственнаго казначейства, отпускаемыя для этой цѣли въ весьма значительномъ количествѣ. Законъ 18 марта построенъ на иныхъ основаніяхъ. Въ основу его положенъ разсчетъ на добровольную иниціативу предпринимателей и общественныхъ учрежденій, обязывающихся нести и всѣ расходы, необходимые на содержаніе новыхъ учебныхъ заведеній. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда учрежденіе гдѣ-либо учебныхъ мастерскихъ будетъ признано особенно необходимымъ, а упомянутыхъ средствъ окажется недостаточно, „могутъ быть,—по словамъ закона—назначаемы пособія отъ казны какъ на первоначальное устройство, такъ и на ежегодное содержаніе“. Полностью же эти расходы принимаются на счетъ казны только „въ исключительныхъ случаяхъ“.

Въ особомъ циркулярѣ, разосланномъ министромъ финансовъ чинамъ фабричной инспекціи вслѣдъ за изданіемъ новаго закона, въ разъясненіе значенія послѣдняго указывается, что „въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ весьма важное значеніе имѣютъ непосредственные исполнители—рабочіе“. „Общее состояніе промышленности страны и успѣхи ея въ соперничествѣ съ другими странами на всемірномъ рынкѣ,—по словамъ циркуляра,—находятся въ несомнѣнной зависимости отъ духовнаго уровня массы рабочихъ и ихъ технической умѣлости. Поднятіе этого уровня—дѣло высокой важности и вмѣстѣ значительной трудности уже по причинѣ многочисленности простыхъ рабочихъ“. Легко признать вѣрность этихъ утвержденій финансоваго вѣдомства, но тѣмъ труднѣе согласиться съ правильностью средствъ, избранныхъ имъ для поднятія образовательнаго уровня рабочихъ. Начать съ того, что техническое образованіе, о насажденіи котораго въ массахъ намѣрено заботиться министерство финансовъ, легко и успѣшно прививается лишь на подготовленной уже почвѣ. Между тѣмъ среди занятыхъ въ нашей промышленности рабочихъ мало и слабо распространено пока даже элементарное общее образованіе и въ виду этого даже въ интересахъ развитія собственно техническихъ знаній врядъ-ли было основательно придавать проектированнымъ учебнымъ заведеніямъ исключительно профессіональный характеръ, присвоенный имъ въ законѣ 18 марта. Чѣмъ выше общій уровень рабочаго, тѣмъ скорѣе сможетъ онъ пріобрѣсти техническое умѣнье и, наоборотъ, чѣмъ болѣе самое сообщеніе техническихъ знаній приблизится къ простой ремеслен-

ной выучкѣ, чуждой сколько-нибудь напряженной работы мысли, тѣмъ медленнѣе пойдетъ усвоеніе этихъ знаній и тѣмъ меньшіе плоды дастъ оно. Съ другой стороны, законъ 18 марта не даетъ возможности вполнѣ ясно представить себѣ и то отношеніе, въ какое будутъ поставлены проектированныя учебныя мастерскія къ обычной дѣятельности рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. По словамъ министра финансовъ въ цитированномъ уже циркулярѣ, „основныя черты новаго законоположенія—чисто практическій характеръ обученія, разнообразіе и гибкость формъ его и связь съ фабрично-заводскою дѣятельностью; при этомъ фабрики и заводы должны служить какъ бы готовыми мастерскими, которыми весьма удобно воспользоваться для практическаго обученія различнымъ производствамъ, безъ всякихъ новыхъ расходовъ на устройство хорошо оборудованныхъ особыхъ учебныхъ мастерскихъ, что для нѣкоторыхъ производствъ было бы весьма затруднительно и даже совершенно невозможно. Систематическое обученіе производству, поставленное въ условія обычной фабрично-заводской жизни, можетъ получить истинно практическій характеръ въ такой мѣрѣ, какая едва-ли мыслима при обученіи, отдѣленномъ отъ непосредственной фабричной дѣятельности, ибо подготовка въ спеціальныхъ учебныхъ мастерскихъ всегда является до нѣкоторой степени схематической. Поэтому фабриками и заводами надлежитъ воспользоваться возможно шире, какъ практическими школами техники, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ многочисленныхъ техниковъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, имѣется готовый составъ преподавателей техническихъ предметовъ и практической техники производствъ“. Все это разъясненіе не устраняетъ во всякомъ случаѣ естественнаго недоумѣнія, возникающаго при мысли о непосредственномъ обращеніи фабрики въ школу. Достаточно указать одно условіе, затрудняющее подобное обращеніе. Трудно ожидать, конечно, чтобы предприниматели добровольно рѣшились сократить трудъ занятыхъ на фабрикахъ рабочихъ въ интересахъ профессіональнаго обученія послѣднихъ. Но если предположить, что это обученіе будетъ происходить на тѣхъ же фабрикахъ и заводахъ въ часы, не входящіе въ счетъ рабочаго времени, и при этомъ будетъ поставлено „въ условія обычной фабрично-заводской жизни“, то можно впередъ предсказать, что оно, отяготивъ рабочихъ, не дастъ большихъ результатовъ и ни въ какомъ уже случаѣ не будетъ содѣйствовать тому „укрѣпленію доброй связи учениковъ-рабочихъ съ фабрикою и ея владѣльцемъ“, достигнуть котораго разсчитываетъ, между прочимъ, финансовое вѣдомство.

Но, быть можетъ, серьезнѣе всѣхъ этихъ соображеній еще одна сторона дѣла, вскользь отмѣченная уже выше. Указывая на большую важность распространенія техническихъ знаній среди рабочихъ, финансовое вѣдомство вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло предо-

ставляетъ дѣло такого распространенія инициативѣ и средствамъ промышленниковъ, и законъ предвидитъ возможность лишь весьма умѣренныхъ жертвъ на это дѣло изъ средствъ государственнаго казначейства. По словамъ циркуляра министра финансовъ, „фабриканты и заводчики не мало сдѣлали на пользу общаго образованія рабочихъ и ихъ дѣтей“, и въ виду этого министерство считаетъ возможнымъ ожидать отъ предпринимателей большихъ услугъ и въ дѣлѣ развитія профессіональнаго развитія рабочихъ. „Роль правительства — говорится по этому поводу въ объяснительной запискѣ къ закону 18 марта—должна заключаться только въ томъ, чтобы вызвать частную инициативу въ этомъ дѣлѣ, идти ей навстрѣчу и, насколько возможно, облегчить ея усилія въ дѣлѣ устройства школъ, ограничивая матеріальную помощь лишь совершенно исключительными случаями“. Указывая на значительные успѣхи частной инициативы въ дѣлѣ насажденія коммерческаго образованія, названная записка утверждаетъ, что „въ дѣлѣ низшаго практическаго профессіональнаго образованія рабочихъ, гдѣ интересы промышленниковъ совпадаютъ съ интересами государственными и интересами самихъ рабочихъ“, „надлежитъ ожидать тѣмъ бо́льшаго прилива средствъ и силъ“.

Приведенные доводы врядъ-ли могутъ быть названы особенно убѣдительными. Говоря о созданныхъ на частныя средства коммерческихъ училищахъ, министерство финансовъ, повидимому, забыло о томъ немаловажномъ обстоятельствѣ, что въ этихъ училищахъ получаютъ образованіе дѣти коммерсантовъ, а не ихъ рабочихъ. Не болѣе удачна и ссылка на заслуги промышленниковъ по распространенію среди фабрично-заводскихъ рабочихъ общаго образованія. По отношенію къ этимъ заслугамъ возможна и иная, болѣе скромная оцѣнка, нежели та, какая принята нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ. Къ 1899 году у насъ числилось подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи 19.292 фабрики и завода, на которыхъ было занято приблизительно около полутора милліона рабочихъ. На всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ было 446 училищъ; всѣ училища представляли собою начальныя школы и въ ихъ числѣ было 76 церковно-приходскихъ училищъ. Число учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ равнялось 44.385 человѣкъ и изъ этого числа лишь 3.307 человѣкъ было малолѣтнихъ, хотя общее количество малолѣтнихъ рабочихъ достигало въ то время приблизительно 30.000 человѣкъ. Расходы на всѣ эти школы исчислялись въ суммѣ 787.806 р. или, въ среднемъ, на каждую школу около 1800 р. Изъ этой общей суммы собственно предпринимателями было израсходовано, однако, лишь 732.056 р., и, такимъ образомъ, ихъ расходъ на нужды просвѣщенія каждаго занятаго въ промышленныхъ заведеніяхъ рабочаго былъ лишь немногимъ болѣе полтинника. „Насколько при такомъ расходѣ трудно поставить сколько-нибудь сносно школьное дѣло,—замѣ-

чаютъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости"—можно видѣть изъ того, что министерство финансовъ, разрабатывая въ прошломъ году вопросъ о правильной постановкѣ первоначальнаго обученія однихъ только малолѣтнихъ рабочихъ, исчислило необходимый расходъ въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ каждаго рабочаго въ заведеніи" *). Приведенныя цифры, такимъ образомъ, весьма мало способны подтвердить то мнѣніе, согласно которому наши фабриканты и заводчики „не мало сдѣлали" для распространенія общаго образованія среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Въ виду этого прецедента есть всѣ основанія опасаться, что и въ дѣлѣ устройства техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ предприниматели не проявятъ большой энергіи.

Чтобы закончить перечень законодательныхъ постановленій текущаго года по вопросамъ народнаго образованія, намъ слѣдуетъ упомянуть еще о высочайшемъ повелѣніи, состоявшемся 20 іюля по докладу министра народнаго просвѣщенія. Повелѣніемъ этимъ утвержденъ выработанный совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія проектъ временнаго устройства преподаванія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца у насъ уже шла рѣчь о предположеніяхъ на этотъ счетъ директорской коммиссіи и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, и потому теперь мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ главное отличіе утвержденнаго проекта отъ названныхъ предположеній. Такое отличіе заключается въ томъ, что преподаваніе греческаго языка сохраняется въ IV классѣ лишь пяти гимназій (3-й петербургской, 5-й московской, 4-й варшавской, 2-й кіевской и юрьевской) и нѣкоторыхъ заведеній съ спеціальными программами (рижской городской гимназіи, гимназій при историко-филологическихъ институтахъ, гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, гимназическихъ классовъ лицея Цесаревича Николая и гимназическихъ отдѣленій тѣхъ церковныхъ училищъ, программы которыхъ не подверглись измѣненіямъ въ 1901—1902 учебномъ году). Изъ курса же четвертаго класса остальныхъ прогимназій и гимназій греческій языкъ на предстоящій учебный годъ исключенъ. При этомъ повелѣніемъ 20 іюля предписывается утвержденный теперь временный порядокъ преподаванія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній „сохранить въ силѣ и по истеченіи 1902—3 учебнаго года впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ гимназій и прогимназій, а также реальныхъ училищъ, съ предоставленіемъ, однако, министру народнаго просвѣщенія права видоизмѣнять число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ по своему ближайшему

*) «Р. Вѣд.», 21 іюня 1902 г.

усмотрѣнію по истеченіи 1902—3 учебнаго года, до введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ указанныхъ заведеній".

Подводя итоги законодательной дѣятельности текущаго года въ области вопросовъ народнаго образованія, приходится сказать, что эта дѣятельность не отличалась особенно широкимъ размахомъ и была чужда сколько-нибудь смѣлыхъ новаторскихъ стремленій. Главною цѣлью законодательства и въ названной области оставалось сохраненіе и развитіе порядковъ, установившихся за послѣднія десятилѣтія. Правда, наряду съ этимъ предприняты были и попытки преслѣдовать нѣкоторыя новыя задачи, но послѣднія поставлены въ законодательствѣ чрезвычайно скромно, и для достиженія ихъ избраны такіе пути, которые, мало затрогивая сферу собственно государственной дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ не обѣщаютъ и значительныхъ успѣховъ.

Сравнительно бо́льшую рѣшительность и смѣлость проявило законодательство текущаго года въ области вопросовъ гражданскаго, или, точнѣе, семейнаго права. Въ этой области настоящій годъ принесъ важный законъ, облеченный въ форму высочайше утвержденнаго 3 іюня мнѣнія государственнаго совѣта и касающійся положенія „незаконныхъ" или, по вновь установленной имъ терминологіи, „внѣбрачныхъ" дѣтей. Содержаніе этого закона, несомнѣнно, извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ посвященныхъ ему газетныхъ статей, и въ виду этого мы удовольствуемся лишь общей его характеристикой, не вдаваясь въ очень детальное изложеніе.

До послѣдняго времени постановленія нашего законодательства о незаконныхъ дѣтяхъ отличались крайнею суровостью, далеко отставая и отъ требованій справедливости, и отъ взглядовъ общества. Законъ, въ сущности, ставилъ этихъ дѣтей, какъ бы карая ихъ за вину ихъ родителей, въ совершенно безправное положеніе. Они должны были, независимо отъ сословныхъ правъ ихъ родителей, приписываться къ одному изъ податныхъ сословій. Наряду съ этимъ незаконныя дѣти не имѣли права ни на фамилію отца, ни на наслѣдство какъ послѣ него, такъ и послѣ своей матери. Объ отношеніяхъ между матерью и ея незаконными дѣтьми законъ вообще хранилъ полное молчаніе. Что же касается отношенія къ такимъ дѣтямъ ихъ отца, то оно опредѣлялось лишь двумя статьями стараго закона. Согласно одной изъ нихъ, виновный въ изнасилованіи дѣвицы обязывался выдавать содержаніе потерпѣвшей и рожденному ею ребенку. Другая изъ упомянутыхъ статей, налагая церковное покаяніе за противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужней, если они христіане, прибавляла, что „если послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ

своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери". Эта обязанность имѣла, однако, мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если родители незаконнаго ребенка были христіане, и право ребенка и матери на содержаніе отъ отца могло быть осуществлено только путемъ уголовнаго, а не гражданскаго процесса. Требованіе такого содержанія не могло быть къ тому же предъявлено ни самимъ ребенкомъ, ни его опекуномъ. Право на подобное требованіе принадлежало лишь матери ребенка, и для того, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, она должна была возбудить уголовное преслѣдованіе противъ своего сожителя и попутно посадить самое себя на скамью подсудимыхъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ многія матери незаконныхъ дѣтей отказывались отъ возможности истребовать средства на ихъ воспитаніе отъ ихъ отцовъ. За дѣтьми же, происшедшими отъ прелюбодѣянія, законъ вовсе не признавалъ права на содержаніе. Не признавалось, наконецъ, закономъ и судебной практикой и право наслѣдованія между самими незаконными дѣтьми. Въ число послѣднихъ были включены и дѣти, происшедшія отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными. Но за такими дѣтьми, по крайней мѣрѣ, было признано право на содержаніе отъ родителей наравнѣ съ законными дѣтьми, и суду было предоставлено во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ возбуждать ходатайство о сохраненіи за ними правъ законныхъ дѣтей. Узаконеніе же родителями своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей не допускалось законодательствомъ и могло быть осуществлено лишь путемъ спеціальнаго разрѣшенія верховной власти.

Чрезмѣрная суровость этихъ постановленій еще въ 1880 г. обратила на себя вниманіе государственнаго совѣта, и въ результатѣ такого вниманія явился законъ 1891 г., разрѣшившій христіанскому населенію имперіи узаконять внѣбрачныхъ дѣтей послѣдующимъ бракомъ родителей, при чемъ, однако, эта льгота не была распространена на дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія. Но уже при обсужденіи этого закона государственный совѣтъ призналъ необходимымъ и неотложнымъ общій пересмотръ законоположеній о незаконныхъ дѣтяхъ и далъ соотвѣтствующее порученіе министру юстиціи. Послѣдній передалъ это порученіе редакціонной коммиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія, которая въ началѣ 1898 года и внесла въ государственный совѣтъ выработанный ею законопроектъ. Принятый затѣмъ съ нѣкоторыми, довольно, впрочемъ, существенными, измѣненіями государственнымъ совѣтомъ, этотъ законопроектъ 3 іюня настоящаго года получилъ и окончательную санкцію со стороны верховной власти. Такова въ краткихъ словахъ исторія новаго закона.

Сравнительно съ прежними постановленіями этотъ законъ, въ основу котораго положена мысль о защитѣ интересовъ дѣ-

тей, составляетъ весьма значительный шагъ впередъ, въ сторону гуманныхъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе онъ не всегда проявляетъ достаточную послѣдовательность и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые его пункты способны вызвать вполнѣ основательныя недоумѣнія.

Наиболѣе радикально разрѣшаетъ новый законъ вопросъ о положеніи дѣтей, происшедшихъ отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными. Всѣ такія дѣти сохраняютъ права дѣтей законныхъ, независимо отъ того, было ли вступленіе въ бракъ одного или даже обоихъ родителей добросовѣстно или недобросовѣстно. Послѣднее обстоятельство вліяетъ лишь на рѣшеніе вопроса, у кого изъ родителей должны остаться несовершеннолѣтнія дѣти: если со стороны одного изъ родителей вступленіе въ бракъ было недобросовѣстно, то другой родитель имѣетъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей. Вообще же, вопросъ о томъ, у кого должны находиться дѣти до своего совершеннолѣтія, разрѣшается либо соглашеніемъ родителей, либо, въ случаѣ его отсутствія, опредѣленіемъ подлежащаго опекунскаго установленія. Въ случаѣ смерти родителя, у котораго были оставлены дѣти, равно какъ лишенія его родительской власти или невозможности осуществленія имъ этой власти, дѣти поступаютъ подъ власть другого родителя, если опекунское установленіе не признаетъ нужнымъ, ради блага дѣтей, назначить имъ особаго опекуна. Въ издержкахъ на содержаніе дѣтей участвуютъ оба родителя, сообразно своимъ средствамъ. Неразрѣшеннымъ остается лишь вопросъ объ обязанностяхъ дѣтей, происшедшихъ отъ недѣйствительныхъ браковъ, по отношенію къ своимъ родителямъ. Этотъ вопросъ законъ обходитъ полнымъ молчаніемъ.

Затѣмъ новый законъ опредѣляетъ слѣдующія категоріи собственно „внѣбрачныхъ“ дѣтей: „1) рожденныя незамужнею, 2) происшедшія отъ прелюбодѣянія и 3) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка протекло болѣе трехсотъ шести дней“. Рядъ статей закона и посвященъ улучшенію участи дѣтей этихъ категорій, внося серьезныя поправки въ прежнія законоположенія. Въ результатѣ такихъ поправокъ положеніе рожденныхъ внѣ брака дѣтей во многихъ отношеніяхъ значительно улучшается.

Въ главныхъ своихъ чертахъ это положеніе опредѣляется теперь слѣдующимъ образомъ. Внѣбрачныя дѣти попрежнему должны приписываться къ одному изъ податныхъ сословій, такъ какъ новый законъ не затрогиваетъ ихъ сословныхъ правъ. Рожденному внѣ брака ребенку отчество или присвоивается въ метрическомъ свидѣтельствѣ, или же,—очевидно, въ случаѣ не-

извѣстности имени отца,—опредѣляется сообразно имени воспріемника. Фамилію такой ребенокъ получаетъ одинаковую съ отчествомъ, но съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, можетъ получить фамилію матери, принадлежащую ей по рожденію. Мать внѣбрачнаго ребенка получаетъ надъ нимъ права родительской власти и несетъ по отношенію къ нему соотвѣтственныя обязанности. Отецъ обязанъ, сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери ребенка, нести издержки на содержаніе послѣдняго, если онъ въ томъ нуждается, до его совершеннолѣтія. Мать ребенка также участвуетъ въ издержкахъ на его содержаніе, соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ, которыя принимаются во вниманіе и при опредѣленіи ребенку содержанія отъ отца. Что касается права матери внѣбрачнаго ребенка на содержаніе отъ отца послѣдняго, то оно устанавливается закономъ съ большою, можно даже сказать, чрезмѣрною осторожностью. „Въ составъ слѣдующаго съ отца внѣбрачнаго ребенка содержанія послѣдняго — гласитъ одна изъ относящихся сюда статей новаго закона—включается и содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если уходъ за нимъ лишаетъ ее возможности снискивать себѣ средства къ жизни". „Отецъ внѣбрачнаго ребенка—говорится въ другой статьѣ—въ случаѣ недостаточности средствъ его матери, обязанъ оплатить необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и доставить ей насущное содержаніе впредь до ея выздоровленія". Во всякомъ случаѣ цѣннымъ преимуществомъ новаго закона является то, что, согласно его постановленіямъ, всѣ внѣбрачныя дѣти обладаютъ теперь правомъ требовать содержанія отъ отца, при чемъ эти требованія, какъ и аналогичныя требованія матери внѣбрачнаго ребенка, осуществляются въ порядкѣ гражданскаго процесса. Статья же 994-я уложенія о наказаніяхъ, устанавливавшая для подобныхъ исковъ уголовный процессъ и каравшая за незаконное сожитіе неженатаго съ незамужней, отмѣняется новымъ закономъ.

Гораздо менѣе рѣшительности проявляетъ послѣдній въ опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ внѣбрачныхъ дѣтей. За ними не признается правъ на наслѣдованіе ни въ имуществѣ отца и его родственниковъ, ни въ имуществѣ родственниковъ матери, ни, наконецъ, въ родовомъ имѣніи матери. Они наслѣдуютъ по закону лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери, но и то съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ законныхъ дѣтей. Это отличіе заключается въ томъ, что „наслѣдуемое имущество матери, не имѣющей законныхъ сыновей, но имѣющей лишь законныхъ дочерей, дѣлится между сими послѣдними и внѣбрачными дѣтьми по равнымъ между всѣми сонаслѣдниками долямъ". Законъ какъ будто не хочетъ допустить, чтобы внѣбрачный ребенокъ при какихъ

бы то ни было обстоятельствахъ могъ получить въ наслѣдствѣ бóльшую долю, чѣмъ рожденный въ бракѣ. Едва-ли такой принципъ можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости, и если установленный въ результатѣ его порядокъ въ данномъ случаѣ можетъ не вызывать противъ себя серьезныхъ возраженій, то лишь потому, что онъ представляется болѣе правильнымъ въ качествѣ общей, а не исключительной нормы. Наконецъ, внѣбрачныя дѣти получаютъ право наслѣдованія другъ послѣ друга. Равнымъ образомъ и мать внѣбрачнаго ребенка наслѣдуетъ послѣ него по общимъ правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ восходящей линіи.

Давая внѣбрачнымъ дѣтямъ право отыскивать отца и мать и требовать отъ нихъ содержанія, законъ 3 іюня постановляетъ, однако, что всѣ такіе процессы должны происходить при закрытыхъ дверяхъ. Наряду съ этимъ онъ ограничиваетъ возможность отысканія матери постановленіемъ, согласно которому доказательствомъ происхожденія ребенка отъ опредѣленной матери могутъ служить только метрическая запись объ его рожденіи или исходящія отъ самой матери письменныя удостовѣренія. Послѣднее постановленіе, отсутствовавшее въ проектѣ редакціонной коммиссіи и внесенное въ него государственнымъ совѣтомъ, вызвано, повидимому, опасеніями шантажа. Но такія опасенія не могутъ быть названы основательными. Закрытіе дверей суда само по себѣ уже составляетъ достаточную предосторожность противъ широкой огласки процессовъ. Шантажъ же, строго караемый нашимъ уголовнымъ закономъ, и вообще представляетъ не столь частое явленіе, чтобы стоило питать передъ нимъ преувеличенную боязнь.

Особая группа постановленій закона 3 іюня посвящена еще вопросу объ узаконеніи и усыновленіи внѣбрачныхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, и въ новомъ законѣ остается при этомъ неотмѣненнымъ правило, допускающее узаконеніе только для лицъ христіанскаго исповѣданія. Насколько извѣстно, такое ограниченіе было вызвано въ свое время опасеніями возможныхъ злоупотребленій, особенно со стороны евреевъ, при отбываніи воинской повинности. Однако же, для подобныхъ опасеній нѣтъ, въ сущности, достаточныхъ основаній. Не говоря уже о томъ, что льгота по отбыванію воинской повинности въ извѣстныхъ случаяхъ предоставляется и незаконнорожденнымъ, крайне трудно представить себѣ, чтобы исключительно въ видахъ достиженія такой льготы могло практиковаться узаконеніе, сообщающее узаконенному всѣ права законныхъ дѣтей. При такихъ условіяхъ установленное въ законѣ ограниченіе не имѣетъ за себя серьезныхъ оправданій, представляясь скорѣе плодомъ какого-то прискорбнаго недоразумѣнія.

За то, по крайней мѣрѣ, права лицъ христіанскихъ исповѣ-

даній опредѣляются новымъ закономъ гораздо шире, чѣмъ это было сдѣлано въ законѣ 1891 г. Узаконеніе внѣбрачныхъ дѣтей послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей распространено теперь и на дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣянія. Съ другой стороны, законъ 3 іюня разрѣшаетъ усыновленіе собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей, допуская его „и въ томъ случаѣ, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется, однако, письменное согласіе законныхъ дѣтей усыновителя, если они уже достигли совершеннолѣтія, или другого ихъ родителя, если они еще несовершеннолѣтни.

Таково наиболѣе существенное содержаніе новаго закона. При всемъ громадномъ значеніи этого закона, вводящаго въ наше законодательство рядъ новыхъ и гуманныхъ принциповъ и серьезно улучшающаго положеніе многочисленной группы рожденныхъ внѣ брака дѣтей, онъ все же страдаетъ, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, нѣкоторою неполнотою и непослѣдовательностью. Достаточно обратить вниманіе на такія его особенности, какъ отсутствіе въ немъ добровольнаго признанія отцомъ внѣбрачныхъ дѣтей и наслѣдованія послѣднихъ въ отцовскомъ имуществѣ, отсутствіе равенства въ правахъ внѣбрачныхъ и законныхъ дѣтей на материнское имущество, ограниченіе иска о материнствѣ или, наконецъ, ограниченіе права на узаконеніе лицами христіанскихъ исповѣданій, чтобы убѣдиться, что работа нашего законодательства въ дѣлѣ улучшенія участи внѣбрачныхъ дѣтей и возстановленія по отношенію къ нимъ справедливости съ изданіемъ акта 3 іюня далеко не можетъ еще считаться завершенной и приведшей ко всѣмъ желательнымъ результатамъ. И однако же, при всѣхъ недостаткахъ этого акта, онъ составляетъ самое цѣнное за текущій годъ пріобрѣтеніе нашего законодательства, внося въ него дѣйствительно свѣжую струю гуманныхъ воззрѣній.

Въ заключеніе своего обзора узаконеній настоящаго года мы должны привести еще опубликованное въ „Финляндской Газетѣ“ высочайшее постановленіе отъ 6 іюня. „Утвердивъ сего числа,— говорится въ немъ, — постановленіе объ употребленіи финскаго и шведскаго языковъ въ дѣлопроизводствѣ судебныхъ и иныхъ присутственныхъ мѣстъ Финляндіи, Мы признали за благо, въ дополненіе къ высочайшему объявленію отъ 3 декабря 1866 г., издать нижеслѣдующія правила относительно изложенія на русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ исходящихъ отъ финляндскихъ правительственныхъ установленій бумагъ. § 1. Финляндскія должностныя лица, состоящія въ должностяхъ, для занятія которыхъ по дѣйствующимъ законоположеніямъ обязательно знаніе русскаго языка, а также суды и иныя присутственныя мѣста, въ составъ

которыхъ обязательно входятъ такіе служащіе, должны выдавать просителямъ и тяжущимся всякаго рода бумаги на русскомъ языкѣ, буде на семъ языкѣ изложена обращенная къ нимъ письменная или устная просьба и самимъ просителемъ или тяжущимся не заявлено ходатайство о выдачѣ ему бумаги на финскомъ или шведскомъ языкѣ. Всѣ прочія должностныя лица, суды и присутственныя мѣста къ выдаваемымъ ими просителямъ въ указанномъ случаѣ бумагамъ, составленнымъ на финскомъ или шведскомъ языкѣ, обязаны прилагать русскіе переводы, которые изготовляются и оплачиваются по правиламъ, изложеннымъ въ высочайшемъ объявленіи отъ 3 декабря 1866 г. и высочайшемъ рескриптѣ отъ 23 января 1867 г. § 2. Всѣ служебныя бумаги, документы, сообщенія и объявленія, обращаемые къ общинамъ и сельскимъ обществамъ, въ коихъ протоколы по дѣламъ общественнаго управленія ведутся на русскомъ языкѣ, излагаются на этомъ языкѣ должностными лицами, состоящими въ должностяхъ, для занятія которыхъ обязательно знаніе русскаго языка, а также судами и иными присутственными мѣстами, въ составъ которыхъ входятъ такіе служащіе. Остальныя же власти и должностныя лица снабжаютъ таковыя бумаги, документы, сообщенія и объявленія переводами на русскій языкъ въ порядкѣ, указанномъ въ предшествующемъ параграфѣ. Съ чѣмъ сообразжаться каждому, до кого сіе касаться можетъ. Гельсингфорсъ, 6 (19) іюня 1902 года".

II.

Русская журналистика потеряла въ истекшемъ мѣсяцѣ одного изъ своихъ дѣятельныхъ участниковъ. Въ концѣ іюля телеграфъ принесъ извѣстіе о послѣдовавшей въ Берлинѣ смерти бывшаго редактора-издателя журнала „Восходъ", А. Е. Ландау. Покойный много потрудился на поприщѣ журналистики. Родившись въ Вильнѣ въ 1841 г., онъ уже съ начала 60-хъ годовъ сталъ помѣщать въ нѣсколькихъ мелкихъ журналахъ статьи и замѣтки, посвященныя положенію и быту евреевъ. Позже, живя въ Петербургѣ, онъ принималъ участіе въ издававшихся В. Ѳ. Коршемъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", а съ 1871 года началъ издавать собственный ежегодный сборникъ подъ именемъ „Еврейской Библіотеки". Наконецъ, въ 1881 г. онъ приступилъ къ изданію ежемѣсячнаго журнала „Восходъ", къ которому уже съ слѣдующаго года присоединилъ и еженедѣльную „Хронику Восхода". Въ 1899 г. болѣзнь вынудила его передать изданіе „Восхода" новой редакціи и послѣ того онъ вернулся къ прерванному изданію „Еврейской Библіотеки". Девятый томъ послѣдней былъ выпущенъ имъ въ прошломъ году и въ послѣднее время онъ подготовлялъ десятый томъ ея. Смерть прервала эту работу.

Если судьба вообще не поскупилась на тернія для русскаго публициста, то на дорогѣ русско-еврейскаго публициста такихъ терній разсыпано еще больше. Немало ихъ досталось и на долю покойнаго А. Е. Ландау. Начало его сознательнаго существованія было связано съ тѣми памятными годами, когда Россія переживала эпоху своего возрожденія, и онъ горячо вѣрилъ въ силу этого возрожденія и въ то, что оно неизбѣжно повлечетъ за собою уничтоженіе вѣковыхъ обидъ еврейскаго племени и полное возстановленіе его гражданской равноправности. На богатой журнальной литературѣ, которую онъ вызвалъ къ жизни и однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ которой былъ онъ самъ, воспиталось не одно поколѣніе русскихъ евреевъ. Съ другой стороны, эта же литература дала возможность и русскому обществу лучше познакомиться съ евреями и ближе присмотрѣться къ ихъ положенію въ Россіи. То и другое, несомнѣнно, не пройдетъ въ нашей общественной жизни безслѣдно и результаты работы покойнаго журналиста еще скажутся въ будущемъ.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 22-го іюля: „на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: объявить газетѣ „Московскія Вѣдомости“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора, д. с. с. Владиміра Грингмута, за напечатаніе въ № 197 газеты передовой статьи, посвященной вопросу о реформѣ средней школы“;

и 2) 25-го іюля: „на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: объявить журналу „Хозяинъ“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Машковцева, и редактора, дворянина Александра Мертваго, за напечатаніе въ № 29 журнала статьи „На злобу дня“.

III.

За послѣднее время въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи мѣстными властями вновь изданъ рядъ обязательныхъ постановленій, клонящихся къ охранѣ порядка. Нижегородскій губернаторъ 13 іюля издалъ на основаніи ст. 15 и пп. 1 и 2 ст. 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, воспрещаются. 2) При возникновеніи уличнаго безпорядка, скопленіе сторонней

публики на мѣстѣ происшествія и вблизи его воспрещается. 3) Равнымъ образомъ воспрещаются всякія вообще невызываемыя необходимостью сборища и остановки народа въ мѣстахъ, поименованныхъ въ ст. 1. 4) Вышеупомянутыя сходбища и собранія (ст. 1), а равно и сторонняя публика (ст. 2) и не вызываемыя необходимостью сборища народа (ст. 3) обязаны по первому требованію полиціи разойтись. 5) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до 3-хъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 500 руб. 6) Настоящее обязательное постановленіе вступаетъ въ законную силу со дня его распубликованія и распространяется на нижегородскую ярмарку и на уѣзды: Нижегородскій, Балахнинскій, Горбатовскій и Семеновскій" *).

Бакинскимъ губернаторомъ, по словамъ газеты „Каспій", издано, на основаніи ст. 421, 422 и 423 общ. губ. учр., обязательное постановленіе для городовъ Кубы, Шемахи и Ленкорани и мѣстечекъ Сальяни и Геокчай, воспрещающее сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ, садахъ, каравансараяхъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщаній, противныхъ общественному порядку и спокойствію, а равно скопленіе при этомъ любопытствующей публики **). Наконецъ, иркутскій губернаторъ издалъ 19 іюля для жителей города Иркутска, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Воспрещается распространять вымышленныя или основанныя на слухахъ извѣстія, могущія возбудить тревогу въ населеніи. 2) Воспрещается собирать толпу или приглашать постороннихъ для нарушенія общественнаго порядка. 3) Въ случаѣ возникновенія какого-либо безпорядка въ публичномъ мѣстѣ каждый, по первому требованію чиновъ полиціи, обязанъ удалиться съ мѣста происшествія. 4) Воспрещается появленіе на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ. Виновные въ нарушеніи настоящаго обязательнаго постановленія будутъ подвергаться въ административномъ порядкѣ денежному взысканію до 500 руб. или аресту до 3-хъ мѣсяцевъ" ***).

Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца мы приводили извѣстіе о преданіи трехъ жителей Ростова-на-Дону военному суду по обвиненію въ убійствѣ мѣстнаго городового. Какъ сообщили послѣ того газеты ****), всѣ эти три лица были приговорены военнымъ

*) «Нижег. Листокъ», 15 іюля 1902 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 8 іюля 1902 г.

***) «СПБ. Вѣдомости», 5 авг. 1902 г.

****) «Н. Время», 10 іюля 1902 г.

судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Передъ этимъ, по словамъ „Од. Новостей“, сдѣлана была неудачная попытка освободить двухъ изъ этихъ лицъ, именно Ф. Войтченко и Гр. Иванова. Въ канцеляріи войскового наказнаго атамана было получено отъ прокурора таганрогскаго окружнаго суда отношеніе объ освобожденіи отъ ареста названныхъ лицъ. Заподозривъ подложность отношенія, атаманская канцелярія препроводила бумагу прокурору, который и призналъ ее подложной *). Въ Кіевѣ военно-окружный судъ 8 іюня разбиралъ дѣло по обвиненію несовершеннолѣтняго крестьянина Никиты Кузмина Чепегина въ покушеніи на убійство отставного генералъ-лейтенанта Вейса и, признавъ Чепегина виновнымъ, приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ на двадцать лѣтъ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ командующимъ войсками Кіевскаго округа М. И. Драгомировымъ, при чемъ, однако, послѣдній смягчилъ назначенное судомъ Чепегину наказаніе до восьми лѣтъ каторжныхъ работъ **). Въ Омскѣ, по сообщенію „Степного Края“, содержащійся въ тюремномъ замкѣ по дѣлу объ убійствѣ подслѣдственный арестантъ Поліевктъ Тютюнковъ за убійство въ омскомъ тюремномъ помѣщеніи тюремнаго надзирателя Острикова преданъ 2 іюля министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени ***).

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ газетахъ было опубликовано нѣсколько оффиціозныхъ документовъ и сообщеній. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшіе изъ нихъ.

Въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ былъ не такъ давно напечатанъ слѣдующій циркуляръ начальника Кубанской области атаманамъ отдѣловъ и полиціймейстерамъ этой области, датированный 18 іюня: „Изъ имѣющихся у меня свѣдѣній усматривается, что въ послѣднее время въ предѣлахъ Кубанской области появилось много административно-высланныхъ лицъ, которыя постоянно переходятъ изъ одного населеннаго мѣста въ другое по безпрепятственно выдаваемымъ имъ изъ управленій отдѣловъ и полицейскихъ управленій проходнымъ свидѣтельствамъ; нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ выдаются проходныя свидѣтельства, не смотря даже на то, что лица эти не имѣютъ права проживать въ предѣлахъ области. Поэтому начальникъ области считаетъ необходимымъ напомнить установленныя закономъ правила относительно административно высланныхъ

*) «Од. Нов.», 2 іюля 1902 г.
**) «Н. Время», 12 и 22 іюня 1902 г.
***) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 31 іюля 1902 г.

лицъ, которыми считаются лица, признанныя вредными для государственнаго и общественнаго спокойствія и высланныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ въ опредѣленную мѣстность Европейской или Азіатской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго пребыванія въ теченіе назначеннаго срока. Означенными правилами прошу атамановъ и полиціймейстеровъ строго руководствоваться въ отношеніи административно высланныхъ лицъ и безотлагательно сдѣлать распоряженіе о провѣркѣ проживающихъ въ области административно высланныхъ; если окажутся лица, не имѣющія права проживать въ области, то такихъ лицъ немедленно высылать этапнымъ порядкомъ въ назначенныя имъ для жительства мѣста для привлеченія къ отвѣтственности по 63 ст. уст. о нак. За дѣятельностью же и образомъ жизни тѣхъ, которыя имѣютъ право проживать въ области, учредить фактическій, а не на бумагѣ только надзоръ полиціи. Административно высланными, не имѣющими права проживать въ районѣ того или другого отдѣла или полицейскаго управленія, слѣдуетъ считать всѣхъ тѣхъ, о которыхъ не имѣется свѣдѣній, что имъ разрѣшено проживать въ районѣ отдѣла или полицейскаго учрежденія. Выдача административно высланнымъ, по первому ихъ требованію, проходныхъ свидѣтельствъ въ указываемыя ими самими мѣста является незаконной и даетъ возможность этимъ лицамъ блуждать по области и оставаться внѣ всякаго надзора, а потому такая выдача проходныхъ свидѣтельствъ должна быть прекращена" *).

Въ газетахъ опубликованъ также **) слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 22 іюня настоящаго года:

„По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ министромъ финансовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, неправильно толкуя, подъ вліяніемъ распространяемыхъ между ними слуховъ, утвержденное 3 декабря 1900 года статсъ-секретаремъ Витте, по соглашеніи съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ егермейстеромъ Сипягинымъ и министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, росписаніе предѣльнаго количества земель, которое можетъ быть пріобрѣтено при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, ходатайствуютъ о надѣленіи ихъ землею, путемъ покупки ея, при содѣйствіи названнаго банка у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, независимо отъ согласія сихъ послѣднихъ, при чемъ высказываютъ убѣжденія, что крестьяне имѣютъ преимущественное право покупки земель у помѣщиковъ и даже право требовать принудительной продажи имъ этихъ земель.

„Означенное выше росписаніе имѣетъ цѣлью установить высшій размѣръ помощи крестьянамъ со стороны крестьянскаго

*) Цитируемъ по «Н. Времени», 16 іюля 1902 г.

**) «Кіевлянинъ», 11 іюля 1902 г.

поземельнаго банка при покупкѣ земли, разумѣя при этомъ исключительно покупки, основанныя на добровольномъ соглашеніи между продавцами и покупателями земли. Поэтому усвоенное въ упомянутыхъ ходатайствахъ пониманіе этого росписанія является плодомъ очевиднаго недоразумѣнія и явнаго заблужденія.

„Такое заблужденіе, распространяемое нерѣдко лицами, которыя сами же изготовляютъ крестьянамъ неосновательныя прошенія за плату отъ $1^1/_2$ до 3 рублей съ экземпляра, не только причиняетъ ущербъ самимъ крестьянамъ, вовлекая ихъ въ напрасные расходы, но колеблетъ въ глазахъ народа незыблемость правъ земельной собственности, столь опредѣленно подтвержденныхъ съ высоты Престола въ Священные дни Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ — нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III.

„Признавая настоятельно необходимымъ теперь же принять мѣры къ предотвращенію подобныхъ нарушеній спокойнаго теченія сельской жизни, я нахожу, въ этомъ отношеніи, наиболѣе цѣлесообразнымъ возможно широкое распространеніе среди крестьянъ истиннаго значенія приведеннаго выше росписанія и вообще правильныхъ понятій объ основныхъ условіяхъ, при коихъ крестьянскій банкъ приходитъ на помощь покупателямъ земли. Поэтому прошу ваше превосходительство преподать соотвѣтственныя указанія подвѣдомственнымъ вамъ мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, предложивъ имъ разъяснять крестьянамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, на сходахъ и при личныхъ съ ними сношеніяхъ:

„1) что крестьянскій поземельный банкъ оказываетъ крестьянамъ содѣйствіе къ пріобрѣтенію въ собственность земель лишь при условіи добровольнаго согласія владѣльцевъ на продажу имъ сихъ земель и что, при отсутствіи желанія землевладѣльца продать свою землю крестьянамъ, ходатайство послѣднихъ объ оказаніи крестьянскимъ банкомъ содѣйствія къ пріобрѣтенію земли не можетъ имѣть никакого значенія;

„2) что росписаніе, утвержденное 3 декабря 1900 года министромъ финансовъ, по соглашеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ, опредѣляетъ наибольшее количество земли, которое можетъ быть пріобрѣтено крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, не иначе, какъ по взаимному соглашенію крестьянъ съ владѣльцами земли;

„и 3) что пріемъ и разсмотрѣніе заявленій и выдача банкомъ ссудъ на покупку земель составляютъ предметъ вѣдомства отдѣленій банка, куда, въ случаѣ согласія владѣльцевъ на продажу земли крестьянамъ, послѣднимъ и надлежитъ обращаться за всѣми необходимыми для осуществленія сдѣлокъ свѣдѣніями; всѣ же обращенія крестьянъ о содѣйствіи къ покупкѣ земли безъ пред-

варительнаго соглашенія съ владѣльцемъ ея оставляются отдѣленіемъ банка безъ разсмотрѣнія.

„Независимо отъ сего вашему превосходительству надлежитъ, по каждому, переданному вамъ изъ крестьянскаго банка или инымъ путемъ сдѣлавшемуся вамъ извѣстнымъ ходатайству крестьянъ о продажѣ имъ земли помимо согласія ея владѣльца, не только поручать мѣстному земскому начальнику сдѣлать немедленно должныя разъясненія крестьянамъ, но, въ видахъ обнаруженія виновныхъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ среди сельскаго населенія, принимать мѣры къ разслѣдованію дѣла черезъ посредство тѣхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ, по обстоятельствамъ каждаго дѣла, вы признаете наиболѣе цѣлесообразнымъ возложить такое порученіе.

„Придавая особую важность своевременному устраненію невѣрныхъ толкованій крестьянами своихъ отношеній къ сосѣдямъ-землевладѣльцамъ и землямъ, составляющимъ собственность послѣднихъ, прошу ваше превосходительство о каждомъ распоряженіи вашемъ въ семъ отношеніи немедленно доводить до моего свѣдѣнія.“

Въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ напечатано сообщеніе о двухъ прискорбныхъ событіяхъ, происшедшихъ недавно въ сс. Хованщинѣ и Владыкинѣ Сердобскаго уѣзда.

Въ с. Хованщинѣ одинъ крестьянинъ, въ качествѣ ходока по дѣламъ, разсказывалъ крестьянамъ, что онъ собираетъ для нихъ документы, при помощи которыхъ можно будетъ оттягать землю у сосѣдняго владѣльца и что часть этихъ документовъ уже собрана и хранится у него въ сундукѣ. „Мѣстный урядникъ,—какъ сообщаютъ „Сар. Губ. Вѣд.“,—услыхавъ о томъ, что повѣренный общества смущаетъ крестьянъ, распуская слухи о какихъ-то таинственныхъ бумагахъ и въ то же время тратитъ ихъ деньги, получая ихъ подъ предлогомъ разъѣздовъ для хлопотъ объ отобраніи земли, и желая оградить самихъ-же крестьянъ и разоблачить обманъ ихъ ходока, съ участіемъ понятыхъ арестовалъ сундукъ. Вслѣдъ за этимъ въ село пріѣхалъ становой приставъ съ цѣлью выяснить всѣ обстоятельства дѣла, но крестьяне ничего слушать не хотѣли и вели себя крайне буйно, а нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ сдѣлать нападеніе на пристава и волостного старшину и нанесли имъ тяжкіе побои. На другой же день въ село прибыли его превосходительство г. начальникъ губерніи, камергеръ Его Величества А. П. Энгельгардтъ, судебныя власти, жандармскій полковникъ и отрядъ пѣхоты, а черезъ нѣкоторое время и отрядъ казаковъ. Собравшейся на улицѣ толпѣ народа г. губернаторъ объяснилъ преступность ихъ поведенія и строгую отвѣтственность по закону для тѣхъ, кто осмѣливается оказывать неповиновеніе закону и сопротивленіе властямъ, установленнымъ Государемъ Императоромъ, и приказалъ арестовать тѣхъ, противъ кого имѣлись данныя, изобличавшія ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, что и было немедленно исполнено. Арестованные были отведены въ особое помѣщеніе и поставленъ военный караулъ. Толпа же оставалась на улицѣ и изъ среды ея раздавались голоса, что они всѣ виноваты... Тогда г. губернаторъ объяснилъ,

что кто виноватъ, это разберетъ слѣдственная власть и рѣшитъ судъ, а онъ приказываетъ всѣмъ разойтись по домамъ и являться лишь по требованію г. слѣдователя и должностныхъ лицъ, и прибавилъ, что если они не разойдутся, то онъ предупреждаетъ ихъ, что онъ прикажетъ удалить ихъ войскамъ. Многіе удалились, но часть толпы не расходилась, и г. губернаторъ приказалъ отряду казаковъ удалить оставшихся, что тотчасъ-же и было исполнено. Этимъ и закончилось происшествіе. Крестьяне, видимо, поняли свою неправоту, безпрекословно являлись на допросы и выражали сожалѣніе о случившемся. Арестованные были отправлены подъ конвоемъ въ тюрьму. Въ таинственномъ сундукѣ,—по словамъ „Сар. Губ. Вѣд.",—ничего такого, что могло бы имѣть какое-либо значеніе, конечно, не оказалось, тамъ лежали самыя обыкновенныя книги, а документы, о которыхъ болталъ повѣренный крестьянъ, находящіеся будто у него, были копіи съ бумагъ и черновыя всякихъ прошеній, имъ же подаваемыхъ въ разныя учрежденія".

Другое происшествіе имѣло мѣсто въ с. Владыкинѣ. „Къ г-жѣ Олсуфьевой явились крестьяне с. Владыкина, которые предъявили владѣлицѣ приговоръ на аренду у нея земли по указанной въ приговорѣ цѣнѣ, сказавъ, что она должна приговоръ этотъ исполнить и подписать, потому что такой законъ вышелъ. Г-жа Олсуфьева отвѣтила, что она такого закона не знаетъ, не слыхала объ немъ, но что если такой законъ есть, она его исполнитъ, потому что законъ каждый долженъ исполнять, но пусть приговоръ утвердитъ земскій начальникъ, тогда она повѣритъ, что приговоръ законный. Крестьяне отвѣтили, что они сами знаютъ и безъ земскаго начальника этотъ законъ, а потому имъ незачѣмъ ходить къ земскому начальнику, а что она должна подписать, и при этомъ грубо и дерзко угрожали владѣлицѣ имѣнія. Г-жа Олсуфьева повторила, что на одни ихъ слова она положиться не можетъ, а желаетъ сама убѣдиться въ такомъ законѣ, что если они не хотятъ идти къ земскому начальнику, то пусть сходятъ къ священнику, которому они вѣрятъ, и она ему вѣритъ, и если онъ подпишетъ на приговорѣ, что такой законъ есть, то и она подпишетъ. При этомъ г-жа Олсуфьева прибавила, что угрозъ она не боится, потому что зло сдѣлать каждый злой человѣкъ можетъ, но дѣлать зло должны бояться сами дѣлающіе его, потому что они за него отвѣтятъ и сами пострадаютъ. Крестьяне ушли. Вскорѣ въ усадьбу прибылъ г. губернаторъ съ казаками. По приказанію г. губернатора, немедленно былъ созванъ сходъ. Начальникъ губерніи вышелъ къ крестьянамъ и сказалъ имъ, что онъ знаетъ, что это не они сами выдумали про несуществующій законъ, а имъ это наболтали разные проходимцы, которые нарочно ихъ смущаютъ и подводятъ подъ бѣду, но что они не должны никого слушать, потому что всѣ законы царскіе, всѣ распоряженія правительства объявляются черезъ него, губернатора, а по его приказанію сообщаются населенію мѣстными должностными лицами, а не посторонними людьми.—И какъ вы сами до сихъ поръ не понимаете,—сказалъ г. губернаторъ,—что значатъ всѣ эти подговоры, какая ихъ цѣль? Цѣль ихъ ясна. Россія

велика, могуча и сильна, а потому у нея много завистниковъ, враговъ, которые и дѣйствуютъ черезъ разныхъ людей, чтобы посѣять смуту въ нашемъ отечествѣ, подбиваютъ васъ на разныя дурныя, преступныя дѣла. Всѣ они тайкомъ толкуютъ вамъ разный вздоръ, даютъ вамъ читать разныя книжки и листки преступнаго содержанія, гдѣ хулятъ наши русскіе порядки и законы, а вы, вмѣсто того, чтобы по долгу присяги и по чувству любви къ Царю и отечеству не допускать зла въ нашей родинѣ, слушаетесь своихъ же враговъ, враговъ Россіи. Затѣмъ г. губернаторъ объяснилъ, что населеніе должно строго соблюдать порядки и не дозволять себѣ нарушать права собственности другихъ владѣльцевъ и нарушать ихъ спокойствіе, что за это законъ подвергаетъ строгой отвѣтственности, ограждая всѣхъ отъ подобнаго нарушенія. Лица, осмѣлившіяся съ угрозами требовать подписанія незаконнаго приговора и ложно ссылаться на несуществующій законъ, были по приказанію губернатора подвергнуты наказанію. Крестьяне принесли повинную и сказали, что они никогда болѣе не позволятъ себѣ такого незаконнаго проступка и просили простить ихъ“ *).

---

31 іюля въ петербургскихъ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма изъ Харькова: „29 іюля въ саду Тиволи, во время антракта, на аллеѣ около губернаторской ложи, было произведено покушеніе на жизнь харьковскаго губернатора князя Оболенскаго. Однимъ изъ четырехъ выстрѣловъ князь контуженъ въ шею, другимъ харьковскій полиціймейстеръ Безсоновъ раненъ въ ногу на вылетъ. Преступникъ арестованъ. Личность его пока не установлена“

В. Мякотинъ.

*) Цитируемъ по „Сарат. Дневнику“, 19 іюля 1902 г.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ И. А. Новикова изъ Кіева	1 р.	— к.
„ М. К. Цебриковой изъ Смоленска	10 „	— „
„ Горн. инж. Соколова, ст. Судженка, Сибир. ж. д.	10 „	— „
„ Я. Т. Дуновича изъ Лодзи	5 „	25 „
„ „Сутковцевъ“, ст. Лоевъ, Мин. губ.	5 „	— „
„ П. М. Катаева и В. Н. Чудинова изъ м. Березники	2 „	— „
„ женщины-врача Д. И. Аптекманъ	10 „	— „
„ „А. С.“ изъ Берна	10 „	— „
Итого	53 р.	25 к.

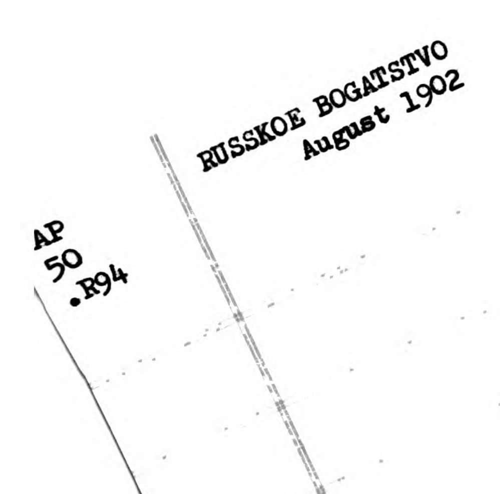
А всего съ прежде поступившими 571 р. 75 к.

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 24 августа 1902 г. Типографія **Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. 3.**

4

UNIVERSITY OF CHICAGO
16 264 394

RUSSKOE BOGATSTVO
August 1902
AP
50
.R94

U of Chicago
16264394